

УЧИТЕЛЮ

КНИГА
ДЛЯ
УЧИТЕЛЯ

ИСТОРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИЙ
И СОПРОТИВЛЕНИЯ
НЕСВОБОДЕ
В СССР

ИСТОРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИЙ
И
СОПРОТИВЛЕНИЯ
НЕСВОБОДЕ
В СССР

КНИГА ДЛЯ

МУЗЕЙ
И ОБЩЕСТ-
ВЕННЫЙ
ЦЕНТР
ИМ. АНДРЕЯ
САХАРОВА

Музей и общественный центр имени Андрея Сахарова

КНИГА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

ИСТОРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИЙ
И СОПРОТИВЛЕНИЯ
НЕСВОБОДЕ
В СССР

Издательство
объединения "Мосгорархив"
Москва 2002

Издание подготовлено и осуществлено при поддержке
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (США),
Фонда Андрея Сахарова (США)
и Института "Открытое общество.
Фонд содействия" (Фонда Сороса)

Научный редактор
В.В. Шелохаев
доктор исторических наук, профессор

В оформлении использованы изобразительные материалы,
предоставленные Музеем и общественным центром
"Мир, прогресс, права человека"
имени Андрея Сахарова из своего собрания

**К 53 Книга для учителя. История политических репрессий и
сопротивления несвободе в СССР.** – М.: Издательство объе-
динения "Мосгорархив", 2002. – 504 с.

ISBN 5-7228-0107-0

Книга, написанная известными российскими историками, содержит комплексный анализ форм, методов и причин репрессивной политики советского режима. Раскрыты формы и масштабы противостояния и сопротивления этой политике различных социальных групп, общественных образований и отдельных лиц. В самостоятельные разделы выделены подборки документов, а также методические рекомендации и дидактические материалы для подготовки учебных курсов.

Книга адресована преподавателям и учащимся средних и высших учебных заведений, а также широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей.

ББК 63.3(2)6-4я7

Предисловие

С августа 1991 г. в России начался отсчет новой исторической эпохи – граждане нашей страны обрели возможность жить в условиях политической свободы.

Авторам и читателям этой книги выпала судьба участвовать в историко-культурных процессах возникновения и формирования российского демократического государства, российского демократического общества и, в конечном счете, нового для России демократического типа цивилизации.

Громадные и глубокие преобразования последних 10–15 лет превратили современную Россию в антипод СССР и Российской империи. Тем не менее российское общество и власть до сих пор не находят в себе сил окончательно отстраниться от тоталитарных и авторитарных государств, веками существовавших на территории нашей страны, – от Ивана Грозного и Петра I до Николая II, Иосифа Сталина и Леонида Брежнева. Патриотическое воспитание, столь актуальное сегодня, невозможно строить на некритическом восхвалении тысячелетней истории российской государственности.

Моральному и правовому неприятию и осуждению политических институтов и репрессивных органов царской России и советского государства, которые уничтожили, подвергли репрессиям и исковеркали жизнь десяткам миллионов людей, препятствует стремление идентифицировать демократическое российское государство как наследника "государственного величия" своих предшественников. Стремление это получило недвусмысленное символическое выражение – в качестве Герба и Гимна демократической России почти в неизменном виде утверждены царский Герб и слова и музыка советского Гимна.

Снисходительное отношение к нарушениям государством политических прав и свобод человека в прошлом является предпосылкой для некритического, терпимого подхода к таким же действиям власти в настоящем – достаточно

вспомнить вооруженное столкновение в Москве в 1993 г. или продолжающуюся с 1994 г. войну в Чечне. Если мы хотим, чтобы российское общество умело и хотело защищать и ценить условия политической свободы и обеспечивающие их правовые и демократические институты, важно, чтобы еще на школьной скамье молодежь получала ясный ответ на вопрос, что представлял собой Советский Союз, советское общество и государство с точки зрения уважения и обеспечения прав и свобод человека и интересов личности – политических, правовых, культурных, интеллектуальных, религиозных, экономических, эстетических, национальных.

Проведенный членами авторского коллектива – Г. Клоковой и И. Розенталем – анализ содержания российских школьных учебников истории, изданных в 1991–2001 гг., показал, что проблема противостояния личности, общества и власти, как и история политических репрессий в СССР, освещаются фрагментарно, а нередко и подчеркнуто безоценочно.

Учитывая все вышесказанное, Музей и общественный центр имени Андрея Сахарова поставил своей задачей подготовить и издать настоящую "Книгу для учителя". Ее главное назначение – помочь школьным учителям и преподавателям вузов создать и провести факультативный курс в соответствии с насущными требованиями общественной жизни и современными достижениями исторической науки.

Книга написана авторским коллективом, в составе которого известные исследователи, сотрудники Российской Академии наук, других научных учреждений, историко-просветительского и правозащитного общества "Мемориал". В книге дан комплексный анализ форм, методов и причин репрессивной государственной политики, проводившейся советским режимом в отношении целых социальных слоев, групп, отдельных индивидуумов, приведены многочисленные примеры покушения власти на естественные и неотъемлемые права личности, на индивидуальную творческую и хозяйственную деятельность, на общественную и политическую самостоятельность и самодеятельность. В ней раскрыты формы и масштабы

противостояния и сопротивления этой политике различных социальных групп, общественных образований и отдельных лиц, описаны некоторые "узлы" авторитарного и тоталитарного образа мышления и стереотипов поведения россиян, которые стали формироваться задолго до победы большевизма и наложили свой отпечаток на новую власть.

Книга состоит из трех частей. В семи главах первой части в хронологической последовательности освещаются различные аспекты противостояния власти и общества в СССР.

Эта, исследовательская, часть основана на многочисленных, в том числе архивных, источниках. Авторские тематические подборки документов и материалов к этим главам составляют вторую часть книги. Они имеют самостоятельное научное и познавательное значение. Многие из этих документов публикуются впервые, другие перепечатаны из редких и труднодоступных изданий. Третья часть книги содержит дидактические материалы и методические рекомендации для подготовки факультативного курса или отдельных уроков по темам каждой из глав. Комплекс методических вопросов и заданий ориентирован на то, чтобы способствовать усвоению изучаемых тем, совершенствовать навыки работы школьников и студентов с источниками, расширять их кругозор и, что особенно важно, развивать морально-этические начала личности. Здесь же публикуются материалы и документы, специально подобранные специалистом по методике преподавания истории в школе. Книга снабжена именным указателем.

Задача учителя состоит в том, чтобы адаптировать материалы настоящего издания к содержанию и возможностям школьного или институтского факультативного курса. Прилагаемый к книге CD-ROM, на котором помещены ее вторая и третья части, позволит оперативно составить и распечатать необходимые преподавателю документы и дидактические материалы.

Рассмотренные и содержащиеся в данной книге вопросы, темы и дидактические материалы были апробированы авторским коллективом в цикле лекций в рамках семинара

"Власть и общество. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР". Этот цикл был прочитан учителям в 2000/01 и в 2001/02 учебных годах в Музее и общественном центре имени Андрея Сахарова.

Нам представляется, что значение предлагаемой книги не сводится к помощи учителям школ и преподавателям вузов. Содержащиеся в ней авторские наблюдения и выводы, тематические подборки документов и материалов имеют самостоятельную научную и познавательную ценность. В этом отношении книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей.

Подготовка и издание "Книги для учителя. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР" осуществлены по инициативе и с помощью сотрудников Музея и общественного центра "Мир, прогресс, права человека" имени Андрея Сахарова на средства, полученные от Фонда Макартуров (США), Фонда Андрея Сахарова (США) и Фонда Сороса (Института "Открытое общество", Россия). Координатором проекта с самого начала выступила заведующая библиотекой Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова И.А. Щекотова.

Ю. Самодуров,
*директор Музея и общественного
центра имени Андрея Сахарова*

В. Шелохаев,
доктор исторических наук, профессор

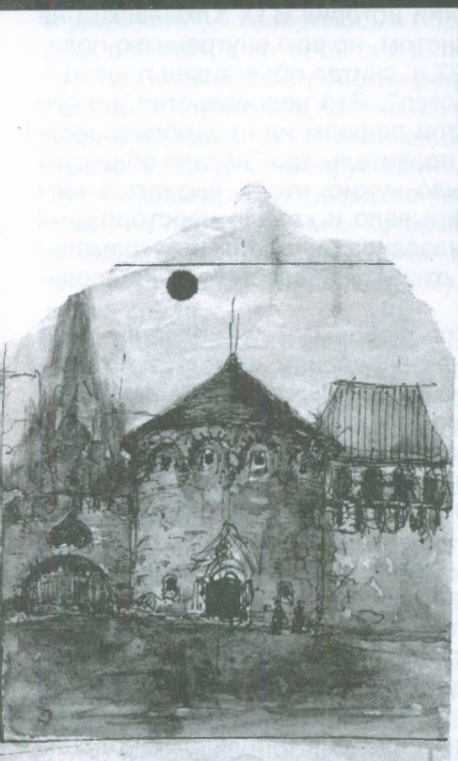
Часть I

- Глава первая. Противостояние власти и общества в конце XIX – начале XX века
- Глава вторая. Законодательная база советской репрессивной политики
- Глава третья. Становление тоталитарного государства. 1917-й – конец 1920-х гг.
- Глава четвертая. Государственный террор в 1930-е гг.
- Глава пятая. Лихолетье войны и закат сталинизма. 1939–1956
- Глава шестая. Жизнь и борьба за колючей проволокой
- Глава седьмая. Диссидентская активность и правозащитное движение в послесталинскую эпоху
- Образ врага и сопротивление несвободе. Вместо послесловия

Глава первая

ПРОТИВОСТОЯНИЕ
ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА
В КОНЦЕ XIX —
НАЧАЛЕ XX ВЕКА

теснога мисли
не дојдет. И
немајте што ја
спина со бу
авија и појде
до мисли,
славајте мисли

Власть и общество. Отмена в 1861 г. крепостного права и последовавшие за ней либеральные реформы открыли новую эпоху в истории России. Но ускоренная социально-экономическая модернизация сопровождалась нарастающим противостоянием власти и общества, сменившим кратковременный период сотрудничества бюрократии, проводившей реформы, с общественностью. Это противостояние современники объясняли по-разному, в соответствии со своими представлениями о прошлом, настоящем и будущем России. В радикальных кругах преобладало убеждение в том, что причина – в безразличии царей-самодержцев и их окружения к нуждам народа, а также в усилении репрессивного элемента во внутренней политике правительства. Естественным ответом на насилие со стороны власти революционерам представлялся экстремизм. Возможность компромисса с правительством, необходимость постепенности преобразований и сохранения преемственности в развитии государства они отрицали.

Но и сторонники эволюционного пути развития России ответственность за усиление конфронтации возлагали прежде всего на правящие круги. Выдающийся русский историк В.О. Ключевский не был ни революционером, ни социалистом, но всю внутреннюю политику русских царей на протяжении XIX в. считал объективно провоцировавшей "общественное недовольство". Это недовольство, по его мнению, "поддерживалось неполнотой реформ или недобросовестным, притворным их исполнением": правительство "давало обществу ровно столько свободы, сколько было нужно, чтобы вызвать в нем первые ее проявления, и потом накрывало и карало неосторожных простаков"; "прежде так или этак вылавливали подпольных крамольников, теперь и так и этак загоняли открытую оппозицию в подпольную крамолу"¹.

Недостаточность проводившихся реформ, их замедленность и непоследовательность, предпочтение репрессиям – все это, по мнению представителей либеральной мысли разных оттенков, провоцировало рост революционного движения и порождало сочувствие ему в обществе. При этом под обществом подразумевалась малочисленная тогда, хотя и растущая, просвещенная часть населения – "общественность", "образованное меньшинство" или еще более узкий слой – интеллигенция.

Верховная власть, ее представители и сторонники, напротив, видели источник "крамолы" и "смуты" как раз в этом образованном меньшинстве, резко противопоставляя его народу. На пороге первой революции Николай II утверждал, что "перемен хотят только интеллигенты, а народ этого не хочет". Подобное убеждение сохранялось в царской семье и позднее. "Одни – гнилое, слабое, безнравственное общество, другие – здоровые, благомыслящие, преданные подданные, – их-то и надо слушать, их голос – голос России, а вовсе не голос общества или Думы", – писала императрица мужу накануне Февральской революции². Отказываясь от компромиссов с "гнилым обществом", консерваторы считали, что прочность и величие Российского государства по-прежнему обеспечивают традиционные цен-

ности, что присущее народу, и в первую очередь крестьянству, восприятие царя как сакральной личности, воплощающей в себе правду и справедливость, скрепляет Россию в единое целое. Но они преувеличивали устойчивость этого фактора и недооценивали последствия пореформенных модернизационных процессов (см. док. № 10, 11, 12). Не учитывались в должной мере социальные ожидания старых и новых групп населения, падение авторитета церкви, потенциал бунтарства и разрушения в массовом сознании, особенно в маргинальных слоях. Как верно заметил П.Б. Струве, учение социалистов о классовой борьбе находило в России подходящую почву – то чувство ненависти и возмездия, которое старый порядок взрастил и в крестьянине, и в рабочем, и в интеллигенте, и в "инородце"³.

"В России две напасти: внизу – власть тьмы, а наверху – тьма власти". Этот популярный афоризм журналиста В.А. Гиляровского отразил два явления: громадный культурный разрыв между интеллигенцией и народом и определенную общность между ними на уровне умонастроений. Монархизм основной массы населения совмещался с недоверием и даже враждебным отношением к носителям власти, зависимость от которых оно ощущало каждодневно (см. док. № 1). "Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение", – говорилось в обращенной к царю петиции петербургских рабочих, с которой они шли к Зимнему дворцу 9 января 1905 г.

Со времени петровских реформ количество чиновников росло в России быстрее, чем население империи в целом, и это воспринималось и народом, и интеллигенцией как абсолютное зло, безотносительно к тому, какие функции выполняла бюрократия. Отталкивающие образы до- и пореформенных чиновников были созданы писателями, на произведениях которых воспитывалось не одно поколение интеллигенции. Поэтому всякая попытка оправдать бюрократическую систему грозила образованному человеку моральным остракизмом в своей среде.

В конце 1880-х гг. журнал "Вестник Европы" подверг уничтожающей критике псевдонаучный труд профессора психологии М.И. Владиславлева, в котором тот доказывал, что чувства, испытываемые к тому или иному лицу, всецело зависят от его положения в чиновной иерархии и от размера жалованья: директор департамента должен питать к министру "уважение, граничащее с удивлением", младший делопроизводитель к директору – "удивление с высокими степенями уважения", а к министру – "чувство, близкое к грандиозности". Отношение же директора к младшему делопроизводителю должно быть "родственно презрению". "Хохот перекатывался по всему Петербургу, – вспоминал В.В. Вересаев, в то время студент Петербургского университета. – Студенты справлялись друг у друга, сколько кто получает в месяц денег, и определяли, к кому кто должен питать презрение, к кому уважение и восхищение"⁴.

Неприятно в обществе вызывал прежде всего репрессивно-карательный аппарат самодержавия. Для радикальной же части интеллигенции государство в целом было "машиной подавления", и только. Антигосударственная, анархическая, по существу, идеология была созвучна стихийным антибюрократическим настроениям. Но парадокс ситуации состоял в том, что эти настроения получали оправдание и в

идеологии убежденных приверженцев самодержавия, рассматривавших бюрократию как вредное "средостение" между царем и народом. Консерваторы ориентировались на допетровскую Русь как на мифологический образец прямого общения между ними. Им казалось, что всевозможные торжества с участием самодержца способны укрепить "единение царя и народа". Но, отвергая власть бюрократии, они невольно смыкались с противоположным, леворадикальным флангом общественности. Не случайно крестьяне и рабочие составили в 1905–1907 гг. основную массу сторонников как социалистических, так и правомонархических (черносотенных) партий.

Авторы сборника "Вехи", после первой революции критически пересмотревшие идейный багаж демократической интеллигенции, ставили ей в вину "отщепенство" от государства и правовой нигилизм. Однако оба эти качества присутствовали в сознании и поведении не только интеллигенции, но и социальных низов. Что же касается самой власти, то, размышляя над причинами крушения старой России, либерал В.А. Маклаков позднее справедливо замечал: "Наша жизнь своим прошлым не только не внушила уважение к праву, но даже не дала понятия о том, что такое право... Как самодержавие в своих целях считало себя вправе топтать и право, и закон, так этими же воспоминаниями была запечатлена революция"⁵.

Эволюция государственного строя. От модернизационных процессов неотделимо формирование структур гражданского общества – институтов, относительно не зависимых от государства и возникающих на основе осознания групповых интересов. По мере самоорганизации граждан государственное присутствие в различных сферах жизнедеятельности общества сокращается. Для России конца XIX – начала XX в. необходимым условием реализации общественных инициатив было продвижение от самодержавия к конституционализму и правовому государству.

Реформы 1860–1870-х гг., хотя и перевели страну в качественно новое состояние, сохранили сословное деление, национальное и конфессиональное неравноправие и совсем не затронули государственное устройство России. Проект так называемой "конституции" М.Т. Лорис-Меликова (1880) предусматривал всего лишь участие представителей некоторых земств и городских управ в обсуждении финансовых и административных вопросов, но и он был отвергнут после убийства Александра II. Александр III и Николай II (в первое десятилетие своего царствования) упорно отстаивали неприкосновенность самодержавия.

К концу XIX в. даже часть правящей верхушки и привилегированных слоев общества начала осознавать, что дальнейшая консервация "исторической власти" в неизменном виде невозможна. Это проявилось в реакции на программную речь Николая II, произнесенную им вскоре после восшествия на престол, 17 января 1895 г. Скромные "представительские" пожелания нескольких земств он назвал "бесмысленными мечтаниями" (эти слова, по свидетельству слушателей, он "выкрикнул"). Речь разочаровала и своим содержанием, и тоном. Один из руководителей Министерства иностранных дел, В.Н. Ламздорф, отметил в дневнике: "В городе начинают сильно критиковать позавчерашнюю речь государя; она произвела самое печальное впе-

чатление... В провинции эта злополучная речь-нахлобучка, видимо, находит самый гибельный отклик"⁶. Об "удручающем" впечатлении от речи говорили и другие современники, "злой выходкой" назвал ее известный юрист А.Ф. Кони. Слова о "бесмысленных мечтаниях" положили начало формированию отрицательного образа российского самодержца в общественном сознании, что, в свою очередь, лишь ускорило сплочение либеральной оппозиции.

Наряду с либеральным "Союзом освобождения" самодержавию противостояли оформившиеся в начале 1900-х гг. радикально-социалистические партии. Новыми факторами расшатывания режима (и новыми объектами репрессий) становятся массовые выступления: студенческие волнения, стачки и демонстрации рабочих, борьба крестьян против помещиков, а с 1905 г. – солдатские и матросские бунты. Между тем подписанный Николаем II 12 декабря 1904 г., в обстановке острого внутривластного кризиса и на фоне поражений в войне с Японией, указ, обещавший, наконец, приступить к осуществлению давно назревших реформ, снова утверждал, что идея представительства чужда русскому народу.

Только революционные события 1905 г. вынудили Николая II отступить от принципа незыблемости самодержавия. Обновление государственного строя было зафиксировано в Манифесте 17 октября и в новой редакции Основных государственных законов, опубликованной 24 апреля 1906 г., накануне открытия I Государственной думы. О правовом государстве как цели реформ заговорили не только либеральные критики самодержавия, но и государственные деятели, например С.Ю. Витте и П.А. Столыпин.

Уже тогда это обновление оценивалось неоднозначно (разномыслие сохраняется и в оценках историков и по сей день: "мнимый конституционализм"? "правовое государство"? "думская монархия"? и т.д.). Современники расходились в том, появились ли на деле в России конституция и парламент, можно ли отныне считать монархию конституционной, каков запас прочности обновленной системы власти. Оставалась под вопросом и необратимость перемен: ясности на этот счет не было в высказываниях даже высших должностных лиц государства. Сам Николай II, например, сожалел о сделанной в 1905 г. уступке и допускал возможность превращения Государственной думы в законосовещательный орган.

Либералам внушало оптимизм исключение в тексте Основных законов из определения власти монарха эпитета "неограниченная", а также содержание 7-й статьи Основных законов, согласно которой законодательную власть император осуществлял теперь "в единении" с Государственным Советом и Государственной думой. В свете этих положений указание на "верховную самодержавную власть" императора можно было рассматривать всего лишь как дань традиции, закрыв глаза на тот факт, что не только на словах, но и на деле эта власть по-прежнему оставалась огромной.

Но действительность все более разочаровывала и оптимистов. Так, тот же Маклаков сначала увидел в Манифесте 17 октября "величайший акт нашей новой русской истории" и разрыв с прежней политикой противопоставления правительства и страны, когда считалось, что "сила правительства может быть основана на слабости общества". Однако впоследствии он был вынужден констатировать, что

возвещенные Манифестом "начала" исчезают за пределами Таврического дворца, а местная власть все больше "распоясывается и разнуздывается"⁷. В этом случае и Маклаков, и те из его современников, кто прямо заявлял, что "никакой конституции у нас нет", имели в виду не столько формально-юридическую сторону дела, сколько реальный объем прав и свобод граждан и уровень соблюдения всеми сторонами законности. Все это зависело, во-первых, от степени конкретизации обещаний Манифеста 17 октября в новых законах и, во-вторых, от методов управления бюрократии, особенно местных властей, с которыми непосредственно соприкасалось население.

Между тем и после издания Манифеста в повседневной практике управления огромное место по-прежнему занимали не законы, а указы, временные правила, циркуляры и другие неконституционные акты. "Конституция" не покончила со всевластием полиции и произволом, не устранила коренные причины массовых выступлений в формах, не признанных законом, и возможность их подавления силой вплоть до применения оружия. Недаром расстрел участников экономической забастовки на Ленских золотых приисках в 1912 г. сразу же вызвал в памяти современников трагедию 9 января 1905 г. и имел те же последствия – возмущение по всей России, стачки и демонстрации протеста.

Обращаясь к депутатам I Государственной думы, Николай II заявил, что кроме свободы необходим "основанный на праве порядок". Но устойчивое и удовлетворительное сочетание того и другого так и не было найдено. Общество прежде всего не устраивало положение с "дарованными" сверху свободами совести, слова, собраний, союзов, с "действительной неприкосновенностью личности" (см. док. № 7).

Печать и общественное мнение. После Манифеста 17 октября печать была поставлена в рамки новых временных правил. 24 ноября 1905 г. правительство отменило предварительную цензуру для периодической печати, а 26 апреля 1906 г. – и для всех других видов изданий. Устанавливался "явочный", т. е. уведомительный порядок открытия новых изданий взамен прежнего, разрешительного. Расширение пределов дозволенного для печати вместе с публичностью заседаний Государственной думы и правом депутатов вносить запросы министрам способствовало повышению роли общественного мнения – необходимого в правовом государстве посредника между властью и обществом. Уже в 1908 г. в стране издавалось 2028 периодических изданий, в том числе 794 газеты, а в 1913 г. – соответственно 2915 и 1158. Тираж самой популярной в России газеты "Русское слово" достиг полумиллиона экземпляров.

До 1905 г. правительство было еще в силах помешать оппозиционным выступлениям легальной печати. Так в 1890 г. случилось с письмом видных деятелей русской культуры, протестовавших против разнузданной травли евреев (инициатива выступления принадлежала философу В.С. Соловьеву и была поддержана Л.Н. Толстым, В.Г. Короленко, А.Н. Веселовским, С.А. Муромцевым и др.). После 1905 г. замолчать подобные выступления стало уже невозможно. Примечательна ситуация, сложившаяся вокруг "дела Бейлиса" (1913), когда, по словам современника, "обыватель, развертывая газету, искал глазами прежде всего известий" об этом "деле". Отвечая на общественную заинтересованность, печать продолжала широко ком-

ментировать его, даже несмотря на то что 29 газет за это было оштрафовано, а две закрыты правительством (см. док. № 8). Привлекали читателей материалы и других громких судебных процессов, в том числе выступления на них популярных адвокатов – Н.П. Карабчевского, В.А. Маклакова, А.Ф. Керенского. В открытой продаже появилось огромное количество книг, ранее издававшихся только за границей и потому не доступных широкому читателю, например книга американского журналиста Джорджа Кеннана "Сибирь и ссылка", основанная на наблюдениях и общении со ссыльными во время поездки автора по Сибири в 1885–1886 гг.

С введением Временных правил преследования печати усилились: если в 1900–1905 гг. периодические издания подвергались штрафам и иным наказаниям всего 82 раза, то в 1906–1910 гг. – уже 4386 раз. Правда, наказания устанавливались теперь уже после выхода номера газеты в свет, так что можно было успеть распространить, по крайней мере, часть тиража. Успешнее всего к новой системе приспособились материально обеспеченные "прогрессивные", т. е. либеральные и высокотиражные издания, нанимавшие в качестве редакторов подставных лиц, готовых за вознаграждение на вероятный арест.

Правительство, включая и самого премьер-министра П.А. Столыпина, хотя и недовольное Временными правилами, не торопилось с разработкой закона о печати, предпочитая постоянному закону временное губернаторское "усмотрение". В результате соответствующий правительственный законопроект был внесен в Государственную думу только осенью 1913 г. Он предусматривал ряд формальных ограничений на издательскую деятельность и серьезные санкции в отношении оппозиционной печати: повышались размеры штрафов, от редакторов требовалось иметь среднее образование, "обязательные" экземпляры нужно было представлять за три-четыре часа до рассылки тиража, отвечать за публикацию наряду с авторами и издателями должны были также владельцы типографий и продавцы и т.д.

Будучи опубликованным, этот законопроект вызвал попытки организовать всероссийскую кампанию в защиту свободы печати, включая скоординированные выступления либеральных и демократических газет. Отвести нависшую угрозу, говорилось в резолюции, принятой Всероссийским литературным обществом, можно лишь "усилиями самих граждан и воздействием общественного мнения всей страны на Государственную думу". Даже консервативный журналист М.О. Меньшиков не нашел в законопроекте ни "государственной серьезности", ни здравого смысла. "От него, – писал он, – дышит... ужасной прямолинейностью тех некультурных полицейских сфер, которые только одно и знают: "тащить и не пущать". Подпочвой подобной чиновничьей психологии является глубокое неуважение к нации и чувство органического разобщения власти и народа"⁸. В итоге правительственный законопроект так и не стал законом.

Партии, общества, собрания. Провозглашение свободы союзов означало, что гражданам России предоставлялось формальное право на создание всякого рода объединений, в том числе политических партий, и их легальную деятельность. На деле же официальной легализации удалось добиться только правомонархическим

(черносотенным) партиям и праволиберальному "Союзу 17 октября". Кадеты неоднократно пытались получить легальный статус, но безуспешно. Революционные партии о легализации и не помышляли, но, используя новые возможности, издавали формально независимые газеты и журналы и выдвигали своих кандидатов на выборах в Государственную думу. В Думе создавались партийные фракции, также формально не связанные с партийным руководством.

Правда, переговоры о вхождении в правительство общественных деятелей можно было расценить как фактическое признание властью оппозиции. Эти переговоры с представителями либеральных партий в 1905–1906 гг. последовательно вели С.Ю. Витте, Д.Ф. Трепов и П.А. Столыпин. Если бы они увенчались успехом и в правительство были допущены деятели, не принадлежавшие к бюрократической касте, это способствовало бы успеху реформ в социальной сфере, экономике, просвещении и т.д. Более того, это стабилизировало бы ситуацию в стране и укрепило государство, продемонстрировав способность правящих кругов сотрудничать с обществом даже в экстремальной обстановке. Однако переговоры ни к чему не привели, обе стороны проявили неуступчивость. Требования оппозиции правительство сочло чрезмерными и далеко выходящими за пределы обещанного Манифестом 17 октября. В свою очередь, либеральные лидеры имели основания думать, что обращение к ним в сложный для самодержавия момент – всего лишь вынужденный маневр правительства. В результате вплоть до февраля 1917 г. российская бюрократия продолжала властвовать монопольно.

Все эти годы сохранялось и традиционное недоверие правящих кругов к инициативе снизу, определившее политику искусственного сдерживания общественной самодеятельности (см. док. № 9). Легальные организации некоторых профессиональных групп интеллигенции (врачей, учителей, земских служащих, литераторов, ученых, театральных деятелей) не раз закрывались единственно потому, что их состав признавался полицией неблагонадежным. Еще в 1890-х гг. начались гонения на существовавшее с екатерининских времен Вольное экономическое общество: был закрыт действовавший при Обществе Комитет помощи голодающим, запрещены некоторые его издания и публичные заседания. Деятельность Общества была приостановлена, а в 1915 г. окончательно запрещена. Юридическое общество при Московском университете власти закрыли за написанный С.А. Муромцевым адрес, оглашенный на торжественном заседании по случаю 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина. В нем говорилось, что, "празднуя ныне память поэта, мы торжествуем вместе с тем победу, одержанную русской личностью над рутинной жизни и властной опекой".

В итоге прорыв общественных организаций к свободе не привел к такому их распространению, чтобы удовлетворить гражданские потребности всех слоев населения. Беспартийная социалистка Е.Д. Кускова в 1912 г. писала, что у обыкновенных, средних людей, составлявших большинство российских граждан, все еще не было почти никакой сплоченности, отсутствовали формы жизни, требовавшие выражения коллективного мнения и совместного действия. Нелегальные организации, писала Кускова, на них не рассчитывают, и главное приобретение 1905 г. – это то, что пробудилось стремление к со-

зданию легальных организаций – профсоюзов, кооперативов, культурно-просветительных обществ и других⁹. Справедливость наблюдений журналистки доказывает соотношение видов действовавших общественных объединений. Так, число благотворительных организаций (их учреждение не встречало препятствий, и в 1905 г. их насчитывалось 4500) втрое превышало количество всех других обществ, вместе взятых. В предвоенные годы научных обществ, объединявших элиту интеллигенции, было втрое больше, чем организаций учителей, а количество обществ предпринимателей превышало число рабочих профсоюзов.

"Временные правила об обществах и союзах", утвержденные 4 марта 1906 г., узаконили право рабочих и служащих объединяться в профсоюзы (многие из них образовались еще раньше, в 1905 г., без регистрации). Но профсоюзам запрещалось руководить стачками, хотя участие в них с декабря 1905 г. перестало квалифицироваться как уголовное преступление. Из проекта "Временных правил" были вычеркнуты слова о защите экономических интересов членов профсоюзов, чтобы, как разъяснил Государственный Совет, "не натолкнуть рабочих на мысль, что борьба с предпринимателями составляет главную задачу обществ". Кроме того, профсоюзы не имели права объединяться или координировать свои действия в масштабах страны, региона и даже города. Предприниматели же получили право создавать собственные отраслевые и территориальные союзы.

В первой половине 1907 г. в России насчитывалось свыше 1100 профсоюзов, объединявших примерно 5% рабочих промышленности, транспорта и строительства (без организаций служащих). Но к 1914 г. их количество и численность сократились в шесть-семь раз – прежде всего из-за преследований правительства и враждебного отношения предпринимателей, которые не желали признавать за профсоюзами право представлять интересы рабочих. С 1906 по 1910 г. власти закрыли 497 профсоюзов и 604 отказали в регистрации. Вообще лишились права на создание профессиональных объединений железнодорожники и почтово-телеграфные служащие, в 1905 г. имевшие сильные всероссийские союзы. Впоследствии "Временные правила" 1906 г. предполагалось заменить законом, который закрывал бы доступ в профсоюзы рабочим моложе 17 лет, безработным и проработавшим на одном предприятии менее года; за профсоюзами планировалось установить еще более жесткий административный надзор. Оправдывая репрессии против профсоюзов, правый депутат III Государственной думы Г.Г. Замысловский восклицал: "Профессиональные союзы в качестве союзов беспартийных, стремящихся улучшить быт рабочих, чуждые политике – явление весьма положительное, явление, которое надо приветствовать... Но где вы возьмете такие союзы в России, господа либералы? Ведь наши союзы идут за социал-демократами"¹⁰.

Доля правды в словах Замысловского была: в рабочих организациях действительно преобладало влияние революционных партий, однако политизированность этих организаций была в значительной мере следствием их малочисленности, слабости и непрочности. В России не сложились профсоюзы, способные стабилизировать отношения рабочих с предпринимателями на началах социального партнерства. До Февральской революции было заключено – и то лишь на

короткий срок – не более трех десятков коллективных договоров. Экономические стачки чаще всего проходили помимо профсоюзов. Точно так же широкое распространение политических стачек, и в частности стачек протеста, объяснялось не столько агитацией нелегальных партий, сколько официальным запретом на какие-либо манифестации и митинги. Даже официально разрешенные собрания проходили в присутствии чинов полиции, то и дело прерывавших ораторов и закрывавших заседания.

"Инородцы" и "иноверцы". В политике царизма в национальной и религиозной сферах позитивные сдвиги были еще менее заметны, а результаты оказались противоположны поставленным целям. Вместо укрепления государственного единства на деле правительственная политика способствовала развитию центробежных тенденций, широкому вовлечению "инородцев" в революционное движение и росту количества эмигрантов, число которых за 15 лет, с 1897 по 1912 г., составило 1120 тыс. человек.

Провозгласив в 1905 г. свободу совести, правительство обязалось прекратить преследования за религиозные убеждения. До этого политика борьбы с "иноверчеством", связанная с ограничениями в правах и насильственной русификацией, неукоснительно проводилась и при Александре III, и при Николае II. Зимой 1891 г. из Москвы были выселены все еврей-ремесленники, включая и тех, кто прожил здесь по 20–40 лет. Молельные дома для оставшихся евреев, в том числе солдат, закрывались, аналогичного рода собрания на частных квартирах приравнивались к "незаконным сборищам" (см. док. № 2). В 1895 г. гонения обрушились на секту духоборов. Только благодаря усилиям Л.Н. Толстого и его последователей (писатель пожертвовал в пользу "сектантов" гонорар за роман "Воскресение") 7,5 тыс. духоборов получили возможность переселиться в Канаду. Указ от 12 июня 1903 г. о конфискации имущества армянской церкви имел следствием массовые протесты и столкновения с полицией.

Первой уступкой явилось освобождение в январе 1905 г. арестованных за "религиозные заблуждения", в том числе узников монастырских тюрем (один из них к этому времени провел в Соловецкой тюрьме 33 года). Указ о веротерпимости, изданный 17 апреля 1905 г., несмотря на противодействие иерархов православной церкви, разрешал православным переходить в иные христианские исповедания, а насильственно крещенным возвращаться в свою веру. После этого свыше 170 тыс. украинцев-униатов вернулось в греко-католичество, 36 тыс. татар и башкир – в ислам, 10 тыс. россиян перешло в протестантство, участились также переходы в старообрядчество и сектантство. Указом 17 октября 1906 г. были легализованы старообрядческие общины. Однако непредвиденно широкие масштабы "отпадения от православия" заставили правительство направить на места "разъяснительные" циркуляры, во многом сводившие нововведения на нет. Закон о свободе совести оказался положен в долгий ящик.

В то же время национальные права "инородцев" не были расширены, а некоторые из них должны были лишиться и того, что имели. Прежде других это почувствовало население Финляндии, со времени присоединения к России управлявшейся на основе признанной верховной властью конституции. В 1899–1904 гг. ее фактически и с одобре-

ния Николая II упразднил генерал-губернатор Н.И. Бобриков. Финны ответили сбором подписей под петицией царю (удалось собрать полмиллиона подписей), бойкотом закона о воинской повинности, массовыми демонстрациями, сопровождавшимися схватками с полицией и казаками, требованиями вернуть административно высланных из Финляндии. В июне 1904 г. Бобриков был смертельно ранен финским националистом. Правительство отступило, но в 1910 г., опираясь на правых и октябристов, провело через III Государственную думу и Государственный Совет закон, дававший право осуществить то, что не удалось Бобрикову, – покончить с автономией Финляндии.

Продолжало действовать и антиеврейское законодательство. Более того, оно усугублялось новыми запретительными и ограничительными мерами, облавами и массовыми выселениями в черту оседлости. Во время Первой мировой войны до полумиллиона евреев, огульно обвиненных в шпионаже, было выселено из Польши, Литвы и Курляндии. Не лучше складывались дела и у граждан Российской империи польской национальности. Откровенно антипольская политика правительства заставила депутата Государственной думы Р. Дмовского, в то время сторонника единства Российской империи, заявить, что польский народ никогда не примирится с положением граждан второго сорта и с государством, в котором ему предназначено подобное место.

Правовая база политических репрессий. Репрессивные действия против участников революционного и оппозиционного движения также опирались как на законы, так и на временные постановления. Применительно к делам о государственных преступлениях правительство Александра II отступило от либеральных принципов судебной реформы 1864 г. Следствие по этим делам вели не судебные следователи, а жандармские офицеры. После оправдания в 1878 г. Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, подобные преступления были изъяты из ведения суда присяжных и стали рассматриваться Особым присутствием Правительствующего Сената и Верховным уголовным судом, а также военными (военно-окружными и военно-морскими) судами. Менее важные дела рассматривались окружными судами и также "в особом присутствии" в составе трех судей и трех-четырех сословных представителей; в отличие от суда присяжных вердикт о виновности или невиновности здесь выносили сами судьи.

Во второй половине XIX в., хотя и с некоторыми изменениями, еще продолжало действовать Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, принятое в 1845 г., в царствование Николая I. В марте 1903 г. было утверждено и в июне 1904 г. введено в действие новое Уголовное уложение, работа над которым продолжалась более 20 лет. Наиболее тяжкими государственными преступлениями здесь по-прежнему считались посягательство на жизнь, здоровье, власть и неприкосновенность императора, на форму правления и государственное устройство. Далее устанавливалась ответственность за участие в неразрешенных обществах, призывающих к неповиновению или противодействию закону и к вражде между отдельными слоями населения; за участие в антиправительственных собраниях, митингах,

манifestациях; за использование с той же целью оружия и взрывчатых веществ и т.д.

Вместе с тем впервые в истории России основополагающий правовой документ не предусматривал в качестве законных мер следствия и кары пытки, телесные наказания и жестокие виды казни. Телесные наказания, которые существовали в России и после отмены крепостного права, были показателем не исчезнувшего до конца сословного неравенства. Они предусматривались в отношении крестьян (мужчин), по приговорам волостных судов – до 20 ударов розгами, и арестантов, ссыльнопоселенцев и каторжан из непривилегированных сословий – розгами, плетью или хлыстом. Выстрел Веры Засулич явился ответом как раз на приказ Трепова высечь розгами находившегося в Доме предварительного заключения члена общества "Земля и воля" А.С. Боголюбова, и это был далеко не единственный случай протеста против унижительного наказания (см. док. № 3). В соответствии с новым Уголовным уложением, с 1904 г. телесные наказания считались отмененными, но это не означало, что они ушли в прошлое реально и повсеместно.

Новое Уложение сократило и количество наказаний. Таковыми признавались: смертная казнь (за воинские и государственные преступления, с 1881 г. приводилась в исполнение не публично, а "в пределах тюремной ограды"); каторга (без клеймения, отмененного в 1863 г.); ссылка на поселение (с 1900 г. уголовных преступников перестали ссылать в Сибирь и в отдаленные губернии; политические же составляли менее 1% всех находившихся в ссылке – см. док. № 14); заключение в исправительном доме, крепости и тюрьме; кратковременный арест и денежный штраф. Для привилегированных сословий (дворян, духовенства, купцов и почетных граждан) первые шесть наказаний были сопряжены с лишением прав состояния, т. е. сословных преимуществ. При политических преступлениях отменялась полная конфискация имущества. Сокращались предельные сроки тюремного заключения (кроме заключения в крепости, где содержались, главным образом, политические преступники). Пожизненной могла быть только ссылка на поселение.

Содержание Уголовного уложения 1903 г. отразило как изменения в общественном сознании, так и взгляды специалистов-правоведов того времени, в том числе и составителей Уложения. Один из них, Н.С. Таганцев, избрал эпиграфом к своим лекциям по русскому уголовному праву слова: "Справедливость без сострадания не справедливость, а жестокость; сострадание без справедливости не сострадание, а глупость". Приглашенный читать этот курс великому князю Сергею Александровичу (будущему московскому генерал-губернатору, убитому в январе 1905 г. террористом Иваном Каляевым), Таганцев применил такой "педагогический прием": привез своего ученика в Дом предварительного заключения, впустил в карцер и захлопнул дверь, оставив на несколько минут в положении узника¹¹.

Новое Уголовное уложение вводилось в жизнь постепенно, отдельными статьями и главами, и к 1917 г. в полном объеме еще не действовало, оставаясь в значительной мере декларацией. Зато достаточно часто порядок управления, объем прав населения и систему наказаний определял временный акт – "Положение о мерах к охране государственной безопасности и общественного спокойствия".

У противников монархии были основания иронически заявлять, что это и есть настоящая российская конституция. Принятое в начале царствования Александра III, 14 августа 1881 г., для некоторых губерний и сроком на три года, Положение затем продлевалось снова и снова, вплоть до конца существования монархии, позволяя устанавливать в отдельных местностях империи исключительный режим – "чрезвычайную" или "усиленную" "охрану". Тем самым было дополнено уже имевшееся чрезвычайное законодательство – указы, принятые в связи с восстанием 1863 г. в Польше, когда генерал-губернаторы получили право объявлять губернии на военном положении и судить по военным законам, и в связи с покушениями на Александра II в 1866 и 1878 гг.

При объявлении губернии на положении чрезвычайной или усиленной охраны действие обычного законодательства существенно ограничивалось, а генерал-губернаторы получали право издавать "обязательные постановления": запрещать любые собрания, закрывать учебные заведения, торговые и промышленные предприятия, приостанавливать периодические издания. Лишались возможности действовать в чем-либо самостоятельно земства и городские думы, суды ставились в зависимость от администрации. Можно было во внесудебном порядке арестовывать и высылать лиц, "вредных для государственного порядка и общественного спокойствия", за пределы данной местности, передавать судебные дела на рассмотрение военного суда. Формальное решение о ссылке на срок до пяти лет в отдаленные районы без суда и следствия и даже в отсутствие обвиняемого принимало Особое совещание при Министерстве внутренних дел, по представлениям генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников.

Характерно, что в ходе разработки Положения 1881 г. было отвергнуто предложение иркутского генерал-губернатора Д.Г. Анучина о возможности подвергать в административном порядке не только ссылке, но и бессрочному тюремному заключению. Такую меру в отношении как преступников, так и подозреваемых сочли способной, как писал сенатор Ковалевский, лишь "окончательно подорвать уважение к закону, веру в справедливость и послужить во вред, а не в пользу правительству"¹².

Политическая полиция. С 1826 г. исключительное место в охране государственного порядка отводилось политической полиции. Подавив восстание декабристов, Николай I сосредоточил управление тайной полицией в подчиненном непосредственно ему Третьем отделении собственной его императорского величества канцелярии. В августе 1880 г., в разгар террора народолюбцев, Третье отделение было упразднено: "бархатный диктатор" Лорис-Меликов сделал тем самым жест примирения в сторону общества и в то же время признал, что политическая полиция, не сумевшая помешать "охоте на царя", в своем прежнем виде недееспособна.

Функции политического сыска были переданы образованному в рамках Министерства внутренних дел Департаменту полиции вместе с созданным в его составе в 1894 г. Особым отделом. В отличие от Третьего отделения во главе нового ведомства находилось гражданское лицо – директор, в распоряжение которого перешел существовавший

с 1827 г. Отдельный корпус жандармов. Департаменту полиции подчинялись на местах охранные отделения, жандармские управления и розыскные пункты. Вплоть до падения монархии эти структуры, призванные ее защищать, непрерывно укреплялись и совершенствовались. Они представляли собой автономную часть государственного аппарата, фактически – государство в государстве, распространявшую надзор на все без исключения партии и общественные организации, на армию и государственные учреждения, на редакции газет и издательства.

Штат Департамента полиции к 1917 г. насчитывал примерно 300 чиновников. Один из последних директоров департамента, С.П. Белецкий, ставил себе в заслугу то, что 9/10 его подчиненных имели высшее образование и стаж практической работы в учреждениях судебного ведомства¹³. Численность жандармского корпуса выросла с 5 тыс. в 1850 г. до 16 тыс. в 1916 г. Офицеры, поступавшие в жандармы, должны были прослужить до этого не менее трех лет в армии, выдержать экзамены по праву, истории и географии России, всеобщей истории, истории русской литературы, пройти обучение на курсах при штабе корпуса. От них требовалось хорошее знание революционной литературы, программ и тактики революционных партий. Нижние чины жандармского ведомства отбирались из фельдфебелей, унтер-офицеров и вахмистров строевых частей, имевших аттестат о безупречной службе.

С тех пор как М.Ю. Лермонтов, высланный по приказу управляющего Третьим отделением генерала Л.В. Дубельта из Петербурга на Кавказ, написал исполненные горечи строки: "Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ, и вы, мундиры голубые, и ты, послушный им народ", – отношение общества к жандармам, и в частности к тайной полиции, мало изменилось. В поэме "Сон Попова" А.К. Толстой язвительно описывал "на вид весьма красивый дом, своим известный праведным судом", – здание у Цепного моста, где помещалось Третье отделение, в котором некий "лазоревого полковника", действуя инквизиторскими приемами, заставлял героя поэмы выдавать своих мнимых "сообщников". В стихотворении Н.А. Некрасова "Еще тройка" жандарм "с усищами в аршин" сопровождал в ссылку "молодого преступника", который то ли "разрушить думал государство", то ли "исправника побить". "Печать глумится над полицией, народ боится ее, а люди побогаче не уважают ее", – говорилось в одной из записок, адресованных Лорис-Меликову.

Генерал В.Ф. Джунковский вспоминал, как после назначения в 1913 г. на должность товарища министра внутренних дел – командира корпуса жандармов ему "было чрезвычайно странно и как-то даже неприятно первый раз надеть этот мундир, на который в обществе привыкли смотреть с недоброжелательным чувством и который был не раз скомпрометирован... В Москве, когда я первый раз появился на одном из вечеров в жандармском сюртуке, многие с искренним сожалением смотрели на меня"¹⁴. О невысоком престиже политической полиции свидетельствовало и широко распространенное презрительное обозначение всех ее учреждений – "охранка".

Однако такое отношение к тайной политической полиции в небольшой степени определялось методами ее деятельности. Столкнувшись с невиданным доселе в России подъемом общественно-полити-

ческой активности, Департамент полиции считал самым надежным способом борьбы со всякого рода оппозицией режиму насаждение в партиях и общественных организациях "внутренней агентуры". "Секретного сотрудника, находящегося в революционной среде или другом обследуемом обществе, никто и ничто заменить не может", – говорилось в специальной инструкции Департамента полиции. Охранные отделения были обязаны "приобретать" таких сотрудников в возможно большем количестве. Основы этой практики заложил начальник Московского охранного отделения С.В. Зубатов.

Обычно вербовали арестованных во время допросов; "сотрудничать" склоняли угрозами, учитывая, как предлагалось в инструкции, индивидуальные особенности каждого: слабохарактерность, корыстолюбие или амбициозность, когда выяснялось, что потенциальный агент считает себя недооцененным в революционной организации. При этом от завербованных не требовалось изменять своих убеждений "коренным образом". Тех, кто соглашался вести двойную игру, освобождали якобы за отсутствием улик и, чтобы их не заподозрили, в составе группы арестованных. Штатному агенту выплачивалось жалование и присваивалась кличка, о других агентах ему не сообщали. Информацию для охраны он передавал, встречаясь с жандармским офицером на конспиративной квартире. Кроме штатных агентов были еще вспомогательные и "штучники", они эпизодически сообщали сведения, которые могли представить интерес для "охранки"¹⁵.

Секретные сотрудники, считавшиеся особо ценными, высоко оплачивались. Так, жалование Е.Ф. Азефа, получавшего на первых порах 50 руб. в месяц, достигло затем 1000 руб. Р.В. Малиновский в конце своей провокаторской карьеры получал 700 руб. помимо депутатского 500-рублевого оклада. Обычно в случае разоблачения агенту выдавали единовременное пособие, однако были и исключения. Например, Зинаиде Жученко, "идейному" секретному сотруднику, убежденной монархистке (что было редким явлением), назначили, с согласия царя, пожизненную пенсию¹⁶. В 1914 г. расходы на содержание секретных сотрудников и конспиративных квартир для свиданий с ними составили 600 тыс. руб. Это было сравнительно небольшой частью 15-миллионного секретного фонда Департамента полиции.

За секретными сотрудниками прочно закрепилось наименование "провокаторы". Правда, инструкция "охранки" требовала не переходить "тонкую грань", отделяющую осведомительную деятельность от провокации. Под провокацией подразумевалось подстрекательство к революционным действиям и непосредственное участие в них, а также фабрикация фальшивых преступлений. Но эти предупреждения находились в противоречии с другими требованиями той же инструкции: секретному сотруднику вменялось в обязанность не уклоняться от активной революционной работы и стремиться занять возможно более высокое положение в тайной организации.

На деле, таким образом, провокаторство допускалось и, больше того, поощрялось. Ни руководитель Боевой организации партии эсеров – организатор целого ряда террористических актов Азеф, ни член большевистского ЦК Малиновский, произносивший яркие революционные речи в IV Государственной думе, ни многие другие агенты "охранки" не были и не могли быть лишь осведомителями. Фактически правительство оплачивало не только их информационные "услуги",

но и антиправительственную деятельность. Столыпин, которому пришлось отвечать в Государственной думе на запрос в связи с разоблачением в 1908 г. Азефа, пытался выгородить его как "честного слугу правительства". Но выступление премьера никого не убедило. Депутаты справедливо говорили, что почва для провокации создается уже самим положением политической полиции, тем, что она находится вне какого-либо контроля. Три года спустя Столыпин погиб от руки такого же провокатора, имевшего выданный Киевским охранным отделением пропуск в театр, где тот находился вместе с императором.

За все время существования Департамента полиции, с 1880 по 1917 г., общее количество его секретных сотрудников составило примерно 10 тыс. человек. Сроки их службы варьировались от нескольких месяцев до почти 16 лет, как в случае с Азефом. В одно время на охранку работало до 1 тыс. агентов разных категорий¹⁷.

Другим приемом "охранки" была слежка за политически неблагонадежными и подозрительными лицами, или наружное наблюдение. Агенты наружного наблюдения (филеры) подбирались преимущественно из бывших унтер-офицеров, людей выносливых, обладавших хорошим зрением, слухом и памятью, а также неприметной внешностью; иногда им приходилось изображать извозчиков, нищих, мелких торговцев и т.п. Все перемещения лица, за которым было поручено следить филеру, тот отмечал в дневнике, где это лицо фигурировало под придуманной филером кличкой. Филеры могли работать и группами: сформированный в 1897 г. при Московском охранном отделении "Летучий отряд филеров" направлялся, по мере необходимости, в разные местности для наблюдения и сбора сведений, после чего осуществлялись "ликвидации". Помимо профессионалов-филеров слежкой занимались и дворники.

Широко практиковалась также перлюстрация переписки. На главных почтамтах семи крупнейших городов империи имелись так называемые черные кабинеты, где сотрудники "охранки" искусно вскрывали и затем столь же искусно заклеивали письма, предварительно ознакомившись с содержанием переписки и сделав необходимые выписки. Если текст был написан шифром или симпатическими чернилами ("химией"), письма задерживались для расшифровки. Полученная таким образом информация и адреса поступали в полицейскую "разработку". В среднем ежегодно перлюстрировалось 380 тыс. писем, выписки делались из 8–10 тыс. Гарантированно защищена была от перлюстрации переписка только двух лиц – императора и министра внутренних дел. Между тем все эти действия были заведомо противозаконными: по Уложению о наказаниях за вскрытие частных писем полагалось четырехмесячное тюремное заключение.

Для слежки за политическими эмигрантами, в том числе за лидерами революционных партий, Департамент полиции организовал Заграничную агентуру. По договоренности с французскими властями, это учреждение обосновалось в Париже, в помещении российского консульства. Функции агентов выполняли как эмигранты, так и иностранные подданные, использовались также русские студенты, обучавшиеся за границей (Азеф, например, впервые обратился в Департамент полиции с предложением услуг в 1893 г., будучи студентом Политехнического института в германском городе Карлсруэ, и сначала

информировал охранку о студенческих кружках). В свой актив Заграничная агентура могла записать выяснение каналов транспортировки нелегальной литературы и оружия в Россию, срыв операции по одно-временному размену в европейских городах большой суммы денег, захваченной 25 июня 1907 г. в Тифлисе группой боевиков-экспроприаторов во главе с Камо (о плане размена сообщил член парижской большевистской группы и многолетний секретный сотрудник Заграничной агентуры Я.А. Житомирский).

К провокации, причем в чисто карьеристских целях, неоднократно прибегал заведующий Заграничной агентурой П.И. Рачковский, о котором говорили, что это "прирожденный сыщик, комбинатор и авантюрист". В 1890 г. он инсценировал подготовку покушения на Александра III во время визита императора во Францию; затем об "обнаруженной" бомбовой мастерской и о тех, кто в ней работал, он сообщил французской полиции, упрочив, таким образом, свое служебное положение. Вскоре после этого, по заданию Рачковского, его подчиненные изготовили "Протоколы Сионских мудрецов" – мнимую программу завоевания мира евреями, фальшивку, которая широко использовалась в дальнейшем для антисемитской пропаганды. Полицейское руководство могло и дезориентировать царскую чету, подлаживаясь к иллюзорным представлениям царя и царицы о всенародной поддержке трона. В конце 1916 г. министр внутренних дел А.Д. Протопопов, например, организовал поток верноподданнических телеграмм и писем, адресованных со всех концов России императору. Их образцы были заблаговременно изготовлены в Департаменте полиции и разосланы в местные отделы черносотенных организаций¹⁸.

Болезненные удары по престижу Департамента полиции наносило обнаружение разоблачительных материалов, касающихся его деятельности. Выступая 8 июня 1906 г. в I Государственной думе, депутат С.Д. Урусов сообщил, что в здании Департамента полиции была оборудована типография, где печатались прокламации, призывавшие к погромам. Журналист-эмигрант В.Л. Бурцев, специализировавшийся на разоблачении провокаторов, получал информацию от видных сотрудников "охранки". В случае с Азефом решающую роль сыграло подтверждение факта его провокаторства бывшим директором Департамента полиции А.А. Лопухиным. Некоторые видные чины полиции пытались реабилитировать политическую полицию в общественном мнении. В.Ф. Джунковский, например, в 1913 г. запретил вербовать в секретные сотрудники учащихся средних учебных заведений и солдат, а узнав о двойной игре Р.В. Малиновского, заставил его во избежание дискредитации Государственной думы сложить депутатские полномочия. Но совместить две задачи – повысить эффективность работы полицейского аппарата и ослабить общественное неприятие этой государственной структуры как средоточия худших сторон власти в целом так и не удалось.

Масштабы и характер репрессий. В первые пореформенные десятилетия политическим преследованиям подвергались преимущественно интеллигенты и учащиеся. В период подъема народнического движения, с 1872 по 1878 г., следствие по делам о государственных преступлениях велось против 2500 человек. Правда, арестовывалось еще больше и до следствия и суда доводилась лишь меньшая часть.

Так, из 2000 участников "хождения в народ", задержанных в 1874 г. в 37 губерниях, к дознанию привлекли 770 человек, а под стражей оставили 265. В итоге по делу "о преступной пропаганде" было привлечено всего 193 подсудимых.

С расширением масштабов революционного движения демократизировался социальный состав его участников. Наметившееся преобладание среди них рабочих, крестьян, солдат и матросов отразилось и в официальной судебной статистике. В 1906–1912 гг. по делам о государственных преступлениях в гражданских судах прошло 35 тыс. человек, причем 10 тыс. были оправданы. По сравнению с 1901–1903 гг., доля лиц с высшим образованием снизилась среди политических преступников с 11,5% до 1,9%, со средним образованием – с 14,3% до 7,6%¹⁹. Почти половине подсудимых вменялась в вину принадлежность к революционным и противозаконным сообществам. Далее шли такие преступления, как революционная пропаганда и хранение нелегальной литературы, участие в политических демонстрациях, оскорбление его императорского величества. Эту статистику нельзя считать полной, так как она не учитывала дела, проходившие в военных судах. Кроме того, в особые категории выделялись "преступления против порядка управления" (в 1911 г. по ним было осуждено 8177 человек, в 1912 г. – 8125), "преступления и проступки печати" (соответственно, 233 и 200). Следует также иметь в виду самые распространенные, но точно не подсчитанные внесудебные репрессии.

Движение народнический интеллигенции во второй половине XIX в. и массовое демократическое движение начала XX в., несмотря на неодинаковое количество участников, имели общие черты: с одной стороны, для обоих было характерно обращение к крайним формам революционного насилия, с другой – оба сопровождалось ужесточением правительственных репрессий, все более принимавших характер мести, с откровенным выходом представителей власти за пределы "правового поля".

За время следствия по делу "хождения в народ", продолжавшегося с 1874 по 1878 г., 43 обвиняемых умерли, 12 покончили с собой, 38 сошли с ума. Начальник Московского жандармского управления Слезкин докладывал, что "на скамью подсудимых явятся многие, имеющие подобие живых трупов, одним своим появлением могущие возбудить сострадание в пользу несчастных и ненависть к власти, их преследующей"²⁰. Одновременно с вынесением в январе 1878 г. приговора Особое присутствие Сената ходатайствовало перед императором о "смягчении участи приговоренных", учитывая продолжительный срок их пребывания в заключении до суда. Каторжный приговор предлагалось оставить в силе только одному из 28 осужденных – И.Н. Мышкину, а остальных сослать на поселение. Мышкину не простили его речь на суде, в которой он сравнил Особое присутствие с домом терпимости: "Там женщина из-за нужды торгует своим телом, здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и крупных окладов торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человечества"²¹.

На следующий день после окончания процесса "193-х" раздался выстрел Засулич, и Александр II, по докладу начальника Третьего отделения Н.В. Мезенцова, отклонил ходатайство Особого присутствия.

Ответом революционеров явилось убийство Сергеем Кравчинским в августе 1878 г. Мезенцова, которого считали главным виновником жестокого обращения с политическими заключенными. За этим последовала эскалация террора народовольцев и убийство 1 марта 1881 г. самого Александра II. Народовольцы, однако, просчитались, полагая, что тем самым они прервали "тяжелый кошмар", "давивший в течение десяти лет молодую Россию"²². Условия, на которых Исполнительный комитет "Народной воли" соглашался прекратить террор, – объявление всеобщей политической амнистии и созыв Учредительного Собрания – правительство Александра III отвергло, так же, как и призывы помиловать "первомартовцев", с которыми выступили В.С. Соловьев и Л.Н. Толстой.

Крайней степени взаимное ожесточение революционеров и правительства снова достигло во время первой революции, особенно после издания Манифеста 17 октября. Революционный террор и террор в защиту самодержавия взаимно подпитывали друг друга. Эсеры, возобновившие покушения на министров и губернаторов в начале 1900-х гг., мало считались с жертвами среди случайных лиц. В.И. Ленин призывал большевиков, готовясь к вооруженному восстанию, практиковаться на истреблении полицейских и жандармов. В дни декабрьского восстания 1905 г. в Москве дружинники расстреляли помощника начальника сыскной (т. е. криминальной, не политической) полиции Войлошникова. В то же время каратели, подавляя восстание, на основании ложного слуха, будто приват-доцент Воробьев устроил лазарет для раненых дружинников, застрелили его на глазах жены и дочери. Свиристествовали карательные экспедиции, направленные по линии Сибирской железной дороги, в Прибалтийском крае, в районах крестьянских волнений (см. док. № 4, 5). Эсеры отвечали покушениями на руководителей карательных экспедиций – Мина, Луженовского и других.

В течение только 1906 г. было убито 708 и ранено 820 представителей власти. Черносотенцы заявляли еще до Манифеста 17 октября, что "сторонникам порядка и закона" якобы ничего не остается, кроме самосуда и самоуправства, и на террор революционеров нужно отвечать "террором вдесятеро", убивая "главарей крамолы", к которым заодно причислялись и кадеты – депутаты Государственной думы, и даже С.Ю. Витте²³. Погромное движение, направленное против евреев, студентов, забастовщиков и всех, кого толпа произвольно причисляла к "крамольникам", в 1905 г. прямо или косвенно поощрялось местными властями и духовенством. Нередко в погромах участвовали войска и особенно полиция. В течение двух недель после обнародования Манифеста 17 октября от рук погромщиков, по неполным данным, погибло 1600 человек и 3500 было ранено. Причиненный ущерб составил не менее 25 млн руб. Несмотря на это, подавляющее большинство тех, кто все-таки был привлечен к уголовной ответственности и осужден "за проявления нечеловеческой жестокости", было впоследствии помиловано – 1713 из 1860²⁴.

Вопреки новому Уголовному положению, и в ходе подавления первой революции, и позднее применялись пытки и телесные наказания. Журналист В.П. Обнинский собрал множество фактов истязаний в тюрьмах. Истязали как осужденных, так и подсудимых, их секли розгами, били плетью, посыпая рубцы солью, топтали ногами, вырывали волосы, тушили о тело папиросы, кормили селедкой и не

давали пить. Требование обращаться к политическим заключенным на "вы", как того требовали правила 1907 г., не воспринималось всерьез. На положении чрезвычайной и усиленной охраны находилось в общей сложности 65 губерний и областей, в 25 губерниях и областях было введено военное положение.

У современников отсутствие правовой определенности, произвол и репрессии властей не могли не вызывать возмущения. Правда, ретроспективно, в свете дальнейших трагических событий в истории России, масштабы дооктябрьской карательной политики могут казаться более чем скромными, а ее приемы – не такими уж жестокими. Число тех, кого коснулись тогда репрессии, действительно не идет ни в какое сравнение с количеством пострадавших от государственного террора после 1917 г. – прежде всего в силу разной природы дооктябрьской и послеоктябрьской власти. До 1917 г. сохранялась возможность апелляции к закону, возможно было и подобие диалога с властью. Царское правительство в какой-то мере считалось с общественным мнением в России и за рубежом, где степень репрессивности внутренней политики была значительно ниже, а защищенность граждан – выше. В этом смысле показательна продолжительная борьба между властью и легальной оппозицией по вопросу о смертной казни.

Смертная казнь. Во второй половине XIX в. к смертной казни приговаривали почти исключительно революционеров-террористов. В 1866 г. был казнен покушавшийся на Александра II Д.В. Каракозов, в 1881 г. повешены "первомартовцы", организаторы и исполнители убийства царя, в 1887 г. – члены группы, готовившей покушение на Александра III. Их схватили с поличным, и после вынесения приговора они отказались просить о помиловании. Но случилось, что наказание было несоразмерно содеянному. Так, в 1883 г. народовольца К.Г. Неустроева расстреляли в иркутской тюрьме за пощечину генерал-губернатору Анучину. Газета "Сибирь" назвала это "возмутительным убийством невинного человека", и генерал-губернатор ушел в отставку. Впрочем, число казненных за политические преступления до начала 1900-х гг. оставалось небольшим.

Новый виток конфронтации по вопросу о смертной казни относится к периоду революции 1905–1907 гг. и последующим годам, когда казнили не только террористов, но, главным образом, участников массовых выступлений. Жестокость правительства осуждалась не только с гуманистических, но и с прагматических позиций, в ней видели возвращение к методам, которые не помогли предотвратить революцию и, следовательно, были неэффективны в борьбе с народным движением.

15 июня 1906 г. I Государственная дума без прений и единогласно приняла законопроект об отмене смертной казни. Через год это решение подтвердила II Дума, однако Государственный Совет подготовленный законопроект отклонил. В связи с дискуссиями наших дней о том, следует ли России окончательно отказаться от смертной казни, как это уже сделано во всех странах европейского сообщества, представляет интерес аргументация сторонников и противников ее отмены в 1906–1907 гг.

Противники отмены, в числе которых был С.Ю. Витте, ссылались на то, что смертная казнь сохраняется в большинстве стран Западной

Европы и в США, а в России она особенно необходима для борьбы с революцией. Другие утверждали, что смертная казнь соответствует воззрениям русского народа и отвечает настроениям членов семей жертв революционного террора. Возражавшие указывали, что это единственный непоправимый в случае судебной ошибки вид наказания, что смертная казнь противоречит сущности христианства, что она не сдерживает преступников и уже отменена в четырех европейских государствах – в Голландии, Бельгии, Италии и Португалии. Министр юстиции И.Г. Щегловитов допускал отмену смертной казни, но лишь за уголовные преступления.

Помимо бессудных расправ (а в ходе карательных экспедиций было казнено не менее 5 тыс. человек) наибольшее количество смертных приговоров в короткий промежуток времени вынесли военно-полевые суды – чрезвычайные судебные органы, действовавшие с августа 1906 г. по апрель 1907 г. Указ о военно-полевых судах был издан после взрыва эсерами-максималистами дачи П.А. Столыпина на Аптекарском острове в Петербурге (см. док. № 6). Они создавались в местностях, объявленных на военном положении или на положении чрезвычайной охраны, и существенно отличались не только от обычных, гражданских, но и от военно-окружных судов. В состав военно-полевых судов назначались строевые офицеры, не юристы. Их юрисдикции подлежали дела о тяжких преступлениях как военных, так и гражданских лиц: об убийствах, разбое, грабежах, нападениях на военнотружущих, полицейских и чиновников. Никакого предварительного следствия не производилось, приговор основывался на материалах охранного отделения или жандармского управления. В судебном заседании не участвовали ни прокурор, ни защитник, ни свидетели защиты. По требованию Николая II – "чтобы больше устрашать", приговор выносился не позже чем через 48 часов и в течение 24 часов приводился в исполнение. За восемь месяцев своего существования военно-полевые суды вынесли 1102 смертных приговора, причем было казнено 683 человека, или больше, чем за 30 предшествующих лет, считая вместе с уголовными преступниками.

Государственный Совет отклонил законопроект об отмене военно-полевых судов, единогласно принятый 17 апреля 1907 г. II Государственной думой. Однако возможности превратить указ о военно-полевых судах в постоянный закон также не было. Подобный законопроект не имел шансов быть одобренным Думой, в стенах которой кадетский оратор Ф.И. Родичев, в присутствии П.А. Столыпина, хлестко назвал виселицу "стольпинским галстуком". В дальнейшем военно-полевые суды учреждались лишь в порядке исключения, и только в армии. Тем не менее и после прекращения их активной деятельности, т. е. сразу после обсуждения вопроса в Думе, смертные приговоры по политическим делам в немалом количестве продолжали выносить военно-окружные суды. Соблюдая некоторые процессуальные нормы, они все же рассматривали дела в более короткие сроки, чем судебные палаты. С 1907 по 1909 г. они вынесли 4232 смертных приговора, 1824 из которых были приведены в исполнение²⁵. Поэтому вопрос о смертной казни оставался в центре внимания общественности и после окончания революции, особенно благодаря негодующим выступлениям тех, кого тогда считали "властителями дум" и чей нравственный

авторитет в российском обществе был особенно высок – Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко, других известных деятелей культуры.

Лев Толстой, добровольно принявший звание "адвоката 100-миллионного земледельческого народа", откликнулся на казнь 12 крестьян в Херсоне статьей "Не могу молчать". 80-летний писатель заявил, что готов сам быть повешенным, лишь бы прекратились бесконечные убийства людей "в той России, в которой народ считает всякого преступника несчастным". В том же 1908 г. появился "Рассказ о семи повешенных" Леонида Андреева. В Петербурге прошла демонстрация учащейся молодежи под лозунгом "Долой смертную казнь!". До 100 тыс. петербургских рабочих участвовали в забастовках протеста против смертных приговоров в ноябре 1912 г. и до 70 тыс. – в июне 1913 г.

Не только представители широких общественных кругов, но и некоторые чиновники и юристы считали "скорострельную юстицию" вредной и не гарантирующей "успокоения" страны. В 1906–1913 гг. было издано несколько сборников статей и монографий, посвященных этой проблеме, в том числе книга М.Н. Гернета, впоследствии автора многотомной "Истории царской тюрьмы". Газета "Право", приводя факты вынесения смертных приговоров невиновным и несовершеннолетним, задавалась вопросом: "Где же гарантия, что завтра же они не приговорят, столь же не стесняясь законами, кого-нибудь к колесованию, четвертованию, посажению на кол и тому подобным "военным" наказаниям?" Н.С. Таганцев, один из немногих членов Государственного Совета голосовавших за отмену смертной казни, впоследствии писал: "В водворении порядка, ненарушимости прав, неприкосновенности личности и устранении произвола в управлении нужно искать оплота государственности и культуры, а не в развращающем общество пролитии крови человека. Горе тем, кто питает вражду и ненависть и будит в человеке зверя, будут ли это революционные безумцы, будут ли это мнимые охранители отжившего строя". Для победы над революцией, по его мнению, необходимо было "действительное и неуклонное подчинение закону всех и каждого, и прежде всего правительственных органов"²⁶. После 1909 г. число казненных по приговорам военно-окружных судов пошло на убыль: в 1910 г. их было 129, в 1911 г. – 58, в 1912 г. – 108, а в 1913 г. – 25.

Другие виды политических репрессий. Согласно официальной градации наказаний, второе после смертной казни место по тяжести отводилось каторге в виде содержания в особых тюрьмах-крепостях или ссылки на каторжные работы в Сибирь. Бессрочной или многолетней каторгой заменялась в случае смягчения приговора смертная казнь. Сначала политкаторжанами были преимущественно народовольцы: на процессах 1879–1882 гг. каторжные приговоры получили 180 человек.

Самую мрачную славу снискали каторжные тюрьмы в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, подчиненные с 1887 г. командиру отдельного корпуса жандармов и действовавшие на основе особого устава. Они обрекали узников, мужчин и женщин, заживо погребенных в "каменных мешках", на полную изоляцию. В 36 одиночных камерах Трубецкого бастиона Петропавловской крепости стены были обиты войлоком, свет в них проникал только при заходе

солнца; убивала заключенных страшная сырость летом и невыносимая жара зимой, когда включалось отопление. На 40 заключенных была рассчитана новая тюрьма в Шлиссельбурге. Она строилась три года, и в 1884 г. в нее перевели 16 политкаторжан из Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Шлиссельбургская крепость использовалась также как место казней. Тяжелее всего для "крепостников" было недопущение какого-либо труда, физического или умственного, запрет на совместные прогулки, свидания и переписку с родными, отсутствие письменных принадлежностей. За проступки заключенных наказывали лишением чая, матраца, карцером, светлым или темным, до пяти суток, а за повторную провинность заковывали в кандалы.

С начала 1890-х гг. в результате голодовок и других выступлений заключенных, особенно Веры Фигнер (см. док. № 13), правительство пошло на постепенное смягчение режима в Шлиссельбурге. К тому же в 1897 г. сведения о крепостном режиме впервые просочились на волю – о нем рассказала переведенная на Сахалин Людмила Волкенштейн. Узникам стали выдавать грифельные доски, а затем и бумагу, но лишь для переписывания словарей и переводов иностранных сочинений. Разрешили прогулки вдвоем и работу на огороде группами; в тюрьме появились мастерские – столярная, переплетная, по изготовлению коллекций. Наконец, были отменены ограничения на творческий, умственный труд. Накануне амнистии 21 октября 1905 г. политическим каторжанам стали доставлять свежие газеты и журналы. В дни Всероссийской октябрьской стачки 1905 г. в Петербурге был создан Общественный комитет помощи "бывшим и настоящим узникам Шлиссельбурга".

За 20 лет в Шлиссельбурге погибла половина всех заключенных – 34 человека, включая 15 казненных и 4 самоубийц. С 1891 г. новые узники в Шлиссельбург более не поступали. Восемь последних заключенных вышли на свободу 26 октября 1905 г., из которых трое – Н.А. Морозов, М.Ф. Фроленко и М.Р. Попов – провели в крепости свыше 20 лет. Однако в 1907 г. крепость была снова превращена в каторжную тюрьму для участников восстаний, террористических выступлений и экспроприаций – эсеров, большевиков, анархистов ("новый" Шлиссельбург).

Всего девять лет функционировала как место заключения политкаторжан тюрьма, построенная в 1881 г. на Карийской каторге в Забайкальской области. По общему счету, там отбывало наказание 220 человек, в том числе 32 женщины. Карийская каторга получила известность борьбой заключенных против унижения человеческого достоинства и желания властей уравнивать "государственных преступников" с уголовными. Одна из акций протеста закончилась трагически. В 1888 г. каторжанка Е.Н. Ковальская отказалась встать перед генерал-губернатором Корфом, за это ее избили и увезли в Верхнеудинскую тюрьму, поместив в одиночную камеру. Другие каторжанки объявили голодовку, требуя сместить тюремного коменданта. 31 августа 1889 г. 27-летняя заключенная Н.К. Сигида дала коменданту пощечину, и когда ее подвергли телесному наказанию вместо предания суду, как полагалось в таких случаях, она приняла яд. Вслед за ней покончили самоубийством еще трое женщин; из 14 мужчин, также принявших яд, погибли двое.

Результатом явился циркуляр из Петербурга, запрещавший применять телесные наказания к женщинам. О карийской трагедии стало известно за границей, в европейской и американской прессе развернулась кампания протеста. В 1890 г. политическая тюрьма на Каре была закрыта, политкаторжан распределили по уголовным тюрьмам.

В начале XX в. количество осужденных на каторжные работы за политические преступления увеличилось. С 1905 по 1912 г. каторжные приговоры получили 7,5 тыс. человек, к концу существования монархии насчитывалось около 5 тыс. политкаторжан. Они размещались в Сибири, Шлиссельбурге и еще в 13 так называемых централах в европейской части России – в Орле, Смоленске, Пскове, Москве, Вологде, Риге и в других городах. Нередко каторжан для "исправления" переводили из одного централя в другой, с более суровым режимом.

Особой жестокостью обращения с политкаторжанами отличался Орловский централ (см. док. № 15). В 1901–1906 гг. смертность заключенных во всех тюрьмах России составляла 20 на тысячу, в 1907–1913 гг. она поднялась до 38, но в Орловском центреале она была еще выше, так же, как и уровень самоубийств узников. Политических здесь избивали ежедневно, с благословения губернатора и тюремного инспектора; один из надзирателей хвастливо заявил вновь прибывшему каторжанину: "Мы знаем, что по закону бить не дозволяется. Да закон-то у нас в кармане: что хотим, то и делаем с ним... Забьем и только, до смерти забьем..."²⁷. Орловских тюремщиков-садистов заменили только в 1913 г. в результате газетной кампании в России и за границей и запроса в IV Государственной думе (к тому времени общее число думских запросов о положении заключенных превысило 140).

Продолжались коллективные протесты и самих политкаторжан: против телесных наказаний (в Псковском центреале в ноябре 1911 г. 22 политических заключенных, выступивших против засилья уголовников, получили по 100 ударов розгами), против отказа выдать чистое белье и одежду (в Смоленском центреале – так называемый "голый бунт") и т.д. Заключенные объявляли голодовки, нарушали режим пением революционных песен, криками, даже выходили 1 мая на прогулку с самодельными красными флагами. Тюремная администрация отвечала массовым переводом узников на карцерное положение сроком до 50 дней, заковыванием в кандалы, отказом в медицинской помощи. Но во избежание огласки ей все чаще приходилось идти на уступки. Так, в Псковском центреале после голодовки 163 заключенных администрация прекратила телесные наказания, разрешила больным покупать на свои средства лекарства и продукты, согласилась вежливо обращаться с заключенными. В Шлиссельбурге в отдельной ("сучьей") камере содержались те, кого остальные заключенные бойкотировали за предательство, кражи и другие нарушения арестантской этики, а также бывшие тюремщики, осужденные за избиения и убийства.

Администрация "нового" Шлиссельбурга примирилась с существованием богатой тюремной библиотеки, пополнявшейся пожертвованиями, и с регулярными передачами посылок в тюрьму через полуконспиративную "Группу помощи". В наследство от каторжан-народовольцев осталось завоеванное ими право на физический труд

заключенных. С 1912 г. была официально разрешена их переписка с близкими родственниками, но фактическая переписка этим кругом лиц не ограничивалась. Новейшие журналы заключенные получали в виде "заказов" для переплетной мастерской. В последние годы монархической власти отношение тюремщиков к каторжанам ощутимо изменилось к лучшему²⁸.

Первое место по количеству осужденных занимала ссылка на поселение. На положение ссыльнопоселенцев переводились и политкаторжане по отбытии срока каторги. Накануне Февральской революции только в Сибири было 6,5 тыс. политических ссыльных. Издавна различалась ссылка "в места не столь отдаленные" – в губернии Европейской России, преимущественно северные, и "в места отдаленные" – за Урал (в просторечии – "куда Макар телят гоняет" и "куда Макар телят не гонял"), причем местное начальство могло перевести уже прибывшего ссыльного в другое, более отдаленное место, или, наоборот, с разрешения центральной власти, – в крупный населенный пункт или даже в губернский город. Сословной привилегией для дворян была возможность следовать в ссылку за свой счет (этим правом, в частности, в 1897 г. воспользовался Ленин), большинство же следовало по этапу, партиями, в сопровождении конвоиров, и в этом смысле ссыльные не отличались от каторжан.

Ссыльного можно было в любое время обыскать или арестовать, его корреспонденция просматривалась, ему запрещалось преподавать или читать публичные лекции, участвовать в сценических представлениях и т.д. Далеко не все из них, особенно в малонаселенных местах, могли найти заработок. Государственное денежное пособие – "кормовое" (в начале XX в. от 6 до 11 руб. в месяц) и "одежное" (до 40 руб. в год) – выдавалось нерегулярно, жалобы на это поступали не только в адрес местной администрации, но и в Государственную думу, а иногда дело доходило до демонстраций. Об одной из них печорский исправник сообщал архангельскому губернатору: "Находившиеся в с. Усть-Цильме политические ссыльные, после объявления им телеграммы Вашего превосходительства об отказе в выдаче им пособия на летнюю одежду, в числе 60 человек устроили шествие по селу с двумя красными флагами и пением революционных песен. На предложение мое разойтись они ответили отказом и заявили, что они ежедневно будут три раза в день устраивать демонстрации, пока требование их о выдаче пособия на летнюю одежду не будет удовлетворено"²⁹. Несмотря на полицейский надзор, в районы ссылки проникала нелегальная литература, ссыльные вели революционную пропаганду и поддерживали связь с партийными центрами.

Нередки были побеги из ссылки, чаще из "мест не столь отдаленных". То, как они совершались, подробно описал Л. Троцкий в книге "Моя жизнь". В организации побега, как правило, помогали местные жители. Но имелись и места, вроде Туруханского края, откуда бежать было практически невозможно. Иногда удавались коллективные побеги из тюрем: 18 августа 1902 г. из Лукьяновской тюрьмы в Киеве бежали 11 человек, 1 июля 1911 г. совершили побег 13 политкаторжанок из московской женской тюрьмы. Бежавшие старались как можно скорее оказаться за пределами России. Высылка за границу могла быть и мерой наказания, заменявшей тюремное заключение или ссылку на поселение. При этом высланные не лишались

права на возвращение по личному прошению или по амнистии, например в связи с 300-летием Дома Романовых в 1913 г., однако амнистии коснулись лишь небольшой части политэмигрантов.

Гражданские суды могли оправдать или выносили не слишком суровые приговоры (см. док. № 16), и власти предпочитали обходиться вообще без суда, прибегая к ссылке или высылке в административном порядке: признанных политически неблагонадежными, по сведениям "охранки" или просто по доносам, высылали из города, где они жили, с запрещением проживать в крупных городах, университетских или промышленных центрах на срок до пяти лет и с возможным продлением до 10. Высланный мог сам выбрать новое место жительства, где он обязательно находился под гласным или негласным надзором полиции. Практиковалась административная ссылка и в Сибирь, и уже в конце XIX в. число административно-ссылных превысило там число ссыльнопоселенцев. Высылали также на время следствия, до суда; ссылали и тех, кого суд оправдал. Так поступили с народниками, оправданными в 1878 г. по процессу "193-х", и с оправданными судом присяжных 33 участниками Морозовской стачки 1885 г. В дальнейшем эта мера стала обычной в отношении активных участников стачек и студенческих волнений. К 1909 г. насчитывалось 15,5 тыс. административно-ссылных по политическим мотивам, в том числе 6 тыс. рабочих и 4 тыс. крестьян. Всего же в конце XIX – начале XX в. этой мере наказания подверглись 60–65 тыс. человек.

Репрессированные депутаты. Политические репрессий не избежали и депутаты Государственной думы. Но демонстрируя таким образом пренебрежительное отношение к "народному представительству", правительство не сумело убедить общество в обоснованности обвинений и в справедливости наказаний. Вместе с тем общественное сочувствие репрессированным ни разу не вылилось в широкое движение в их защиту – не только потому, что этому не благоприятствовала обстановка, но и ввиду разочарования в Думе и неукорененности в народном сознании самой идеи парламентаризма.

За "Выборгское воззвание" – призыв к пассивному неповиновению правительству в ответ на роспуск 8 июля 1906 г. I Государственной думы – все депутаты, подписавшие его (преимущественно кадеты), были приговорены к трем месяцам одиночного тюремного заключения – наказанию, которое можно было счесть символическим. Более чувствительным оказалось лишение их права снова выдвигать свои кандидатуры на выборах в Государственную думу и вообще занимать какие бы то ни было выборные должности. Это ограничение в правах распространялось и на председателя I Думы С.А. Муромцева (в камере московской Таганской тюрьмы, где он отбывал наказание, после Февральской революции поместили его портрет, украшенный серебряным венком). Впрочем, "выборжцы" предвидели последствия своего демарша, как, впрочем, и то, что их демонстративный шаг, по словам автора воззвания П.Н. Милюкова, "заранее осужден не дойти до понимания народа" (см. док. № 17)³⁰.

Роспуск II Государственной думы 3 июня 1907 г. правительство связало со сфабрикованным им самим "делом" членов социал-демократической фракции. 55 депутатов во главе с председателем фракции меньшевиком И.Г. Церетели были обвинены в военном заговоре

с целью насильственного ниспровержения существующего строя. Главной уликой при этом послужил наказ фракции от Военной и Боевой организаций РСДРП, обнаруженный при обыске на квартире одного из депутатов. Но наказ был фальшивкой, изготовленной в Петербургском охранном отделении, а передать ее депутатам уговорила солдат секретный сотрудник "охранки" Е.Н. Шорникова. Дума отказалась лишить депутатов неприкосновенности немедленно, без рассмотрения предъявленных правительством обвинений. Это и явилось предлогом для ее роспуска. На следующий день был издан новый, "третьеиюньский", избирательный закон.

Суд, проходивший в ноябре 1907 г. при закрытых дверях, приговорил 11 социал-демократов к пяти годам каторги, 15 – к четырем годам, 12 – к пожизненной ссылке, 11 депутатов были оправданы. Несмотря на то что Шорникова в 1913 г. публично призналась в провокации, на пересмотр дела правительство не пошло, а самой Шорниковой дали возможность уехать за границу.

В ноябре 1914 г. были арестованы пять большевиков – депутатов IV Государственной думы, участников нелегального совещания, на котором обсуждались планы революционной работы партии в условиях войны в соответствии с присланными из-за границы указаниями Ленина. На предании депутатов военному суду настаивали министр юстиции Щегловитов, петроградский градоначальник и другие сановники. Все формальные основания для этого имелись, смертный приговор в таком случае был обеспечен. Но последнее слово оставалось за Верховным главнокомандующим, великим князем Николаем Николаевичем. Главнокомандующий распорядился передать дело на рассмотрение гражданского суда, чтобы не вызывать "брожения среди фабричных и иных оппозиционных элементов", поскольку самым важным посчитал сохранение "спокойствия в рабочей среде, обслуживающей разнообразные нужды армии". В феврале 1915 г. состоялся открытый судебный процесс. Суд приговорил депутатов к ссылке на поселение в Восточную Сибирь, откуда их освободила Февральская революция.

Послефевральская демократия. История России в конце XIX – начале XX в. – пример безрезультатности репрессивной политики в условиях, когда не находят решения ключевые общественные проблемы. Первая мировая война добавила к ним новые и привела к полной изоляции режима. В решающий момент защитить монархию оказалось некому (см. док. № 18, 19). Но от свергнутой монархии Временное правительство унаследовало не решенные ею вопросы о земле и мире, вышедшие на первый план.

Придя к власти, Временное правительство уже 3 марта 1917 г. объявило амнистию по всем политическим и религиозным делам, включая участие в террористических актах, в военных восстаниях, покушениях на помещичью собственность и в других революционных "проявлениях". Одновременно провозглашались неограниченные политические и гражданские свободы, были отменены все словесные ограничения, а также ограничения, связанные с национальностью и вероисповеданием. Все религиозные организации получали право на проповедническую, общественную, благотворительную и другие виды деятельности. 12 марта 1917 г. правительство отменило смертную

казнь. После июльского путча большевиков в Петрограде ее восстановили для действующей армии, но и здесь почти не применяли.

Февральская революция разрушила старый карательный аппарат. Департамент полиции, охранные отделения и жандармский корпус были упразднены. Подлежала ликвидации политическая каторга. Стихийная ненависть к старому режиму вылилась в разгромы полицейских учреждений, к чему приложили руку и сотрудники "охранки", старавшиеся уничтожить документальные свидетельства своей деятельности. Но это удалось лишь отчасти, основная часть материалов уцелела. Не пострадали и документы Особого отдела Департамента полиции.

4 марта 1917 г., по инициативе министра юстиции А.Ф. Керенского, была образована Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих должностных лиц. Председателем Комиссии Временное правительство назначило московского адвоката Н.К. Муравьева. Особая комиссия во главе с историком П.Е. Щеголевым занималась изучением деятельности Департамента полиции. Подобные же комиссии изучали архивы "охранки" в Москве и в других городах. В распоряжении Чрезвычайной комиссии находились арестованные в дни революции наиболее одиозные царские сановники (А.Д. Протопопов, В.А. Сухомлинов, И.Г. Щегловитов, А.Н. Хвостов и др.), руководители политической полиции, представители так называемых "безответственных темных сил" в царском окружении, связанные с Г. Распутиным. Комиссия вызывала в качестве свидетелей партийных лидеров. Например, по делу Романа Малиновского, чье провокаторство было доказано документально, дали показания В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, Н.К. Крупская и другие большевики³¹.

Предполагалось подготовить один большой судебный процесс или ряд отдельных. Но Чрезвычайная комиссия, по словам поэта Александра Блока, редактировавшего стенограммы допросов, оказалась "между наковальной закона и молотом истории". Поскольку Временное правительство объявило политическую амнистию, подследственным можно было инкриминировать лишь превышение власти, подстрекательство к преступлению и т.п. Сами они оправдывали свои действия, в том числе провокационного свойства, коллизией законности и государственной целесообразностью или же соображениями субординации, необходимостью подчиняться распоряжениям свыше. Многие из них были расстреляны уже после Октябрьской революции большевиками, долго не размышлявшими насчет степени их вины.

В итоге Чрезвычайная следственная комиссия, работавшая до октября 1917 г., так и не сумела осуществить всеобъемлющую правовую экспертизу старой государственной власти, руководствуясь ее же законодательством. Вместо проведения судебных процессов решили готовить сводный обвинительный акт, чтобы представить его Учредительному Собранию. К реальным результатам работы Комиссии можно отнести, во-первых, дискредитацию бывшего царя, его приближенных и высших сановников и, во-вторых, разоблачение большей части провокаторов на основе документов секретных архивов "охранки", открытых после Февральской революции. Списки провокаторов публиковались во всех газетах.

Все это, однако, происходило на фоне событий и процессов, которые не вписывались ни в какие программы, прогнозы и сценарии. Уход от авторитарного режима обернулся дезорганизацией общества, новая демократическая государственность, способная эффективно функционировать, так и не сложилась за те восемь месяцев, которые отделяли Февраль от Октября. Почву для установления взамен демократии "диктатуры пролетариата" – власти, согласно определению Ленина, "опирающейся на насилие, не связанное никакими законами", – подготовила Первая мировая война. Она обесценила человеческую жизнь, дегуманизировала общественное сознание и, как писал впоследствии Н.А. Бердяев, выработала "новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе"³². Продвижение – хотя и сложным, извилистым путем – к правовому государству, к утверждению приоритета прав личности, было прервано. Напротив, востребованным и приумноженным оказалось все противоположное этой тенденции: полицейский произвол и провокация, пренебрежение человеческим достоинством и истязания беззащитных людей, террор и массовые депортации.

Примечания

¹ *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 341–343.

² *Святополк-Мирская Е.А.* Дневник // Исторические записки. Т. 77. М., 1965. С. 259; Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.; Л., 1927. С. 189, 190.

³ *Струве П.Б.* *Patriotica*. Политика, культура, религия социализма. СПб., 1911. С. 27.

⁴ *Вересаев В.* Воспоминания. М.; Л., 1946. С. 302, 303.

⁵ "Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное". Переписка В.А. Маклакова и А.А. Кизеветтера // Источник. 1996. № 2. С. 12.

⁶ *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 126, 148; "Слышались голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями". Варианты речи Николая II 17 января 1895 г. // Исторический архив. 1999. № 4. С. 213–219.

⁷ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия I, ч. 1. СПб., 1908. С. 188–192; ч. 2. Стлб. 2389–2410.

⁸ Цит. по: *Шлемин П.И.* М.О. Меньшиков: мысли о России. М., 1997. С. 22, 23; См. также: *Бережной А.Ф.* К истории печати в России (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1992.

⁹ Современник. 1912. № 5. С. 266–268.

¹⁰ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия II, ч. 2. СПб., 1909. Стлб. 2463.

¹¹ *Черняев В.Ю.* Ученый, власть и революция: парабола судьбы Н.С. Таганцева // Интеллигенция и российское общество в начале XX века. СПб., 1996. С. 163, 167.

¹² *Марголис А.Д.* Тюрма и ссылка в императорской России. СПб., 1995. С. 110.

¹³ Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 108.

¹⁴ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 104, 105.

- ¹⁵ *Розенталь И.С.* Провокатор Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996. С. 15–23.
- ¹⁶ *Щеголев П.Е.* Охранники, агенты, палачи. М., 1992. С. 56, 57, 98; *Розенталь И.С.* Указ. соч. С. 103, 104.
- ¹⁷ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 235, 238.
- ¹⁸ Падение царского режима. Т. 4. М.; Л., 1926. С. 486–489.
- ¹⁹ Журнал Министерства юстиции. 1915. № 10. С. 43, 58.
- ²⁰ *Седов М.Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 62, 63; *Кони А.Ф.* Избранное. М., 1989. С. 298–300, 302.
- ²¹ Государственные преступления в России в XIX веке. Т. III. Париж, 1905. С. 310.
- ²² *Фигнер В.Н.* Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1929. С. 248.
- ²³ Материалы для характеристики контрреволюции 1905 г. (Из переписки Бориса Никольского с Антонием Вольтинским) // *Былое*. 1923. № 21. С. 161, 181, 182.
- ²⁴ *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 54–56, 81, 82.
- ²⁵ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 400.
- ²⁶ *Право*. 1906. 22 января; *Черняев В.Ю.* Указ. соч. С. 170.
- ²⁷ *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. Т. 5. М., 1963. С. 270.
- ²⁸ На каторжном острове. Л., 1967. С. 176–197.
- ²⁹ *Чупров В.И.* Политическая ссылка в Коми крае в начале XX века (1900–1917 гг.). Сыктывкар, 1974. С. 10.
- ³⁰ *Милуков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 266.
- ³¹ Дело провокатора Малиновского. С. 46–57 и др.
- ³² *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 101.

Глава вторая.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА СОВЕТСКОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ

Валя я заметя
как расстраиваюс
как ты мучишься
неужели я тебе
невыжжу дождю
какая ты была
у меня ты была
ненадаи душой неми
одна в таких условиях

Сущность юридического понятия "политические репрессии" впервые определил Закон Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий". Этот уникальный, не имеющий аналогов в истории права закон был принят 18 октября 1991 г. Статья 1 Закона о реабилитации устанавливала: "Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшиеся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами"¹ (см. док. № 3).

Современное российское законодательство однозначно характеризует политику массовых репрессий как "произвол и беззаконие". Это, конечно, не означает, что репрессивная деятельность карательных органов осуществлялась по личному усмотрению исполнителей и никак не регламентировалась законодательством. Произвол и беззаконие проявлялись, во-первых, в том, что нормативные акты, служившие основанием для политических репрессий, грубо нарушали не только нормы и принципы международного права, но и расходились с юридическими нормами советской правовой системы. Во-вторых, эти противоправные, по своей сути, нормативные акты систематически и грубо нарушались конкретными исполнителями. Действовавшее в СССР законодательство, сохранявшее в определенной мере видимость законности, недопустимым образом корректировалось в сторону ужесточения репрессий секретными приказами и ведомственными инструкциями, негласными распоряжениями "директивных органов", устными указаниями партийного руководства. Все эти "юридические новеллы", а именно они, в первую очередь, регулировали деятельность карательных органов, не имели ничего общего с принципами правосудия, попирали элементарные нормы судопроизводства.

Советскую репрессивную политику нельзя рассматривать как некую революционную импровизацию, как спонтанное порождение социалистического эксперимента. Она имела глубокие идеологические корни и солидную теоретическую базу в виде марксистско-ленинского учения о власти и государстве. Согласно этому учению, любое государство, по своей сути, представляет собой классовую диктатуру. Ленин выделял три главных признака, характеризующих "диктатуру класса", в том числе и "диктатуру пролетариата": власть, насилие, свобода от любых законодательных ограничений. К числу наиболее известных относится следующее определение диктатуры, повторенное Лениным дважды (в 1906 г. и 1920 г.): "Научное понятие диктату-

ры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть"². Не менее примечательна и другая ленинская дефиниция: "Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами"³. Такое понимание сущности государственной власти исключало в принципе любые апелляции к праву, закону, превращало произвол в норму государственной жизни, возводило насилие в ранг государственной политики.

Марксистско-ленинские представления о государстве как орудии насилия разделяли и другие идеологи большевизма. Н.И. Бухарин, например, рассматривал пролетарскую диктатуру как "форму власти, наиболее резко выражающую классово-репрессивный характер этой власти"⁴. Его позицию по вопросам теории советского государства и права определяла следующая принципиальная установка: "Государственное принуждение при пролетарской диктатуре есть метод строительства коммунистического общества"⁵. Широко известное бухаринское суждение о том, что "пролетарское принуждение во всех его формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи"⁶, служило, по сути, теоретическим "освящением" социального геноцида, проводимого большевиками ради утверждения на Земле коммунистического миропорядка.

Свое отношение к демократическим принципам, правам и свободам российской социал-демократия высказала задолго до того, как социальная революция в России стала реальностью. При выработке партийной программы в 1903 г. среди делегатов II съезда РСДРП возникли серьезные разногласия по целому ряду вопросов. Один из делегатов, будущий меньшевик, сформулировал основной спорный вопрос так: "Нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность, или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии?" Как марксист, он решительно высказался за последнее, заявив, что "нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были бы подчинить выгодам нашей партии". После этих слов кто-то прервал выступление делегата восклицанием: "И неприкосновенность личности?" – "Да! И неприкосновенность личности!" – не колеблясь ответил социал-демократ. В этом историческом эпизоде особое значение имел тот факт, что данное выступление безоговорочно поддержал Г.В. Плеханов, первый пропагандист марксизма в России. По его авторитетному мнению, ради успеха революции можно было вполне лишиться политических противников не только неприкосновенности личности, но и всеобщего избирательного права, ограничить действие любого демократического принципа. О пригодности тех или иных насильственных мер, касающихся, например, разгона неудачно избранного парламента, Плеханов предлагал судить с точки зрения правила: *salus revolutionis suprema lex* (благо революции – высший закон)⁷. Так рассуждало тогда громадное большинство социалистов, в том числе и те, кто впоследствии резко осуждал большевистский террор и политические репрессии.

Революционный радикализм и марксистско-ленинская идеология породили свою особую систему представлений и ценностей, которая нашла юридическое воплощение в законодательной базе советской репрессивной политики.

Институционные основы карательной политики. Государственное принуждение по политическим мотивам стало активно применяться с первых дней советской власти. На смену охранительным обвинениям в "неблагонадежности" пришли столь же юридически не определенные обвинения в "контрреволюционности". Большевицкая доктрина не предусматривала создания специального органа для борьбы с контрреволюцией. Революционный порядок, на первых порах, охранял Петроградский Военно-революционный комитет, созданный еще накануне октябрьского переворота. В состав ВРК, который 29 октября 1917 г. получил статус всероссийского органа, входили "наряду с большевиками" представители других социалистических партий. Многие из них отказывались исполнять антидемократические распоряжения большевистского руководства, в частности о закрытии органов буржуазно-либеральной прессы, поскольку видели в этом серьезное покушение на завоевания революции.

Принципиальные разногласия между демократически настроенной частью ВРК и большевистским правительством привели, в конечном итоге, к роспуску ВРК 5 декабря 1917 г. Позднее М.И. Лацис, руководивший в послеоктябрьский период работой Бюро комиссаров ВРК, так описывал суть этих разногласий: "Первую борьбу с контрреволюцией пришлось вынести на себе Петроградскому Военно-революционному комитету. В числе контрреволюционных элементов первое место занимали лжесоциалистические партии. Военно-революционному комитету приходилось, в первую очередь, сталкиваться с ними. А у них имелись свои "плакальщики" в составе ВРК в лице левых эсеров. Последние сильно тормозили борьбу с контрреволюцией, выдвигая свою "общечеловеческую" мораль, гуманность и воздержание от ограничения права свободы слова и печати для контрреволюционеров. Для руководителей Советской власти становилось ясным, что совместно с ними будет немислимо вести борьбу с контрреволюцией. Поэтому выдвигается мысль о создании нового органа борьбы, куда бы не входили левые эсеры. Исходя из этих соображений, 7 декабря (старого стиля) Советом Народных Комиссаров было принято ...постановление об организации ВЧК"⁸.

В задачи нового органа, названного первоначально Всероссийской Чрезвычайной комиссией при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем*, входило: "1) пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили; 2) предание суду революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними..." В качестве возможных мер борьбы предлагались "конфискация, выдворение,

* После подавления саботажа, в августе 1918 г. ВЧК стала именоваться Всероссийской Чрезвычайной комиссией при СНК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности.

лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т.д." Комиссии рекомендовалось "обратить, в первую голову, внимание на печать, саботаж и т.д. правых с.-р., саботажников и стачечников"⁹. Полномочия ВЧК были сформулированы неопределенно, в частности ничего не говорилось об ответственности за их превышение.

Активные аресты по политическим мотивам, проведенные ВЧК накануне и после Учредительного Собрания, стали предметом острых разногласий между Наркоматом юстиции, во главе которого стоял левый эсер И.З. Штейнберг, и ВЧК, которую возглавлял Ф.Э. Дзержинский. Позицию СНК по вопросу о взаимоотношениях ВЧК с другими государственными органами определял В.И. Ленин. Он категорически не признавал ни за Наркоматом юстиции, ни за Наркоматом внутренних дел права вмешиваться в дела "Комиссии Дзержинского", которой предписывалось лишь извещать эти наркоматы "об арестах, имеющих выдающееся политическое значение".

Левые эсеры настаивали на введении в состав ВЧК представителей от их партии, которая в тот период состояла в правительственном блоке с большевиками. В январе 1918 г. четверо левых эсеров вошли в состав коллегии ВЧК, где оставались до июля 1918 г. Товарищем председателя ВЧК стал левый эсер В.А. Александрович, имевший такие же полномочия, как и Дзержинский. По мнению большинства исследователей, левые эсеры оказывали сдерживающее влияние на репрессивную деятельность Комиссии, особенно в отношении политических противников. Под их воздействием, например, 18 марта 1918 г. было принято решение о недопустимости провокаций – использование секретных сотрудников допускалось только в борьбе со спекуляцией. Впоследствии коммунисты это решение отменили. 15 июня 1918 г. в составе ВЧК (впервые в истории советских репрессивных органов) была создана "тройка" для решения вопросов о применении расстрела, но до тех пор, пока в нее входили левые эсеры Александрович и его заместитель И.И. Ильин, по политическим мотивам не расстреливали.

Постоянно расширяющийся круг задач и полномочий ВЧК предопределил появление в ее структуре, наряду с отделами по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности, целого ряда новых структурных подразделений. В августе 1918 г. для борьбы с "враждебными элементами" на железнодорожном и водном транспорте был образован Транспортный отдел. В декабре 1918 г. для производства обысков, арестов и наружного наблюдения создан Оперативный отдел. В январе 1919 г. сформирован Особый отдел, на который, постановлением ВЦИК от 21 февраля 1919 г., возлагалась "борьба с контрреволюцией и шпионажем в армии и флоте". На местах при губернских Чрезвычайных комиссиях создавались особые отделы (фронтовые и армейские), подчиненные непосредственно Особому отделу ВЧК. В их задачи входила активная борьба с контрреволюцией не только на фронте, но и в тылу. Работу этого отдела курировал, как член ЦК РКП(б), И.В. Сталин, которому начальник Особого отдела ВЧК М.С. Кедров делал еженедельные доклады. В сентябре 1919 г. в структуре ВЧК появился Экономический отдел, в задачи которого входило ведение борьбы с "экономическим шпионажем, вредительством и диверсиями" в народном хозяйстве. В декабре 1920 г. на базе одного из отделений Особого отдела был организован Иностраный отдел. Особо следует сказать о Секретном отделе ВЧК, названном впоследствии

Секретно-политическим. Его сформировали в феврале 1919 г. специально для борьбы с "антисоветскими партиями, политическими группами и организациями", а также для слежки за интеллигенцией и духовенством. Все вышеназванные отделы ВЧК явились структурным воплощением основных направлений ее деятельности. В дальнейшем они стали традиционными структурными подразделениями центрального аппарата советских органов госбезопасности, поскольку сфера интересов советской госбезопасности оставалась неизменной со времен существования ВЧК.

Для большевистской партии ВЧК стала настоящим "щитом и мечом". С помощью этой важнейшей части государственного механизма большевикам удалось не только удержать власть, но и реализовать свою идеологическую доктрину, установив так называемую диктатуру пролетариата. Репрессивная деятельность ВЧК в качестве "боевого органа диктатуры пролетариата" с первого и до последнего дня направлялась и вдохновлялась большевистским руководством. Политическая репрессия в форме "революционного насилия", "красного террора", "классовой расправы" и т.д. вызывали страх, ненависть, возмущение всех слоев населения, в том числе и среди самих коммунистов. Рассказы о зверствах "чрезвычайек" (в интерпретации Ленина, это были всего лишь "ошибки" и "недочеты"), один страшнее другого, ходили по всей России. Пытаясь застраховаться от нападков оппозиции, жалоб населения и возможных разоблачений, ВЧК 22 сентября 1918 г. объявила, что "будет преследовать всех, кто клеветает на советских работников", "кто осмелится поносить действия Советской власти"¹⁰. Однако несмотря на принимаемые энергичные меры против подателей жалоб и заявлений, которые, по мнению чекистов, "грязью и клеветой желают опорочить имена ответственных руководителей ВЧК", чекистам с трудом удавалось сдерживать критику в свой адрес. Когда ситуация обострилась до того, что даже "члены партии начали выливать помой на головы сотрудников чрезвычайных комиссий", последние выступили с публичным заявлением, в котором, в частности, говорилось: "Здесь лишне спорить о том, правильна или неправильна была наша тактика. Это разберет история. Вместо лишних слов мы еще раз указываем на массу резолюций о необходимости красного террора, еще раз подчеркиваем, что Чрезвычайные комиссии проводили в жизнь не свои постановления, не свою тактику, но свою волю, а постановления и волю пролетариата, его органов власти, его авангарда – коммунистической партии"¹¹. В сложной для чекистов обстановке РКП(б) решительно встала на их защиту и призвала коммунистов не забывать, что "ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии под ее директивами и ее контролем"¹².

Декретом СНК "Социалистическое отечество в опасности!" от 21 февраля 1918 г. ВЧК была наделена внесудебными полномочиями, т. е. правом определять меру наказания без рассмотрения дела в суде. Расстрелу на месте преступления подлежали "неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы", а также "все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины", сопротивляющиеся мобилизации их в батальоны для рытья окопов¹³. На следующий день ВЧК публично объявила о своем праве "беспощадного уничтожения на месте преступления" врагов советской власти, пополнив их список "саботажниками и

прочими паразитами". Последующие постановления ВЦИК от 17 февраля и 20 июня 1919 г. сохраняли за ВЧК право непосредственной расправы (вплоть до расстрела) в случаях вооруженного контрреволюционного выступления, а также работы в местностях, объявленных на военном положении, для пресечения ряда преступлений, в частности за "принадлежность к контрреволюционной организации и участие в заговоре против Советской власти". Дзержинский называл эти полномочия внесудебной расправы "полномочиями войны". В 1920 г. делалась попытка их отменить, но военная обстановка заставила правительство вновь наделить Чрезвычайные комиссии "правом непосредственного исполнения приговора, до расстрела включительно".

В марте 1918 г. началось создание местных Чрезвычайных комиссий при губернских, областных и уездных советах. Они наделялись правом производить аресты, обыски, реквизиции, конфискации "и проч.". На практике полномочия местных ЧК были гораздо шире. Их грозные приказы о расстрелах "всех выступающих письменно и устно против Советской власти" издавались по всей России задолго до официального объявления о "красном терроре". К середине августа 1918 г. Иногородний отдел ВЧК зарегистрировал 38 губернских и 75 уездных Чрезвычайных комиссий. В своей деятельности они подчинялись соответственно ВЧК и губернским ЧК; являясь высшим административным органом местного совета, отчитывались перед его исполкомом. Губернские, фронтовые, армейские и областные ЧК имели право применять высшую меру наказания. Секретная инструкция Чрезвычайным комиссиям на местах от 1 декабря 1918 г. устанавливала: "Чрезвычайные комиссии, являясь органом борьбы, в острые моменты революции накладывают, в случае необходимости пресечения или прекращения незаконных действий, наказания в административном порядке, но не в судебном, штрафы, высылки, расстрелы и т.п."¹⁴.

Трудно придумать что-либо более не правовое, чем смертная казнь без суда в административном, т. е. распорядительном, приказном порядке. В дневниковых записях великого русского писателя-демократа В.Г. Короленко, к которому ежедневно, по старой памяти, обращались за помощью родственники людей, пострадавших от бессудных расправ "чрезвычайек", содержится множество заметок на эту тему. Вот один из его рассказов за 1919 г.: "6 апреля настоящего года в Полтаве расстреляно восемь человек, по простому постановлению Чрезвычайной комиссии. Об этом даже не было известно ни Совету, ни Исполнительному комитету. Даже Чрезвычайная комиссия была не в полном составе (председатель отсутствовал). Должен прибавить, что обстановка этих казней была ужасна. Между другими политическими казнили политического Девченка. [Он был болен.] Его привезли на кладбище, положили на доску, перекинутую над готовой могилой, и пристрелили лежащего, после чего сбросили в яму. Других сажали на такую же доску. Это вызвало своеобразную просьбу заключенных: они просят, чтобы их хоть казнили по-старому – позволяли бы исповедаться, попроситься с близкими или хоть написать предсмертные письма. В своих очерках, направленных против смертной казни, напечатанных при царском режиме, я приводил много прощальных писем смертников. Им в этом не отказывали". "Страшное зло данной минуты, – писал далее Короленко, – неопределенность права и обязанностей. Никто не знает, кто его может арестовать

и за что. Революция чрезвычайек сразу подвинула нас на столетия назад в отношении отправления правосудия"¹⁵.

Политические репрессии осуществляли не только Чрезвычайные комиссии. В ежемесячных сводках бюро печати НКВД о расстрелах по приговорам органов советской власти рубрика "Кто выносил приговоры" содержала следующие графы: "Чрезвычайные комиссии", "президиумы исполкомов", "революционные трибуналы", "военно-полевые трибуналы", "следственные комиссии", "военные комитеты и комиссары", "по единоличному распоряжению агентов власти", "воинские команды", "неизвестно, какие учреждения и лица", "штабы армий и реввоенсоветы". В сводках за лето и осень 1918 г. и зиму 1919 г. в каждой графе содержатся определенные сведения о количестве вынесенных смертных приговоров¹⁶. Естественно, что никаких нормативных актов, наделявших столь широкий круг представителей советской власти "расстрельными" полномочиями, не существовало. Произвол оправдывался просто: "когда гремит оружие, законы молчат".

Законы действительно молчали. Первый декрет о суде, принятый СНК 22 ноября 1917 г., упразднил существовавшую судебную систему. Вновь созданным местным судам разрешалось, на первых порах, пользоваться "законами свергнутых правительств", но лишь постольку, "поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию"¹⁷. Из судебной практики исключались как буржуазные и не отвечающие классовым интересам трудящихся все демократические принципы правосудия (независимость судей, отделение суда от администрации, состязательность и гласность судебного процесса, суд присяжных и др.), выработанные реформой 1864 г. Для борьбы против контрреволюционных сил декрет учреждал особые суды – революционные трибуналы. Об их специфике говорилось в одном из приказов ВЧК: "Коренным отличием трибунального суда от суда общего должны быть: необычайная быстрота, во-первых, и необычайная суровость, во-вторых, где подсудимый имеет минимум прав и где его интересы сознательно приносятся законом в жертву интересам целого"¹⁸. Впоследствии для трибуналов была выработана особая инструкция о так называемом "упрощенном порядке рассмотрения" дел, по которой все судопроизводство сводилось "к прочтению обвинительного заключения, допросу обвиняемого и вынесению приговора"¹⁹.

Основными источниками права для революционных трибуналов с первых дней их существования стали не законы, а "революционная совесть" и "революционное правосознание". Первоначально репрессивные полномочия трибуналов регулировались ведомственными инструкциями Народного комиссариата юстиции (НКЮ) и расширялись по мере эскалации Гражданской войны. 16 июня 1918 г. НКЮ постановил: "Революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и пр. не связаны никакими ограничениями"²⁰. Это означало, что не применявшийся ранее в качестве меры наказания расстрел становился составной частью судебной практики ревтрибуналов.

4 апреля 1919 г. ВЦИК принял Положение о революционных трибуналах, определявшее компетенцию и правомочия этих чрезвычайных судебных органов. В Положении, в частности, говорилось: "Революционные трибуналы учреждаются со специальной целью рассмотрения дел о контрреволюционных и всяких иных деяниях, идущих про-

тив всех завоеваний Октябрьской революции и направленных к ослаблению силы и авторитета Советской власти. В соответствии с этим трибуналам предоставляется ничем не ограниченное право в определении меры репрессии. [...] Трибуналы выносят приговоры, руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велениями революционной совести. [...] Обжалование приговора в апелляционном порядке не допускается"²¹. Регламентируя судебную деятельность ревтрибуналов, советская власть стремилась хоть в какой-то мере ввести политические репрессии в русло закона, ограничить внесудебные полномочия ВЧК. С этой целью трибуналам предоставлялось право проверки следственных действий Чрезвычайных комиссий, члены трибунала имели право посещения мест заключения и проверки законности содержания всех арестованных под стражей. Однако на практике судебная репрессивная деятельность революционных трибуналов, состоящих из трех "ответственных политических работников", избранных местным советом сроком на один месяц, мало чем отличалась от внесудебных расправ Чрезвычайных комиссий.

Как известно, под особым контролем большевиков всегда находились армия и транспорт. Для рассмотрения всех политических дел военнослужащих и военнопленных учреждались революционные военные трибуналы, которым предоставлялось ничем не ограниченное право в определении меры репрессии. К "политическим делам" Положение ВЦИК о революционных военных трибуналах от 20 ноября 1919 г. относило дела о таких преступных деяниях, которые "создают опасность для советского социалистического строя республики, укрепления в ней завоеваний революции и для ее обороны"²². Постановление Реввоенсовета Республики от 4 февраля 1919 г. предписывало революционным военным трибуналам в своих решениях и приговорах руководствоваться "интересами социалистической республики, обороны ее от врагов социалистической революции и интересами классовой войны за торжество пролетариата, как это подсказывается им революционным коммунистическим правосознанием и революционной совестью"²³. В числе наказаний, налагаемых реввоен трибуналами, могли быть выговор, штраф, конфискация имущества, лишение всех или только политических прав, лишение свободы, сдача в штрафные части (для красноармейцев), расстрел.

Введение военного положения на транспорте привело к учреждению в 1920 г. революционных военных железнодорожных трибуналов и трибуналов водного транспорта. Они наделялись теми же правами, что и революционные военные трибуналы. Военно-транспортные трибуналы были упразднены декретом ЦИК СССР от 23 ноября 1923 г. Однако порочная практика создания специальных судебных учреждений для рассмотрения "в упрощенном порядке" дел о преступлениях, совершенных на транспорте, сохранилась и в последующие годы. 27 ноября 1930 г. были образованы железнодорожные линейные суды, к подсудности которых относились, в частности, "все дела о контрреволюционных преступлениях, связанных с работой железнодорожного транспорта". 7 июня 1934 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление об организации водных транспортных судов. В списке дел, подсудных этим судам, на первом месте стояли дела "о государственных преступлениях (контрреволюционных и особо опасных преступлениях против порядка управления) на водном транспорте".

Кроме того, в разные годы на железнодорожном и водном транспорте действовали военные трибуналы. Их назначение, равным образом и назначение особых транспортных судов, сводилось (как и в годы Гражданской войны) к максимальному ускорению и упрощению процесса судопроизводства и усилению репрессии. Транспортные судебные учреждения, как не отвечающие принципам социалистической законности, были упразднены 12 февраля 1957 г.

Победа большевиков в Гражданской войне убедила партийное руководство в правильном выборе оружия. Бронепоезд был переведен на запасной путь, но карательные органы, почищенные и подновленные, продолжали верой и правдой служить так называемой диктатуре пролетариата. В их репрессивной деятельности в течение десятилетий сохранялось то, что в определенном смысле можно назвать "чекистскими традициями": игнорирование общегосударственного законодательства и опора на внутриведомственные акты, отсутствие гласности и общественного контроля, нарушение общепринятых процессуальных норм и юридических гарантий, массовые внесудебные расправы, беспощадное подавление инакомыслия, тотальный контроль над армией и населением – и все это под руководством правящей коммунистической партии.

Новая политическая обстановка внутри страны и изменения во внешней политике заставили все же советское руководство пойти на реорганизацию карательных органов. В целях "усиления начал революционной законности" ВЦИК 6 февраля 1922 г. принял "Декрет об упразднении ВЧК и о правилах производства обысков, выемок и арестов". Этот законодательный акт упразднял ВЧК и ее местные органы и возлагал на Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) выполнение ряда новых задач на всей территории РСФСР. В задачи НКВД входило: подавление контрреволюционных выступлений, борьба со шпионажем, охрана путей сообщения, политическая охрана границ РСФСР, борьба с контрабандой, а также выполнение специальных поручений Президиума ВЦИК и СНК по охране революционного порядка. Для проведения в жизнь этих задач декрет предписывал образовать при НКВД РСФСР Государственное Политическое управление (ГПУ), а на местах – политические отделы. В ведение ГПУ переходили Особые отдел и Транспортные отдел, входившие ранее в состав ВЧК, а также Особые части войск. ГПУ и его местные органы наделялись правом производить в необходимых случаях обыски, выемки, аресты. Никаких внесудебных полномочий ГПУ не имело, закон строго предписывал: "Все дела о преступлениях, направленных против советского строя или представляющих нарушения законов РСФСР, подлежат разрешению исключительно в судебном порядке революционными трибуналами или народными судами по принадлежности"²⁴. Надзор за следственными действиями ГПУ должен был осуществлять Наркомат юстиции.

Политические противники большевиков не поверили в искренность намерений советского руководства отказаться от внесудебных политических репрессий. Заграничный орган меньшевиков "Социалистический вестник" с насмешкой писал, что большевиком "перед Генуей все же пришлось сходить в баню и побриться. Нет более чека! Чека умерла, да здравствует чека!" Ирония социал-демократов оказалась вполне уместной. ГПУ недолго оставалось в рамках "революционной законности". 16 октября 1922 г. ВЦИК наделил его "правом

внесудебной расправы, вплоть до расстрела", отступив от провозглашенного ранее принципа осуждения только по суду.

После образования СССР "в целях объединения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом" было учреждено на 2-й сессии ЦИК СССР 6 июля 1923 г. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР, которое руководило работой местных органов ГПУ через своих уполномоченных при советах народных комиссаров союзных республик. Правовой статус этого общесоюзного органа определяло Положение "Об Объединенном государственном политическом управлении СССР и его органах", принятое ЦИК СССР 15 ноября 1923 г.

В 1920-е гг. наиболее распространенной формой государственного принуждения по политическим мотивам стали высылка и ссылка, применявшиеся в административном порядке. Первоначально, по декрету ВЦИК от 10 августа 1922 г., осуществление этого вида политической репрессии возлагалось на Особую комиссию по высылке при НКВД. Дополнительным постановлением от 16 октября того же года ВЦИК предоставил этой же Комиссии "право высылать и заключать в лагерь принудительных работ на месте высылки" лиц, признаваемых социально опасными, в том числе деятелей антисоветских политических партий²⁵. После образования ОГПУ функции названной Комиссии перешли к органам госбезопасности. 28 марта 1924 г. ЦИК СССР утвердил Положение "О правах ОГПУ в части административных высылки, ссылок и заключения в концентрационный лагерь". Согласно этому нормативному акту, ОГПУ имело право без суда, по собственному усмотрению, высылать на срок до трех лет лиц, признанных социально опасными, из местностей, где они проживают, с запрещением дальнейшего проживания в них, а также в ряде других областей, или ссылать на жительство в определенные районы под гласный надзор местного органа ГПУ. Кроме того, ОГПУ предоставлялось право заключать названных лиц в концентрационный лагерь на срок до трех лет или высылать за пределы государственной границы СССР на тот же срок. В списке лиц, признаваемых социально опасными, на первом месте традиционно стояли те, кого обвиняли в причастности "к контрреволюционной деятельности, шпионажу и другим видам государственных преступлений". Что касается лиц, обвиняемых в преступлениях против порядка управления и других, то к ним ОГПУ применяло вышеназванные внесудебные репрессии "при отсутствии достаточных оснований для направления дел о них в судебном порядке". Вынесение постановлений о высылке, ссылке и заключении в концентрационный лагерь возлагалось на Особое совещание в составе трех членов Коллегии ОГПУ. По назначению председателя ОГПУ Дзержинского, в состав Особого совещания вошли В.Р. Менжинский, Г.Г. Ягода, Г.И. Бокий. В союзных республиках при ГПУ создавались свои Особые совещания под председательством уполномоченного ОГПУ. Их права были несколько сужены по сравнению с правами Центрального Особого совещания²⁶.

В последующие годы внесудебные полномочия ОГПУ неуклонно расширялись. Наряду с Особым совещанием активную репрессивную деятельность вела Коллегия ОГПУ. Счет осужденных за "контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления" шел на десятки тысяч. Карательная практика ОГПУ, так же, как в свое время

действия ВЧК, вызвала у населения ненависть и страх. Это не смущало его руководство. По отзывам современников, Дзержинский, находясь во главе ВЧК – ОГПУ, "хотел, чтобы его боялись, даже от страха ненавидели ...Он считал, что такой страх приносит большую пользу как в самом составе ВЧК, так еще больше вне ее – в стране. Страх, по его мнению, играет роль предохранителя от свершения всяческих проступков и преступлений"²⁷. Иного мнения о воздействии страха на советских людей придерживались сторонние наблюдатели. "Страх учит их лжи, лицемерию и неискренности, – писал в донесении в Прагу от 26 марта 1926 г., озаглавленном "Страх в СССР", представитель чехословацкой дипломатической миссии в Москве. – Страх является причиной всеобщей неуверенности, глушит всякую инициативу. Этот страх есть одна из причин всеобщего экономического бездействия советского государства... Чего же боятся все эти граждане новой России? Если бы вы их спросили, большинство из них, оглядываясь по сторонам, осторожно, дабы никто не слышал, ответили бы вам: ГПУ. [...] Остается, однако, вопрос, можно ли, чтобы и в будущем пришлось так же жить постоянно; поскольку этот страх препятствует давать хорошие советы при организации народнохозяйственной жизни, укреплять государство и работать в пользу улучшения всеобщего благополучия, а он не может исчезнуть, пока в России у руля остается нынешний режим"²⁸. Иностранному наблюдателю не ошибся в своем прогнозе. Страх, внушаемый населению политическими репрессиями, не исчез ни тогда, ни потом, он растворился в советском обществе, пропитал все клеточки общественного организма, сковал свободомыслие, сделал практически невозможными какие-либо проявления открытого общественного недовольства.

В конце 1920-х гг. происходит резкое ужесточение карательной политики. Претворяя волю высшего партийного руководства, законодательные органы не скупятся на раздачу репрессивных полномочий. 1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление "О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством". "В целях обеспечения наиболее благоприятных условий для социалистического переустройства сельского хозяйства" краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик было предоставлено право применять в районах сплошной коллективизации "все необходимые меры борьбы с кулачеством, вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей)"²⁹. На следующий день, во исполнение правительственной директивы, ОГПУ издало строго секретный приказ об организованной ликвидации кулачества, из которого хорошо видно, что дело не ограничивалось конфискациями и выселением. Эти меры планировались в отношении второй и третьей категорий крестьян. Острые же карательных мероприятий ОГПУ направлялось против "первой категории" – "контрреволюционного кулацкого актива", в отношении которой задача формулировалась предельно четко: "немедленная ликвидация", что означало либо расстрел без суда, либо заключение в концлагерь. ОГПУ приказывало своим местным полномочным представительством (ПП ОГПУ) "для рассмотрения дел на лиц, проходящих по этим делам (первая категория), немедленно создать в ПП ОГПУ "тройки", с представителями от крайкома ВКП(б) и прокуратуры. Состав "тройки" выслать на утверждение Коллегии ОГПУ. Для

непосредственного руководства операций по выселению кулаков и их семейств (вторая категория) [...] организовать оперативные «тройки»³⁰.

Политические репрессии в отношении крестьянства не ограничивались внесудебной деятельностью «троек» ОГПУ, причем карательные функции стремились выполнять представители и партийных, и государственных, и колхозных органов. Руководители страны были хорошо осведомлены о местном произволе, но не считали нужным сдерживать «инициативу масс». Только страшный голод, поразивший страну в 1932–1933 гг., заставил высшее партийное руководство отказаться от политики массовых репрессий на селе. В секретной партийно-правительственной инструкции от 8 мая 1933 г., адресованной «всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры», говорилось: «ЦК и СНК считают, что в результате наших успехов в деревне наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников... В ЦК и СНК имеются сведения, из которых видно, что массовые беспорядочные аресты в деревне все еще продолжают существовать в практике наших работников. Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому не лень, и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. И неудивительно, что при таком разгуле практики арестов органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: «сначала арестовать, а потом разобраться»³¹. Сталинская критика «арестов без всякого основания» временно сбила волну безнаказанного насилия, но это было недолгое затишье.

10 июля 1934 г. постановлением ЦИК СССР был образован общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел, в состав которого в качестве Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) вошло ОГПУ. На НКВД СССР возлагались: обеспечение революционного порядка и государственной безопасности, охрана общественной (социалистической) собственности, запись актов гражданского состояния, пограничная охрана. Структура НКВД включала в себя Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений (ГУЛАГ), Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ), а также ряд других подразделений. В союзных республиках создавались республиканские НКВД, в автономных республиках, краях и областях – управления НКВД, в РСФСР – институт уполномоченного НКВД СССР³². В состав ГУГБ вошли основные оперативные подразделения бывшего ОГПУ. Народными комиссарами внутренних дел СССР в довоенный период были Г.Г. Ягода (10 июня 1934 – 26 сентября 1936), Н.И. Ежов (26 сентября 1936 – 25 ноября 1938), Л.П. Берия (25 ноября 1938 – 29 декабря 1945).

По специальному постановлению ЦИК СССР от 10 июля 1934 г., дела о государственных преступлениях, расследуемых НКВД и его местными органами, подлежали рассмотрению в Верховном Суде СССР, в республиканских верховных судах, а также в краевых и областных судах. В названных судебных учреждениях для рассмотрения этих дел образовывались специальные судебные коллегии. Дела об измене родине, шпионаже, терроре, взрывах, поджогах и иных видах диверсий (т.е. о наиболее «распространенных» в тот период видах государственных

преступлений) направлялись на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда СССР и военных трибуналов округов.

Судебная практика Военной коллегии мало чем отличалась от внесудебных расправ Чрезвычайных комиссий, "троек", особых совещаний и т.д. Под председательством В.В. Ульриха, возглавлявшего этот орган советского правосудия с 1926 по 1948 г., "Военная коллегия Верховного Суда СССР из высшего судебного органа, призванного стоять на страже советской законности, превратилась в судилище, осуществлявшее расправу с тысячами советских людей". К такому выводу пришла в 1956 г. Комиссия ЦК КПСС, занимавшаяся установлением причин массовых репрессий. В ее докладе Президиуму ЦК КПСС подробно описан механизм судебного произвола: "В 1937–1938 гг. сложилась порочная практика, когда НКВД СССР, заканчивая следствие по делам, подлежащим рассмотрению в Военной коллегии Верховного Суда СССР, заранее определял меры наказания обвиняемым. С этой целью в НКВД составлялись списки лиц, дела на которых подлежали рассмотрению в Военной коллегии. В списках указывались фамилии лиц, предаваемых суду, и заранее предлагалась мера наказания. Эти списки Ежовым направлялись лично *т. Сталину** для санкционирования предлагаемых мер наказания. В 1937–1938 гг. *т. Сталину* было направлено 383 таких списка на 44 465 ответственных партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников. В подавляющем большинстве им определялся расстрел.

После утверждения списков *т. Сталиным* работники НКВД, до направления дел в Военную коллегию, делали в этих делах отметку в соответствии с утвержденной мерой наказания. Если обвиняемый подлежал расстрелу, то на обвинительном заключении ставили "1" (первая категория), если обвиняемого нужно было осудить к лишению свободы, то делалась отметка "2". Этими отметками и руководствовались члены Военной коллегии Верховного Суда, вынося приговоры по делам.

Судебного рассмотрения дел в Военной коллегии, по существу, не было. Военная коллегия, вынося заранее predetermined меры наказания, механически штамповала материалы предварительного следствия.

Все "судебное заседание" Военной коллегии, включая и время вынесения и оглашения приговора, занимало лишь 15–20 минут... Установлены факты, когда Военная коллегия Верховного Суда СССР дошла до вынесения приговоров по телеграфу. Бывший член Военной коллегии Верховного Суда СССР Никитченко (ныне генерал-майор в отставке), возглавляя выездную сессию на Дальнем Востоке, не видя дел и обвиняемых, вынес по телеграфу 102 приговора"³³.

По официальным данным (возможно неполным), Военная коллегия осудила с 1934 по 1955 г. 47 459 человек, из них 39 167 человек в 1937–1938 гг.³⁴ Под чьим руководством осуществлялся судебный произвол? Прямой ответ на этот вопрос содержится в письме Ульриха Сталину от 2 апреля 1938 г.: "Являясь формально одной из составных частей Верховного Суда СССР, фактически Военная коллегия во

* Выделенное курсивом имя Сталина вписано в машинописный текст документа от руки, подчеркивания сделаны в самом документе.

всей своей практической судебной деятельности представляет учреждение почти самостоятельное... Судебную практику по делам об измене Родине, о подготовке и совершении террористических актов, о шпионаже и диверсиях Военная коллегия осуществляла и осуществляет под *непосредственным* руководством высших директивных органов"³⁵.

Под руководством тех же "директивных органов" действовали и внесудебные карательные структуры, порожденные политическим террором 1930-х гг. – "тройки" и "двойки". Формальным основанием для их создания и деятельности служили ведомственные нормативные акты, изданные наркомками внутренних дел на основе распоряжений ЦК ВКП(б) и лично Сталина. Приказ Г.Г. Ягоды от 27 мая 1935 г. предписывал образовать при местных управлениях НКВД "тройки" в составе начальника УНКВД, начальника управления милиции и руководителя отдела НКВД, представившего дело на рассмотрение "тройки". Это были так называемые "милицейские тройки", рассматривавшие дела на уголовных преступлениях. Их внесудебные полномочия ограничивались правом ссылать, высылать и заключать в лагерь на срок до пяти лет лиц, обвиняемых в уголовных преступлениях. В 1935 г., по решениям таких "троек", было осуждено 122 726 человек, в основном в это число вошли воры, хулиганы, рецидивисты и т.д.³⁶

Совсем иными правами наделялись так называемые "спецтройки". На основании распоряжения Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г., которое *предлагало* местному партийному руководству и местным органам НКВД "взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников, с тем чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки"³⁷, нарком внутренних дел Н.И. Ежов издал 30 июля 1937 г. оперативный приказ "Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов"³⁸. Для осуществления этой "боевой" операции территория всех республик, краев и областей делилась на оперативные сектора, в которых формировались оперативные группы под руководством ответственных работников местных органов НКВД. Эти группы укомплектовывались оперативными работниками, войсковыми или милицейскими подразделениями, средствами транспорта и связи. На начальников оперативных групп возлагалось руководство "учетом и выявлением подлежащих репрессированию, руководство следствием, утверждение обвинительных заключений и приведение приговоров "троек" в исполнение". Они же составляли и подписывали списки кандидатов на арест и на основании этих списков, утвержденных руководителем местного управления НКВД, производили арест. Конституционное требование о том, что "никто не может быть подвергнут аресту иначе, как по постановлению суда или с санкции прокурора", не имело силы. Операция была столь тщательно спланирована и организована (все распоряжения отдавались шифром по телеграфу), что уже в течение первых 15 дней после издания приказа в 57 областях СССР было арестовано 100 990 человек. Приказ Ежова предписывал проводить следствие "ускоренно и в упрощенном порядке". По окончании следствия дела обвиняемых направлялись на рассмотрение "троек". В приказе содержался список 64 республиканских, краевых и областных "троек", персональный состав которых был утвержден Ежовым. Кстати, многих названных в этом

списке председателей и членов "троек" арестовали до того, как они успели приступить к своим репрессивным обязанностям. В состав "троек" входили руководители местных органов НКВД, первые секретари соответствующих комитетов ВКП(б) и либо местные прокуроры, либо руководители местных исполкомов. Такой состав внесудебных органов обеспечивал на местах круговую поруку высших должностных лиц. "Тройкам" предоставлялось право судить по "первой категории", т. е. приговаривать к расстрелу, и по "второй категории", т. е. заключать в лагерь или тюрьму на срок от 8 до 10 лет.

По воспоминаниям бывшего чекиста М.П. Шрейдера, проработавшего на руководящих должностях в системе НКВД до 1938 г. включительно, порядок работы "тройки" был следующий: составлялась повестка, или так называемый "альбом", на каждой странице которого значились имя, отчество, фамилия, год рождения и совершенное "преступление" арестованного. После чего начальник областного управления НКВД красным карандашом писал на каждой странице большую букву "Р" и расписывался, что означало "расстрел". В тот же вечер или ночью приговор приводился в исполнение. Обычно на следующий день страницы "альбома-повестки" подписывали первый секретарь обкома и председатель областного исполкома³⁹. В чекистской практике 1937–1938 гг. такая процедура внесудебной расправы получила широкое распространение и называлась "осуждение по альбому".

Наряду с "тройками" в течение 1937 и 1938 гг. активно работали так называемые "двойки", т. е. наркомы внутренних дел республик или начальники краевых и областных управлений НКВД совместно с республиканскими, краевыми и областными прокурорами. На общесоюзном уровне работала главная "двойка", официально именуемая Комиссией НКВД и Прокурора СССР. Создание этих внесудебных структур предусматривалось приказом НКВД от 11 августа 1937 г. "Об операции по репрессированию членов польской военной организации в СССР". Этот приказ устанавливал порядок, по которому местные "двойки" должны были каждые 10 дней составлять списки обвиняемых, предварительно "рассортировав" их по категориям. Затем эти списки с кратким изложением сути обвинения направлялись в НКВД СССР. Завершалось репрессирование, согласно приказу, следующим образом: "После утверждения списков в НКВД СССР и Прокурором СССР приговор немедленно приводится в исполнение, т.е. осужденные по первой категории расстреливаются; по второй – отправляются в тюрьмы и лагеря согласно нарядам НКВД СССР"⁴⁰. На основании этого приказа было репрессировано в течение года по национальному признаку 106 666 поляков, из них осуждено к расстрелу 84 471 человек⁴¹. Аналогичным образом, на основании приказов НКВД, осуществлялся массовый террор против немцев, корейцев, латышей и многих других групп и национальностей.

По мнению Комиссии ЦК КПСС, занимавшейся установлением причин массовых репрессий, "двойка" была создана "специально для того, чтобы уничтожать людей, арестованных в порядке проведения массовых операций". В докладе этой Комиссии Президиуму ЦК КПСС от 9 февраля 1956 г. приводились следующие факты, свидетельствующие о размахе репрессий, применяемых московской "двойкой": "только 29 декабря 1937 г. Ежов и Вышинский, рассмотрев списки на 1000 человек, представленные лишь одним УНКВД Ленинградской

области на лиц, обвиняемых в шпионской деятельности в пользу Латвии, осудили к расстрелу 992 человека. Однако это не являлось пределом. 10 января 1938 г. "двойка" рассмотрела списки на 1667 человек, 14 января – на 1569 человек, 15 января – на 1884 человека, 16 января – на 1286 человек, 21 января – на 2164 человека⁴². Об обстановке, в которой подготавливались списки для рассмотрения "двойкой", рассказывал, будучи арестованным, бывший начальник отдела НКВД СССР Н.И. Шапиро: "...до марта 1938 г. все следственные справки по массовым операциям рассматривались по поручению Ежова... Цесарским и Минаевым. Просмотренные ими дела... оформлялись в виде протоколов, которые без всякой проверки, даже без читки, автоматически подписывались наркомом, а также механически подписывались прокурором. После ухода Цесарского (а к этому времени скопилось свыше 100 тысяч следственных дел) к рассмотрению дел были привлечены рядовые начальники отделов. Однако положение не изменилось, а только ухудшилось. Начальники отделов считали это излишней нагрузкой и старались за один вечер рассмотреть не менее 200–300 справок. По существу, это было штампование справок без критического подхода, а люди осуждались к 10 годам заключения или к расстрелу.

Рассмотрение дел оформлялось протоколами, которые представлялись Ежову, или Фриновскому (от наркомата), или Вышинскому и Рогинскому (от прокуратуры), которые подписывали эти решения, не читая и не проверяя их"⁴³.

По данным Комиссии ЦК КПСС, в течение шести лет, т.е. с 1935 по 1940 г., в стране было арестовано *только по обвинению в антисоветской деятельности* 1 980 635 человек, из них расстреляно 688 503. Пик репрессий приходится на 1937–1938 гг. За эти два года по политическим мотивам было арестовано 1 548 366 человек, из них расстреляно 681 692⁴⁴. Подавляющее число обвинительных приговоров было вынесено внесудебным порядком так называемыми "двойками" и "тройками".

Преступная деятельность этих внесудебных органов продолжалась более года. "Массовые операции" закончились так же организованно, как и начались. 17 ноября 1938 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли секретное постановление "Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия", сходное по своему смыслу с секретной инструкцией 1933 г. Отметив заслуги НКВД в разгроме "врагов народа и шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок", Сталин и Молотов, подписавшие это постановление, высказали ряд весьма критических замечаний в адрес органов госбезопасности, военной юстиции и прокуратуры. Как на главный недостаток в работе названных органов, указывалось на упрощенный порядок ведения следствия и суда. Виновные в нарушениях социалистической законности объявлялись врагами народа, пробравшимися в органы НКВД и прокуратуры, которые сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, создавали с провокационной целью "дела" против невинных людей. Постановление запрещало впредь производить какие-либо "массовые операции", связанные с огульными арестами и выселением больших групп людей, требовало от репрессивных органов соблюдения процессуальных норм, предписывало ликвидировать все "тройки".

26 ноября 1938 г. новый хозяин НКВД Л.П. Берия, выполняя распоряжение высшего партийно-правительственного руководства, подписал приказ об упразднении "двоек" и "троек" и восстановлении нарушенных норм уголовно-процессуального законодательства. Иллюзию восстановления справедливости и законности поддержал Верховный Суд СССР, который на своем пленуме в конце декабря 1938 г. начал пересматривать и отменять приговоры, вынесенные ранее по политическим делам.

Такая обстановка спровоцировала ряд критических выступлений со стороны руководителей местных партийных организаций, которые стали обвинять работников НКВД в применении пыток и доказывать, что использование методов физического воздействия на арестованных есть нечто преступное. Высшее партийное руководство, как и 20 лет назад, решительно встало на защиту своего "карающего меча". 10 января 1939 г. Сталин направил руководителям региональных партийных комитетов и органов НКВД шифрованную телеграмму, в которой говорилось: "ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП. [...] ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь – в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод"⁴⁵. Чтобы исключить возможные недоразумения, Сталин предложил ознакомить с содержанием этой телеграммы местных прокурорских работников, осуществлявших надзор за следствием в органах НКВД, а заодно и председателей областных, краевых и республиканских судов. Хотелось бы отметить, что именно на разъяснение ЦК ВКП(б) от 10 января 1939 г., а не на разрешение 1937 г., которое, возможно, было дано в устной форме, ссылались впоследствии руководители органов госбезопасности как на законное основание для применения пыток⁴⁶.

Без участия высшего партийного руководства не решался ни один судебный вопрос, связанный с применением высшей меры наказания. Официально смертные приговоры, вынесенные военными трибуналами округов и местными судами, вступали в законную силу после утверждения их Верховным Судом СССР. На практике решение высшей судебной инстанции зависело от воли ЦК ВКП(б). В одной из записок от 15 ноября 1941 г. Берия докладывал Сталину о существовавшей процедуре утверждения смертных приговоров: "Решения Верховного Суда Союза ССР, по существу, не являются окончательными, так как они рассматриваются Комиссией Политбюро ЦК ВКП(б), которая свое заключение также представляет на утверждение ЦК ВКП(б), и только после этого по делу выносится окончательное решение, которое вновь спускается Верховному Суду, а этим последним направляется для исполнения НКВД СССР"⁴⁷. Исключения составляли местности, объявленные на военном положении. Там действовал указ Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР от 27 июня 1941 г., по которому Военные советы фронтов имели право утверждать и немедленно приводить в исполнение смертные приговоры.

Прекращение массового террора не означало, что теперь каждый обвиняемый мог рассчитывать на рассмотрение его дела в суде. Старую русскую поговорку "на "нет" и суда нет" советские остроло-

вы дополнили фразой: "а есть Особое совещание". Постановление ЦИК и СНК СССР "Об Особом совещании при НКВД СССР" было принято 5 ноября 1934 г. Первоначально этот внесудебный орган наделялся правом "применять к лицам, признаваемым общественно опасными", ссылку и высылку под гласный надзор на срок до пяти лет, заключение в исправительно-трудовой лагерь на тот же срок и высылку за пределы СССР иностранных подданных. В дальнейшем внесудебные полномочия Особого совещания были существенно расширены. В ноябре 1941 г. постановлением Государственного Комитета Обороны оно получило право "по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасным преступлениям против порядка управления СССР выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела"⁴⁸.

На рассмотрение Особого совещания, как и в 1920-е г., поступали дела на тех граждан, в отношении которых не было достаточных оснований для вынесения обвинительного приговора в судебном порядке. В директиве Прокурора СССР от 23 января 1935 г., например, прямо указывалось: "Дела в отношении одиночек, обвиняемых в террористической пропаганде и террористических высказываниях, а также и дела групповые, по которым нет достаточных документальных данных для рассмотрения в судах, как правило, направлять для рассмотрения Особым совещанием при НКВД СССР..."⁴⁹

Жертвами внесудебной деятельности Особого совещания, *по официальной версии*, стали 442 531 человек. Из них к высшей мере наказания было осуждено 10 101 человек, к лишению свободы – 360 921 человек, к ссылке и высылке (в пределах станы) – 67 539 человек и к другим мерам наказания (высылка за границу, принудительное лечение) – 3970 человек. Названные числа указывались в секретных документах, подготовленных руководством репрессивных ведомств и прокуратуры в 1954 г. и направленных в Президиум ЦК КПСС и лично Н.С. Хрущеву⁵⁰. В настоящее время эти документы опубликованы и широко введены в научный оборот. Достоверны ли указанные в них сведения, можем ли мы им доверять? Имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы заставляют утверждать, что приведенные числа существенно занижены. Для обоснования такого вывода приведем лишь один факт: в официальных документах значителен, например, что в 1940 г. Особое совещание осудило 42 912 человек, в 1951 г. – 9076 человек, в 1952 г. – 958 человек (года для сравнения взяты произвольно). Эти сведения опровергают другой документ, подготовленный для "внутреннего пользования" 20 марта 1953 г. заместителем начальника Секретариата Особого совещания при МВД СССР подполковником Я.А. Плетневым. В нем сообщается, в частности, что в 1940 г. Особым совещанием было осуждено 77 321 человек, в 1951 г. – 17 711 человек, в 1952 г. – 4650 человек⁵¹. Как видим, расхождения довольно значительные. Обращение к другим источникам также подтверждает наш вывод о том, что официальные данные о количестве лиц, осужденных Особым совещанием по политическим мотивам, существенно занижены⁵².

Следует также иметь в виду, что при подсчетах жертв внесудебной деятельности Особого совещания, как правило, не учитывается тот факт, что в течение примерно четырех лет внесудебные репрессии

в СССР осуществляли одновременно *два* Особых совещания – одно при МВД СССР, другое при МГБ СССР*.

При министре государственной безопасности собственное Особое совещание для вынесения внесудебных решений по следственным делам, ведущимся в МГБ, было образовано 2 ноября 1946 г. 21 июля 1950 г. Особое совещание при МВД СССР было упразднено, а его секретариат передан в МГБ. Такая реорганизация объяснялась резко возросшим влиянием Абакумова и его стремлением переподчинить себе часть аппарата МВД. После объединения министерств новое Особое совещание при министре внутренних дел образовалось 14 марта 1953 г. Период его деятельности был кратким. Указом ПВС СССР от 1 сентября 1953 г. "в целях дальнейшего укрепления социалистической законности и повышения роли советского правосудия" Особое совещание при МВД СССР упразднилось. В последующие годы внесудебные органы в СССР никогда больше не создавались, хотя внесудебные репрессии практиковались достаточно широко.

В 1954 г. о характере внесудебной деятельности Особого совещания официальные лица писали еще довольно осторожно: "...в практике работы Особого совещания имели место случаи недостаточно обоснованного осуждения граждан СССР. Этому способствовало то обстоятельство, что рассмотрение дел на Особом совещании проходило в отсутствии обвиняемых и свидетелей, чем создавались широкие возможности покрывать недостатки предварительного следствия, а иногда грубейшие извращения советских законов"⁵³. В 1956 г. Комиссия ЦК КПСС скажет более кратко и емко: "Что касается деятельности Особого совещания, то можно смело утверждать, что оно дополняло систему внесудебной расправы и отличалось от "троек" и "двоек" лишь тем, что было постоянно действующим органом"⁵⁴.

Оценивая феномен внесудебных органов, мы вполне можем согласиться с выводом авторов книги "Политическая юстиция в СССР", которые писали, что, "хотя формально относительно создания, компетенции и форм деятельности внесудебных органов издавались законы и правительственные постановления, они противоречили элементарным основам права, согласно которым всякий человек имеет право быть выслушанным судом, защищаться против предъявленного ему обвинения и обжаловать вынесенный приговор"⁵⁵. 16 января 1989 г. ПВС СССР принял Указ "О дополнительных мерах по восстановлению

* В качестве исторической справки поясним, что первое разделение НКВД СССР на два наркомата произошло 3 февраля 1941 г. Образовавшийся на базе ГУГБ Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ СССР) существовал самостоятельно недолго, военная обстановка заставила вернуться к прежней структуре, и 20 июля 1941 г. наркоматы были объединены в один – НКВД СССР. Вторичное разделение произошло 14 апреля 1943 г. В марте 1946 г. все наркоматы, по инициативе Сталина, были преобразованы в министерства. Министром госбезопасности в этот период был В.С. Абакумов (4 мая 1946 – 11 июня 1951), а министром внутренних дел – С.Н. Круглов (29 декабря 1945 – 5 марта 1953). МВД СССР и МГБ СССР существовали раздельно до 5 марта 1953 г., затем Министерство госбезопасности вошло в состав МВД СССР. Возглавил объединенное ведомство Л.П. Берия (5 марта 1953 – 26 июня 1953).

справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов". В документе говорилось: "В целях восстановления социальной справедливости и ликвидации последствий беззаконий, имевших место в период 1930–1940-х и начала 1950-х гг., Президиум Верховного Совета СССР постановляет: Осудить внесудебные массовые репрессии периода сталинизма, признать антиконституционными действовавшие в 1930–1940-х и начале 1950-х гг. "тройки" НКВД–УНКВД, коллегии ОГПУ и "особые совещания" НКВД – МГБ – МВД СССР и отменить вынесенные ими внесудебные решения, не отмененные к моменту издания настоящего Указа Президиума Верховного Совета СССР. Считать всех граждан, которые были репрессированы решениями указанных органов, включая лиц, осужденных впоследствии за побег из мест незаконного спецпоселения, реабилитированными". Этот нормативный акт не действовал в отношении "изменников Родины и карателей периода Великой Отечественной войны, нацистских преступников, участников бандформирований и их пособников, работников, занимавшихся фальсификацией уголовных дел, а также лиц, совершивших умышленные убийства и другие уголовные преступления"⁵⁶.

Указ позволил возобновить процесс реабилитации жертв политических репрессий на новой основе, хотя, как видим, в начале 1989 г. законодатель ограничивал период политических репрессий 1930-ми – началом 1950-х гг. В аналогичном документе от 13 августа 1990 г. речь уже шла о репрессиях, начатых "с середины 20-х годов", и только в Законе РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 г. начало политических репрессий отнесено к 25 октября 1917 г., как оно и было на самом деле.

Политические репрессии не закончились ни со смертью Сталина, ни после XX съезда КПСС. Они перестали быть массовым явлением, но не перестали быть жестокими, несправедливыми, противоправными. В сознании советских людей преследования по политическим мотивам в послесталинский период прочно связаны с деятельностью КГБ. Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР был образован Указом ПВС СССР от 13 марта 1954 г. Председателем КГБ назначен генерал-полковник И.А. Серов (13 марта 1954 – 8 декабря 1958). В соответствии с решением ЦК КПСС, определившим основные задачи органов госбезопасности, в структуре центрального аппарата КГБ создавались в числе прочих 4-е управление, в задачи которого входила "борьба с антисоветским подпольем, националистическими формированиями и враждебными элементами", а также ряд подразделений, задачи и назначение которых еще в 1921 г. определил Ф.Э. Дзержинский: "Всех подозрительных, которые могут принять участие в активной борьбе ... нужно держать на учете, выяснить, проверить"⁵⁷. К таким подразделениям относились, например, отдел перлюстрации телеграфной и почтовой корреспонденции, управление по борьбе с идеологической диверсией и ряд других.

КГБ, будучи мощной самостоятельной структурой политического сыска, не обладал, как известно, ни судебными, ни внесудебными функциями. Указ ПВС СССР от 28 июля 1956 г. определял подсудность дел о государственных преступлениях следующим образом: все дела о государственных преступлениях, совершенных гражданами лицами, кроме дел о шпионаже, относились к подсудности областных, краевых и Верховных судов автономных и союзных республик,

а также Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР. Дела о шпионаже подлежали рассмотрению Военной коллегией Верховного Суда СССР и военными трибуналами округов. По данным КГБ СССР, в 1957–1985 гг. судебные органы осудили за "антисоветскую агитацию и пропаганду" и "за распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй", 8124 человека⁵⁸. Думается, если бы соблюдалась статья 9 "Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик", принятых 25 декабря 1958 г., которая гласила: "При осуществлении правосудия судьи и народные заседатели независимы и подчиняются только закону", – число осужденных по политическим мотивам было бы значительно меньше. КГБ, оставаясь "щитом и мечом" Коммунистической партии, оказывал колоссальное воздействие на советскую судебную систему, добиваясь осуждения граждан за деяния, которые в демократической стране не могут считаться преступными.

Нормативная база политических репрессий. Первым политзаключенным при новой власти стал видный публицист, революционный и общественный деятель В.Л. Бурцев. 25 октября 1917 г. он выпустил № 1 газеты "Наше Общее Дело", в которой осветил драматические события первой половины дня и опубликовал призыв: "Граждане! Спасайте Россию!" Газета Бурцева оказалась единственной вечерней небольшевистской газетой, вышедшей в Петрограде в день переворота. Вечером того же дня по личному распоряжению Л.Д. Троцкого Бурцев был арестован и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, где пробыл в течение нескольких месяцев. В защиту издателя, арестованного исключительно по политическим мотивам, вопреки всем существовавшим на тот момент юридическим нормам, выступил Максим Горький: "Держать в тюрьме старика революционера Бурцева, человека, который нанес монархии немало мощных ударов, [...] – это позор для демократии"⁵⁹.

Но большевики, как известно, никогда не считали демократию абсолютной ценностью, поэтому первым нормативным актом нового правительства стал "Декрет о печати", подписанный председателем СНК В.И. Лениным 27 октября 1917 г. Согласно этому документу, объявлявшему свободу печати "либеральной ширмой", закрытию подлежали органы буржуазной прессы, призывающие к сопротивлению или неповиновению новой социалистической власти, "сеющие смуту", "извращающие факты" и т. п. Этот декрет можно считать первым актом законодательного запрещения "контрреволюционной деятельности", под которой в тот момент понималось любое антибольшевистское выступление.

С первых дней советской власти начал составляться политический список "врагов народа", подлежащих репрессиям. На основании нормативных актов, в него включались как отдельные лица, так и определенные группы населения, представлявшие по той или иной причине опасность для нового строя. Неуклонно расширяющийся список включал: "хищников, мародеров, спекулянтов", "чиновников, саботирующих работу", членов партии кадетов, корниловцев, калединцев, правых социалистов-революционеров, меньшевиков и многих других групп и лиц, оппозиционных большевистскому режиму. 5 января 1918 г.,

в день открытия Учредительного Собрания, ВЦИК принял постановление, в котором объявлялось, что "всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы"⁶⁰. Этим постановлением ВЦИК блокировал любые действия оппозиционных партий, делал "законным" любой арест, в том числе и членов Учредительного Собрания.

Летом 1918 г. репрессии по политическим мотивам стали массовым явлением, превратившись в откровенный террор. Многие современники, в частности В.Г. Короленко, считали проявление красного террора "признаком не силы, а слабости и страха". Отчасти они были правы. Действительно, чем менее устойчиво и надежно было положение большевиков, тем беспощаднее они отнеслись к своим врагам. "Когда нас упрекают в жестокости, – говорил Ленин, обращаясь к чекистам, – мы недоумеваем, как люди забывают элементарнейший марксизм"⁶¹. Большевики воспринимали политический террор, как нечто естественное, имманентно присущее каждой революции. "Террор вытекает из природы революции, – писал Троцкий, – цель (социализм) при известных условиях его оправдывает. Кто отказывается принципиально от терроризма, т.е. от мер подавления и устрашения по отношению к ожесточенной и вооруженной контрреволюции, тот должен отказаться от революционной диктатуры... и ставит крест на социализме"⁶². Все директивы большевистского руководства основаны на их внутреннем убеждении, что "устрашение есть могущественное средство политики". Расправиться с врагом так, "чтобы все *на годы* запомнили" – вот лейтмотив многих ленинских указаний в отношении политических противников.

Официальный нормативный акт о красном терроре был принят 5 сентября 1918 г. Заслушав доклад Дзержинского о деятельности ВЧК, Совнарком пришел к выводу, что "необходимо обеспечить защиту Советской Республики от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам". Этот правительственный акт, опубликованный в "Известиях ВЦИК" только 10 сентября 1918 г., когда террор уже принял массовый характер, давал "законное" основание для репрессий против неопределенно широкого круга лиц. В категорию "классовых врагов" мог попасть в силу происхождения, профессии, партийной принадлежности, родственных связей и т.д. практически любой человек.

Террористическая деятельность ВЧК направлялась не только и не столько правительственными постановлениями, сколько секретными директивами собственного ведомства. Приказ ВЧК о красном терроре, принятый 2 сентября 1918 г., т.е. за три дня до официального постановления СНК, предписывал в одних случаях арестовать, а в других расстрелять целый ряд различных категорий граждан, среди которых были и лидеры оппозиционных партий, и заложники, и бывшие исправники, и даже провинившиеся рабочие⁶³.

По данным бюро печати НКВД, только в сентябре 1918 г. (по *учтенным* приговорам) было расстреляно 2732 человека, из них по политическим мотивам – 2621, в том числе 733 заложника⁶⁴. Вопрос об общем количестве жертв красного террора до настоящего времени остается открытым. В средствах массовой информации, научной и даже учебной литературе часто называется число 1,7 миллиона человек. Такое количество жертв (точнее: 1 766 118 человек) выявила в конце 1919 г. комиссия Деникина, созданная с целью определить количество лиц, убитых в 1918–1919 гг. в ходе красного террора. Современные исследователи считают, что названное число жертв красного террора "не имеет никаких научных оснований", что "установить точные цифры погибших в ходе красного или белого террора не представляется возможным"⁶⁵. Об этом же писал еще в 1923 г. С.П. Мельгунов в своей уникальной по представленному фактическому материалу книге "Красный террор в России: 1918–1923". Посвятив выяснению вопроса о количестве жертв десятки страниц, историк пришел к выводу: "Кровавая статистика, в сущности, пока не поддается учету, да и вряд ли когда-нибудь будет исчислена. Когда публикуется, может быть, лишь одна сотая расстрелянных, когда смертная казнь творится в тайниках казематов, когда гибель человека подчас не оставляет никакого следа – нет возможности и историку в будущем восстановить подлинную картину действительности ...История будет всегда стоять до некоторой степени перед закрытыми дверями в царство статистики "красного террора". Имена и число его жертв мы не узнаем"⁶⁶.

Заявления партийных лидеров, в том числе и Ленина, о том, что насилие в форме террора *навязано* большевикам контрреволюционными силами и является временным методом борьбы, были не более чем партийной пропагандой и не соответствовали действительности. Взгляд на террор, репрессии, принуждение как на максимально эффективные средства решения многих политических и даже экономических задач нашел отражение и в сфере законодательства, в частности при выработке в 1922 г. первых советских кодексов.

Разработкой нового гражданского и уголовного законодательства занимался Наркомат юстиции (НКЮ). Задачи этого комиссариата в условиях новой экономической политики глава советского правительства определял следующим образом: "Усиление репрессии против политических врагов Соввласти и агентов буржуазии [...]; проведение этой репрессии ревтрибуналами и нарсудами в наиболее быстром и *революционно-целесообразном* порядке; обязательная постановка ряда *образцовых* [...] процессов [...]; воздействие на нарсудей и членов ревтрибуналов через партию в смысле улучшения деятельности судов и усиления репрессии..." Ленин указывал наркому юстиции Д.И. Курскому, что долг НКЮ "перетряхнуть нарсуды и научить их *карать беспощадно, вплоть до расстрела, и быстро, [...] карать* не позорно-глупым, "коммунистически-тупоумным" штрафом в 100–200 миллионов, а *расстрелом*..."⁶⁷ Цитируемое здесь строго секретное письмо Ленина, направленное 20 февраля 1922 г. Курскому в связи с подготовкой первого Гражданского кодекса РСФСР, определяло *стратегию* правового регулирования новых хозяйственных правоотношений. Ставка в этой стратегии, как видим, делалась исключительно на усиление репрессий, причем репрессий политического толка.

Еще большую непримиримость и беспощадность к политическим противникам проявил Ленин при знакомстве с проектом первого российского Уголовного кодекса. В записке Курскому от 15 мая 1922 г. он рекомендовал "расширить применение расстрела" за контрреволюционные посягательства на советскую власть и предложил добавить к шести статьям, предусматривавшим применение высшей меры наказания, еще *шесть*. В их числе были статьи об агитации и пропаганде, о самовольном возвращении из-за границы, об ответственности за действия против революционного движения при царском строе и другие. Через день, 17 мая, Ленин направил нарком юстиции набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса. Его идею председатель Совнаркома сформулировал следующим образом: "Открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее *суть* и *оправдание* террора, его необходимость, его пределы". Далее Ленин разъяснял: "Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого". В предложенном дополнении говорилось, что "пропаганда, или агитация, или участие в организации, или содействие организациям", способные объективно оказать помощь международной буржуазии, должны караться "высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу"⁶⁸. Нетрудно заметить в ленинском дополнении основу будущей печально известной статьи 58-10 (антисоветская агитация и пропаганда), по которой были осуждены сотни тысяч невинных людей. Активно использовали разработчики статей о контрреволюционных преступлениях и ленинские рекомендации "формулировать как можно шире".

Уголовный кодекс РСФСР вступил в действие 1 июня 1922 г. Это был первый кодифицированный уголовно-правовой акт, содержащий юридические формулировки контрреволюционных преступлений. Глава I "Государственные преступления", открывавшая Особенную часть УК РСФСР, содержала два раздела: "О контрреволюционных преступлениях" (статьи с 57-й по 73-ю) и "О преступлениях против порядка управления" (статьи с 74-й по 104-ю). В 57-й статье в пропагандистском духе (автором части формулировки был Ленин) давалось общее определение контрреволюционного преступления, под которым понималось всякое действие, направленное на свержение советской власти. Другие статьи первого раздела описывали признаки 16 конкретных составов контрреволюционных преступлений. Вопреки требованию Ленина, статья об антисоветской пропаганде и агитации (статья 69) предусматривала расстрел только при чрезвычайных обстоятельствах, в обычных же условиях это преступление каралось лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией. Участие в любых контрреволюционных организациях (статьи 60–63), в соответствии с требованием Ленина, каралось расстрелом, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы.

Новый УК повышал предел наказания лишением свободы до 10 лет. Ранее, по декрету СНК от 21 марта 1921 г., максимальный срок лишения свободы не мог превышать пяти лет.

Высшая мера наказания (расстрел) применялась только по делам, находящимся в производстве революционных трибуналов. По новому Уголовно-процессуальному кодексу (УПК РСФСР), вступившему в силу 1 августа 1922 г., все дела о контрреволюционных преступлениях, а также дела о правонарушениях религиозного характера (по статье 119 УК) подлежали исключительному ведению революционных трибуналов.

Кодификация уголовного права не устранила применения репрессий в административном порядке. 10 августа 1922 г. ВЦИК постановил: "В целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям... в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке"⁶⁹. На основании этого документа была осуществлена насильственная высылка за границу и в северные районы страны многих выдающихся российских ученых и деятелей культуры, чьи взгляды и мировоззрение расходились с большевистской идеологией. По свидетельству принудительно высланного за границу литератора М.А. Осоргина, Л.Д. Троцкий в одном из интервью откровенно заявил: "Мы выслали этих людей потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно"⁷⁰.

В специальной инструкции НКВД от 3 января 1923 г. указывалось: "Административная высылка применяется к лицам, пребывание коих в данной местности (и в пределах РСФСР) представляется по их деятельности, прошлому, связи с преступной средой, с точки зрения охраны революционного порядка, опасным"⁷¹. Речь не шла о лицах, совершивших какое-либо преступление, это было наказание *без вины*. Самовольное возвращение в РСФСР высланного за границу каралось по суду расстрелом. Инструкция предусматривала три вида административной высылки: из данной местности с воспрещением проживания в других определенных пунктах РСФСР, из данной местности в определенный район РСФСР, высылка за границу. В советской карательной практике наиболее часто применялся второй вид высылки, представлявший, по сути, ссылку. За годы Советской власти этому виду наказания по суду и в административном порядке подвергались не только отдельные граждане и социальные группы, но и целые народы. По подсчетам современного российского ученого П.М. Поляна, депортациям в пределах СССР с 1920 г. по 1952 г. подверглись 6 015 000 человек⁷².

Законодательство о контрреволюционных преступлениях не оставалось неизменным. Вносимые поправки и дополнения формулировались, как правило, в расплывчатых неопределенных терминах, позволявших расширять круг лиц, подлежащих юридической ответственности, усиливать санкции. Суть этих законодательных трансформаций хорошо видна на примере изменений и дополнений, которые ВЦИК внес 10 июля 1923 г. в статью 57 УК РСФСР. В первоначальной редакции этой статьи говорилось, что контрреволюционным признается действие, направленное на *свержение* советской власти. В новой редакции речь шла уже о том, что "контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ос-

лаблению" советской власти. Такая формулировка существенно расширяла ответственность, а юридически неопределенные термины "*подрыв*" и "*ослабление*" допускали их произвольное толкование. Кроме того, статья 57 была дополнена второй частью: "Контрреволюционным признается также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего деяние, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции"⁷³. Это дополнение позволяло признавать многие хозяйственные и должностные преступления контрреволюционными, хотя совершившие их лица вовсе не имели прямых намерений ни свергнуть, ни подорвать, ни ослабить советскую власть.

31 октября 1924 г. ЦИК СССР принял "Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик", в соответствии с которыми строилось все последующее советское уголовное законодательство, вплоть до конца 1958 г. "Основные начала" различали две категории преступлений: "а) направленные против основ советского строя, установленного в Союзе ССР волею рабочих и крестьян, и потому признаваемые наиболее опасными; б) все остальные преступления". В отношении первой категории преступлений в законе определялся предел, ниже которого суд не мог назначить меру наказания, по всем остальным преступлениям в законе определялся лишь высший предел. Вполне понятно, что политические преступления относились к первой категории, в качестве высшей меры наказания за них мог назначаться расстрел.

По поводу целей наказаний в документе говорилось: "Задача возмездия или кары уголовного законодательство Союза ССР и союзных республик себе не ставит. Все меры социальной защиты должны быть целесообразны и не должны иметь целью причинение физического страдания и унижения человеческого достоинства"⁷⁴. Это положение Закона было не более чем правовой демагогией, но именно на него ссылались в своих жалобах осужденные, когда писали в высшие судебные инстанции о неимоверных физических страданиях и унижении человеческого достоинства, которым они *целенаправленно* подвергались в местах лишения свободы.

С 1 января 1927 г. вводился в действие Уголовный кодекс РСФСР в новой редакции 1926 г. Контрреволюционные преступления, определенные в статьях 58-1–58-18, были выделены в отдельную главу. Текст статей претерпел лишь небольшие редакционные изменения. Кроме того, в эту главу перешла из главы "О нарушении правил об отделении церкви от государства" бывшая статья 119 об использовании религиозных предрассудков в целях свержения советской власти, ставшая статьей 58-14.

25 февраля 1927 г. ЦИК СССР утвердил для включения в кодексы союзных республик Положение "О преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)". Первый раздел "О преступлениях контрреволюционных" содержал статьи с 1-й по 14-ю. Положение сохраняло, с небольшими изменениями, общее определение контрреволюционного преступления (статья 1) и описание его конкретных составов (статьи 2–14). В отдельную статью выделялось "оказание помощи международной буржуазии" (статья 4), более широко формулировались

статьи о пропаганде и агитации (статья 10), контрреволюционном саботаже (статья 14); добавился состав – недонесение о готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении (статья 12). Названное Положение вошло в уголовные кодексы всех союзных республик и действовало с изменениями и дополнениями до конца 1958 г. Этот документ имел основополагающий характер, являлся юридической базой для применения политических репрессий.

В УК РСФСР соответствующие изменения были внесены 6 июня 1927 г. В действие вводилась глава I "Преступления государственные", которая подразделялась на две части: контрреволюционные преступления (статьи 58-1–58-14) и особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления (статьи 59-1–59-13). Четырнадцать пунктов 58-й статьи соответствовали статьям Положения о преступлениях государственных. В дальнейшем их число не менялось. В уголовных кодексах союзных республик соответствующие статьи имели другую нумерацию, но их содержание и применение везде было одинаковым.

Политический режим 1920-х гг. обусловил появление таких неологизмов, которые вряд ли могли бы появиться в демократическом обществе, например: лишенцы, невозвращенцы и др. Новое слово "лишенцы" стало обозначать людей, лишенных советской властью избирательных прав. Нормативной базой для ограничения политических прав части населения служила сначала Конституция РСФСР 1918 г. (статья 65), затем Конституция РСФСР 1925 г. (статья 69). В ноябре 1926 г. ВЦИК утвердил "Инструкцию о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов", которая, на основании классовых и социальных признаков, существенно расширяла круг лиц, лишенных избирательных прав. В 1927 г. в СССР в сельской местности было 3,6% "лишенцев", в городах – 7,7%, в 1929 г. избирательных прав лишили еще большее количество граждан: на селе процент "лишенцев" увеличился до 4,1%, в городах – до 8,6%⁷⁵. Лишение избирательных прав влекло за собой (особенно в конце 1920-х гг.) значительное ухудшение материального положения "лишенцев". По данным исследовательницы этой проблемы М. Саламатовой, как только человек оказывался в списках "лишенцев", его увольняли с работы, исключали из профсоюза, могли выселить его семью, повышали налоги, а в 1930-е гг. лишали продуктовых карточек, автоматически поражали в правах членов его семьи, исключали детей из школ и вузов. "Вместе с тем, – заключает историк, – большинство "лишенцев" ни по происхождению, ни по социальному положению не принадлежали к "эксплуататорским классам". В принципе они не были и политическими противниками большевиков (лишь незначительная часть принадлежала к оппозиционным партиям) и, следовательно, в огромном большинстве не могли считаться "врагами" советской власти"⁷⁶.

Как правило, не считали себя врагами и те, кто, оказавшись за границей по служебным делам, отказался вернуться в СССР. С проблемой "невозвращенцев" социалистическая Родина столкнулась уже в начале 1920-х гг. 11 мая 1922 г. по учреждениям Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) был разослан циркуляр за подписью наркома Г.В. Чичерина. В нем говорилось, что ввиду повторяющихся случаев "самовольного ухода" служащих из заграничных орга-

нов НКВД и выхода их без разрешения из российского гражданства разъяснить им, что эти "нарушения лояльности" по отношению к РСФСР вызовут репрессии по отношению к их семьям и ближайшим родственникам, находящимся на территории РСФСР. Содержание этого циркуляра объявлялось служащим под расписку⁷⁷.

На протяжении всех лет существования СССР руководство страны так и не смогло примириться с мыслью, что кто-то мог сознательно предпочесть капиталистический строй социалистическому и добровольно покинуть советское государство. "Невозвращенцы" были весьма нежелательным политическим явлением, которое хотя и не носило массового характера, но заметно подрывало репутацию "первого в мире государства рабочих и крестьян". Кроме того, бегство граждан СССР за границу обесценивало главную меру социальной защиты, предусмотренную Основными началами уголовного законодательства, – "объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда" (расстрел считался лишь временно высшей мерой социальной защиты).

Пресечь политически вредное явление советская власть пыталась, как всегда, с помощью репрессий. 21 ноября 1929 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление, которое предписывало рассматривать отказ гражданина СССР вернуться в пределы СССР "как перебежку в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и квалифицировать как измену". Лица, отказавшиеся вернуться в Союз ССР, объявлялись вне закона. Это влекло за собой конфискацию имущества осужденного и расстрел через 24 часа после удостоверения его личности. Имена объявленных вне закона "невозвращенцев" подлежали сообщению всем органам советской власти и органам ГПУ. Закону придавалась обратная сила, т.е. он распространялся и на тех лиц, которые совершили указанное деяние до принятия названного закона⁷⁸. Так, в реестре государственных преступлений появился новый состав контрреволюционного преступления, подсудного Верховному Суду СССР.

Чаще всего за границей оставались сотрудники дипломатических служб и торговых представительств, крупные хозяйственные работники, агенты ОГПУ – НКВД, сотрудники аппарата ЦК ВКП(б), реже – ученые. Главной причиной, заставлявшей людей покидать Родину, было нежелание жить в атмосфере постоянной слежки, доносительства, под угрозой ареста, в ужесточавшемся день ото дня режиме сталинской диктатуры. В число "невозвращенцев" едва не попал нарком Г.В. Чичерин, более полутора лет лечившийся на курортах Германии. Чичерин, будучи не согласным с курсом сталинского руководства, всячески затягивал свое возвращение в СССР, решив, по-видимому, остаться в эмиграции. Но жесткий нажим Сталина и угроза репрессий на основании нового Закона заставили больного наркома 6 января 1930 г. вернуться в Москву⁷⁹.

Политическая травля научно-технической интеллигенции, массовые в конце 1920-х гг. аресты специалистов ("вредителей") не прибавляли оптимизма русской интеллигенции, добросовестно трудившейся на благо Отечества.

В 1930 г. в эмиграции остался выдающийся ученый-химик, руководитель ряда советских научно-технических учреждений, лауреат премии им. В.И. Ленина за 1927 г., академик В.Н. Ипатьев. Проанализировав

свои перспективы в СССР (он был "кроме всего прочего" генерал-лейтенантом царской армии), Ипатьев решил не искушать судьбу и продолжить свою научную работу в США. Угрозы со стороны советского руководства не возымели должного действия. Ученый не вернулся на Родину, это спасло ему жизнь и позволило впоследствии сделать ряд научных открытий мирового уровня. В том же 1930 г. не вернулся из поездки во Францию организатор отечественной химико-фармацевтической промышленности, выдающийся ученый-химик, первый лауреат Ленинской премии (1926) А.Е. Чичибабин, избранный в 1929 г. действительным членом Академии наук СССР. Тогда же политическим эмигрантом стал Н.В. Вольский (Н. Валентинов), многолетний сотрудник ВСНХ, пришедший на работу в главный хозяйственный орган страны по приглашению Ленина. В числе "невозвращенцев" оказались многие замечательные российские граждане, которые любили свой народ, свою Родину, но не смогли примириться с политическим режимом правящей коммунистической партии.

Законодательная база советской репрессивной политики включала и такие нормативные акты, которые современные юристы склонны относить скорее к общеуголовным актам, нежели к политическим. В наши дни этот вопрос имеет особое значение, так как тесно связан с вопросом о реабилитации. По современному российскому законодательству, в частности, не признаются подвергшимися политическим репрессиям, а значит, не подлежат "автоматической" реабилитации лица, осужденные по закону от 7 августа 1932 г. (их заявления о реабилитации могут быть рассмотрены индивидуально в судебном порядке). Между тем и принятие, и исполнение этого нормативного акта диктовалось не столько уголовно-правовой ситуацией, сколько политической конъюнктурой. Это была юридическая форма политического насилия, которое, по традиции, определялось как борьба с "антисоветскими элементами", с "бывшими людьми", с "остатками умирающих классов" и т.д. Большевицкое руководство игнорировало тот факт, что большинство населения к концу пятилетки находилось в условиях, близких к тем, которые в юриспруденции именуется "состоянием крайней необходимости". Покушаясь на чужую собственность (своей-то ни у кого не осталось), граждане инстинктивно пытались устранить опасность, угрожающую их существованию, за что и подвергались уголовному преследованию. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности" было первым в ряду аналогичных актов, которые неоднократно принимались в последующие годы (см. док. № 2).

Инициатором принятия закона, устанавливавшего за расхищение социалистической собственности "драконовские социалистические меры" ответственности, был лично Сталин. Он не только идеологически обосновал необходимость издания такого закона, но и досконально разработал его содержание и структуру. Три пункта нового закона устанавливали меры судебной репрессии по делам о хищении грузов на транспорте, о расхищении колхозного и кооперативного имущества и по делам "об охране колхозов и колхозников от насилий и угроз со стороны кулацких и других противообщественных элементов". Закон предписывал рассматривать людей, покушающихся на об-

щественную собственность, как врагов народа и применять к ним в качестве меры наказания "расстрел с конфискацией всего имущества и заменой, при смягчающих обстоятельствах, лишением свободы на срок не ниже десяти лет с конфискацией всего имущества". Всякое сопротивление насильственному объединению в колхозы приравнивалось к государственному преступлению и каралось лишением свободы от пяти до десяти лет с заключением в концентрационный лагерь⁸⁰. Суровость репрессивных мер усугублялась запрещением применять амнистию к лицам, осужденным на основании данного закона. Это запрещение было отменено только 8 сентября 1953 г.

Сталин всячески подчеркивал политический характер "закона о расхитителях", прозванного в народе "законом о пяти колосках", называл его "основой революционной законности в настоящий момент". Именно он объявил воровство и хищения общественной собственности "контрреволюционными безобразиями". Подготавливая одну из жесточайших репрессивных акций против своего народа, и прежде всего крестьянства, Сталин предпочел опереться на официальный законодательный акт, а не действовать привычными методами внесудебной расправы. Свое мнение по этому поводу Сталин изложил в письме Л.М. Кагановичу от 26 июля 1932 г. "Я думаю, – писал он, – нужно действовать на **основании закона** ("мужик любит законность"), а не на базе лишь **практики** ОГПУ, при этом понятно, что роль ОГПУ здесь не только не будет умалена, а – наоборот – будет усилена и "облагорожена" ("на законном основании", а не "по произволу" будут орудовать органы ОГПУ)"⁸¹. Такое внимание Сталина к формальной стороне вопроса объяснялось достаточно просто: всего месяца назад, 25 июня 1932 г., ЦИК и СНК СССР приняли в связи с десятилетием организации прокуратуры постановление "О революционной законности". Дабы не входить в противоречие с самим собой, потребовалось дать репрессивным органам "легальное прикрытие" в форме закона. В дальнейшем Сталин не раз выступал поборником законности. Эту "причуду" диктатора исследователь советской юстиции П. Соломон объяснял так: "Закон мог не только служить тому, чтобы сделать террор менее заметным, но и служил инструментом политики Сталина. Далеко не каждая проблема должна была разрешаться с помощью грубой силы"⁸².

Значительные изменения в нормативную базу политических репрессий внес 1934 г. 8 июня ЦИК СССР дополнил Положение о преступлениях государственных статьями об измене Родине. Под изменой закон понимал действия, совершенные гражданами СССР в ущерб его военной мощи, государственной независимости или неприкосновенности территории, а именно: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу. Названная статья предусматривала расстрел с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – 10 лет лишения свободы. Содержащееся в статье уточнение преступных деяний указывало на то, что их перечень не был исчерпывающим. Последующая репрессивная практика дала немало примеров расширительного толкования этой статьи.

В случае побега за границу военнослужащего совершеннолетние члены его семьи, знавшие о готовящейся измене, карались лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества.

Остальные совершеннолетние члены семьи перебежчика, ничего не знавшие о готовящейся или совершенной измене, подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет, т.е. уголовной ответственности подвергались лица, не виновные абсолютно ни в каких противоправных действиях. Строго каралось недонесение о готовящейся измене⁸³. Дополнительные статьи вошли в УК РСФСР под номерами 58-1^а, 58-1^б, 58-1^в, 58-1^г.

Значительные изменения вносились и в уголовно-процессуальное законодательство. 1 декабря 1934 г., в день убийства члена Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ЦИК СССР, первого секретаря Ленинградской партийной организации С.М. Кирова, через Президиум ЦИК СССР путем опроса его членов были проведены два нормативных акта. Постановление "О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов" предписывало: следственным властям – вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком, судебным органам – не задерживать исполнение приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению; органам НКВД – приводить в исполнение приговоры о расстреле немедленно по вынесении судебных приговоров. Второй документ гласил: "Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти: 1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней. 2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде. 3. Дела слушать без участия сторон. 4. Кассационного обжалования, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать. 5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора"⁸⁴. Автором текста нового закона был лично Ягода, редактором – Сталин. Этот документ демонстрировал полное попрание самых элементарных принципов советского судопроизводства, уголовный процесс принимал открыто инквизиторский характер. 8 декабря Прокурор Союза ССР И.А. Акулов и Председатель Верховного суда СССР А.Н. Винокуров подписали директиву, в которой давался перечень должностных лиц, покушение на жизнь и здоровье которых необходимо было квалифицировать как террористический акт (по статьям 58-8 и 58-11 УК РСФСР). Эта директива грубо нарушала основные принципы уголовного законодательства еще и тем, что придавала обратную силу закону от 1 декабря 1934 г.⁸⁵ Следует иметь в виду, что под террористическим актом советская юриспруденция понимала не только "покушение на жизнь и здоровье". В соответствии со специальной директивой НКЮ СССР от 15 апреля 1938 г. полагалось квалифицировать как террор и такие дела, в которых содержались "одобрения террористических актов, а также высказывания террористических намерений в отношении руководителей Партии и советского Правительства"⁸⁶. Эта директива открывала широчайший простор судебному произволу.

Сходными по своим трагическим последствиям были также изменения, внесенные в республиканские УПК на основании постанов-

ления ЦИК СССР от 14 сентября 1937 г. Новый закон устанавливал: по контрреволюционным делам о вредительстве (статья 58-7) и диверсиях (статья 58-9) обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дел в суде, кассационного обжалования по этим делам не допускать, приговоры о расстреле приводить в исполнение немедленно по отклонении ходатайств осужденных о помиловании⁸⁷. Ввиду того что обвинения во вредительстве и диверсиях относились к числу "ходовых", новые процессуальные нормы активно использовались в годы массовых репрессий.

Противоправные акты от 1 декабря 1934 г. и 14 сентября 1937 г., служившие нормативной базой террора, были отменены Указом Президиума Верховного Совета СССР только 19 апреля 1956 г. Устанавливалось, что органы следствия и суда должны руководствоваться процессуальными нормами УПК союзных республик.

Ужесточение карательной политики выразилось также в резком удлинении сроков лишения свободы. 2 октября 1937 г. ЦИК установил предельный срок лишения свободы в 25 лет. Такая мера уголовного наказания применялась в отношении лиц, осужденных за шпионаж, вредительство, диверсии. Впоследствии к этим статьям прибавился ряд других. Длительные сроки лишения свободы стали применяться наиболее активно после отмены смертной казни 26 мая 1947 г., когда расстрел был заменен заключением в исправительно-трудовых лагерях сроком на 25 лет. На 1 января 1939 г. в лагерях НКВД содержалось 3663 человека, осужденных на срок более 10 лет, а на 1 января 1953 г. срок 15 лет и выше имели 343 960 заключенных⁸⁸. Смертная казнь за политические преступления была восстановлена 12 января 1950 г. Президиум Верховного Совета СССР разрешил ее применение в отношении "изменников Родины, шпионов и подрывников-диверсантов". За 1950-й – первую половину 1953 г. по политическим обвинениям казнили (согласно официальным сведениям) 3894 человека⁸⁹.

Как известно, за годы советской власти огромное количество людей было подвергнуто политическим репрессиям на основании объективного вменения, т.е. к уголовной ответственности привлекались лица без установления их вины. Наиболее широкое распространение объективное вменение получило при репрессировании членов семей лиц, обвинявшихся в измене Родине и других контрреволюционных преступлениях. Начало этой порочной практике положило уже упоминавшееся постановление ЦИК от 8 июня 1934 г. В дальнейшем репрессии в отношении членов семей осуществлялись на основании секретных партийных постановлений, приказов НКВД, ведомственных инструкций и разъяснений.

15 августа 1937 г. Н.И. Ежов, основываясь на постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1937 г., издал оперативный приказ, которым обязывал местные органы НКВД арестовать и осудить через Особое совещание на срок не менее пяти-восьми лет лишения свободы всех жен "изменников Родины, членов правотроцкистских шпионско-диверсионных организаций", осужденных после 1 августа 1936 г., а также их "социально опасных и способных к антисоветским действиям" детей старше 15 лет⁹⁰. Аресту подлежали жены, состоявшие как в юридическом, так и фактическом браке с осужденным на момент его ареста, а также разведенные, "знавшие о контрреволюционной

деятельности осужденного". Не подлежали аресту лишь жены, разоблачившие своих мужей. Осужденные женщины, как правило, ничего не зная о судьбе своих арестованных мужей, быстро догадались: если жена получала пять лет, значит, муж жив, если восемь – расстрелян.

Впоследствии действие этого приказа было распространено на членов семей "харбинцев". Так называли советских граждан, ранее работавших на Китайско-восточной железной дороге и возвратившихся в СССР после ее продажи. Несколько десятков тысяч человек были подвергнуты репрессиям в соответствии с приказом НКВД от 20 сентября 1937 г., в котором говорилось: "...харбинцы в подавляющем большинстве являются агентурой японской разведки..." и подлежат осуждению в срок до 25 декабря 1937 г.⁹¹

Репрессии в отношении "жен изменников Родины" несколько ослабли после приказа НКВД от 17 октября 1938 г. Отменялся порядок, по которому жены врагов народа арестовывались независимо ни от чего, одновременно с мужьями. Теперь репрессиям подвергались лишь те жены, которые были в курсе деятельности своих мужей и в отношении которых органы НКВД располагали материалами "об их антисоветских настроениях и высказываниях", а также те, кого можно было причислить к "политически сомнительным и социально опасным элементам"⁹².

Советская власть всегда рассматривала семью как свою ложницу. Такой взгляд на "ячейку общества" получил особенно широкое распространение в годы войны. Секретное постановление ГКО от 24 июня 1942 г. устанавливало порядок, по которому репрессиям подвергались семьи лиц, осужденных к высшей мере наказания по статье 58-1^а. Членами семьи считались отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с осужденным или находились на его иждивении. Впоследствии на основании этого постановления был издан ряд директив, значительно расширявших круг лиц, чьи семьи подлежали репрессиям на основании объективного вменения.

В разгар войны в нашей стране появились официальные каторжане. 19 апреля 1943 г. ПВС СССР принял Указ "О мерах наказания изменникам Родины и предателям и о введении для этих лиц как меры наказания каторжных работ". 31 июля 1943 г. Верховный Суд СССР получил право применять в отношении осужденных, приговоренных к смертной казне за измену Родине, ссылку в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Учитывая военную обстановку, можно предположить, что этой мере наказания подвергались действительные преступники, в том числе каратели, участвовавшие в зверствах оккупантов. Но анализ состава заключенных ГУЛАГа показывает, что это не совсем так. В начале 1951 г. среди 584 тыс. заключенных, осужденных на основании статей о контрреволюционных преступлениях, около 339 тыс. были осуждены по статьям 58-1^а–58-1^б, т. е. за измену Родине. Из этого числа только около 52 тыс. человек попали в лагеря за действительное участие в зверствах оккупантов, а также за все виды службы в карательных органах⁹³. Основная масса "изменников" по-прежнему состояла из участников антисоветских, церковных, профашистских и других организаций, из националистов, "террористов" и т.д., впоследствии реабилитированных.

После войны каторжные работы как мера наказания стали применяться к лицам, осужденным на основании Указа ПВС СССР от 26 ноября 1948 г. "Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны". Без каких-либо преамбул указ деловито разъяснял: "В целях укрепления режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ"⁹⁴.

Дела в отношении побегов выселенцев подлежали рассмотрению в Особом совещании при МВД СССР. В течение года по новому указу к каторжным работам приговорили около 10 тыс. человек. В последующие годы его действие было распространено также на некоторые другие категории лиц, направленных в административном порядке в ссылку на поселение. Этот жестокий и бесчеловечный закон сталинской эпохи, принятый почти одновременно с Всеобщей декларацией прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.), был отменен 13 июля 1954 г. Он не только грубейшим образом нарушал права человека (о которых советские граждане в тот период и не подозревали), но и находился в прямом противоречии с существовавшим законодательством: статья 82 УК РСФСР предусматривала за побег из мест заключения, ссылки и высылки наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет.

В прямом противоречии с духом и буквой закона находился и другой нормативный акт – Указ ПВС СССР от 21 февраля 1948 г. "О направлении особо опасных государственных преступников по отбытию наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР". К особо опасным государственным преступникам указ относил: "шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп и лиц, представляющих опасность по своим связям и вражеской деятельности"⁹⁵. Названные категории заключенных после отбытия срока наказания в лагерях и тюрьмах направлялись в бессрочную ссылку на поселение. Во исполнение этого указа осенью 1948 г., на основании секретной директивы МГБ и Генерального прокурора, начались повторные аресты тех, кто успел выйти на волю после окончания войны. Всем "повторникам" обвинение предъявлялось по тем же статьям УК, по которым они уже отбыли наказание. Следствие по этим делам проводилось упрощенно, без проверки прежних доказательств. Основным документом, на основании которого Особое совещание выносило решение о направлении бывших заключенных в бессрочную ссылку, служили справки по архивно-следственным делам о прошлой антисоветской деятельности этих лиц.

Этот указ и практика его реализации грубо нарушали существующее законодательство, противоречили основным принципам уголовного права. Во-первых, повторному наказанию подвергались люди, не совершившие никакого конкретного преступления. Во-вторых, в советском законодательстве все виды уголовного наказания имели определенный срок, т.е. неопределенного наказания в виде бессрочной ссылки или пожизненного заключения быть не могло. Ссылка в качестве дополнительного наказания могла применяться на срок не выше пяти лет. В третьих, советские законы не допускали повторного наказания за одно и то же преступление. Несмотря на то что обо всех этих нарушениях законности "вспомнили" сразу после смерти Сталина, отменили названный указ только 10 марта 1956 г. Из бессрочной ссылки освободили более 60 тыс. оставшихся в живых "особо опасных государственных преступников".

Начавшийся после смерти Сталина процесс "восстановления социалистической законности" сопровождался отменой большинства указов и постановлений 1930–1940-х гг., служивших нормативной базой политических репрессий. С мартовской амнистии 1953 г. начался сперва постепенный, затем более интенсивный, хотя и не всегда последовательный процесс освобождения политических заключенных. 17 сентября 1955 г. Президиум ВС СССР издал Указ "Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг." Уникальная особенность этого указа заключалась в том, что амнистии (в первый и последний раз за все годы осуществления в СССР политических репрессий) подлежали лица, осужденные по статьям 58-1, 58-3, 58-4, 58-6, 58-10, 58-12. Под амнистию попадали, конечно, не все политзаключенные, имевшие эти статьи, а только те, которые "по малодушию или неосознанности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами"⁹⁶.

Впервые за многие годы советское руководство попыталось отказать от одного из важнейших рычагов управления обществом – от уголовно-правового принуждения. В 1953–1956 гг. были приняты законодательные акты об отмене уголовной ответственности за невыработку колхозниками обязательного минимума трудодней, за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы, за самовольный проезд в товарных поездах, за прогул и за самовольный уход с предприятий и из учреждений, а также некоторые другие "преступления" аналогичного содержания. Смягчалась или заменялась мерами административного и дисциплинарного порядка уголовная ответственность за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые и другие преступления. Однако тенденция к сужению сферы уголовно-правового принуждения не получила должного развития. О том, что уголовное наказание по-прежнему рассматривалось руководством страны как эффективное средство решения многих социально-экономических задач, свидетельствовало, например, принятие 5 октября 1956 г. Указа "О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством". Этот нормативный акт устанавливал уголовную ответственность в виде ссылки, соединенной с принудительными работами, на срок до пяти лет в отношении совершеннолетних цыган, уклоняющихся от общественно-полезного труда и занимающихся бродяжничеством⁹⁷. Пытаясь с помощью уголовного права решить назревшие

экономические проблемы, законодатель установил уголовную ответственность за невыполнение планов и заданий по поставкам продукции (1958), за приписки и искажения отчетности о выполнении планов (1961), за преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники (1962) и за многое другое.

Значительные изменения в уголовном законодательстве вообще, и в нормативной базе политических репрессий в частности, произошли 25 декабря 1958 г., когда были утверждены Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, приняты Законы СССР "Об уголовной ответственности за государственные преступления", "Об отмене лишения избирательных прав по суду", "Об уголовной ответственности за воинские преступления".

Новые Основы уголовного законодательства содержали ряд статей и положений, призванных гарантировать население страны от массовых нарушений законности, характерных для сталинского периода правления. Устанавливалось, в частности, что "уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления" (статья 3). Тем самым запрещалось применение объективного вменения, исключалась уголовная ответственность по таким основаниям, как "социально опасный элемент", "социально опасный по антисоветским связям", "социально опасный по своей прошлой деятельности" и др. В этой же статье говорилось, что "уголовное наказание применяется только по приговору суда". Этим предусматривалась недопустимость внесудебных репрессий. В статье 6 оговаривалось действие закона во времени, в частности указывалось, что "закон, устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание, обратной силы не имеет".

В новом законодательстве отсутствовали такие виды наказаний, как объявление врагом трудящихся и изгнание из пределов СССР навсегда, лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях СССР, поражение прав и некоторые другие. Предельный срок лишения свободы устанавливался в 15 лет (только за особо тяжкие преступления, к которым закон относил, в частности, "особо опасные государственные преступления").

Делая шаг вперед, советские законодательные органы тут же делали два шага назад. В нарушение статьи 6 Основ уголовного законодательства, устанавливавшей, что закон, смягчающий наказание, имеет обратную силу, т. е. распространяется на деяние, совершенное до его издания, Верховный Совет постановил не распространять действие статей, смягчающих уголовное наказание, на лиц, осужденных ранее за особо опасные государственные преступления и ряд других деяний. На практике это означало, что многие политзаключенные, получившие 25 лет лагерей по сталинским указам, продолжали отбывать гигантские сроки заключения и тогда, когда юридически таких сроков лишения свободы уже не существовало, а сами указы были отменены. На 1 января 1960 г. срок более 15 лет имели 68 760 человек (11,8% от общего количества заключенных). За особо опасные государственные преступления в этот же период отбывали наказание 9596 заключенных⁹⁸.

В законодательстве о политических преступлениях также произошли важные изменения. Исчезло понятие "контрреволюционные преступления", сократилось количество составов государственных

преступлений, за некоторые из них смягчалась ответственность. Закон "Об уголовной ответственности за государственные преступления" содержал два раздела: "Особо опасные государственные преступления" (статьи 1–10) и "Иные государственные преступления" (статьи 11–26). Этот законодательный акт составил первую главу "Государственные преступления" Особенной части нового Уголовного кодекса РСФСР, утвержденного Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. и введенного в действие с 1 января 1961 г. В первый раздел "Особо опасные государственные преступления" вошли статьи: 64 – "измена Родине", 65 – "шпионаж", 66 – "террористический акт", 67 – "террористический акт против представителя иностранного государства", 68 – "диверсия", 69 – "вредительство", 70 – "антисоветская агитация и пропаганда", 71 – "пропаганда войны", 72 – "организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации", 73 – "особо опасные государственные преступления, совершенные против другого государства трудящихся". В качестве основной меры наказания применялось лишение свободы на разные сроки. По статьям 64–68 мог применяться расстрел. Другие статьи не предусматривали применения высшей меры.

Наибольшую известность в последующие годы получила статья 70, заменившая знаменитую статью 58-10. В первоначальной редакции эта статья гласила: "Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти, либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания – наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет или ссылкой на срок от двух до пяти лет"⁹⁹. Те же действия, совершенные в военное время или повторно, карались лишением свободы на срок от трех до 10 лет. Ранее за антисоветскую агитацию в военное время предусматривался расстрел. Осужденный по этой статье к 10 годам лишения свободы и пяти годам ссылки активный участник правозащитного движения А. Марченко заявил на суде 4 сентября 1981 г.: "Что такое 70 статья, по которой меня судят? Эта статья нужна для того, чтобы духовно поработить всякого и каждого, чтобы всех нас превратить в рабов..."¹⁰⁰

Впоследствии названная статья неоднократно дополнялась с целью расширения ответственности и усиления репрессии. С аналогичной целью вносились изменения и дополнения и в другие статьи, предусматривавшие санкции за политические преступления. Например, в 1962 г. в УК РСФСР было внесено дополнение, запретившее применять условно-досрочное освобождение к лицам, осужденным за особо опасные государственные преступления, в отдельные статьи было выделено недонесение о государственных преступлениях (статья 88-1), укрывательство государственных преступлений (статья 88-2). В 1969 г. специальным дополнением к статье 23 о лишении свободы устанавливалось, что осужденные за особо опасные государственные преступления отбывают наказание в колониях строгого режима, а не в общих колониях.

В 1960–1970-е гг. очень часто юридическим основанием для политических репрессий служили правовые нормы, не имевшие никакого отношения к главе о государственных преступлениях. 4 мая 1961 г. ПВС РСФСР принял Указ "Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни". Этот так называемый "закон о борьбе с тунеядцами" активно использовался для привлечения к уголовной ответственности инакомыслящих и диссидентов из среды творческой интеллигенции. С этой же целью использовали статью 209 УК о бродяжничестве, в которую 7 августа 1975 г. были внесены соответствующие изменения и которая заменила указ от 4 мая 1961 г. В новой редакции статья гласила: "Систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, а также ведение в течение длительного времени иного паразитического образа жизни – наказывается лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок"¹⁰¹. Под "ведением иного паразитического образа жизни" закон понимал уклонение от общественно-полезного труда в течение четырех месяцев подряд или четырех месяцев в общей сложности в течение года¹⁰².

16 сентября 1966 г. УК РСФСР пополнился статьями 190-1, 190-2, 190-3, которые вошли в главу "Преступления против порядка управления". Эти законодательные новеллы явились прямым ответом советского руководства на выступления правозащитников. Лишением свободы до трех лет наказывалось "систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление и распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания" (статья 190-1). Наказанием до двух лет лишения свободы грозило "надругательство над Государственным гербом и флагом СССР" (статья 190-2). "Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок" (ст. 190-3), влекли уголовную ответственность в виде лишения свободы до трех лет¹⁰³.

Осуществляя борьбу с инакомыслием, вольнодумством, свободолобием, правящий режим далеко не всегда прибегал к услугам суда или закона. Для расправы с неугодными лицами использовались административная ссылка, выдворение из страны и многие другие меры, не предусмотренные никакими законами. Основанием для политических репрессий могли служить нормативные акты по вопросам лишения советского гражданства, инструкции Министерства здравоохранения СССР, наделявшие психиатров правом насильственной госпитализации лиц, "представлявших общественную опасность", без согласия родственников больного или "иных окружающих его лиц"¹⁰⁴, и, конечно же, негласные решения "директивных органов".

Нормативная база политических репрессий продолжала расширяться вплоть до конца 1980-х гг. Уже в годы так называемой "перестройки", а именно 8 апреля 1989 г., в Закон СССР от 25 декабря 1958 г. "Об уголовной ответственности за государственные преступления" были внесены весьма характерные изменения и дополнения. Одиозную статью 7 "Антисоветская агитация и пропаганда" заменили статьей "Призывы к свержению или изменению советского государственного и общественного строя", по которой за такие призывы

предусматривалось, "при определенных условиях", наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет. Новая статья 7-1 карала за "призывы к совершению преступлений против государства". Острые межэтнические и национальные конфликты, захлестнувшие страну, заставили советское руководство ввести в закон о государственных преступлениях дополнительную статью 11 "Нарушение национального и расового равноправия", которая грозила 10-летним сроком за действия, возбуждающие национальную или расовую вражду. Важным дополнением стала статья 11-1 "Оскорбление или дискредитация государственных органов и общественных организаций", с помощью которой правящие партийно-государственные структуры пытались обезопасить себя от нападков общественности.

Не было ничего удивительного в том, что эти законодательные новации подверглись серьезной критике со стороны демократической общественности, под воздействием которой уже в том же 1989 г. в них внесли некоторые изменения.

Общественные перемены конца 1980-х – начала 1990-х гг. направили законодательную инициативу в иное русло. Началась разработка нормативных актов, направленных на ликвидацию последствий политических репрессий. В течение нескольких лет были приняты десятки законодательных актов, восстанавливавших права незаконно репрессированных граждан и народов. 18 октября 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял Закон "О реабилитации жертв политических репрессий". Закон осудил многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права и справедливости и заявил о неуклонном стремлении добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека (см. док. № 3).

Целям обеспечения законности и преодоления трагических последствий государственного произвола служил Указ Президента Российской Федерации от 23 июля 1992 г. "О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека". В этом документе говорилось: "Существовавшая в годы тоталитарного режима практика принятия без опубликования в печати законов, подзаконных актов и ведомственных директив об установлении различных видов юридической ответственности, организации и деятельности репрессивного аппарата являлась грубейшим нарушением норм государственной жизни и прав человека". Указ, "учитывая законное право граждан на получение правдивой информации о творившемся произволе", предписывал в трехмесячный срок рассекретить все документы по вопросам организации и деятельности судебных и внесудебных органов, исправительно-трудовых учреждений, применения принудительного труда и т.д., за исключением материалов по оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов¹⁰⁵.

Начавшийся после принятия этого указа процесс рассекретивания сопровождался публикацией большого количества документов, среди которых были и законодательные акты, служившие основанием для политических репрессий. В преподавательской практике могут быть успешно использованы публикации, указанные в примечаниях к данной главе, а также ниженазванные сборники документов:

58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. М., 1999.

- ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000.
Лубянка. ВЧК – КГБ. 1917–1960. Справочник. М., 1997.
Реабилитация народов и граждан. 1954–1994 гг. Документы. М., 1994.
Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 – февраль 1956. М., 2000.
Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993.

Примечания

- ¹ Закон РФ "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Стлб. 1428.
- ² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 383.
- ³ Там же. Т. 37. С. 245.
- ⁴ Бухарин Н.И. Теория пролетарской диктатуры // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 19.
- ⁵ Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 139.
- ⁶ Там же. С. 168.
- ⁷ См.: Ленин В.И. Плеханов о терроре // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 184, 185.
- ⁸ Цит. по: Леонов С.В. Создание ВЧК: новый взгляд // Исторические чтения на Лубянке. 1998 г. М.; Великий Новгород, 1999. С. 72.
- ⁹ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. Сб. документов. М., 1958. С. 79.
- ¹⁰ Там же. С. 198, 199.
- ¹¹ Там же. С. 246.
- ¹² Там же. С. 250.
- ¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 358.
- ¹⁴ ВЧК – ГПУ. Документы и материалы. М., 1995. С. 86.
- ¹⁵ Негретов П.И. В.Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917–1921. М., 1990. С. 100, 110.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 55. Л. 1–10.
- ¹⁷ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 125.
- ¹⁸ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии... С. 383.
- ¹⁹ Там же. С. 387.
- ²⁰ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М., 1953. С. 28
- ²¹ Декреты Советской власти. М., 1971. Т. V. С. 12–15.
- ²² История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг. Сб. документов. М., 1955. С. 112.
- ²³ Там же. С. 79.
- ²⁴ Там же. С. 186.
- ²⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 51. Стлб. 646; 1922. № 65. Стлб. 844.

- ²⁶ Лубянка. ВЧК – КГБ. 1917–1960. Справочник. М., 1997. С. 179–181.
- ²⁷ *Валентинов Н. (Н. Вольский)*. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М., 1991. С. 163.
- ²⁸ Цит. по: *Шишкин В.А.* Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997. С. 309, 310.
- ²⁹ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1930. № 9. Стлб. 105.
- ³⁰ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 109.
- ³¹ Там же. С. 110, 111; *Белади Л., Краус Т.* Сталин. М., 1989. С. 169, 170.
- ³² НКВД РСФСР был ликвидирован постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. по предложению Сталина, а его функции были переданы в другие ведомства, по преимуществу в ОГПУ.
- ³³ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 – февраль 1956. М., 2000. С. 341–344.
- ³⁴ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 435.
- ³⁵ Цит. по: *Кудрявцев В., Трусов А.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 267.
- ³⁶ См.: Там же. С. 283.
- ³⁷ Цит. по: *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996. С. 189.
- ³⁸ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 96–104.
- ³⁹ *Шрейдер М.П.* НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995. С. 71.
- ⁴⁰ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 106.
- ⁴¹ Реабилитация: как это было... С. 322.
- ⁴² Там же. С. 344.
- ⁴³ Там же. С. 344, 345.
- ⁴⁴ Там же. С. 317.
- ⁴⁵ См.: *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953 гг. М., 2001. С. 455.
- ⁴⁶ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 18. Док. 12. Л. 7.
- ⁴⁷ Там же. Док. 9. Л. 1.
- ⁴⁸ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 128.
- ⁴⁹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях... С. 36.
- ⁵⁰ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 148; Реабилитация: как это было... С. 103.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 13, 14.
- ⁵² Подробнее см.: *Иванова Г.М.* ГУЛАГ языком документов // Новая и новейшая история. 2001. № 4.
- ⁵³ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 148.
- ⁵⁴ Реабилитация: как это было... С. 345.
- ⁵⁵ *Кудрявцев В., Трусов А.* Указ. соч. С. 279.
- ⁵⁶ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях... С. 186.
- ⁵⁷ Ф.Э. Дзержинский о революционной законности // Исторический архив. 1958. № 1. С. 13, 14.
- ⁵⁸ 58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. М., 1999. С. 6.

- ⁵⁹ Цит. по: *Будницкий О.В., Бурцев В.Л.* Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 52, 53.
- ⁶⁰ Сборник документов по истории уголовного законодательства... С. 21.
- ⁶¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 174.
- ⁶² *Троцкий Л.* Терроризм и коммунизм. Пг., 1920. С. 23.
- ⁶³ ГУЛАГ: Главное управление лагерей.... С. 14, 15.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 55. Л. 4.
- ⁶⁵ Население России в XX веке. В 3 т. Т. 1. М., 2000. С. 98; *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России 1917–1922. // Отечественная история. 1993. № 6. С. 55.
- ⁶⁶ *Мельгунов С.П.* Красный террор в России 1918–1923. М., 1990. С. 44, 86.
- ⁶⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 396–400.
- ⁶⁸ Там же. Т. 45. С. 189–191.
- ⁶⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства... С. 147.
- ⁷⁰ *Осоргин М.* Как нас уехали (юбилейное) // Социологические исследования. 1990. № 3. С. 121.
- ⁷¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства... С. 155, 156.
- ⁷² *Павел Полян.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 239.
- ⁷³ Сборник документов по истории уголовного законодательства... С. 161.
- ⁷⁴ Там же. С. 200.
- ⁷⁵ *Гимпельсон Е.Г.* НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000. С. 314.
- ⁷⁶ *Саламатова М.* Лишенные избирательных прав в Новосибирске в 1927–1936 гг. // Корни травы. Сб. статей молодых историков. М., 1996. С. 21.
- ⁷⁷ *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 257.
- ⁷⁸ Сборник документов по истории уголовного законодательства... С. 250.
- ⁷⁹ См.: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 320, 321.
- ⁸⁰ Сборник документов по истории уголовного законодательства... С. 335, 336.
- ⁸¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 246.
- ⁸² *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. М., 1998. С. 152.
- ⁸³ Сборник документов по истории уголовного законодательства... С. 344.
- ⁸⁴ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 95.
- ⁸⁵ См.: *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Распятие революцией: Российские прокуроры. XX век. 1922–1936 гг. М., 1998. С. 245.
- ⁸⁶ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях... С. 36.
- ⁸⁷ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу... С. 559, 574.
- ⁸⁸ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 418; ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 4.
- ⁸⁹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 434.
- ⁹⁰ Там же. С. 106–110.

- ⁹¹ Реабилитация: как это было... С. 321.
- ⁹² ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 112, 113.
- ⁹³ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 387. Л. 136–137, 139–140.
- ⁹⁴ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях... С. 124.
- ⁹⁵ Там же. С. 118.
- ⁹⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 17. Стлб. 345.
- ⁹⁷ Там же. 1956. № 21. Стлб. 450.
- ⁹⁸ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 443, 444.
- ⁹⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1953–1991). Ч. 2. Законодательство РСФСР. Казань, 1995. С. 43.
- ¹⁰⁰ Цит. по: *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. Т. 2. М., 1997. С. 255.
- ¹⁰¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1975. № 33. С. 698.
- ¹⁰² Там же. 1984. № 51. Стлб. 1793.
- ¹⁰³ Там же. 1966. № 38. Стлб. 1038.
- ¹⁰⁴ См.: *Безбородов А.Б., Мейер М.М., Пивовар Е.И.* Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 1950-х–1980-х гг. М., 1994. С. 34.
- ¹⁰⁵ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях... С. 5, 6.

Глава третья

СТАНОВЛЕНИЕ
ТОТАЛИТАРНОГО
ГОСУДАРСТВА.
1917-й — КОНЕЦ
1920-х гг.

...я чшо не полузу, — так же
ослаиваясь Вам и газет — вы
ше из моего предвзвущего
илия фолшнот зми распор
шен Нарк Госудбезоп Злпрещ
Полученная газет, журналы
книг, как лыскайных банкеров
мак и словетках. (судя
кстати и мск) — теперь прошу
предпринять высылку

Вопреки распространенному мнению о том, что свою наибольшую "жатву" большевистский террор собрал в годы правления И.В. Сталина, и особенно в 1930-е годы, можно утверждать, что самыми кровавыми были уже первые годы большевистского господства.

Террор явился системообразующим элементом большевистской модели: режим должен был либо оставаться террористической диктатурой, либо исчезнуть. Понимая это, В.И. Ленин и другие сторонники жесткого курса последовательно отвергали попытки либерализации, откуда бы они ни исходили, и даже в том случае, если соответствующие требования являлись не более чем возвратом к лозунгам, под знаменами которых они сами пришли к власти в октябре 1917 г. Уступки с их стороны могли вынудить лишь чрезвычайные обстоятельства, классическим примером которых является всеобъемлющий социально-политический кризис февраля – марта 1921 г.

Широко используя "византийские" методы в своей социальной и общей политике, применяя средневековую жестокость в борьбе с врагами "момента", большевистские руководители всегда решали одну и ту же сверхзадачу – сохранить власть в своих руках, каких бы человеческих жертв, территориальных или материальных потерь это ни стоило стране. Уже в первые годы своего правления большевизм продемонстрировал удивительную идейную приспособляемость, вызванную сиюминутными потребностями, готовность без колебаний расстаться с любой, казавшейся незыблемой, идеологической догмой, с одной стороны, и взять на вооружение иную, ранее абсолютно чуждую и многократно объявленную несовместимой с "подлинным" марксистским мировоззрением, – с другой. Диапазон здесь огромен: от эсеровской программы "социализации земли" ("Декрет о земле"¹), годами являвшейся объектом беспкомпромиссной критики со стороны социал-демократов, до насаждения сначала "ушкуйных" (комбеды, продотряды), а затем и "неокрепостнических порядков" в деревне ("посевкомы", колхозы и совхозы); от крайнего, доведенного до абсурда, нередко даже афишированного внешне- и внутривнутриполитического интернационализма (отсюда, кстати, не совсем верное восприятие раннего большевизма в обыденном сознании как явления национально-чуждого, "инородческого"*) до такого же крайнего великорусского национализма, геноцида народов и народностей; от сознательного и целенаправленного разрушения армии и внешнеполитического капитулянтства до милитаризма и стремления силой насадить коммунистические порядки за рубежом.

* Подобное впечатление вызывалось не только слухами о финансировании большевиков германским генеральным штабом, их усилиями по развалу русской армии и последующим заключением позорного и "похабного" сепаратного мира с Германией, но и демонстративно антирусской, антинациональной политикой новой власти (о чем речь пойдет ниже), а также обилием "инородцев" в ее репрессивных органах и в высших эшелонах партийно-советского руководства.

Попытки воплощения в жизнь "великой утопии" сопровождались искоренением традиционных экономических, социальных, политических и национально-культурных устоев, выхолащиванием их сути и неслышанными жертвами. Коммунистический эксперимент в его большевистском варианте оказался разрушительным не только для институтов гражданского общества, с его парламентом, независимым судом и печатью, свободными профсоюзами и кооперативами, развитым местным самоуправлением, но и для целых классов населения, объявленных контрреволюционными и потому подлежащими ликвидации. В той или иной степени, в ходе становления тоталитарного государства, пострадали *все* классы и социальные группы российского общества, независимо от их первоначального отношения к большевизму и октябрьскому перевороту.

Диктатура над пролетариатом. Было ли официальное большевистское "рабочелюбие" "исконнейшей ложью нашей революции", как писал А.И. Солженицын², и каким в действительности являлось отношение самого российского промышленного пролетариата к внутренней и внешней политике большевиков? Когда и при каких условиях РСДРП(б) – РКП(б), как партия рабочего класса или его части, стала превращаться в самодовлеющую надклассовую силу, а ее диктатура – во власть над пролетариатом и против пролетариата?

Ответы на эти, ключевые для отечественной истории XX века, вопросы дает анализ социально-политической обстановки первых месяцев большевистской диктатуры. Обратимся, в частности, к рассмотрению такого массового и оппозиционного рабочего движения, как Собрания рабочих уполномоченных.

Родившееся в феврале 1918 г. из абсолютно самостоятельных и независимых (не только от партий, но и друг от друга) выступлений рабочих Петрограда, Тулы, Москвы и Екатеринослава в защиту своих экономических и политических интересов, движение уполномоченных получило организационное оформление в столице во многом благодаря той роли, которую сыграли в нем представители правого меньшевистского крыла – Б.О. Богданов, В.О. Левицкий, Г.Д. Кучин, Б.С. Батурский, Ю.П. Денике, М.С. Кефали и др. 3 марта за Невской заставой состоялось собрание меньшевиков, эсеров и беспартийных рабочих района, посвященное вопросу о созыве Чрезвычайного Собрания уполномоченных фабрик и заводов.

По данным газеты меньшевиков-"оборонцев" "День", анкетирование петроградских уполномоченных, проведенное в конце марта, показало, что из 110 участников совещания 33 были членами эсеровской партии, 35 – меньшевиками и 42 – беспартийными. Полное отсутствие представителей правящих партий и одновременно существенная роль членов оппозиционных социалистических организаций отмечались и в других центрах независимого рабочего движения. Однако ни организационно возглавить, ни идейно контролировать новые рабочие организации меньшевики и эсеры не могли, хотя к этому стремились. Рабочие-уполномоченные охотно выступали на партийных собраниях, в свою очередь, приглашали представителей партийных комитетов на свои заседания (не предоставляя им, однако, даже совещательного голоса), иногда принимали меньшевистские резолюции по частным вопросам, но категорически отказывались следовать

партийным рекомендациям относительно состава своих руководящих органов, программных и тактических лозунгов движения в целом. О слиянии движения уполномоченных с работой оппозиционных социалистических партий не могло быть и речи. На своих собраниях уполномоченные периодически рассматривали предложения об организации собственной, чисто рабочей по составу, партии и предостерегали своих соратников от "лакеизма", не только большевистского, но и меньшевистского.

Одним из центральных лозунгов независимого движения рабочих стал: "Спасение – только в нас самих!" Вместе с тем целиком обойти вопросы общей политики они не могли, и уже в своей мартовской декларации, направленной в адрес IV съезда Советов (но так и не зачитанной на нем), требовали восстановления демократических свобод, прекращения террора, отставки Совнаркома, немедленного созыва Учредительного Собрания и отказа подписать грабительский мир с Германией (см. док. № 1).

К концу марта движение рабочих-уполномоченных в Петрограде стало по-настоящему массовым и объединяло представителей около 60 крупнейших фабрик и заводов, с общим количеством избирателей свыше 55 тыс. Спустя два месяца Собрание представляло уже 72 предприятия, с общим числом рабочих около 100 тыс. (из 144 тыс. рабочих, имевшихся в городе на 1 апреля). В движении были представлены все крупнейшие петроградские фабрики и заводы, большинство типографий, электростанций, трамвайных парков и железных дорог, некоторые профсоюзные объединения. Возглавляли движение потомственные рабочие, как правило, с дореволюционным стажем участия в социалистическом и профсоюзном движении – социалист-революционер, депутат Петросовета Е.С. Берг, социал-демократ, депутат Петросовета А.Н. Смирнов, путиловцы А.Е. Розенштейн и Н.Н. Глебов, печатник меньшевик М.С. Кефали, профсоюзный деятель В.Г. Чиркин и др. Одним из косвенных результатов работы Собрания стало падение популярности большевиков в рабочей среде и, как следствие, – численности петроградской организации РКП: к июню 1918 г. в ее рядах насчитывалось всего 13,5 тыс. членов против 50 тыс. человек в октябре 1917 г. К августу 1918 г. это число упало до 7 тыс. человек.

В марте – апреле движение, аналогичное петроградскому, появилось и в других промышленных центрах России – Москве, Твери, Ярославле, Рыбинске, Коломне, Самаре, Сормове, Брянске и др.; началось его всероссийское распространение. Постепенно наметился переход к активным формам борьбы – стачкам и другим массовым акциям протеста против политики режима, а также разворачивалась подготовка к Всероссийскому рабочему съезду, открытие которого планировалось на 20-е числа июля.

Уполномоченные отчитывались о своей деятельности перед избирателями, и их резолюции и лозунги находили широкую поддержку на многотысячных заводских митингах и собраниях. Только в марте – апреле 1918 г. такие митинги прошли на Путиловском (10–12 тыс. участников), Фарфоровом заводах, на заводе Сименс – Шуккерт, в типографии Маркса и на Пороховых (1300–1400 человек). Попытки властей переломить ситуацию в свою пользу успеха не имели – большевистских ораторов освистывали, не давали говорить, а нередко и

изгоняли с собраний. Эта участь постигла не только рядовых коммунистов, но и большевистских вождей – Л.Д. Троцкого в Москве, Г.Е. Зиновьева и В. Володарского в Петрограде. Н.И. Подвойскому, который попытался свалить экономические трудности на Временное правительство, рабочие прямо заявили: "Вы за пять месяцев успели больше разрушить, чем могло бы Временное правительство это сделать за восемь!".

Критика рабочими всего комплекса "переходных мер к социализму" в политической, промышленной и продовольственной сферах была сокрушительной. "Нам необходимо строить классовые организации и вышвырнуть из своей среды все, что питает надежды создать социализм при полной разрухе"³, – говорили они, открыто протестуя против ставки на разжигание Гражданской войны, свертывание демократических свобод и усвоенных большевиками террористических методов управления. "Никто не уверен в завтрашнем дне, – указывалось в первомайском воззвании Чрезвычайного Собрания, – нет суда, есть только палачи, социалистами полны тюрьмы, казни совершаются на площадях, люди озверели, царствует пуля. Разве это социализм? Наша нищая, голодная, расстрелянная, униженная родина никогда еще не была так далеко от социализма, как сейчас"⁴.

Демагогические заявления новых правителей России о победе в стране "диктатуры пролетариата в форме Советов" уже никого не могли обмануть. Взамен принятого курса на установление однопартийной диктатуры рабочие-уполномоченные требовали создания власти, опирающейся на всю демократию и ответственной перед ней. "«Советы» рабоче-крестьянского правительства, – писали они в воззвании "К рабочим и работницам!", – стали дипломатическими канцеляриями, министерствами, судебными палатами, полицейскими управлениями. Они перестали быть политическими представителями пролетариата. Увлеченные "государственными" делами, члены Совета оторвались от массы избирателей... Красная гвардия, часть рабочего класса, превратилась в послушное орудие чиновников, винтовки и пулеметы направились против рабочих... Профессиональные союзы перестали заниматься своим делом, они не руководят больше борьбой рабочих, не борются за их классовые интересы. Они не ведут больше пропаганды классовой борьбы. Они организуют хозяйство и попадают часто в непримиримое противоречие с интересами рабочих. Они поддерживают всю разрушительную политику "Советов" – рабочий контроль, национализацию банков и пр. и пр. – содействуя тем разрушению промышленности и подрывая самую основу существования рабочих"⁵.

Особое возмущение в пролетарской среде вызвал расстрел рабочих красногвардейским отрядом 9 мая в Колпине, в результате которого двое человек было убито и десятки ранены. По фабрикам и заводам всей России принимались резолюции протеста. Предприятия некоторых районов Петрограда явочным порядком начали стачку протеста, а общее собрание рабочих и служащих Александровских железнодорожных мастерских в Москве единогласно потребовало, чтобы к ним явился председатель Совнаркома "дать ответ о расстреле рабочих в Колпине, о предстоящем экономическом рабстве и предстоящем голоде"⁶. Ленин, понятно, это "приглашение" отклонил и

взамен засел за "Обращение к питерским рабочим об организации продовольственных отрядов" – письмо, полное тревоги и отчаяния. "Товарищи-рабочие! – писал он. – Помните, что положение революции критическое. Помните, что спасти революцию можете *только вы*; больше никому"⁷. Однако содержащийся в обращении призыв для "спасения революции" с оружием в руках отправиться за хлебом в деревню также не встретил понимания в пролетарской среде. "Собрание уполномоченных, обсудив вопрос о способах добычи хлеба, придуманных Сов[етом] нар[одных] ком[иссаров], действующим именем рабочих, находит такой способ разрешения продовольственного кризиса – безусловно достойным осуждения и не заслуживающим никакой поддержки со стороны рабочего Петрограда", – говорилось в резолюции уполномоченных от 22 мая⁸.

Вопрос об участии в вооруженных антиправительственных выступлениях неоднократно обсуждался рабочими-уполномоченными, причем, учитывая настроения некоторых воинских частей, соотвествующие возможности у них были. Однако главный смысл своей деятельности они видели в том, чтобы добиваться политических и экономических реформ путем мирного давления на правительство. Поэтому они отвергли инициативу рабочих Обуховского завода, которые, заручившись поддержкой матросов Минной дивизии, стоявшей на Неве, призывали перейти к вооруженным формам борьбы с большевизмом. Как авантюру осудили они и выступление левых эсеров 6 июля в Москве. Ими была сделана попытка провести в Петрограде однодневную политическую стачку протеста, которая, хотя и собрала до 35 тыс. участников, всеобщей не стала. Одним из способов выражения протеста был отзыв рабочими своих представителей из Советов.

Большевистское правительство сделало все, чтобы, с одной стороны, дискредитировать движение уполномоченных в глазах рабочих, объявив его подставным, "буржуазным", "черносотенным" и "эсерово-меньшевистским", не имеющим формального права выражать интересы рабочих, с другой – ослабить его изнутри, а затем и ликвидировать в подходящий момент репрессивным путем. Для решения первой задачи была развернута широкая "разоблачительная" пропагандистская кампания в печати. На предприятиях, где рабочие были настроены наиболее решительно, проводились локауты (Обуховский завод, например, в июне был закрыт с поголовным увольнением рабочих). Все эти акции вызывали массовый протест. Однако продолжавшаяся национализация промышленных предприятий, сокращение числа работающих фабрик и заводов, резкое падение уровня жизни*, голод, всеувеличивавшаяся безработица и вызванный всем этим отъезд рабочих массами в деревню** способствовали ослаблению оппозиционного пролетарского движения и падению интереса рабо-

* В 1918 г. заработная плата рабочих в реальном выражении по сравнению с 1913 г. упала вчетверо и втрое – по сравнению с 1917 г.

** С 1 января по 1 августа 1918 г. в Петрограде, по официальным данным, число рабочих сократилось с 331 тыс. до 94 тыс. Только в течение апреля 1918 г. город покинуло около 18 тыс. рабочих семей. В Московской губернии это количество за то же время сократилось с 380 тыс. до 330, во Владимирской – с 205 до 112 и т.д.

чих к "политике" вообще. Иначе говоря, набирал силу процесс деклассирования промышленного пролетариата, которым все больше овладевала апатия и пассивность. Отток рабочих из крупных промышленных центров (в первую очередь, Москвы и Петрограда с губерниями) был вызван и принудительной мобилизацией в Красную Армию, объявленной во второй половине июня и захватившей сразу пять призывных возрастов. Таким образом, летом 1918 г. у правительства оказались развязаны руки для борьбы с Собранием уполномоченных, и используя момент, власть перешла в наступление.

Первые аресты рабочих прошли в мае и июне 1918 г., когда за решетку было отправлено свыше 50 делегатов от заводов Тулы, Брянска, Петрограда и Москвы. 23 июля в Москве в полном составе были арестованы участники подготовительного заседания к Всероссийскому рабочему съезду вместе с присутствовавшими на нем гостями, меньшевиками и правыми эсерами, всего свыше 30 человек, главным образом рабочих – представителей Москвы, Петрограда, Тулы, Бежицы, Коломны, Сормова и других центров движения уполномоченных. Таким образом, оппозиционное рабочее движение, переживавшее стадию организационного оформления, оказалось обезглавленным. В сентябре, в условиях красного террора, многие оппозиционно настроенные рабочие и социалисты были казнены (например, депутат Петросовета, рабочий сестрорецкого Оружейного завода, рабочий-уполномоченный меньшевик Р.Б. Краковский). Однако отсутствие какого-либо обвинительного материала заставило власти в ноябре 1918 г. объявить о прекращении "дела рабочей конференции". В дальнейшем было сделано все, чтобы как можно скорее "забыть" об этом рабочем движении, вычеркнуть его из общественной памяти навсегда.

"Социализм" в деревне. К весне 1918 г. большевики, по выражению ЦК РКП, "более или менее победили крупную буржуазию" и "более или менее укрепились в городах"⁹. Началось наступление на деревню под лозунгом "борьбы за хлеб", развертывание классовой борьбы с сельской буржуазией и вовлечение в социалистическую революцию крестьянства.

Крестьянство, составлявшее 80% населения страны, встретило октябрьский переворот с симпатией, но в целом было настроено выжидательно, спокойно наблюдая за ходом земельной реформы, начатой "Декретом о земле". Проблему векового малоземелья деревни декрет не решил, хотя на какое-то время обеспечил новому правительству спокойствие и благожелательный нейтралитет многомиллионного крестьянства. Но это мирное сосуществование рухнуло, как только большевики приступили к замене умеренного государственного регулирования производства и распределения продовольствия грубым и основанным исключительно на насилии администрированием с целью создания системы тотального изъятия хлеба. 11 июня 1918 г. было принято решение об образовании "комитетов бедноты", призванных взорвать крестьянство изнутри. Это вызвало яростное сопротивление деревни.

Продовольственная разверстка, запрещение свободной торговли, принудительная мобилизация в Красную Армию, трудовые повинности, прежде всего гужевая и лесозаготовительная, и другие

меры, осуществленные в рамках политики "военного коммунизма", стали главными причинами повстанческого крестьянского движения на территории всех регионов советской России вплоть до 1922 г. К еще более массовым, но в основном пассивным формам крестьянского протеста относилось движение "зеленых", в большинстве – дезертиров, общее число которых за годы Гражданской войны составило более 3,5 млн человек¹⁰. Другими словами, количество крестьян, "ногами" проголосовавших против участия в Гражданской войне как на стороне красных, так и на стороне белых, десятикратно превысило численный состав армии Деникина, Колчака и Юденича, вместе взятых.

Летом 1918 г. началась трансформация стихийной крестьянской революции в стихийную крестьянскую войну, которая стала жестоким ответом на большевистские "социалистические" эксперименты в деревне. Трагизм ситуации заключался в том, что в ходе этой войны столкнулись две крестьянские по своему составу армии, к тому же сходно организованные (включая комиссаров, политические отделы, подразделения ВОХРы и т.п.), присягнувшие красному знамени и сражавшиеся под девизом "Победа настоящей революции!"¹¹. И несмотря на это, борьба между ними достигала предельного напряжения и почти всегда была борьбой на взаимное уничтожение. Крайняя жестокость тут была обоюдной. Крестьяне уничтожали средства связи, портили железные дороги, громили и жгли совхозы и коммуны, с особенной яростью убивали коммунистов и чекистов. Нередко местные коммунистические активисты, продовольственные и карательные отряды вырезались поголовно. Только в ходе крестьянского движения в Тамбовской губернии ("антоновщины") повстанцами было казнено свыше 2 тыс. советских и партийных работников, и свою главную задачу руководители местных коммунистов видели в том, чтобы "спасти членов партии от истребления"¹². Такая картина была типичной для всех крупных очагов крестьянского повстанчества. Уже к концу 1918 г. потери только правительственной "продармии" составили почти 8,5 тыс. человек. Даже советские авторы признавали, что в борьбе за "развертывание социалистической революции в деревне рабочий класс понес значительно большие потери, чем при свержении монархии и диктатуры буржуазии"¹³. С другой стороны, и действия продотрядов отличались чрезвычайной жестокостью. Их обычной практикой было пьянство, грабежи, изнасилования, избиения, порки и пытки крестьян. Некоторые губернские продкомиссары (например, тамбовский – Я.Г. Гольдин) даже среди "своих" заслужили репутацию "палачей". Не отставали от них и чекисты. "Чрезвычайные комиссии, – писал М.Я. Лацис, – безжалостно расправлялись с этими живоглотами (крестьянами. – Д.П.), чтобы отбить у них навсегда охоту бунтовать"¹⁴.

"Крестовый поход" за хлебом со всеми его трагическими последствиями большевики мотивировали тем, что это якобы был единственный возможный способ решения действительно катастрофической остро стоявшей продовольственной проблемы: начиная с января 1918 г. городские жители получали по 50–100 граммов хлеба в день. Однако существовал и мирный, бескровный путь удовлетворительно-го решения этой проблемы, что впоследствии и показало введение нэпа. Для того чтобы обеспечить население продовольствием, доста-

точно было вернуться к системе ограниченного государственного регулирования и отказаться от "твердых" цен на хлеб, одновременно легализовав так называемое "мешочничество". Несмотря на все репрессии, утеснения и даже расстрелы частных торговцев, в годы "военного коммунизма", по официальным данным, до 60% продовольствия советский город все равно получил через запрещенный рынок. Такой путь подсказывало и простое экономическое здравомыслие: деятельность огромного аппарата Наркомпрода, охрана, хранение и перевозка реквизированного хлеба, организация "заградотрядов" для борьбы с "мешочничеством", массовые злоупотребления "продорганов" и фактически двойная оплата "труда" продотрядовцев (на время многомесячных командировок в деревню на основной работе за ними сохранялся средний заработок), наконец, постоянная необходимость привлечения воинских команд для усмирения крестьян – все это вместе взятое делало цену конфискованного хлеба намного выше рыночной и, таким образом, превращало деятельность продотрядов в разорительную, кровавую и бессмысленную авантюру.

Тем временем хлеб в стране был – территории, занятые белыми, голодовок, сравнимых по масштабам с большевистскими, не знали. К тому же гонимый и официально запрещенный "красный" продовольственный рынок был существенно дороже "белого", вполне легального.

Продотряды доказали свою неэффективность уже в первые месяцы существования. До крайности озлобляя деревню, разжигая там Гражданскую войну, они, однако, не были в состоянии решить продовольственную проблему. И в 1918 г., и в последующие годы голод в советских городах продолжался, а порой и усиливался. Положение с продовольствием "совсем плохое", констатировал в конце июля 1918 г. Ленин¹⁵. В 1920 г. рабочие даже наиболее крупных и оборонно важных предприятий, чья заработная плата была целиком переведена на натуральную основу, могли удовлетворить не более 75% своих минимальных продовольственных потребностей. Но вместо того чтобы признать свое банкротство и вовремя отказаться от начатого "крестового похода", большевики, напротив, пошли по пути наращивания в деревне карательно-реквизиционных сил и раскручивания маховика репрессий. Между тем специалисты по истории тамбовского движения свидетельствуют, что, откажись большевики от продразверстки не в 1921 г., а хотя бы годом раньше, антоновщины как массового социального взрыва могло и не быть¹⁶. Однако сила и инерция принятого антикрестьянского курса была такова, что втуне пропали даже аргументы второго человека в партии и государстве – Троцкого, который еще в феврале 1920 г. в записке в ЦК констатировал, что сохранение продразверстки "грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны". Не были услышаны в Кремле и соответствующие призывы вчерашних "собратьев" по социалистическому лагерю – меньшевиков, с которыми те выступали начиная с января 1919 г.

Особая опасность политики продразверстки заключалась в том, что она закладывала "мину" замедленного действия под производство сельхозпродукции в целом, поскольку обесмысливала для крестьян расширенное производство. Ее прямым результатом стало резкое падение товарности сельского хозяйства, огромное сокращение

поголовья скота и посевных площадей (более чем вдвое к 1921 г. по всей стране), массовые голодовки в самой деревне. В докладе главного С.С. Каменева в октябре 1920 г. говорилось о толпах голодных крестьян Воронежской, Саратовской губерний, просивших у местных властей выдачи хотя бы части зерна с сыпных пунктов. В ответ "эти толпы расстреливались из пулеметов"¹⁷, но продовольствие, как говорили сами крестьяне, продолжало выгребаться "под метлу", причем список изымавшихся продуктов неуклонно возрастал.

Следует подчеркнуть, что главной задачей "наступления рабочих на деревенскую буржуазию, спекулянтов и взяточников" было не только установление системы тотального "социального контроля" за распределением товаров и продуктов в городах, что позволяло сделать механизм введенной государственной монополии торговли, но и распространение "социалистической революции" на деревню. Ленин не устал подчеркивать, что "борьба с голодом" есть в то же время и "борьба за весь глубокий и важный строй социализма", за который "стоит отдать все силы и поставить все на карту"¹⁸. Весной 1919 г., когда все перечисленные изъяны разразившейся и ее чудовищная неэффективность стали уже очевидны, он публично поклялся "скорее лечь костью", чем разрешить свободную торговлю хлебом.

Кроме отрядов продовольственной армии, в значительной степени укомплектованных "интернационалистами" и безработными (уже осенью 1918 г. ее численность превысила 23 тыс. человек, а в дальнейшем перевалила за 60), кроме формирований ВЧК, войск внутренней охраны (ВОХР) и частей РККА (всего в подчинении крестьянских выступлений было задействовано свыше 200 тыс. солдат регулярной армии), с августа 1918 г. в деревне начинают оперировать подразделения Военпродбюро (уборочные и уборочно-реквизиционные отряды) общей численностью около 40 тыс. человек, а с весны 1919 г. – еще и нерегулярные части особого назначения (ЧОН) – партийной "гвардии", созданной по решению ЦК при губернских и уездных партийных комитетах ввиду недостаточной надежности регулярных войск в "охране тыла" и "борьбе с контрреволюционными выступлениями" (к декабрю 1919 г. их общая численность превысила 30 тыс. человек)¹⁹. "Боевое использование" отрядов ЧОН находилось в руках партийных комитетов.

Вся эта армия пехотных и кавалерийских частей, которые в наиболее ответственные моменты усиливались бронемашинами, бронепоездами, артиллерией, аэростатами и аэропланами, обрушилась на полуголодного мужика, совершенно не желавшего даром отдавать хлеб и вступать в "коммунистический рай". По неполным данным, только в течение первого года большевистского "крестового похода" на деревню там произошло 345 стихийных крестьянских восстаний. В начале 1921 г., когда крестьянская война достигла своей кульминации, восстаниями было охвачено 118 уездов советской России. Участниками многих из них исчислялись тысячами ("чапанная война" в Среднем Поволжье в 1919 г., западно-сибирское восстание 1921 г.), но особенного напряжения потребовала борьба с полурегулярной крестьянской армией Тамбовской губернии, в начале 1920 г. привлечшей под свои знамена порядка 40 тыс. повстанцев. На территории трех уездов губернии они образовали своеобразную "крестьянскую рес-

публику", где не смели появляться ни продотрядовцы, ни чекисты, ни прочие представители власти.

Несмотря на категорическое требование Ленина о "скорейшей (и примерной) ликвидации" тамбовского восстания²⁰, попытки такого рода не приводили к успеху, пока окончание осенью 1920 г. борьбы с белым движением не позволило двинуть туда силы регулярной армии во главе с М.Н. Тухачевским, Г.И. Котовским, И.П. Уборевичем, Н.Е. Какуринным, И.Ф. Федько и другими "героями Гражданской войны". В это дело были также непосредственно вовлечены руководители армии (Б.М. Шапошников), ВЧК (Г.Г. Ягода, И.К. Ксенофонтов) и других репрессивных органов.

В ходе подавления восстания в Тамбовской губернии, по официальной терминологии, был установлен "окупационный режим". Он включал в себя "наводнение" повстанческих местностей войсками, уничтожение хозяйств и разрушение домов участников "мятежа" и их семей (некоторые села были сожжены целиком), репрессии, вплоть до расстрела за неповиновение, укрывательство "бандитов" и оружия. Согласно инструкции члена Ревтрибунала В.В. Ульриха, расстрелу подлежали все "руководители, инициаторы и вдохновители" крестьянского движения, командный состав крестьянской армии, все непосредственно виновные в гибели коммунистов и совработников, "злостные дезертиры", а также "коммунисты, совработники, а равно и комсостав Красной Армии, примкнувшие к бандам Антонова"²¹.

В Тамбовской губернии была создана сеть концентрационно-полевых лагерей общей "вместимостью" 13,5 тыс. человек, в которых (в чистом поле, в палатках, на голой земле) содержались не только пленные повстанцы, но и заложники, включая стариков, женщин и грудных детей, – их отпускали только в том случае, если их родственник-"бандит" являлся с повинной. О "большом наплыве" таких заложников свидетельствует сохранившийся протокол заседания Комиссии по делам о содержании детей-заложников в концентрационно-полевых лагерях Тамбовской губернии²².

Приказом Полномочной комиссии ВЦИК № 171 от 11 июня 1921 г. в уездах, охваченных восстанием, вводился расстрел заложников в случае не выдачи "бандитов" властям. Лица, отказавшиеся назвать свое имя, тем же приказом подлежали расстрелу без суда (см. док. № 3). На следующий день (12 июня) командующий карательными силами Тухачевский приказал "леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами". При этом большевистский генерал требовал, чтобы "облако удушливых газов распространялось по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось" (см. док. № 4). "На задачу искоренения бандитизма, – писал Тухачевский в специально разработанной на этот счет инструкции, – следует смотреть не как на какую-нибудь более или менее длительную операцию, а как на более серьезную военную задачу – кампанию или даже войну. Местность, охваченная бандитизмом, должна быть как бы вновь возвращена государству"²³. За один только месяц (с начала мая до середины июня 1921 г.) в ходе боев было убито около 4 тыс. повстанцев, пленено свыше 2,5 тыс., "изъято" 7,5 тыс. дезертиров.

Всего в 1918–1922 гг. в ходе ликвидации крестьянских восстаний по всей стране было убито до полумиллиона крестьян. Потери

карателей некоторыми исследователями исчисляются в четверть миллиона человек²⁴.

Введение в марте 1921 г. нэпа, непосредственно вызванное как событиями в Кронштадте и в других городах, так и разрастанием восстаний в деревне, сбilo волну крестьянских выступлений. Как откровенно признавался Бухарин, большевики, вводя нэп, пошли "на экономические уступки, чтобы избежать политических"²⁵. В настроениях крестьянства наметился перелом. Уже через три месяца основные силы Антонова были разбиты, в июне того же года "чрезвычайной тройке" по Сибири удалось подавить западно-сибирское восстание, а к 1922 г. были ликвидированы и другие очаги крестьянского повстанчества. Несмотря на это, крестьянство в целом справедливо восприняло отмену продразверстки как свою победу.

Окончательно "умиротворил" деревню голод 1921–1922 гг., который охватил 30 губерний (Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, юг Украины) с населением свыше 30 млн человек. Долгие годы подлинные причины этого страшного бедствия в исторической науке не рассматривались. Из сочинения в сочинение кочевали общие рассуждения на тему о бесчинствах белых, разрухе, вызванной трехлетней Гражданской войной, и особенно засухе, поразившей огромную территорию. В действительности же голодали не только те территории, на которых длительное время шли военные действия. В Среднем Поволжье, например, бои велись лишь в течение трех-четырех месяцев 1918 г. (с июня по сентябрь), а все остальные годы этот регион находился под большевистским контролем. Изучение документов региональных архивов показало, что по своим погодным условиям 1920 и 1921 гг. были значительно более благоприятными, чем печально знаменитые, голодные 1891, 1906 и 1911 гг. "Главной причиной голода в Среднем Поволжье, – заключает современный исследователь, – стала проводимая коммунистами экономическая политика. Она привела к резкому снижению товарности сельского хозяйства"²⁶. Таким образом, голод 1921–1922 гг., унесший несколько миллионов человеческих жизней, в значительной степени явился трагическим итогом "социалистических" хозяйственных экспериментов первых лет большевистского господства.

Одновременно в годы Гражданской войны продолжала идти антипомещичья и антицаристская крестьянская революция, которая, в свою очередь, явилась главным фактором, определившим поражение белого движения, так и не сумевшего превратиться в общенациональное. Иначе говоря, благоприятный для большевиков исход Гражданской войны в действительности не был победой их сильного и популярного режима над слабым и менее популярным, а стал триумфом одного непопулярного правительства над несколькими другими, такими же. Крестьянское большинство было враждебно и к белым, и к красным, причем в ходе подавления крестьянских выступлений последние оказались вынуждены приостановить курс на введение "социализма" и удовлетворить главные требования деревни. С этой точки зрения, общим итогом Гражданской войны явилась победа крестьянства. Однако не сумев создать отвечающую ее интересам государственную власть и институционно закрепить достигнутое, деревня была обречена на новые покушения на свои права.

Таким образом, Гражданская война, события которой далеко не исчерпывались противоборством белых и красных, закончилась не в ноябре 1920 г., как было принято считать в советской историографии, а значительно позже – в 1921–1922 гг., когда большевистскому режиму удалось ликвидировать основные центры крестьянского повстанчества.

Расказачивание. Казачество в целом рассматривалось новой властью как контрреволюционный "народ-каратель", "ударная сила" белых армий, к тому же прямо "подкупленная" немецким, английским и французским империализмом²⁷, с которой следовало расправляться беспощадно и без оглядки на какую-либо, даже формальную, законность. "Классовую ненависть" вызывала и сравнительная зажиточность казачества: середняцкие и кулацкие хозяйства в среднем составляли у казаков более 60%, а в наиболее густо заселенных казачьих областях – Дон, Северный Кавказ – и свыше 75% от общего числа. В 1916 г. на 474 тыс. казаков служилого состава приходилось 63 млн дес. земли, или более чем по 140 га на одно хозяйство, из них 12 га пашни. По меркам Европейской России, хозяйства забайкальских казаков вообще могли считаться сплошь кулацкими: владелец пашни, 5–15 лошадей и коров, 25 овец считался здесь бедняком²⁸.

Подписанное Я.М. Свердловым письмо Оргбюро ЦК РКП от 24 января 1919 г. фактически объявляло казачество вне закона, а циркуляр ЦК от того же числа предписывал "провести **массовый террор** против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью" (см. док. № 2). Не была забыта и уже много раз опробованная система заложничества. Донбюро РКП сопровождало директиву ЦК предписанием повсеместно и немедленно "арестовать всех видных представителей данной станицы или хутора, пользующихся каким-либо авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях, и отправить как заложников в районный революционный трибунал"²⁹. Этим и рядом последующих распоряжений Донбюро, РВС Южного фронта и созданного в начале марта Гражданского управления (Гражданупра) у казаков изымалось оружие (если его обнаруживали после истечения срока сдачи, расстреливался не только его владелец, но и несколько заложников), конфисковывался скот, повозки и седла; на смену старой системе административного деления "станция – округ" была введена единообразная – "район – волость". Началось выкачивание из вновь завоеванных плодородных районов продовольствия, о чем Ленин, призывая голодающее население внутренних губерний "продержаться" еще четыре-пять месяцев, не замедлил сообщить 13 марта 1919 г. в речи на митинге в Петрограде, а в начале апреля – и на заседании пленума Моссовета³⁰. Помимо предписанных ЦК массовых расстрелов, выселений и реквизиций, на деле сплошь и рядом становившихся откровенным грабежом, местные ревкомы открыто и вызывающе глумились над казацкими обычаями; в виде особо изощренного издевательства комиссарами в станицы назначались австрийские военнопленные.

Все это вместе взятое и стало "расказачиванием", т.е. уничтожением казачества как особого, исторически сложившегося военного

сословия, расправой над целой социальной группой, сопровождавшейся массовыми жертвами. Ответом донских казаков стало Верхне-Донское, или Вешенское восстание, вспыхнувшее в марте и жестоко подавленное в июне 1919 г. силами специально для этого созданного карательного экспедиционного корпуса и с широким привлечением отрядов "интернационалистов"*. Восстание привело к резкому ухудшению положения Южного фронта. Платой за вакханалию террора и мародерства, развязанную большевиками на Дону, стал не только провал наступления Красной Армии, успешно начатого в январе, и ее громадные потери, но и широкое контрнаступление Деникина, силы которого удвоились после присоединения 30 тыс. восставших казаков, в направлении Донбасса, Украины, Крыма, Верхнего Дона, а затем (в июне) – Царицына и Воронежа. Уже в мае 1919 г. Ленин констатировал, что от положения на Дону "зависит судьба революции", и в случае неуспеха Южного фронта считал ее гибель "неминой"³¹. Зимой 1919–1920 гг. часть Донской области пришлось завоевывать снова.

Верные своей обычной тактике, власти первоначально попытались подавить казацкое восстание исключительно насильственными методами: 16 и 17 марта РВС Южного фронта распорядился сжигать восставшие хутора и станицы, расстреливать всех участников восстания поголовно, брать заложников, проводить децимации. Пожалуй, впервые в борьбе с восставшими планировалось применить химическое оружие. Главный начальник Гражданупра и член Донревкома С.И. Сырцов докладывал Ленину: "Карательные отряды взяли заложников в двухстах станицах, подверженных восстанию. Эти заложники были переданы волостным революционным комитетам, и там их уничтожили"³².

Однако события стали принимать столь угрожающий оборот, что в марте 1919 г. в большевистских верхах заговорили о необходимости отмены наиболее одиозных распоряжений, включая некоторые, самые кровавые, статьи директивы ЦК от 24 января, и придания видимости "законности" расправам и ранее ничем не прикрытому грабежу. В конце апреля РВС Южфронта распорядился "по отношению к

*Среди особо при этом отличившихся советское командование выделяло китайские отряды, ставшие "грозой донских казаков" (См.: Попов Н.А. Они с нами сражались за власть Советов. Л., 1959. С. 42, 83, 94). Вообще в войне против собственного народа наряду с другими "интернационалистами" большевики широко использовали китайских безработных, формально – "добровольцев", а на деле – наемников, готовых воевать за обмундирование и хлеб. Они не только были крайне неприхотливы и выносливы, но и, почти совершенно не понимая по-русски ("Трудная русская языка!"), слабо осознавали, против кого и за что воюют, лишних вопросов не задавали и перейти на сторону противника не могли. Всего в годы Гражданской войны в рядах Красной Армии сражалось несколько десятков тысяч китайцев. Им доверяли настолько, что вместе с "гвардией революции" – латышскими стрелками – привлекали к охране Ленина. В глазах современников, еще не забывших гренадер и казаков личного императорского конвоя, подобная охрана не могла не казаться карикатурой и одновременно трагикомическим символом нового режима.

мирным жителям не прибегать к террору", вместо "произвольных конфискуций" проводить "законные реквизиции", прекратить практику конфискации подвод и скота. В начале июня Ленин осудил и такие, как он выразился, "раздражающие" казацкое население "мелочи", как упразднение станиц и местных ярмарок, запрет слова "казак", традиционных казацких лампасов и т.д. "Держите твердо курс в основных вопросах и идите навстречу, делайте поблажки в привычных населению архаичных пережитках", – наставлял он местных коммунистов³³.

В середине августа 1919 г. в газетах, а затем и отдельной брошюрой было издано воззвание ко всем казакам за подписью Ленина и других большевистских руководителей, в котором правительство заявляло, что "не собирается никого расказачивать насильно", идти против казачьего быта, готово оставить за "трудовым казачеством" его станицы и земли, право носить любую форму, "допустить" кустарные промыслы с использованием наемного труда и свободную торговлю продукцией, брало на себя обязательство охранять свободу веры и не допускать осквернения храмов и оскорбления религиозных чувств³⁴. Таким образом, на казацких территориях советская власть объявляла об отказе от повсеместно проводившегося "военно-коммунистического" курса. Еще через две недели был упразднен скомпрометировавший себя Гражданупр и создан временный Донисполком.

Однако объявленные шаги не означали перемены курса: обновилась лишь тактика – большевики по-прежнему стремились подорвать материальную основу существования казачества, но старались при этом не провоцировать новых восстаний. В апреле Ленин вернулся к идее двинуть на Дон "возможно больше сил из голодных городов", чтобы "обессилить казаков, внутри разложить их, поселиться среди них"³⁵. Таким образом, требование январской директивы ЦК о всемерном содействии массовому переселению "иногогородних" не только оставалось в силе, но и приобрело характер далеко идущего долговременного социально-политического и экономического плана.

В сентябре 1919 г. большевики заявили о готовности отказаться от своего излюбленного "классового" критерия в оценке тех или иных социальных групп. "Критерием в наших отношениях к различным слоям и группам донского казачества, – подчеркивалось в написанных Троцким "Тезисах ЦК РКП(б) о работе на Дону", – ...будет не столько непосредственная классовая оценка разных слоев (кулаков, середняков, бедняков), сколько отношение различных групп самого казачества к нашей Красной Армии. Мы возьмем под свое решительное покровительство и вооруженную защиту те элементы казачества, которые делом пойдут нам навстречу"³⁶. Кроме того, большевики рассчитывали сыграть на конфликтах и противоречиях казачества с "внешним" миром – "иногогородним" крестьянством, переселенцами, горцами и денкинцами.

Во второй половине 1919 г., в рамках политики "расказачивания", власти стали шире применять методы политического маневрирования и социальной демагогии, не забывая, впрочем, и о беспощадной расправе с участниками казацких повстанческих формирований и членами их семей. Казачество заверялось, что советская власть пресечет грабежи и насилия "лжекоммунистов", окажет помощь пострадавшим от белых,

исключит принуждение при вступлении в коммуны и привлечет казаков к участию в управлении. Ряд этих обещаний был выполнен во многом благодаря очередному обострению обстановки на юге, вызванному, в первую очередь, прорывом Деникина к Туле. Благодаря этим "комбинированным" мерам, в начале 1920 г. обескровленное и ослабленное казачество в основном прекратило вооруженное сопротивление новой власти. Как неоднократно и тогда, и впоследствии признавал Ленин, именно это, в конечном счете, дало возможность большевикам одержать победу над Деникиным и Колчаком³⁷.

В феврале – марте 1920 г. власти провели в Москве 1-й Всероссийский съезд трудовых казаков*. Организованный с соблюдением всех большевистских процедур (выборы делегатов под наблюдением представителя ЦК, резолюции, заранее утвержденные Политбюро), съезд был призван стать "широкой массовой демонстрацией" готовности казачества на сотрудничество с советской властью, как то и было предписано специальным постановлением Политбюро от 27 декабря 1919 г. На основе решений съезда Совнарком учредил в казачьих областях местные органы власти, а ВЦИК распространил на них "все действующие в РСФСР общие законоположения о землеустройстве и землепользовании". Таким образом, ликвидировались традиционные органы демократического казачьего самоуправления, хозяйственная самобытность казачества и было законодательно закреплено его уничтожение как особого сословия. Однако до ликвидации этнической самобытности казачества и полной большевизации казацких территорий было еще далеко.

Лишь к весне 1921 г. властям удалось подчинить себе территории Кубанского и Терского войск, с общей численностью казачьего населения в 1,4 млн человек. Начиная с осени 1920 г. здесь диктаторствовал чекист К.И. Ландер, "особоуполномоченный по Северному Кавказу", который перед поездкой в регион был инструктирован самим Лениным. Обращаясь к населению Кубанской области и Черноморского побережья, Ландер обещал подавить "все выступления бело-зеленых банд" с "неумолимой жестокостью". По его приказу на Северном Кавказе был введен порядок, согласно которому станицы и селения, укрывавшие "белых и зеленых", подлежали уничтожению, а взрослое население – поголовному расстрелу. Родственники повстанцев объявлялись заложниками, также подлежавшими расстрелу при наступлении "банд" (дети высылались в центральные губернии). "В случае массового выступления отдельных сел, станиц и городов, – писал Ландер, – мы будем применять к этим местам массовый террор: за каждого убитого советского деятеля поплатятся сотни жителей этих сел и станиц"³⁸. Одновременно в Терской области, по признанию И.В. Сталина, ряд "провинившихся" станиц были поголовно выселены и заселены чеченцами³⁹, причем массовые депортации казачества продолжались и в последующие годы (в апреле 1921 г., например, 70 тыс. казаков, обоюго пола и всех возрастов, было насильственно переселено с Северного Кавказа в Казахстан и за Урал). Та-

* Со второй попытки. Первая, предпринятая в апреле 1918 г., окончилась неудачей: на "съезд" явились представители только 4 (из 12) казачьих областей.

ким образом, власти намеренно обостряли и без того традиционно не простые отношения казачества с другими жителями Кавказа.

"Терская и Кубанская области "покорены", – писал весной 1921 г. очевидец. – Восставшие станицы и села стерты с лица земли, население выведено – мужчины в шахты на принудительные работы, женщины и дети рассеяны повсюду. Мертвый и живой инвентарь увезен, сгноен, расхищен"⁴⁰. Помимо громадных материальных потерь, большевистская политика обернулась для казачества огромным количеством жертв, которых, не считая погибших в сражениях, насчитывалось до 1 250 000⁴¹, что составляло свыше четверти общей численности казачьего сословия в 1917 г. (4,43 млн человек). Десятки тысяч казаков оказались в вынужденной эмиграции. Только в ноябре 1920 г. из Крыма вместе с остатками врангелевских войск Россию покинуло 22 тыс. донских казаков⁴²; примерно 15% казачьих семей Забайкальского войска в 1921 г. эмигрировало в Китай⁴³. Еще сотни тысяч были сосланы на необжитые территории, рассеяны по внутренним губерниям. Земли казаков обезлюдели или оказались занятыми другим, неказачьим, населением. К концу 1921 г. "расказачивание" было завершено.

Большевики и Русская Православная Церковь. Большевики рассматривали любую религию и религиозное объединение как своего идейного врага. Однако их борьба с церковью вышла далеко за рамки чисто идейной полемики. Отношение большевиков к политической борьбе, как к войне, предопределило их ставку на физическое уничтожение духовенства, разгром и разорение церкви.

Подготовка отделения церкви от государства началась вскоре после октябрьского переворота и проходила в обстановке открытого покушения на ее духовно-нравственный авторитет, права и веками накопленное имущество. Многочисленные "эксцессы", жертвами которых становились храмы, монастыри и их обитатели, сопровождалась пропагандистской кампанией, смысл которой заключался в попытке скомпрометировать как религию вообще, так и церковь и духовенство в особенности. Религия была объявлена "опиумом для народа", а служители церкви – "вшами на народном теле" и "пособниками мародеров и помещиков", как любил выражаться в своих публичных лекциях сотрудник ВЧК и Наркомюста, а в прошлом мелкий синодский чиновник И.А. Шлицберг.

Первоначально церковные иерархи, как и большинство их современников, убежденные в непрочности и недолговечности новой власти, пытались по-христиански образумить ее. Однако уже в январе 1918 г. их взаимоотношения с правительством обострились в связи с произошедшим тогда же вооруженным захватом и разграблением Александро-Невской и Почаевской лавр и убийством митрополита Киевского и Галицкого Владимира при занятии Киева красными войсками. Захват Александро-Невской лавры отрядом красногвардейцев и матросов, действовавших по приказу Смольного, сопровождался столкновением с богомольцами и убийством священника Петра Скипетрова. Тихон, избранный Патриархом в ноябре 1917 г., призвал паству стать на защиту "оскорбляемой и угнетаемой" церкви. "Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы ... это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей ... и страшному

проклятию потомства в жизни настоящей – земной”, – пророчески писал Патриарх, предавая анафеме участников расправ над невинными людьми⁴⁴. 21 января в Петрограде состоялись грандиозные крестные ходы в знак протеста против “похода большевиков на Александро-Невскую лавру”.

Ответом правительства явилось закрытие духовных семинарий и епархиальных училищ, домовых и учрежденческих церквей всякого рода. Переезд Совнаркома из Петрограда в Москву дал повод наложить ограничения на деятельность Кремлевских соборов под предлогом обеспечения безопасности правительства, причем эта практика очень скоро распространилась и на другие религиозные учреждения древней столицы. Экспроприации церковного имущества и расстрелы священнослужителей и мирян быстро вышли за пределы Москвы и Петрограда. С февраля по май 1918 г. в ходе подавления антиправительственных выступлений верующих в попытке защитить церковное имущество погибло около 700 человек⁴⁵.

Несмотря на многочисленные протесты, предостережения и увещания, декрет СНК “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”, подписанный 20 января 1918 г., лишил российское православие не только его привилегированного статуса, но и права владеть любой собственностью. Последняя норма была распространена и на все другие конфессии. Собственность церкви объявлялась “народным” достоянием, а здания и предметы, предназначенные для богослужебных целей, передавались ей лишь в “пользование”. Таким образом, декрет заложил законодательную базу под последующее разграбление и “национализацию” церковного имущества, хотя, конечно, сразу решиться на экспроприацию собственности почти 80 тыс. храмов, 1250 монастырей, лавр, пустынь и скитов новая власть не могла, да это ей было и не под силу. К началу 1921 г. советской власти удалось разграбить и ликвидировать “всего лишь” половину православных монастырей – 613⁴⁶; окончательно они были закрыты только к 1930 г. Начатый с 1922 г. массовый снос московских “сорока сороков” привел к тому, что от 845 столичных церковных построек на 1 января 1930 г. осталось 224, а еще через два года – всего 87. В 1928 г. по всей стране были закрыты 534 церкви, а в 1929 г. – уже 1119⁴⁷. К этому времени общее количество православных приходов, по сравнению с дореволюционным, сократилось на треть и составило чуть более 30 тыс. по всей стране. В Москве в июле 1929 г. была уничтожена часовня Иверской Божией Матери; одним из последних в 1930 г. был взорван Симоновский монастырь. Самой вопиющей акцией стало уничтожение храма Христа Спасителя, взорванного 5 декабря 1931 г. Точно так же взрывались соборы и в провинции – от губернского Архангельска до уездных Кимр.

В ходе Гражданской войны Русская Православная Церковь (РПЦ) и ее глава старались не дать вовлечь себя в политические столкновения. В одном из своих посланий 1919 г. Патриарх Тихон прямо указывал, что церковь “не связывает себя ни с каким определенным образом правления”, и призывал священнослужителей “уклоняться от участия в политических партиях и выступлениях”. Общую позицию православного духовенства по отношению к большевистской власти в годы Гражданской войны можно определить, как “недружественный нейтралитет”, исключавший, однако, активное участие в антибольшевистских вооруженных выступлениях. Факты хранения в храмах и

монастырях оружия восставших или превращения их в убежища для повстанцев были, но они единичны.

Это не помешало новой власти уже весной 1918 г. перейти к открытому и систематическому террору против служителей церкви. Начало было положено арестом священников, которые призывали верующих отказаться от первомайских празднеств, поскольку официальные торжества пришлось в этом году на середину Страстной недели. В дальнейшем священнослужителей репрессировали по обвинению в распространении "клеветнических слухов" и в контрреволюционной агитации, "молебной" поддержке белого движения (часть служителей церкви была настроена монархически); они арестовывались как заложники, их расстреливали в ходе популярных у большевиков децимаций. Так, после убийства в августе 1918 г. председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого в числе казненных 50 заложников оказался петроградский протоиерей Алексей Ставровский. В московских Бутырках зимой 1918/19 г. арестованные священники занимали целый коридор (шесть камер по 25 человек), из которого, по свидетельству очевидца, людей уводили на расстрел почти ежедневно⁴⁸. По данным Свято-Тихоновского Богословского института, за 1918 г. на территории большевистской России было расстреляно 3 тыс. священнослужителей. Комиссия Священного Синода Русской Православной Церкви по канонизации святых считает, что к концу 1922 г. только по суду было казнено не менее 6 тыс. представителей белого и черного духовенства⁴⁹. Количество вынесенных тюремных приговоров, не говоря уже о внесудебных расправах со священниками и мирянами, вообще не поддается учету.

Со служителями церкви, людьми, как правило, преклонных лет, новые правители России любили расправляться с особой, изощренной, жестокостью: их распинали на царских вратах, заживо варили в кипящей смоле, скальпировали, душили епитрахиями, "причащали" расплавленным свинцом⁵⁰. За попытку помочь арестованной царской семье епископ Тобольский Гермоген был живым привязан к парходному колесу и утоплен.

Не менее изощренно власти глумились над религиозными чувствами рядовых верующих. В феврале 1919 г. Наркомат юстиции распорядился начать публичное вскрытие мощей, для того чтобы, в случае если удавалось установить, что мощи не сохранились в целостности, объявить поклонение им сознательным обманом со стороны церковников. Строго карались попытки освидетельствовать мощи перед этой, более чем сомнительной, с этической точки зрения, и явно пропагандистской акцией, к тому же нередко сопровождавшейся хулиганскими выходками членов специально для этого создававшихся властью комиссий. Всего в 1919–1920 гг. властями было осквернено около 70 раков, включая мощи преподобных Сергия Радонежского (апрель 1919 г.), Серафима Саровского (декабрь 1920 г.), святого Александра Невского, преподобного Тихона Задонского и других национальных героев России и широко почитаемых святых. Однако ожидавшегося пропагандистского эффекта эта акция не дала и количества воинствующих безбожников не прибавила.

Вообще "любовая атака" на церковь, предпринятая в 1918–1919 гг., не только не принесла решительного успеха в борьбе с ней, но, напротив, способствовала дискредитации власти в глазах верующих и подкрепляла призывы вождей белых армий сражаться за поруганную

веру и оскорбленные церковные святыни. Поэтому, верные тактике раскола среди своих противников, большевики в 1920–1921 гг. задумались, с одной стороны, о создании альтернативной "советской" церкви с "красными попами", а с другой – о тайном поощрении различных "обновленческих" или "модернистских" веяний в православии, активно заявивших о себе еще весной 1917 г. Однако тогда эту идею в полном объеме осуществить не удалось, главным образом, из-за оппозиции со стороны наиболее "ортодоксальных" руководителей РКП, включая Е. Ярославского и Ф.Э. Дзержинского. Последний в декабре 1921 г. прямо заявил: "Церковь разваливается, поэтому нам надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обновленной форме. Поэтому церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой. Официальные или полуофициальные сношения с попами недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не на религию. Лавировать может только ВЧК для единственной цели – разложения попов. Связь какая бы то ни было с попами других органов – бросит на партию тень"⁵¹.

В качестве предлога для решающей атаки на церковь власти использовали голод 1921–1922 гг. Несмотря на то что именно православная церковь выступила инициатором сбора средств в пользу голодающих (соответствующее воззвание Патриарха появилось уже в августе 1921 г.), 23 февраля 1922 г. ВЦИК издал декрет об изъятии церковных ценностей якобы для того, чтобы обратить их на закупку продовольствия для бедствующих районов. Однако в действительности кремлевские правители ставили перед собой более масштабные задачи. В секретной записке членам Политбюро 19 марта 1922 г. Ленин подчеркивал:

"Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе*, в особенности, совершенно немыслимы... Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализование этих масс... Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий"⁵².

Далее в записке намечался план всей кампании с обстоятельным изложением последовательности и характера действий по партийной, чекистской и советской "линиям". Вождь не забыл и о мелочах: он специально предусмотрел, чтобы на всех официальных мероприя-

* Речь идет о возможности для советского правительства в ходе Генуэзской конференции (10 апреля – 19 мая 1922 г.) принять на себя обязательство уплатить долги царской России в обмен на международное признание.

тиях, связанных с изъятием церковных ценностей, выступал только русский М.И. Калинин, но никак не еврей Троцкий, хотя именно Лев Давыдович вкупе с самим Владимиром Ильичем явились истинными вдохновителями и главными дирижерами операции по разгрому РПЦ. "Именно теперь, и только теперь, – еще и еще раз подчеркивал Ленин, – когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого-угодно сопротивления... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше"⁵³.

Таким образом, в феврале – марте 1922 г., используя политическую апатию крестьян, естественную в условиях страшного и во многом вызванного самими властями голода, большевистские руководители перешли к политике окончательного разгрома Русской Православной Церкви, разграбления ее богатств и физического истребления духовенства. На какое-то время церковь стала рассматриваться как главный противник, на борьбу с которым были брошены силы всего карательного и политико-идеологического аппарата режима под верховным, хотя и тайным, руководством Политбюро ЦК РКП. В решающие недели весны 1922 г. Политбюро почти на каждом своем заседании рассматривало вопросы, связанные с начавшейся кампанией, вникая во всякую мелочь, давая указания "высшей" законодательной власти и понукая местную, дирижируя работой прессы, всего агитационно-пропагандистского аппарата и репрессивных органов, уделяя особое внимание конспирации своих истинных целей внутри страны и обману западноевропейского общественного мнения.

Изъятие церковных ценностей сопровождалось массовыми протестами (в Шуе, Смоленске, Вятской губернии, на Дону, в Калуге, Старой Руссе, Москве, Петрограде и др.), которые в большинстве заканчивались расстрелами на месте, арестами, судебными процессами и трибуналами. В Москве быстро заметили и пресекли стремление местных властей из боязни ответственности за кровопролития заключать компромиссы с духовенством и верующими с целью избежать столкновений*. Иными словами, Кремль, как того и требовал Ленин, ориентировал местную власть на возможно более жесткий ход изъятий и преуспел в этом. В результате кампания по конфискации драгоценной церковной утвари обошлась стране почти в полторы

* Распространенным вариантом поиска компромисса было предложение верующих заменить конфискуемую церковную утварь равным количеством драгоценных металлов, т.е., по сути, выкупить ее. Казалось бы, для власти, будь она действительно озабочена поиском средств для помощи голодным, не имело значения происхождение получаемого драгоценного предмета. Однако в конце марта – начале апреля на места было направлено несколько шифротелеграмм, в которых "центр" строго предупреждал, что всякие задержки с изъятием, равно как и неполная конфискация церковных ценностей, будут им рассматриваться как "нерадение местных органов". – См.: Архивы Кремля. Политбюро и церковь. Т. 1. С. 166, 169, 170.

тысячи кровавых инцидентов*, а общее число лиц духовного звания, погибших при столкновениях или расстрелянных по суду, превысило 8 тыс. человек. Сколько во всех этих событиях пострадало рядовых верующих, никто и никогда не считал.

Между тем в финансовом отношении кампания по изъятию провалилась. Ее организаторы не учли, что значительная часть церковных богатств была разграблена еще в предшествующие годы. Большевики получили лишь тысячную долю того, на что рассчитывали, – по общему счету, немногим более 4,6 млн золотых рублей⁵⁴ (из которых на закупку семенного зерна был потрачен всего 1 млн руб.**), в то время как проведение самой реквизиционной акции обходилось казне в 1,5 млн руб. золотом ежемесячно.

Кампания по изъятию церковных ценностей была увенчана серией громких судебных процессов. В апреле – мае 1922 г. по обвинению в подстрекательстве к беспорядкам перед московским судом предстала большая группа верующих и духовных лиц (процесс "54-х"), причем в качестве свидетеля на суд вызывался и сам Патриарх. Трибунал, как всегда, протамповал соответствующее решение Политбюро и вынес по этому делу 11 смертных приговоров, из которых пять были приведены в исполнение; остальные обвиняемые получили различные сроки тюремного заключения.

Самый многочисленный процесс над священнослужителями состоялся в июне – июле 1922 г. Перед судом предстали 86 человек, в том числе митрополит Петроградский Вениамин, епископ Венедикт, настоятели Казанского и Исаакиевского соборов, другие видные церковные деятели северной столицы, также обвиненные в причастности к волнениям, вызванным изъятием ценностей церкви. В ночь с 12 на 13 августа, по приговору Петроградского ревтрибунала, состоялась казнь четверых обвиняемых, включая и самого митрополита***; шестеро ранее приговоренных к расстрелу были помилованы и вместе с другими получили различные сроки тюремного заключения, а 22 человека – оправданы. Всего за 1922–1923 гг. более чем в 20 городах было проведено свыше 230 судебных процессов над церковными деятелями, в результате которых за решетку было отправлено более 700 человек.

Жертвами судебных преследований нередко становились и представители неправославного духовенства. В марте 1923 г., будучи вторично арестован, к расстрелу был приговорен глава всех католиков Российской Республики Ян Цепляк. Одновременно с ним за решетку

* По данным В.Д. Красницкого, одного из лидеров близкого правительству "обновленческого" течения в православии.

** В конце марта 1922 г. Троцкий, не довольный заминкой с закупкой хлеба для голодающих, писал Калинин: "Считаю, что эту меру нужно провести фактически и очень демонстративно. Следовало бы даже послать на Волгу один-два поезда с хлебом, купленным на ассигнованный миллион рублей" (Архивы Кремля. Политбюро и церковь. Т. 1. С. 164, 165). Самым красноречивым здесь является это "даже".

*** Патриарх Тихон и митрополит Петроградский Вениамин причислены Архиерейскими соборами Русской Православной Церкви к лику святых соответственно в 1989 и 1992 гг.

попала группа руководителей российского католического духовенства. По прошению о помиловании, казнь для кардинала была сначала заменена 10 годами тюрьмы, а в 1924 г. благодаря заступничеству польского правительства он был выслан в Польшу.

Одновременно с судебными и внесудебными репрессиями видных деятелей РПЦ весной 1922 г. большевистские руководители вернулись к идее дискредитации и развала церкви путем провокации церковного раскола. В наиболее законченном виде план такого рода был изложен Троцким в секретной записке членам Политбюро от 30 марта 1922 г. Суть плана заключалась в негласной поддержке "буржуазных попов" против "феодальной" тихоновской иерархии как главного врага. Впрочем, как следует из записки, следующей жертвой должны были стать и сами "живоцерковцы", движение которых, как выразился Троцкий, следовало в итоге превратить "в выкидыш" (см. док. № 5).

В начале мая 1922 г. "инициативная группа духовенства" во главе с протоиереями А.И. Введенским и В.Д. Красницким, под диктовку Кремля и Лубянки, приняла программный документ, в котором Патриарх Тихон и его окружение обвинялись в контрреволюционной деятельности. Самому Тихону "обновленцы" предложили уйти в отставку, ссылаясь на якобы полученное ими от властей разрешение на созыв Поместного Собора. Добившись согласия Тихона, "обновленцы" тут же вероломно объявили о создании Высшего Церковного Управления (ВЦУ) с епископом Антонином во главе. "Обновленцы" действовали как представители официальной церкви: они публично поддерживали обвинения в ходе упомянутых судебных процессов (так, сразу после вынесения приговора группе петроградских священников ВЦУ объявило об отлучении их от церкви), тесно и открыто общались с властью, включая ГПУ, в составе секретного отдела которого было специально создано IV "церковное" отделение. Не брезговали "обновленцы" и прямым доношением. Но в целом летом 1922 г. дрогнула вся церковь – уже в разгар петроградского процесса половина русского епископата объявила о поддержке ВЦУ. Последующие события показали, что нравственная сила церкви и ее способность противостоять давлению государства уже подорваны – во многом благодаря тому, что многие лучшие ее представители к этому времени были уничтожены или эмигрировали.

Год спустя, летом 1923 г., Тихон, публично признавший советскую власть и отрекшийся "как от зарубежной, так и от внутренней монархически-белогвардейской контрреволюции", был освобожден из-под стражи и вернул себе бразды церковного правления. "Обновленцы" принесли покаянную. Скомпрометированные серией скандалов и ослабленные внутренними раздорами, они больше не были нужны власти и в 1925 г., отказавшись от всех ранее провозглашенных внутрицерковных нововведений, фактически прекратили существование*. После смерти Тихона в 1925 г. местоблюстителем патриаршего престола стал митрополит Петр, незадолго до этого отбывший трехлетнюю ссылку. Но в декабре того же года он был вновь арестован, сослан, а в 1937 г. расстрелян. Одновременно с ним были отправлены в ссылку несколько других руководителей РПЦ – архиепископы Владимирский и

* Окончательно "обновленчество" прекратилось со смертью А.И. Введенского в 1946 г.

Черниговский, епископы Херсонский, Иркутский, Ананьевский, Гомельский, Глуховский и др. В 1926 г. в Соловецких лагерях особого назначения – главном месте заключения священнослужителей – содержались архиепископы Евгений и Илларион, 24 епископа, десятки духовных лиц менее высокого ранга. По словам Тихона, в середине 1920-х гг. в тюрьмах и ссылке находилось около 100 архиереев и 10 тыс. рядовых священников⁵⁵.

"Мы ободрали церковь как липку и на ее "святые ценности" ведем мировую пропаганду, не дав из них ни шиша голодающим; при ГПУ мы воздвигли свою "церковь" при помощи православных попов, и уж доподлинно врата ада не одолеют ее; мы заменили требуху филаретовского катехизиса любезной моему сердцу "Азбукой коммунизма", закон божий – политграммой, посрывали с детей крестики да ладанки, вместо икон повесили "вождей" и постараемся для Пахома и "низов" открыть мощи Ильича под коммунистическим соусом", – писал Н.И. Бухарин, как бы подводя итог большевистской церковной политике первых лет советской власти^{56*}.

Между тем в самих церковных кругах в середине 1920-х гг. все громче зазвучали голоса сторонников скорейшего прекращения "прискорбных недоразумений между церковью и советской властью". К числу таких "примирителей" относился и преемник Петра митрополит Сергей, который, хотя и был в недавнем прошлом видным "обновленцем", все равно в 1926–1927 гг. полгода провел за решеткой. В 1927 г. вместе с семьёю архиереями, членами восстановленного в том же году Священного Синода, Сергей опубликовал "Послание пастьрям и пастве", в котором призвал верующих помнить о своем гражданском советском долге "не только из страха, но и по совести". В октябре 1927 г. Синод распорядился во время богослужений возобновить здравицы государственной власти и "воинства ея". С конца 1927 г. "на покой" им стали увольняться сосланные архиереи.

Значительная часть духовенства, однако, не согласилась со столь явно выраженной просоветской позицией и в том же году образовала так называемую "истинно православную", или "катакомбную", церковь, во главе которой встал митрополит Иосиф, приравненный за это в 1929 г. официальным православием к нераскаянным "обновленцам" и григорианам. "Непоминающие", как их еще называли из-за нежелания славить в молитвах советскую власть, отказывались от участия в любых проявлениях гражданской жизни (службы в армии, выборах и т.д.) и за свою "антисоветскую" деятельность подвергались особо суровым гонениям. В итоге, в конце 1920-х гг., по признанию Сергия, в церкви вновь "воцарился невообразимый хаос".

Но даже такая, раздираемая внутренними конфликтами, ограбленная и обесцещенная, в основном управляемая и послушная, церковь не устраивала власть. В начале 1929 г. на места, за подписью

* "Когда в страшную стужу января 1924 г. рабочие заступами и ломami рыли котлован под Мавзолей, – пишет этот же автор по поводу плана Бухарина открыть "мощи Ильича под коммунистическим соусом", – то пробрили канализационную трубу. Но пробоина замерзла. Весной же Мавзолей залило нечистотами. Узнав об этом, Патриарх Тихон, мученик и патриот, сказал: «По мощам и елей!»". – См.: Там же. С. 15.

Л.М. Кагановича, была отправлена директива, признававшая все религиозные организации единственной легально действующей массовой контрреволюционной силой. Новое "утеснение" последовало в марте того же года, когда совместным постановлением ВЦИК и СНК религиозные объединения были лишены права заниматься благотворительностью и обучением религии. Очередной пощечиной верующим стал полный запрет на колокольный звон. Власти готовились к новому витку гонений, который и начался в середине 1930-х гг.

Творческая и научная интеллигенция в условиях большевистского режима. По данным на 1917 г., общая численность российской интеллигенции составляла примерно 1,5 млн человек, из которых 50,8% были чиновниками, 36,3% являлись работниками умственного труда (учителями, врачами, артистами, писателями, журналистами, художниками и т.д.), а 12,9% были заняты в сфере материального производства. Европейски образованная и демократически настроенная, воспитанная на гуманистических традициях великой русской литературы XIX в., в былые годы бурно реагировавшая на любое неосторожное слово, сказанное царским министром с думской трибуны или в газетном интервью, интеллигенция не могла смириться с демонстративным попранием большевистской властью элементарных гражданских прав и свобод, ставкой на отбросы общества* и раздуванием инстинктов толпы. Удушение оппозиционной печати**, волна пьяных погромов***, призывы "грабь награбленное!" на фоне общего разгула уголовщины, обыски и аресты видных деятелей науки и культуры, крупных политиков и общественных деятелей; запрещение кадетской партии, объединявшей интеллектуальную элиту России; разгон петроградской Городской думы, а затем – и Всероссийского Учредительного Собрания, с последующим расстрелом демонстраций в его поддержку; расправа в январе 1918 г. с известными либералами, врачом А.И. Шингаревым и юристом Ф.Ф. Кошкиным (их убили в тюремной больнице, спящими); бессудный

* Октябрьский переворот, как и всякий другой, вынес на политическую авансцену множество человеческого мусора. Среди его "героев" – член первой советской мирной делегации, участник захвата Ставки, первый "народный полковник" В.К. Шнеур, оказавшийся, однако, бывшим секретным сотрудником Департамента полиции, и бывший черносотенец, личный секретарь министра внутренних дел А.Д. Протопопова А. Орлов, в конце 1917 г. ведавший в Смольном "столом обысков и арестов".

** Согласно принятому 27 октября "Декрету о печати", в течение следующих нескольких дней в одном Петрограде было закрыто около 20 газет всех направлений – от консервативного "Нового времени" до эсеровской "Воли народа". Неуклонное проведение политики свертывания оппозиционной печати привело к тому, что уже к августу 1918 г. в России перестало выходить 226 буржуазных и 235 социалистических газет (См.: *Окороков А.З.* Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970. С. 310, 343-376), и большевистская пресса фактически обрела монополию, лишь изредка нарушавшуюся выходом в свет отдельных социалистических изданий.

*** В Петрограде "винные погромы" начались в ночь на 24 ноября с разграбления погребов Зимнего дворца и продолжались до 6 декабря 1917 г.

расстрел в ночь с 1 на 2 марта в Петрограде семи ни в чем не повинных молодых людей, арестованных на студенческой вечеринке "рабоче-крестьянским партизанским отрядом при ВЦИК"; гонения на церковь и многое-многое другое не могло не произвести отталкивающего впечатления на интеллигенцию и вызвало ее законное негодование.

Сразу после октябрьского переворота были арестованы члены царской семьи и большинство бывших министров и губернаторов (в 1918 г. почти все были казнены), члены Временного правительства, большая группа руководителей кадетской партии (Н.Н. Кутлер, графиня С.В. Панина, князь П.Д. Долгоруков и др.), многие видные представители социалистической интеллигенции (А.А. Аргунов, В.Л. Бурцев, В.С. Войтинский, П.А. Сорокин, И.Г. Церетели и др.). За решеткой как "саботажники" и "контрреволюционеры" побывали литераторы и журналисты А.В. Амфитеатов, П.М. Пильский, М.М. Пришвин, ученик Ф. Листа, пианист и дирижер, управляющий Мариинским театром А.И. Зилотти и целый ряд других деятелей культуры. Сотни не менее известных представителей интеллигенции были незаконно обысканы и при этом ограблены. Патриарх русского марксизма Г.В. Плеханов во время такого обыска был принят за крупного царского чиновника и лишь чудом избежал расстрела.

Кровавый смерч пронесся по всей стране, не щадя ни взрослых "буржуев", ни их детей. Уничтожались дворянские усадьбы и другие очаги культуры, рушились памятники, осквернялись могилы великих людей России, шел сплошной, не виданный доселе грабеж. "Сегодня, – записала в своем дневнике писательница З.Н. Гиппиус 26 февраля 1918 г., – арестовали 60 человек. Все мальчики от 14 лет, гимназисты, лицеисты, реалисты... Контрреволюционеры!" "В Симферополе, – читаем на следующей странице, – вырезали две улицы буржуев". "Вчера, – запись от 17 марта, – на минуту кольнуло известие о звероподобном разгроме Михайловского и Тригорского (исторических имений Пушкина). Но ведь уничтожили и усадьбу Тургенева. Осквернили могилу Толстого. А в Киеве убили 1200 офицеров, у трупов отрубили ноги, унося сапоги. В Ростове убивали детей, кадетов (думая, что это и есть "кадеты", объявленные "вне закона")"⁵⁷. Тогда же газеты сообщали о "варфоломеевской ночи", которую окрестные крестьяне устроили в г. Глухове: "Убито до 500 человек, главным образом местной интеллигенции. Имущество разграблено"⁵⁸.

Раздражение в интеллигентских кругах вызывали и другие акции новой власти из разряда демонстративных: яростная антикадетская пропагандистская кампания, начатая в конце ноября 1917 г., разгромы типографий под самыми разными "ордирами"⁵⁹, поспешные и бестактные переименования столичных проспектов и улиц: Невского – в проспект Урицкого, Владимирского – в проспект Нахимсона, Литейного – в проспект Володарского, Таврической улицы – в улицу Слуцкого и т.д.

Таким образом, большевизм и интеллигенция сразу восприняли друг друга как антиподы, враги по духу. Именно в интеллигентской среде раньше, чем где бы то ни было, осознали всю глубину пропасти, в которую толкали Россию ее новые правители. Оттуда же исходил и первый публичный протест. "Ленин, Троцкий и сопутствующие им, – писал в начале ноября 1917 г. по поводу закрытия оппозиционных газет М. Горький, – уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демокра-

тия⁶⁰. Именно так, как прямой вызов всему демократическому обществу и его традициям, как победу первобытной Тьмы и Зла над Светом и Культурой воспринимало большевизм подавляющее большинство его образованных современников.

"Тьма, морозный туман, красная озорь гикает... Позор всей земли упал на Россию. Навек, навек!" – кратко, но точно передала восприятие происходящего в интеллигентных кругах и их общее настроение З.Н. Гиппиус⁶¹. Тема реакционного "хамодержавия" и Ночи, опустившейся на страну, постоянно присутствует в работах марксиста А.Н. Потресова⁶², кадетов Н.И. Астрова, А.С. Изгоева. "Именем Маркса, – читаем у Потресова, – освящено объективно реакционное движение солдатчины, бунт деревни против города, всеобщий дележ, в котором воплотился дух не Маркса, а Стеньки Разина и Михаила Бакунина"⁶³.

Начиная с октября 1917 г., военное и штатское студенчество приняло непосредственное участие в неудавшихся попытках вооруженного свержения большевистского режима, сражалось в рядах белых армий; представители умеренно-социалистической и либеральной интеллигенции создавали подпольные антибольшевистские организации ("Национальный центр", "Союз возрождения России", "Тактический центр" и др.), входили в состав всех белых правительств (Сибирского областного Совета, Комуча, колчаковского, деникинского и др.) или возглавляли их. Одной из первых массовых антиправительственных акций стал отказ служилой интеллигенции, в том числе банковской, выполнять распоряжения новой власти. Сломить саботаж этой части столичных служащих удалось лишь 14 декабря, когда все банки и кредитные учреждения были заняты отрядами верных правительству войск, а вечером того же дня последовал декрет ВЦИК об их национализации. Систематический саботаж других отрядов "буржуазной интеллигенции" продолжался, как минимум, до весны 1918 г.⁶⁴ Тот, кто пусть даже и не из политических соображений, но так или иначе заявил о поддержке новой власти или пошел на сотрудничество с ней ("скифы", С.А. Есенин, К.С. Петров-Водкин, К.И. Чуковский, Андрей Белый, А.А. Блок, ученый В.И. Тимирязев и др.), в интеллигентской среде становился изгоем.

Ленин с самого начала относился к "буржуазной" интеллигенции, как к классовому врагу ("интеллигентская челядь эксплуататоров"⁶⁵ – его обычная аттестация), и в ноябре – декабре 1917 г. призывал решительно "сломать" ее сопротивление, заодно сметая и "забор", который она сделала из образования⁶⁶. "Специалистов" (об интеллигенции, в традиционном ее понимании, как выразителе общественного мнения уже не было и речи) он полагал привлечь позже – "когда ключи будут у нас в руках"⁶⁷. Однако уже в конце декабря 1917 г. стало ясно, что "без совета, без руководящего указания людей образованных, интеллигентов, специалистов обойтись нельзя"⁶⁸. Непременным условием их использования Ленин считал организацию учета и контроля со стороны "рабочих и трудящихся крестьян"⁶⁹.

Практика строительства социализма с помощью буржуазных специалистов" была основана на инквизиторском принципе – "дашь хлеб, и человек преклонится", описанном в свое время Ф.М. Достоевским: тем представителям интеллигенции, которые пошли на сотрудничество с новой властью, с весны 1918 г., в нарушение всех ранее провозглашенных принципов, был установлен повышенный заработок

(по Ленину – "очень высокая оплата услуг"⁷⁰). Те же, кто отказался, т.е. абсолютное большинство, был отнесен к третьей (предпоследней) категории получателей "классового пайка", которым государство обязывалось выдавать по 50 граммов хлеба в день*. В одном Петрограде таких было 195 тыс. человек. Спасаясь от преследований и голода, столичная интеллигенция массами ринулась на юг и частью – в эмиграцию. Оставшиеся были обречены либо медленно умирать, либо идти на сотрудничество с правительством, даже несмотря на то что от "очень высокой оплаты" их труда власти вскоре отказались. В массе своей это сотрудничество было подневольным.

Официальное восстановление смертной казни в связи с "делом" капитана А.М. Щастного, расстрелянного в июне 1918 г. за отказ выполнить приказ Троцкого об уничтожении кораблей Балтийского флота, показало, что террор становится частью государственной политики. После покушения на Ленина и убийства Урицкого 30 августа 1918 г. брань в адрес "классовых врагов" и "социал-предателей" сменилась прямыми призывами власти к физической расправе с ними. В сентябре нарком внутренних дел Г.И. Петровский циркулярно предписал всем Советам немедленно арестовать всех известных им правых эсеров, а из буржуазии и офицерства взять "значительные количества заложников". Нарком требовал производить "безоговорочно массовый расстрел" "при малейших попытках сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде"⁷¹. "Петроградская правда" взывала: "Не нужно ни судов, ни трибуналов! Пусть бушует месть рабочих, пусть льется кровь правых эсеров и белогвардейцев, уничтожайте врагов физической"⁷².

Воодушевленные призывами центра, местные чекисты заработали вовсю. В десятках городов видные представители интеллигенции, кадеты, меньшевики и правые эсеры как "пособники буржуазии" были взяты в заложники. Они имели мало шансов остаться в живых. "При малейшем контрреволюционном выступлении, направленном против Советов, – говорилось в официальном уведомлении председателя Новоторжской ЧК, – при всяком покушении на вождей рабочего класса эти лица Чрезвычайной комиссией будут немедленно расстреляны"⁷³. И это не было пустым обещанием, тем более что никакого законного и даже веского повода для расправы чекистам и не требовалось. Расстреливали за "клевету и активную помощь белогвардейцам и союзному империализму", за "агитацию против Советской власти", т.е. за устную или печатную критику политики режима или даже за непринадлежность к РКП⁷⁴. Всего в одном Петрограде в сентябре – октябре 1918 г., по официальным данным, было уничтожено около 800 человек⁷⁵, в Твери – 138, в Иваново-Вознесенске – 184, в Перми – 50 и т.д. Общее количество расстрелянных в эти "ленинские дни" составило около 15 тыс. человек.

* Рабочим полагалось полфунта хлеба в день на человека. Большевистские же вожди и их домочадцы проблем с питанием не имели (см. меню казенной и, конечно, "закрытой" кремлевской столовой за 1920 г.: Неизвестная Россия. Вып. 2. М., 1992. С. 265, 266). Г.А. Исецкий свидетельствует, что "кормили в ней превосходно и за какую-то невероятно низкую плату". – *Соломон Г.А. Среди красных вождей*. М., 1995. С. 130.

По мнению советских историков, именно тогда, осенью 1918 г., и начался поворот основной массы интеллигенции в сторону советской власти, который "в основном" завершился к весне 1919 г., будучи ускорен "нашествием интервентов, разгулом белого террора, стремлением быть вместе с народом, помочь ему построить новую, справедливую жизнь". Оставляя оценку основоательности подобных объяснений за читателем, отметим, что, действительно, по мере формирования советского государственного аппарата, значительный удельный вес в нем приобретали представители старой интеллигенции*. Но чем объяснялся этот "поворот" в позиции обычного образованного человека, как складывались его взаимоотношения с режимом? Ответ найдем в воспоминаниях социал-демократа Исецкого, который, фактически возглавляя Наркомат внешней торговли, своими глазами наблюдал повседневную жизнь своих служащих, причем как раз в 1919 г.:

"Не могу не посвятить несколько слов моим сотрудникам, этим истинным страстотерпцам той эпохи. Большинство из них были беспартийные, или, по-советски, – "буржуи" – дамы, девицы, молодые и старые мужчины. Все это были представители настоящей интеллигенции, образованные и культурные... Люди должны были жить на одно только жалованье, покупательская способность которого с ежедневным (факт) вздорожанием жизни соответственно падала... И поэтому все сотрудники жили тем, что, под страхом попасть в казематы ЧК, продавали все, что могли, на Сухаревке. В конечном счете, люди ходили в каких-то жалких, часто имевших совершенно фантастический вид, лохмотьях... С трудом вытаскивая ноги из глубокого снега, проваливаясь и падая, шли они, шатаясь от слабости и от голода... Озябшие и промокшие, приходили они в учреждение, где было холодно, как на Северном полюсе. Кое-как работали весь день (естественно, что работоспособность их была крайне понижена), все время голодая, и в пять часов уходили... Совсем изнемогая, приходили домой и погружались в мрак (ведь "буржуям" не полагалось энергии, а керосин и свечи были недоступны) и в холод своих нетопленных жилищ: дрова стоили безумно дорого... Дома они заставляли своих близких, детей и стариков, страдающих от голода, холода и среди наводящей ужас отчаянной темноты.

Но далеко было еще до отдыха. Кроме службы была еще трудовая повинность, которая всем гнетом, всей тяжестью опять-таки ложилась на "буржуев", ибо "товарищи" всегда находили лазейки, чтобы отлынуть вместе со своими семьями от этой барщины... И вот, проходя в то время по улицам Москвы, вы могли видеть такие картины: группа женщин и мужчин, молодых и очень уже пожилых, под надзором здоровенных красноармейцев с винтовками в руках, разгребают или свозят на ручных тележках мусор, песок и прочее. Все это "буржуи", т.е. интеллигенты, отощавшие от голода, с одутловатыми, землистого цвета лицами, часто едва державшиеся на ногах..."⁷⁶

Но и в этих условиях оппозиционная работа интеллигенции не прекращалась. В июле 1919 г. ВЧК раскрыла "Национальный центр" – подпольную антибольшевистскую организацию, в которую входили представители

* Речь идет о рядовых служащих. Среди ответственных работников госаппарата подавляющее большинство составляли члены правящей партии – от 70% в финансовых органах и до 93% в Наркомпросе.

кадетской партии, научного мира, бывших торгово-промышленных кругов, кооперации, земских и городских учреждений. Члены "Центра" регулярно собирались на заседания (обычно в Институте экспериментальной биологии, у профессора Н.К. Кольцова), на которых разрабатывали проблемы государственного устройства России и ее внешней политики после падения советской власти. Ликвидация советского строя являлась главным требованием их политической программы.

На все их проекты власть ответила расстрелами: список казненных за подписью ВЧК "Правда" поместила в конце сентября 1919 г. Современников поразил не столько сам факт казни (к ним давно привыкли), сколько количество расстрелянных, а главное – смехотворность предъявленных при этом обвинений. Среди 67 жертв оказались владельцы конспиративных квартир, шифровальщики, переписчики тайной корреспонденции (руководство "Центра" состояло в секретной переписке с деникинским югом), авторы каких-то "проектов реорганизации по свержению Советской власти". Большинство было расстреляно просто за членство в ликвидированной организации или за "связь" с ней⁷⁷ *.

Расстрелы представителей интеллигенции за разного рода "контрреволюционную" деятельность продолжались и в 1920, и особенно в 1921 г., в связи с событиями в Кронштадте. Весна – лето 1922 г. ознаменовались новым походом власти на интеллигенцию, инициатором которого выступил сам Ленин (см. док. № 6). Указание вождя было неукоснительно исполнено, и уже в сентябре 1922 г. ГПУ представило списки "антисоветской интеллигенции" по Москве, Петрограду и ряду крупных городов Украины, всего – около 200 человек. В список попал цвет российской научной и творческой интеллигенции (П.А. Сорокин, С.Л. Франк, А.В. Пешехонов, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев и др.). Большинство было посажено на пароходы и выдворено в Германию, фактически пожизненно. Общее число российских эмигрантов в западноевропейских странах к тому времени составляло уже от полутора до двух миллионов человек, в основном представителей интеллигенции.

Практика высылки инакомыслящих за рубеж затем прекратилась, а после смерти Ленина даже наметилось подобие кратковременного "потепления" взаимоотношений власти с интеллигенцией. Однако не за горами была следующая волна массовых арестов специалистов, ученых и служащих, прокатившаяся по стране на рубеже 1920–1930-х гг.

Нэпманы и другие "лишенцы". Во второй половине 1920-х гг. с помощью ряда финансово-экономических мер (главным образом, двойным-тройным налогообложением) и репрессивных акций были окончательно уничтожены ростки товарного производства, которые появились в условиях нэпа, с соответствующими социальными последствиями. Речь идет о тех 2,3 млн человек, которые, по данным всесоюзной переписи населения 1926 г., занимались самостоятельной торгово-промышленной деятельностью (считая вместе с семьями). В течение одного только 1929 г. из около 51 тыс. владельцев торгово-промышленных предприятий, действовавших в 12 крупных

* К настоящему времени подавляющее большинство осужденных по делу "Национального центра" полностью реабилитировано.

городах, более 34 тыс. были вынуждены закрыть свое дело, причем арестам и высылкам было подвергнуто свыше 1500 человек⁷⁸. Вместе с нэпманами из городов активно высылались и другие "лишенцы" – люди, лишённые избирательных прав по социальным и иным признакам. В том же 1929 г. в одной Москве эта категория насчитывала около 90 тыс. человек на 2,3 млн жителей⁷⁹.

По конституции РСФСР 1925 г.*, кроме нэпманов к "лишенцам" были отнесены все ссыльные, священнослужители (в том числе бывшие), представители царского чиновничества, дворянства и купечества, "лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли", причем все категории – с членами семей: женами, нередко вдовами, детьми, внуками и т.д. Но это в теории. На деле, "попечением" местных властей, человек мог превратиться в "лишенца" не только по своим социально-экономическим "показателям", но и по политическим соображениям – за свои религиозные убеждения, "слабое участие в советском строительстве", вообще за "неблагонадежность". Любая самостоятельная хозяйственная деятельность, легальная, но не связанная с государственным аппаратом, казалась властям подозрительной. Поэтому сплошь и рядом в число "лишенцев" попадали мелкие ремесленники и кустари, полумойки, прачки, домашняя прислуга, старьевщики, лотошники и другие "мельчайшие" торговцы (в большинстве – отнюдь не "полукапиталисты", как считали советские историки, а маргиналы, торговавшие, "чтобы прокормиться"), шарманщики и уличные музыканты, извозчики, представители иных социальных и профессиональных групп населения, никогда не бывших ни привилегированными, ни состоятельными. И они, и другие "лишенцы", вся "вина" которых зачастую заключалась только в "социально чуждом" происхождении, вместе с потерей избирательных прав лишались возможности продвижения по социальной лестнице (на работу в государственные предприятия и учреждения их не принимали), социальной поддержки государства и, таким образом, средств к существованию. В условиях вновь введенной карточной системы распределения отсутствие продуктовой "заборной книжки" означало голодную смерть, к которой человек фактически "приговаривался" даже не по суду, а решением территориальной избирательной комиссии.

Дискриминационный в отношении собственных граждан институт "лишенцев" просуществовал до 1936 г., когда эта мера социально-политического регулирования уступила место другой, с точки зрения властей, более "эффективной".

В исторической литературе бытуют представления о том, что главной социальной задачей большевиков в первые годы советской власти являлось утверждение "пролетарской диктатуры", а их политика характеризуется как последовательно классовая, с опорой на "трудящихся города и деревни". Однако "пролетарская", а затем и

* Ограничение прав "лишенцев" практиковалось с 1918 г. непрерывно, однако только в середине 1920-х гг. более или менее четко был законодательно определен круг лиц, которые могли быть к ним отнесены. Подробнее см. главу вторую.

"рабоче-крестьянская" направленность их курса лишь декларировалась. В действительности, находясь в состоянии конфронтации со всем обществом или его абсолютным большинством, не пользуясь сколько-нибудь постоянной поддержкой со стороны какого-либо класса или социальной группы, большевизм как явление, в социальном смысле, маргинальное широко и искусно использовал методы социальной демагогии, пропагандистского давления, социально-политического маневрирования, провокации столкновения классовых интересов, обострения их взаимоотношений или подрыва их изнутри. Именно в этом заключалась суть большевистской социальной политики в период социальной разнородности российского общества и "многоукладности" экономики страны, т.е. с момента прихода большевиков к власти и до конца 1920-х гг.

Одновременно, по удачному выражению одного из основателей РСДРП А.Н. Потресова, "напряженностью" своего деспотизма большевизм превзошел все европейские монархии XIX века⁸⁰. По неполным данным, в 1918–1922 гг. прямые жертвы большевистского террора среди гражданского населения составили около 2 млн человек; еще 5,3 млн умерло от голода и болезней, около 2 млн граждан вынужденно эмигрировали либо были насильственно высланы за рубеж; сотни тысяч оказались за решеткой или в ссылке.

Примечания

¹ "Мы победили потому, – признавал позднее Ленин, – что приняли не нашу аграрную программу, а эсеровскую... Вот почему эта победа была так легка". – *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 30.

² *Континент.* Мюнхен. 1975. № 2. С. 383.

³ ЦГА СПб. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 13. Л. 38–50. – Протокол заседания Чрезвычайного Собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда 27 марта 1918 г.

⁴ Там же. Д. 17. Л. 14

⁵ Там же. Л. 11–11 об.

⁶ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 246. Л. 1–1 об.

⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 356.

⁸ *Новая Жизнь.* 1918. 25 (12) мая. № 99 (314).

⁹ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36. Л. 16. – Циркулярное письмо ЦК РКП "Всем комитетам, группам РКП, всем членам партии". Весна 1918 г.

¹⁰ Имеются в виду дезертиры только из Красной Армии.

¹¹ *Данилов В.П., Шанин Т.* Научно-исследовательский проект "Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг." (Вместо предисловия) // Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. "Антоновщина". Тамбов, 1994. С. 6.

¹² Там же. С. 130. – Из доклада секретаря Кирсановского уездного комитета РКП(б) Д.М. Ильина на 10-й уездной партконференции. Март 1921 г.

¹³ *Стрижков Ю.К.* Продотряды. М., 1976. С. 42, 43.

¹⁴ *Лацис М.Я. (Судрабс).* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 71.

¹⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 126.

- ¹⁶ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. "Антоновщина". С. 13.
- ¹⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 194. Л. 6.
- ¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 411.
- ¹⁹ Кротов В.А. Чоновцы. М., 1974. С. 15.
- ²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 310.
- ²¹ РГВА. Ф. 24380. Оп. 3. Д. 70. Л. 346; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. "Антоновщина". С. 107.
- ²² ГАРФ. Ф. 8415. Оп. 1. Д. 114. Л. 62.
- ²³ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. "Антоновщина". С. 163.
- ²⁴ Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 167.
- ²⁵ Цит. по: Там же. С. 447.
- ²⁶ Чуканов И.А. Политика большевиков Среднего Поволжья в голодные 1918–1921 годы // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 128.
- ²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 69; Т. 39. С. 31 и др.
- ²⁸ Сибиряков Н.С. Конец Забайкальского казачьего войска // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1990. С. 195.
- ²⁹ Цит. по: Козлов А. Рассказывание. // Родина. 1990. № 7. С. 43.
- ³⁰ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 273, 274; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 245, 246.
- ³¹ В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 287; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 378.
- ³² Цит. по: Политическая история. Россия – СССР – Российская Федерация. М., 1996. Т. 2. С. 79.
- ³³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 387.
- ³⁴ К казакам Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Уральского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Иркутского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. М., 1919. С. 4, 5.
- ³⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 266; Козлов А. Указ. соч. С. 45.
- ³⁶ Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 171.
- ³⁷ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 206; Т. 40. С. 183.
- ³⁸ Революционная Россия. 1921. Май. № 7. С. 30. – Обращение особоуполномоченного по Северному Кавказу к населению Кубанской области и Черноморского побережья. Октябрь 1920 г.
- ³⁹ Сталин И.В. Соч. Т. 4. М., 1947. С. 400. – Доклад о советской автономии Терской области 17 ноября 1920 г.
- ⁴⁰ Революционная Россия. 1921. Апрель. № 6. С. 30.
- ⁴¹ Известия. 1991. 28 января.
- ⁴² Краснов П.П. Венок на могилу неизвестного солдата императорской российской армии // Трагедия казачества. Т. 2. М., 1996. С. 186.
- ⁴³ Сибиряков Н.С. Указ. соч. С. 211.
- ⁴⁴ Цит. по: Цыпин В. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. М., 1994. С. 29.
- ⁴⁵ Пайпс Р. Указ. соч. С. 413.
- ⁴⁶ Покровский Н.Н. Документы Политбюро и Лубянки о борьбе с Церковью в 1922–1923 гг. // Российский православный университет ап. Иоанна Богослова. Учен. зап. Вып. 1. М., 1995. С. 127.
- ⁴⁷ Цыпин В. Указ. соч. С. 92.
- ⁴⁸ Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918–1920). М., 1998. С. 320.
- ⁴⁹ Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 128.

- ⁵⁰ *Цыпин В.* Указ. соч. С. 34.
- ⁵¹ Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922–1925 гг. В 2 т. М.; Новосибирск, 1997–1998. Т. 1. С. 9.
- ⁵² В.И. Ленин. Неизвестные документы. С. 517.
- ⁵³ Там же. С. 516, 518, 519.
- ⁵⁴ *Покровский Н.Н.* Указ. соч. С. 129.
- ⁵⁵ *Пайпс Р.* Указ. соч. С. 426.
- ⁵⁶ Цит. по: *Яковлев А.Н.* По мощам и елей. М., 1995. С. 11, 12.
- ⁵⁷ *Гиппиус З.Н.* Черные тетради // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 87–89.
- ⁵⁸ Цит. по: Там же. С. 158 (Примечания).
- ⁵⁹ Там же. С. 57.
- ⁶⁰ Новая жизнь. 1917. 7 ноября.
- ⁶¹ *Гиппиус З.Н.* Указ. соч. С. 26.
- ⁶² "Его газета "День" превратилась в "Ночь" после первого закрытия, – пишет Гиппиус; – в "Темную Ночь" – после второго; вышла "Полночь" – после третьего. После четвертого – "В глухую Ночь", а потом совсем захлопнули". – Там же. С. 23.
- ⁶³ Новый День. 1918. 4 мая (21 апреля). № 34.
- ⁶⁴ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 137.
- ⁶⁵ Там же. Т. 35. С. 198.
- ⁶⁶ Там же. С. 275.
- ⁶⁷ Там же. С. 173.
- ⁶⁸ Там же. С. 202.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ В.И. Ленин. КПСС об интеллигенции. М., 1979. С. 81.
- ⁷¹ Еженедельник Чрезвычайных комиссий. 1918. № 1. С. 11.
- ⁷² Петроградская правда. 1918. 1 сентября.
- ⁷³ Еженедельник Чрезвычайных комиссий. 1918. № 1. С. 24.
- ⁷⁴ Там же. 1918. № 3. С. 27–29; № 5. С. 23, 24.
- ⁷⁵ Там же. № 6. С. 19.
- ⁷⁶ *Соломон Г.А.* Среди красных вождей. М., 1995. С. 155–159.
- ⁷⁷ Правда. 1919. 23 сентября.
- ⁷⁸ *Морозов Л.Ф.* Решающий этап борьбы с нэпмановской буржуазией (1926–1929 гг.). М., 1960. С. 95, 96.
- ⁷⁹ *Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф.* Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. М., 1998. С. 125.
- ⁸⁰ *Потресов А.Н.* В плену у иллюзий (Мой спор с официальным меньшевизмом). Париж, 1927. С. 20.

Глава четвертая

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕРРОР
В 1930-е гг.

...иногда не на какие
трудности и лишения не
решившись в связи с
вероятно неслучайной
ее изобилием советами и сердеч
носью Божьими, и не вверь
и уверяю что буду своим
предки все свое в коммунист
нском смысле. Привет всем
родным.

События, происходившие в стране с конца 1920-х гг. до завершения "большого террора" в 1939 г., историки обычно характеризуют как "сталинскую революцию сверху", как период коренных насильственных изменений в государственном и социально-экономическом строе, проведенных по воле советского руководства и прежде всего Сталина. Форсированная индустриализация, ликвидация зажиточных крестьянских хозяйств и насаждение колхозов, идеологическая унификация и подавление любых форм инакомыслия были невозможны без широкомасштабного применения государством принуждения и террора. Именно эти периоды усиления террора и репрессий являются предметом рассмотрения в данной главе.

Превратившись в повседневность, репрессии в отдельные периоды отличались особым размахом и жестокостью. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. всплеск террора был связан с проведением коллективизации и так называемым "раскулачиванием" – арестами, расстрелами и депортациями сотен тысяч крестьян. В 1932–1933 гг. методами насилия режим пытался преодолеть острейший социально-экономический кризис, вызванный провалом политики индустриальных скачков и страшным голодом, поразившим страну. После относительно недолгого затишья новая волна репрессий была спровоцирована убийством С.М. Кирова 1 декабря 1934 г., а затем на страну обрушился "большой террор" – массовые аресты и расстрелы 1937–1938 гг.

"Раскулачивание" (1929–1931). Предпосылкой массовых репрессий предвоенного десятилетия была ультралевая политика форсированной индустриализации и насильственного объединения в колхозы миллионов крестьянских хозяйств, названная Сталиным "великим переломом". Проведение этого курса фактически ввергло страну в состояние гражданской войны. На насильственно проводимые хлебозаготовки, сопровождавшиеся массовыми арестами крестьян и разорением их хозяйств, деревня ответила восстаниями. В 1929 г. ОГПУ зафиксировало более 1300 массовых выступлений в деревне, в которые было вовлечено более 240 тыс. человек¹. Не желая отдавать свое имущество в колхозы, а также опасаясь репрессий, которые обрушивались на более зажиточную часть деревни, крестьяне резали скот и сокращали посевы.

Сталинское руководство отдавало себе отчет в том, что только применяя жесточайший террор можно подчинить деревню и заставить десятки миллионов крестьян почти бесплатно работать на государство. Поэтому одним из главных рычагов начавшейся в конце 1929 г. коллективизации стали массовые аресты и высылка наиболее опасной для режима части сельского населения, прежде всего зажиточных крестьян. Террор был одним из важнейших методов создания колхозов. Он выполнял функцию запугивания крестьян, которые, опасаясь разделить судьбу репрессированных односельчан, стиснув зубы, шли в колхозы. Конфискованное имущество репрессированных составляло основу производственных фондов колхозов. Вместе с тем свою роль при "раскулачивании" играли такие мотивы, как сведение счетов между самими крестьянами и злоупотребления местных чиновников, многие из кото-

рых превращались в обыкновенных грабителей, присваивавших имущество "раскулаченных". Коллективизация сопровождалась закрытием церквей, арестами священников, глумлением над религиозными чувствами крестьян, что еще больше накаляло обстановку.

На насилие крестьяне ответили новыми восстаниями, убийствами местных руководителей. В январе 1930 г. ОГПУ зарегистрировало по СССР 400 массовых выступлений, в феврале – 1048, в марте – 6528². Напор крестьянского сопротивления внес некоторые коррективы в первоначальные планы правительства. 2 марта "Правда" опубликовала известную статью Сталина "Головокружение от успехов", в которой он обвинил местных руководителей в "перегибах" при проведении коллективизации. Однако волнения не прекратились. В конце марта Сталину докладывали о массовых выступлениях крестьян в Центральном регионе, о боях на Северном Кавказе; руководство Казахстана просило разрешения на применение против крестьян регулярных частей Красной Армии. В начале апреля правительство вынуждено было пойти на более ощутимые уступки. На места была послана директива о смягчении курса, в которой признавалось, что над режимом нависла угроза "широкой волны повстанческих крестьянских выступлений" и уничтожения "половины низовых работников"³.

После мартовского всплеска, который стал высшей точкой крестьянских антиправительственных выступлений в 1930-е гг., волнения пошли на убыль, но полностью не прекратились. Всего в 1930 г. ОГПУ зафиксировало 13 755 массовых выступлений в деревне, в 10 тыс. из которых приняло участие почти 2,5 млн человек. Таким образом, общее количество участников антиправительственных восстаний составило в том году порядка 3 млн человек⁴. Хотя история крестьянских восстаний 1929–1930 гг., как и другие эпизоды массового сопротивления сталинскому режиму, начинает изучаться только теперь, известные на сегодня данные показывают, что волнения в деревне в этот период приобрели не только значительный размах, но и определенную организованность. В ряде мест крестьяне сформировали вооруженные отряды, избрали новые органы власти и т.п.⁵ По данным ОГПУ, в 1930 г. 176 выступлений крестьян носили "повстанческий характер". Этим термином обозначались широкомасштабные организованные восстания, которые охватывали порой целые районы и приводили к свержению советской власти⁶.

Удержать ситуацию под контролем правительству удалось в основном при помощи террора. Давление Москвы, откуда постоянно раздавались призывы к "уничтожению кулачества как класса", в соединении с инициативой местных руководителей и активистов способствовало широкому распространению массовых репрессий еще до того, как в Политбюро и ОГПУ были разработаны планы проведения единой операции против "кулаков" в масштабах всей страны. Однако своего апогея террор в деревне достиг именно в период осуществления такой централизованной операции⁷. Ее развернутая программа была представлена в постановлении Политбюро от 30 января 1930 г. "О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации"⁸. Все "кулаки" (под это определение на практике подводились все недовольные властью или заподозренные в нелояльности) разбивались на три категории. К первой был отнесен "контрреволюционный кулацкий актив", подлежащий заключению в

лагеря или расстрелу, ко второй – "остальные элементы кулацкого актива", которых следовало выселить в отдаленные местности, и к третьей – "кулаки", которых оставляли в районах их проживания, но расселяли на неудобных землях вне пределов колхозов.

Репрессивные меры в отношении лиц первой и второй категорий Политбюро распорядилось провести в течение четырех месяцев, в феврале – мае, установив при этом следующие "лимиты": около 60 тыс. человек следовало направить в лагеря, а 150 тыс. выселить в отдаленные районы. Поскольку семьи этих 210 тыс. "кулаков" также подлежали отправке в ссылку, речь шла примерно о миллионе репрессируемых. Однако и эти цифры не являлись окончательными, поскольку для некоторых областей и республик "лимиты" предстояло установить дополнительно⁹.

2 февраля 1930 г. на основании постановления Политбюро от 30 января был издан приказ ОГПУ № 44/21, которым определялся порядок проведения планировавшейся акции. Для рассмотрения дел по первой категории в полномочных представительствах ОГПУ на местах создавались "тройки" в составе представителей ОГПУ, членов краевого комитета ВКП(б) и прокуратуры, а для руководства операцией по выселению – "оперативные тройки". Пакет инструкций в приложении к приказу подробно описывал весь "механизм" проведения депортаций¹⁰.

Документы, регламентировавшие проведение этой массовой карательной операции, в значительной мере послужили моделью для последующих государственных террористических акций, в частности для кровавой "операции против антисоветских элементов", ставшей частью "большого террора" 1937–1938 гг. Сами же аресты и депортации "кулаков" в полной мере продемонстрировали черты, характерные впоследствии для всех массовых карательных акций, прежде всего невероятную жестокость, порожденную директивами Москвы, "перегибами" исполнителей и отсутствием ресурсов для обеспечения спецпереселенцев даже по голодным нормам.

Наиболее оперативно органы ОГПУ выполняли директивы в отношении "кулаков" первой категории. Согласно ведомственной статистике, в 1930 г. по делам, возбужденным ОГПУ, было арестовано более 330 тыс. и осуждено 208 тыс. человек, из них "тройками" – почти 180 тыс. 114 тыс. из числа осужденных попали в лагеря, а свыше 20 тыс. были расстреляны. Примерно такое же количество осужденных и расстрелянных числилось за ВЧК-ОГПУ за все предыдущие девять лет – с 1921 по 1929 г.¹¹ Значительную часть арестованных ОГПУ в 1930 г. составляли жертвы "операции по кулачеству" – с 1 января по 1 октября 1930 г. по первой категории было арестовано более 283 тыс. "кулаков"¹². Все это означало, что первоначальные планы по "первой категории" на практике были перевыполнены в несколько раз.

Иначе обстояло дело с "кулаками" второй категории. С первых шагов операции стало ясно, что для выселения сотен тысяч людей отсутствуют элементарные ресурсы. Однако от депортаций никто не собирался отказываться. Многие десятки железнодорожных эшелонов, до предела забытые крестьянскими семьями, потянулись на Урал, на Север, в Сибирь. Эти многодневные перевозки были страшным испытанием. От железнодорожных станций измученных людей многие километры, нередко пешком, гнали к "местам вселения". "Раскулаченных" размещали в не приспособленных для жизни бараках, цер-

квах. Мужчин, как правило, отделяли от семей и увозили на различные работы. Женщины, дети и старики оставались без средств к существованию. Ужасные условия содержания, голод, тяжелый труд вызывали массовую смертность, особенно среди детей. О судьбах первых спецпереселенцев свидетельствовали их многочисленные жалобы и призывы о помощи. Архивные фонды буквально всех партийно-государственных учреждений переполнены подобными документами. По данным ОГПУ, в 1930 г. в спецссылку было направлено 113 013 семей, или 551 330 человек¹³, т.е. вполтину меньше того количества, что предусматривали директивы Политбюро. Одной из главных причин этого "недовыполнения" явилось катастрофическое положение сосланных – голод, массовая смертность, побег¹⁴.

Впрочем, провал планов спецссылки в 1930 г. правительство с успехом компенсировало в следующем году. Всего, по данным ОГПУ, в 1930–1931 гг. на спецпоселение было отправлено 381 026 семей, или 1 803 392 человека¹⁵. Поскольку в 1930 г., как уже говорилось, этот показатель составлял около 550 тыс. человек, получается, что депортации 1931 г. в несколько раз превзошли аналогичные акции предшествующего года. Численность приговоренных к заключению в лагеря в 1931 г. лишь ненамного уменьшилась по сравнению с 1930 г., а количество расстрелянных, хотя и сократилось вдвое, все же осталось весьма значительным – 10 651 человек.

Массовые депортации и аресты крестьян составили основную часть репрессий 1930–1931 гг. и в значительной мере предопределили как общую ситуацию в стране, так и новое направление развития ГУЛАГа, которое выразилось в создании сети лагерей и спецпоселков¹⁶. Помимо крестьян жертвами "великого перелома" стали и другие слои населения, прежде всего те, которые активно поддерживали новую экономическую политику или в определенной мере были ее порождением – мелкие торговцы и промышленники, кустари, старая интеллигенция. Как и в деревне, в городе дело не ограничилось экономическими мерами, направленными на уничтожение мелких собственников. Разоряясь от непосильных налогов и штрафов, срочно ликвидируя имущество (подобно тому, как крестьяне резали скот), частные предприниматели подвергались репрессиям как "саботажники" и "контрреволюционеры".

Шумная репрессивная кампания против так называемых "буржуазных специалистов", или "спецов", началась с печально известного "шахтинского процесса" (1928). Этот уцелевший отряд дореволюционной интеллигенции, составлявший костяк интеллектуальных сил страны, с надеждой встретил введение нэпа и не мог принять левацкие эксперименты сталинского руководства. Расправляясь с "буржуазными специалистами", правительство не только перекладывало на них вину за многочисленные провалы в экономике и резкое снижение уровня жизни народа, вызванные политикой "великого перелома", но и компрометировало "правых коммунистов", выступавших за продолжение нэпа, обвиняя их в идейных связях с "вредителями". Именно по такой схеме в 1930 г. было сфабриковано несколько "дел" о разветвленной сети "контрреволюционных вредительских организаций".

Летом 1930 г. ОГПУ провело аресты крупных специалистов центральных хозяйственных ведомств. В основном это были широко известные ученые и эксперты, игравшие заметную роль в годы нэпа. Среди

них были: профессор Н.Д. Кондратьев, бывший эсер, товарищ министра продовольствия во Временном правительстве, который работал в советских сельскохозяйственных органах и возглавлял Конъюнктурный институт Наркомата финансов; профессора Н.П. Макаров и А.В. Чаянов, занимавшие видные должности в Наркомате земледелия РСФСР; профессор Л.Н. Юровский, член коллегии Наркомата финансов; опытный статистик-экономист бывший меньшевик В.Г. Громан, работавший в Госплане и ЦСУ СССР; видный в прошлом меньшевик В.А. Базаров, с 1921 г. сотрудник Госплана СССР; автор известных "Записок о революции" Н.Н. Суханов, в 1920-е гг. работавший в хозяйственных органах, а также в советских торгпредствах в Берлине и Париже.

ОГПУ, действия которого, как всегда, направлял Сталин¹⁷, сфабриковало материалы о существовании сети антисоветских организаций – "трудовой крестьянской партии" под председательством Н.Д. Кондратьева, "промпартии" под руководством профессора Л.К. Рамзина, "союзного бюро меньшевиков" и т.д., связанных якобы не только между собой, но и с зарубежными антисоветскими центрами. В Москве состоялись судебные процессы по этим делам, сопровождавшиеся масштабными пропагандистскими кампаниями. Но это была лишь вершина айсберга. Одновременно по всей стране были арестованы тысячи специалистов, фабриковались "дела" об организациях, связанных с "вредительскими центрами" в Москве. Эти репрессии нанесли такой же урон промышленности и системе высшего образования, как "раскулачивание" – сельскому хозяйству.

Голод 1932–1933 гг. Прямым следствием сталинской политики "большого скачка" и массового террора против крестьян стало разрушение производительных сил деревни и распространение голода, который, в свою очередь, послужил катализатором острейшего кризиса во всех сферах жизни страны. Одним из проявлений кризиса явился новый подъем волны антиправительственных выступлений. В начале 1932 г. массовый характер приняли выходы крестьян из колхозов, в результате чего за первое полугодие 1932 г. число коллективизированных хозяйств в РСФСР сократилось на 1370,8 тыс., а на Украине – на 41,2 тыс.¹⁸ Крестьяне оказывали сопротивление вывозу хлеба в счет заготовок, нападали на государственные хлебные склады. О событиях такого рода на Украине председателю Совнаркома СССР В.М. Молотову докладывал один из руководителей Центральной контрольной комиссии ВКП(б), проводивший инспекцию в этих районах.

Он писал, что 3 мая 1932 г. около 300 женщин села Устиновцы захватили председателя сельсовета и, подняв черный флаг, двинулись на железнодорожную станцию Гоголево, где начали ломать двери складов. Заведующий складами, однако, сумел отогнать толпу. Но на следующий день крестьяне собрались снова. Для подавления волнений были вызваны вооруженная милиция и уполномоченные ГПУ. Хлеб со складов в тот же день быстро вывезли. На следующий день, 5 мая, толпа женщин деревни Часниковка разгромила склад на станции Сенча и забрала 37 мешков пшеницы. 6 мая, вдохновленные успехом, крестьяне вновь пришли на станцию и забрали из вагонов 150 пудов кукурузы. Коммунистов, которые пытались остановить толпу и стреляли в воздух, разогнали. К вечеру на станцию прибыли 50 воо-

руженных милиционеров и коммунистов. Однако крестьян это не остановило. На станции собрались около 400 человек, которые вновь попытались открыть вагоны. 7 мая еще большую толпу крестьян удалось разогнать только силами конной милиции и вооруженных коммунистов. На станции Сагайдак 5 мая около 800 человек оттеснили милиционеров и сельских активистов, охранявших зерно, открыли склады и взяли около 500 пудов хлеба. 400 пудов отдали тут же, но 100 увезли с собой. 6 мая попытку, правда, безуспешную, забрать хлеб сделали около 400 крестьян деревень Лиман и Федунки¹⁹.

Весной 1932 г. в связи со снижением норм карточного снабжения хлебом начались антиправительственные выступления также и в городах. Наиболее серьезные события произошли в текстильных районах Ивановской области. 5 апреля началась забастовка на фабрике им. Ногина в г. Вичуге, а уже 9 апреля бастовали почти все фабрики города. 10 апреля многотысячная толпа двинулась к горсовету, разгромила помещение милиции, заняла здания ГПУ и райкома партии. Активные выступления в городе продолжались и на следующий день. В стычках с милицией один демонстрант был убит и один ранен, 15 милиционеров получили тяжелые ранения, а 40 милиционеров и 5–7 ответственных работников – легкие. 12 апреля в Вичугу прибыл Л.М. Каганович, которому при помощи репрессий и посулов забастовку на вичугских фабриках удалось прекратить. Одновременно забастовки и волнения прошли в ряде других районов Иваново-Вознесенской области – Тейковском, Лежневском, Пучежском²⁰. Для локализации выступлений руководители области приняли энергичные меры. 14 апреля ими было принято решение об "изъятии антисоветских элементов", и в районах волнений начались массовые аресты забастовщиков.

Ивановские события выявили очень тревожные для режима симптомы. Забастовки и демонстрации произошли в одной из крупнейших промышленных областей в центре страны, неподалеку от столицы, и охватили одновременно несколько районов. В любой момент к забастовщикам могли присоединиться рабочие других предприятий, где также наблюдались "тяжелые настроения". Большое влияние апрельские события оказали на местных крестьян, многие из которых фактически поддержали рабочих-забастовщиков. По деревням прокатились коллективные отказы от работы ("волынки"), усилился распад колхозов²¹. Активное участие в забастовках и демонстрациях принимали местные коммунисты, причем в ряде случаев именно они выступили их организаторами²². Одновременно полную беспомощность продемонстрировали местные руководители.

Обеспокоенные тяжелым положением в стране, в середине 1932 г. московские власти попытались провести некоторые реформы, одновременно ослабив давление на крестьян. Однако эти меры не возымели ожидаемого действия. Задавленные многолетним произволом и мало доверявшие властям, крестьяне меньше всего думали о судьбе урожая на колхозных полях, ими владела одна мысль – как пережить зиму и весну. Продолжались массовые самораспуски колхозов, сопровождавшиеся, как говорилось в сводках ОГПУ, "разбором скота, имущества и сельскохозяйственного инвентаря". На местах вспыхивали волнения, которые власти подавляли вооруженной силой²³.

Нараставший социально-экономический кризис достиг своего пика на рубеже 1932–1933 гг. Урожай 1932 г. был невысоким и к

тому же плохо собран. Насильственные государственные заготовки 1932 г., в результате которых из деревень была вывезена большая часть хлеба, привели к жесточайшему голоду в основных зерновых районах страны – на Украине, Северном Кавказе, Поволжье, в Центральном Черноземье. Преступная коллективизация привела к вымиранию населения Казахстана; оставшиеся в живых массами бежали в сопредельные страны. Всего в 1932–1933 гг., по наиболее достоверным подсчетам, от голода умерло от 4 до 5 млн человек²⁴. Несколько миллионов крестьян, хотя и пережили голод, приобрели тяжелые хронические заболевания или стали инвалидами. В голодающих районах широко распространилась преступность, включая такие крайние ее формы, как людоедство. Из деревень в города, где хлеб выдавали по карточкам, устремились толпы крестьян и детей, потерявших родителей. Голоду сопутствовали страшные эпидемии. Морозная зима дезорганизовала работу железных дорог, а резкое сокращение отгрузки угля из Донбасса вызвало серьезные топливные трудности. Перечислением подобных фактов и описанием ужасающих бедствий, обрушившихся на страну, можно заполнить еще не один десяток страниц. В мирное время, более чем через десять лет после завершения кровопролитных войн, Советский Союз оказался в положении, напоминавшем военную разруху.

Все это резко усиливало социальную напряженность. Антиправительственные настроения усугублялись тем, что пик кризиса пришелся на период завершения первой пятилетки, когда настало время выполнять обещания, которые сталинское руководство давало в конце 1920-х гг., поднимая общество на "большой скачок" и расправляясь с призывавшими к осмотрительности "правыми". Мощный пропагандистский аппарат создавал тогда радужные картины недалекого будущего. Многими энтузиастами первой пятилетки двигала вера в скорое строительство социализма, который принесет изобилие ("...Через четыре года здесь будет город-сад!"). Тем горше было разочарование. Подорванная "скачками", страна не только голодала, она переставала верить²⁵.

Как обычно в кризисные моменты, усилилась оппозиция "генеральной линии" и в самой партии. Судя по известным нам материалам, среди членов ВКП(б) распространилось мнение о порочности политики Сталина, осуждение неоправданной конфронтации с крестьянством. Особенно тревожным для сталинского руководства явлением был фактический саботаж чрезвычайных хлебозаготовок многими партийными работниками на местах.

В таких условиях удержать ситуацию в руках сталинское руководство сумело лишь при помощи жесточайших репрессий. Основными методами хлебозаготовок стали повальные обыски, аресты, расстрелы и депортации крестьян, вплоть до выселения целых деревень. Символом государственного террора в этот период стал закон от 7 августа 1932 г. о защите социалистической собственности. Принятый по инициативе Сталина, он предусматривал расстрел или как минимум 10 лет тюрьмы даже за самые незначительные хищения. Фактически этот закон был направлен против голодающих крестьян, которые пытались срезать на колхозных полях хотя бы несколько колосков хлеба, и поэтому получил в народе название "закона о пяти колосках"²⁶.

В 1932 г. в городах проводились операции против "преступного, социально опасного и паразитического элемента", в начале 1933 г. переросшие в широкомасштабную "чистку", связанную с введением паспортной системы. ОГПУ продолжало фабриковать многочисленные дела о "вредительстве" и "контрреволюционных организациях".

Для размещения огромного количества репрессированных в апреле 1933 г. Политбюро приняло решение об организации в дополнение к лагерям, колониям и спецпоселениям так называемых трудовых поселений, куда помимо крестьян, обвиненных в саботаже хлебоготовок, предполагалось направлять "городской элемент, отказавшийся в связи с паспортизацией выезжать из Москвы и Ленинграда", а также "бежавших из деревень кулаков, снимаемых с промышленного производства"²⁷. Первые эшелоны, заполненные истощенными, больными, полураздетыми и завшивевшими людьми, начали прибывать в районы новой ссылки в апреле 1933 г. Вместе с живыми и полуживыми из вагонов выгружали трупы. Местные власти старались поскорее избавиться от этих людей и нередко перегоняли их в отдаленные, совершенно не приспособленные к жизни районы. Свообразным символом начала трудовой ссылки стала трагедия, разыгравшаяся на острове Назина на севере Западно-Сибирского края (см. док. № 1).

Всего на протяжении 1933 г. в ссылку было отправлено около 270 тыс. трудпоселенцев²⁸. В течение 1932–1933 гг. примерно на 240 тыс. увеличилось и лагерное "население". Одновременно сотни тысяч людей были осуждены условно или проводили некоторое время под арестом, не попадая в лагеря. Так, согласно данным Верховного суда РСФСР, только в первой половине 1933 г. и только по РСФСР было осуждено более 738 тыс. человек²⁹.

подавляя недовольство в партии, сталинское руководство объявило о проведении с ноября 1932 г. очередной "чистки" в ВКП(б). Небывало массовый характер приобрело привлечение коммунистов к уголовной ответственности за невыполнение директив Центра о вывозе хлеба из голодающих деревень. Всего за 1932–1933 гг. из партии было исключено более 400 тыс. человек, т.е. каждый шестой коммунист (на 1 января 1933 г. в ВКП(б) числилось 3,5 млн членов).

В целом эти данные показывают, что в период кризиса 1932–1933 гг. в результате арестов, расстрелов, депортаций, исключений из партии пострадало около 2 млн человек. Вскоре правительству стало ясно, что дальнейшее наращивание террора невозможно даже по чисто техническим причинам. В начале мая только в местах лишения свободы (тюрьмах, колониях, арестантских помещениях милиции, следственных изоляторах ОГПУ), несмотря на все предыдущие "разгрузки" и невероятно высокую смертность, скопилось 777 тыс. узников³⁰, постепенно умиравших от голода и болезней. В силу недостатка материальных ресурсов провалились планы создания сети трудовых поселений. До предела были перегружены лагеря, также охваченные голодом.

В этих условиях руководство страны решилось на достаточно радикальный шаг. 8 мая 1933 г. была принята новая инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР партийным, советским работникам, органам ОГПУ, суда и прокуратуры по поводу дальнейшего проведения репрессивной политики. Инструкция запрещала массовые выселения крестьян (допускались лишь индивидуальные выселения активных "контрреволюционеров",

причем в рамках установленных "лимитов" – 12 тыс. хозяйств по всей стране); должностные лица, не имевшие на то специальных полномочий, лишались права производить аресты, а также применять в качестве меры пресечения заключение под стражу до суда "за маловажные преступления". Был установлен 400-тысячный предельный "лимит" заключенных по линии Наркомата юстиции, ОГПУ и Главного управления милиции (кроме лагерей и колоний). Осужденным на срок до трех лет правительство предписывало заменить лишение свободы принудительными работами до одного года, а оставшийся срок считать условным. Инструкция вновь подтвердила, что осужденные на срок от трех до пяти лет включительно направляются в трудовые поселки, а на срок свыше пяти лет – в лагеря ОГПУ³¹.

Для осуществления этой директивы во всех республиках, краях и областях были созданы специальные разгрузочные комиссии, а общее руководство операцией возложено на наркома юстиции РСФСР Н.В. Крыленко, который 19 июля 1933 г. доложил Сталину и Молотову, что на 10 июля 1933 г. в местах лишения свободы содержалось 397 284 человека. Таким образом, задача, поставленная директивой от 8 мая 1933 г., была перевыполнена³².

До и после убийства Кирова (1934–1936). Массовые репрессии, проводившиеся в начале 1930-х гг., хотя и позволили сталинскому руководству начать форсированную индустриализацию, провести насильственную коллективизацию и при этом удержаться у власти, на самом деле лишь усугубляли кризисную ситуацию в стране. При помощи террора можно было забрать хлеб у крестьян, но нельзя было заставить их сколько-нибудь нормально работать и заботиться о новом урожае. Опираясь на скачкообразное наращивание капитальных вложений, эксплуатацию порывов энтузиазма населения и одновременно проводя политику репрессий и принуждения к труду, невозможно было создать современную промышленность. Как показали итоги первой пятилетки, планы форсированного роста индустрии, на выполнение которых были направлены огромные силы и средства, оказались полностью провалены.

Для Сталина и его окружения именно экономический кризис явился наиболее убедительным аргументом в пользу необходимости корректировки политики "большого скачка". На пленуме ЦК ВКП(б) в январе 1933 г. Сталин заявил, что в дальнейшем нет необходимости "подгонять и подхлестывать страну", и провозгласил новые, более умеренные планы на вторую пятилетку. Таким образом, экономические, а также социально-политические причины заставили режим пойти на некоторое смягчение репрессий.

На 1 января 1934 г. более 510 тыс. заключенных находились в лагерях ОГПУ³³, примерно столько же – в колониях Наркомата юстиции и в тюрьмах и более миллиона человек – в трудовых поселениях³⁴. Кроме этого, сотни тысяч людей были осуждены к принудительным работам и получили условные сроки осуждения. Около 600 тыс. человек в 1929–1933 гг. были исключены из партии. Сотни тысяч крестьян, бежавших из ссылки или спасавшихся от "раскулачивания", осели в городах. Если учесть членов семей репрессированных³⁵, судьба которых, как правило, была также очень тяжелой, если вспомнить о жертвах страшного голода, то станет очевидным, что значительная

часть населения страны имела все основания ненавидеть режим. Сталинское руководство не могло не осознавать, какими социальными последствиями было чревато дальнейшее наращивание террора. Поэтому, не отказываясь от насилия как ключевого принципа управления страной, правительство попыталось ввести его применение в некоторые рамки.

В 1934 г., по официальным данным, в РСФСР было осуждено около 1,2 млн человек, или на 200 тыс. меньше, чем в 1933 г. В несколько раз уменьшилось применение одного из наиболее жестоких законов – постановления от 7 августа 1932 г. о хищениях социалистической собственности³⁶. Особо заметным в 1934 г. явилось снижение активности органов госбезопасности: количество осужденных по делам, расследованным ОГПУ (со второй половины 1934 г. – НКВД), составило около 79 тыс. по сравнению с 240 тыс. в 1933 г.³⁷ Ослабевали репрессии в постепенно оправлявшейся от голода деревне. Власти в ряде случаев пресекали гонения на интеллигенцию, брали под защиту хозяйственных руководителей. 27 мая 1934 г. было принято постановление ЦИК СССР, которое упрощало процедуру восстановления в гражданских правах ссыльных крестьян, хотя это восстановление, вопреки ожиданиям крестьян, не избавляло их от проживания в ссылке, а лишь ослабляло комендантский надзор. Но и возможность получить формальное полноправие, по мнению историков, была для спецпереселенцев "заманчивой перспективой"³⁸.

Свою стабилизирующую роль сыграла также реорганизация карательных органов и проведение своеобразной судебной реформы, до некоторой степени ограничившей компетенцию разного рода внесудебных репрессивных институтов³⁹. Пока трудно сказать, в какой мере сталинское руководство было готово и дальше следовать этим путем. Сохранившиеся документы создают противоречивую картину: наряду с провозглашением лозунга "укрепления социалистической законности" и некоторыми практическими, хотя и непоследовательными, мерами по ограничению произвола НКВД, продолжались многочисленные репрессивные акции, инициатором которых во многих случаях выступало само высшее партийно-советское руководство.

Ситуация изменилась 1 декабря 1934 г. в связи с террористическим актом против секретаря Ленинградского обкома ВКП(б), члена Политбюро и одного из ближайших соратников Сталина С.М. Кирова. Уже через несколько часов после известия о смерти Кирова было подготовлено постановление ЦИК СССР, получившее название "закона от 1 декабря". Убийство Кирова Сталин использовал, прежде всего, как повод для расправы над своими бывшими политическими противниками, боровшимися с ним в 1920-е гг. Несмотря на отсутствие каких-либо точных данных, Сталин приказал разрабатывать версию о причастности к убийству Кирова Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и их сторонников. По сфальсифицированным обвинениям несколько групп бывших оппозиционеров были осуждены на закрытых судебных процессах. 26 января 1935 г. Сталин подписал постановление Политбюро о высылке из Ленинграда на север Сибири и в Якутию сроком на три-четыре года 663 бывших сторонника Зиновьева. Еще одна группа его бывших политических оппонентов (325 человек) в партийном порядке переводилась

из Ленинграда на работу в другие районы⁴⁰. Аналогичные акции против участников внутрипартийных оппозиций 1920-х гг. проводились и в других крупных городах.

Высылки оппозиционеров были составной частью более масштабной "чистки", которая затронула прежде всего Ленинград. С 28 февраля по 27 марта 1935 г. в городе проводилась операция по выселению бывших дворян, торговцев, фабрикантов, царских чиновников, офицеров и т.д. Всего в ходе этой операции Особым совещанием при НКВД были осуждены к заключению в лагеря, ссылке и высылке 11 072 человека (4833 глав семей и 6239 членов семей)⁴¹.

Одновременно в Ленинграде, как и во многих других городах, проводилась кампания "чистки" от "уголовных и деклассированных элементов", а также "злостных нарушителей" паспортного режима. Эта операция затронула прежде всего 28 наиболее крупных центров, так называемые режимные города. Всего, согласно докладу Ягоды Сталину и Молотову, в 1935 г. в ходе операции по "очистке городов" решениями "троек" местных управлений НКВД и "тройки" Главного управления милиции было осуждено 122 726 человек⁴².

Проведение подобных "чисток" вряд ли можно поставить в прямую зависимость от ужесточения политического курса после убийства Кирова. Уголовная преступность в стране являлась прежде всего следствием коренных социальных изменений и разрушения традиционных структур общественного устройства и постоянно находилась на высоком уровне⁴³. В качестве катализатора, но не прямой причины убийство Кирова можно рассматривать и по отношению к "чисткам" пограничных территорий, которые проходили периодически на протяжении всех 1930-х гг.

В 1935–1936 гг. эти "чистки" в основном проводились на западных границах Украины, что во многом обуславливалось ухудшением отношений с Германией и Польшей. В феврале – марте 1935 г. из Киевской и Винницкой областей на восток Украины было выслано 41 650 человек, значительную часть которых наряду с "кулаками" составляли поляки и немцы⁴⁴. После нескольких менее значительных акций 28 апреля 1936 г. Политбюро утвердило постановление о дополнительном выселении из Украины в Казахстан 15 тыс. польских и немецких "хозяйств", которые предполагалось разместить в поселениях, устроенных по типу сельскохозяйственных трудовых поселков НКВД. Новые поселенцы формально не лишались гражданских прав, но и не могли выезжать из районов выселения. Жертвами этой операции стало 69 283 человека⁴⁵.

Другим объектом пограничной "чистки" явились Ленинградская область и Карелия. 15 марта 1935 г. Политбюро утвердило "Мероприятия по усилению охраны границ Ленинградской области и Карельской АССР", которые предусматривали выселение из этих районов "неблагонадежного элемента". Осуществление этой акции поручалось новому секретарю Ленинградского обкома А.А. Жданову и новому начальнику управления НКВД по Ленинградской области Л.М. Заковскому. В число неблагонадежных наряду с "кулаками" и другими "социально опасными элементами" входили финны, латыши и эстонцы, проживавшие на этих территориях. Согласно отчетам ГУЛАГа, в ходе этой операции в Сибирь, на Урал, в Среднюю Азию и Казахстан было выселено 23 217 человек⁴⁶. В 1936 г. и почти одновременно с украин-

ской была предпринята новая, более масштабная "чистка" северо-западных территорий⁴⁷.

На юге аналогичные операции, но в основном против "кулаков" проводились в Азербайджане и на Северном Кавказе. 25 декабря 1934 г., по просьбе ЦК компартии Азербайджана, Политбюро санкционировало "высылку из Азербайджана в административном порядке в концлагеря с конфискацией имущества 87 семейств кулаков, злостных антисоветских элементов, в прошлом владельцев крупных капиталистических предприятий, беглых кулаков из других районов Союза". В апреле 1935 г. из национальных районов Северного Кавказа было выселено 22,5 тыс. человек с "перемещением в пределах Северо-Кавказского края", в Казахстан и Узбекистан⁴⁸.

Важной составной частью проводившейся, таким образом, социальной "унификации" явилась кампания по проверке, а затем и обмену партийных документов, которая, по существу, вылилась в очередную "чистку" правящей партии. Инициатором ее проведения был Сталин. Несмотря на то что формально эта акция имела вид технической проверки наличия и подлинности партийных билетов, а затем их обмена, фактически она явилась карательной операцией, схожей с "чистками" территорий. Проведением проверки партийных документов занимались партийные органы совместно с НКВД, причем многие исключенные из партии были арестованы. На декабрьском (1935) пленуме ЦК ВКП(б) руководитель этой операции Н.И. Ежов сообщил, что, по неполным данным, на 1 декабря 1935 г. в связи с исключениями из партии было арестовано свыше 15 тыс. "врагов" и разоблачено свыше 100 "вражеских организаций и групп"⁴⁹. На совещании по итогам проверки партийных документов, проходившем 25 января 1936 г. в отделе организационно-партийных органов ЦК ВКП(б), Ежов предупредил, что "чистка" продолжается, а среди исключенных из партии все еще остались "враги". "Мы должны, – подчеркнул он, – вести соответствующую работу, и тут надо обязать первых секретарей крайкомов, чтобы они связались с органами НКВД и дали нам персональный список, кого надо в административном порядке высылать из края немедленно"⁵⁰. Всего в 1935 г. из партии было исключено свыше 300 тыс. человек, а в 1936 г. – еще 134 тыс.⁵¹

Самым непосредственным образом с выстрелом 1 декабря 1934 г. было связано резкое увеличение количества дел по статье об антисоветской агитации. Под эту категорию были подведены даже простые разговоры о смерти Кирова, не говоря уже о выражениях одобрения, предположениях относительно мотивов убийцы или соображениях о возможной причастности к убийству Сталина. Из 193 тыс. человек, арестованных органами Главного управления государственной безопасности НКВД в 1935 г., каждый пятый был привлечен именно по этой статье. Отличительной чертой этой репрессивной кампании явилось то, что под удар нередко попадали рядовые граждане, не имевшие отношения к внутрипартийным оппозициям. Подобная направленность репрессий становилась настолько масштабной и опасной для социальной стабильности, что вызывала опасения даже у руководителей советской карательной машины. 31 марта 1936 г. нарком юстиции Н.В. Крыленко, совсем не отличавшийся "либерализмом" и внесший свою лепту в развертывание террора, обратился к Сталину со специальным письмом по поводу роста необоснованных осуждений

по делам о контрреволюционной агитации, призывая дать на места соответствующие инструкции, "чтобы пресечь этот рост"⁵².

Одновременно с массовыми "чистками" и другими карательными акциями высшее советское руководство принимало меры, нацеленные на "сближение" с миллионами граждан, которые были либо "социально близки" режиму, либо достаточно молоды, чтобы не помнить о царском периоде или относительно благополучных нэповских временах. Уже 31 января 1935 г., в самый разгар репрессий, начатых событиями 1 декабря 1934 г., Политбюро, по предложению Сталина, приняло решение о внесении существенных изменений в Конституцию. Речь, в частности, шла о введении новой избирательной системы и замене неравных, многостепенных, открытых выборов, существовавших прежде, равными и прямыми выборами с тайным голосованием⁵³. В последние дни этот вопрос стал объектом широкой пропагандистской кампании. Обещания ввести новую Конституцию были подкреплены и некоторыми другими "либеральными" акциями властей.

26 июля 1935 г. Политбюро приняло решение "О снятии судимости с колхозников"⁵⁴. Это постановление затрагивало интересы сотен тысяч крестьян, несмотря на то что не распространялось на осужденных за контрреволюционные преступления, на осужденных по всем видам преступлений на сроки свыше пяти лет, на рецидивистов и т.д. Выполнение постановления затянулось на несколько лет. 25 апреля 1936 г. в докладной записке на имя Сталина, Калинина и Молотова Прокурор СССР Вышинский подвел первые итоги кампании. Он сообщал, что с 29 июля 1935 г. по 1 марта 1936 г. по СССР судимость была снята с 556 790 колхозников и, кроме того, 212 199 колхозников были освобождены от судимости на Украине по решению тамошнего правительства. Несмотря на столь значительные результаты, Вышинский предложил дополнительно проверить те регионы страны, где процент отказов в снятии судимости все еще оставался высоким. Политбюро утвердило это предложение⁵⁵.

Одновременно проводились освобождение из заключения и снятие судимости с должностных лиц, осужденных в 1932–1934 гг. за хозяйственные преступления⁵⁶. В начале 1936 г. Политбюро согласилось также пересмотреть дела некоторых категорий осужденных по закону от 7 августа 1932 г. о хищении социалистической собственности. К 20 июля 1936 г., докладывал Вышинский в правительство, пересмотр этих дел завершился. Всего было проверено более 115 тыс. дел, причем в 90 тыс. случаев применение закона от 7 августа было признано ошибочным. В результате из заключения было освобождено 37,5 тыс. человек, или треть всех проверенных⁵⁷.

Шумной пропагандистской кампанией сопровождалась политическая сценка, разыгранная Сталиным на совещании комбайнеров в начале декабря 1935 г. В ответ на слова башкирского колхозника А. Тильбы: "Хотя я и сын кулака, но я буду честно бороться за дело рабочих и крестьян и за построение социализма", – Сталин бросил одну из своих самых знаменитых фраз: "Сын за отца не отвечает". Вслед за этим было официально разрешено принимать в высшие учебные заведения и техникумы "детей нетрудящихся и лиц, лишенных избирательных прав", произошло некоторое смягчение режима ссылки, прежде всего для молодежи, снятие ограничений на службу в Красной Армии казаков, создание казачьих кавалерийских частей и т.д.⁵⁸

В 1934–1936 гг. целый комплекс внутри- и внешнеполитических факторов, многие из которых требуют дополнительного исследования, породил противоречивое сочетание всплесков террора, с одной стороны, и кампаний "примирения" и борьбы за "социалистическую законность" – с другой. Несмотря на значительные масштабы, террор этих лет не достиг тех чрезвычайных размеров, которыми характеризовались периоды "раскулачивания" и массовых карательных операций 1937–1938 гг. Однако это неустойчивое равновесие подвергалось постоянным испытаниям, пока не было окончательно разрушено в годы "большого террора".

Причины и суть "большого террора". Уже несколько десятилетий вслед за Р. Конквестом историки называют террор, охвативший страну в 1937–1938 гг., "большим", потому что по своему размаху и жестокости он был сопоставим с массовыми репрессиями первых лет советской власти и безусловно превосходил карательные операции последующего периода. Новые архивные документы о государственном терроре 1937–1938 гг. подтвердили это определение, но позволили существенно уточнить его суть и механизм. Сегодня очевидно, что внешне хаотичные массовые репрессии этих лет в основном представляли собой серию централизованных карательных операций против различных категорий населения, рассматривавшихся руководством СССР в качестве потенциальных или реальных врагов режима. Эти операции начались в июле – августе 1937 г. и продолжались до ноября 1938 г., когда были так же централизованно, по приказу из Москвы, прекращены. Именно на этот период пришлись самые кровавые акции, прежде всего массовые расстрелы, по своим масштабам не имевшие даже отдаленных аналогов в последующей советской истории.

"Большому террору" предшествовало несколько событий, которые свидетельствовали об общем ужесточении карательной политики власти. В августе 1936 г. в Москве состоялся открытый судебный процесс по делу так называемого "объединенного троцкистско-зиновьевского центра", на котором были приговорены к расстрелу несколько известных оппозиционеров, в том числе Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев. Процесс дал сигнал волне новых репрессий против бывших внутрипартийных оппозиционеров. В конце сентября 1936 г. на пост наркома внутренних дел СССР вместо вскоре расстрелянного Г.Г. Ягоды был назначен Н.И. Ежов. Именно ему несколько месяцев спустя Сталин и поручил осуществление массовых карательных операций.

При Ежове активизировалась фабрикация политических дел. 23–30 января 1937 г. в Москве был проведен второй "большой процесс" по делу так называемого "параллельного антисоветского троцкистского центра". Большинство из 17 подсудимых, среди которых фигурировали такие известные деятели, как Ю.Л. Пятаков, Г.Я. Сокольников, К.Б. Радек, Л.П. Серебряков, были приговорены к расстрелу. В конце февраля – начале марта 1937 г. состоялся пленум ЦК ВКП(б), на котором были подведены первые итоги "чистки" и даны указания о ее продолжении. На пленуме по докладу Ежова рассматривалось "дело" бывших лидеров "правого уклона" Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова (еще один руководитель "правых", М.П. Томский, покончил жизнь самоубийством в августе 1936 г.). Фактически их признали виновными в создании "террористической организации", после пленума арестовали,

а в марте 1938 г. вместе с группой других обвиняемых на третьем "большом московском процессе" приговорили к расстрелу. Как обычно, расправы в Москве отозвались фабрикацией многочисленных дел о "правых террористических организациях" по всей стране.

Нараставшая "чистка" вызвала широкую волну репрессий в армии и оборонной промышленности. 29 марта 1937 г. Политбюро приняло решение об увольнении из рядов РККА и отправке на работу в хозяйственные наркоматы всех лиц командно-начальствующего состава, которые были исключены из партии по политическим мотивам. Но это было только начало. Аресты военачальников, начавшиеся еще в 1936 г., завершились в июне 1937 г. судом по делу "антисоветской троцкистской военной организации". Тогда к расстрелу была приговорена большая группа высокопоставленных военных во главе с заместителем наркома обороны М.Н. Тухачевским. Эти события стали исходной точкой многочисленных арестов военных по всей стране.

Массовое раскрытие "контрреволюционных организаций" вызвало волну "чисток" руководителей партийно-государственного аппарата, в том числе секретарей региональных партийных организаций, которых обвиняли как в "отсутствии бдительности", так и в прямой причастности к заговорам. Кадровые перетряски, интенсивно проводившиеся в первой половине 1937 г., заставляли партийный аппарат активно реагировать на приказы Центра о борьбе с "врагами", демонстрировать инициативу и полную поддержку новому повороту "генеральной линии". Аналогичное воздействие на карательные органы оказывали "чистка" кадров и структурная реорганизация НКВД.

Если бы эти репрессии ограничились партийно-государственной и военной номенклатурой, можно было бы согласиться с теми историками, которые считают основной целью "большого террора" своеобразную кадровую революцию, уничтожение старого, не вполне лояльного по отношению к Сталину поколения функционеров и приход к власти молодых руководителей, всецело преданных вождю. Наличие подобных мотивов невозможно отрицать. Однако большую часть жертв террора составляли рядовые граждане. Многие современники, очевидцы и жертвы "всеобщей чистки", пытаясь понять ее кровавую логику, выдвигали версию о том, что главной целью Сталина было уничтожение противников режима, которые рассматривались им как потенциальная "пятая колонна" в условиях нарастающей военной угрозы.

Новые документы и факты, ставшие доступными в последние годы, подтверждают подобные предположения. Они позволяют рассматривать "большой террор" как завершающий аккорд (и в какой-то мере следствие) репрессивной политики, проводившейся в предшествующие годы. Жестокое противостояние в ходе Гражданской войны, репрессии периода нэпа, в последующие годы "чистки" партии и аресты оппозиционеров, коллективизация и "раскулачивание", борьба с "саботажниками хлебозаготовок" и "расхитителями социалистической собственности", аресты и высылки после убийства Кирова и т.д. затронули многие миллионы людей. Фактически в число "обиженных", а значит, находившихся под подозрением попала значительная часть населения страны. С некоторыми из ранее репрессированных власти, как уже говорилось, пытались "помириться". Однако основным методом решения проблемы был все же избран террор. Такова

природа любого насилия. Произвол порождает противодействие и ненависть, и, чтобы удержаться у власти, диктатура вступает на путь дальнейшей эскалации террора.

Репрессивный курс сталинского руководства подпитывался и своеобразным синдромом "неполноценности власти", власти "в первом поколении". Лишь 15 лет прошло со времени завершения Гражданской войны, и вожди партии хорошо помнили, как нелегко далась победа, сколь часто стоял вопрос о судьбе нового режима. Многие из них пережили страшные минуты неопределенности и страха за собственную жизнь. Растущая угроза новой войны, а значит, и новых испытаний возвращала к этим тягостным воспоминаниям. Много лет спустя один из ближайших соратников Сталина и один из главных организаторов террора В.М. Молотов так объяснял писателю Ф. Чуеву причины "большого террора": "1937 г. был необходим. Если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было "пятой колонны". Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданны, когда все хорошо, когда стране и партии не грозит опасность. Но если начнется что-нибудь, они дрогнут, перевернутся. Я не считаю, что реабилитация многих военных, репрессированных в 37-м, была правильной... Вряд ли эти люди были шпионами, но с разведками связаны были, а самое главное, что в решающий момент на них надежды не было". По мнению Молотова, массовые репрессии были "профилактической чисткой" без определенных границ. Главное в ней – не упустить врагов, количество же безвинных жертв – вопрос второстепенный: "Сталин, по-моему, вел очень правильную линию: пускай лишняя голова слетит, но не будет колебаний во время войны и после войны"⁵⁹.

О том, что сталинское руководство действительно нацелилось на физическое уничтожение потенциальной "пятой колонны", свидетельствовало уже его первое решение относительно широкомасштабных репрессивных акций – постановление Политбюро от 2 июля 1937 г. "Об антисоветских элементах". Постановление санкционировало рассылку местным руководителям следующей телеграммы:

"Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки вернувшихся в свои области являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте, и в некоторых отраслях промышленности. ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину "кулаков" и уголовников, с тем чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через "тройки", а остальные, менее активные, но все враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав "троек", а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке"⁶⁰.

Пока шла подготовка этой акции, было решено провести несколько других, менее крупных операций аналогичного рода. 24 июля 1937 г. в директивном указании НКВД была поставлена задача начать "специальную чистку личного состава водопроводных станций (особенно фильтровальных систем), бактериологических станций, научно-исследовательских институтов и лабораторий, занимающихся микробиологией". Немедленному аресту подлежали все иностранные подданные, сотрудники этих учреждений, бывшие иностранцы, принявшие советское гражданство, "лица, связанные с границей, иностранными разведками и их агентурой", "активные антисоветские элементы".

На следующий день Ежов подписал оперативный приказ № 00439, в котором говорилось: "Агентурными и следственными материалами последнего времени доказано, что германский генеральный штаб и гестапо в широких размерах организуют шпионскую и диверсионную работу на важнейших, и в первую очередь оборонных, предприятиях промышленности, используя для этих целей осевшие там кадры германских подданных. Агентура из числа германских подданных, осуществляя уже сейчас вредительские и диверсионные акты, главное внимание уделяет организации диверсионных действий на период войны и в этих целях подготавливает кадры диверсантов".

Исходя из этого, в трехдневный срок со дня получения приказа местные управления НКВД должны были представить в Москву списки всех германских подданных, работающих на военных заводах и заводах, имеющих оборонные цеха, на железнодорожном транспорте, а также тех германских подданных, которые в разное время работали на этих предприятиях, были уволены, но остались в СССР. В пятидневный срок, начиная с 29 июля, следовало произвести аресты по подготовленным таким образом спискам. Приказ предписывал следствие по этим делам "вести особенно тщательно", "добиваться исчерпывающего вскрытия не разоблаченной до сих пор агентуры германской разведки" и немедленно арестовывать всех выявленных во время следствия "агентов-шпионов, диверсантов и террористов".

Одновременно с проведением этой операции приказ требовал в месячный срок провести учет всех германских подданных, работающих на невоенных промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве, в учреждениях, а также германских подданных, принявших советское гражданство и работавших ранее на военных заводах. На каждого из учтенных предписывалось представить в Москву меморандум с изложением собранных данных и компрометирующих материалов для решения вопроса об аресте. Аналогичные меморандумы на политических эмигрантов из Германии, работавших на военных заводах и принявших советское подданство, следовало представить не позднее 5 августа⁶¹. Операция против немцев положила начало серии аналогичных операций против представителей других национальностей. Так начал формироваться один из важнейших "потоков" "большого террора".

30 июля 1937 г. на утверждение Политбюро был вынесен оперативный приказ наркома внутренних дел № 00447 "Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов". Это была самая значительная акция периода "большого террора", которая вместе с "национальными" операциями явилась ядром массовых репрессий 1937–1938 гг. Приказ предписывал

начать операцию с 5–15 августа 1937 г. (в зависимости от региона) и завершить ее в течение четырех месяцев. Прежде всего, в документе определялись "контингенты, подлежащие репрессии". Фактически речь в нем шла обо всех, кто так или иначе боролся с советской властью или стал жертвой государственного террора в предшествующие годы. Это – "кулаки", отбывшие срок ссылки или бежавшие из нее; бывшие члены "антисоветских" партий (эсеров, грузинских меньшевиков, муссаватистов, дашнаков и т.д.); бывшие белогвардейцы и уцелевшие царские чиновники; "террористы" и "шпионы", политические заключенные и т.д. На одном из последних мест в этом списке упоминались уголовники.

Все репрессируемые, согласно приказу, разбивались на две категории: первая – подлежащие немедленному аресту и расстрелу, вторая – подлежащие заключению в лагерь или в тюрьму на срок от 8 до 10 лет. Для каждой области, края и республики были определены "лимиты" по обеим категориям репрессируемых. Всего предписывалось арестовать 259 450 человек, из которых 72 950 расстрелять. Однако эти цифры были заведомо неполными, так как в перечне отсутствовал ряд регионов страны. В этой связи приказ давал местным руководителям право запрашивать у Москвы дополнительные "лимиты". Кроме того, заключению в лагерь или высылке могли подвергаться семьи репрессируемых.

Для решения судьбы арестованных в республиках, краях и областях создавались "тройки". Как правило, в их число входили нарком или начальник местного управления НКВД, секретарь соответствующей партийной организации и прокурор республики, области или края. "Тройки" получали чрезвычайные права – они могли бесконтрольно выносить приговоры и отдавать приказы о приведении их в исполнение, включая расстрел⁶².

Вскоре после начала операции по уничтожению "антисоветских элементов", 9 августа 1937 г., Политбюро утвердило новый приказ НКВД СССР – "О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ (Польской организации войсковой)"⁶³. "Польская операция" оказалась второй (после уже упомянутой "немецкой") среди более десятка карательных акций в отношении так называемых "контрреволюционных национальных контингентов". Помимо поляков и немцев репрессии обрушились на румын, латышей, эстонцев, финнов, греков, афганцев, иранцев, китайцев, болгар, македонцев. Особая операция проводилась против так называемых "харбинцев" – бывших работников Китайско-Восточной железной дороги, вернувшихся в СССР после ее продажи в 1935 г.⁶⁴ Все эти категории населения воспринимались сталинским руководством как питательная среда для шпионажа и коллаборационизма.

Еще одной категорией населения, которая рассматривалась властью как потенциально опасная, были члены семей "врагов народа". На их изоляцию была нацелена специальная операция, правда менее масштабная, чем только что упомянутые. В соответствии с приказом наркома внутренних дел № 00486 от 15 августа 1937 г., аресту и заключению в лагерь на срок от пяти до восьми лет подлежали жены "изменников родины", а "социально опасные и способные к совершению антисоветских действий" дети старше 15 лет направлялись в лагеря для заключенных, исправительно-трудовые

колонии или в детские дома особого режима. Приказ предусматривал также передачу осиротевших детей "врагов народа" в детские дома или родственникам⁶⁵.

Все эти акции, в совокупности составлявшие суть того, что позже будет названо "большим террором", с разной степенью интенсивности проводились вплоть до ноября 1938 г. Они дополнялись "обычной" деятельностью советских карательных органов, которые также существенно активизировались. Помимо "троек", которые обеспечивали проведение массовых операций, активно действовали суды, военные трибуналы, Военная коллегия Верховного суда. В литературе подробно описано проведение многочисленных судебных процессов как в столице, так и на местах. В отличие от закрытых заседаний "троек", открытые процессы выполняли важную пропагандистскую функцию, их материалы широко публиковались⁶⁶. Санкции на проведение наиболее крупных процессов давало непосредственно Политбюро. Оно же, как правило, заранее определяло и приговор, чаще всего – расстрел.

Одновременно во второй половине 1937 г. продолжалась начатая ранее "чистка" пограничных районов. Самой крупной из них явилась депортация более 170 тыс. корейцев с Дальнего Востока в Казахстан и Узбекистан, осуществленная в сентябре – октябре в целях "пресечения проникновения японского шпионажа в ДВК"⁶⁷.

Механизмы "большого террора". С самого начала массовые операции были рассчитаны на превышение установленных свыше "контрольных показателей", о чем свидетельствовал предусмотренный в приказе № 00447 порядок согласования с Москвой дополнительных карательных "лимитов". Сам механизм операций, определенный в приказах наркомма внутренних дел, был нацелен на прогрессирующий рост числа арестованных.

После получения утвержденных свыше "лимитов" в областных и краевых управлениях созывались совещания начальников городских и районных отделов НКВД, на которых определялись более конкретные задания, в том числе составлялись списки "антисоветских элементов". В объяснительной записке, составленной в 1956 г., бывший начальник Кожевниковского районного отдела НКВД (Новосибирская область) так описал процесс их составления: "Я пересмотрел все имеющиеся в районном делении материалы (агентурные разработки и др.), составил список, точно не помню, на какое количество, кажется, на 150 или 160 человек. В список были включены бывшие кулаки, антисоветски активные церковники и сектанты, бывшие участники Колыванского контрреволюционного восстания, часть административно-ссылных, бывших белогвардейцев и т.п., проводившие антисоветскую агитацию и высказывавшие повстанческие и террористические настроения"⁶⁸.

Судя по всему, описанный способ составления списков был типичным для первого этапа операции. Если же полученные таким образом данные не достигали "контрольных цифр", чекисты применяли иную методику. Например, начальник Белозерского оперативного сектора УНКВД Вологодской области Власов и его помощники, получив задание по "разработке и выявлению кулацких, антисоветских элементов, занимающихся контрреволюционной деятельностью", "прибыли в исправительно-трудовую колонию № 14 под видом медицинской комиссии якобы для отбора и направления осужденных в

другие колонии. Отобрав здесь из отбывающих наказание 100 человек, Власов и его сотрудники составили подложные протоколы допросов обвиняемых, якобы сознавшихся в совершении тяжчайших государственных преступлений. Подписи обвиняемых на этих протоколах были получены под видом подписей о свидетельствах о болезни". Сфабрикованные таким образом дела были переданы в областную "тройку", и все 100 человек были расстреляны⁶⁹.

После проведения арестов начиналось оформление следственных дел для направления на рассмотрение "троек". Следственные дела состояли в основном из "признаний" самого арестованного в "шпионаже", своей причастности к "подпольным террористическим организациям" и т.п. и показаний арестованных друг на друга. Никакие другие обвинительные материалы не требовались. Однако получить такие "признания" было непросто, так как многие арестованные отказывались клеветать на себя и других. Для принуждения к даче показаний использовались различные методы, о которых сохранилось огромное количество свидетельств в документах и мемуарной литературе.

Самый простой способ заключался в прямой фальсификации протоколов допросов, когда следователи сами составляли признательные показания и сами же их подписывали, иногда даже ни разу не вызвав заключенного на допрос. Поскольку приговоры в большинстве случаев выносились заочно и без вызова подсудимого на заседание "тройки", фальсификация никак не могла быть обнаружена. Распространенной была практика вписывания новых "показаний" в уже подписанный подследственным протокол. Широко использовались провокаторы и лжесвидетели, готовые дать любые показания. Из заключенных вербовались "активисты", которые вели так называемую "внутрикамерную обработку": оказывали моральное давление на сокамерников, которые не соглашались подписывать показания, пугали их, советовали облегчить свою судьбу, пойти на сговор со следствием и т.п.⁷⁰

Само пребывание в переполненных тюрьмах, в антисанитарных условиях, на полуголодном пайке было ужасной пыткой, ломавшей многих людей. Однако во многих случаях этого было недостаточно, и тогда для получения "признательных" показаний применялись пытки. Документов и мемуарных свидетельств об этом существует множество, значительная их часть опубликована⁷¹. Все источники рисуют в основном одинаковую картину преступлений, творимых в застенках НКВД. Одним из самых распространенных был так называемый "конвейерный" метод допроса, когда сменявшие друг друга следователи непрерывно допрашивали заключенного в течение многих дней, лишая его сна, заставляя все время стоять или сидеть в неудобном положении. Как правило, такие допросы дополнялись избиениями и другими пытками. Советские карательные органы превратились в это время в одну из самых преступных и жестоких репрессивных служб, когда-либо существовавших в истории человечества. Некоторое представление о том, что творилось в 1937–1938 гг. в застенках НКВД, дают документы, публикуемые в приложении к данному разделу (см. док. № 2, 3).

Признания, полученные под пытками, давали адреса для новых арестов. Операция ширилась по веерному принципу. Это в полной мере отвечало установке ее организаторов на высокие количественные показатели и громкие разоблачения. Следуя примеру московских

открытых процессов, местные руководители старались сфабриковать максимальное количество коллективных дел, "вскрыть" как можно больше разветвленных "контрреволюционных организаций". Например, нарком внутренних дел Татарии В. Михайлов давал своему заместителю М. Шелудченко следующие письменные указания (они стали известны после ареста обоих в 1939 г.): "Грош цена будет делу, если не получим выход за кордон, в частности в Японию, Германию [...]. Требуется факты подготовки к террористической деятельности [...]. Все внимание к групповым делам с выходом на центр или за кордон [...]. Низовку немедленно изъять, причем увязывать в группу человек 150–200 [...]. Одиночек брать только в крайнем случае, не стоит последними загружаться [...]. Я думаю, что по линии только контрреволюционных националистических формирований мы должны взять 2–3 тыс. Я буду просить 5–8 тыс. человек (имеется в виду согласование в Москве новых "лимитов". – О.Х.), так как мы работали слабо и участок еще не начат"⁷².

Расширение масштабов репрессий и повышенная активность руководителей местных управлений НКВД определялись позицией руководства страны, которое поощряло "передовиков" и охотно санкционировало новые "лимиты" на аресты и расстрелы. К началу 1938 г. по приказу № 00447 было осуждено более 500 тыс. человек⁷³. Это означало, что первоначальные плановые цифры, утвержденные в июле 1937 г., были значительно превышены. Судя по документам, большая часть дополнительных разрешений на репрессии была выдана в виде приказов или распоряжений Ежова, формально не утвержденных Политбюро, но согласованных со Сталиным. Например, 15 августа 1937 г. начальник управления НКВД по Омской области Горбач прислал на имя Ежова телеграмму, в которой сообщал, что на 13 августа по области по первой категории его управлением было арестовано 5444 человека⁷⁴, и просил увеличить "лимит" по первой категории до 8 тыс. человек. Ежов передал телеграмму Сталину, который наложил резолюцию: "Т. Ежову. За увеличение лимита до 8 тысяч"⁷⁵.

Аресты и расстрелы, произведенные в 1937 г., приобрели столь значительный размах, что, казалось, карательные операции должны были на этом прекратиться, тем более что все они первоначально планировались только на вторую половину 1937 г. Однако 31 января 1938 г. Политбюро приняло сразу два решения, которые предопределили новую волну террора. Во-первых, НКВД было разрешено "продолжить до 15 апреля 1938 г. операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финн[ов], греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранных подданных, так и советских граждан", и провести до 15 апреля аналогичную операцию, и "погромить кадры болгар и македонцев, как иностранных подданных, так и граждан СССР"⁷⁶. Во-вторых, Политбюро приняло предложение НКВД "об утверждении дополнительного количества подлежащих репрессии бывших кулаков, уголовников и активного антисоветского элемента".

К 15 марта в рамках операции по приказу № 00447 предписывалось дополнительно репрессировать 57 200 человек, из которых 48 тыс. расстрелять. Соответственно продлевались и сроки полномочий "троек"⁷⁷. Все это означало, что действие приказа № 00447, первоначально определенное в четыре месяца, продлевалось, по крайней мере,

еще на такой же срок. Вдобавок 1 февраля 1938 г. Политбюро утвердило 12-тысячный "лимит" на расстрел в дальневосточных лагерях, а еще через две недели разрешило НКВД Украины провести аресты кулацкого и прочего антисоветского элемента и рассмотреть дела на "тройках", увеличив лимит для НКВД УССР на 30 тыс.⁷⁸.

Существовали, по крайней мере, две причины, обусловившие продолжение массовых репрессий в 1938 г. С одной стороны, в 1937 г. чекисты просто не успели справиться с огромным потоком как уже арестованных "врагов", так и намеченных к арестам. С другой – операции 1938 г. не были просто завершением акций 1937 г., а имели собственные задачи, охватывая новые категории населения, которые руководство страны считало потенциально опасными. Инструкции на этот счет НКВД получал непосредственно от Сталина. Так, 17 января 1938 г. вождь писал Ежову: "Линия эсеров (левых и правых вместе) не размотана [...]. Нужно иметь в виду, что эсеров в нашей армии и вне армии сохранилось у нас немало. Есть у НКВД учет эсеров ("бывших") в армии? Я бы хотел его получить, и поскорее. Есть у НКВД учет "бывших" эсеров вне армии (в гражданских учреждениях)? Я бы хотел также получить его недели через 2–3 [...]. Что сделано по выявлению и аресту всех иранцев в Баку и Азербайджане? Сообщаю для ориентировки, что в свое время эсеры были очень сильны в Саратове, в Тамбове, на Украине, в армии (комсостав), в Ташкенте и вообще в Средней Азии, на бакинских электростанциях, где они и теперь сидят и вредят в нефтепромышленности. Нужно действовать поживее и потолковее". Таким образом, Сталин назвал новые адреса репрессий и фактически давал указание о продолжении операции. Вероятно, существовали и другие подобные письма, пока не обнаруженные.

Однако, судя по всему, в 1938 г. осуществление приказа № 00447 не получило большого размаха, хотя карательные операции, предусмотренные им, на деле продолжались дольше намеченного срока (дополнительные "лимиты" на репрессии "антисоветских элементов" Политбюро утверждало еще и в августе 1938 г.). Взамен на первое место вышли репрессии против "национальных контрреволюционных контингентов". Они были столь масштабны, что в Москве не успевали утверждать так называемые "альбомы", или списки осужденных. В итоге было решено отказаться от "альбомного" порядка согласования приговоров и передать право их окончательного утверждения на места. 15 сентября 1938 г. Политбюро удовлетворило предложение НКВД о создании так называемых "особых троек" в составе первого секретаря обкома, крайкома или ЦК нацкомпартии, начальника соответствующего управления НКВД и прокурора области, края или республики, которые получили право в двухмесячный срок самостоятельно, без последующей посылки в Москву, утверждать оставшиеся нерассмотренными "альбомы".

Решения "особых троек" немедленно приводились в исполнение⁷⁹. В сентябре – ноябре 1938 г. ими было осуждено 105 тыс. человек, из которых свыше 72 тыс. были приговорены к расстрелу. По подсчетам сотрудников общества "Мемориал", за все время осуществления "национальных операций", т.е. с 25 августа 1937 г. по 15 ноября 1938 г., по общему счету было осуждено 335,5 тыс. человек, из них к расстрелу – 247,2 тыс.⁸⁰

Как следует из ведомственной статистики НКВД, которая большинством исследователей признается достаточно достоверной, в 1937–1938 гг. органами НКВД (без милиции) было арестовано 1 575 259 человек, из которых 87,1% были привлечены по политическим статьям. Из 1 344 923 осужденных в эти годы более половины, или 681 692 человека, было приговорено к расстрелу (353 074 – в 1937 г. и 328 618 – в 1938 г.)⁸¹. В целом эти цифры, хотя и нуждаются в дальнейшем уточнении, отражают истинные масштабы "большого террора".

Новые источники, и прежде всего многочисленные региональные мартирологи и "книги памяти" (списки расстрелянных в 1937–1938 гг.), позволяют конкретизировать социальный состав жертв "большого террора". Они показывают, что большинство репрессированных составляли простые граждане, а вовсе не "начальники" и разного рода чиновники. Обработка материалов "Ленинградского мартиролога", например, показала, что из 8 тыс. расстрелянных в августе – октябре 1937 г. примерно 26% составляли рабочие, 31% – служащие, 23% – крестьяне, 2,5% – кустары, около 16% – лица без определенных занятий, пенсионеры, студенты, военные, служители культа⁸². Из 19,5 тыс. человек, зафиксированных в "Книге памяти" жертв политических репрессий Томской области, более 33% составляли крестьяне, 26% – служащие, 27% – рабочие, 5% – лица без определенных занятий, по 2% – учащиеся и военнослужащие и 1% – служители культа⁸³. Из 13 тыс. человек, вошедших в "Книгу памяти" Новгородской области, 33% составляли рабочие, 44% – крестьяне, 16% – интеллигенция и 6% – священнослужители⁸⁴.

Завершились массовые карательные операции так же централизованно, как и начались. Директивой СНК и ЦК ВКП(б) от 15 ноября 1938 г. деятельность "троек" была прекращена⁸⁵. Сигнал к окончанию "массовых операций по арестам и выселению" был дан постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября⁸⁶. Через неделю Н.И. Ежов был освобожден от должности наркома внутренних дел и на его место назначен Л.П. Берия.

Прекращение "большого террора" сопровождалось частичной реабилитацией. Согласно отчетам ГУЛАГа, всего в 1939 г. из лагерей было освобождено 223 622 человека. Скорее всего, значительную их часть составляли уголовные преступники и лишь малую долю – арестованные по политическим статьям. Во всяком случае, количество осужденных за "контрреволюционные преступления" в исправительно-трудовых лагерях с 1 января 1939 г. по 1 января 1940 г. сократилось менее чем на 10 тыс. – с 454 432 до 444 999. Больше шансов выйти на свободу было у тех арестованных, кто в конце 1938 г. еще находился под следствием. Поскольку некоторые чекисты, участвовавшие в фабрикациях дел, сами попали в застенки НКВД по обвинению во вражеской деятельности, постольку у арестованных появлялась надежда быть признанными жертвами врагов, пробравшихся в "органы". Вообще власти охотнее освобождали арестованных, не попавших в лагерь, чем тех, кому было суждено пройти все круги репрессивной системы.

Противодействие террору. Очередной поворот к "восстановлению норм социалистической законности" сопровождался мощной пропагандистской кампанией, призванной разъяснить причины трагедии, только что пережитой страной. В ход была пущена версия,

будто террор был спровоцирован деятельностью так называемых "клеветников", писавших доносы на честных советских граждан. "Клеветников" клеймили в печати, а некоторых показательно отдали под суд.

Мнение о том, что доносы не просто стимулировали террор, но и предопределили его невиданные масштабы, распространено до сих пор. Только недавно у историков появилась возможность на основе документов скорректировать эти представления. Изучение механизмов "большого террора" показывает, что чекисты использовали доносы лишь как подсобный материал, отдавая предпочтение совсем иным методам выявления "врагов". Массовые аресты проводились первоначально на основе картотек НКВД, а затем преимущественно на основе "показаний", выбитых следствием⁸⁷. Причины этого очевидны: доносы шли, так сказать, нерегулируемым потоком и не могли гарантировать должный размах репрессий. Таким образом, методы, принятые на вооружение чекистами, вовсе не предполагали широкого участия "общественности".

Это, конечно, не означает, что террор не оказал огромного и разрушительного воздействия на состояние общественной морали. Страх пробуждал в людях жестокость, ксенофобию, низменные чувства. Известны, к примеру, многочисленные факты доносов на соседей с целью получить их комнату в коммунальной квартире.

Однако были и примеры противоположного поведения, пусть и немногочисленные. Часть жертв 1937–1938 гг. составили те, кто отказывался верить в виновность объявленных НКВД "врагами народа" коллег, родных, близких, пытался помочь пострадавшим и в меру своих сил остановить произвол. Такие люди существовали на всех этажах общественного здания. Сведения о них дают протоколы заседаний бюро областных и краевых комитетов ВКП(б), на которых рассматривались дела исключенных из партии. Значительным был поток исключений за отказ порвать связи с арестованными родственниками. 50-летний мастер Серпуховской ткацкой фабрики, член партии с 1921 г. Д.Ф. Ермилов подавал в КПК при ЦК ВКП(б) и горком партии заявления, в которых "выражал недоверие органам НКВД и настоятельно требовал от горкома проверить правильность действий Серпуховского отделения НКВД при аресте двух братьев его жены, осужденных и сосланных за контрреволюционную агитацию". Несмотря на то что Серпуховской горком "дважды обсуждал вопрос о непартийных взглядах" Ермилова, тот "категорически отказался признать свои ошибки" и в итоге в феврале 1938 г. был исключен из партии⁸⁸. Не менее решительно действовала пенсионерка И.Г. Смирнова. Ее муж, сын бывшего фабриканта, был арестован и осужден как "враг народа" в декабре 1936 г. Не смирившись с этим, Смирнова, как отмечалось в материалах дела, "осуждает органы прокуратуры", "обвиняет в клевете на своего мужа органы НКВД" и "пытается добиться его освобождения". В ответ на это последовало решение бюро Наро-Фоминского райкома об исключении Смирновой из партии. Решение подлежало утверждению бюро Московского обкома. У приглашенной на его заседание Смирновой оставался шанс покаяться, напомнить о своих заслугах, но она вновь заявила, что "мужа арестовали незаконно". Обком утвердил решение райкома⁸⁹.

За несколько месяцев до этого бюро Оренбургского обкома согласилось с исключением из партии Е.П. Герасимовой, которая

таким образом поплатилась за попытку защитить своего мужа на суде⁹⁰. У жительницы Коломны Б.И. Катарской в 1937 г. арестовали мужа, троих сыновей, сестру и жену сына. Катарская доказывала, что они невиновны, выражала "недовольство органами НКВД", носила передачи арестованным родственникам и за это была исключена из партии⁹¹. "После арестов братьев неоднократно ходила в следственные органы для выяснения причин их ареста, на партсобрании выражала недоверие органам НКВД" работница Истринской птицефабрики Э.О. Маркевич⁹². Киевский рабочий, член партии с 1921 г. У.И. Старовойтов был исключен из ВКП(б) за то, что после ареста сына как врага народа "высказывал сомнения в правдивости ареста" и носил сыну передачи⁹³. Уральский рабочий Н.А. Игнатов, член партии с 1926 г., лишился партбилета за то, что после ареста брата "делал ему передачи и поддерживал письменную связь, и продолжает утверждать, что его брат арестован невинно"⁹⁴.

Поводом для преследования во многих случаях были даже не открытые сомнения в виновности арестованных и обоснованности действий НКВД, а, казалось бы, политически нейтральные ходатайства об их освобождении. Так, диспетчер Муромского паровозного депо Б.Г. Буйлов остался без работы и партбилета потому, что посмел ходатайствовать за арестованных братьев перед наркомом путей сообщения Кагановичем⁹⁵. Заведующего домом культуры из Ак-Булакского района Оренбургской области Д.И. Богатыря та же судьба постигла за сбор документов, необходимых для составления прошения о реабилитации отца⁹⁶. За поездки на свидание к осужденным мужьям, передачу им посылок были исключены из партии заведующая хозяйством артели живописцев из Павлово-Посадского района Московской области М.П. Глазунова, жительница Серпухова П.Г. Овсянникова, член ВКП(б) с 1932 г. из Щелковского района Московской области Е.В. Важенкова, Р.Б. Дурач из Таганрога⁹⁷. А в деле ткачихи Истомкинской фабрики Ногинского района Московской области Д.В. Стариченковой было записано: "переписывается и морально поддерживает" арестованного мужа⁹⁸.

Из приведенных выше фактов вовсе не следует делать вывод, что в защиту репрессированных выступали исключительно их родственники. Нередко в этой роли оказывались друзья, знакомые, коллеги, то есть люди, которые могли просто отойти в сторону, промолчать, прервать знакомство. В архивных документах сохранилось много свидетельств подобной взаимопомощи и солидарности. Так, И.А. Каплан из Ленинского района Московской области после ареста "врага народа" Павлова приютила у себя его жену и "выражала ей сочувствие". Каплан исключили из партии⁹⁹. Тогда же за связь с "арестованным троцкистом Яковенко" лишился партийного билета Г.Г. Коломеец, механик гаража кунцевского завода № 46 (Московская область)¹⁰⁰. В марте 1938 г. бюро Ростовского обкома утвердило решение об исключении из партии сотрудника Неклиновского райкома В.Г. Алексееенко, "который длительное время находился в дружеских отношениях с Вахольдером (враг народа). После разоблачения Вахольдера Алексееенко продолжал посещать семью Вальходера"¹⁰¹. В Дмитриевском районе Курской области был исключен из партии М.И. Клиндухов, главный механик совхоза. Как говори-

лось в деле, он "имел тесную связь с врагом народа Столяровым, часто посещал квартиру Столярова. После ареста Столярова Клиндухов на автомашине совхоза вместе с женой Столярова ездил в Львовскую тюрьму для передачи заключенному вещей и продуктов, писал записку Столярову"¹⁰².

Все эти частные примеры (см. также док. № 4) можно подкрепить некоторыми данными из разряда партийной статистики. Среди 49 тыс. человек, исключенных из партии за первую половину 1938 г., числилось 26 тыс. "врагов народа", около 5 тыс. их "пособников" и немногим более тысячи "потерявших большевистскую бдительность"¹⁰³. В совокупности лица, отнесенные к двум последним категориям, составляли около 12% всех исключенных. Если предположить, что этот показатель был примерно таким же на всем протяжении 1937–1938 гг., то получится, что число "пособников" и "утративших бдительность" в этот период составило порядка 25 тыс. человек. Бесспорно, не все эти люди так или иначе заявили о своем неприятии террора. Однако отдельные, ставшие известными факты позволяют говорить о том, что противодействие карательной политике все же было достаточно заметным социальным явлением.

Наряду с "клеветниками" ответственность за массовый террор сталинское руководство возложило на "врагов", пробравшихся в органы НКВД. Важной задачей, возложенной на Берию, было проведение кадровой перетряски в наркомате, устранение части сотрудников Ежова и замена их новыми людьми. "Чистка" проводилась под традиционными лозунгами "восстановления социалистической законности" и "ликвидации вредительства" в рядах чекистов. Как показали последние исследования, масштабы этой "чистки" были значительными, хотя их и не следует преувеличивать. Всего в 1939 г. из органов госбезопасности было уволено 7372 оперативных сотрудника, или 22,9% их списочного состава, из которых 937 попали за решетку¹⁰⁴. В апреле 1939 г. был арестован и в феврале 1940 г. расстрелян сам Ежов.

"Восстановление социалистической законности" в бериевской редакции отражало стремление высшего руководства страны и самих чекистов ограничиться несущественными переделками, оставив в неприкосновенности и даже укрепив карательную машину. Для Сталина и его соратников массовые репрессии 1937–1938 гг. представлялись безусловным благом, укрепившим обороноспособность страны накануне большой войны. Основная масса палачей оставалась в НКВД и продолжала успешно продвигаться по службе. По-прежнему практиковалась фабрикация дел, хотя и не в таких, как в 1937–1938 гг., масштабах. Попытки получили, наконец, своеобразное "законодательное" подтверждение.

10 января 1939 г. секретарям обкомов, крайкомов, республиканских компартий, начальникам управлений НКВД и республиканским наркомам внутренних дел была направлена шифрованная телеграмма за подписью Сталина, в которой говорилось: "ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему

социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразображающихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод"¹⁰⁵.

Долго чекистов уговаривать не пришлось. 9 февраля 1939 г. начальник отделения УНКВД по Читинской области Фельдман избил на допросе арестованного. Поскольку избитый попал в больницу, делу дали ход. Прокурор области допросил пострадавшего в присутствии Фельдмана. Фельдман не отрицал факта избиения и заявил, "что он бил и будет бить". Вскоре он был переведен из Читинской области с повышением. Начальник особого отдела Черноморского флота Лебедев в ответ на вопрос прокурора флота по поводу избиения арестованных заявил: "Бил и бить буду. Я имею на сей счет директиву т. Берия"¹⁰⁶.

Государственный террор 1930-х гг. оказал огромное воздействие на развитие страны. Непосредственным его результатом явилось ослабление ее обороноспособности накануне войны, во многом предопределившее страшные поражения 1941 г. Однако массовые кампании "борьбы с врагами", прямыми жертвами которых стала значительная часть населения СССР, имели и более долговременные последствия. Они способствовали укоренению в обществе таких порочных черт, как агрессивность, крайняя нетерпимость, ксенофобия, привычка списывать существующие проблемы на "вредителей", произвол карательных органов и государства в целом.

Примечания

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. Н. Ивницкого. М., 2000. С. 787–789.

² Там же. С. 788, 802.

³ Там же. С. 365–370.

⁴ Там же. С. 803, 804.

⁵ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 143–148; *Васильев В.* Крестьянские восстания на Украине. 1929–1930 годы // Свободная мысль. 1992. № 9. С. 70–78.

⁶ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 789.

⁷ Всестороннее исследование хода подготовки и проведения "раскулачивания" в 1930 г. см.: *Виола Л.* ОГПУ, раскулачивание и спецпереселенцы // Крестьяноведение. Вып. 3. М., 1999. С. 114–162.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 60, 64–69; Исторический архив. 1994. № 4. С. 147–152.

⁹ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 224, 225, 256.

¹⁰ Подлинник приказа и инструкций хранится в архиве ФСБ. По копиям из других архивов (ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 17–64) приказ уже давно известен исследователям. Публикацию приказа см.: *Неизвестная Россия. XX век.* Вып. 1. М., 1992. С. 37–45; Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 163–167.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 202. Этот документ и сведения из него неоднократно публиковались. См., напр.: ГУЛАГ. 1918–1960 / Сост. Кокурин А.И., Петров Н.В. М., 2000. С. 432–434.

¹² Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 704.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 52. Л. 20, 59; *Плотников И.Е.* Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. 1993. № 4. С. 162. Эти данные в целом подтверждаются и другими источниками: *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 218.

¹⁴ По оценкам историков, в районах спецпоселений в 1930 г. умерло более 100 тыс. человек, не считая десятков тысяч бежавших, многие из которых также погибли. – Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 27.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 205; *Население России в XX веке.* Т. 1. М., 2000. С. 277 (автор раздела В.Н. Земсков).

¹⁶ Подробнее о новом этапе развития ГУЛАГа, начавшемся в 1929–1930 гг., см. главу вторую.

¹⁷ Указания И.В. Сталина председателю ОГПУ В.Р. Менжинскому о показаниях, которые необходимо получить у арестованных "вредителей", см.: *Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. Сб. документов / Сост. Кошелева Л.П. и др. М., 1995. С. 187, 188.*

¹⁸ *Зеленин И.Е.* Был ли "колхозный неонэп"? // Отечественная история. 1994. № 2. С. 106.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 82. Д. 11. Л. 8–12.

²⁰ Подробнее об ивановских событиях см.: *Werth N., Moulic G. Rapports Secrets Sovietiques.* Paris, 1994. P. 209–216; *Rossmann J.* The Teikovo Cotton Worker's Strike of April 1932: Class, Gender and Identity Politics in Stalin's Russia // *The Russian Review.* 56. (January 1997). P. 44–69; РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 213. Л. 3–7, 64–65, 77–78, 93.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 20. Д. 121. Л. 226.

²² Там же. Д. 106. Л. 36.

²³ *Зеленин И.Е.* Был ли "колхозный неонэп"? С. 110.

²⁴ См.: *Davies R.W., Harrison M. and Wheatcroft S.G.* eds. The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945. Cambridge University Press, 1994. P. 74–76.

²⁵ *Пришвин М.* Дневник. 1931–1932 годы // Октябрь. 1990. № 1. С. 148.

²⁶ Подробнее см.: *Зеленин И.Е.* "Закон о пяти колосках": разработка и осуществление // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 114–123.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 921. Л. 67.

²⁸ *Население России в XX веке.* Т. 1. С. 279.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 171. Л. 50. Речь шла, конечно, как об осужденных по политическим статьям, так и об уголовниках. Хотя в условиях террора многие осужденные за уголовные преступления (например, за хищения социалистической собственности) фактически были политическими заключенными.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 15а. Д. 1073. Л. 32.

³¹ Впервые инструкцию цитировал по экземпляру, сохранившемуся в смоленском архиве, М. Фэйнсод. – *Fainsod M.* Smolensk under Soviet Rule. Harvard University Press, 1958. P. 185–188; в рус. пер.: *Фэйнсод М.* Смоленск под властью Советов. Смоленск, 1995.

³² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 15а. Д. 1073. Л. 35.

³³ *Население России в XX веке.* Т. 1. С. 311.

³⁴ Там же. С. 279.

³⁵ Значительная часть из них, а именно семьи высланных "кулаков", конечно, учтены в приведенной выше статистике.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 171. Л. 50, 91.

³⁷ ГУЛАГ. 1918–1960. С. 432–434.

³⁸ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 / Сост. Красильников С.А. и др. Новосибирск, 1994. С. 9, 31, 270.

³⁹ Подробнее см. главу вторую.

⁴⁰ Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1990. С. 170; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 124.

⁴¹ Генрих Ягода. Народный комиссар внутренних дел СССР. Генеральный комиссар государственной безопасности / Сост. Виноградов В.К. и др. Казань, 1997. С. 465–476.

⁴² ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 70. Л. 135–142.

⁴³ *Shearer D.R. Crime and Social Disorder in Stalin's Russia. A Reassessment of the Great Retreat and the Origins of Mass Repression // Cahiers du Monde Russe. Vol. 39 (1–2). 1998. P. 119–148.*

⁴⁴ Подробнее о "чистках" украинских пограничных территорий и их причинах см.: *Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // The Journal of Modern History. 70 (December 1998). P. 848–850; Жезицкий В. Масові депортації населення Поділля // З архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. 1997. № 1/2. С. 128–134.*

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 36. Л. 23.

⁴⁶ Там же. Д. 30. Л. 13.

⁴⁷ *Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing. P. 849, 850.*

⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 30. Л. 11.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 177. Л. 22.

⁵⁰ Там же. Д. 240. Л. 21–22.

⁵¹ Там же. Оп. 117. Д. 873. Л. 23.

⁵² ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 73. Л. 234–235. Полный текст письма см.: Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. С. 322–330.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1052. Л. 152.

⁵⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 969. Л. 21. Оформлено как постановление СНК и ЦИК СССР от 29 июля 1935 г.

⁵⁵ Там же. Оп. 163. Д. 1106. Л. 135–137.

⁵⁶ Там же. Оп. 3. Д. 970. Л. 144–145.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 18а. Д. 896. Л. 52.

⁵⁸ Подробнее см.: *Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 148–157.*

⁵⁹ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневников Ф. Чуева. М., 1991. С. 390, 391, 416.

⁶⁰ Труд. 1992. 4 июня.

⁶¹ Ленинградский мартиролог. 1937–1938. Т. 2. СПб., 1996. С. 452, 453. Подробнее см.: *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории "немецкой операции" НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 35–75.

⁶² Труд. 1992. 4 июня.

⁶³ Московские новости. 1992. 21 июня. Оформлен как оперативный приказ наркомко внутренних дел № 00485 от 11 августа 1937 г. Полный текст приказа см.: Ленинградский мартиролог. 1937–1938. Т. 2. СПб., 1996. С. 454–456. Подробнее см.: *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* "Польская операция" НКВД // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.

⁶⁴ Приказ НКВД № 00593 о харбинцах неоднократно публиковался. См., напр.: Ленинградский мартиролог. 1937–1938. Т. 3. СПб., 1998. С. 583–585.

⁶⁵ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / Сост. Е.А. Зайцев. М., 1993. С. 86–93.

⁶⁶ Исследование механизмов провинциальных показательных судов в 1937 г. см.: *Фитцпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. М., 2001.

⁶⁷ См.: Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Кн. 1. М., 1992; *Бугай Н.Ф.* Выселение советских корейцев с Дальнего Востока // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 141–148.

⁶⁸ Цит. по: *Кузнецов И.Н.* Репрессии 30–40-х годов в Томском крае. Томск, 1991. С. 224, 225.

⁶⁹ Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. С. 398, 399.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 51. Л. 25–29 (Материалы проверки нарушений "социалистической законности" в Свердловской области в 1937–1938 гг.); Возвращение к правде (Из истории политических репрессий в Тверском крае в 20–40-х и начале 50-х годов). Документы и материалы. Тверь, 1995. С. 69, 70.

⁷¹ *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. М., 1989. С. 99–145; *Медведев Р.А.* О Сталине и сталинизме. М., 1990. С. 432–441; *Conquest R.* The Great Terror: A Reassessment. London, 1990. P. 109–134; Репрессии 30–40-х годов в Томском крае. С. 221–223; *Васильев В.Ю. и др.* Политические репрессии на Подолье (20–30-е гг. XX в.). Винница, 1990. С. 199–210 и др.

⁷² Цит. по: *Султанбеков Б.Ф.* Первая жертва генсека. Мирсаид Султан-Галиев: Судьба, люди, время. Казань, 1991. С. 204, 205.

⁷³ *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* "Польская операция" НКВД. С. 30.

⁷⁴ Судя по протоколам заседаний Политбюро, для Омской области, согласно приказу наркома внутренних дел № 00447, были установлены "лимиты" по первой категории на 1000 человек. Их перевыполнение в течение 10 дней в 5,5 раза, видимо, было результатом дополнительного согласования с Москвой и соответствующего приказа из НКВД СССР. Всего в августе 1937 г. – ноябре 1938 г. в Омской области было осуждено "тройками" 25,4 тыс. человек, из них 16 тыс. – к расстрелу. – *Самосудов В.М.* Большой террор в Омском Прииртышье. 1937–1938 гг. Омск, 1998. С. 160, 161, 241.

⁷⁵ Известия. 1996. 3 апреля.

⁷⁶ Московские новости. 1992. 21 июня. С. 19.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Известия. 1996. 3 апреля.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории "немецкой операции" НКВД. С. 62; *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* "Польская операция" НКВД. С. 33.

⁸¹ ГУЛАГ. 1918–1960. С. 432–434. Разница в более чем двести тысяч между количеством арестованных и осужденных могла быть вызвана разными причинами. Часть арестованных в 1937–1938 гг., как известно из литературы, была осуждена в последующие годы, некоторые умерли во время следствия, и лишь немногие были освобождены.

⁸² *Ilıc M.* The Great Terror in Leningrad: a Quantitative Analysis // *Europe-Asia Studies*. Vol. 52. № 8. 2000. P. 1515–1534.

⁸³ *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов. Томск, 1995. С. 47, 48.

⁸⁴ Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области. Т. 3. Новгород, 1994. С. 59, 60.

⁸⁵ Текст директивы см.: Московские новости. 1992. 21 июня. С. 19.

⁸⁶ Исторический архив. 1992. № 1. С. 125–128.

⁸⁷ *Попова С.М.* Система доносительства в 30-е годы (К проблеме создания базы данных на материалах Урала) // Клио. № 1. 1991. С. 71, 72.

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3030. Л. 118.

⁸⁹ Там же. Д. 3036. Л. 20.

⁹⁰ Там же. Д. 5793. Л. 208.

⁹¹ Там же. Д. 3035. Л. 7.

⁹² Там же. Д. 3042. Л. 188.

⁹³ Там же. Д. 5021. Л. 19 об.

⁹⁴ Там же. Д. 3986. Л. 214 об.

⁹⁵ Там же. Д. 888. Л. 40.

⁹⁶ Там же. Д. 5793. Л. 206.

⁹⁷ Там же. Д. 3028. Л. 26; Д. 3030. Л. 88, 103; Д. 3699. Л. 159 об.

⁹⁸ Там же. Д. 3028. Л. 6–7.

⁹⁹ Там же. Д. 3027. Л. 102–103.

¹⁰⁰ Там же. Л. 106.

¹⁰¹ Там же. Д. 3700. Л. 121.

¹⁰² Там же. Д. 2644. Л. 269.

¹⁰³ Там же. Оп. 7. Д. 426. Л. 75.

¹⁰⁴ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. М., 1999. С. 501.

¹⁰⁵ Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. С. 40, 41.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 148. Л. 2.

Глава пятая

ЛИХОЛЕТЬЕ ВОЙНЫ
И ЗАКАТ СТАЛИНИЗМА.
1939–1956

...зд вернуть по Китае
м. Умно за лотин
... с обличиями
... ии прот...
... мне меньше же
... а ро в ...
... что тебе ...
... авер...
... мне.

Советизация новых территорий на Западе. 1 сентября 1939 г. вся мощь военной машины нацистской Германии обрушилась на Польшу. Началась Вторая мировая война, которой суждено будет войти в историю как самому кровавому гуманитарному катаклизму за время существования человеческой цивилизации. Спустя несколько недель вооруженные силы подвергшейся нападению страны были разгромлены, и под властью агрессоров оказались западные земли переставшего существовать Польского государства. Восточная его часть отошла к СССР, который 17 сентября ввел туда свои войска в соответствии с секретным дополнительным протоколом к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа.

Результаты этого территориального передела в Европе были закреплены в советско-германском договоре о дружбе и границе, подписанном 28 сентября. В итоге достоянием СССР стали 196 тыс. кв. км новых земель вместе с обитавшим на них почти 13-миллионным населением, состоявшим, главным образом, из украинцев, белорусов, поляков и евреев. Для большинства из них такое развитие событий было в какой-то мере благом, поскольку мирная жизнь продолжалась почти на два года. Но не для всех: уже 3 октября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) предоставило право военным советам Украинского и Белорусского фронтов утверждать приговоры военных трибуналов о расстреле по делам о "контрреволюционных" преступлениях военнослужащих бывшей польской армии и гражданских лиц, проживавших на территории Западной Украины и Западной Белоруссии¹.

Так ознаменовалось начало суровых испытаний, которые выпали на долю тех, кого сталинский режим причислил к "закрытым врагам советской власти, преисполненным ненависти к советскому строю". Под таковыми подразумевались прежде всего офицеры польской армии, полиции и разведки, члены "националистических контрреволюционных" партий и повстанческих организаций. Именно они подлежали первоочередному аресту местными органами госбезопасности в городах и других населенных пунктах и выявлению теми же органами в ходе начавшейся "филтрации" более чем 130 тыс. польских военнослужащих, сдавшихся Красной Армии*. К весне 1940 г. эти "специальные мероприятия" были в основном завершены, о чем нарком внутренних дел Л.П. Берия доложил И.В. Сталину, прося ЦК ВКП(б) санкционировать применение смертной казни в виде расстрела в отношении 14 700 польских офицеров, находившихся в лагерях для военнопленных, и 11 000 бывших польских чиновников, военных, "буржуазных" политиков и владельцев крупных капиталов, заключенных органами госбезопасности в тюрьмы на Украине и в Белоруссии.

* Польские военнопленные – уроженцы западной Польши (42 тыс. человек) – были по соответствующей договоренности переданы германскому военному командованию, а выходцы из восточной Польши оказались во власти ведомства Берии. Нацистам были выданы те военнопленные-евреи, которые были против такой репатриации.

Постановлением Политбюро ЦК от 5 марта предложение Берии было одобрено. В середине марта его огласили на совещании в НКВД СССР, куда были вызваны руководящие работники Калининского, Харьковского и Смоленского управлений внутренних дел, которые обязывались принять непосредственное участие в его реализации. Подготовительный период был недолог, уже с 1 апреля начались и сами акции по "разгрузке" спецлагерей и других мест заключения. В ходе кровавой бойни, продолжавшейся вплоть до 20 мая, по решениям специальной "тройки" НКВД СССР, было расстреляно 21 857 человек, в том числе в печально знаменитом Катынском лесу (Козельский лагерь военнопленных, Смоленская область) – 4421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова – 3820 и в Осташковском лагере (Калининская, ныне Тверская область) – 6311. На протяжении десятилетий информация о катынской трагедии, будучи отнесенной к особо охраняемым государственным секретам, хранилась, что называется, за семью печатями, и полная правда об этом преступлении сталинизма стала известна только после падения советского режима в 1991 г.²

Наряду с представителями военно-политических, административных и экономических структур Польского государства в ходе этой операции пострадали и простые граждане покоренной страны. Причем направленные против них репрессивные акции носили массированный характер. Речь идет о развернувшейся с начала 1940 г. депортации в глубь СССР сотен тысяч жителей западных областей УССР и БССР. Первыми, в феврале, на Восток отправились эшелоны с более чем 140 тыс. спецпереселенцев из числа "осадников", коими называли земледельцев-колонистов, получивших наделы от польского правительства за участие в войне 1919–1920 гг. против советской России. За ними, в апреле, в соответствии с постановлением Политбюро от 2 марта, последовали 61 тыс. административно высылаемых членов семей репрессированных польских "офицеров, полицейских, жандармов, тюремщиков, помещиков, фабрикантов, крупных чиновников и участников контрреволюционных повстанческих организаций". Третий поток депортируемых, пришедшийся на конец июня – начало июля, составили спецпереселенцы-беженцы, то есть лица, нелегально прибывшие в западные области УССР и БССР с польских территорий, оккупированных немцами. Почти на 85% это были евреи, искавшие спасения от нацистского террора. Чтобы спасти жизнь, они всеми правдами и неправдами стремились попасть в советскую зону.

Вот картина, нарисованная одним из очевидцев драмы еврейских беженцев: "Зимой 1939/40 г. вдоль всего течения Буга разыгрывались невообразимые сцены, в которых содержалось едва лишь предчувствие того, что уже неуклонно надвигалось, чтобы погрузить миллионы жителей Польши в пятилетнюю агонию медленной смерти. Немцы не задерживали беглецов, но дубинками и прикладами давали им на дорогу последний показательный урок своей философии "расового мифа": по ту сторону демаркационной линии в длинных тулупах, буденновских остроконечных шлемах и со штыками наголо стояли стражники "классового мифа", приветствуя скитальцев, бегущих на землю обетованную, спущенными с поводка овчарками или огнем ручных пулеметов. На двухкилометровой нейтральной полосе вдоль Буга в течение декабря, января, февраля и марта –

под голым небом, на ветру и морозе, под снегопадом – располагались обозом толпы бедолаг, укрытых перинами и красными одеялами, жгущих по ночам костры, либо стучащих в крестьянские хаты с просьбой о помощи и убежище. На дворах устраивались небольшие ярмарки: за еду и помощь в переправе через Буг платили одеждой, драгоценностями и долларами... Большинство возвращалось обратно, под немецкую оккупацию, где в течение следующих лет они почти все без остатка погибли в крематориях Освенцима, Майданека, Бельзена и Бухенвальда; часть, однако, не сдавалась и упорно ждала удобного момента... В течение этих нескольких месяцев сквозь щели в демаркационной линии все-таки удалось протиснуться большому числу беженцев..."³.

Воистину прав оказался советский дипломат-невозвращенец Ф.Ф. Раскольников, объявленный 17 июля 1939 г. Верховным судом СССР вне закона и потом тайно убитый за границей советским агентом. В сентябре он через русскую эмигрантскую прессу во Франции обратился к Сталину с открытым письмом, в котором обвинял его среди прочего и в том, что "еврейских рабочих, интеллигентов, ремесленников, бегущих от фашистского варварства, Сталин равнодушно предоставил гибели, захлопнув перед ними двери нашей страны, которая на своих огромных просторах может приютить многие тысячи эмигрантов"⁴.

Тем временем беженцам, нелегально просочившимся на территорию СССР, пришлось иметь дело с НКВД. 10 ноября 1939 г. Политбюро образовало под председательством Берии специальную комиссию, которой поручалось "точно учесть количество беженцев и организовать работу по целесообразному использованию части беженцев как рабочей силы, а также рассмотреть вопрос об обратной эвакуации остальной части их"⁵. "Обратной эвакуации" подлежали в первую очередь "социально чуждые" и политически неблагонадежные "элементы", а также престарелые, больные и другие нетрудоспособные. Тем же, чья биография не содержала компрометирующих данных и кто был пригоден к физическому труду, была предложена альтернатива: либо "добровольная" вербовка на тяжелые работы на севере и востоке страны и получение советского паспорта, либо принудительная депортация за советско-германскую границу. Часть беженцев, в основном молодежь, уступив нажиму властей, отправилась работать в советскую глубинку. Другие же – примерно 25 тыс. человек – категорически отказались от советского гражданства, предложенного бывшим польским гражданам указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 ноября 1939 г., и потребовали отправить их в демократические страны Запада или в Палестину. Вскоре все они, за исключением 5000 евреев из Вильно, которым все-таки позволили выехать в Палестину, были возвращены в германскую зону.

Третьи, а их было большинство, избегая официальных контактов с властями и стремясь, что называется, раствориться в общей массе населения, пытались обосноваться на постоянное жительство в приграничных городах Украины и Белоруссии явочным порядком. Многие из них, однако, попадали в поле зрения НКВД. До поры до времени их не трогали, так как власти были заняты более важным делом – выявлением и арестами тех вновь прибывших евреев, которые имели порочащее социальное и политическое прошлое, то есть принадлежали

к еврейской буржуазии или входили в сионистско-бундовские и клерикальные организации. Всего за период с 1939 г. по май 1941 г. в Западной Белоруссии и на Западной Украине было арестовано 23 590 человек, из которых примерно половина была отправлена в ссылку на спецпоселение, а часть – в исправительно-трудовые лагеря. По данным на июнь 1941 г., в ГУЛАГе насчитывалось 11–12 тыс. евреев, выходцев из вновь присоединенных к СССР западных регионов⁶.

Прибрав в 1940 г. к рукам Прибалтику, Бессарабию и Северную Буковину, где также проживало значительное количество евреев*, руководство СССР, реагируя на эскалацию военных действий в Европе, решило максимально обезопасить свои западные рубежи и с этой целью развернуло кампанию сплошной "чистки" от беженцев всех вновь приобретенных территорий. В соответствии с особой инструкцией НКВД, утвержденной СНК 10 апреля 1940 г., все они, независимо от социального происхождения, должны были быть депортированы в отдаленные районы страны в качестве спецпереселенцев. Практическое исполнение этой директивы началось лишь после того, как 5 июня во Львове закончила работу немецкая комиссия по рассмотрению индивидуальных прошений на выезд в германскую зону и беженцы уже не могли апеллировать к ней.

В общей сложности насильственному вывозу в глубь страны подверглось около 100 тыс. еврейских беженцев⁸. В основном их этапировали на лесозаготовки Европейского Севера России. Жизнь, уготованная им там, описана в коллективном письме 152 переселенцев из райлеспункта Ильма Елецкого района Архангельской области, направленного 7 августа 1940 г. в ЦК ВКП(б): "Мы работаем босыми в болотах до колен, зарабатывая от одного до трех рублей в день, при очень плохом отношении к нам, работая вместе с различными преступниками. Мы все люди с профессиями, работая по своей специальности, могли бы зарабатывать значительно больше, принося пользу советской власти... На наше обращение к нашим начальникам с просьбой об улучшении нашего положения они отвечают: умирайте, достаточно земли здесь для того, чтобы вас похоронить... Какие грехи мы совершили по отношению к советской власти, что нас так тяжело карают? Мы удрали из бывшей Польши, удирая от аэропланов и бомб, симпатизируя советской власти. Мы рассчитывали на помощь со стороны Советского Союза, прибывая на советскую территорию, мы немедленно начали работать на различных фабриках... И вот 29 июня ночью, после работы, нас взяли, поместили в вагоны и послали сюда на работу при таких условиях, что никто из нас не может заработать даже на еду. И поэтому мы вынуждены голодать целыми днями. Это заставило нас обратиться к вам. Докажите нам наши грехи, и мы возьмем на себя самые тяжкие наказания. Если нет, мы просим разослать нас в различные города, где каждый смог бы работать по своей специальности и где сумеем принести пользу советской власти, а также спастись от голодной смерти"⁹.

* В Литве (без Вильнюсского края) – 150 000, в Латвии – 95 000, Эстонии – 5000, Бессарабии и Северной Буковине – 325 000⁷.

Одновременно угроза арестов "контрреволюционных и националистических элементов" и массовых депортаций нависла над остальными жителями прибалтийских республик, а также Бессарабии и Северной Буковины. Первым делом "обезвреживали" тех, кто составлял социально-политическую опору ликвидированных там режимов: бывших военных, полицейских, государственных чиновников, буржуазных политиков, крупных предпринимателей и финансистов. 16 мая 1941 г. вышло совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР "Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях УССР", которое инициировало в том числе и массовую высылку на спецпоселения "в отдаленные районы Советского Союза сроком на 20 лет с конфискацией имущества" "членов семей участников контрреволюционных организаций". Причем вторая волна депортации прошла по всей территории вдоль новой западной границы СССР. Пик репрессий такого рода пришелся на период с 22 мая по 20 июня, когда с упомянутых выше земель на спецпоселения и в ИТЛ ГУЛАГа было вывезено в общей сложности 105–110 тыс. человек (87 тыс. ссыльно-поселенцев и 19 тыс. заключенных)¹⁰.

Особенностью этой акции стало то, что в отличие от 1940 г., когда в качестве объекта репрессий избирался в основном социально однородный контингент (сначала "осадники", потом беженцы и т.п.), теперь аресты и высылка "преступных и подозрительных элементов" осуществлялись без какой-либо дифференциации. Это объясняется тем, что сталинское руководство, чувствуя стремительное приближение большой войны, стало форсировать "мероприятия по обеспечению государственной безопасности", в том числе пытаясь (зачастую неадекватно) подавить заметно активизировавшуюся в западных регионах СССР подрывную деятельность германских спецслужб и их агентуры. Вспоминая то непростое время, латвийский академик Я.К. Дзинтарс утверждает, что органы госбезопасности Латвии "знали о приготовлениях "повстанцев" и депортация 14 июня 1941 г. имела целью обезвредить подпольные организации, ту самую гитлеровскую "пятую колонну", однако [...] были допущены серьезные упущения и даже преступления (выселение невинных детей, стариков, женщин)"¹¹.

Административно-репрессивная подготовка общества к войне. Как уже отмечалось, заменой в конце 1938 г. Н.И. Ежова на посту наркома внутренних дел Л.П. Берией был положен конец "большому террору", начатому Сталиным в 1937 г. В сердцах миллионов советских людей затеплилась надежда на то, что кровавый кошмар миновал и жизнь войдет в нормальное русло. Подобные упования подпитывались тем, что некоторых невинно осужденных стали выпускать на свободу и одновременно арестовывать руководителей карательных органов, которые объявлялись нарушителями социалистической законности. Выступая в марте 1939 г. на XVIII съезде партии, Сталин заявил: "Теперь основная задача нашего государства внутри страны состоит в мирной хозяйственной, организаторской и культурно-воспитательной работе. Что касается нашей армии, карательных органов и разведки, то они своим острием обращены уже не вовнутрь страны, а вовне ее, против внешних врагов"¹².

Но устранение таких одиозных фигур, как Ежов, сопровождавшееся очередным пропагандистским кульбитом "вождя народов", конечно, не могло изменить репрессивный характер режима, так как начавшаяся "чистка органов" имела целью прежде всего укрепить личную власть Сталина. То, что это было именно так, со всей наглядностью подтвердили действия обнуленного руководства госбезопасности, которое продолжило прежнюю практику необоснованных политических репрессий, правда, существенно сократив их масштабы. Уже после смещения Ежова были арестованы, а потом либо расстреляны, либо уничтожены в местах заключения журналист М.Е. Кольцов, писатель И.Э. Бабель, теоретик театра и театральный режиссер В.Э. Мейерхольд, известные ученые-генетики Н.И. Вавилов и Г.К. Карпеченко. Более того, 16 февраля и 8 апреля 1939 г., в разгар курса на так называемое политическое потепление, Сталин добился принятия постановлений Политбюро, в соответствии с которыми 1400 бывших "активных участников контрреволюционных, правотроцкистских, заговорщицких и шпионских организаций" подлежали суду Военной коллегии Верховного суда СССР на основании закона от 1 декабря 1934 г. 198 "руководящих участников" этих организаций заранее приговаривались к расстрелу, а остальные – к заключению в лагерь на срок не менее 15 лет¹³. Именно на основании этих решений и по сфабрикованным обвинениям сталинская фемида вынесла расстрельные приговоры Р.И. Эйхе, С.В. Косиору, В.Я. Чубарю, А.В. Косареву и другим в недавнем прошлом высокопоставленным политическим деятелям.

Убирая Ежова, Сталин стремился не только успокоить встревоженную обильными "кровопусканиями" номенклатурную элиту, но и избавиться от чересчур осведомленного исполнителя грязной работы, который к тому же настолько морально деградировал, что стал внушать диктатору серьезные опасения. Вместе с тем для будущих темных комбинаций Сталин сохранил такую ненавистную многим фигуру, как А.Я. Вышинский, чьи выступления в качестве государственного обвинителя на показательных процессах 1936–1938 гг. были наполнены пафосом средневековой инквизиторской жестокости. Для многих "зубров" высшей советской бюрократии стало сюрпризом то, что в мае 1939-го Вышинский сменил кресло Прокурора СССР, из-за свертывания политрепрессий ставшее для него "неперспективным", на respectable кабинет одного из заместителей председателя СНК СССР. Его преемником на посту главного блюстителя социалистической законности стал 38-летний М.И. Панкратьев, типичный выдвиженец периода "большого террора", назначенный годом ранее на должность Прокурора РСФСР.

Этот малообразованный человек, оказавшийся в высших номенклатурных сферах во многом благодаря слепому случаю и недолго там задержавшийся, вряд ли когда-нибудь привлек к себе внимание историков, если бы не одно обстоятельство. В конце 1949 г. Панкратьев, к тому времени низведенный до председателя военного трибунала Прибалтийского военного округа, в речи на партийном собрании по случаю 70-летия Сталина неосторожно поделился воспоминаниями о своей прежней работе, обнажив при этом тайную сторону разработки вождем охранительного законодательства. В частности, он поведал предысторию принятия Президиумом Верховного Совета

СССР 15 и 20 июня 1939 г. указов об отмене условно-досрочного освобождения осужденных, отбывавших наказание в лагерях, колониях и тюрьмах НКВД СССР. Оказывается, идея этих законодательных актов возникла в ходе совещания*, на котором рассматривались предложения о помиловании некоторых заключенных. Ведя заседание, Сталин поинтересовался у докладывавшего по этому вопросу Панкратьева: "А разве есть такой закон, разрешающий досрочно освобождать осужденных?". Получив утвердительный ответ, вождь недовольно заключил: "Плохой закон. Для того чтобы приговор был устойчивым, он должен выполняться полностью". Через несколько дней мнение вождя легитимировалось постановлениями Политбюро (от 10 и 16 июня), которые, в свою очередь, были "проштампованы" Президиумом Верховного Совета СССР¹⁴.

По тому же свидетельству, Сталин явился вдохновителем поданного 21 марта 1940 г. Панкратьевым и наркомом юстиции Н.М. Рычковым секретного приказа № 58/37с о том, что лица, обвиненные в "контрреволюционных преступлениях", даже в случае их оправдания судом не должны были освобождаться, как это было предусмотрено законом, а по решению Особого совещания при НКВД СССР подлежали этапированию в административном порядке в ссылку в отдаленные местности СССР. По словам Панкратьева, изданию этого приказа предшествовала его беседа со Сталиным, который разъяснил, что если кто-либо представляет собой потенциальную опасность для государства, а достаточных оснований для его осуждения нет, такой человек все равно не должен оставаться на свободе. "Ведь я при царском строе, – заметил вождь, – семь раз арестовывался царской охранкой и ссылался в административном порядке в отдаленные места царской России лишь только по мотивам социальной опасности, хотя против меня охранка не имела криминала для предания суду"¹⁵.

На подобные шаги Сталина толкал не только страх перед врагами внутренними. Существенную роль сыграло и резкое обострение внешнеполитической ситуации. За весну и первый летний месяц 1940 г. гитлеровская Германия оккупировала Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Люксембург, а также значительную часть Франции. Стремительно нарастающее военное могущество Германии не могло не вызывать тревоги у советского руководства. Тем энергичнее оно взялось за перевод экономики страны на военные рельсы, не останавливаясь в ходе реализации этой программы перед принятием самых решительных, порой драконовских мер, в том числе и в области трудового законодательства. Главнейшей из таких мер стал вышедший 26 июня указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому рабочий день на производстве продлевался с семи до восьми часов и вместо шестидневной недели вводилась семидневная с воскресным выходным днем. Под страхом тюремного заключения от двух до четырех месяцев никто не смел отказываться от сверхурочной работы и по собственной инициативе увольняться. Администрации предприятий предоставлялось право квалифицировать

* По одним данным, это было заседание Политбюро, по другим – Президиума Верховного Совета СССР.

20-минутное опоздание на работу как прогул, что влекло за собой условное осуждение к шести месяцам исправительно-трудовых работ с удержанием четверти заработка в пользу государства. Спустя еще несколько месяцев промышленные наркоматы получили право перемещать инженерно-технических сотрудников, административный персонал и квалифицированных рабочих с одного предприятия на другое, причем в различные регионы страны и без предварительного согласия на это самих работников¹⁶.

Чтобы добиться максимального воспитательно-устрашающего эффекта, на предприятиях и в учреждениях было организовано несколько сотен выездных показательных судов. Однако на первых порах из-за "недостаточной подготовленности" этих "мероприятий" властям не всегда удавалось получить запланированный результат: судами общей юрисдикции было оправдано существенное количество "нарушителей трудовой и производственной дисциплины", которые объясняли свои опоздания плохой работой городского транспорта и т.п. Между тем Сталин считал, что престиж государства требует, чтобы привлеченный к суду обязательно понес наказание, в противном случае ответственность падает на соответствующее начальство. На сей раз расплачиваться за "упущения" пришлось самому Панкратьеву, которого 20 августа сместили с поста Прокурора СССР, заменив В.М. Бочковым, до этого занимавшим пост начальника особого отдела (военная контрразведка) НКВД СССР.

После этой кадровой перетряски репрессии на головы "нарушителей трудовой дисциплины" и "дезорганизаторов производства" обрушились с удвоенной силой. Только в 1940 г. по указу от 26 июня было осуждено 2 091 438 человек, или 62,8% от всех осужденных гражданскими судами. Указ действовал вплоть до 14 июля 1951 г., когда Президиумом Верховного Совета СССР был принят новый указ "О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия", предусматривавший создание на предприятиях так называемых товарищеских судов¹⁷.

Война: поиски врагов среди своих. Нападение нацистской Германии на Советский Союз в значительной мере способствовало возрождению в обществе истинных морально-этических ценностей. Нависшая над страной смертельная опасность, когда решался вопрос не только существования независимого государства, но и физического выживания миллионов людей, пробуждала в людях готовность во что бы то ни стало отстаивать свободу родной земли, что не имело ничего общего с официальными агитпроповскими лозунгами. Сталин, озабоченный прежде всего сохранением режима личной власти, умело использовал этот благородный порыв. Выступая 3 июля по радио, вождь с волнением в голосе впервые назвал своих подданных братьями и сестрами, друзьями, что свидетельствовало об его умении в критической ситуации играть на струнах человеческой души. Но все эти эффектные пропагандистские жесты не могли серьезно повлиять на социально-политическую природу сталинского режима, который, приспособившись к новым, вызванным войной, условиям, был способен разве что на внешнюю, незначительную коррекцию, сохраняя в неизменности главное – свою деспотическую сущность.

Отсюда проистекали те противоречия, которые отличали политику сталинского руководства в годы войны. С одной стороны, принимались жизненно важные меры по противодействию агрессорам, мобилизации экономики, укреплению морально-политического единства общества. Из тюрем и лагерей освобождались не только некоторые репрессированные ранее военачальники, видные конструкторы и крупные организаторы производства военной техники, но и сотни тысяч простых заключенных, в основном так называемые указники, то есть осужденные по указу от 26 июня 1940 г. Это позволило существенно укрепить как фронт, так и тыл. Право защищать отечество с оружием в руках было предоставлено и спецпереселенцам из числа раскулаченных в начале 1930-х гг. Вот как вспоминал впоследствии то время житель Смоленской области А. Волчок: "Ужасная война перед лицом тяжких и грозных испытаний всех как будто уравнила. И у власти, и у ее изгоев явилась одна общая цель – выжить, выстоять"¹⁸.

Но с другой стороны, даже в условиях страшной войны сталинский режим с его параноидальной подозрительностью по отношению к собственному народу продолжал практику жестоких преследований так называемых внутренних врагов из числа ни в чем не повинных людей. Чтобы снять с себя ответственность за крупные военные поражения первых недель войны, Сталин приказал арестовать руководство Западного фронта: командующего – генерала армии Д.Г. Павлова, начальника связи А.А. Григорьева, командующего артиллерией Н.А. Клича, командующего 4-й армией А.А. Коробкова. Ровно через месяц после начала войны все они были расстреляны. Репрессиям подверглись и другие генералы: одних расстреляли, других отправили в ГУЛАГ. Несмотря на то что враг стремительно продвигался к Москве и другим жизненно важным центрам, не был остановлен и пущенный еще в предвоенные месяцы конвейер арестов по так называемому испанскому делу, по которому за решеткой оказались высокопоставленные военные, принимавшие участие в гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. в качестве советников республиканцев. И хотя некоторых таких "испанцев" в ослабленную репрессиями армию Сталин все же возвратил (например, генерала армии К.А. Мерецкова), большинство из них ждал печальный конец: в середине октября 1941 г. 20 "шпионов и заговорщиков" перевезли из Москвы в Куйбышев, где 28 числа всех их расстреляли. Среди казненных были такие многоопытные военачальники, как бывшие командующие ВВС генерал-лейтенант Я.В. Смушкевич, генерал-лейтенант П.В. Рычагов, генерал-полковник А.Д. Локтионов, начальник Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского генерал-лейтенант Ф.К. Арженухин, начальник Управления ПВО генерал-полковник Г.М. Штерн.

Еще пять "заговорщиков", проходивших по этому делу, были тогда же расстреляны в Саратове, в их числе крупный чекист М.С. Кедров, которого не спас даже оправдательный приговор Военной коллегии Верховного суда СССР. По сути, это было бессудное политическое убийство, такое же, как и осуществленное 11 сентября в Орле. Там был умерщвлен 161 заключенный, в том числе старый большевик Х.Г. Раковский, левая эсерка М.А. Спиридонова, сестра Л.Д. Троцкого – О.Д. Каменева. Сотни, если не тысячи представителей интеллигенции, арестованные по 58-й статье Уголовного кодекса, в те же меся-

цы были расстреляны и в других городах перед оставлением их частями Красной Армии.

Расстрелы продолжались и в 1942 г. В феврале в Саратове был казнен бывший нарком боеприпасов И.П. Сергеев, высшую меру наказания получили пятеро видных ученых, которые ранее вместе с 27 коллегами были арестованы в блокадном Ленинграде по сфабрикованному госбезопасностью делу о "преступной деятельности" "Комитета общественного спасения". Для всех этих казней не потребовалось даже участия Военной коллегии Верховного суда СССР. Достаточно было заочного решения Особого совещания при НКВД СССР, которому постановлением ГКО от 17 ноября 1941 г. вновь возвращалось это право. Трудно не согласиться с русским философом и мыслителем И.А. Ильиным, который писал, что "во время войны террор НКВД, как всегда во время опасности, усиливался вдвое"¹⁹.

Бесчеловечность этого террора в полной мере познала на себе Красная Армия, которая, неся огромные потери, изнемогала не только под массивными ударами хорошо обученного и отлично вооруженного противника, но и вследствие крайних репрессивных мер, к которым прибегло советское руководство, пожинавшее результаты собственных политико-стратегических просчетов. 16 августа 1941 г. Сталин подписал приказ № 270 Ставки Верховного Главнокомандующего*, в котором начальствующий и рядовой состав передовых воинских соединений обвинялся в трусости и предательстве. В нем предписывалось уничтожать всеми средствами, "как наземными, так и воздушными", советские войска, которые, попав в окружение, якобы добровольно сдавались в плен. Утверждалось, что во вражеский плен могут попасть только предатели и изменники, и потому семьи плененных командиров и политработников предписывалось отправлять в ссылку в отдаленные районы, а родных солдат, которых постигла та же участь, лишать льгот, предоставлявшихся семьям фронтовиков²⁰.

Однако, несмотря на жестокость подобных приказов, количество захваченных в плен советских офицеров и солдат к концу 1941 г. достигло астрономической цифры в 3,8 млн, что явилось следствием общей неподготовленности Вооруженных Сил к войне. Многим из попавших в плен не суждено было выжить. Уже к декабрю 1941 г. в нацистской неволе из-за нечеловеческих условий заключения умерло 1,4 млн советских военнопленных. Их положение усугублялось еще и тем обстоятельством, что советское руководство, по сути, отреклось от своих граждан, оказавшихся в плену. В свое время СССР отказался присоединиться к Женевской конвенции 1929 г., которая обязывала воюющие страны сохранять жизнь военнопленным, обеспечивая их питанием, одеждой и кровом, а также предписывала не использовать их труд на тяжелой и связанной с военными заказами работе. Когда в декабре 1941 г. под нажимом Международного Красного Креста нацистская верхушка попыталась через посредников привлечь внимание Сталина к проблеме военнопленных, то получила следующий ответ: "Русских военнопленных не существует. Русские солдаты

* Сталин придавал особое значение данному приказу, о чем свидетельствует тот факт, что, по его настоянию, приказ вместе с ним подписали В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Г.К. Жуков, С.М. Буденный и Б.М. Шапошников.

сражаются насмерть. Если они выбирают судьбу военнопленных, они автоматически исключаются из советского общества"²¹.

Поскольку с конца 1941 г. стало очевидно, что война с СССР затягивается, а экономика Третьего рейха, полностью милитаризованная, нуждалась в дополнительных 2,6 млн пар рабочих рук, нацистское руководство приняло решение о трудовом использовании советских военнопленных. С этого времени масштабы эксплуатации этой даровой рабочей силы все время расширялись: с июля 1942 г. по январь 1945 г. количество работающих в Германии советских военнопленных увеличилось с 200 до 750 тыс. человек. Наряду с этим в нацистской экономике стал широко применяться труд гражданских лиц, вывезенных в рейх в основном насильственным путем с оккупированных советских территорий. К августу 1944 г. в Германии было задействовано не менее 2,8 млн "остарбайтеров"²².

Однако эшелоны с депортируемыми советскими мирными жителями двигались во время войны не только на Запад, но и на Восток, так как в советском тылу была возобновлена прежняя практика насильственного выселения граждан по национальному признаку в отдаленные регионы страны. Первой сослали большую часть населения автономной республики немцев Поволжья. В указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. эта акция мотивировалась явно надуманными "данными" о том, что "среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья"²³. Выселение немцев происходило не только из автономной Поволжской республики, которая вскоре была ликвидирована, но и из Сталинградской, Саратовской и других областей европейской части СССР. К началу 1942 г. насильственной депортации подверглось в общей сложности около 1,1 млн немцев. При этом пострадали и военнослужащие немецкого происхождения, которые отзывались из Вооруженных Сил и переводились в трудовую армию, где пребывали фактически на положении заключенных²⁴.

В 1943–1944 гг. аналогичная участь постигла некоторые другие, обвиненные в пособничестве гитлеровцам, нацменьшинства, имевшие собственные территориальные автономии на юге европейской части СССР, – карачаевцев (ноябрь 1943 г.), калмыков (декабрь 1943 г.), чеченцев и ингушей (февраль 1944 г.)*, балкарцев (март 1944 г.), крымских татар (май 1944 г.), представителей других национальностей. По данным НКВД СССР, на начало октября 1945 г. имелось 1,5 млн спецпоселенцев из числа репрессированных народов²⁵.

Массовый террор в национальной сфере, конечно, не мог быть спровоцирован одним коллаборационизмом, факты которого действи-

* Депортация из Чечни и Ингушетии (операция "Чечевица") проходила наиболее драматично и сопровождалась кровавыми эксцессами в некоторых горных аулах, что не в последнюю очередь было вызвано тем, что в этих краях до начала войны так и не был окончательно подавлен очаг националистической борьбы с центральной властью: тогда под антисоветскими лозунгами началось вооруженное выступление чеченцев, предводительствуемых Х. Исраиловым (Терлоевым).

тельно имели место, но они были несопоставимы с размахом увязываемых с ними репрессий. Официальное обвинение в сотрудничестве с врагом на деле представляло собой не более чем повод к учиненной властями расправе. Настоящая же причина коренилась в бесчеловечной социальной природе сталинского режима, который руководствовался средневековыми категориями коллективной вины.

Подтверждением этого могут служить события, произошедшие в конце 1943 г. в Ямало-Ненецком автономном округе, который, как известно, отстоял от линии фронта за тысячи километров, что автоматически исключало возможность сотрудничества населения с гитлеровцами. Там вспыхнули стихийные волнения коренных жителей, вызванные резким сокращением поголовья северных оленей – основного источника существования обитателей тундры. Падеш произошел вследствие нерадивого руководства и злоупотреблений колхозного начальства и опекавших его местных властей. Чтобы обсудить вопрос, как им вместе противостоять реальной угрозе голода, 350 ненцев провели "мандалу" (сбор) и постановили ликвидировать колхозы, разделить по личным хозяйствам еще не павших оленей, добиваться сокращения гособязательств по лову рыбы и заготовке пушнины. Вскоре об этих "самочинных действиях" стало известно в областном центре – Омске, и тамошними органами госбезопасности было возбуждено уголовное дело об "антисоветском заговоре кулацко-шаманских элементов", "инспирированном гитлеровской разведкой". Утверждалось, что на "мандале" было принято решение о вооруженном сопротивлении властям. В декабре последовали аресты наиболее активных участников "мандалы" из числа ненцев, а также был взят под стражу русский начальник местной гидрографической станции, которого объявили резидентом германской разведки²⁶.

Стихийные выступления простых людей, протестовавших против усилившегося бремени тягот и лишений, переложенных на их плечи своекорыстным и морально разложившимся начальством, были нередки в годы войны и в других регионах страны. Так, в октябре 1941 г. произошли беспорядки на родине революционных Советов, в г. Иванове. Рабочие-текстильщики организовали так называемые "волынки" (скрытая форма забастовки), в ходе которых открыто выражали недовольство первоочередной эвакуацией семей партийно-советского и хозяйственного руководства, плохим продовольственным снабжением рядовых граждан и против льготного обеспечения продуктами питания и ширпотребом высокопоставленных чиновников и их семей²⁷.

Подобного рода спонтанные протесты вспыхивали в тылу во множестве, что свидетельствовало о рождении парадоксального феномена: тяжкие испытания не только не сломили советских людей морально, но, наоборот, многих нравственно воскресили, стали для них, по словам Б.Л. Пастернака, "очистительной бурей, струей свежего воздуха, веянием избавления". Война с ее каждодневным ожиданием смерти раскрепостила людей от оков парализующего страха перед властью имущими, вселила в их сердца дух свободы. И это, несмотря на то что, выступая в 1943 г. на совещании руководящего оперативного состава своего ведомства, нарком госбезопасности В.Н. Меркулов дал установку на создание массовой сети агентуры, "пронизывающей все население СССР"²⁸.

В холодном, замерзающем, но стоявшем насмерть в кольце вражеской блокады Ленинграде поэтесса Ольга Берггольц писала:

В грязи, во мраке и голоде, в печали,
Где смерть, как тень, тащилась по пятам,
Таковыми мы счастливыми бывали,
Такой свободой бурною дышали,
Что внуки позавидовали б нам.

Опьяненные этой неожиданной свободой, люди, отвергая опостылевшую ложь официальной пропаганды, стремились услышать и сказать правду, какой бы тяжкой та ни была. Некто Г. Соловьев, прослушав в августе 1941 г. ура-патриотическую речь А.Н. Толстого на общеславянском митинге в Москве, написал маститому писателю письмо, в котором поставил такие колючие вопросы: "Знаете ли Вы о том, каково положение в местах заключения СССР? Знаете ли Вы о том, что они заполнены и переполнены в большинстве своем невинными людьми? [...] Знаете ли Вы о том, что заключенные находятся в кошмарных условиях, что их не считают за людей, что их содержат как животных под открытым небом, скопом, что их почти совершенно не кормят, не оказывают медицинской помощи и что, благодаря этому, они погибают мучительной смертью? [...] Знаете ли Вы о том, что среди миллионов заключенных немало женщин с грудными детьми, что тысячи женщин-заключенных рожают детей в нечеловеческих условиях, без всякой помощи медицинской?"²⁹.

В годы войны, как и во все судьбоносные времена, особой восприимчивостью к духу свободы отличалась молодежь. Ныне знаменитый киноактер П.С. Вельяминов вспоминал, как в ту лихую годину, ему, шестнадцатилетнему пареньку, рвавшемуся на фронт, пришлось "за очень смелые разговоры" познать вместо военной романтики горечь несправедливости и унижения. За участие в мифической антисоветской организации "Возрождение России" его водворили в тюремную камеру на Лубянке, а Особое совещание определило ему 10 лет лагерей³⁰.

Даже в действующей армии, где все регламентировалось уставами и подчинялось жесткой военной дисциплине, тоже пробивались робкие ростки свободомыслия. Наверняка зная, что корреспонденция с фронта подвергается военной цензуре, рядовой одной из боевых пехотных частей Южного фронта М.П. Ермолов тем не менее 4 августа 1942 г. написал родным: "Командование наше стоит не на должной высоте, оно первое бросается в панику, оставляя бойцов на произвол судьбы. Относятся же они к бойцам как к скоту, не признавая их за людей, отсюда и отсутствие авторитета их среди бойцов. Даже в старой армии [...] офицеры относились к солдатам лучше, чем сейчас эти лейтенанты относятся к красноармейцам. Да, я совсем не ожидал, чтобы именно сейчас, во время войны, наши командиры Красной Армии так похабно относились к своим бойцам. Сегодня я просматривал свое белье и обнаружил около 50 вшей [...]. Все это результат пота, отсутствия мыла, грязи, отсутствия бани. [...] Мы все ждем открытия второго фронта, но его все нет и нет. Господи, когда же все это кончится? Неужели нам не придется свидеться?"³¹.

И действительно, этому потомственному крестьянину и старому солдату, участнику Первой мировой и Гражданской войн, так и не довелось больше обнять ни жены, ни детей, напрасно ждавших его возвращения домой. В январе 1943 г. их муж и отец по обвинению армейской контрразведки "Смерш" ("Смерть шпионам!"), перехватившей его письма, был расстрелян "за антисоветскую агитацию" по приговору военного трибунала.

Украденная победа. Подавляющее большинство тех фронтовиков, кому посчастливилось дожить до светлого Дня Победы, в глубине души полагали, что, пройдя через страшные испытания и защитив мир от порабощения нацизмом, они заслужили для себя и своих детей право на достойную жизнь. Однако очень скоро действия властей обнаружили иллюзорность таких надежд. И первыми почувствовали это на себе те, кто побывал во вражеском плену, зачастую не по собственной воле. До 1 марта 1946 г., когда была в основном завершена репатриация военнопленных, на родину возвратилось в общей сложности 1 569 572 человека, в том числе 1 444 367 рядовых и сержантов, 123 464 офицера и 1741 человек, не имевших воинских званий, включая разжалованных. В годы войны юридически все они считались преступниками. Однако в соответствии с объявленной 7 июля 1945 г. амнистией военнопленные рядового и сержантского состава демобилизуемых возрастов, исключая служивших в коллаборационистских воинских формированиях, полиции и т.п., были отпущены по домам. Но от позорного клейма, наложенного одним только фактом нахождения в фашистской неволе, им так и не удалось избавиться: по негласному указанию, им запрещалось жить в Москве и еще в 38 городах Советского Союза, и все они обязаны были каждые два месяца регистрироваться в местных органах внутренних дел.

Что касается военнопленных рядового и сержантского состава недемобилизуемых возрастов (344 448 человек), то они были зачислены в рабочие батальоны Наркомата обороны и находились на казарменном положении, которое мало отличалось от лагерного³². В основном, эти батальоны были задействованы на угольных шахтах, предприятиях черной металлургии и лесозаготовках. Но прошедших всестороннюю проверку через два-три месяца переводили на одинаковое с вольнонаемными положение с предоставлением общегражданских трудовых прав и льгот.

Судьба же военнопленных офицеров, за редким исключением, сложилась трагически. После многомесячного изучения в проверочно-фильтрационных лагерях их поведения в плену они, как правило, вместе с "власовцами" (т.е. служившими в изменнических формированиях немецкой армии и полиции), на основании постановления ГКО № 9871с от 18 августа 1945 г., отправлялись по этапу на спецпоселения сроком на шесть лет. Там их ждали каторжные работы на шахтах Норильска, Ухты и Печорского угольного бассейна, а также на лесозаготовках в верховьях Камы. В общей сложности такая судьба была уготована свыше 500 тыс. репатриантам, обвиненным в измене родине и совершении военных преступлений³³.

Не сладко пришлось и более чем 3 млн репатриантов из числа гражданских лиц, угнанных гитлеровцами с оккупированных территорий в Германию. Во время войны их нещадно эксплуатировали на

промышленных и сельскохозяйственных предприятиях рейха, а после освобождения им тоже пришлось пройти через рентген допросов в проверочно-фильтрационных лагерях. И хотя для большинства из них эта унижительная процедура заканчивалась выдачей справки, разрешившей беспрепятственное возвращение домой, они, как бывшие "пособники врага", продолжали жить и работать под дамокловым мечом страха. Эти тягостные ожидания и опасения не были безосновательными. Уже в конце 1940-х гг. как бывшие "остовцы", так и бывшие военнопленные вновь подверглись преследованиям: за прежние "прегрешения" многие были сосланы на поселение или отправлены в ГУЛАГ. Осуждая подобное отношение властей к тем, кто сначала пострадал от врага, а потом вынужден был, непонятно за какую вину, хлебнуть горя на родине, кинорежиссер А.П. Довженко 26 августа 1945 г. сделал следующую, проникнутую горькой иронией, запись в своем дневнике: "Не могу только простить генералу Макартуру, который, подписывая на "Миссисипи" капитуляцию Японии, подвел с собой к большому историческому столу двух своих генералов, побывавших в плену. Ох, и влетит ему от Трумэна! Поступить вот так! Какой всесветный позор! Пленных, вместо того чтобы разжаловать, проверить в концлагере и проработать так, чтобы знали до четвертого колена, как попадать в плен. Вместо того чтобы узнать путем серьезных исследований, не являлись ли они случайно японскими шпионами, не помогали ли японскому фашизму, этих вот подозрительных пленных так сразу пригласить к столу как победителей, товарищи, что же это такое! Не понимаю и не понимаю еще, почему это так взволновало меня! Почему мне стало завидно?.. И чего-то жаль. И радостно, что есть на свете гордые люди, все помыслы которых направлены на жизнь и доверие к человеку. Черт побери, какие же хорошие вещи бывают на свете!"³⁴.

Вместе с тем продолжалась практика насильственных депортаций по национальному признаку. В послевоенный период выселению подверглись в первую очередь все, кто так или иначе поддерживал или, по мнению властей, мог поддержать вооруженную борьбу партизанских отрядов националистов и сепаратистов на западных окраинах сталинской империи. Начиная с 1944 г. наиболее ожесточенное сопротивление советским войскам на Западной Украине оказывали отряды "оуновцев" (Организация украинских националистов: бандеровцы, мельниковцы и пр.). Только в феврале – сентябре 1944 г. органами НКГБ и войсками НКВД там было убито 38 087 повстанцев, захвачено в плен 31 808 и арестовано 7968 членов подпольных националистических формирований. Согласно официальному отчету, за тот же период в западных областях Белоруссии было убито и взято в плен, соответственно, 444 и 927 "белопольских бандитов", а также арестовано 4561 человек из числа "антисоветских элементов" и дезертиров. Что касается Прибалтики, то только в Литве тогда же было убито и пленено, соответственно, 415 и 1533 "лесных братьев"³⁵.

Чтобы сломить вооруженное сопротивление националистов, власти пошли на радикальные меры. В первую очередь, подлежали блокированию связи повстанцев с родственниками, снабжавшими их продовольствием, одеждой, медикаментами, оперативной информацией, предоставлявшими им время от времени кров, лечение и т.п. Поэтому было принято решение о насильственной депортации на Восток членов семей боевиков, и в 1944–1952 гг. из западных областей Украины было

выселено более 175 тыс. человек. Кроме того, с 1948 г. в этой республике, по инициативе первого секретаря ЦК КП(б)У Н.С. Хрущева, а потом и по всей стране началась кампания по отселению в отдаленные области СССР "лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный и паразитический образ жизни". В общей сложности жертвами этой акции стало 27 275 человек, которые были отправлены на спецпоселение по указам Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля и 2 июня 1948 г. В 1951 г. к ним присоединились 1445 раскулаченных в ходе коллективизации, проводившейся тогда в Западной Украине³⁶.

Аналогичная картина наблюдалась в это время в республиках Прибалтики, откуда на Восток эшелонами увозили семьи "бандитов, националистов и кулаков". В 1945–1952 гг. только по этой категории на спецпоселения было направлено около 160 тыс. человек. В 1951 г. к ним присоединились 9,4 тыс. членов секты "Свидетели Иеговы" из Прибалтики, Молдавии и западных областей Украины и Белоруссии. В 1949–1950 гг. по подозрению в шпионаже и контрабанде аналогичной репрессии подверглись такие расселенные в приграничье нацменьшинства, как причерноморские греки (37 352 человека) и армяне-"дашнаки" (15 486), а также проживавшие в Грузии турки-месхетинцы (1794) и иранцы (4707). В общей сложности на 1 января 1953 г. на жительстве в спецпоселениях числилось 2 753 356 человек³⁷.

В послевоенные годы власть "вспомнила" и о бывших троцкистах и членах давно разгромленных партий меньшевиков, эсеров и др., многие из которых, уже успев отбыть сроки заключения, полученные в 1930-х гг., находились на свободе. В 1947 г. их вновь стали арестовывать. В течение трех лет (1947–1949) повторное наказание получили 6416 человек, в том числе 4532 бывших троцкиста. В качестве юридического основания в данном случае применялся указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г., во исполнение которого 26 октября МГБ СССР совместно с Прокуратурой СССР была издана директива № 66/241, в соответствии с которой все осужденные за контрреволюционные преступления и потом освобожденные или подлежащие освобождению из лагерей и тюрем подлежали отправке в ссылку или на поселение под надзор местных органов МГБ.

Если обратиться к общей статистике политических репрессий в послевоенный период, то она характеризуется тенденцией к постепенному сокращению ежегодного количества осужденных за "контрреволюционные преступления" в уголовном порядке: с 123 294 человек в 1946 г. до 28 800 в 1952 г. Но эти общие данные дают лишь поверхностное и в какой-то мере даже превратное представление о сталинской юстиции в те годы. Истина же как всегда коренится в детализирующих показателях. В 1949 г. фактически без судебного доказательства вины и только на основании заочного решения Особого совещания в ГУЛАГ было отправлено более половины (51,2%) арестованных "политических преступников", тогда как в 1946 г. доля политических дел, прошедших через Особое совещание, составляла всего 6,7%. Если в 1946 г. смертные приговоры* составляли всего

* 12 января 1950 г. была восстановлена смертная казнь, отмененная 26 марта 1947 г.

2,3% от всех приговоров, вынесенных по политическим делам, то в 1952 г. – уже 5,6%³⁸.

Отправным пунктом в послевоенной эскалации политических репрессий стало назначение 4 мая 1946 г. В.С. Абакумова на пост министра государственной безопасности. Стартовала новая кампания арестов и судилищ по политическим мотивам, которая как бы подвела черту под начавшимся с конца 1938 г. периодом смягчения государственного террора. Прежде чем оказаться в кресле министра госбезопасности, Абакумов возглавлял Главное управление контрразведки Красной Армии "Смерш" и, будучи одновременно заместителем Сталина по Наркомату обороны, особо отличился в январе 1945 г., проведя успешную операцию по захвату в Будапеште и доставке в Москву известного шведского дипломата Р. Валленберга, спасшего тысячи обреченных на смерть евреев. Именно Абакумову предстояло сыграть роль нового Ежова в том очередном "крестовом походе", который готовился Сталиным против, как ему казалось, новой генерации скрытых "врагов", окопавшихся в высших структурах партийной и государственной власти.

Первой пробой сил и способностей нового министра стало так называемое авиационное дело, закрытое рассмотрение которого Военной коллегией Верховного суда СССР началось 10 мая 1946 г. Именно Абакумов стоял у истоков этого дела, возглавив ранее, по поручению Сталина, предварительное следствие по нему и арестовав ряд высокопоставленных государственных, партийных и военных деятелей, руководивших в годы войны Военно-Воздушными Силами страны и ее авиаиндустрией, в том числе бывшего наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина и командующего ВВС маршала авиации А.А. Новикова. И вот 11 мая Военная коллегия огласила свой вердикт: "Подсудимые протаскивали на вооружение ВВС заведомо бракованные самолеты и моторы крупными партиями и по прямому сговору между собой, что приводило к большому количеству аварий и катастроф в строевых частях ВВС, гибели летчиков".

Этот приговор был использован Сталиным как предлог для атаки на позиции чрезмерно усилившегося, по его мнению, за годы войны военно-промышленного комплекса. Маршал авиации Новиков впоследствии отмечал, что "вопрос о состоянии ВВС являлся лишь ширмой", а лично он сам – лишь "орудием в руках тех, кто хотел с помощью ложных показаний скомпрометировать некоторых видных государственных и политических деятелей советского государства". Того же Новикова Абакумов и его подручные принудили оклеветать маршала Г.К. Жукова. Манипулируя этими показаниями, 9 июня 1946 г. Сталин выпустил приказ по Министерству Вооруженных Сил СССР, в котором объявлял о смещении Жукова с постов заместителя министра Вооруженных Сил и главнокомандующего сухопутными войсками, а также о его отправке в Одессу в качестве командующего военным округом. Что же касается подсудимых по "авиационному делу", то, поскольку машина государственного террора только набирала обороты, они получили относительно небольшие сроки – от двух до семи лет лагерей, но на свободу смогли выйти только после смерти Сталина.

В послевоенный период был возбужден и ряд других, так называемых номенклатурных, уголовных дел, которые, в отличие от реп-

рессивной практики второй половины 1930-х гг., не заканчивались громкими публичными процессами, а разбирались, что называется, в узком кругу, без какого-либо информирования общества. Наиболее важными из них были: "адмиральское дело" конца 1947 – начала 1948 г., когда по обвинению в передаче англичанам в годы войны секретной документации на парашютную торпеду были осуждены главнокомандующий ВМС Н.Г. Кузнецов (помилован после суда), руководители Главного морского штаба В.А. Алафузов и Г.А. Степанов, заместитель наркома ВМФ по кораблестроению и вооружению Л.М. Галлер (умер в тюрьме); "артиллерийское дело" конца 1951 – начала 1952 г., когда по обвинению в принятии на вооружение заведомо дефектной зенитной пушки были арестованы заместитель военного министра маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, начальник Главного артиллерийского управления И.И. Волкотрубенко, заместитель министра вооружения И.А. Мирзаханов; "мингрельское дело" (конец 1951 – начало 1952 г.), в ходе которого Сталин приказал арестовать часть руководства Грузинской ССР мингрельского происхождения – второго секретаря ЦК КП(б)Г М.И. Барамию, министра юстиции А.Н. Рапаву, прокурора республики В.Я. Шонию и др., обвинив их в nepoтизме, злоупотреблениях служебным положением, моральном разложении и, самое главное, в том, что эти люди "обслуживали шпионской информацией о положении в Грузии американскую разведку, получая за это доллары"³⁹.

Но наиболее политически значимым и кровавым в эти годы было "ленинградское дело" 1949–1952 гг., когда, по указанию Сталина, органами госбезопасности была "вскрыта" "антипартийная группа", во главе которой якобы стояли такие партийно-государственные руководители, как Н.А. Вознесенский (член Политбюро, зам. председателя Совета Министров СССР), А.А. Кузнецов (секретарь ЦК ВКП(б)), М.И. Родионов (председатель Совета Министров РСФСР), П.С. Попков (первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии), Я.Ф. Капустин (второй секретарь Ленинградского горкома партии), П.Г. Лазутин (председатель Ленинградского горисполкома) и др. Им инкриминировалось то, что, "объединившись в 1938 г. в антисоветскую группу", они "проводили подрывную деятельность в партии, направленную на отрыв Ленинградской партийной организации от ЦК ВКП(б) с целью превратить ее в опору для борьбы с партией и ее ЦК", "пытались возбуждать недовольство среди коммунистов Ленинградской организации мероприятиями ЦК ВКП(б)... подрывали единство партии, распространяли клеветнические утверждения в отношении ЦК ВКП(б), вынашивали и высказывали изменнические замыслы о желаемых ими изменениях в составе Советского правительства и ЦК ВКП(б)... разбазаривали государственные средства... своими преступными действиями наносили ущерб экономическим интересам Советского государства". На серии закрытых процессов, прошедших с конца сентября 1950 г. в Ленинграде, Москве, Горьком, Новгороде, Пскове, Мурманске, Симферополе, Рязани, Петрозаводске, Таллине, к смертной казни были приговорены 24 подсудимых, включая всех вышеперечисленных и членов их семей (всего по этому делу было репрессировано более 200 человек). Кроме того, в 1949 г. на самом верху были одобрены директивы о выселении с семьями из Ленинграда и Ленинградской области 1500 человек, "скомпрометировавших себя связями с троцкистами,

зиновьевцами, правыми, меньшевиками, эсерами, немцами, финнами, на вечное поселение в Алтайский край"⁴⁰.

Важной отличительной особенностью террора послевоенного времени стала его государственно-антисемитская составляющая. И хотя гонения на евреев наблюдались еще в годы Великой Отечественной (проявлялось это, в основном, в увольнении с работы в "опекаемых" агитпропом литературно-художественной кругах), но только теперь, после начала "холодной" войны, "чистки" такого рода стали приобретать все более универсальный и вместе с тем репрессивный характер. Подобному развитию событий в немалой степени способствовало и то, что дряхлевший Сталин становился все более подозрительным, опасаясь происков вездесущей американо-сионистской агентуры.

Эти страхи подтолкнули диктатора дать негласное указание руководству МГБ СССР подготовить и осуществить 13 января 1948 г. в Минске тайное убийство известного еврейского театрального режиссера и актера С.М. Михозлса. Трагический финал Михозлса был предопределен тем, что он, возглавляя созданный в годы войны и имевший обширные международные связи Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), олицетворял собой стремление советских евреев добиться от власти предоставления более широких прав на национальную идентификацию и культурное развитие. Сверхсекретное постановление Политбюро о ликвидации ЕАК, вышедшее 20 ноября 1948 г., стало сигналом к началу массовых гонений на представителей еврейской творческой интеллигенции, объявленных буржуазными националистами, и обернулось полным разгромом еврейской культуры в СССР. Среди прочих были взяты под стражу такие известные еврейские литераторы, как П.Д. Маркиш, И.С. Фефер, Д.Р. Бергельсон, Д.Н. Гофштейн, С.З. Галкин, Л.М. Квитко. На Лубянке оказался и бывший заместитель министра иностранных дел и руководитель Совинформбюро С.А. Лозовский, в свое время инициировавший создание ЕАК и потом отстаивавший его интересы в верхах. В августе 1952 г. Лозовский, а также 12 бывших руководителей и членов ЕАК были казнены по приговору, основанному на надуманных обвинениях. За "связь с сионистами" была арестована и отправлена в ссылку в Казахстан П.С. Жемчужина – жена В.М. Молотова, второго после Сталина человека в государстве. Кроме того, бдительные "органы" вскрыли "сионистский заговор" на Московском автомобильном заводе им. Сталина (ныне ЗИЛ). По этому делу были арестованы десятки ни в чем не повинных людей, часть из которых (13 человек) расстреляли в ноябре 1950 г. То же позднее произошло на Кузнецком металлургическом комбинате в Сталинске (ныне г. Новокузнецк Кемеровской области), где также была произведена антиеврейская "чистка", унесшая жизни четырех человек. Арестам и увольнениям со службы подверглись сотни людей, работавших на других промышленных предприятиях и в различных учреждениях.

Однако по иронии судьбы подобная ретивость "органов" и их шефа Абакумова не спасла последнего от немилости вождя, вызванной его все более прогрессирующей юдофобией. Летом 1951 г. министр государственной безопасности был обвинен в покровительстве сионистам, смещен со своего поста и арестован. Наряду с прочим ему инкриминировали попытку сокрытия от руководства партии и

государства "преступной деятельности" ряда видных профессоромедиков из Лечебно-санитарного управления Кремля (ЛСУК), которые, якобы действуя по указанию американских и английских спецслужб и международных сионистских организаций, занимались вредительством и стремились, таким образом, вывести из строя некоторых высших советских руководителей. Так возникло печально знаменитое "дело врачей", ставшее апогеем репрессивного беззакония власти в послевоенный период и наглядным свидетельством деградации сталинского режима.

Уверенный в том, что ему и на сей раз раньше других удалось распознать тайные козни врагов, диктатор посчитал необходимым сначала убедить своих соратников и весь народ в существовании опасности для государства, а потом железной рукой ликвидировать ее, стяжав, как это уже бывало неоднократно, лавры победителя. Это была последняя роль, которую Сталин, несмотря на старость и все более обременявшие его болезни, собирался сыграть, уходя с политической сцены. Понимая, что в этой схватке время работает против него, он торопил исполнителей своего замысла. Зимой 1952 г., вызвав нового министра госбезопасности С.Д. Игнатъева, Сталин, в припадке злобной подозрительности, угрожал ему, говоря, что, если тот "не вскрыет террористов, американских агентов среди врачей, он будет там, где Абакумов". "Я не проситель у МГБ! – неистовствовал кремлевский хозяин. – Я могу и потребовать, и в морду дать, если вами не будут выполняться мои требования... Мы вас разгоним, как баранов". Разумеется, после столь грубой выволочки машина следствия заработала на полных оборотах, тем более что 12 февраля Сталин провел через Политбюро постановление, обязывавшее Игнатъева "представить соображения о коренном улучшении работы следственного аппарата МГБ"⁴¹.

Осенью 1952 г. начались аресты руководителей Кремлевской больницы и врачей, лечивших высшую партийно-советскую номенклатуру, – профессоров В.Н. Виноградова, П.И. Егорова, М.С. Вовси, Б.С. Преображенского и др. Теперь врачей обвиняли не только во вредительском лечении, но и в шпионаже в пользу американской и английской спецслужб, а также в подготовке террористических актов против Сталина и других членов Политбюро.

Резонно задаться вопросом, верил ли сам Сталин во все эти бредни? Думается, что да, и вот почему. Существуют многочисленные свидетельства, что к концу жизни диктатора его личность деформировалась под влиянием общего старения организма, серьезных хронических заболеваний (гипертония, атеросклероз сосудов головного мозга) и постоянных психологических стрессов. Он все больше самоизолировался, боясь выпустить власть из слабеющих рук, стал крайне подозрителен, в том числе и по отношению к тем, кто входил в его ближайшее окружение. Даже к своим детям он испытывал все меньше доверия. Вспоминая это время, Светлана Аллилуева так писала об отце: "Он был душевно опустошен, забыл все человеческие привязанности, его мучил страх, превратившийся в последние годы в настоящую манию преследования, – крепкие нервы в конце концов расшатались"⁴².

Критической для здоровья вождя стала осень 1952 г. Если в предшествовавший период (1945–1951) с конца лета и до начала зимы он

обычно отдыхал на юге, то в 1952 г. он совсем лишил себя отпуска, отдавая последние силы "раскрутке" "дела врачей", а также подготовке очередного съезда партии и последовавшей очередной масштабной реорганизации в высшем руководстве страны. Крупный аналитик и историк большевизма Б.И. Николаевский, отмечая существенную разницу между "большим террором" конца 1930-х гг., который, по его словам, Сталин "вел не по безумию Калигулы, а потому, что сделал его фактором своей активной социологии", и репрессивной политикой диктатора в последний период жизни, допускал "возможность ненормальности Сталина в 1952–1953 гг."⁴³.

1 декабря 1952 г., собрав членов бюро Президиума ЦК, Сталин заявил, что в 1948 г. бывшие министр госбезопасности и начальник главного управления охраны скрыли от него лично и от руководства страны важный документ, разоблачавший заговор по умерщвлению секретаря ЦК А.А. Жданова. На этом же заседании диктатор пустился в рассуждения о том, что "чем больше у нас успехов, тем больше враги будут нам стараться вредить" и что "среди врачей много евреев-националистов", а "любой еврей-националист – это агент американской разведки". Потом последовали обвинения в адрес чекистов, у которых-де "притупилась бдительность". Завершая свое выступление, Сталин принялся запугивать членов бюро, говоря, что если бы не он, то не только секретари ЦК Жданов и А.С. Щербаков, но и многие из тех, кто слушают его сейчас, могли погибнуть от рук "убийц в белых халатах". Войдя в роль спасителя беспечных и неразумных соратников, диктатор с чувством торжествующего превосходства подытожил: "Вы слепцы, котятка, что же будет без меня – погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов". Через несколько дней в подтверждение сказанному Сталин направил признательные показания арестованных врачей Маленкову, Хрущеву и другим несостоявшимся "жертвам медицинского террора"⁴⁴.

Наиболее вероятный финал "дела врачей" Сталин продемонстрировал 3 декабря, когда в Чехословакии были казнены 11 бывших руководителей этой страны во главе с Р. Сланским, который, как было сказано в приговоре, "предпринимал активные шаги к сокращению жизни президента республики Клемента Готвальда", подобрав "для этого лечащих врачей из враждебной среды, с темным прошлым, установив с ними тесную связь и рассчитывая использовать их в своих вражеских планах". Сам Готвальд, как бы подводя итог этого аутодафе, заявил: "В ходе следствия и во время процесса антигосударственного заговорщического центра был вскрыт новый канал, по которому предательство и шпионаж проникают в коммунистическую партию. Это – сионизм"⁴⁵.

4 декабря, то есть сразу же после пражской кровавой акции, которой суждено было стать последней крупной победой злого гения Сталина, диктатор настоял на принятии Президиумом ЦК постановления "О положении в МГБ и о вредительстве в лечебном деле". В нем основная вина за якобы многолетнюю и безнаказанную деятельность "врачей-вредителей" возлагалась на "потакавших" им бывших министра государственной безопасности Абакумова и начальника личной охраны вождя Н.С. Власика, арестованного 16 декабря 1952 г. 13 января 1953 г. из широко растиражированного сообщения ТАСС страна узнала об аресте "группы врачей-вредителей". Сразу же усилились

слухи о готовящейся депортации евреев, которые не первый год циркулировали в еврейской среде. Соответствовали ли эти толки реальным приготовлениям властей? Скорее всего, нет, ибо подобная акция не вписывалась в социально-политический контекст, существовавший тогда в стране и мире, да и ни одного документального доказательства на сей счет не обнаружено. Вскоре Сталин умер, и спустя месяц все арестованные врачи были реабилитированы и выпущены на свободу.

При мысленном погружении в последние годы правления Сталина, когда его всевластие достигло своего пика, может показаться, будто вся страна, распростершись ниц у ног диктатора, была способна либо лишь восхвалять его гений, либо трепетать от страха, опасаясь гнева этого живого божества. Между тем существует немало свидетельств того, что даже в самые мрачные годы совесть и человеческое достоинство сохранялись в душах многих людей. Жила в них и потаенная надежда. Б.Л. Пастернак писал в "Докторе Живаго": "Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победою, как думали, но все равно, предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание"⁴⁶.

Приметы этого неистребимого духа свободы наложили свой отпечаток даже на содержание сводок госбезопасности о настроениях и толках в обществе, которые регулярно направлялись руководству страны. В одной из таких сводок сообщалось, например, что 4 января 1946 г. в Тбилиси на Советской улице была обнаружена написанная на русском языке листовка, которая призывала "свергнуть власть несправедливости и установить такую Конституцию, как в США и Великобритании"⁴⁷. Идеалы добра и справедливости вдохновляли на нонконформизм и сопротивление прежде всего молодежь. Документы свидетельствуют, что многие из пострадавших тогда "за политику" молодых людей, отвергая правящий режим, пробовали бороться за чистоту марксизма-ленинизма, который, как они полагали, был догматизирован Сталиным в теории, а также извращен и опошлен созданной им бюрократической системой на практике.

К чему приводили этих молодых "социалистов-утопистов" их несбыточные мечтания, становится ясным из следующего, достаточно типичного для тех лет, примера. В январе 1945 г. трое челябинских старшеклассников, придя к выводу о том, что сталинский Советский Союз свернул с завещанного Лениным "правильного" пути развития, создали организацию "Идейно-коммунистическая молодежь" (ИКМ). И хотя их деятельность в основном свелась к декламации в кругу знакомых проникнутых антибюрократическим пафосом стихотворений В.В. Маяковского, цепких объятий ГУЛАГа им избежать не удалось. Нечто подобное произошло и в Воронеже, где в октябре 1948 г. несколько десятиклассников с целью борьбы за чистоту социализма, искоренения бюрократизма, взяточничества и "улучшения культурной и экономической жизни трудящихся" создали "Коммунистическую партию молодежи" (КПМ). Главным инициатором выступил сын секретаря Воронежского обкома партии Б.В. Батуев. Одним из его единомышленников стал в будущем известный писатель А.В. Жигулин. Уже осенью 1949 г. они, а также другие члены организации были арестованы местными органами госбезопасности, которые обвинили их,

не больше не меньше, как в намерении захватить политическую власть в стране. Всего по "делу КПМ" подверглись репрессиям 23 человека, получившие по постановлению Особого совещания от 24 июня 1950 г. лагерные сроки от двух до десяти лет⁴⁸.

Однако антисталинской политической риторикой в молодежной среде дело не ограничилось. Из недавно рассекреченных архивных материалов известно, что в январе – марте 1951 г. МГБ СССР арестовало группу юношей и девушек, якобы вынашивавших "террористические замыслы", направленные против руководства страны. Как выяснилось в ходе следствия, они входили в так называемый "Союз борьбы за дело революции" (СДР), возникший в августе 1950 г. и состоявший из старшеклассников и студентов-первокурсников, в основном детей репрессированных родителей. Возглавлял СДР 18-летний студент исторического факультета Московского областного педагогического института Б.В. Слуцкий, сплотивший вокруг себя группу молодых единомышленников, в которую входили В.Л. Фурман, Е.З. Гуревич, С.С. Печуро, Г.Г. Мазур, И.И. Аргинская, М.А. Улановская, Ф.М. Воин, И.Л. Ванников, Н.Е. Уфлянд, А.Е. Рейф и др. Собираясь на квартирах друг у друга, они коллективно изучали труды Маркса, Ленина, Троцкого; вели дискуссии на тему о том, что Сталин растоптал ленинские принципы диктатуры пролетариата и создал бюрократический слой "новой аристократии", в среде которой процветают взяточничество, казнокрадство, "насквозь проевшие весь государственный аппарат". Слуцкий написал политическую программу, в которой сталинский режим обвинялся в "обмане, насилии над мыслями" и "игре на религиозно-националистических тенденциях масс".

Подражая большевикам-подпольщикам дореволюционной поры, ребята собрали гектограф и печатали листовки. Как выяснило следствие, в ходе состоявшегося однажды обсуждения работы Г.В. Плеханова "К вопросу о роли личности в истории" и методов борьбы народовольцев один из членов "организационного комитета" СДР Гуревич, отец которого был арестован "за политику", выступил за использование индивидуального террора в отношении отдельных деятелей правящего режима. Позднее он предложил организовать группу боевиков и совершить террористический акт против Маленкова, видя в нем главного виновника бед, обрушившихся на евреев. В ночь с 13 на 14 февраля 1952 г. Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор, определив Слуцкому, Гуревичу и Фурману смертную казнь, 10 их товарищам – по 25 лет, а еще трем – по 10 лет лагерей⁴⁹.

В какой-то мере от политики государственного антисемитизма пострадала и русская В.И. Прохорова, происходившая из семьи известных московских текстильных фабрикантов. За то, что однажды она не побоялась вслух заявить о причастности Г.М. Маленкова к организации антисемитских акций, ее в 1950 г. отправили на 10 лет в лагерь за "антисоветскую пропаганду". Пусть подобные поступки могут показаться из относительно благополучного сегодня не очень-то значительными. Но для того чтобы совершить их в условиях бесчеловечного тоталитарного режима, требовались не только благородство души и чистота помыслов, но и большое мужество, воля и отвага. Воистину, чем ночь темнее, тем ярче блещут звезды. Именно благодаря таким бесстрашным натурам и миллионам тайно сочувствовавших и

помогавших им людей после смерти Сталина страна не последовала по предначертанному им пути, а избрала стезю обновления, ведущую к подспудной либерализации общества.

Начало "оттепели". Торжественно похоронив диктатора, его преемники у кормила власти практически сразу начали отмежевываться от наиболее одиозного политического наследия, и прежде всего от лихорадившего страну многие годы жесточайшего государственного террора. На первых порах инициатива исходила главным образом от Л.П. Берии, назначенного министром внутренних дел и имевшего за плечами опыт "мини-реабилитации" конца 1930-х гг.

Конечно, этот человек, на совести которого было достаточно невинных жертв, отнюдь не переродился вдруг в политического донкихота и потому меньше всего стремился к бескорыстному восстановлению справедливости, попранной в том числе и при его участии. Им руководил прежде всего политический расчет, который состоял в том, чтобы путем избирательного осуждения былых преступлений режима (но только не тех, в которых он был лично замешан), во-первых, добиться популярности в народе, что было необходимо для укрепления собственных позиций во власти, и, во-вторых, разделаться со своими противниками и конкурентами (тем же бывшим министром госбезопасности Игнатьевым и др.), противодействовавшими усилению его влияния на кремлевском Олимпе. И все же его своекорыстную инициативу, совпадавшую, несмотря ни на что, с объективным велемием времени, можно расценить как позитивную.

Уже 13 марта Берия издал приказ о пересмотре наиболее сомнительных, с точки зрения законности, следственных дел, в том числе и такого скандального, как дела "кремлевских врачей". В тот же день по его указанию была сформирована комиссия, подвергшая ревизии дело о "мингрельской националистической группе" и принятое в связи с ним решение о выселении неблагонадежных граждан из Грузии. Через пять дней начался пересмотр сфабрикованного в 1946 г. "авиационного дела". На этом фоне важное значение имел указ Президиума Верховного Совета СССР "Об амнистии", принятый 27 марта по инициативе того же Берии. Согласно указу, из тюрем и лагерей предполагалось освободить 1 203 421 человека и прекратить следствие в отношении еще 401 120 арестованных. Таким образом, свободу должна была обрести почти половина всего "населения" ГУЛАГа. Вместе с тем амнистия не распространялась на "привлеченных к ответственности за контрреволюционные преступления".

Но ситуация менялась буквально с каждым днем. Уже 3 апреля по докладу Берии Президиумом ЦК КПСС было принято постановление о "полной реабилитации и освобождении из-под стражи врачей, членов их семей, арестованных по так называемому "делу о врачах-вредителях" в количестве 37 человек". Тем же решением предусматривалось привлечение к уголовной ответственности работников бывшего МГБ СССР, "особо изощрявшихся" в фабрикации этого дела и виновных в "грубейших извращениях советских законов". Показательно, что днем ранее Берия направил председателю Совета Министров СССР Маленкову секретную записку, в которой на основе показаний ряда бывших руководителей МГБ, к тому времени арестованных или находившихся на грани ареста (Абакумова, Л.Ф. Цанавы и С.И. Огольцова),

утверждал, что смерть Михозлса стала следствием политического убийства, спланированного и осуществленного по тайному указанию Сталина.

Знаменательным в своем роде событием явился приказ министра внутренних дел от 4 апреля "О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия", которым отменялось последовавшее в июле 1937 г. негласное, но вполне официальное одобрение сталинским руководством практики истязаний заключенных, прежде всего политических. В связи с этим Берия предписал немедленно уничтожить в столичных Лефортовской и Внутренней тюрьмах госбезопасности орудия пыток и ликвидировать подразделения, специализировавшиеся на побоях заключенных.

Тогда же (в апреле) были освобождены и полностью реабилитированы осужденные по "мингрельскому" и "артиллерийскому", а в мае – по "адмиральскому" и "авиационному" делам. 9 мая специальным постановлением Президиум ЦК КПСС признал "порочной сложившуюся практику отношения к анонимным заявлениям, когда они принимаются во внимание как документы, заслуживающие доверия, чем широко пользуются клеветники". В дальнейшем Берия собирался добиться пересмотра дела о "шпионском центре в Еврейском антифашистском комитете" и 25 июня даже направил соответствующую записку Маленкову. Однако на следующий день он был арестован за стремление, как было официально объявлено, узурпировать власть в стране⁵⁰.

С устранением Берии с политической арены процесс реабилитации оказался прерван. Ничего существенного в этом деле не происходило вплоть до начала 1954 г., то есть до тех пор, пока советское руководство окончательно не избавилось от Берии, казненного 23 декабря 1953 г. по приговору специального судебного присутствия Верховного суда СССР, и не стало очевидным, что в соперничестве за лидерство в партии и государстве Хрущев берет верх над Маленковым. Реабилитация тормозилась еще и тем, что Маленков и стоявшие за ним Молотов, Каганович и Ворошилов, ратая за "плавную" линию дальнейшего развития страны (без общественных потрясений и радикальной смены социально-политического курса), выступали против любых попыток поколебать авторитет Сталина в глазах народа. Их, непосредственно вовлеченных в прошлом в проведение крупномасштабных политических репрессий, особенно пугала перспектива разоблачения покойного диктатора как главного вдохновителя и организатора террора. В отличие от них Хрущев, который, хотя и соучаствовал в тех же массовых репрессиях, не устрашился политического риска, сопряженного с принародным вскрытием сталинского ящика Пандоры. Более того, в рамках своего курса, выразившегося в перманентном сотрясении бюрократических структур, он впоследствии превратит развенчание культа Сталина в козырную карту в борьбе за власть.

Первые самостоятельные шаги на этом пути были сделаны Хрущевым вскоре после ареста Берии. Сыграв главную роль в его смещении и аресте, 13 июля 1953 г. Хрущев провел через Президиум ЦК постановление об освобождении из-под стражи и реабилитации 54 генералов и адмиралов, осужденных при Сталине. Однако эта эффективная акция, предпринятая по настоянию маршала Г.К. Жукова и

других высших военачальников, поддержавших низложение Берии, была в значительной мере ситуационной мерой, чем-то вроде жеста благодарности военным, и не более того. Однако то, что 1 сентября 1953 г. был упразднен такой реликт сталинской эпохи, как Особое совещание, а через шесть дней Хрущев добился своего избрания первым секретарем ЦК КПСС, думается, не было случайным стечением обстоятельств.

Подобная корреляция разоблачений преступлений недавнего прошлого с борьбой за власть станет особенно заметной после 15 апреля 1954 г., когда, по настоянию Хрущева, было принято постановление Президиума ЦК о реабилитации лиц, проходивших по "ленинградскому делу". Тем самым был запущен механизм дискредитации Маленкова, который в свое время активно участвовал в фабрикации этого дела. Правда, на первых порах этот механизм действовал, что называется, на малых оборотах и исподволь, так как Хрущев, не имевший достаточного влияния и авторитета в советских номенклатурных кругах, еще не мог бросить открытого вызова Маленкову и стоявшим за ним старым членам Политбюро и боялся даже заикнуться о необходимости публичного разоблачения преступлений Сталина. Возникший на этой почве верхушечный компромисс наглядно проявился в ходе состоявшегося в декабре 1954 г. в северной столице суда над бывшими руководящими сотрудниками МГБ СССР (В.С. Абакумовым, А.Г. Леоновым, В.И. Комаровым, М.Т. Лихачевым и др.), участвовавшими в расправе над Н.А. Вознесенским и другими членами так называемой ленинградской антипартийной группы. Как только Абакумов и его подельщики в свое оправдание ссылались на указания Сталина, председательствующий сразу лишал их слова. На пятый день судебное заседание вообще было свернуто, и главные обвиняемые, не успевшие поведать и десятой доли того, что знали о преступлениях Сталина и его ближайшего окружения, были поспешно казнены⁵¹.

Тем временем очнувшееся от летаргии общество все громче и настойчивее требовало от руководства страны восстановить поправную при Сталине справедливость и публично осудить творившиеся беззакония. Ответом власти мог стать либо новый виток репрессий, либо стремление взять процесс политической реабилитации под свой контроль и направить в нужное для себя политическое русло. Исходя из логики аппаратной борьбы, Хрущев и поддержавшая его номенклатура выбрали второе. В мае 1954 г. начали действовать центральная и местные комиссии по пересмотру дел лиц, осужденных в 1934–1953 гг. за "контрреволюционные преступления", содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах и находящихся в ссылке на поселении. Председателем центральной комиссии был назначен "человек" Хрущева – Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко. В силу полученных им полномочий и потому, что предварительное мнение о возможности пересмотра дел по "контрреволюционным преступлениям" выносилось подчиненными ему сотрудниками Прокуратуры СССР, он во многом стал направлять рабочий реабилитационный процесс, хотя, конечно, последнее слово в возвращении доброго имени наиболее известным политическим деятелям, ошельмованным сталинским режимом, оставалось за партийно-государственным руководством в лице Президиума ЦК.

К началу 1956 г. были реабилитированы П.П. Постышев, Н.В. Крыленко, Я.Б. Гамарник, В.Я. Чубарь, А.В. Косарев, М.Е. Кольцов, В.Э. Мейерхольд и многие другие видные советские руководители и выдающиеся деятели культуры. Однако количество невинно пострадавших в годы сталинщины было настолько велико, а бюрократическая процедура реабилитации так сложна и запутана, что к моменту открытия XX съезда КПСС сотни тысяч сфабрикованных при Сталине приговоров все еще оставались неотмененными, и масса, по сути, ни в чем не повинных людей продолжала томиться в ГУЛАГе. Всего к началу 1956 г. удалось реабилитировать 7679 человек, притом что в 1933–1952 гг. к высшей мере наказания и только по небезызвестной 58-й статье было приговорено 742 304 человека. Для того чтобы скрыть гигантские масштабы политических убийств недавнего прошлого, председателем КГБ при Совете Министров СССР 24 августа 1955 г. была даже выпущена совершенно секретная директива № 00108 о том, что близким родственникам граждан, казненных за "контрреволюционную деятельность", следует при их обращениях в государственные органы официально сообщать, что те "были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли в местах заключения"⁵².

И все же именно в 1953–1955 гг. в ледяном панцире сталинской репрессивной системы появились первые трещины. День ото дня становились слабее политические морозы и полноводнее очистительные потоки правдивого слова, возрождаемого робкой "оттепелью". Именно так называлась повесть-символ И.Г. Эренбурга, начавшая издаваться в 1954 г. Выйдя из состояния длительной политической спячки, общество пробуждалось для новой жизни. Оно торопило весну политического обновления и с нетерпением ожидало ощутимых перемен к лучшему.

Примечания

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 21.

² Вопросы истории. 1993. № 1. С. 3–22; Известия. 1992. 2 апреля, 10 апреля, 26 сентября, 15 октября, 19 ноября; Независимая газета. 1992. 16 октября; *Лебедева Н.С.* Катынские голоса // Новый мир. 1991. № 2. С. 208–222.

³ *Герлинг-Грудзинский Г.* Иной мир. Советские записки. М., 1991. С. 164, 165.

⁴ Неделя. 1988. № 26 (1474).

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1016. Л. 3.

⁶ Краткая еврейская энциклопедия. Т. 8. Иерусалим, 1996. С. 298; *Бегин М.* В белые ночи. М.; Иерусалим, 1991. С. 59; Исторические сборники "Мемориала". Вып. 1: Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 88, 89; *Altshuler M.* Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. Jerusalem, 1998. P. 28.

⁷ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1945). Сб. документов и материалов / Под ред. И. Арад. Иерусалим, 1991. С. 5.

⁸ Исторические сборники "Мемориала". Вып. 1. С. 129.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 158. Л. 102–104.

¹⁰ Исторические сборники "Мемориала". Вып. 1. С. 115, 137–175.

- ¹¹ Независимая газета. 2001. 21 июня.
- ¹² Правда. 1939. 11 марта.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 105; Д. 25. Л. 7.
- ¹⁴ Там же. Оп. 162. Д. 25. Л. 54–55; Оп. 118. Д. 762. Л. 148; Союз. 1990. Сентябрь. № 38.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 762. Л. 146; ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 46. Л. 57.
- ¹⁶ Известия. 1940. 27 июня.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1026. Л. 83, 88; Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 23.
- ¹⁸ Известия. 1990. 11 июля; Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 9.
- ¹⁹ Известия. 1990. 5 сентября; Литературная газета. 1988. 20 апреля; Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Т. 1. Париж, 1956. С. 115.
- ²⁰ Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 26–28.
- ²¹ Аргументы и факты. 1990. № 6; *Коренюк Н.* Пленные нам не нужны... // Смена. 1990. № 2. С. 89–96.
- ²² Независимая газета. 1991. 11 апреля; Смена. 1990. № 2. С. 95.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 112.
- ²⁴ *Бугай Н.Ф.* К вопросу о депортациях народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1990. № 6. С. 137.
- ²⁵ Там же. С. 141.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 458. Л. 123–127; Тюменские известия. 1990. 29 сентября.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 19. Л. 85–89.
- ²⁸ Новый мир. 1988. № 4. С. 101; Реабилитация: как это было. Документы президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956 / Сост.: А. Артизов, Ю. Сигачев, И. Шевчук, В. Хлопов. М., 2000. С. 127.
- ²⁹ Московские новости. 1988. 27 ноября. № 48.
- ³⁰ Советская культура. 1989. 17 октября.
- ³¹ Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 88.
- ³² Аргументы и факты. 1992. № 38–39.
- ³³ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 136–142.
- ³⁴ Независимая газета. 1991. 11 апреля; Правда. 1989. 11 сентября.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 456. Л. 2.
- ³⁶ Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 38; Аргументы и факты. 1989. № 39.
- ³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 46. Л. 69–78; Аргументы и факты. 1989. № 39; *Земсков В.Н.* Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950 годах // Отечественные архивы. 1993. № 1. С. 4–19; Известия. 1993. 22 декабря.
- ³⁸ *Полов В.П.* Государственный террор в советской России. 1923–1953 (источники и интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 28; *Лазарев В.И., Хаустов В.Н.* Органы государственной безопасности СССР (1945–1954 гг.) // Советское общество: будни холодной войны. Материалы "круглого стола". М., 2000. С. 194, 195.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1091. Л. 75.
- ⁴⁰ Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. М., 1991. С. 311–322; *Кулузов В.А.* Так называемое "ленинградское дело" // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3. С. 53–67; Совершенно секретно. 1996. № 12; Россия. 1992. № 26/85. 24–30 июня.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 48. Л. 20–21; *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 637.

- ⁴² Аллилуева С.И. Только один год. М., 1990. С. 315.
- ⁴³ Валентинов Н.В. Наследники Сталина / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. М., 1991. С. 218, 219.
- ⁴⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 155; Источник. 1997. № 5. С. 140, 141.
- ⁴⁵ Правда. 1952. 21 ноября; Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. 1947–1956 гг. М., 1994. С. 169.
- ⁴⁶ Новый мир. 1988. № 4. С. 107.
- ⁴⁷ Неизвестная Россия, XX век. Кн. IV. М., 1993. С. 469.
- ⁴⁸ Комсомольская правда. 1991. 27 июня; Советская Россия. 1988. 16 декабря.
- ⁴⁹ РГАСПИ. Оп. 3. Д. 1089. Л. 85; Оп. 162. Д. 46. Л. 19–21; НИПЦ "Мемориал". Ф. 1. Оп. 2. Д. 3896; Еврейские вести (Киев). 1996. Октябрь. № 111–112; Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 18–22.
- ⁵⁰ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост.: В. Наумов и Ю. Сигачев. М., 1999. С. 17–69; Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 16–19, 40.
- ⁵¹ Там же. С. 58, 59, 69, 70, 111; Наумов В.П. Н.С. Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 26.
- ⁵² Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 116, 117, 254, 255; Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. С. 84; Попов В.П. Указ. соч. С. 28.

Глава шестая

ЖИЗНЬ И БОРЬБА ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

нас нет в природе
содности души милая
оленка воя непадал
духом как можеш
криние своеи натурои
што будеш делат
как пришлое судбои
необидеш танцю
перезживат тебе

В начале XX в. Россия занимала одно из последних мест в мире по относительному количеству заключенных – 60 человек на 100 тыс. населения, средний срок наказания в виде лишения свободы составлял 2 месяца. В начале 1917 г. в местах лишения свободы отбывали наказание за все виды преступлений 87 492 человек, из них 36 337 – на каторге (политических каторжан* насчитывалось около 5 тыс. человек).

Значительные изменения в карательную политику Российского государства внесла Февральская революция. В своем первом приказе от 8 марта 1917 г. новый начальник Главного тюремного управления профессор-правовед А.А. Жижиленко подчеркивал, что главной задачей наказания является перевоспитание человека, "имевшего несчастье впасть в преступление в силу особенностей своего характера или неблагоприятно сложившихся внешних обстоятельств, и что для надлежащего осуществления этой задачи прежде всего необходимо проявлять гуманность к заключенным"¹. Курс Временного правительства на либерализацию и гуманизацию пенитенциарной системы, т.е. системы мест лишения свободы (от латинского слова *poenitentia* – раскаяние), нашел отражение в последующих реформах тюремного дела. В марте 1917 г. была проведена широкая амнистия политических и уголовных заключенных, отменены такие виды наказаний, как ссылка, каторга, ссылка на поселение после отбытия срока каторжных работ. Не имея экономических возможностей организовать труд заключенных и вместе с тем стремясь не допустить праздности в местах лишения свободы, тюремное руководство направило усилия на развитие библиотечного дела, отменив при этом все существовавшие ранее ограничения на чтение книг. Всего на 1 сентября 1917 г. в России функционировали 712 мест заключения, в которых находились 36 468 человек.

Эволюционный путь преобразования российской карательной системы прервала Октябрьская революция, объявившая о сломе старого государственного аппарата, а следовательно, и его составной части – системы мест лишения свободы.

От "школ труда" к "архипелагу ГУЛАГ". Теоретические и практические основы советской репрессивной системы, вошедшей в мировую историю под названием "ГУЛАГ", были заложены в первые годы революции. С лета 1918 г. советская власть стала использовать для изоляции своих активных классовых противников концентрационные лагеря, в которых ранее содержались военнопленные Первой мировой войны. Характерно, что в отличие от традиционных мест заключения, находившихся в ведении Народного комиссариата юстиции (НКЮ), вновь создаваемая лагерная система подчинялась Наркомату внутренних дел (НКВД) и предназначалась, в первую очередь, для содер-

* В русском языке для обозначения политического преступника, отбывавшего каторгу, употреблялось слово "каторжанин", а для уголовного – "каторжник".

жания политических заключенных. Кто и за что в те годы попадал в концлагеря? Ответ на этот вопрос можно найти в директивах советского руководства. Так, например, 9 августа 1918 г. председатель Совнаркома В.И. Ленин потребовал от Пензенского губисполкома "провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов, бело-гвардейцев, сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города"². Строго секретный приказ ВЧК от 2 сентября 1918 г. предписывал: "Арестовать как заложников крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных советской власти офицеров и заключить всю эту публику в концентрационные лагеря, установив самый надежный караул, заставляя этих господ под конвоем работать"³. Декрет СНК от 5 сентября 1918 г., указавший на необходимость изолирования классовых врагов в концентрационных лагерях, придал новым карательным учреждениям официальный статус.

Главным инициатором использования концлагерей в качестве репрессивной меры был председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский, возглавлявший одновременно (с марта 1919 г.) НКВД. Именно он разработал концепцию советской лагерной системы и теоретически обосновал необходимость использования труда заключенных. На одном из заседаний ВЦИК 17 февраля 1919 г. Дзержинский изложил свой взгляд на проблему следующим образом: "Кроме приговоров по суду необходимо оставить административные приговоры, а именно, концентрационный лагерь. Уже и сейчас далеко не используется труд арестованных на общественных работах, и вот я предлагаю оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного принуждения или, если мы возьмем советские учреждения, то здесь должна быть применена мера такого наказания за недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздание и т.д. Этой мерой мы сможем подтянуть даже наших собственных работников. Таким образом, предлагается создать школу труда..."⁴ Как видим, перспективы намечались бескомпромиссные и суровые: за нерадение и опоздание – на учебу в концлагерь. Такая позиция вполне согласовывалась с представлениями идеологов большевизма о необходимости государственного принуждения не только по отношению к побежденным эксплуататорским классам, но и к самому победившему пролетариату. По мнению Н.И. Бухарина, "концентрированное насилие" в переходный период "отчасти обращается и *вовнутрь*, являясь фактором *самоорганизации и принудительной самодисциплины трудящихся*", принуждение выступает необходимым элементом перевоспитания ("общественной переработки") масс. С этим мнением полностью солидаризировался В.И. Ленин⁵.

3 апреля 1919 г. коллегия НКВД приняла за основу предложенный Дзержинским проект постановления ВЦИК "О концентрационных лагерях". В ходе доработки проекта родилось новое название: "лагеря принудительных работ", придававшее политически нейтральному понятию "концентрационный лагерь", еще не имевшему в тот период зловещего звучания, некоторый классовый карательно-воспитательный оттенок. 11 апреля 1919 г. Президиум ВЦИК утвердил проект постановления "О лагерях принудительных работ", а 12 мая

принял "Инструкцию о лагерях принудительных работ". Эти документы, опубликованные в "Известиях ВЦИК" 15 апреля и 17 мая соответственно, положили начало правовому регулированию деятельности концлагерей.

Первоначальная организация и заведование лагерями принудительных работ возлагались на губернские чрезвычайные комиссии. Рекомендовалось устраивать лагеря с учетом местных условий "как в черте города, так и в находящихся вблизи него поместьях, монастырях, усадьбах и т.д."⁶. Перед губчека ставилась задача – открыть во всех губернских городах в указанные сроки лагеря, рассчитанные не менее чем на 300 человек каждый. Общее управление всеми лагерями на территории РСФСР поручалось отделу принудительных работ НКВД, фактическое руководство концлагерями осуществляли чекисты.

Официально существовало пять типов лагерей принудительных работ: лагерь особого назначения, концентрационный лагерь общего типа, производственные лагеря, лагерь для военнопленных и лагерь-распределители. Это разделение на типы мало влияло на характер и условия содержания заключенных и во многом было формальным. В официальном делопроизводстве НКВД, наряду с названием "лагерь принудительных работ", встречались и такие термины, как "концентрационный лагерь принудительных работ", "концентрационный трудовой лагерь" и другие. Иногда разные названия отражали фактическое различие. Например, в одних случаях принудительные работы были обязательны, в других – заключенные (чаще заложники) направлялись на работы по желанию. Однако часто разные термины использовались просто как синонимы. Кроме того, при необходимости (например, при подавлении Тамбовского крестьянского восстания) организовывались временные полевые лагеря⁷.

В годы гражданской войны карательную политику в советском государстве осуществляли три ведомства: НКВД, ВЧК и НКЮ. В сентябре 1921 г. в 117 лагерях НКВД насчитывалось более 60 тыс. заключенных. Около 50 тыс. человек (на конец 1921 г.) содержалось в местах заключения, подведомственных ВЧК. В местах лишения свободы НКЮ находилось более 73 тыс. человек, из них примерно 40–50% в качестве подсудимых.

Наиболее часто для организации лагерей использовались монастыри. Например, Смоленский концентрационный лагерь принудительных работ размещался в Авраамиевском монастыре, основанном при сыне Владимира Мономаха Мстиславе Смоленском в 1128 г. Михаило-Архангельский мужской монастырь (XIII в.) приспособили под Северо-Двинский лагерь. Митрофановский концентрационный лагерь (Воронежская губ.) перенял имя первого Воронежского епископа Митрофана, которого особенно любил и почитал Петр Великий. Один из первых концентрационных лагерей обосновался на территории знаменитого московского Андроникова монастыря, основанного в середине XIV в., на кладбище которого были похоронены участники Куликовской битвы, Северной войны 1700–1721 гг., Отечественной войны 1812 г. Новоспасский мужской монастырь в Москве с усыпальницей бояр Романовых был превращен в концентрационный лагерь уже в сентябре 1918 г.

В ходе подобных "превращений", которые десятками совершались по всей стране, православные монастыри в кратчайшие сроки доводились, по свидетельству современников, "до высшей степени запустения", все имущество их разворовывалось, помещения приходили в полную негодность. В одном из отчетных докладов за 1919 г. комендант Андроньевского концентрационного лагеря И. Богомолов писал: "При вступлении моем в обязанность коменданта лагеря, 20 августа 1919 г., лагерь представлял из себя действительно разоренный монастырь, кроме голых стен и нар ничего более не было, отхожие места были разрушены и загрязнены, не было ни водопровода, ни освещения, ни канализации, ни инструментов"⁸. Между тем в лагере содержалось около 400 человек. Состав лагеря характеризовался так: "Большинство интеллигенции, как-то: инженеры, врачи, сестры, техники всевозможные, офицеры, крупные и мелкие торгаши и др., а также кадетско-черносотенные профессора и буржуазия"⁹. Среди заключенных было много иностранных подданных, содержавшихся в качестве заложников.

В Новоспаском лагере принудительных работ состав заключенных был несколько иным: наряду с артистками и балеринами в лагере содержалось немало лиц рабочих профессий. К осени 1919 г. в нем числилось 269 человек, в основном женщины. Возраст заключенных колебался в пределах 72 и 3 лет. В списках заключенных, в графе "за что осужден", значилось: "за контрреволюцию", "за агитацию против советской власти", "за варку браги", "за проституцию", "за праздношатательство", "подозрение в контрреволюции", "заложницы", "неизвестно"¹⁰. Сроки наказания были самые разные: от одного-трех месяцев до пожизненного заключения, встречались и такие формулировки: "до исправления", "до окончания гражданской войны", "без указания срока".

Крайне тяжелое экономическое положение страны и голод делали жизнь в лагерях невыносимой. В течение короткого времени физически здоровые люди становились нетрудоспособными, многие умирали. Среди заключенных было много военнопленных гражданской войны, в основном крестьян. Об ужасных условиях их содержания говорилось в одной из докладных записок, поступивших весной 1920 г. в президиум ВЧК. "Наблюдая непосредственно за содержащимися в лагере, писал комендант одного из московских концлагерей, – я пришел к мысли, почему эту темную массу, более всего и почти исключительно крестьянскую, никуда не используя, содержат в лагерях, где она ничего не делает, поедает голодный паек, от недоедания болеет и мрет. Люди содержатся полураздетые и полуразутые [...] Я полагаю, что содержать далее этих людей в лагерях не только нецелесообразно, но и преступно. Я обращаю внимание особенно на Кожуховский лагерь [...], где благодаря темноте и невежеству этой массы так много заболеваний и смертности от антисанитарного состояния лагеря, где не ведется ни культурной, ни политической работы, несмотря на наличность политотделов в самом центре, а что делается в провинциальных лагерях? [...] Сидя в лагерях, публика без дела почти оступела, а темная масса, в частности, буквально омертвела от недоедания, отсутствия жиров, сырости, холода, не имея одежды и обуви, появляются отеки ног, лица, открываются раны..." Автор доклада предлагал немедленно

освободить крестьян, "ибо, – с возмущением замечал он, – далее держать их в таком положении было бы преступлением перед Революцией"¹¹.

Инструкция ВЦИК 1919 г. предусматривала, что содержание лагерей будет окупаться трудом заключенных, поэтому в лагеря должны были направляться только лица, годные к физическому труду. Однако на практике все обстояло иначе. Из Иваново-Вознесенского лагеря докладывали: "Заключенные зачастую привлекаются не все на работу, иногда за отсутствием таковой в советских учреждениях, а, главное, более за отсутствием у заключенных теплой одежды, снабдить коей их не представляется возможным за неимением наличности"¹². Из Архангельского губернского лагеря сообщали: "Считаясь со свирепствующими морозами Севера, работа заключенных протекать планомерно не может" по причине того, что "заключенные находятся в полураздетом виде". Аналогичные донесения поступали отовсюду. Поверить в то, что лагеря могут служить не только местом изоляции классовых врагов, но и принести материальную выгоду, было чрезвычайно трудно. Для этого нужно было иметь особую прозорливость, к тому же быть энтузиастом лагерного дела. Один из таких энтузиастов, комендант Северо-Двинского губернского лагеря принудительных работ, писал в своем отчете в январе 1920 г.: "Могу в данный момент смело сказать, что Лагерь в будущем принесет для Государства большую услугу и пользу, а в особенности при полном его количестве людей, снабжении последних питанием и обмундированием"¹³. Вопрос о правомерности содержания в заключении безвинных людей его не интересовал.

Энтузиазм и энергию чекистов в деле создания и укрепления концентрационных лагерей, в частности Соловецкого лагеря особого назначения, всячески поддерживал Ф.Э. Дзержинский, последовательно выступавший за сохранение и расширение системы лагерей принудительного труда. Намечая круг первоочередных задач ОГПУ, Дзержинский писал в 1923 г. своему заместителю И.С. Уншлихту: "Необходимо будет далее заняться действительно организацией принудительного труда (каторжных работ) – лагеря с колонизацией незаселенных мест и с железной дисциплиной. Мест и пространства у нас достаточно"¹⁴. Разрабатывая в 1924 г. принципы советской карательной политики, Дзержинский доказывал: "Наказание не имеет в виду воспитание преступника [...] Республика не может быть жалостлива к преступникам и не может на них тратить больших средств – они должны покрывать своим трудом расходы на них, ими должны заселяться пустынные, бездорожные местности – на Печоре, в Обдорске* и пр."¹⁵.

В 1920-е гг. реализовать планы "железного Феликса" было достаточно сложно. Экономические и политические проблемы (массовая безработица и отсутствие крупных промышленных проектов, острая внутрипартийная борьба и перманентные дискуссии о путях построения социализма) не позволяли руководству страны организовать труд заключенных в общегосударственном масштабе, ограничивали сферы применения репрессий.

* Так назывался до 1933 г. город Салехард, расположенный за Полярным кругом.

Очередной хозяйственный кризис последней трети 1920-х гг. привел к резкому обострению социально-экономической ситуации. В поисках выхода из кризиса коммунистическая партия начала активно формировать в общественном сознании многоликий образ врага – "вредителя", "кулака", "саботажника". Выдвинутый Сталиным кровавый тезис "об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму" служил идеологическим обоснованием репрессий против "врагов Советской власти" и, по сути, стимулировал их. Существовавший в годы нэпа относительно либеральный политический режим быстро трансформировался в тоталитаризм, важнейшим атрибутом которого на протяжении всех лет его существования были концентрационные лагеря.

С начала 1930-х гг. труд заключенных стал одним из важных факторов развития советской экономики. 11 июля 1929 г. на основе решений Политбюро ЦК ВКП(б) Совнарком СССР принял специальное постановление, не подлежавшее опубликованию, об использовании труда заключенных. Правительство поручало ОГПУ расширить существующие лагеря и организовать новые в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и в других труднодоступных районах Советского Союза "в целях колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы"¹⁶. По мнению ОГПУ, "новые лагеря под руководством чекистов так же, как и Соловецкие, должны сыграть преобразовательную роль в хозяйстве и культуре далеких окраин"¹⁷.

В 1929–1931 гг. на территории СССР сформировалась сеть концентрационных лагерей, официально переименованных в 1929 г. по постановлению Политбюро в исправительно-трудовые лагеря*. В новые места заключения направлялись лица, приговоренные судом к лишению свободы на срок не ниже трех лет, а также лица, осужденные во внесудебном порядке постановлением коллегии или Особого совещания ОГПУ. Лагеря находились в ведении ОГПУ, в составе которого в 1930 г. было создано Главное управление исправительно-трудовых лагерей. Впоследствии это лагерное ведомство неоднократно реорганизовывалось и переименовывалось, но всегда сохраняло свою первоначальную аббревиатуру – ГУЛАГ. Эти пять букв стали зловещим символом беззакония, каторжного труда и человеческого бесправия, символом жизни на грани смерти. На 1 января 1934 г. в непосредственном ведении ГУЛАГа находилось 14 лагерей, в которых отбывали наказание 510 309 человек. Важнейшее место в лагерной структуре занимали лагеря-гиганты: почти половина заключенных (221 039 человек) была сосредоточена в трех крупнейших лагерях (Дмитровском ИТЛ, Беломоро-Балтийском ИТЛ, Байкало-Амурском ИТЛ). Параллельно существовали и относительно небольшие лагеря с числом заключенных до пяти тысяч¹⁸.

* Несмотря на переименование, термин "концентрационный лагерь" употреблялся в официальных нормативных актах еще довольно продолжительное время. Например, закон от 22 августа 1932 г. "О борьбе со спекуляцией" предусматривал в качестве наказания "заключение в концентрационный лагерь сроком от пяти до десяти лет без права применения амнистии".

Многие лагеря уже в момент организации имели четко выраженную отраслевую направленность – лесозаготовительные, сельскохозяйственные, угледобывающие, горно-металлургические, строительные и т.д. Это были, по сути, огромные резервуары мобильной и практически бесплатной рабочей силы. Бесплатность принудительного труда создавала иллюзию его дешевизны. Возможность избежать материальных затрат на оплату труда рабочих была очень привлекательна для экстенсивной советской экономики, основанной на директивных методах управления, уравнительности и внеэкономическом принуждении.

Первенцем лагерной экономики по праву считается Беломорско-Балтийский канал, строительство которого велось силами заключенных с 1931 по 1933 г. Эта лагерная стройка, как и все последующие, началась без технического проекта, когда еще не были завершены топографические и геологические работы. Строительство развернулось в осенний период в условиях полного отсутствия жилья, дорог, механизмов, автотранспорта, а также достаточного количества продовольствия. Условия труда оставались крайне тяжелыми в течение всего периода работ, что приводило к массовой гибели людей от болезней и истощения. Страшную память оставила о себе эта смертоносная стройка. В автобиографической повести "Полжизни" бывшего заключенного Белбалтлага Д.П. Витковского есть немало страниц, посвященных строительству канала, на одной из них читаем: "Пришла зима, суровая, вьюжная, морозная. Земля, лишенная толстого мохового покрова, сразу промерзла и превратилась в схватившуюся, как бетон, смесь супеси, гальки и валунов. Хоть бей ломом, хоть грызи зубами, больше сотки в день не выгрызешь. А норма – 2 кубометра в день. И к тому же дует пронизывающий морозный ветер, а обутики прохудились, и ноги кажут наружу пальцы. И бушлатики жидковаты. И в ослабевающих мускулах совсем нет никакого греющего запаса... А там на трассе холод и пронизывающий ветер сразу уносят остаток сил. И все равно ничего не сделаешь, незачем зря рыпаться. Так хорошо сесть в глубине котлована, в затишке, прислонившись к забою, или лучше спиной друг к другу, или полуспрятавшись под опрокинутой тачкой.

А ночью, во тьме, когда все уже уйдут, и не останется больше живых на трассе, приедут широкие сани, запряженные лошадьми, и увезут навалом всех, кто не смог уйти...

Сколько их было на всем канале? Десять тысяч? Двадцать? Сорок? Кто-нибудь знает"¹⁹.

Официальные документы свидетельствуют, что многие лагерники умерли, проработав на канале всего два-три месяца. Подобная "организация производства" стала в лагерной экономике традицией, не меняясь в течение десятилетий.

В годы первых пятилеток партийная пропаганда всеми доступными средствами насаждала в лагерной среде "пафос созидания". Для заключенных придумывались всевозможные "почины", "трудовые вахты", "салюты", насаждалось ударничество, стахановское движение и трудовое соревнование, которое, если верить отчетам лагерного начальства, охватывало едва ли не 95% заключенных.

О "головкружительных успехах" хозяйственной деятельности ОГПУ – НКВД регулярно докладывали Сталину. Основным докладчи-

ком по этим вопросам в первой половине 1930-х гг. был заместитель председателя ОГПУ, а с июля 1934 г. нарком внутренних дел Г.Г. Ягода, под руководством которого осуществлялось строительство ряда крупных промышленных объектов. Современники отмечали незаурядные организаторские способности Ягоды, но основой достижений в области строительства было, несомненно, то обстоятельство, что с начала 1930-х гг. ОГПУ располагало самыми, пожалуй, сильными кадрами инженерно-технических работников (из числа заключенных, разумеется). Бывший сотрудник экономического управления ОГПУ М.П. Шрейдер вспоминал по этому поводу: "В среде чекистов из уст в уста передавался такой эпизод. Как-то на заседании ЦК Сталин упрекнул Орджоникидзе в том, что у него плохо идут дела на некоторых важных стройках, поставив в пример положение на стройках, осуществлявшихся силами заключенных. «Пусть Ягода отдаст мне тех замечательных инженеров, которые руководят строительством объектов, подведомственных ОГПУ, – сказал якобы Сергей, – тогда мои стройки будут не хуже, а лучше, чем у него»"²⁰.

В предвоенный период в СССР сформировался ряд крупнейших лагерно-производственных комплексов, на откуп которым были отданы огромные территории малоосвоенных районов. На Колыме и Чукотке хозяйничал Дальневосточный комбинат НКВД ("Дальстрой"), на Печоре и Ухте – Ухтинский комбинат НКВД, в Карелии – Беломорско-Балтийский комбинат НКВД и т.д.

В 1940 г. лагерная экономика охватывала 20 отраслей народного хозяйства. Наиболее крупными из них по удельному весу выпускаемой продукции были горно-металлургическая, лесная и топливная отрасли промышленности. Важнейшим направлением хозяйственной деятельности ГУЛАГа было также капитальное строительство. Принудительный труд использовался на строительстве практически всех крупнейших сооружений сталинской эпохи. Силами заключенных строились не только каналы, дороги и плотины, но и целые города – Норильск, Магадан, Джезказган, Салехард, Находка, Братск, Воркута и десятки других.

Интенсивная хозяйственная деятельность советской лагерной системы, образно названной А.И. Солженицыным "Архипелаг ГУЛАГ", способна породить принципиально неверные представления о смысле и сущности принудительного труда. В работах отдельных авторов, как в советское время, так и в наши дни, уже не раз делались попытки, иногда завуалированные, а подчас и явные, восхваления лагерного труда, признания его полезности и общественной целесообразности. Против любых попыток героизации принудительного труда категорически возражал замечательный русский писатель В.Т. Шаламов. Он считал вопрос об отношении к принудительному труду главным вопросом, который должен быть "делом чести и совести" для всякого пишущего о ГУЛАГе. "Можно ли славить физический труд из-под палки – палки вполне реальной, палки отнюдь не в переносном смысле как некий род тонкого духовного принуждения. Можно ли говорить о прелестях принудительного труда? И не есть ли восхваление такого труда худшее унижение человека, худший вид духовного растрепывания? Лагерь может воспитать только отвращение к труду. Так и происходит в действительности. Никогда и нигде лагерь труду не учил. В лагерях нет ничего хуже, оскорбительнее смертельно-тяжелой физической

подневольной работы. Нет ничего циничнее надписи, которая висит на фронтонах всех лагерных зон: «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства»²¹, – таково мнение писателя, прошедшего все круги лагерного ада.

К началу войны число заключенных в советских лагерях и колониях, по официальным данным, составляло 2,3 млн человек. Война внесла значительные изменения в состав заключенных. Известно, что в годы войны осужденных за контрреволюционные преступления практически не освобождали. На фронт их также не отправляли, несмотря на многочисленные просьбы. По этой причине доля политзаключенных увеличилась с 27% в 1941 г. до 43% в 1944 г. Стало значительно больше заключенных женщин: в 1941 г. их было 7% от общей численности, к лету 1944 г. – 26%. На 1 июля 1944 г. в составе ГУЛАГа насчитывалось 56 лагерей, подчиненных непосредственно Центру, и 69 региональных управлений и отделов исправительно-трудовых лагерей и колоний. Эти лагерные комплексы включали в себя 910 отдельных лагерных подразделений и 424 колонии²².

Победоносное завершение войны не принесло советским политическим заключенным ни освобождения, ни облегчения их участи. Более того, уже в первые послевоенные годы наметилось явное ужесточение карательной политики. С 1946 по 1948 г. в стране были изданы десятки указов, постановлений, инструкций и приказов, как тайных, так и гласных, которые грубо нарушали Конституцию и права человека. Стремясь в корне пресечь всякое тяготение советских людей к сближению с западным миром, правительство издало 15 февраля 1947 г. указ о запрещении браков между гражданами СССР и иностранцами. Это грубое, бесцеремонное вмешательство государства в личную жизнь своих граждан не только разбивало мечты и судьбы, но давало дополнительную работу следственным органам. Лиц, уличенных в дружеских связях с иностранцами, как правило, привлекали к уголовной ответственности по статьям 7 и 35 УК РСФСР (социально-опасный элемент) и на основании постановления Особого совещания при МГБ СССР отправляли в лагеря на пять лет. "За связь с иностранцами" в ГУЛАГ попала немалая часть советских граждан, особенно молодежи.

Однако это, по словам Солженицына, был всего лишь "маленький поток". Иное дело указ от 4 июня 1947 г., после которого "целые дивизии сельских и городских жителей были отправлены возделывать острова ГУЛАГа вместо вымерших там туземцев"²³. Имеется в виду знаменитый Указ "Об уголовной ответственности за хищение государственного имущества", перекрывавший все существовавшие ранее аналогичные законы и указы по длительности установленных сроков наказания. Реализация данного указа на практике привела к тому, что "колхозник, укравший мешок картошки", стал, по признанию лагерных служащих, едва ли не главной фигурой ГУЛАГа.

В своей карательной практике советское правосудие игнорировало такое общеизвестное понятие, как "крайняя необходимость". Между тем даже Петр Великий, чьи уголовные законы отличались необычайной суровостью, говорил в Артикуле воинском, что "наказание воровства обыкновенно умалется, или весьма отставляется, ежели кто из крайней голодной нужды съестное или питейное, или иное что невеликой цены украдет"²⁴. Советское же законодательство это поня-

тие отвергало, и даже самые ничтожные кражи карались очень жестоко. Вот всего лишь несколько характерных примеров, взятых из судебной практики военных трибуналов за 1947 г. Военный трибунал Нижне-Волжского бассейна за хищение 1 кг пшеницы (во время перегрузки зерна из вагона в баржу) осудил к 7 годам заключения в ИТЛ грузчицу Сталинградской пристани Воробьеву, которая после зачистки вагонов набрала себе в карман 1 кг "смета" зерна. Военный трибунал Каспийского бассейна осудил гражданина Литвиненко к 7 годам заключения в ИТЛ за хищение им 300 граммов негодной к употреблению (возможно, облитой нефтью) пшеницы. Военный трибунал Черноморского бассейна осудил к 7 годам лагерей мастера Одесского порта Лайкевича за хищение 200 граммов листового табака. Этот табак был собран осужденным на мостовой²⁵. Случалось, что такие приговоры отменялись вышестоящими судебными инстанциями, однако в большинстве случаев приговоры подтверждались как "обоснованные". Если же отдельные судьи смягчали наказание, ссылаясь на "тяжелое материальное положение подсудимых", то такие действия осуждались как "политически вредные". В современной литературе дискутируется вопрос, можно ли таких осужденных причислять к политическим заключенным или их следует относить к категории уголовных преступников. На наш взгляд, так называемые "указники" – это в большинстве случаев обычные люди, ставшие жертвой карательной политики советского государства, которое сначала лишило их, различными способами, средств к существованию, а затем, злоупотребляя властью, подвергло несоразмерному наказанию за действия, зачастую продиктованные инстинктом самосохранения. Поэтому вряд ли правомерно включать этих лиц в категорию уголовных преступников. Скорее, их надо рассматривать как жертв политического произвола.

Послевоенные репрессии затронули все слои населения и социальные группы. Только в течение 1947–1948 гг. в лагеря и колонии ГУЛАГа поступили 2 569 283 вновь осужденных, для их размещения было дополнительно организовано 42 лагеря.

Послевоенная политика "наведения порядка" нашла свое логическое продолжение в реорганизации репрессивной системы. 21 января 1948 г. на рассмотрение Сталину поступил документ, оказавший значительное влияние на судьбы сотен тысяч заключенных. "В соответствии с Вашим указанием, – докладывали генералиссимусу министр МГБ В.С. Абакумов и министр МВД С.Н. Круглов, – представляем проект решения ЦК ВКП(б) об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в отдаленные местности СССР. Просим Вашего решения"²⁶.

Документ предписывал организовать в шестимесячный срок особые лагеря, установить в них особо строгий режим, запретить все льготы, трудоспособных заключенных использовать только на тяжелых физических работах. К лету 1951 г. было организовано 10 особых лагерей, на 1 июля в них содержалось 236 523 "особо опасных государственных преступника"²⁷. По сути, все политзаключенные находились в этих лагерях на положении каторжан. Обследовавшая в 1955 г. один из особых лагерей (Степной лагерь) комиссия Президиума

Верховного Совета СССР официально докладывала о своих наблюдениях: "До 1954 г. при так называемом каторжном режиме условия жизни в лагере были невыносимо тяжелыми, унижающими человеческое достоинство. Заключенные на одежде носили крупные номера, на ночь запирались в переполненные бараки, за невыполнение норм лишались пищи"²⁸.

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. советская система концлагерей достигла своего апогея. Это проявлялось не только в значительном росте числа заключенных, но и в той экономической роли, какую играл ГУЛАГ в послевоенные годы. Потребности послевоенного развития советской экономики и, в частности, реализация задач, связанных с наращиванием военно-промышленного потенциала, обусловили появление в структуре МВД новых производственных управлений, научно-исследовательских институтов и даже целых отраслей производства. В ведение МВД были переданы, например, слюдяная, апатитовая и асбестовая отрасли промышленности, непосредственно связанные с развитием оборонного комплекса. Использование принудительного труда в наиболее вредных отраслях производства, к числу которых, бесспорно, относились переданные отрасли, позволяло государству избегать больших материальных затрат на охрану труда и социальное страхование рабочих. Сохранение "трудфонда" считалось важной, но далеко не главной задачей лагерных служащих.

В 1949 г. МВД выпустило промышленной продукции почти на 20 млрд руб. На его долю приходилось 100% добычи платины, слюды, алмазов, более 90% золота, свыше 70% олова, 40% меди, свыше 35% сажи, 33% никеля, 13% леса. Валовая продукция промышленности МВД СССР в 1949 г. составляла более 10% общего выпуска продукции в стране²⁹.

Главным атрибутом лагерной экономики на протяжении всех лет ее существования оставался ручной труд. В 1948 г. на одной из партийных конференций МВД представитель лагерей лесной промышленности докладывал о работе своего управления: "Все процессы не механизированы, никаких механизмов до сего времени не получали и не получаем, а полученные 100 электропил в течение более года не можем ввести в эксплуатацию из-за отсутствия передвижных электростанций". Далее следовала традиционная просьба помочь, "потому что растущую программу мускульной силой и лошадей мы не возьмем"³⁰.

Хорошо, если была лошадь и мускульная сила, часто на лесоповале не было ни того, ни другого. Вот как протекал процесс лесозаготовительных работ на Колыме, в частности в женском лагере с игривым названием "Вакханка". "На «Вакханке» участки лесоповала отстояли от лагерного пункта на расстоянии от 5 до 10 км, – свидетельствовала бывшая смертница-каторжанка Е.Л. Владимирова. – 10–20 км пути зимой было очень тяжелым добавлением к работе. Работа включала трелевку на себе, то есть по две женщины впрягались в сани, перекладина через грудь, и везли баланы (бревна с корой. – Ред.) на расстояние до нескольких километров за один рейс. Так, например, слабосильная бригада пятичасовиков, организованная ввиду большой людской истощенности, возила лес по одному

рейсу в день на расстояние 5 км, всего делая, считая конец с пустыми санями, 10 км. У рабочих бригад норма, конечно, была выше. Не выполняющие норму бригады время от времени в зимние лунные ночи оставались в лесу до 12 часов ночи..."³¹ Случалось, что лагерные "вахханки" умирали от разрыва диафрагмы. Такие смерти фиксировались как производственный травматизм вследствие нарушения техники безопасности. Они не портили лагерных показателей, так как шли по другой графе учета.

Спасти от непосильного труда (навсегда или хотя бы на время) некоторые заключенные пытались с помощью членовредительства, которое каралось по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 15 июня 1939 г. "О лагерях НКВД СССР" как контрреволюционный саботаж (ст. 58-14 УК РСФСР). Карательная практика лагерных судов по этим делам была весьма суровой. Например, в 1949 г. лагерный суд Ухто-Ижемского ИТЛ осудил заключенную Самойленко по ст. 58-14 к 25 годам заключения в ИТЛ за то, "что с целью членовредительства и уклонения от работы в лагере она ввела себе под кожу правого бедра керосин, чем вызвала флегмону, и была освобождена от работы в течение 14 дней"³².

Ежегодно лагерные суды привлекали к уголовной ответственности за членовредительство более полутысячи человек. Иногда в лагерях наблюдались настоящие "эпидемии" членовредительства. Зимой 1946–1947 г. в лагерный суд Вятского ИТЛ поступило только из одного Вятлага 41 дело о членовредительстве, главным образом фигурировал саморуб пальцев рук. Лагерный суд, изучивший причины столь резкого увеличения данного вида "преступности", выяснил, что критическая ситуация объяснялась, в частности, "плохим, нечутким отношением к людям со стороны администрации лагерных подразделений, избиением заключенных со стороны бригадиров и других работников"³³.

После войны на стройки и предприятия МВД завозилось значительное количество современного оборудования, но заключенные в силу специфики подконвойного труда, как и 10–20 лет назад, работали киркой, ломом, лопатой, тачкой. В целом, лагерная экономика носила убыточный характер. Уровень производительности труда на предприятиях и стройках МВД был в среднем на 50% ниже, чем в отраслях, где применялся вольнонаемный труд. Себестоимость лагерной продукции значительно превышала себестоимость аналогичной продукции, выпускаемой местными предприятиями. При этом качество изготавливаемой заключенными продукции неизменно оставалось очень низким. Подконвойный труд, несмотря на его бесплатность, дорого обходился государству. Содержание лагерей и колоний не окупалось доходами от эксплуатации заключенных, поэтому ГУЛАГ ежегодно получал большие суммы дотаций из государственного бюджета.

Лагерная экономика носила хищнический, расточительный характер. Практически все хозяйственные проекты, которые осуществляло МВД, финансировались по фактическим затратам, зачастую исполнители не имели ни сметы, ни технического обоснования проекта. Был лишь высочайше утвержденный план, который требовалось

выполнить любой ценой. В такой ситуации широкое распространение получили массовые приписки с целью показать выполнение плана, чтобы потом получить причитающуюся премию. Искажение отчетности практиковалось на всех стадиях производственного процесса, что, естественно, вело к удорожанию конечного продукта.

Экономическая экспансия МВД разоряла страну и развращала производителей. ГУЛАГ с размахом истреблял человеческие ресурсы, нещадно губил природу. Начало экологического неблагополучия в СССР связано с хозяйственной деятельностью ГУЛАГа. Не стоит упускать из виду и тот факт, что вся деятельность ГУЛАГа протекала в обстановке строгой секретности. Очень часто данное обстоятельство помогало заинтересованным лицам прикрывать воровство, бесхозяйственность, расточительность.

С начала 1950-х гг. явственно обозначился кризис лагерной экономики. МВД катастрофически не справлялось с растущим объемом работ. "Великие стройки коммунизма", на которых главной производительной силой были заключенные, требовали для их осуществления огромного труда, причем труда добросовестного, квалифицированного, чего не могли дать подконвойные кадры. "Величайшие стройки народного процветания", как их величали в газетах, сдавались в эксплуатацию с огромными недоделками значительно позже намеченных сроков. Неудивительно, что сразу после смерти Сталина началась коренная реорганизация всей лагерно-производственной системы.

Анализируя экономические уродства социалистической системы хозяйства, академик А.Д. Сахаров писал: "В сталинское время рабский труд миллионов заключенных, погибавших в чудовищной системе ГУЛАГа, играл существенную экономическую роль, в особенности в освоении плохо обжитых районов Востока и Севера. Конечно, эта система была не только безмерно бесчеловечной и преступной, но и неэффективной, это была часть экстенсивной расточительной экономики того времени, не говоря уж об отдаленных последствиях варварского уничтожения человеческого потенциала страны"³⁴.

Сразу после смерти Сталина его преемники предприняли первые, весьма непоследовательные попытки ввести карательную политику в русло законности. 27 марта 1953 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии, по которому из лагерей и колоний освободили 1 201 601 заключенного, но осужденные по политическим мотивам составляли среди них совсем незначительную часть. 28 марта Совет Министров СССР постановил вывести ГУЛАГ из состава МВД и передать в Министерство юстиции. За Министерством юстиции ГУЛАГ числился до 21 января 1954 г., затем его вновь включили в состав Министерства внутренних дел.

Реорганизация лагерной системы проходила под давлением двух обстоятельств. С одной стороны, многочисленные массовые протесты заключенных, прежде всего в особых лагерях, заставляли руководство ГУЛАГа идти на смягчение режима, убирать из состава лагерной администрации наиболее жестоких, одиозных работников; с другой стороны, очевидная неэффективность принудительного труда, резкое ухудшение экономических показателей ГУЛАГа вынуждали начальство принимать меры по улучшению условий труда и содержания заключенных.

В течение 1954–1955 гг. шло постепенное выборочное освобождение заключенных, осужденных по политическим мотивам. После XX съезда КПСС этот процесс получил идеологическое обоснование и стал протекать более интенсивно. Маховик политических репрессий резко, хотя и не сразу, сбавил свои обороты. Обобщая судебную практику за 1956 г., заместитель прокурора России с полным основанием отмечал, что "контрреволюционные преступления в РСФСР не носят распространенного характера". Однако в следующем году ситуация резко изменилась. Если в первой половине 1956 г. за контрреволюционные преступления было осуждено 136 человек, то за тот же период 1957 г. срок по 58-й статье получили уже 934 человека. Всего в 1957 г. по контрреволюционным статьям было осуждено 2948 человек, из них 1796 по статье 58-10 (антисоветская агитация и пропаганда)³⁵. Этот всплеск политических репрессий, спровоцированный декабрьским (1956) письмом ЦК КПСС "Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов", был своеобразной реакцией советской карательной системы на венгерские события осени 1956 г. Резкое увеличение количества дел об антисоветской агитации Верховный Суд СССР объяснял, в частности, следующим образом: "...произошло уменьшение числа случаев квалификации циничных высказываний лиц, находившихся в нетрезвом состоянии, главным образом по адресу отдельных государственных и общественных деятелей как проявление злостного хулиганства и, наоборот, увеличилось число случаев квалификации таких деяний как антисоветская агитация"³⁶. В последующие годы статья 58-10 (а с принятием нового Уголовного кодекса – статья 70) об антисоветской агитации и пропаганде стала главным инструментом репрессивных органов в борьбе с инакомыслием и "политической неблагонадежностью".

Реорганизация системы мест лишения свободы не привела к коренному изменению условий содержания заключенных. Некоторая либерализация режима, отмечавшаяся в середине 1950-х гг., вновь сменилась ужесточением карательной практики. По свидетельству одного из бывших заключенных Вятского лагеря (учителя по профессии), "уже к 58-му стало чувствоваться, что начали наступать «холода». Запретили ношение часов, приказали стричься наголо, затем запретили вольную одежду в зонах [...]. Самым страшным ударом была для заключенных отмена зачетов в конце 59-го. Вот тебе и оттепель. Не так грустна была отмена их, как то, что пропали все ранее заработанные зачеты. Ведь по ним освобождались люди – и вдруг все в тарары"³⁷. Отпускать заключенных досрочно стало экономически невыгодно. Их количество в результате многочисленных амнистий уменьшилось до "критического предела" (разумеется, по понятиям репрессивных ведомств). На 1 января 1960 г. в исправительно-трудовых колониях и лагерях содержалось 582 717 человек, из них за особо опасные государственные преступления было осуждено 9596 человек (1,6%)³⁸. Под угрозой оказалось лагерное производство, продолжавшее по-прежнему оставаться важным звеном в советской экономике.

Жизнь политзаключенных за колючей проволокой, как и прежде, была полна страданий и лишений. О шести годах (с 1960 по 1966 г.),

проведенных во Владимирской тюрьме и в Мордовских лагерях для политзаключенных, узник совести А.Т. Марченко писал так: "Одно дало мне силы жить в этом кошмаре – надежда, что я выйду и расскажу всем о том, что сам видел и пережил. Я дал себе слово ради этой цели вынести и вытерпеть все [...]. Сегодняшние советские лагеря для политзаключенных так же ужасны, как сталинские. Кое в чем лучше. А кое в чем хуже"³⁹. Эту же мысль повторила бывшая политзаключенная Е.Н. Санникова, выступая в ноябре 1992 г. на международной конференции "Тюремная реформа в странах бывшего тоталитаризма": "В лагере меня поразило не то, что я там увидела, а то, что увиденное было тем же самым, о чем я уже знала по воспоминаниям политзаключенных 30-х и 40-х годов. Эта система не меняется, а если и меняется, то в худшую сторону"⁴⁰.

Борьба за улучшение положения политических заключенных, и не только политических, а всех советских заключенных вообще, стала одним из важнейших направлений деятельности советских правозащитников. Особое внимание этому вопросу уделял А.Д. Сахаров. В его Нобелевской лекции (1975), в частности, говорилось: "Сотни и тысячи узников совести страдают от тяжелого многолетнего голода, от почти полного отсутствия в пище белков и витаминов, от отсутствия лекарств (витамины и лекарства запрещено пересылать в места заключения), от непосильной работы, дрожат от холода, сырости и истощения в полутемных карцерах, вынуждены вести непрестанную борьбу за свое человеческое достоинство, за убеждения против машины «перевоспитания», а фактически слома их души. Особенности системы мест заключения тщательно скрываются, десятки людей страдают за ее разоблачение – это лучшее доказательство реальности обвинений в ее адрес. Наше чувство человеческого достоинства требует немедленного изменения этой системы для всех заключенных, как бы они ни были виновны. Но что сказать о муках невинных?"⁴¹

В годы так называемой "перестройки" узники совести, не умершие в заключении, как Ю.Т. Галансков и А.Т. Марченко, не выдворенные насильно за пределы СССР, как В.К. Буковский и А.И. Гинзбург, получили наконец несправедливо отнятую у них свободу. Но изменилось ли положение заключенных в российских местах лишения свободы? К сожалению, кардинальных перемен не произошло. Несмотря на принятие в 1990-х гг. ряда законодательных актов, полностью реформирующих российскую пенитенциарную систему, ситуация в местах лишения свободы и сегодня оценивается правозащитниками как критическая и даже катастрофическая. Россия занимает первое место в мире по относительному количеству заключенных – более 700 человек на 100 тыс. жителей (население 147 млн). Ни в одной европейской стране относительное количество заключенных в настоящее время не превышает 100 человек на 100 тыс. населения. Более одного миллиона человек в нашей стране встретили третье тысячелетие за колючей проволокой. Средний срок наказания в виде лишения свободы составляет сейчас около 5 лет. Хорошо известно, что судить о степени цивилизованности, гуманности и демократичности общества можно, в частности, по его отношению к

осужденным. Если основываться на таком подходе, то следует признать, что Россия еще очень далека от принятых в мировом сообществе норм. Все более очевидной становится простая истина: чтобы привести условия содержания заключенных в соответствие с международными нормами и стандартами, не достаточно принять новые законы, нужно изменить само общество, еще не до конца раскаявшееся в содеянном преступлении, имя которому – ГУЛАГ.

Борьба с произволом и насилием. На протяжении десятилетий тема сопротивления в ГУЛАГе, как, впрочем, и все другие темы, связанные с лагерной проблематикой, оставалась белым пятном в нашей истории. Одна из важнейших заслуг в ликвидации этого пятна принадлежит московскому историко-литературному обществу "Возвращение", которое сумело не только разыскать оставшихся в живых участников забастовок, голодовок, восстаний, но и провести ряд международных конференций с их участием. Книги, брошюры, объемистые номера журнала "Воля", выпущенные "Возвращением", содержат сотни документов, писем и воспоминаний бывших узников ГУЛАГа – участников лагерного сопротивления. Опубликованные материалы полностью подтверждают слова председателя этого общества С.С. Виленского: "Архипелаг ГУЛАГ – это страдания, гибель, растление людей и вместе с тем – торжество духа, мужество и товарищество"⁴².

Опыт борьбы с государственной карательной системой российские политические заключенные приобрели задолго до появления ГУЛАГа. Еще в XIX в. они научились создавать в условиях тюрьмы, каторги и ссылки собственные организации и отстаивать свои права и человеческое достоинство, не останавливаясь ни перед чем. Диапазон способов выражения недовольства и протестов у политических заключенных был чрезвычайно широк – от убийства карателей до самоубийства. Не жалея ни здоровья (весьма распространенной формой протеста были голодовки), ни собственной жизни, они отстаивали свое человеческое достоинство, свой особый статус политзаключенных. Результаты их противостояния режиму были немалыми. Успех определялся прежде всего целеустремленностью и организованностью политзаключенных, в их тюремной среде практически не было ни предателей, ни доносчиков, а в психологии не было ни рабской покорности, ни волчьей ненависти, ни сакраментального "умри ты сегодня, а я завтра", зато были чувства собственного достоинства и единения с товарищами.

В первые годы советской власти статус "политических заключенных" еще сохранялся за репрессированными анархистами, эсерами и социал-демократами, то есть за теми группами профессиональных революционеров, которые вместе с большевиками боролись против царизма. Однако с первых же дней своего господства большевики категорически отказались признать "политическими" всех тех, кто был арестован и осужден за выступления против установившегося политического режима – участников оппозиционных рабочих движений и организаций; крестьян, участвовавших в антибольшевистских восстаниях; рабочих-стачечников; верующих, защищавших устои православия,

и многих других. Эти группы заключенных находились в тюрьмах и концентрационных лагерях вместе с ворами и бандитами на общеуголовном режиме. Их положение было несравненно тяжелее, чем положение политзаключенных, а возможности для сопротивления ничтожно малы.

В начале 1920-х гг. местом концентрации политических противников большевистского режима стал Европейский Север России. Сначала анархистов и социалистов содержали в Пертоминском монастыре и в Холмогорах, но мест не хватало, кроме того, там свирепствовала малярия. Удовлетворяя требование политзаключенных закрыть эти гибельные для здоровья места заключения, советская власть начала летом 1923 г. свозить репрессированных "политиков", как их тогда называли, на Соловецкие острова. Здесь, по словам бывшего сотрудника ВЧК – ОГПУ А. Рощина, "политические заключенные пользовались абсолютной свободой"; под свободой он понимал то, что "они находились в изолированном, околоченном колючей проволокой лагере, в 2-этажном доме. У них было самоуправление. Мы не вмешивались к ним. Только наружное наблюдение было с постов. Они постовых на вышках часто обижали, подходили к этим вышкам и ругали их"⁴³. Да, по сравнению с тем, в каких условиях находились другие заключенные, измученные принудительным трудом и отданные во власть уголовников, это была действительно свобода, и когда власти попытались ее ограничить, политзаключенные без колебаний начали сопротивление.

Пришедшее из Москвы распоряжение предписывало сократить время пребывания заключенных на улице в вечерние часы. Поскольку никаких оснований для такого ограничения не было, социалисты решили его игнорировать. Столкновение с администрацией, не видевшей смысла в сохранении особого статуса политзаключенных и давно искавшей повода расправиться с ними, было неизбежно. В то время начальником Соловецкого лагеря был А.П. Ногтев, который пользовался вполне заслуженной репутацией "палача, способного на самые жестокие и кровавые действия". Именно такие действия и предприняла администрация 19 декабря 1923 г. Бывшие чекисты, попавшие на Соловки за уголовные преступления, охотно выступили в роли убийц и хладнокровно расстреляли сплоченные группы мужчин и женщин, отказавшихся зайти в помещение и продолжавших гулять по дорожкам парка при свете электрических фонарей.

Двое суток долбили политзаключенные могилы для своих убитых товарищей, которых начальство милостиво разрешило похоронить вне колючей проволоки, но "без речей". Смерть шести социалистов временно сняла вопрос об ограничении политзаключенных в праве на вечерние прогулки. Однако тюремщики не оставили попыток уравнивать в правах уголовных и политических заключенных, в частности, они стали требовать, чтобы принудительный труд был обязательен и для "политиков". И снова противостояние. Политзаключенные потребовали либо перевести их на материк, либо сохранить существующий режим. Московское начальство ответило отказом. Тогда три фракции (левые эсеры, правые эсеры и анархисты) объявили голодовку. На 13-й день, когда многие ослабели, группа эсеров пришла к старосте с заявлени-

ем: "Голодовку не прекращать ни в коем случае, но, считая невозможным ставить под удар слабейших товарищей, в подтверждение требований заключенных, начиная с 15-го дня голодовки один из группы вскрывает вены и кончает с собой. Остальные продолжают голодать"⁴⁴. На 15-й день староста социал-демократов заявил заместителю начальника лагеря Ф.И. Эйхмансу, что после первой жертвы их фракция в полном составе также присоединится к голодовке. Только тогда администрация согласилась на переговоры, в ходе которых было выработано соглашение, предусматривавшее сохранение льготного режима.

Что заставляло большевиков проявлять снисхождение к своим поверженным политическим противникам? По мнению самих заключенных, большевики боялись, "как бы не было шума за границей среди иностранной социал-демократии". А "шум" действительно был. Слухи о Соловецком расстреле и последующих событиях дошли до мировой общественности и вызвали массовые протесты со стороны рабочих организаций ряда стран. Большевицкая власть не особенно дорожила мнением мировой общественности, но на этот раз решила уступить.

10 июня 1925 г. Совнарком СССР постановил: "Прекратить впредь содержание в Соловецком концентрационном лагере особого назначения осужденных за политические преступления членов антисоветских партий (правых с.-р., левых с.-р., меньшевиков и анархистов)"⁴⁵. Политзаключенных перевели в подведомственные ОГПУ места лишения свободы на материке – в Тобольскую и Верхне-Уральскую каторжные тюрьмы. По сути, это было новое, гораздо более суровое наказание. Соловецкий быт с его отвоеванными льготами показался социалистам чуть ли не раем, по сравнению с тем, что им уготовило ОГПУ на материке, где они очень скоро лишились статуса "политических", превратившись в рядовых "врагов народа".

О статусе политзаключенных вновь вспомнили троцкисты, заполнившие лагерь и тюрьмы в 1936 г. Чтобы их не путали с "политическими" первого набора, они именовали себя "политкоммунистами", отмежевываясь тем самым и от тех, кого советская власть клеймила "контрреволюционерами". Это было уже саморазъединение, фактически – начало поражения, остальное доделал лагерный режим, о тяжести которого никто из оппозиционеров, будучи на воле, даже не подозревал. В одном из заявлений в НКВД СССР репрессированные коммунисты описали условия своего существования в Ухтпечлаге так: "Суровый климат, голодный паек, переполненный барак, в котором чинит порядок над всеми специфическая власть в лице уголовного главаря, ставшего председателем коллектива, неистребимые вши и клопы, непосильная каторжная работа, грубое обращение бесчисленного количества начальства, атмосфера травли и угроз расправой – таков режим Воркуты, рассчитанный на физическое уничтожение"⁴⁶. Осознавая себя действительно политическими заключенными, которые попали в застенки, потому что они опасны для советской власти, оппозиционеры начали активную борьбу с представителями этой власти на местах – с лагерной администрацией. В служебных донесениях сотрудников НКВД того периода приводятся многочисленные факты сопротивления, которое

оказывали бывшие коммунисты, защищая свое человеческое достоинство и права политзаключенных. Троцкисты не выполняли лагерного распорядка, игнорировали все проводимые в лагере кампании и мероприятия. В одном из служебных документов от 17 июня 1937 г. отмечалось: "...режим лагеря им чужд и ненавистен. Все категорически отказались от дактилоскопирования, мотивируя, что это должны делать только уголовные преступники, считая себя важными политическими преступниками. На работу они всегда выходят с опозданием и к работе относятся пассивно. На поверку в лагере [...] не выходят. За нарушения лагерной дисциплины на них налагались дисциплинарные взыскания, которые, однако, для них оказались мало влиятельными"⁴⁷. Один из бывших следователей вспоминал: "... В 1936 г. содержащиеся в Магадане и на периферии осужденные к разным срокам изоляции троцкисты, зиновьевцы и бухаринцы (так их именовали) как по дирижерской палочке организовали в местах их содержания волынки, открытые антисоветские выступления, составляли и распространяли самые погромные (по тем временам) листовки-прокламации, требуя присылки из Москвы прокурора и предоставления им свободы передвижения, изменения рациона питания и т.д. и т.п.[...]. А когда по указанию НКВД СССР оперативные работники начали изъятие из массы троцкистов зачинщиков, инициаторов, руководителей выступлений, они ответили устройством в бараках баррикад и объявлением массовых голодовок"⁴⁸.

Наиболее масштабным и заметным было выступление троцкистов в Заполярье, в Ухто-Печорском лагере. Среди заключенных было немало таких, которые подвергались репрессиям за "контрреволюционную троцкистскую деятельность" еще с середины 1920-х гг., поэтому они хорошо знали "вчерашний день" советского лагеря. То, с чем им пришлось столкнуться на Воркуте, не шло ни в какое сравнение с пережитым ранее. "Террор прошлых лет, – констатировали осужденные на 5 лет троцкисты, – несмотря на его чудовищность, меркнет перед нынешним свирепым курсом на физическое истребление в самом прямом и буквальном смысле этого слова"⁴⁹. Тогда еще ни они, ни кто другой не предполагали, что через несколько лет и этот "свирепый курс" померкнет перед очередной кровавой вакханалией. Не желая мириться с засильем уголовников, грубостью охраны, голодом и антисанитарией, троцкисты решили прибегнуть к испытанному многими поколениями политических заключенных средству – массовой голодовке. Перед началом этой акции они обратились с коллективным заявлением к руководству НКВД и начальнику лагеря. Троцкисты доводили до сведения тюремщиков, сколь трудно их положение в лагере, и выдвигали ряд требований, направленных на улучшение условий их содержания путем перевода с уголовного режима на "политический". Данное заявление имело характерные приметы времени: его податели не видели связи между лагерным режимом и общегосударственным; виновников своих физических и моральных страданий они искали не в высших эшелонах власти, а в лагерном руководстве. Требования троцкистов сводились к следующему: "политпаек" вне зависимости от характера работ, работа по специальности или по выбору, условия труда по КЗОТу, нормальные жилищно-бытовые

условия, снабжение обмундированием, беспрепятственное получение центральных периодических изданий, совместное проживание семейных, обеспечение медицинской помощью. Никакие вопросы политического характера в этом заявлении не поднимались. Под обращением подписались 73 человека. Положение заключенных, готовых отстаивать свои требования путем голодовки, было чрезвычайно сложным, ведь многим из них уже пришлось услышать из уст тюремщиков: "Государство в вашей жизни не заинтересовано". На что рассчитывали "политкоммунисты", объявляя голодовку? Надеялись, что их коллективная воля победит волю репрессивной машины? "Безумству храбрых поем мы песню". Акция протеста началась 18 октября 1936 г. В голодовку вступали группами, последовательно, согласно составленному графику. К концу октября число голодающих составило 231 человек, среди них были и женщины, и старики, и больные. Голодовка, в ходе которой, несмотря на искусственное кормление, умерли двое заключенных, а вес многих снизился до 40 кг, продолжалась до 13 февраля 1937 г. Человек, знающий историю, легко поймет, что в *это время* выиграть голодовку было уже невозможно, но троцкисты, если судить по внешним признакам, ее выиграли. Высшее руководство НКВД согласилось принять требования заключенных. Однако очень скоро участники сопротивления поняли, что их просто обманули, так как ни одно из требований голодающих не было выполнено. Последовали новые коллективные заявления с аналогичными претензиями. Однако реакция на них была уже принципиально иной. Всякий организованный протест стал рассматриваться как контрреволюционная деятельность со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вдохновителей и организаторов сопротивления ждало обвинение в контрреволюционной агитации. В условиях массового доноса обителю, когда доносчиками становились не только из страха, но и по политическим соображениям, выявить лидеров противостояния не составляло никакого труда. Впрочем, часто участники сопротивления и сами не скрывали своих имен.

Организаторов массовой голодовки в Ухтпечлаге арестовали в сентябре 1937 г. Всем было предъявлено обвинение в контрреволюционной агитации среди заключенных. Никто виновным себя не признал, некоторые от дачи показаний отказались. 25 декабря 1937 г. "тройка" Управления НКВД по Архангельской области приговорила активистов голодовки к расстрелу. Это были Шапиро М.Л., Геворкьян С.А., Донадзе В.А., Краскин И.С., Горлов Н.П., Куреневский Д.С., Яковин Г.Я., Хотинский Г.Н., Вульфович Г.М. В числе нескольких тысяч других политзаключенных их расстреляли в феврале – марте 1938 г.⁵⁰ В то время на Воркуте и Печоре зверствовал Е.И. Кашкетин (Скоморовский). Он прибыл из Москвы в Коми АССР в качестве руководителя оперативной группы, чтобы справиться с троцкистами. В НКВД знали, что этот опытный сотрудник ГУЛАГа в 1936 г. был отстранен от службы в органах внутренних дел в связи с врачебным диагнозом "шизоидный психоневроз", но именно его руками решили очистить северные лагеря от всех участников сопротивления. По воспоминаниям современников, Кашкетин открыто заявлял: "Я выполнял волю ЦК ВКП(б), переданную мне лично через Ежова перед отъездом

в лагеря для проведения данной операции"⁵¹. В 1938 г. в "операции", вошедшей в историю под названием "кашкетинские расстрелы", погибло более шести тысяч лагерников. Самого палача приговорили к смертной казни 8 марта 1940 г.

Поражение "политкоммунистов" в борьбе с лагерным режимом было неизбежно. Они не имели поддержки среди других групп заключенных, в которых видели не столько союзников, сколько противников (политических или, еще хуже, классовых). Внутреннее единение их было также непрочным и быстро распалось под натиском режима. Однако огонь сопротивления, превратившись в искры, не погас. На протяжении десятилетий в голодном ГУЛАГе продолжали вспыхивать голодовки – одиночные и групповые, "сухие" и обычные, в Особых лагерях и детских колониях, в тюрьмах и пересылках. Нередко голодовки объявлялись по совершенно ничтожным, с точки зрения стороннего наблюдателя, поводам. Например, Лев Разгон, голодавший в Ставропольской тюрьме "всухую", требовал всего лишь бумагу, чтобы иметь возможность обратиться с заявлением в суд и прокуратуру, но борьба шла не на жизнь, а на смерть⁵². Мария Спиридонова объявила голодовку, находясь в тюрьме г. Уфы, будучи уже тяжелобольной 52-летней женщиной. О причинах, толкнувших ее на этот крайний шаг, "эсеровская богородица" писала в своих показаниях следующее: "...все годы долголетних заключений я была неприкосновенна и мое личное достоинство в особо больных точках не задевалось никогда [...]. Старые большевики щадили меня [...] принимали меры, чтобы ни тени измывательства не было мне причинено. 1937 год принес именно в этом отношении полную перемену, и поэтому бывали дни, когда меня обыскивали по 10 раз в один день [...]. Чтобы избавиться от щупанья [...] я орала во все горло, вырывалась и сопротивлялась, а надзиратель зажимал мне потной рукой рот, другой рукой притискивал к надзирательнице, которая щупала меня и мои трусы. Чтобы избавиться от этого безобразия и ряда других, мне пришлось голодать [...]. От этой голодовки я чуть не умерла"⁵³.

Чаще всего к голодовкам прибегали в тех ситуациях, когда никакие иные формы протеста в силу сложившихся обстоятельств были невозможны. В феврале 1952 г. 500 человек, заключенные отдельного лагерного пункта (ОЛП) № 15 комбината "Воркутауголь", 12 дней держали голодовку, протестуя против "варварского, нечеловеческого отношения лагерной администрации". Вот что писали об этом событии заключенные в письме на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова: "500 человек требовали вызова комиссии из МВД. На одиннадцатые сутки голодовки на ОЛП приехало все командование комбината "Воркутауголь". Полковник Фадеев* в этот момент в присутствии всех заявил о том, что

* Фадеев А.Н. – заместитель начальника комбината "Воркутауголь", начальник Воркутинского ИТЛ, 25 июня 1953 г. снят с занимаемой должности "за грубые нарушения советской законности и непринятие мер к наведению порядка в лагерных подразделениях".

произвол и издевательства над заключенными будут прекращены, а лица, виновные во всем этом, будут наказаны. Заключенными был задан ему вопрос: "Действительно ли это обещание, не сплошная ли это ложь?" На что полковник Фадеев ответил: "Я не мальчишка, а я полковник и коммунист, ручаюсь вам словом коммуниста. Не буду же я компрометировать звание советского офицера и коммуниста" [...]. Таким образом, доверяясь честному слову офицера-коммуниста, заключенные ОЛП-15 решили снять голодовку. Причем полковник Фадеев уверял нас в том, что ни один из заключенных не будет наказан. Но, увы! Обещания так и остались обещаниями. Голодовка прекратилась, но положение на ОЛП-15 существенно не изменилось. И даже более того, администрация ОЛП-15 от открытых видов репрессий перешла к скрытым. А через два месяца 25 человек были отправлены в закрытую тюрьму, предварительно эти заключенные были избиты..."⁵⁴.

Участники голодовок подвергали себя смертельной опасности не только тем, что подрывали свое здоровье, восстановить которое в лагере было чрезвычайно трудно, но и тем, что их всегда могли обвинить в организации группового саботажа и приговорить по статье 58-14 (за контрреволюционный саботаж) к расстрелу. И все-таки, несмотря ни на что, голодовки были и остаются по сей день одной из самых распространенных форм протеста.

Сколько времени существует тюрьма, столько времени существуют и побеги. Стремление к свободе неистребимо в человеческой душе, и самые непокорные (или отчаянные, безрассудные, удачливые) решаются разорвать цепи заключения путем побега. В советское время эта форма протеста стала, в основном, привилегией уголовников, которые не останавливались перед убийством конвоя и легко находили приют на воле в своих воровских притонах. Так называемые политические преступники, а точнее, безвинные жертвы классовой борьбы, произвола и террора, редко решались на побег. Сбежать от конвоя было не слишком трудно, но скрыться в стране, где каждый житель с детства знал, что такое НКВД, и поколение за поколением воспитывались в духе ненависти к "врагам народа", было практически невозможно. Да и располагались лагеря в таких местах, что бежать было просто некуда. Павел Негретов, отбывавший срок на Воркуте с 1945 по 1955 г., вспоминал: "В мое время на 6-й шахте, опутанной уже колючкой, время от времени бежали из промышленной зоны, через которую проходила линия железной дороги. В здравом уме на такой побег никто не шел, потому что никого из них живым назад не приводили. В одних подштанниках лежали они потом по двое и по трое суток на вахте, чтобы все разводы хорошо на них рассмотрелись: то же и с вами будет, если вздумаете бежать"⁵⁵.

Всегда ли можно считать побег из ГУЛАГа акцией протеста, формой сопротивления? Этот вопрос, на наш взгляд, достаточно спорный, и ответ на него вряд ли может быть однозначно положительным. 30 июня 1948 г. И. Сталину и Л. Берии доложили о побеге группы заключенных из Обского ИТЛ при Северном железнодорожном строительстве МВД СССР. Бежали 33 человека. 23 июня, обезоружив двух охранников, прихватив две винтовки с 40 патронами, заключенные

скрылись в тундре. Пробираясь по левому берегу реки Обь, бежавшие заключенные совершили разбойное нападение на чумы местного оленеводческого колхоза, при этом они убили 9 мужчин, 9 женщин и несколько детей⁵⁶. Из Москвы вылетела комиссия ГУЛАГа во главе с генерал-майором П.Л. Трофимовым, возглавлявшим в годы войны Штаб истребительных батальонов НКВД СССР. На 29 июня удалось задержать 12 заключенных, четырех убили, остальных преследовали и на земле, и по воздуху (сведениями о дальнейшей судьбе беглецов автор не располагает).

Об этом групповом вооруженном побеге многие заключенные слышали и говорили, хотя вряд ли они знали все подробности. Сейчас в мемуарах некоторых бывших узников ГУЛАГа данное событие расценивается как один из героических эпизодов сопротивления в ГУЛАГе. Согласиться с такой точкой зрения, на наш взгляд, едва ли возможно. Свобода, добытая ценой жизни невинных людей, не может быть окрашена в героические тона.

Количество побегов из ГУЛАГа сокращалось по мере совершенствования лагерного механизма – от 80–90 тыс. в начале 1930-х гг. до 3–4 тыс. ежегодно в конце 1940-х гг. Среди этих попыток любой ценой вырваться на свободу были и такие, о которых потом слагались легенды. К их числу относится вооруженный побег, а точнее, похлуд, восстание, происшедшее в январе 1942 г. на Воркуте.

С началом войны обстановка в лагерях резко обострилась: ухудшились и без того плохие условия содержания, что незамедлительно вызвало рост заболеваемости; непомерно усилилась эксплуатация, прикрываемая патриотическим лозунгом "Выполним по три нормы на двух заключенных!"; участились случаи грубого нарушения законности со стороны лагерных служащих – стрелки без всякого повода применяли оружие, травили заключенных собаками, зверски избивали. Спасая свою жизнь, заключенные все чаще пускались в бега, что еще больше озлобляло охрану. Одновременно по лагерям распространился слух, что "в самом ближайшем времени начнутся расстрелы заключенных по примеру 38-го года – без суда и следствия, причем санкции эти коснутся не только 58-й статьи, но также 59-й и даже некоторых категорий бытовых статей, в том числе и задержанных вольнонаемных"⁵⁷. В начале осени 1941 г. один из бывших заключенных, М.А. Ретюнин, работавший по вольному найму начальником лагерного пункта "Усинский лесорейд", совершенно случайно получил сведения, подтверждающие эти слухи. Инстинкт самосохранения заставил искать способы сопротивления. Наиболее подходящей формой защиты собственной жизни было выбрано вооруженное восстание.

Ранее Марк Ретюнин был приговорен к 10 годам лишения свободы за ограбление банка. После отбытия наказания его в принудительном порядке оставили работать в Воркутинском лагере в качестве вольнонаемного. Под его началом находились около 200 заключенных, из которых 2/3 были осуждены по 58-й статье и 27 человек работали по вольному найму. Тайные осведомители характеризовали Ретюнина как "сильного, решительного и честного человека, способного к смелым и решительным действиям". По свидетельству современников, он производил впечатление волевого человека, умеющего

справиться с массами, был хорошим организатором. При этом Ретюнин пользовался авторитетом среди рабочих, но среди "отрицательного элемента" авторитет потерял. Именно этот человек и возглавил сопротивление.

Подготовка к вооруженному восстанию началась еще осенью 1941 г. Тайные собрания повстанцев проходили на квартире Ретюнина, там же заседал и созданный в декабре штаб в составе семи человек, в который кроме Ретюнина вошли осужденные за троцкистскую деятельность И.М. Зверев, М.В. Дунаев, А.Т. Макеев, В.Е. Соломин и другие. Восстание планировалось начать в марте 1942 г., когда на снегу появится жесткий наст, который облегчит передвижение восставших. Однако ряд непредвиденных обстоятельств заставил заключенных выступить значительно раньше, а именно: 24 января 1942 г. День был субботний. Заманив большинство охранников для мытья в баню, заключенные обезоружили оставшихся стрелков, захватили имевшееся в лагере оружие, открыли ворота зоны и предложили всем желающим примкнуть к восстанию. Таковых оказалось 82 человека. Сделав запасы продовольствия и теплой одежды, вооруженный отряд заключенных двинулся к районному центру Усть-Уса. К вечеру того же дня Усть-Усинский райцентр был захвачен восставшими, к которым примкнули еще 12 человек, освобожденных из местного отделения НКВД.

В течение нескольких дней между войсками НКВД и "отрядом особого назначения № 41", как называли себя повстанцы, происходили настоящие бои. Заключенные пытались пробиться к оленьим стадам, чтобы, используя их, скрыться в заполярной тундре, но их выдал местный охотник. Ликвидация отдельных мелких групп продолжалась больше месяца. Для наблюдения за передвижением восставших использовалась авиаразведка. В ходе боев погибли почти все руководители восстания, в том числе и Ретюнин. Потери были большими с обеих сторон. Среди восставших насчитывалось 48 убитых, 6 самоубийц и 8 пленных. По данным следствия, "со стороны сил, принимавших участие в борьбе против повстанцев, потери выражаются – убитыми и умершими вследствие тяжелых ранений – 33 человека, ранеными – 20 человек и 52 человека вышли из строя в результате обморожения"⁵⁸.

Следствие по делу "О вооруженном восстании против Советской власти" продолжалось почти полгода. Показания свидетелей писались под диктовку следователей. В итоге из 68 человек, осужденных по этому делу, 49 приговорили к расстрелу, из них 38 имели ранее политические статьи. Какие цели преследовали восставшие? Трудно всерьез анализировать версию следствия о том, что заключенные намеревались создать регулярную вооруженную армию и присоединить к фашистской Германии всю захваченную в ходе восстания территорию. Перед угрозой массового истребления, как это было во времена "кашкетинских расстрелов", у заключенных была более важная задача – добыть свободу и спасти свои жизни, что казалось возможным, если попытаться выступить организованно и с оружием в руках. "А что мы теряем, если нас и побьют? – рассуждал М.А. Ретюнин. – Какая разница, что мы подохнем завтра или умрем сегодня как

восставшие". В этих словах – героизм и логика обреченных, но не желающих сдаваться людям.

В истории воркутинского восстания есть один неясный, на первый взгляд, вопрос. Почему лагерная администрация не предприняла никаких мер для предотвращения готовившегося вооруженного восстания? Неужели оперативники ничего не знали о планах заключенных? Оказывается, знали и очень подробно. Первые донесения от тайных осведомителей поступили уже в сентябре 1941 г. В них сообщалось, что на Воркуте "создан центр по противодействию и предотвращению возможных расстрелов заключенных". В течение нескольких месяцев агенты исправно доносили о готовившемся восстании, один из последних доносов поступил от агента "Рогозинского" в начале января. Оперативники не реагировали, считая эти сообщения очередным вымыслом. Они были уверены, что "профилактика" 1938 г. надолго отбила у заключенных охоту к сопротивлению. Они не беспокоились, так как не сомневались в рабской покорности своих подопечных. После восстания оперуполномоченный Воркутинского лагеря Д.М. Осипенко был привлечен к уголовной ответственности за халатное отношение к службе. Случай нетипичный, но показательный.

Доносы тайных агентов и осведомителей были бичом для лагерного сообщества. По официальным данным, в 1941 г. секретные сотрудники составляли 1,7% от общего количества заключенных, в 1944 г. их число увеличилось до 8%, сохраняясь на этом уровне и в последующие годы. В июле 1947 г. агентурно-осведомительная сеть ГУЛАГа насчитывала 139 тыс. человек, из них 60 225 заключенных составляли "противопобеговую сеть". Это официальные сведения. Они не учитывают огромного количества так называемых "добровольных помощников", т.е. тех заключенных, которые в силу ряда причин и обстоятельств согласились доносить на своих соседей по бараку или напарников по работе. Их количество подсчитать невозможно, а может быть, и не нужно. По воспоминаниям бывшего узника ГУЛАГа Г.С. Климовича, во время восстания в Горном лагере в 1953 г. специальная комиссия из заключенных вскрыла сейфы оперативного отдела 4-го лагерного отделения с целью найти списки стукачей. Результаты этой операции потрясли всех: в списках значились 620 (по другим сведениям, 650) человек, т.е. каждый пятый заключенный был завербован⁵⁹. Среди доносчиков были молодые и старые, мужчины и женщины, больные и здоровые, образованные и полуграмотные. Не было никаких внешних примет, позволявших безошибочно узнавать стукачей, поэтому нарисовать "типичный" портрет доносчика очень сложно. Вот кто скрывался, например, под кличкой "Рогозинский": Яцишин Владимир Иванович, 1911 года рождения, украинец, польский подданный, образование высшее, окончил Пражский университет в 1936 г. Активный участник молодежной организации ОУН, осужден в 1940 г. Особым совещанием НКВД по статье 58-10, 58-11. До ареста работал в Облплане города Львова в должности плановика⁶⁰. В оперативный отдел Воркутинского лагеря от "Рогозинского" неоднократно поступали сведения о готовившемся восстании на Воркуте. Сокровенными замыслами делились с ним заключенные из Прибалтийских респуб-

лик, которые видели в молодом украинском националисте единомышленника и не догадывались о его предательстве. По доносам стукачей в лагерях ежегодно к уголовной ответственности привлекались десятки тысяч заключенных. Новые приговоры, новые дополнительные страдания – таков результат неблагоприятной "деятельности" тайных осведомителей.

Массовое доносительство разобщило заключенных и крайне затрудняло сопротивление. Но когда протест рождался стихийно, его не могли остановить ни доносы, ни страх перед будущей расправой. "В 1949 г. на станции Абезь заключенные восстали, разоружили охрану, побили всех и направились в сторону Воркуты освободить каторжников-шахтеров, – вспоминал о тех давних событиях бывший заключенный Николай П., – восставшие прошли около 80 км, с боями освобождая лагерь за лагерем. К ним примыкали все новые и новые силы из освобожденных лагерей [...]. При своем продвижении они уничтожали эвенков, якутов, зырян за то, что те выдавали властям беглых заключенных за хорошую денежную награду, а чаще – за водку. О побеге, видимо, узнала высшая власть, и были приняты меры. Самолетами высадили десант, "подтянули" минометы, артиллерию, и началось уничтожение этих заключенных с воздуха и с земли. Две недели шли бои, пока всех беглых не уничтожили"⁶¹.

Несмотря на наличие таких мощных акций протеста, говорить о массовом сопротивлении в ГУЛАГе в 1940-е гг. вряд ли правомерно. Однако творцам лагерной системы стало совершенно ясно, что создать "идеального заключенного" не удалось. Гитлеровская методика разрушения личности, дававшая неплохие результаты в концлагерях Германии, в лагерях СССР не работала. Советские заключенные не утрачивали способности мыслить и сопротивляться.

Тогда эту методику попытались применить только к политическим заключенным, которых с конца 1940-х гг. стали концентрировать в Особых лагерях. Там все было направлено на то, чтобы унижить, деморализовать заключенного, подорвать его здоровье, заставить забыть родных и близких, лишиться всякой информации о происходящем в мире, уничтожить в нем человека, личность. Однако и здесь замыслы Сталина не осуществились. В Особлагах началось то, чего меньше всего ожидал диктатор, – незаметная постепенная консолидация заключенных, большинство из которых уже отчетливо осознали, кому они обязаны исковерканной судьбой и потерянными годами жизни. Почвой для объединения, прежде всего духовного, стали национальная (реже религиозная) принадлежность и чувство товарищества. Впоследствии кое-где это духовное единение стало принимать очертания тайных организаций, что отчетливо проявилось в период лагерных забастовок-восстаний 1953–1954 гг.

Смерть Сталина всколыхнула лагерный мир. Многие заключенные, в том числе и те, кому до окончания срока было еще очень далеко, ощутили чувство свободы, внутренней свободы, за которой непременно должно было прийти скорое освобождение. Однако реальность не подтвердила ожиданий. Более того, лагерное начальство, неожиданно потерявшее опору, стало проявлять нервозность, что выразилось в участившихся случаях нарушения законности. Пробудившееся

в занумерованных эзках чувство собственного достоинства не позволяло мириться с произволом и самодурством лагерной администрации, а наличие внутреннего единства помогло заключенным оказать массовое сопротивление режиму. В конце 1953 г. высшее партийное руководство организовало фронтальную проверку работы ГУЛАГа. В отчете проверяющей комиссии появился раздел, которого никогда ранее в подобных документах не было, – "О беспорядках в лагерях". В этом разделе работники аппарата ЦК КПСС констатировали: "Имеется много фактов, когда в лагерях возникают серьезные беспорядки, в которых участвуют сотни людей. Большинство таких волнений, имевшихся за последнее время, возникали в результате неправильных действий работников лагерей, по существу провоцирующих заключенных на беспорядки". Далее приводились примеры таких "беспорядков".

В Кизеловском лагере работник охраны Гасюков без всяких причин выстрелом в упор убил заключенного Онорина. В знак протеста против такого произвола 300 человек заключенных отказались приступить к работе.

В дни Первого мая 1953 г. заключенные лагерного отделения № 9 Красноярского лагеря – более 600 человек – объявили голодовку и потребовали вызова представителя ГУЛАГа. Причина конфликта – хулиганство оперативного работника лагеря капитана И.А. Ловчева, который, будучи в нетрезвом состоянии, вечером 1 мая в столовой, где ужинали заключенные, устроил дебош и надел заключенному Бес-смертному на голову миску с остатками пищи, а затем угрожал заключенным применением наручников⁶².

Во многих лагерях причинами забастовок, в каждой из которых участвовали несколько сотен человек, стали такие неправомерные действия лагерной администрации, как обсчет заключенных при начислении заработной платы, задержка выплаты заработанных денег, выдача для приготовления пищи испорченных продуктов, отсутствие борьбы с лагерным бандитизмом и терроризмом и другие. Местное начальство старалось, по возможности, скрыть истинные причины массовых протестов и с этой целью провоцировало групповые драки между заключенными, в которых гибли десятки человек. Только с апреля по сентябрь 1953 г. в ГУЛАГе было зарегистрировано 30 случаев массового неповиновения и так называемых беспорядков. За это же время в лагерях убили и ранили более 200 заключенных.

Далеко не всегда истинной причиной забастовок была борьба заключенных за свои права. Часто организаторами акций, внешне напоминающих сопротивление режиму, были уголовники, которые использовали формы коллективного протеста для достижения своих низменных целей. В Вятском лагере воры-рецидивисты 11 октября 1953 г. убили 9 заключенных. Оказалось, что 9 октября группа уголовников потребовала от заключенных объявить забастовку: кто выйдет на работу – будет убит. Одновременно выдвинули требование к лагерной администрации о выдаче заключенным задержанной зарплаты и всех денег с лицевых счетов. Начальство ультиматум выполнило. После получения заключенными денег рецидивисты потребовали от

каждого из них по 25 рублей. Всех, кто отказался отдать деньги, бандиты убили.

Пиком лагерных "беспорядков", охвативших ГУЛАГ в 1953–1954 гг., стало движение сопротивления в Особых лагерях – Речном (на Воркуте), Горном (в Норильске), Степном (в Карагандинской области Казахской ССР) и некоторых других, которое соединило в себе все наиболее распространенные формы протеста: восстание, забастовку и голодовку. Об этих акциях массового неповиновения, в которых участвовали не сотни, а тысячи заключенных, уже немало написано, опубликованные документы позволяют проследить ход событий буквально по дням. Особенностью названных восстаний-забастовок было то, что впервые за всю историю ГУЛАГа заключенные потребовали не улучшения условий содержания, а *свободы*. Восставшие летом 1953 г. горняки Воркуты выдвинули лозунг: "Уголь – Родине, нам – свободу!". Растерявшееся лагерное руководство не сразу нашлось с ответом. Начальник Речного лагеря генерал-майор А.А. Деревянко, про которого заключенные говорили, что у него не только сердце деревянное, но и голова, пытался увещевать забастовщиков: "Что вам надо? Живете на всем готовом! О вас заботятся, одевают, кормят! Какой еще свободы вам надо?"⁶³ Другой генерал, бывший начальник Норильстроя А.А. Панюков, услышав, что заключенные Горного лагеря объявили забастовку и выдвинули ряд требований, не мог скрыть своего искреннего недоумения: "Какие у вас могут быть требования? То, что вам положено, вы получите и без требований, а то, что не положено, вы не получите, как бы ни требовали". Естественно, заключенные требовали "неположенного". Например, в женском лагерном отделении Горлага забастовка началась под лозунгом "Свободу народам и человеку!". В каторжном отделении наряду с плакатом "Требуем уважения прав человека!" были вывешены и более радикальные лозунги, такие как "Долой тюрьмы и лагеря!", "Требуем вернуть нас к нашим семьям!" и другие аналогичного содержания. Очень важно отметить, что действия заключенных носили сугубо мирный характер. Участник воркутинского восстания 1953 г. француз Арман Малумян писал позднее: "Это был не бунт и не восстание – это была мирная демонстрация с целью информировать новых хозяев Кремля о том, что происходит в лагерях"⁶⁴. Однако миролюбие не в характере лагерного молоха. Пообещав смягчить каторжный режим и пересмотреть личное дело каждого, лагерное начальство, поддержанное московской делегацией в составе генерала И.И. Масленникова и генерального прокурора Р.А. Руденко, потребовало от забастовщиков безоговорочной капитуляции и выдачи зачинщиков. Первого августа "несговорчивых" расстреляли из автоматов. Кровавая расправа не сломила дух лагерного Сопротивления. Через два года Воркута вновь забастовала, правда, на этот раз обошлось без жертв.

В Горном лагере стихийные протесты начались в 20-х числах мая 1953 г. Произвол лагерной администрации, провокации оперативно-чекистских отделов, террор конвоя – все это вызвало отпор и породило форму сопротивления, которую исследовательница А.Б. Макарова вполне справедливо назвала "восстанием духа". Как и в Воркуте,

восставшие не имели оружия, их сила была в единстве, бесстрашии и решительности. Лозунг "Смерть или свобода!" звучал в Норильске в те героические дни на многих языках, так как среди 20 тысяч заключенных Горлага были представители нескольких десятков национальностей. "Або смерть, або життя!", – скандировали западные украинки, взявшись за руки, когда их сбивали с ног струи воды, пущенные под давлением из пожарных шлангов. Восставшие избрали свои представительные органы, которые сумели придать противоборству мирный характер. Более двух месяцев им удавалось поддерживать в зонах нормальное течение жизни и не допускать ни анархии, ни насилия одних заключенных по отношению к другим, что при наличии в лагере уголовников, выявленных стукачей и завербованных провокаторов было не так-то просто. Активными членами забастовочных комитетов были Б.А. Шамаев, Е.С. Грицяк, С.Г. Головки, Ирена Мартинкуте, Бенюс Балайка, Г.С. Климович, В. Недоростков, Р. Загоруйко, Мария Нич, П. Френкель, И. Воробьев и многие другие узники Горлага – представители одного женского и пяти мужских лагерных отделений. Восставшие настаивали на приезде правительственной комиссии, ждали, что их справедливый протест будет услышан и понят верховной властью, но не дождалось. Подавить сопротивление удалось не сразу. Долше всех продержалось 3-е (каторжное) отделение. Последний черный флаг, один из тех, которые были вывешены в лагере в первые дни восстания в знак скорби по погибшим товарищам, был сорван 4 августа 1953 г. Более сотни человек погибли от пуль карателей⁶⁵. Подсчитать точно общее количество жертв среди восставших пока невозможно – карательные органы не спешат раскрывать тайны своих преступлений.

В Норильске и Воркуте заключенные требовали *свободу*, а в Кенгире, маленьком казахском поселке, они ее завоевали. Пусть ненадолго, всего на 40 дней, но в течение этого времени они были людьми, а не пронумерованным скотом, загнанным в зарешеченные бараки. "Беспорядки" в 3-м лагерном отделении Степного лагеря начались 16 мая 1954 г. Если бы не трагизм последующих событий, то на вопрос о причинах этих беспорядков можно было бы ответить французской поговоркой "ищите женщину". Женщин в мятежном отделении было много – 2407 человек, из них 134 каторжанки. Всего в Степном лагере насчитывалось на 10 июня 1954 г. 22 884 заключенных, из них 2186 находилось на каторжном режиме. Из шести лагерных отделений третье было самым крупным. В нем содержалось 5597 человек. Национальный состав заключенных был достаточно пестрым, но преобладали западные украинцы и бывшие жители прибалтийских республик. Они составляли 69% лагерного населения. Доля русских не превышала 13%. В лагере почти не было заключенных со сроком менее 10 лет, большинство (72%) были осуждены по статье "измена Родине" на 20–25 лет лишения свободы. Совершенно очевидно, что ждать покорности и рабского повиновения от такого "контингента" лагерной администрации не приходилось. Пытаясь погасить постоянно вспыхивавшие искры нравственного, духовного сопротивления, начальство направило в лагерь этап уголовников в количестве 1400 человек, надеясь с помощью их кулаков и ножей

разъединить и деморализовать "политических". Почти половина вновь прибывших заключенных попала в 3-е лаготделение. Однако лагерное начальство сильно просчиталось. Украинские "хлопцы", потерявшие семью, родину и имевшие 25-летний срок, не видели необходимости покорно терпеть издевательства "блатных". Острые их сопротивления направилось против уголовников, которые быстро сдались и пошли на уступки. Однако работала в лагере по-прежнему только 58 статья. Нерастроченная энергия представителей уголовного мира искала выхода. "Блатным" не давала покоя расположенная по соседству женская зона. Забор не казался серьезным препятствием, и 16 мая они решились на штурм. Одновременно сотни других заключенных ринулись вслед за ними с целью защитить женщин, среди которых были их сестры, дочери, землячки, подруги. Насилия удалось избежать, ночь прошла относительно спокойно, и утром мужчины и женщины вышли на работу. Днем, пока заключенные строили обогатительную фабрику, добывали медную руду, работали на деревообделочной фабрике и заводе железобетонных изделий, лагерная администрация спешно заделывала колючей проволокой проходы в женскую зону и возводила новые огневые точки. Как известно, в огневых зонах оружие применялось без предупреждения. Это была провокация, поскольку начальство хорошо знало, как жаждут общения по обе стороны забора. Оно предвидело, что ни вышки, ни колючка не остановят заключенных. В тот же вечер было убито и ранено почти 90 человек. На зверства администрации заключенные ответили погромом служебных и бытовых помещений и отказом выходить на работу.

Телеграммы, ежедневно отправляемые в Москву, сообщали: "Общение между мужчинами и женщинами, неповиновение и невыход всех заключенных на работу продолжаются. Работники лагеря в жилую зону за пределы вахты заключенными по-прежнему не допускаются с предупреждением об опасности для жизни. Участвующие в переговорах представители заключенных ведут себя вызывающе, требуют возратить в зону трупы убитых, наказать виновных в применении оружия, после чего только они будут вести дальнейшие переговоры". День ото дня обстановка накалялась, лагерная зона превратилась, по сути, в осажденную крепость, внутри которой, благодаря организующей деятельности созданной комиссии, соблюдался, по свидетельству очевидцев, образцовый порядок.

26 мая в Совет Министров СССР и ЦК КПСС поступила докладная записка о массовом неповиновении заключенных 3-го лагерного отделения Степного лагеря. В ней картина сопротивления описывалась очень упрощенно, существенно преуменьшалось количество бастующих, и акцент делался на требовании заключенных разрешить им свободное общение с женской зоной. В тот же день на место происшествия вылетела комиссия в составе заместителя министра внутренних дел С.Е. Егорова, начальника ГУЛАГа И.И. Долгих и начальника Управления по надзору за местами заключения Прокуратуры СССР Н.В. Вавилова. В комиссию от заключенных, возглавляемую К.И. Кузнецовым, 1913 года рождения, бывшим подполковником Красной Армии, побывавшим в немецком плену, входили также

Э.И. Слученков ("Глеб"), Ю.А. Кнопмус, М.С. Шиманская, А.Ф. Макеев, Г.И. Келлер, А.А. Авакян, А.В. Михайлович, Л.К. Супрун и некоторые другие. На одной из первых встреч этих двух комиссий Кузнецов от имени заключенных изложил следующие просьбы (именно просьбы, а не требования, так как комиссия старалась демонстрировать лояльность): "а) привлечь к ответственности виновников применения оружия 17 мая. Также расследовать все факты применения оружия, имевшие место в 1954 г.; б) не применять репрессий к членам комиссии заключенных [...]; в) просить правительство о снижении срока наказания осужденным на 25 лет, а также изменить отношение к семьям заключенных, осужденных по статье 58; г) отменить ссылку для лиц, освобожденных из спецлагерей; д) установить оплату труда заключенным наравне с вольнонаемными рабочими [...] ввести восьмичасовой рабочий день для всех заключенных; е) просить правительство отменить приговоры лагерных судов по статье 58; ж) разрешить свободное общение мужчин с женщинами; з) ограничить право администрации в вопросах трудовых дисциплинарных взысканий [...]; и) установить льготные условия по зачетам для женщин; к) просить приезда в лагерь члена Президиума ЦК КПСС или секретаря ЦК"⁶⁶. Как видим, диапазон запросов заключенных был весьма широк и отнюдь не ограничивался требованием свободного общения между зонами.

Простаивающие предприятия, угроза срыва государственного плана заставляли лагерных управленцев идти на уступки. Начальник ГУЛАГа И.И. Долгих не скупился на обещания "пересмотреть", "учесть", "обеспечить" и т.д., но бастующие, зная привычку работников МВД обманывать заключенных по поводу и без повода, не верили и требовали пригласить представителя ЦК КПСС, ждали "товарищей Ворошилова, Маленкова или Хрущева". Для лагерного начальства это, пожалуй, главное требование заключенных было абсолютно неприемлемым. Ведь обратиться к обитателям партийного Олимпа с просьбой приехать в лагерь и поговорить с заключенными, это значило расписаться в своем полном бессилии. Героев, готовых рискнуть собственной карьерой ради нескольких тысяч человек, среди работников ГУЛАГа никогда не было. Выход, как всегда, искали в репрессиях.

Тем временем в лагере люди жили, любили, отправляли богослужения, заключали браки, ставили спектакли, танцевали, лечили больных, пекли хлеб, писали воззвания и листовки, налаживали радиосвязь. "Так шли дни, и мы чувствовали себя свободными людьми", – вспоминал это легендарное время бывший узник Степлага И. Пинчуков, работавший в тот период в лазарете. Как гласит пословица: "Хочешь мира – готовься к войне", и заключенные к ней готовились. Они ковали холодное оружие – ножи, пики, сабли, изготавливали из бутылок ручные гранаты, начиняя их известью, строили оборонительные сооружения, минировали баррикады. Вооружалась и другая сторона. 15 июня в адрес Кенгира был отправлен эшелон с пятью танками Т-34 1-й мотострелковой дивизии МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского. Операция по наведению порядка в 3-м лаготделении готовилась с учетом всех требований военной науки. Особое

значение придавалось таким моментам, как внезапность, быстрота, смелость, и, самое главное, недопущение огласки. Признав, что "все меры разъяснительного характера в отношении неповинующихся заключенных исчерпаны", комиссия МВД и Прокуратуры СССР приняла решение сломить сопротивление силой. С этой целью в ночь с 25 на 26 июня против заключенных одновременно и внезапно были брошены 1600 солдат и офицеров, 98 служебно-розыскных собак с проводниками, три пожарных автомашины и пять танков Т-34. Побоище продолжалось полтора часа. По официальным данным, в ходе "операции" со стороны восставших получили ранения 106 заключенных, 46 человек были убиты или скончались от ран. Среди солдат и офицеров потерь не было, 40 человек получили ушибы и телесные повреждения.

8 августа 1955 г. Верховный суд Казахской ССР приговорил наиболее активных участников лагерной комиссии к расстрелу. К.И. Кузнецову высшую меру заменили 25 годами ИТЛ. 12 марта 1960 г. Верховный Суд СССР принял постановление о его освобождении и полной реабилитации.

Восстания в Особых лагерях – это поистине "оптимистическая трагедия". Несмотря на то что сопротивление везде было жестоко подавлено, оно позволило десяткам тысяч людей утвердиться в сознании, что режим (лагерный или государственный) не всесилен. Сопротивление возможно при любом режиме, сила нравственного противостояния зависит лишь от тебя самого.

Диссидентское и правозащитное движение 1950–1980-х гг. оказало значительное влияние на характер сопротивления политических заключенных. Они больше не были одиноки в своей борьбе с карательной машиной. Солидарность с узниками совести проявляли тысячи людей во всем мире. Сведения о голодовках протеста, коллективных заявлениях, забастовках передавались на волю, становились достоянием гласности. Друзья и единомышленники, остававшиеся на свободе, организовывали широкие кампании в защиту прав политических заключенных. Несмотря на строгости лагерного режима, многим осужденным удавалось каким-то образом переправлять на волю статьи и сообщения, содержавшие информацию о местах лишения свободы. Находившийся в Мордовских политических лагерях А. Гинзбург смог передать на волю магнитофонную запись, в которой говорилось: "...Мы надеемся выдержать. Нас поддерживает [...] гнев, протест, солидарность всех честных людей земли, отстаивавших достоинство человека, демократию, мир. В их решительном "нет" современному варварству я вижу реальную гарантию соблюдения прав человека здесь и во всем мире"⁶⁷. За это заявление, попавшее к американскому корреспонденту и ставшее известным мировой общественности, Гинзбурга наказали переводом во Владимирскую тюрьму. Но ни репрессии, ни ужесточение режима не могли заставить политических заключенных отказаться от борьбы за свои права, за права человека.

В 1974 г. узники Мордовских и Пермских политических лагерей решили объявить день 30 октября Днем политзаключенного в СССР. Как сообщалось в политическом бюллетене "Хроника текущих событий",

"в этот день заключенные намерены были объявить однодневные и двухдневные голодовки. Известны некоторые требования, которые предполагали выдвинуть 30 октября голодающие. Среди этих требований: признать статус политзаключенного; отделить от политзаключенных военных преступников и уголовников; отменить принудительный труд и обязательное выполнение нормы; отменить ограничения в переписке, в том числе с границей; отменить ограничения в посылках и передачах; выделить медицинскую службу из подчинения МВД; обеспечить политзаключенным полноценное медицинское обслуживание с участием врачей-специалистов, в том числе иностранных; увеличить число свиданий с родственниками, разрешить свидания с друзьями; обеспечить возможность творческой работы литераторам, ученым, художникам; разрешить регистрацию браков; разрешить говорить на родном языке в лагерях и на свиданиях"⁶⁸. Нет сомнений, что заключенные хорошо понимали утопичность выдвигаемых требований. Но все-таки выдвигали и отстаивали их. Они боролись за свободу, которую понимали гораздо шире, чем свобода от колючей проволоки. Они боролись за Свободу и победили в этой борьбе. Признанием одержанной победы стало решение Верховного Совета России от 18 октября 1991 г., которое внесло в государственный календарь памятных дат День 30 октября, названный "Днем памяти жертв политических репрессий". Сегодня правозащитники напоминают нам, что 30 октября – это не только день поминовения безвинно погибших, но это также "день борьбы за человеческое достоинство, за интеллектуальную свободу, день борьбы с произволом и насилием"⁶⁹.

Примечания

¹ Цит. по: *Детков М.Г.* Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. М., 1992. С. 5.

² *Ленин В.И.* Военная переписка (1917–1920 гг.). М., 1957. С. 61.

³ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 14.

⁴ Ф.Э. Дзержинский о революционной законности // Исторический архив. 1958. № 1. С. 10.

⁵ См.: *Бухарин Н.И.* Экономика переходного периода // *Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 162, 163; Ленинский сборник. XL. С. 419.

⁶ Декреты Советской власти. М., 1971. Т.V. С. 69, 174.

⁷ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. М., 1998. С. 12.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 87. Л. 6.

⁹ Там же. Л. 10.

¹⁰ Там же. Д. 3. Л. 33–35.

¹¹ Там же. Д. 87. Л. 213.

¹² Там же. Д. 71. Л. 12.

¹³ Там же. Л. 17.

- ¹⁴ Ф.Э. Дзержинский о революционной законности... С. 21.
- ¹⁵ Там же. С. 24.
- ¹⁶ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 64.
- ¹⁷ Лубянка. 1917–1960. Справочник. М., 1997. С. 182.
- ¹⁸ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 34, 35.
- ¹⁹ Цит. по: ГУЛАГ в Карелии. 1930–1941. Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1992. С. 86, 87.
- ²⁰ *Шрейдер М.П.* НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995. С. 18.
- ²¹ *Варлам Шаламов.* Письмо к А.И. Солженицыну // Досье на цензуру. Страна и ее заключенные. 1999. № 7–8. С. 277.
- ²² ГУЛАГ в годы войны // Исторический архив. 1994. № 3. С. 62–64.
- ²³ *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. М., 1990. Т. 1. С. 95.
- ²⁴ Артикул воинский // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 4. М., 1986. С. 363.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1-а. Д. 544. Л. 88.
- ²⁶ Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 197-а.
- ²⁷ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 387. Л. 8.
- ²⁸ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 55. Док. 28. Л. 16.
- ²⁹ ЦАОДМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 1302. Л. 17.
- ³⁰ Там же. Д. 990. Л. 134.
- ³¹ См.: *Иванова Г.М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997. С. 137.
- ³² ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 76. Л. 100.
- ³³ Там же. Оп. 14. Д. 165. Л. 17.
- ³⁴ *Сахаров А.* Мир, прогресс, права человека. Л., 1990. С. 78.
- ³⁵ См.: *Паповян Е.* Применение статьи 58-10 УК РСФСР в 1957–1958 гг. // Корни травы. М., 1996. С. 61, 73, 86.
- ³⁶ *Паповян Е., Паповян А.* Участие Верховного Суда СССР в выработке репрессивной политики. 1957–1958 гг. // Корни травы. М., 1996. С. 65.
- ³⁷ *Бердинских В.* Вятлаг. Киров, 1998. С. 252.
- ³⁸ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 443.
- ³⁹ *Марченко А.Т.* Мои показания. М., 1991. С. 3, 4.
- ⁴⁰ Тюремная реформа в странах бывшего тоталитаризма: Материалы международной конференции. Вып. 1. М., 1993. С. 35.
- ⁴¹ *Сахаров А.* Мир, прогресс, права человека. Л., 1990. С. 60.
- ⁴² Сопrotивление в ГУЛАГе. Воспоминания. Письма. Документы. М., 1992. С. 8.
- ⁴³ Там же. С. 49.
- ⁴⁴ Там же. С. 60, 61.
- ⁴⁵ Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959 гг.). М., 1959. С. 187.
- ⁴⁶ *Полещиков В.М.* За семью печатями. Из архива КГБ. Сыктывкар, 1995. С. 68.
- ⁴⁷ Освенцим без печей. М., 1996. С. 134.
- ⁴⁸ Там же. С. 139, 140.
- ⁴⁹ *Полещиков В.М.* Указ. соч. С. 65.
- ⁵⁰ Там же. С. 71–73.
- ⁵¹ Там же. С. 24.
- ⁵² *Разгон Л.* Непридуманное. М., 1989. С. 246, 247.

- ⁵³ *Витковский А.* Вверх по лестнице, ведущей в ад // Служба безопасности. 1992. Пробный номер. С. 79.
- ⁵⁴ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 198. Л. 297–298.
- ⁵⁵ *Негретов П.* Все дороги ведут на Воркуту. Бензон, Вермонт, 1985. С. 6.
- ⁵⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 200. Л. 304.
- ⁵⁷ *Полещиков В.М.* Указ. соч. С. 49.
- ⁵⁸ Отряд особого назначения № 41 // Независимая газета. 1992. 23 января. С. 5.
- ⁵⁹ *Макарова А.* Норильское восстание // Воля. 1993. № 1. С. 88. Сопротивление в ГУЛАГе... С. 177, 178.
- ⁶⁰ *Полещиков В.М.* Указ. соч. С. 46.
- ⁶¹ Обратный адрес – ГУЛАГ // Родина. 1990. № 4. С. 42.
- ⁶² ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 196. Л. 130–131.
- ⁶³ Цит. по: *Горчева А.Ю.* Пресса ГУЛАГа. М., 1996. С. 52.
- ⁶⁴ *Малумян А.* Июль пятьдесят третьего // Воля. 1997. № 6–7. С. 131.
- ⁶⁵ *Макарова А.* Норильское восстание // Воля. 1993. № 1. С. 68–108.
- ⁶⁶ Восстание в Степлаге (май – июнь 1954). Публикации документов // Отечественные архивы. 1994. № 4. С. 42.
- ⁶⁷ Цит. по: *Стецовский Ю.* История советских политических репрессий. М., 1997. Т. 2. С. 261.
- ⁶⁸ Цит. по: “30 октября”. 2001. № 18. С. 8.
- ⁶⁹ Там же.

Глава седьмая

ДИССИДЕНТСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ПРАВОЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОСЛЕ- СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ

Написано 1/6 1977
Горький от Советов 82
Горький 1977 от Советов 214
и 3

Замечание
17 февраля и отговори о письме от 11/12
как поздравительную телеграмму (на имя
Медведева) Г. Горький Николаевича, известное письмо
пришло несколько дней, после моей смерти,
как было принято уведомление о вручении.
Другие в действительности Г. Н. Владимов не.
лучше моей телеграммы. Которые в общем,
и в будущем все равно будут написаны и отговору
стали и была другая телеграмма и отговору
уже от диссидентов за чужие убийства

6/IV - 83 С уведомлением
Г. Владимов

Примечание

1. Упоминаю на отговору телеграммы
2. Уведомление о вручении

Как показано в предыдущих главах, инакомыслие в Советском Союзе никогда не исчезало полностью, его проявления можно проследить даже в годы "большого террора". Но во второй половине 1930-х гг. это было инакомыслие изолированных друг от друга одиночек, инакомыслие, если так можно выразиться, "катакомбное". В основном оно питалось культурными и нравственными традициями, которые сформировались еще до 1917 г. и были восприняты лишь очень немногими представителями следующих поколений. Свидетельства такого инакомыслия остались в "потаенной литературе" этого периода – ахматовском "Реквиеме", "Софье Петровне" Лидии Чуковской, множестве стихотворений разных поэтов, крупных и не очень, в дневниках, реже – в личной переписке. Инакомыслие не могло подняться до уровня масштабного социального явления, хотя оно и оставило после себя образцы высокой культуры и непревзойденной духовной стойкости.

Общественная атмосфера начала изменяться уже в середине 1940-х гг. Инакомыслие тогдашней молодежи, с самого начала росшей согласно установленной системе советского воспитания, читавшей только советскую литературу (правда, и русскую классическую литературу тоже, что немаловажно), подвергавшейся массивному воздействию советской политической пропаганды, возникало самостоятельно, без видимых внешних влияний, внутри замкнутого и, казалось бы, самодостаточного мифа, порвавшего всякую связь и с внешним миром, и с прежней культурно-исторической традицией.

Подполье. Первые политические подпольные кружки появились в СССР еще в 1940-е гг. О некоторых из них рассказано в главе пятой; но в литературе встречаются десятки упоминаний о различных стихийно возникавших групповых формах антисталинской активности 1944–1953 гг. Подпольные кружки и группы возникали и позже. В конце 1956-го – начале 1957 г. на истфаке МГУ складывается группа марксистского толка, состоявшая из молодых преподавателей, аспирантов и студентов-старшекурсников, которая позже стала известна как "Союз патриотов России"* . В эти же месяцы молодой ленинградский математик Револьт Пименов устанавливает связи сразу с несколькими молодежными кружками в Ленинграде, Москве, Курске и пытается консолидировать их деятельность. Одной из главных тем, на которых концентрируется тогда внимание подполья, становится ситуация в Венгрии; один из основных текстов, которые распространяли Пименов и его единомышленники, так и назывался – "Правда о Венгрии".

Подпольные кружки, правда, уже не только марксистско-ленинского, но и "ревизионистского" и даже антимарксистского толка возникали и впоследствии. Осенью 1963 г. генерал-майор П.Г. Григоренко, в дальнейшем видный участник правозащитного движения, и несколько его близких родственников распространяли в Москве и Владимире листовки от имени "Союза борьбы за возрождение ленинизма". В 1964–1965 гг. в Ленинграде были созданы сразу две подполь-

* В литературе эта группа чаще всего именуется "кружком Краснопевцева", по имени одного из лидеров.

ные организации с очевидно оппозиционными идейными устремлениями: марксистская "Лига коммунаров"* и "Всероссийский социально-христианский союз освобождения народа", идеологи которого намеревались предложить стране православно-почвеннические ценности с соответствующим государственным устройством. Лидеры и активисты обеих организаций встретились лишь в 1968 г. в Мордовских лагерях. В 1969–1970 гг. подпольные кружки образовались также в Саратове, Рязани и Горьком, частью вдохновленные социал-демократическими идеалами, но в практической деятельности ориентированные на общедемократические и либеральные ценности. Их участники налаживают контакты с открыто действующим к тому времени движением за права человека в Москве и других городах. В еще большей степени это можно сказать о двух группах, возникших тогда же в Таллине, – "Союзе борьбы за демократические права", созданном тремя офицерами Балтфлота, и "Эстонском демократическом движении", организованном С. Солдатовым.

Во второй половине 1970-х гг. группа "советских еврокоммунистов" издавала "самиздатские" журналы "Варианты", "Левый поворот" и "Социализм и будущее". Подпольные группы продолжали возникать даже в начале 1980-х гг., например, "революционная социал-демократическая партия", созданная художником В. Деминим.

Отдельная и важная тема, которая не вполне вписывается в рамки данного очерка, – это подпольные кружки и группы националистического и национально-демократического направлений. В Литве, Эстонии, Латвии и на Украине невооруженное, по преимуществу, городское подполье пришло на смену вооруженной борьбе партизанских отрядов, окончательно разгромленных к середине 1950-х гг. Подпольные кружки появлялись и в республиках, не имевших собственного опыта повстанческого движения: в Армении, Грузии, Азербайджане, Казахстане. Исследователи насчитывают несколько десятков заметных подпольных организаций "националистической окраски" (по терминологии КГБ), иные из которых оказались способны организовать не только распространение листовок (максимум, до чего доходили подпольщики в РСФСР), но иногда и крупные массовые акции, такие, как многотысячное шествие в Ереване в 1965 г., в день 50-летия начала геноцида армян в Турции.

Чем дальше, тем больше подполье послесталинской эпохи вытеснялось и на географическую периферию, и на периферию общественного внимания. Кружки зарождались, действовали и гибли разрозненно, изолированно друг от друга, а общество все заметнее сосредоточивалось на других видах противостояния режиму, реакция которого, в свою очередь, эволюционировала от тотального государственного террора к спонтанной и не всегда последовательной политике поддержания статуса-кво, что, впрочем, не исключало подавления открытых форм инакомыслия.

Репрессивная кампания 1957–1959 гг. События в Венгрии стали по-настоящему переломной вехой для правящей элиты. Окончательно выяснились пределы политической модернизации, дальше которых партийное руководство отказывалось заходить вплоть до середины 1980-х гг. Эти пределы определялись наличием угрозы партийной монополии на власть, будь то в СССР или в любой другой стране социалистического блока. Окончательно определился и основной

* В литературе – "группа «Колокол»", по названию журнала, который "Лига коммунаров" пыталась подпольно издавать.

способ борьбы с любыми формами открытого инакомыслия, открытого неподчинения идеологическим установкам.

В 1957 г. по обвинению в "антисоветской пропаганде" было арестовано 1796 человек, или почти вчетверо больше, чем в 1956 г., а в 1958 г. – еще около полутора тысяч. Арестная кампания была инициирована закрытым письмом ЦК "Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок враждебных антисоветских элементов" от 19 декабря 1956 г. Большую часть осужденных составляла отнюдь не молодежь, вовлеченная в подпольную деятельность, – таких вряд ли было больше, чем 5–6% от общего числа¹. Основную массу составили рабочие, крестьяне, деклассированные элементы (бомжи, уголовники и т.п.), которых подвергали репрессиям за "антисоветскую агитацию в устной форме", т.е. за "нелояльные" высказывания в адрес начальства вообще и, следуя часто употреблявшемуся в приговорах эвфемизму, "одного из членов Советского правительства" в частности. Кампания была свернута к началу 1959 г.

Всплеск арестов 1957–1958 гг. остался практически незамеченным обществом. Впоследствии, когда политические преследования стали объектом пристального внимания и широко отражались во множестве "самиздатских" текстов, в лучшем случае вспоминали о посаженной в эти годы горстке "студентов" из нескольких "марксистских кружков". Это легко объяснимо: колхозники и бомжи не пишут мемуаров. Общим местом массового сознания стала мысль о более репрессивном характере брежневского правления по сравнению с хрущевским. Несмотря на все претензии интеллигенции к Н.С. Хрущеву, время его пребывания на посту главы партии и государства осталось в ее памяти "оттепелью" – не только относительно предыдущей эпохи террора, но и при сопоставлении с брежневским "застоем".

Мировоззрение и ценностные ориентиры советской интеллигенции во второй половине 1950-х гг. Идеологическое "землетрясение", учиненное Хрущевым в 1956 г., потрясло социально-психологические основы режима. Но для той части советских людей, которой удалось пройти школу послевоенного вольномыслия, доклад Хрущева был не откровением, а лишь неполным и робким признанием того, что они – интуитивно или достоверно, а иные и на собственной шкуре – узнали еще в годы правления Сталина. Именно эти люди составили костяк либеральной интеллигенции следующих десятилетий, из которой вкупе со следующей за ними возрастной группой, "детьми XX съезда", чья юность пришлось на период хрущевских разоблачений, рекрутировались первые диссиденты*. Прочие же представители этого поколения стали внимательными слушателями диссидентской проповеди, образуя ту сочувствующую социальную среду, без которой любое общественное движение обречено на исчезновение или вырождение в обособленную секту.

* В данном тексте термины "диссидент" и "диссидентский" обозначают определенный тип гражданской, культурной и политической активности, в том числе и в применении к событиям 1950–1960-х гг. При этом следует иметь в виду, что в применении к участникам советской протестной активности эти термины впервые прозвучали не ранее 1970 г.

В этой среде слова "политика" и "идеология" вызывали резкое отторжение, ибо ее представители не знали другой политики, кроме той, что привела человечество к мясорубке Второй мировой войны, а их страну к кровавому маразму "позднего сталинизма". Единственная же известная им идеология оказалась грандиозным блефом. Интеллектуалы 1950-х гг., отрицавшие политическую борьбу независимо от того, были ли они гуманитариями или естественниками, верили, что в этом мире непреходящую ценность имеют только три вещи, ибо еще в юности они выучили, что только три вещи оставляют надежду на спасение в страшном и враждебном человеку мире:

- человеческая солидарность, не осложненная никакими концепциями, внеположенными человеку (кумир поколения, первый из первых – Булат Окуджава, принципиально аполитичный певец простых человеческих отношений);
- внутренняя свобода, "самостоянье человека";
- творчество.

Существовала лишь одна область социальной активности, в которой все эти ценности могли быть реализованы одновременно: культура и, прежде всего, литература. Не случайно, во второй половине 1950-х и в начале 1960-х гг. общественное внимание сосредоточивалось не на политических событиях, таких, как победа Хрущева над "антипартийной группой" Молотова, Кагановича и прочих, или даже таких, как подавление венгерской революции. В гораздо большей мере оно было приковано к публичным дискуссиям вокруг литературы, живописи, театра. И вполне закономерным представляется тот факт, что самым распространенным метафорическим наименованием эпохи либеральных веяний первых лет правления Хрущева стало название повести И. Эренбурга "Оттепель".

Уже после XX съезда появляется знаменитый роман В. Дудинцева "Не хлебом единым". Сегодня нелегко понять, что именно в этом произведении, довольно среднем по своему художественному уровню, вызвало такой грандиозный ажиотаж. Скорее всего, причина была в сюжетной линии: главного героя, изобретателя-инженера, бюрократа и консерваторы от науки не просто травят (описание подобных производственных конфликтов не представляло ничего нового для советской литературы), а отправляют по ложному обвинению в лагерь. Волна публичных обсуждений романа – в творческих союзах, в вузах, даже в производственных коллективах – не спадала до декабря 1956 г. Некоторые выступления на этих обсуждениях распространялись в списках, а одно из них (речь писателя К. Паустовского в Центральном доме литераторов) приводилось как пример, иллюстрирующий последствия "ослабления бдительности", в упомянутом выше письме ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г.

Важнейшим фактором культурной жизни второй половины 1950-х и начала 1960-х гг. были литературные инициативы, возникавшие не в порядке осуществления "партийного решения", а как плод самостоятельных коллективных усилий тех или иных групп литераторов. Разумеется, осуществить эти инициативы можно было только тогда, когда удавалось, правдами или неправдами, получить одобрение соответствующей партийной инстанции.

Одним из первых примеров такой инициативы стал альманах "Литературная Москва". Первый его выпуск, подготовленный к открытию

XX съезда КПСС, был достаточно зауряден. А вот второй (и последний) стал литературной сенсацией прежде всего из-за опубликованного в нем рассказа А. Яшина "Рычаги". В этом рассказе, действие которого происходит в небольшом колхозе, на редкость откровенно изображены фальшь и лицемерие казенной "общественной жизни". Помимо этого, в альманахе были помещены смелые и откровенные рассказы Ю. Нагибина, А. Крона, стихи Цветаевой и статья о ней Эренбурга, несколько стихотворений Н. Заболоцкого.

"Литературная Москва" подверглась жесточайшей критике сначала со стороны "автоматчиков партии" (статья Дм. Еремина в "Новом мире"), а затем и из уст Хрущева. В выступлении первого секретаря ЦК была своя логика: выход альманаха совпал по времени с постановлением ЦК КПСС "О преодолении культа личности и его последствий", поставившего жесткие рамки антисталинистской критике. Общество, однако, упорно не хотело считаться с этими рамками.

Позднее, в 1961 г., столь же важным событием стал выпущенный калужским издательством альманах "Тарусские страницы", подготовленный группой литераторов, в основном москвичей, биографически связанных с городком Тарусой на Оке. Сами имена большинства авторов, как живых, так и давно умерших, – Н. Заболоцкий, В. Корнилов, А. Штейнберг, М. Цветаева, Б. Окуджава, Н. Панченко, Н. Коржавин, Ф. Вигдорова, Ю. Казаков, Б. Балтер, В. Максимов, Б. Слуцкий, Д. Самойлов, Е. Винокуров, Ю. Трифонов, К. Паустовский – безошибочно заставляли читателя предположить, что этот альманах является манифестом "антисталинистского" стана. Последовала незамедлительная и жесткая реакция: в постановлении Калужского обкома КПСС сборник был назван "скопищем идейно вредных произведений"; секретарю обкома по идеологии А. Сургакову было "поставлено на вид", директору Калужского книжного издательства А. Сладкову объявлен строгий выговор, а главный редактор издательства Р. Левита был вообще уволен. Если бы не усилия Паустовского, которому удалось добиться личной встречи с Хрущевым, этим дело, по всей видимости, не ограничилось бы: в Бюро ЦК КПСС по РСФСР уже было заготовлено специальное постановление "Об ошибке Калужского книжного издательства", которое, очевидно, должно было запустить соответствующую всесоюзную кампанию.

Подобная чистка состоялась, однако, годом позже. Кампания началась с посещения в декабре 1962 г. руководителями партии и правительства художественной выставки в Манеже, где экспонировались произведения авангардистов – художников и скульпторов. И поскольку Хрущев искренне не понимал современного искусства, то и ярость его была неподдельной и бурной. В результате советский художественный авангард на многие годы оказался загнанным в подполье. Но Хрущев не остановился на художниках: почуяв, что в сфере культуры творится какой-то "непорядок", в марте 1963 г. он провел серию публичных встреч с литераторами и кинематографистами, на которых обрушился на поэтов либерального направления (Вознесенский, Евтушенко) и на представителей "новой городской прозы", группировавшихся вокруг журнала "Юность" (В. Аксенов и др.). Интересно, что на банкете, последовавшем за официальной частью, Хрущев поставил в пример обруганным литераторам Александра Солженицына, который, действительно, авангардистом никогда не был. Этот

факт свидетельствует о том, что сводить борьбу за свободу "на культурном фронте" к противостоянию сталинистов и антисталинистов было бы упрощением.

Сенсационные сборники и альманахи прорывались через цензуру и позже. Так, в 1967 г. заметным литературным событием стал 3-й номер ташкентского журнала "Звезда Востока". Подготовленный под девизом "Писатели России – жертвам ташкентского землетрясения", он обратил на себя внимание не только необычно высоким уровнем представленных там произведений, но и именами писателей, публикация работ которых всегда сталкивалась с цензурными сложностями: Мандельштам, Булгаков, Платонов, Бабель; из современных литераторов – Ахмадулина, Окуджава. Брежневское руководство в этом случае не стало "делать историю", да и внимание общественности к этому времени было приковано уже не только к литературе.

Литературно-художественная жизнь хрущевской и брежневской эпох не сводилась, разумеется, к общественно-политическому противостоянию; но именно это противостояние определяло язык времени, его главные парадигмы и наиболее заметные конфликты. Основы оппозиционного мировосприятия выковывались не в подпольных кружках и не на революционных сходках, а в подцензурных журналах, на гуманитарных семинарах и в школах, например, в известной всему миру Летней школе по семиотике профессора Тартуского университета Ю.М. Лотмана, в театрах и театральных коллективах. В середине 1960-х гг. наибольшую известность приобрели Театр на Таганке, "Современник", товстоновский Большой драматический театр в Ленинграде, студия "Наш дом" при МГУ М. Розовского. В том же русле действовало и множество провинциальных театров и разъездных трупп.

Впрочем, самое известное противостояние 1960-х гг. – это все же "война журналов": "Нового мира" А. Твардовского и "Юности" Б. Полевого, с одной стороны, и журналов "Октябрь" (В. Кочетов) и "Огонек" (А. Софронов) – с другой. Особое место в этом конфликте занимали журналы "Молодая гвардия" и "Наш современник". В борьбе с либерализмом они выступали как стратегические союзники Кочетова и Софронова, но действовали скорее в рамках "почвеннической", чем ортодоксально-коммунистической позиции.

Вокруг "Нового мира" группировались писатели и критики либерального толка и писатели-"деревенщики" (т.е. литераторы, которые считали своим долгом откровенно писать о судьбах советской деревни). В журнале публиковалась военная проза авторов, которых ортодоксальная критика ругала за попытки воссоздать истинную, а не парадно-патриотическую картину Великой Отечественной войны. Именно на страницах "Нового мира" читатель впервые встречался с новыми произведениями А. Битова, Ф. Искандера, В. Некрасова, Ю. Трифонова, В. Тендрякова, В. Белова, С. Залыгина, Б. Можяева, Е. Носова, В. Распутина, Ч. Айтматова, Ю. Бондарева, В. Астафьева, В. Быкова, К. Воробьева, стихами А. Ахматовой, А. Тарковского, Д. Самойлова, Ю. Мориц. "Юность" специализировалась на "городской" прозе (В. Аксенов, Б. Балтер, А. Гладилин) и "поэзии молодых". Эти два журнала, особенно "Новый мир", в значительной мере сформировали особый тип культуры и мировосприятия, который сегодня принято называть "шестидесятничеством".

С общественно-политической точки зрения, наиболее значимой литературной победой антисталинистов стала публикация в 11-й книжке "Нового мира" за 1962 г. рассказа Александра Солженицына "Один день Ивана Денисовича" – первого заметного произведения о сталинских лагерях, пробившегося в печать. Немаловажным было и то, что публикация состоялась с одобрения Хрущева и вопреки сопротивлению сталинистов. Дальнейшее восхождение Солженицына к вершинам советской литературы было прервано падением его главного покровителя – Хрущева и обыском, в ходе которого КГБ изъял архив писателя, содержащий его наиболее "криминальные" произведения. Попытки Твардовского и других доброжелателей из руководства Союза писателей добиться публикации двух романов Солженицына – "Раковый корпус" и "В круге первом" – не удались, и они ушли в "самиздат" и "тамиздат", пополнив золотой фонд русской неподцензурной беллетристики.

Наряду с перечисленными, цитаделями свободомыслия и оппозиционности долгое время оставались такие журналы, как "Театр", "Декоративное искусство СССР", "Знание – сила", "Химия и жизнь". В провинции и в союзных республиках действовали собственные "рассадники либерализма": украинский "Всесвіт", алмаатинский "Простор", журналы "Литературная Грузия" и "Литературная Армения". Заметным событием стала публикация в январе – феврале 1968 г. в сибирском журнале "Байкал" глав из книги литературоведа А.В. Белинкова о Юрии Олеше: такой откровенности, резкости и революционности суждений не только о литературе, но и о "советской действительности" в целом советская подцензурная печать не достигала ни раньше, ни позже, вплоть до конца 1980-х гг. Правда, и реакция последовала моментальная: статьи-доносы в "Литературной газете", полная смена редакции "Байкала", изъятие номеров журнала из библиотек. Сам автор счел за благо бежать за рубеж.

Вынужденный уход Твардовского с поста главного редактора "Нового мира" в феврале 1970 г. и последовавший разгон редакции в гораздо большей степени, чем смещение Хрущева шестью годами ранее, знаменовал собой конец "шестидесятничества" и начало новой эпохи в общественной жизни. Да и острота конфликтов в сфере культуры резко снизилась, ибо брежневское руководство управляло литературой и искусством куда снисходительнее и терпимее, чем его предшественники. Пределы дозволенного в том, что касается собственно художественных проблем, языка, стиля, метода и т.п., значительно расширились в 1970-е гг. по сравнению с 1960-ми. Слабеющему тоталитарному режиму уже не хватало сил отстаивать многочисленные идеологические табу предыдущих эпох, и он сосредоточился на охране наиболее важных, касающихся текущей политики и советской исторической мифологии. Это обстоятельство также способствовало разрушению и упадку "шестидесятничества", весь смысл которого состоял в организации противостояния официозу именно в сфере культуры, представлявшейся сердцевинной общественно бытия (и, несомненно, бывшей таковой в 1955–1970 гг.).

Но прежде чем уйти из общественной жизни, шестидесятники породили новое, доселе невиданное в советской и российской истории явление. "Шестидесятничество" стало той средой, внутри кото-

рой, – и, отчасти, в противовес которой, – во второй половине 1960-х гг. возникла и развилась активность советских диссидентов*.

Независимая культурная активность. "Самиздат". Как говорилось выше, в 1950-е гг. внимание общества сосредоточилось на проблемах культуры, а основной оппозиционный пафос был направлен против попыток власти восстановить жесткий идеологический контроль над ней. Основной общественной проблемой, вокруг которой происходили ожесточенные бои, стал вопрос о свободе творчества в условиях социализма. И здесь наметились два пути решения вопроса.

Первый путь – это упорное и ожесточенное противостояние идеологическим инстанциям в попытках расширить пределы дозволенного, "пробивание" через цензуру произведений, сомнительных с точки зрения ревнителей официальной идеологии. Это настойчивое стремление литераторов ввести в культурный оборот запрещенные или полупрещенные темы и имена, попытки художников "легализовать" на выставках и вернисажах методы, не вписывавшиеся в каноны социалистического реализма. Значение этой работы для советской культуры невозможно переоценить. И тем не менее "внутрисистемная" оппозиция официозу имела свои естественные пределы. Границы между "системным" и "внесистемным" инакомыслием определялись отнюдь не радикализмом художественных или политических воззрений, а независимостью от официальных требований. Главное отличие диссидентского типа культурной активности от "подцензурного инакомыслия" состояло в том, что он реализовывался в формах, вовсе не предполагавших какое бы то ни было взаимодействие с властью. Это и был второй путь решения вопроса о свободе творчества.

Одной из возможностей освободиться от цензурного контроля были зарубежные публикации. Наиболее громкий случай, когда советский литератор, не найдя издателя в СССР, опубликовал свое произведение за рубежом, – это, конечно, история с романом Б. Пастернака "Доктор Живаго". Сам Пастернак, судя по всему, отчасти представлял себе последствия своего поступка; но воспитанный на опыте 1920-х гг., когда зарубежные публикации советских авторов (Пильняк, Булгаков, Замятин), хотя и не приветствовались, но и не становились предметом всенародных пропагандистских кампаний, вряд ли ожидал, что дело дойдет до публичной гражданской казни на общем собрании московских писателей 30 октября 1958 г., исключения из Союза писателей и требований собратьев по цеху о высылке за границу. Публичное шельмование великого русского поэта для множества представителей советской интеллигенции стало событием более значимым, нежели перипетии политической жизни страны тех лет.

Куда менее известен факт публикации в 1959 г. за рубежом философом, математиком и поэтом А.С. Вольпиным (в литературе его,

* Сергей Ковалев в своих мемуарах свидетельствует, что после вынужденного ухода Твардовского с поста главного редактора "Нового мира" и разгона редакции он и два других видных диссидента, К. Любарский и А. Твердохлебов, обсуждали проект воссоздания этого журнала в "самиздатском" исполнении, на базе материалов, оставшихся в редакционном портфеле "старого «Нового мира»". Осуществлению проекта помешал арест К. Любарского. – *Sergej Kowaljow. Der Flug des Weibben Raben (Von Sibirien nach Tschetschenien: Eine Lebensreise)*. Berlin, 1997.

сына Есенина, часто называют Есениным-Вольпиным) поэтического сборника "Весенний лист" вместе с написанным им же философским трактатом. Это был уже осознанный диссидентский поступок, и способ расправы над автором типологически тоже относится к более поздней эпохе: Вольпин насильственно и надолго был помещен в психиатрическую больницу. Позднее за рубежом была опубликована "Автобиография" Е. Евтушенко. Поэту не раз припоминали этот факт на различных проработках, но до серьезных репрессий дело не дошло.

Особым видом "тамиздата" стали анонимные или "псевдонимные" публикации за границей. По этому пути пошли А. Синявский и Ю. Даниэль, о деле которых будет подробно рассказано ниже, и ряд других, менее известных литераторов и публицистов, – А. Ремезов, П. Нарича, Б. Евдокимов, В. Тарсис. Однако в дальнейшем этот метод большого распространения не получил.

А вот публикация за границей под своим именем стала обычным способом избежания цензуры для множества советских писателей и мемуаристов. Достаточно назвать имена В. Максимова, А. Солженицына, Б. Окуджавы, Л. Чуковской, Л. Копелева, В. Шаламова, Е. Гинзбург, А. и Б. Стругацких, Ф. Искандера, Г. Владимова, В. Войновича, Ф. Светова, А. Галича, Ю. Домбровского и многих других, вплоть до Хрущева. В 1970-е гг. такие публикации часто уже не вызывали серьезных последствий: максимум, чего могли потребовать от автора, – это формального и публичного отречения от публикации. Некоторых писателей, отказавшихся от такого отречения, например Ф. Искандера, просто оставляли в покое. Разумеется, последнее верно лишь для тех произведений, которые не содержали откровенной политической крамолы. В противном случае могли исключить из творческого союза и даже судить (пример – дело экономиста и публициста Л. Тимофеева в 1985 г.). По-видимому, относительно безнаказанную возможность публикации за рубежом следует рассматривать как одно из немногих реальных завоеваний борцов за свободу творчества в СССР. Но для этого потребовался ряд уголовно-литературных скандалов, серьезно подорвавших престиж Советского Союза за границей.

Тем не менее наиболее исторически значимым, с точки зрения формирования диссидентского менталитета, способом распространения художественных и культурных текстов в обход цензуры стал "самиздат". Само это слово возникло еще в середине 1940-х гг. Московский поэт Николай Глазков затеял довольно рискованную для своего времени литературную игру: он изготавливал и дарил друзьям машинописные сборники своих не публиковавшихся стихов и прозы, сброшюрованных в виде самодельных книжек, титульный лист которых имитировал титульный лист печатного издания. Там, где в "настоящей" книге проставляется название издательства, Глазков впечатывал изобретенное им самим слово "самиздат" (иногда – "самсебяиздат"), пародируя, таким образом, государственное издательство ("Госиздат"). К концу 1950-х гг. это слово вошло в окололитературный обиход и стало обозначать любые машинописные копии неопубликованных произведений.

Какие тексты распространялись в "самиздате" во второй половине 1950-х гг.? Согласно мемуарам и устным воспоминаниям, более всего стихи. Сначала в "самиздате" были представлены поэты предшествующих эпох, чье творчество считалось полузапретным (акмеисты, симво-

листы, обериуты и пр.) или в связи с "особенностями" их биографии (Н. Гумилев, М. Цветаева, О. Мандельштам). Примерно с середины десятилетия "самиздат" пополнился произведениями современных поэтов, уже известных (Б. Пастернак, А. Ахматова, А. Твардовский, Б. Слуцкий, Д. Самойлов, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина) и не очень (В. Корнилов, Б. Окуджава, А. Аронов, Г. Сапгир, Г. Горбовский). Появились и такие, чье литературное творчество целиком или почти целиком реализовывалось в "самиздате", например М. Павлова, В. Бурич, И. Холин, С. Красовицкий, Вс. Некрасов, Д. Андреев, Р. Мандельштам. На рубеже 1950 – 1960-х гг. широкую известность приобрели стихотворения И. Бродского*.

К концу 1950-х гг. "самиздат" освоил прозу. Очень часто это были переводные работы: романы Хемингуэя, Кестлера, Оруэлла, Кафки, "Письмо к заложнику" А. де Сент-Экзюпери, некоторые философские и публицистические произведения А. Камю. Что касается отечественных авторов, то в первую очередь здесь публиковалась проза Платонова, Зоценко и – с 1957 г. – роман Пастернака "Доктор Живаго", который распространялся не столько в машинописи, сколько в виде фотокопий зарубежных изданий. Особый жанр представляли произведения, когда-то опубликованные в СССР, но не переиздававшиеся в течение десятилетий: письма В.Г. Короленко А.В. Луначарскому, "Несвоевременные мысли" М. Горького, рассказы, повести и пьесы Пильняка, Замятина, Булгакова и т.д. Таким образом, "самиздат" технически решал вопрос о свободе творчества не в пользу тоталитарного контроля над словом. Оттенок запретности или полузапретности могли придать имя автора, тема произведения и десятки других факторов. Как правило, в "самиздат" уходили тексты, которые не имели шансов пройти цензуру либо уже были запрещены. В силу одного этого "самиздатская" активность воспринималась как оппозиционная – если не собственно власти, то, по крайней мере, системе запретов, ею порожденной.

Специфической и очень популярной формой "самиздата" с конца 1950-х гг. стало явление, позднее окрещенное "магнитиздатом", – авторская песня, записанная на пленку. У истоков авторской, или, как ее еще называют, "самодетальной" песни стояли Булат Окуджава, Владимир Высоцкий, Александр Галич, Юлий Ким и десятки других, менее известных авторов. Особенность рассматриваемого периода состояла в том, что на смену последовательно популярным в 1920–1950-е гг. жанрам городского, уголовного и фронтового фольклора, а также официально признанным произведениям советских поэтов-

* Разумеется, приведенные перечни имен ни в коей мере не претендуют на полноту: здесь названа лишь часть поэтов 1950-х гг., чьи тексты распространялись "самиздатом", в основном – москвичи. Еще два замечания: во-первых, "самиздатское" творчество поэтов первых двух категорий спустя некоторое время зачастую пробивалось в официальную печать (такова судьба большинства "самиздатских" стихотворений Б. Окуджавы, таких произведений, как "Теркин на том свете" Твардовского, "Дождь" Ахмадулиной, фрагментов "Реквиема" Ахматовой, "Стихов из романа" Пастернака); во-вторых, поэты, названные в "третьем перечне", очень часто имели иной, официально признаваемый литературный статус: так, Сапгир был известным детским поэтом, Павлова – литературным редактором, Бурич – переводчиком.

песенников пришла песня как вид бесцензурного авторского творчества*. Сам источник культурного текста – магнитофонная запись становилась своеобразным "авторским свидетельством" и одновременно символом бесцензуры. С 1965 г. по всей стране возникают неофициальные и неподконтрольные власти молодежные "клубы самодетальной песни" (КСП) как попытки реализации права на творческое объединение явочным порядком.

Отношение властей к авторской песне эволюционировало от полного игнорирования до попыток ее подавить или поставить под свой контроль. С 1968 г. наиболее "крамольным" авторам – А. Галичу, Ю. Киму, В. Высоцкому – запрещают выступать публично; в печати появляются статьи, клеймящие "мещанское" и "безыдейное" творчество "так называемых бардов". В 1971–1972 гг. Александра Галича исключили из Союза писателей и Союза кинематографистов; в 1974 г. он был вынужден эмигрировать.

С КСП власти вели более тонкую игру. Конечно, применялись и силовые методы: разгон слетов и фестивалей авторской песни, гонения на активистов клубов – "проработки", увольнения с работы, взыскания по комсомольской линии. Одновременно ВЛКСМ пытался "покровительствовать" клубам: им предлагались помещения, помощь в организации слетов и т.п. в обмен на предварительный просмотр и утверждение репертуара концертов и фестивалей соответствующими комсомольскими органами. Результатом этого стало появление в движении диссидентских групп, отвергавших "конкордаты с ВЛКСМ". Самая известная из них, "Воскресенье" (Москва), лидером которой был инженер В. Абрамкин, в 1975–1977 гг. проводила "альтернативные" слеты и даже пыталась выпускать собственный "самиздатский" альманах. В 1978 г. этот альманах явился основой для создания куда более знаменитого "самиздатского" журнала "Поиски".

Наибольшей самостоятельности авторская песня как способ существования неофициальной культуры достигла, пожалуй, лишь оторвавшись от исходного носителя – магнитофонной пленки и из способа самовыражения автора превратившись в способ самовыражения исполнителей и слушателей. Возможно, поэтому самый яркий манифест независимой творческой активности мы находим именно в авторской песне – в песне Галича "Мы не хуже Горация". По очереди противопоставляя "разрешенной" живописи, литературе, эстраде символы не-

* Характерно, что в более ранний период вопрос об авторстве той или иной песни не воспринимался как актуальный даже тогда, когда этот вопрос напрашивался сам собой: например, в случае очевидной литературной пародии на тот или иной фольклорный жанр. И сейчас мало кто знает, что автором известной с 1940-х гг. песни "Я был батальонный разведчик..." является В. Охрименко, "Когда качаются фонарики ночные..." — это раннее стихотворение Г. Горбовского, известный гибрид блатной песни и шпионского детектива "Стою я раз на Невском..." сочинен А. Левинтоном, а популярная сатирическая песенка конца 1950-х гг. "Прекрасна русская земля / Вокруг залива Коктебля" — В. Бахновым и Я. Костюковским в ответ на газетную статью А. Первенцева о "стилягах". Однако многим хорошо известно имя Ю. Алешковского — автора песен, выполненных в аналогичном жанре, но сочинявшихся несколько позже, не говоря уже о В. Высоцком.

зависимого творчества (не выставленная картина на подрамнике, пишущая машинка "Эрика", магнитофон "Яуза"), поэт резюмирует: "Вот и все. Но этого – достаточно!".

19 июля 1958 г. на площади Маяковского в Москве был открыт памятник В.В. Маяковскому. После того как закончилась официальная часть торжеств, включавшая в себя и "литературный концерт" с участием известных советских поэтов, чтение стихов Маяковского и своих собственных, "в неофициальном порядке" их продолжила собравшаяся на площади молодежь. Спонтанно возникший поэтический вечер понравился его участникам, и подобные встречи у памятника Маяковскому стали регулярными.

Сходки на площади Маяковского быстро приобрели характер литературной фронды в силу того обстоятельства, что они не были санкционированы ни комсомольскими, ни партийными органами, а стихи, которые читали их участники, не подвергались цензуре. Позднее "у Маяка" зазвучали уже не только чисто поэтические выступления: молодежь начала дискутировать на философские и исторические темы, обсуждать текущие политические события. Время от времени случались и политические выступления оппозиционного характера. На площади завязывались знакомства, формировались кружки – не только литературные, но и политические. Многие из тех, кто принимал участие в сходках, впоследствии стали известными диссидентами. На площади бывали Юрий Галансков, Владимир Осипов, Владимир Буковский и другие, чьи имена вошли в историю становления независимой общественности в России.

Власти неоднократно пытались пресечь "несанкционированные сборища". Сходки разгонялись милицией и дружинниками, их участников задерживали, сообщали об их "антиобщественном поведении" по месту учебы или работы. Однако окончательно прекратить встречи удалось лишь осенью 1961 г., после того как трое активистов "Маяковки" – Владимир Осипов, Эдуард Кузнецов и Илья Бокштейн – были арестованы КГБ и осуждены за "антисоветскую пропаганду".

Одной из первых моделей диссидентского сообщества стала так называемая "лианозовская коммуна", образованная в конце 1950-х гг. вокруг нескольких художников и поэтов, поселившихся в подмосковном поселке Лианозово. "Лианозовцы" не стремились выставляться и публиковаться; для них достаточно было экспонировать свою живопись на стенах своих квартир и квартир друзей, а стихи и поэмы читать и распространять в кругах близкой к ним интеллигенции.² Художественная активность "лианозовцев" явилась прообразом позднейших "квартирных выставок" художников-авангардистов, а литературное творчество, по крайней мере, некоторых из них изначально и заведомо было ориентировано на "самиздатское" распространение. Деятельность этого содружества вполне вписывалась в тот тип общественной активности, которую много позже Андрей Амальрик охарактеризует как освоение "серой полосы", лежащей в промежутке между безусловно одобряемыми и абсолютно запрещаемыми властью нормами общественного поведения.³ Конечно, существовала и вовсе действовала статья Уголовного кодекса РСФСР об "антисоветской агитации"; но подогнать творчество поэтов Генриха Сапгира, Аркадия Штейнберга, Всеволода Некрасова, Игоря Холина или художников

Оскара Рабина и Льва Кропивницкого под эту статью составляло правовую проблему даже для более чем гибкой хрущевской юстиции.

Однако, способ творческого существования, найденный "лианозовцами" и другими подобными им группами и сообществами в Москве, Тарусе, Ленинграде, Киеве* и других городах, обеспечивал не только определенную защиту от преследований. С точки зрения развития диссидентского мировоззрения, гораздо важнее было то, что этот способ гарантировал независимость от негласно предписывавшихся норм общественного поведения. Оказалось, что открытое игнорирование этих норм намного эффективнее и, самое главное, гораздо лучше обеспечивает достоинство творческой личности, чем непосредственная идеологическая или политическая борьба, неважно – в рамках ли системы, или в подполье. В выборе "лианозовцев" в неявном виде уже присутствовала правовая идея, ставшая стержнем всей диссидентской активности, которую позднее А.А. Амальрик обобщил в виде следующей формулы: "Инакомыслящие сделали гениально простую вещь – в несвободной стране начали вести себя как свободные люди"⁴.

Одним из почитателей и постоянных посетителей коммуны "лианозовцев" был начинающий журналист Александр Гинзбург. Именно ему и, возможно не без участия Г. Сапгира, пришла в голову дерзкая идея, разом превратившая "самиздат" в альтернативный Госиздату общественный институт. В 1959 г. Гинзбург подготовил и размножил поэтический альманах, состоявший из произведений авторов, по тем или иным причинам не прошедших цензуру либо вовсе не предлагавшихся в печать. Главное заключалось в том, что "Синтаксис", как назывался альманах, с самого начала планировался как периодическое издание и к тому же имел на титульном листе фамилию составителя. Этот шаг был равнозначен объявлению "самиздата" не спонтанным процессом, а общественной институцией: издание сборника стало своего рода Декларацией независимости культурного процесса. В 1960 г. Гинзбурга, к тому времени выпустившего уже три номера журнала и готовившего четвертый, арестовали, и против него было возбуждено уголовное дело по обвинению в "антисоветской агитации"⁵.

Но необязательность печатного станка для самореализации культуры оказалась продемонстрирована с предельной наглядностью. За "Синтаксисом" последовали многочисленные "самиздатские" альманахи и журналы, а в 1964 г. группа молодых московских литераторов создала собственное, независимое как от государства, так и от Союза писателей творческое объединение – СМОГ. У этой аббревиатуры было несколько расшифровок: Самое Молодое Общество Гениев; Смелость, Мысль, Образ, Глубина; Сжатый Миг Отраженной Гиперболы. Молодые поэты, его участники (Л. Губанов, В. Батшев, В. Алейников, Ю. Кублановский, Ю. Вишневская, Б. Дубин, В. Бережков, И. Голубев, Н. Сол-

* На Украине подобные сообщества (например, Клуб творческой молодежи в Киеве и аналогичный ему клуб "Пролісок" во Львове, относившиеся, правда, к несколько более позднему времени) имели, конечно же, и отчетливо выраженную национальную окраску.

** Вскоре КГБ счел за благо прикрыть дело об "антисоветской агитации"; для Гинзбурга было срочно придумано другое, "неполитическое", обвинение, по которому он и получил свой первый срок.

нца, С. Морозов и др.), отчетливо ощущали себя продолжателями "Синтаксиса", с одной стороны, и традиций площади Маяковского, с другой. "Смогисты" выпускали собственный машинописный журнал – "Сфинксы", готовили "самиздатские" сборники ("Здравствуйте, мы – гении", "Авангард", "Чу!", "Рикошет" и др.). Обратила на себя внимание их публичная манифестация 14 апреля 1965 г.: участники объединения прошествовали от площади Маяковского, где огласили свой манифест, до Центрального дома литераторов, подняв над головами эпатажный лозунг "Лишим социалистический реализм невинности!".

Во второй половине 1960-х гг. органы госбезопасности пустили в ход все средства, чтобы скомпрометировать СМОГ и задушить его. Некоторые из активных участников объединения были осуждены за "тунеядство" и "антиобщественный образ жизни", другие подверглись принудительному лечению в психиатрических больницах. Общество распалось. Опыт его деятельности важен тем, что впервые за несколько десятилетий люди свободно, не по приказу свыше и не запрашивая разрешения властей, объединились в независимую общественную организацию, осуществив тем самым одно из основных гражданских прав – право на объединение.

Уже в 1950-е гг. в "самиздате" были представлены публицистика, правда в основном переводная, историко-философские эссе и политические памфлеты вроде "Фермы животных" Оруэлла. Позднее стала появляться и актуальная отечественная публицистика. Чаще всего авторы этих текстов пытались осмыслить период сталинизма, дополнить и расширить официально дозволенные разоблачения "культы личности". Классическим примером является "Открытое письмо" журналиста Э. Генри Илье Эренбургу. Появились и мемуаристика ("Крутой маршрут" Е. Гинзбург), и философские эссе (Г. Померанц), и исторические труды (работа Р. Медведева "К суду истории"). Время от времени в "самиздат" попадали и исторические документы, такие, как открытое письмо Раскольникова Сталину. Одним из самых известных текстов, посвященных исторической проблематике, стала запись обсуждения в Институте марксизма-ленинизма книги А.М. Некрича "22 июня 1941 года", которое состоялось в феврале 1966 г. и ознаменовалось бурной полемикой между антисталинистами и защитниками Сталина. Характерно, что эта запись имелась в нескольких редакциях: сразу несколько человек из числа присутствовавших, не сговариваясь, запротоколировали обсуждение и распространили текст. К первой половине 1960-х гг. относится появление в "самиздате" сборников "Вехи", "Из глубины", работ Бердяева и других религиозных философов начала XX века. Чуть позже стала циркулировать литература, пришедшая с Запада: книги Джиласа, Авторханова, программные документы Народно-Трудового Союза.

"Литературный процесс" в СССР в середине 1960-х гг.

В 1964 г. в разделе "самиздатской" публицистики и документалистики появилась еще одна тема, которой в последующие годы суждено было стать ведущей: политические преследования за инакомыслие. Характерно, что подсудимыми на первых политических судебных процессах, вызвавших широкую общественную реакцию, были литераторы, арест которых был прямо связан с их попытками утвердить автономию творческой деятельности, вывести ее из-под государственного

контроля. Именно это обстоятельство сделало широко известными имена Иосифа Бродского, Андрея Синявского и Юлия Даниэля.

Формально Бродский был арестован не за свое творчество, а в связи с тем, что "вел паразитический образ жизни", то есть не числился на постоянной службе и не являлся членом творческого союза. Преследования "антиобщественных элементов" были лишь отчасти направлены против инакомыслящих. Общей целью Указа о борьбе с тунеядцами* были те, чей образ жизни не вписывался в концепцию "советского человека – строителя коммунизма": проститутки, "стиляги", алкоголики, активисты религиозных сект и т.д. После 1961 г. стало возможным привлекать их к суду и высылать в отдаленные местности СССР на срок до 5 лет. КГБ широко использовал возможности Указа в отношении тех, чье поведение рассматривалось как "политически неблагонадежное". К этой категории, безусловно, относился и будущий лауреат Нобелевской премии 1987 г. по литературе. Его политическая неблагонадежность складывалась из многих обстоятельств: знакомства с людьми, осужденными за "антисоветскую агитацию", демонстративного нежелания делать литературную карьеру по принятым в СССР правилам, пренебрежительного отношения к официозу и главное – его положения неофициального лидера независимой поэзии.

Бродский был арестован 13 февраля 1964 г., а в марте того же года осужден Дзержинским районным судом Ленинграда к 5 годам ссылки за "паразитический образ жизни". Учитывая место Бродского в поэзии XX века, этот процесс в любом случае вошел бы в историю русской литературы. Получилось, однако, что он вошел и в историю становления российской гражданственности.

По просьбе Ахматовой, на судебном процессе присутствовала московская журналистка Ф.А. Вигдорова. Лихорадочно записывая перипетии судебного спектакля – вопросы судьи, ответы Бродского, показания свидетелей, выкрики из публики, Вигдорова вряд ли думала о том, что создает первый правозащитный документ в новейшей истории нашей страны. Обработанная Вигдоровой запись суда быстро и широко распространилась в "самиздате". Будучи опубликованной за рубежом, она вызвала шок и негодование, в том числе и среди просоветски настроенной западной интеллигенции. Все это, вкуче с многочисленными петициями в защиту Бродского, направленными в судебные, партийные и государственные органы СССР видными представителями советской интеллигенции (А.А. Ахматовой, К.И. Чуковским, С.Я. Маршак-ом, К.Г. Паустовским, Д.Д. Шостаковичем), в конечном счете привело к досрочному освобождению Бродского из ссылки.

Два года спустя родственники и друзья Синявского и Даниэля, допущенные на суд над ними, уже вполне целенаправленно будут вести записи судебного процесса. Впоследствии на этой простой идее – записать все, как было, и сделать записанное достоянием общественности – будут построены десятки и сотни правозащитных документов.

* Указ Президиума Верховного Совета РСФСР "Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни" от 4 мая 1961 г. Положения Указа были развиты и дополнены решениями Пленума Верховного Суда СССР 10 марта 1963 г.

В сентябре 1965 г., когда помилованный Бродский возвращался из ссылки, в Москве КГБ завершил многолетнюю операцию арестом двух "особо опасных государственных преступников" – литераторов А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля. Преступление обоих состояло в том, что с середины 1950-х гг. они тайно передавали за границу рукописи своих произведений для публикации, обходя, таким образом, Главлит. Несколько лет зарубежная агентура КГБ пыталась определить, кто скрывается под именами Абрама Терца и Николая Аржака, и наконец выяснила. Обоим было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного статьей 70 УК РСФСР. Оба признали свое авторство. В феврале 1966 г. Верховный суд РСФСР приговорил Андрея Синявского к 7, а Юлия Даниэля – к 5 годам лагерей.

Впоследствии, в отечественной и зарубежной историографии утвердилось мнение, что "дело Синявского и Даниэля" стало своего рода знаком к переходу от хрущевского "либерализма" к брежневскому "консерватизму". Именно так это дело было воспринято советской интеллигенцией. Однако некоторые обстоятельства дают возможность предложить несколько другую трактовку намерений нового советского руководства.

1965 г. – первый год после смещения Хрущева со всех партийных и государственных постов – ознаменовался рядом сигналов, позволявших предполагать, что брежневское руководство, напротив, намерено проводить более либеральную политику в отношении творческой интеллигенции и уж во всяком случае не собирается с нею ссориться. Временно прекратились грубые выпады в адрес писателей и художников, столь характерные для Хрущева, были допущены в печать критические статьи о Т.Д. Лысенко, партийно-правительственная поддержка антинаучных "теорий" которого являлась сильнейшим раздражителем для всех ученых-естественников, от биологов до физиков-ядерщиков. В репрессивной политике наметился некоторый перерыв: с октября 1964 по март 1965 г. не был приговорен к лишению свободы за "антисоветскую агитацию и пропаганду" ни один человек – случай неслыханный за всю историю советской власти*. А когда аресты по политическим обвинениям возобновились, их количество резко снизилось по сравнению с хрущевскими годами. Одновременно, с декабря 1964 г. и вплоть до лета 1965 г., шла тихая, но основательная разгрузка политлагерей: по постановлениям Президиума Верховного Совета СССР или союзных республик или же в связи с судебным пересмотром дел на свободу выходили десятки, если не сотни людей, осужденных за критику Хрущева и другие мало-важные, с точки зрения новой власти, "преступления".

Значило ли это, что арест Синявского и Даниэля знаменовал иную, консервативно-репрессивную тенденцию во внутренней политике? Докладная записка председателя КГБ В.Е. Семичастного в ЦК КПСС и последующие постановления Секретариата ЦК позволяют предположить несколько иное: будучи уверены, что действия двух

* Данный вывод – результат анализа картотеки учета заключенных учреждения ЖХ 385 (Дубравный ИТЛ) – единственного в 1960-е гг. лагеря, где содержались лица, осужденные за "особо опасные государственные преступления" (т.е. по политическим обвинениям). Анализ проведен по базе данных, составленной на основе 12 тыс. откопированных учетных карточек. – Архив общества "Мемориал". Ф. 167.

"отщепенцев", если о них подробно поведать широкой общественности, вызовут осуждение, власти предполагали, что процесс Синявского и Даниэля может успокоить интеллигенцию. Политическое послание, заключенное в деле двух писателей, в свете этих документов прочитывается следующим образом: новое руководство намерено прибегать к уголовным репрессиям лишь в отношении явных "антисоветчиков", что же касается интеллигентов, соблюдающих минимальную лояльность, они могут не опасаться быть ошельмованными, как прежде. С этой целью процесс должен был проходить максимально гласно (в советском понимании этого слова). Многие московские литераторы получили разовые пропуска на судебные заседания. И, самое главное, суд должен был широко освещаться в прессе.

Первые статьи в "Известиях" и в "Литературной газете"⁵ появились еще за месяц до начала суда и сформировали общественное мнение по поводу этого дела: даже те, кто сомневался в корректности псевдонимного опубликования за рубежом литературных произведений, после этих отчетливо погромных статей взяли сторону подсудимых. Симпатии общества окончательно перешли на сторону Синявского и Даниэля, когда из газетных отчетов стало ясно, что они, впервые в истории советских показательных процессов после 1922 г., не каются, не признают себя виновными, отстаивая право на свободу литературного творчества. Еще до открытия процесса в правительство, Президиум Верховного Совета СССР, ЦК КПСС, в судебные инстанции, в газеты начали поступать коллективные и индивидуальные письма протеста против предстоящего суда над литературой. Писавшие ссылались на закон, на невозможность доказать "умысел на подрыв или ослабление Советской власти" (наличие такого умысла предполагало применение статьи 70 УК), на некорректность рассмотрения художественной прозы как политического текста, на отсутствие криминала в факте публикации за рубежом или под псевдонимом, на наличие в Конституции СССР статьи 125, гарантирующей свободу слова и печати.

После суда и приговора поток петиций заметно возрос. Среди них выделялось обращение 62 членов Союза писателей (в их числе Эренбург, Антокольский, Паустовский, Чуковский и другие признанные мэтры советской литературы), авторы которого предлагали отдать двух осужденных литераторов им на поруки. К протестам присоединилась зарубежная общественность, включая руководство большинства западных коммунистических партий. Кампания "всенародного осуждения" блистательно провалилась.

Попытка партийного руководства устами писателя М.А. Шолохова осудить тех, кто заступает за двух "литературных оборотней", вызвала отпор Л.К. Чуковской, которая обвинила Нобелевского лауреата 1965 г. в измене гуманистическим идеалам русской литературы и именем этой литературы приговорила его "к высшей мере наказания, существующей для художника, – к творческому бесплодию" (это предсказание сбылось). Открытое письмо Чуковской Шолохову широко распространялось в "самиздате" и стало признанным шедевром диссидентской публицистики. Петиционеры, люди совершенно разных профессий, обладали, как правило, хорошим положением в обществе; тон почти всех писем оставался вполне лояльным по отношению к режиму. Новым, по сравнению с петициями в защиту Бродского, стало то, что эти письма были открытыми, ходили по рукам,

перепечатывались. Жанр открытого письма стал основным жанром правозащитной литературы двух следующих десятилетий.

5 декабря 1965 г. на Пушкинской площади в Москве впервые в советской истории состоялся митинг под правозащитными лозунгами. Основным организатором митинга был А.С. Вольпин – свой человек в различных диссидентских кружках. К нему относились хорошо, ценили его стихи, его бесстрашие и прямоту; но над его одержимостью правовыми идеями, убеждением в том, что все законы, плохие или хорошие, гражданин должен соблюдать, слегка посмеивались. Отстаивать право в стране, где царит "социалистическая законность", казалось донкихотством. В лучшем случае, тезис Вольпина рассматривался как тактическая уловка, но не как философия сопротивления. Однако дело Синявского и Даниэля продемонстрировало глубокое соответствие этой философии складывающейся общественной ситуации.

В октябре – ноябре 1965 г. Вольпин пришел к выводу, что общественность должна открыто и публично выразить свое отношение к будущему судебному процессу. Лучшим способом сделать это он и несколько его друзей признали митинг, проведенный в соответствии с гарантированной Конституцией свободой шествий, митингов и демонстраций. До тех пор об этой свободе вспоминали только во время "демонстраций трудящихся" 1 мая и 7 ноября. Последние же оппозиционные манифестации проводились в 1927 г. сторонниками Троцкого, и это были манифестации политические. Вольпин задумал и провел митинг в защиту права; сам он назвал его "митингом гласности". В полном соответствии со своей доктриной он отказался проводить митинг под лозунгами, требующими освобождения арестованных (это, считал он, дело суда) или защиты "свободы творчества", – он предложил, чтобы на нем было выдвинуто требование о гласности суда над Синявским и Даниэлем. Можно усмотреть иронию истории в том, что в это же самое время на гласности в деле Синявского и Даниэля настаивал и председатель КГБ Семичастный.

Сложно установить, сколько народу откликнулось на призыв Вольпина. Показания очевидцев расходятся: называют цифры от 40–50 человек до двух-трех сотен. Возможно, последняя цифра объясняется большим количеством "оперативников", заполнивших сквер около памятника Пушкину. Во всяком случае, плакаты, поднятые над головами участников митинга, были немедленно вырваны из их рук. Несколько человек, в том числе и сам Вольпин, были на короткое время задержаны, но в тот же вечер отпущены. Несколько "смогистов", активно готовивших митинг, превентивно отправили в психбольницы, где они провели несколько недель; кое-кого из студентов выгнали из комсомола и из вуза⁶. Опасения тех, кто боялся, что на такую неслыханную дерзость власти ответят резким усилением репрессий, не оправдались.

Была ли сравнительно сдержанная реакция властей на демонстрацию 5 декабря, как и на петиционную активность вокруг дела Синявского и Даниэля (никто из "подписантов", как их вскоре стали называть, всеерьез не пострадал), признаком растерянности? Скорее, в ЦК и КГБ просто не придали должного значения общественной реакции. Единственным выводом, который был сделан в верхах из всего происшедшего, стало введение в Уголовный Кодекс, по предложению Семичастного и Генерального прокурора СССР Руденко, статьи 190-1, каравшей за "заведомо ложные клеветнические измышления,

порочащие советский общественный и государственный строй", и статьи 190-3, определявшей уголовную ответственность за "групповые действия, грубо нарушающие общественный порядок".

Для диссидентов митинг 5 декабря стал традицией, хотя содержание этой традиции со временем изменилось. На смену "митингу гласности" пришел "митинг молчаливой солидарности с преследуемыми по политическим мотивам": люди собирались у памятника Пушкину, ровно в 18.00 обнажали головы и пять минут молчали. Традиция продержалась 12 лет, а в 1977 г., из-за переноса Дня Конституции на 7 октября, митинги стали проводиться 10 декабря, в годовщину принятия Организацией Объединенных Наций Всеобщей Декларации прав человека.

Возникновение правозащитного движения в СССР. Дело Синявского и Даниэля стало началом консолидации многочисленных диссидентских групп и кружков. Консолидация заняла около двух лет, и к концу этого периода можно было констатировать, что в СССР сложилось немногочисленное (в несколько сот участников), но очень активное независимое общественное движение. Это движение объединяло людей самых разных политических убеждений, от коммунистов до монархистов и "почвенников" (еще больше было тех, кто принципиально отстранялся от "политики"), под лозунгом защиты прав человека. Оно действовало открыто, гласно и апеллировало главным образом к праву. Сам процесс консолидации представлял собой нечто вроде цепной реакции: каждое действие диссидентов вызывало репрессивную реакцию власти, которая, в свою очередь, провоцировала новые и новые протестные акции.

Начало этой "цепной реакции" связано с именем уже упоминавшегося Александра Гинзбурга, который собрал все доступные ему материалы по делу Синявского и Даниэля, ходившие в "самиздате", и к осени 1966 г. составил из них, а также из зарубежных публикаций, посвященных этому делу, документальный сборник. Как и в случае с "Синтаксисом", имя составителя было указано на титульном листе сборника, получившего при переиздании его на Западе название "Белая книга"⁷. Реакция КГБ была быстрой и жесткой: в январе 1967 г. Гинзбург был арестован и обвинен в "антисоветской агитации и пропаганде". Его дело следствие искусственно объединило с делом трех его друзей, арестованных за несколько дней до него: поэта и публициста Юрия Галанскова, которого обвинили в составлении литературно-философского альманаха "Феникс"*⁸, их общего знакомого Алексея Добровольского и машинистки Веры Лашковой, печатавшей первые экземпляры как "Феникса", так и "Белой книги".

22 января 1967 г. на традиционном уже месте, у памятника Пушкину, прошла демонстрация, вызванная арестами. Митингующие протестовали против арестов, а также призывали к отмене статей 190-1 и 190-3, как противоречащих Конституции. Организовал демонстрацию давний активист "Маяковки" Владимир Буковский. На сей раз организаторы и активные участники демонстрации были арестованы; четверо из них – сам Буковский, Евгений Кушев, Вадим Делоне и Владимир

* В литературе чаще всего фигурирует как "Феникс-66" (в отличие от составленного тем же Галансковым в 1961 г. первого выпуска альманаха).

Хаустов – предстали перед судом, причем им были инкриминированы те самые статьи УК, против которых они протестовали.

Двигаясь по уже проторенной Гинзбургом дорожке, молодой физик Павел Литвинов составил документальный сборник "Дело о демонстрации на Пушкинской площади". Арестовать его было просто: Литвинов – внук известного старого большевика, соратника Ленина, в 1930-е гг. занимавшего пост наркома иностранных дел СССР. Когда Литвинова вызвали в КГБ для профилактической беседы, он продемонстрировал своим собеседникам новый и шокировавший их тип социального поведения: не выказав ни испуга, ни возмущения, он аккуратно запротоколировал саму беседу и поместил ее в свой сборник в качестве завершающего материала.

Подготовка суда над Гинзбургом и его товарищами сильно затянулась: судебный процесс был проведен лишь в январе 1968 г. По всей видимости, власть отчаялась убедить общественное мнение в нравственной и политической обоснованности уголовных репрессий против инакомыслящих и в ходе следствия прибегла к ряду серьезных фальсификаций, опиравшихся на показания одного из арестованных (А. Добровольского) и долженствующих продемонстрировать связь между ними и зарубежными антисоветскими организациями. Однако независимо от того, существовала ли в действительности такая связь или нет, общественное доверие к власти было уже настолько подорвано, что этому обвинению мало кто верил. Сам процесс изобилует вопиющими процессуальными нарушениями. Галансков был приговорен к 7 годам лишения свободы (в 1972 г. он погиб в лагере), Гинзбург – к 5 годам, Добровольский – к 2 годам, а Лашкова – к году.

Но еще до окончания судебного процесса неординарный шаг правозащитников перечеркнул все возможные пропагандистские выгоды, которые КГБ намеревался из него извлечь. В предпоследний день суда два к тому времени достаточно известного диссидента, Павел Литвинов и жена осужденного писателя Юлия Даниэля Лариса Богораз, передали зарубежным корреспондентам свое обращение по поводу происходящего судебного процесса. Революционность этого шага состояла в том, что впервые граждане СССР апеллировали не к советским государственным, партийным или судебным органам, а обращались непосредственно к международному общественному мнению. Тем самым они демонстративно отвергли один из основных стереотипов советской психологии – восприятие внешнего мира как чуждой и враждебной среды и "связь с границей" как самое страшное преступление, которое может совершить советский человек.

Поступок Богораз и Литвинова произвел ошеломляющее впечатление на сограждан, узнавших о нем из сообщений зарубежного радио, и имел далеко идущие последствия: он стал катализатором целой кампании открытых писем протеста, исходивших от людей, зачастую не связанных с московской правозащитной средой. Тематика этих, по существу, публицистических текстов не ограничивалась "процессом четырех", но затрагивала самые разные общественные проблемы – от нарушения национального равноправия или свободы совести до ущемления тех или иных социальных прав. Начальный импульс к общественной активности – борьба за свободу творчества – отодвинулся на второй план. Теперь речь шла уже о свободе мнений, свободе слова и печати, других гражданских свободах.

Никогда, ни до, ни после 1968 г., протестная активность не принимала такого широкого размаха, как в этот период. По подсчетам первого социолога диссидентства, А.А. Амальрика, в ней приняло участие более 700 человек⁸; цифра, кажущаяся сегодня ничтожной для огромной страны, но невероятно высокая для полутоталитарной державы, каким оставался СССР в конце 1960-х гг. Существенно, разумеется, и то, что все это происходило на фоне разворачивавшейся "пражской весны" – попытки построения в Чехословакии "социализма с человеческим лицом". События в соседней стране вселяли надежду во многих советских людей.

Вторжение войск Варшавского договора в ЧССР положило конец этим надеждам и резко замедлило рост общественного влияния правозащитного движения. Конец "пражской весны" ознаменовался событием, ставшим общепризнанной моделью диссидентского поступка: "демонстрацией семерых" на Красной площади в Москве против вторжения в Чехословакию*. После ареста участников демонстрации в диссидентской среде начались бурные дискуссии о разумности или неразумности таких выступлений, причем резко против критерия целесообразности при их оценке в "самиздате" выступил литератор, публицист и педагог Анатолий Якобсон⁹. Его точка зрения довольно быстро была принята большинством. Экзистенциальные и личностные, а не "общественно значимые" мотивы надолго стали основным критерием ценности диссидентского поведения.

"Эпистолярная революция" 1968 г. резко расширила число участников протестного движения и его социальную базу. Теперь в этом движении на равных принимали участие представители самых разных слоев населения – от председателя колхоза из Латвии или матроса из Одессы до действительного члена Академии наук СССР, трижды Героя Социалистического Труда, "отца советской водородной бомбы" А.Д. Сахарова. Сахаров и раньше эпизодически принимал участие в общественных акциях, в том числе и в петиционных кампаниях. Однако его вхождение в круг диссидентов ознаменовалось не подписями под теми или иными протестами, а публицистическим эссе "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". В нем в духе Римского клуба автор анализировал глобальные вызовы, вставшие перед человечеством во второй половине XX века, – перспективы экологической катастрофы, опасность ядерного взаимоничтожения, проблемы экономического неравенства – и находил ключ к решению всех этих вопросов в концепции интеллектуальной свободы и информационной открытости общества, в соблюдении прав человека в планетарном масштабе. Эссе завершалось перечислением известных Сахарову случаев грубого нарушения прав человека в СССР и призывом к немедленному исправлению положения в этой области.

Новая политическая философия, предложенная Сахаровым, была обращена не только к советскому обществу, но и к человечеству в

* На самом деле, демонстрантов было не семь, а восемь. Восьмью, молодую девушку, задержанную вместе с остальными, более старшие участники акции уже в отделении милиции уговорили заявить, будто она "случайно" попала на Красную площадь и не принимала участие в демонстрации. Власти охотно приняли эту версию и выпустили ее на свободу.

целом. Что касается движения в защиту прав человека в Советском Союзе, то "Размышления" перевели правозащитную активность в ряд идеологии. Сахаров сумел рассмотреть в общественном движении 1960-х гг. главное: он осмыслил его как реакцию общества на "отсроченную модернизацию", не состоявшуюся после Второй мировой войны, а в годы правления Хрущева осуществленную половинчато и односторонне. "Размышления" стали "самиздатским бестселлером" 1968 г., были опубликованы за границей и принесли автору мировую славу в кругах, далеких от теоретической физики. Сам же Сахаров был исторгнут из советского истеблишмента и стал все больше заниматься общественными проблемами, продолжая при этом и свои научные труды.

"Хроника текущих событий" – стержень правозащитного движения. Информация о нарушениях прав человека, начавшая стекаться к московским правозащитникам со всей страны после появления обращения "К мировой общественности", требовала какой-то реакции. После ряда обсуждений, происходивших в феврале – марте 1968 г., было решено на основе этой информации издавать специальный "самиздатский" бюллетень. Так появилась "Хроника текущих событий" – машинописный информационный бюллетень правозащитного движения, выпускавшийся в течение 15 лет, с 1968 по 1983 г.* Всего за это время было подготовлено 65 выпусков "Хроники" (в свет вышло 63)**.

В ознаменование 20-й годовщины принятия ООН Всеобщей Декларации прав человека 1968 год был объявлен Годом прав человека. Поэтому на титульном листе бюллетеня, первый выпуск которого датирован 30 апреля 1968 г., было напечатано: "Год прав человека в СССР". Чуть ниже в виде эпиграфа содержался текст статьи 19 Всеобщей Декларации о праве каждого искать, получать и распространять информацию, а еще ниже слова – "Хроника текущих событий". В 1969 г. на титуле появился новый девиз: "Год прав человека в СССР продолжается". Впоследствии он несколько раз менялся: "Движение в защиту прав человека в Советском Союзе продолжается", "Борьба за права человека в СССР продолжается", "Выступления в защиту прав человека в СССР продолжаются".

Структура бюллетеня определилась уже в первых его выпусках. "Хроника" делилась на две части. Первая содержала подробное изложение главных, на взгляд составителей, событий, произошедших между датой, которой был помечен предыдущий выпуск, и датой текущего

* Тексты первых 27 выпусков (с апреля 1968 по ноябрь 1972 г.) можно найти в Интернете, на сайте общества "Мемориал".

** Последний увидевший свет выпуск "Хроники текущих событий" помечен как № 64. Это объясняется тем, что в феврале 1981 г. уже подготовленный 59-й выпуск был изъят при обыске на квартире одного из составителей. Было решено не восстанавливать этот номер, а сразу перейти к подготовке 60-го выпуска. Кроме того, последний подготовленный выпуск (№ 65) ни в "самиздат", ни за рубеж уже не попал. Его машинописный экземпляр, сохраненный одним из составителей последних номеров "Хроники", Б.И. Смушкевичем, находится ныне в архиве общества "Мемориал" (ф.153).

номера. Вторая состояла из постоянных рубрик, образованных по тематическому и, отчасти, жанровому признаку: "Аресты, обыски, допросы", "Внесудебные преследования", "В тюрьмах и лагерях", "Новости Самиздата", "Краткие сообщения", "Исправления и дополнения". Впоследствии первоначальная рубрикация пополнялась и усложнялась за счет новых проблем, попадавших в поле зрения правозащитников. Так, вскоре появились рубрики "Преследования верующих", "Преследования крымских татар", "Репрессии на Украине", "Преследования верующих в Литве".

Неизменным оставался стиль "Хроники" – сдержанный, безоценочный, фактографический, и общая тематика – нарушения основных гражданских прав и свобод в СССР, выступления в их защиту, действия, реализующие их "явочным порядком". Хотя составители "Хроники" не объявляли своих имен, было достаточно широко известно, что основной труд по подготовке выпусков взяла на себя Н. Горбаневская, усилиями которой были подготовлены первые девять номеров, за исключением, может быть, третьего (в работе над ним участвовали педагог и поэт Илья Габай и его жена Галина). Трудно сказать, почему в течение этого времени КГБ воздерживался от арестов. Возможно, причина заключалась в том, что непросто обвинить в "антисоветской пропаганде" или "клевете на советский строй" информационный бюллетень, беспристрастно и точно излагавший факты и не содержащий ни призывов к свержению советской власти, ни грубых искажений действительности. Позднее КГБ отказался от подобной щепетильности. После ареста Горбаневской по обвинению в причастности к изготовлению "Хроники" в разные годы были арестованы Юрий Шиханович (дважды), Петр Якир, Виктор Красин, Габриэль Суперфин, Сергей Ковалев, Александр Лавут, Татьяна Великанова.

Первоначально "Хроника" получала сведения простым и эффективным способом – по читательской цепочке¹⁰. В 1970-е гг. к ним добавилась информация от независимых правозащитных ассоциаций (например, от Московской Хельсинкской группы) и из другой "самиздатской" периодики. Затем появились специализированные правозащитные публикации, предназначенные не столько для "самиздатского" распространения, сколько как первичный источник для других изданий.

"Хроника" выходила регулярно, в среднем раз в два месяца, до конца 1972 г. После выхода 27-го выпуска издание было приостановлено. Причиной тому был шантаж со стороны КГБ, который открыто угрожал, что каждый новый выпуск вызовет аресты, причем вовсе не обязательно арестованы будут именно те, кто этот выпуск делал. Однако осенью следующего года началась подготовка к возобновлению "Хроники". Было решено подготовить сразу три выпуска (28, 29 и 30-й), которые вышли к началу мая 1974 г., а 7 мая несколько членов Инициативной группы по защите прав человека в СССР (о ней см. ниже) создали пресс-конференцию, на которой журналистам были открыто переданы три подготовленных выпуска, а также заявления для прессы, подписанные Татьяной Великой, Сергеем Ковалевым и Татьяной Ходорович¹¹. Пресс-конференция произвела сильный эффект – ведь все, в том числе и КГБ, были уверены что с "Хроникой" покончено полтора года назад. Поток информации резко увеличился; соответственно, расширились тематика и география мест, откуда она поступала.

В дальнейшем "Хроника" выходила уже без перерывов, в среднем по три-четыре выпуска в год. Последний, 64-й, номер был датирован 30 июня 1982 г., а следующий, 65-й (не вышедший), был подготовлен лишь осенью 1983 г.

"Хроника текущих событий" сыграла историческую роль в возникновении в СССР зачатков независимой общественности. Во-первых, она фактически положила начало периодике "самиздата" (если не считать литературных журналов начала 1960-х гг.), и, таким образом, с "Хроники" начинается история свободной прессы в России второй половины XX столетия. Во-вторых, этот бюллетень сыграл определяющую роль в консолидации правозащитной активности в СССР. Порядок распространения его выпусков, и в особенности механизм сбора информации, привели к возникновению единого информационного поля, охватывавшего все значимые проявления общественной активности диссидентского типа. "Хроника" сформировала правозащитное движение в СССР и, в определенном смысле, была этим движением; во всяком случае – его стержнем. С возникновением других правозащитных организаций функции "Хроники" потеряли свою уникальность, но свое значение летописи диссидентства она не потеряла даже после возникновения в СССР в 1976 г. Хельсинкского движения.

Ранние правозащитные ассоциации. С 1969 по 1984 г. в рамках правозащитного движения возникало множество гражданских объединений. Здесь уместно коротко рассказать о самых известных из них.

Первая независимая гражданская организация – Инициативная группа по защите прав человека в СССР (ИГ) – образовалась 20 мая 1969 г. Об ожесточенных спорах, которые предшествовали этому событию, в своих мемуарах рассказывает Сергей Ковалев¹². Созданная по инициативе П.И. Якира и В.А. Красина, ИГ меньше всего напоминала организацию, скорее, это был авторский коллектив из пятнадцати человек (кроме москвичей туда вошли люди из Ленинграда, Харькова, Киева, Ташкента), в основном занятый составлением писем, обращенных к международным организациям и описывавших политические репрессии и связанные с ними нарушения прав человека. Вскоре группе пришлось значительную часть своих писем посвящать судьбе своих собственных членов, большей частью оказавшихся за решеткой. К 1975 г. ИГ практически прекратила свою деятельность.

В 1970 г. по инициативе московских ученых В.Н. Чалидзе, А.Д. Сахарова и А.Д. Твердохлебова, к которым затем присоединились математик И.Р. Шафаревич и геофизик Г.С. Подъяпольский, был создан Комитет прав человека. В полном соответствии со своим уставом и регламентом (которые, к слову сказать, полностью отсутствовали у Инициативной группы, да и у большинства других позднейших диссидентских ассоциаций), Комитет действовал по совершенно другим принципам. Не осуществляя никакой практической правозащитной деятельности, он занимался теоретическим изучением положения с правами человека в СССР и выработкой рекомендаций, которые (разумеется, безответно) направлялись правительству. Заседания Комитета проходили по строгой процедуре: велся протокол, заключения и мнения публиковались в издававшемся Валерием Чалидзе "самиздатском" журнале "Общественные проблемы". Комитет распался после отъезда в США в 1972 г. В.Н. Чалидзе, автора идеи и главного "мотора" всего предприятия.

Традиции общественной помощи лицам, преследуемым по политическим мотивам, сохранялись в СССР довольно долго. Даже в 1930-е гг. официально действовал Комитет помощи политическим заключенным и ссыльным, который закрыли лишь в 1938 г., в самый разгар "большого террора". Как общественное явление, а не подвижничество одиночек спонтанная и неформальная помощь возобновилась во второй половине 1960-х гг. Общественная солидарность с гонимыми была в тот период так сильна, что во многих московских учреждениях, редакциях, НИИ деньги для семей политических узников собирались почти открыто. В конце 1973 г. Солженицын, уже согласившийся на публикацию за рубежом своего "Архипелага ГУЛАГ" и предвидевший возможность высылки из СССР, договорился с Александром Гинзбургом об учреждении специальной общественной организации – Фонда помощи политическим заключенным и их семьям и сообщил о своем намерении отдать туда часть гонорара за "Архипелаг". О Фонде было объявлено уже после высылки Солженицына, весной 1974 г. К началу 1980-х гг. Фонд окреп, создал разветвленную структуру с филиалами в Ленинграде, Литве, Одессе и на Западной Украине.

Тем временем в 1972–1973 гг. правозащитное движение вступило в период кризиса. Внешне он был вызван арестом и последующим публичным покаянием П.И. Якира и В.А. Красина. Этому предшествовали обширные показания, данные ими на следствии. Из тюрьмы Якир и Красин сообщили друзьям об изменении своей общественной позиции и призвали других правозащитников к "почетной капитуляции" перед властью. Все это резко подорвало общественный престиж диссидентов в глазах сочувствовавших им общественных групп. В этот же период, как уже говорилось, был сломлен и, как казалось навсегда, стержень правозащитного движения – "Хроника текущих событий".

В большей степени, однако, кризис возник в силу внутренних причин. Диссидентская активность зачастую не была связана с какой-либо конкретной полезной деятельностью или с углубленной интеллектуальной работой. Чаще всего "диссидентский поступок" был лишь способом самовыражения. Внешняя легкость перехода грани дозволенного порождала возможность "салонного диссидентства", что рашатывало чувство ответственности и солидарности и не прибавляло доверия к диссидентам со стороны свободомыслящей части интеллигенции, и без того относившейся к активистам движения со смешанным чувством уважения и скепсиса. Чтобы вернуть себе социальную поддержку, диссидентам пришлось опереться на такие общественно значимые ценности, как профессионализм, систематическая работа, специализация по интересам и пр.

Предвестником нового подъема движения стало возобновление "Хроники текущих событий". Следующим шагом стало образование Московской Хельсинкской группы и начало Хельсинкского движения.

Пик диссидентской активности пришелся на вторую половину 1970-х гг., когда открыто действовало сразу несколько правозащитных групп и ассоциаций, в большинстве сосредоточенных на решении конкретных общественных проблем. Многие издавали собственные бюллетени. Их стержнем стало Хельсинкское движение, возникшее в Москве, но быстро распространившееся на ряд союзных республик

и получившее небывало широкую поддержку зарубежного общественного мнения и даже ряда западных правительств. Для "самиздата" этот период – время "толстых" машинописных журналов, сборников, альманахов. В то же время все больше публицистических и литературных произведений, минуя "самиздат", публикуется в эмигрантских органах печати и возвращается к советскому читателю лишь по "нелегальным" каналам. В целом, диссидентство этого периода превратилось в весьма заметное явление общественной жизни страны, а проблема соблюдения прав человека в СССР приобрела международное значение.

1 августа 1975 г. в Хельсинки был подписан Заключительный акт Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Под этим документом поставил свою подпись и советский лидер. По настоянию западных государств Хельсинкский акт включил в себя так называемую "третью корзину" – положения, касающиеся соблюдения странами-участниками прав человека. Это был уже не первый международный документ такого рода, подписанный СССР, и, вероятно, никто на Западе не питал иллюзий относительно выполнения Советским Союзом взятых на себя обязательств. Однако впервые в советской истории в ход событий вмешалась новая сила – независимая общественность.

12 мая 1976 г. ученый-физик, профессор Юрий Орлов объявил на пресс-конференции для иностранных журналистов о создании в Москве новой правозащитной организации – Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. В задачу группы входил сбор, верификация, анализ и обобщение сведений о нарушениях положений "третьей корзины" Хельсинкского акта. На основе проделанной работы составлялся документ (за шесть лет деятельности группы их было выпущено 194), который рассылался правительствам стран-участниц и передавался прессе. Это был уже не просто протест против беззаконий: в деятельности новой организации естественным образом сочеталась протестная активность прежней Инициативной группы и экспертная работа Комитета прав человека. В Московскую Хельсинкскую группу (МХГ), как ее вскоре стали для краткости называть, вошел целый ряд известных правозащитников.

Успешной работе МХГ способствовало то, что сразу после подписания Хельсинкских соглашений полный текст Заключительного акта был опубликован в центральных советских газетах. Из этой публикации граждане СССР с изумлением узнали, что они обладают правами, к тому же международно гарантированными, в том числе правом на свободу слова, совести, выбора места жительства и т.д. И это в стране, где совсем недавно текст Всеобщей Декларации прав человека ООН изымали при обысках как "подрывной"! В Хельсинкскую группу, о которой население, как всегда, узнало из зарубежных радиопередач, хлынула лавина информации о нарушениях прав человека – в основном от людей, никогда не имевших контактов с диссидентами. Надо отдать должное членам МХГ: они сумели справиться с этой лавиной. Документы группы отличались высокой степенью достоверности фактического материала, точностью и системностью изложения. Правозащитное движение в СССР стало профессиональным.

Хельсинкское движение быстро перекинулось на некоторые союзные республики: уже в ноябре Хельсинкские группы возникли

на Украине и в Литве, в январе 1977 г. – в Грузии, в апреле – в Армении. Конечно же, там они решали по преимуществу национальные задачи; но поскольку интерес к национальной проблематике часто становился причиной политических репрессий, тема защиты прав человека покрывала все возможные виды общественной активности.

Со временем вокруг МХГ образовались новые, более специализированные ассоциации: Христианский комитет защиты прав верующих, Рабочая группа по расследованию злоупотреблений психиатрией в политических целях. Возникла первая независимая организация, которую можно назвать социальной, – Инициативная группа защиты прав инвалидов. Вне связи с МХГ, но под очевидным влиянием общей тенденции к специализации, а также под впечатлением от рабочего движения в Польше была даже предпринята попытка создания независимого профсоюзного движения. В тесном контакте с МХГ работали Фонд помощи политзаключенным, "Хроника текущих событий", а также организованная в 1974 г. советская секция "Международной амнистии".

За рубежом образовалась целая сеть ассоциаций поддержки советских Хельсинкских групп; вскоре эти ассоциации стали заниматься правами человека не только в СССР, но и в других странах, в том числе у себя на родине. Все эти группы объединились в Международную Хельсинкскую федерацию, превратившуюся с течением времени в одну из самых авторитетных международных правозащитных организаций.

Хельсинкское движение на Западе оказывало сильнейшее давление на свои правительства, побуждая их требовать от Москвы выполнения положений Заключительного акта. Прагматичные западные политики не были склонны заниматься подобными проблемами, но не могли не считаться с общественным мнением. В результате родилась "доктрина Картера": президент США провозгласил повсеместное соблюдение прав человека важнейшей международной задачей. Так концепция А.Д. Сахарова, выдвинутая им еще в 1968 г., перестала быть теорией и превратилась в практическую политику.

Разумеется, на советские Хельсинкские группы обрушились жестокие репрессии. Уже в феврале – марте 1977 г. были арестованы руководитель МХГ Ю.Ф. Орлов и активные члены группы: А.И. Гинзбург и А.Б. Щаранский, причем последний за сбор сведений о евреях-"отказниках" был обвинен в шпионаже в пользу США. Прочих настойчиво принуждали к эмиграции. Тем не менее о ликвидации этих групп речь пока не шла: "разрядка напряженности" была провозглашена официальной политикой СССР, и брежневское руководство старалось не перегибать палку, чтобы не ставить под удар отношения с Западом.

Мир диссидентов. Как уже говорилось, численность участников собственно правозащитного движения никогда не превышала количества людей, включившихся в 1968 г. в петиционную кампанию вокруг "процесса четырех". Почему же в 1970-х гг. оно становится значимым и заметным фактором общественной жизни СССР и в глазах правительства, и в общественном восприятии, и с точки зрения зарубежных наблюдателей? Представляется, что в первую очередь

это было вызвано заметным расширением круга вопросов, которые поднимались диссидентским сообществом и ретранслировались московскими правозащитниками стране и миру.

Своим возникновением правозащитное движение обязано борьбе за интеллектуальную свободу, в первую очередь – за свободу творчества. С не меньшим основанием это движение можно рассматривать как "битву за историю", как противостояние исторической мифологии брежневской эпохи*. Чуть позже на первый план выдвигается свобода мнения, свобода слова, которая рассматривается уже не только как средство тиражирования результатов свободного интеллектуального – литературного, художественного, научного (в частности, исторического) – поиска, но шире: как право каждого человека высказывать собственные суждения на любую тему.

В дальнейшем сфера интересов правозащитников постоянно расширялась, охватывая все новые и новые области общественной жизни. Все те проблемы, о которых в Советском Союзе не принято было говорить вслух, имели шанс привлечь внимание участников борьбы за права человека просто в силу своей "закрытости"**. Соответственно, расширялся состав диссидентов, постепенно включая в себя людей, активно боровшихся за разрешение тех или иных проблем и навлекших на себя в этой связи гонения со стороны властей. Одним из решающих факторов, стимулировавших эти процессы, было совместное отбывание наказания в политических лагерях. Именно там московские интеллигенты, осужденные за "самиздат", встречались и знакомились с литовскими, украинскими или армянскими националистами, питерскими подпольщиками, баптистскими проповедниками и пятидесятичными пресвитерами. Знакомства, завязывавшиеся в лагере, продолжались на воле.

В целом, "мир диссидентов" к концу 1970-х гг. можно описать следующим образом. Его центром являлось правозащитное движение – небольшая, но очень заметная группа людей, сосредоточенных, в основном, в Москве и нескольких других крупных городах. С этой группой были связаны активисты самых разных общественных движений: национальных, религиозных, социально-политических, культурных и таких, которые можно считать пограничными по отношению к этим категориям. Иные из этих движений смело можно назвать

* Именно возрождение исторической мифологии конца сталинской эпохи и фактический запрет на дальнейшее разрушение мифов о самой этой эпохе, а отнюдь не уровень и типология политических репрессий дают право рассматривать "брежневизм" как "частичную реставрацию сталинизма".

** На самом деле, это осуществилось в отношении далеко не всех "табуированных" проблем. Так, острые вопросы советской экономики, проблема социального неравенства, сюжеты, связанные с политически немотивированными нарушениями прав личности (проще говоря, избиениями в милиции) находились, безусловно, на периферии диссидентского сознания. Экологическое движение, зарождавшееся и развивавшееся параллельно росту "классической" диссидентской активности, также не стало частью диссидентского мира. Это же можно сказать и о ряде национальных вопросов, всплывших позднее, в годы перестройки. Аналогичное замечание можно сделать и в отношении религиозной проблематики.

массовыми: так, под некоторыми петициями литовских католиков или крымских татар собирались десятки тысяч подписей; в общинах баптистов-"инициативников" или Христиан веры евангельской ("пятдесятников") состояли, по-видимому, сотни тысяч верующих; евреев, решившихся подать заявление на выезд в Израиль, также считали десятками тысяч.

Правозащитники вовсе не обязательно безоговорочно принимали те решения проблем, которые предлагали их товарищи по диссидентской деятельности, принадлежавшие к "партикулярным", по выражению одного зарубежного исследователя, движениям¹³. Так, отношение к "праву народов на самоопределение", актуальному для многих категорий "национал-диссидентов", в правозащитной среде варьировалось от безоговорочного признания такового (А. Сахаров) до серьезных сомнений в его правомерности (С. Ковалев) и применимости (И. Шафаревич). В одном правозащитники безусловно сходились: в праве каждого свободно высказывать любые мнения, не опасаясь политических репрессий.

Со своей стороны, "партикулярные" движения быстро оценили и переняли терминологию правозащитников, их инструментарий (петиции, "самиздат", апелляция к праву вообще и правам человека в частности) и принципы открытости, гласности и отрицания насилия. В свою очередь, московские правозащитники, по мере расширения информационного поля, все больше становились не только стержнем, но и, по выражению исследователя диссидентского движения, сотрудника НИПЦ "Мемориал" Г.В. Кузовкина, "коллективным спикером" диссидентского сообщества.

Среди национальных движений, попавших в орбиту диссидентской деятельности, особое место занимали эмиграционные движения, а также движения депортированных народов за возвращение на родину. Рост национального самосознания среди советских евреев начался сразу после арабо-израильской войны 1967 г. Это выразилось, в частности, в заметном увеличении подаваемых евреями заявлений с просьбой разрешить им выехать в Израиль "для воссоединения с родственниками". Однако еще в течение трех лет возможность эмиграции из СССР не рассматривалась советскими людьми, в том числе и евреями, как нечто реальное; подавляющее большинство граждан, пожелавших уехать из страны легальным путем, получало отказы, и единичные разрешения не меняли общей картины.

Некоторые "отказники" вошли в состав правозащитных ассоциаций, часто рассматривая себя как представителей своего движения в этих ассоциациях. В Московской Хельсинкской группе, например, такими представителями были А. Щаранский, В. Рубин, В. Слепак. Однако общегуманитарные задачи названных ассоциаций также не были чужды этим людям. Евреи-"отказники" не только писали протесты и воззвания. Они старались создать собственную культурную нишу, которую можно рассматривать как своеобразную часть духовной культуры диссидентского сообщества. Дело не ограничилось только изучением иврита и основ иудаизма; "отказники" организовывали у себя на квартирах гуманитарные и даже естественнонаучные семинары, выпускали "самиздатские" журналы, посвященные еврейскому национальному самосознанию, еврейской истории, культуре и ее взаимодействию с русской. Одно из таких изданий, "Евреи в СССР", было

основано в 1970 г. и может считаться одним из первых двух "толстых" журналов "самиздата"*.

Другое эмиграционное диссидентское движение – это движение советских немцев за выезд в ФРГ. Характерно, что довольно сильное, судя по документам КГБ, движение немцев-"автономистов" (т.е. тех советских немцев, которые добивались восстановления автономной Республики немцев Поволжья) почти не оставило следа в правозащитной литературе, равно как и движение немцев-"культурников", добивавшихся открытия немецких школ, театров и других культурно-просветительных учреждений в местах компактного проживания своего народа после высылки из Поволжья – на Алтае, в Казахстане, Томской и Новосибирской областях.

Что же касается депортированных народов, то в диссидентском сознании к таковым, в первую очередь, относились крымские татары. Это, скорее всего, объясняется двумя причинами: во-первых, крымско-татарское движение за возвращение на родину было наиболее сильным и организованным, и во-вторых, в 1967 г. среди людей, близких зарождающемуся правозащитному движению, оказались два человека, оба – старые и убежденные коммунисты, которые много лет вплотную занимались проблемами "наказанных народов", пытаясь добиться от ЦК восстановления справедливости: С.П. Писарев и А.Е. Костерин. Они поддерживали регулярные контакты с представителями крымских татар и одновременно имели тесные связи с той средой, из которой вскоре родилось правозащитное движение.

Сопротивление ограничению деятельности православной церкви приобрело черты протестной активности в середине 1960-х гг. В "самиздате" циркулировали обращения к Патриарху нескольких священнослужителей – архиепископа Ермогена, священников о. Глеба Якунина, о. Николая Эшлимана. Позднее об угнетенном положении православной церкви в "самиздате" писали священники о. Сергей Желудков, о. Дмитрий Дудко и миряне: А. Солженицын, А. Левитин (Краснов), Л. Регельсон и др. Наряду с протестами, некоторые православные приходы и группы вели интенсивную религиозную жизнь, не обращая внимания на запреты и предписания Комитета по делам религий. Наиболее известными эпизодами такой жизни являются: миссионерская и просветительская деятельность о. Александра Меня, Христианский семинар А. Огородникова и В. Пореша, журнал "Надежда", выпускавшийся З. Крахмальниковой, ряд журналов религиозно-философского направления в Ленинграде.

Однако православная церковь в целом отнюдь не стала "диссидентской конфессией". Несмотря на ущемления и ограничения религиозной деятельности, верхушка церкви держалась по отношению к

* Другой такой журнал, "Вече", основанный тогда же, считался неофициальным органом русских диссидентов "национально-патриотического" направления. Между обоими журналами время от времени возникали дискуссии (как правило, довольно корректные по форме) и существовало своеобразное соревнование, в том числе и за авторов: оба журнала боролись, например, за право поместить у себя эссе Венедикта Ерофеева "Василий Розанов глазами эксцентрика".

власти с лояльностью, которую многие верующие считали опережающей. К тому же начало протестов совпало с ослаблением антирелигиозной кампании после смещения Н.С. Хрущева.

В то же время в стране существовали неправославные христианские общины, которые задолго до возникновения правозащитного движения оказались в ситуации противостояния с властью и имели собственный опыт коллективной борьбы за свои религиозные права. Так, значительная часть баптистов, так называемые "инициативники", вышедшие в начале 1960-х гг. из подчинения Всесоюзному Совету Евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) и создавшие собственный, непризнанный государством орган самоуправления – Совет Церквей ЕХБ, уже имели в 1965 г. свою правозащитную ассоциацию (Совет родственников узников ЕХБ), выпускавшую собственный "самиздатский" правозащитный бюллетень. После установления контактов между московскими правозащитниками и некоторыми руководителями СЦ ЕХБ "Хроника текущих событий" начала регулярно публиковать информацию о преследованиях баптистов, опираясь, в первую очередь, на их собственные источники. Аналогичная ситуация имела место и в отношениях с другими гонимыми религиозными общинами: христианами веры Евангельской ("пятидесятниками"), частью адвентистов, свидетелями Иеговы. Последние вообще воспринимались властью не как религиозная община, а как "антисоветская организация". С той или иной степенью регулярности правозащитники обменивались информацией с руководителями этих религиозных течений, о чем свидетельствуют соответствующие разделы в "Хронике текущих событий" и документы Московской Хельсинкской группы.

Собственно политическая деятельность занимала весьма скромное место в общем ряду различных форм активности советских диссидентов. Изобилие идейно-политических концепций в их среде скорее свидетельствует об оживлении общественно-политической мысли в стране во второй половине 1960-х гг., нежели о политическом характере диссидентской деятельности. Вопрос "Како веруеши?" не определял взаимоотношений диссидентов, по крайней мере, до середины 1970-х гг., и почвенническая идеология Шафаревича не была помехой для его совместной работы с "западниками" Чалидзе и Сахаровым в рамках Комитета прав человека. Идеологические конструкции диссидентов являлись частью не столько политической, сколько интеллектуальной и культурной жизни страны. При этом трудно говорить о какой-либо определенной идейной ориентации диссидентов как целого: более или менее твердым инвариантом всех диссидентских идеологий оставались лишь две базисные ценности: концепция прав человека и отказ от насилия как инструмента разрешения общественных проблем.

В остальном же в идеологическом спектре российского диссидентства можно было найти элементы любых течений общественно-политической мысли: от анархизма до монархизма. На нескольких составляющих этого спектра стоит остановиться особо, ибо они создавали конкретный идеологический продукт.

Ленинизм был представлен в диссидентстве несколькими крупными фигурами, как-то: бывшим генерал-майором П.Г. Григоренко*,

* Позднее Григоренко отошел от коммунистических идей и обратился к христианству.

писателем А.Е. Костериным, историком Р.А. Медведевым и журналисткой Р.Б. Лерт. Их главный тезис состоял в том, что сталинизм – не продолжение ленинизма, а его искажение, а существующий общественно-политический строй является не более чем модернизированным сталинизмом. Медведев приобрел известность еще в первой половине 1960-х гг., после того как в "самиздате" был опубликован его исторический труд "К суду истории" – первая отечественная попытка систематического описания сталинизма как исторического феномена. С 1964 по 1970 г. он издавал "самиздатский" журнал "Политический дневник", предназначенный в соответствии с замыслом издателя для либерального крыла высшего партийного руководства. В 1970-х гг. Медведев вместе с Лерт выпускал другой "самиздатский" журнал – "Двадцатый век".

Особняком в этом ряду стоят отечественные "еврокоммунисты": публицист Л. Карпинский и "группа ИМЭМО" – Б. Кагарлицкий, А. Фадин, П. Кудюкин и др. Строго говоря, называть их "марксистами-ленинцами" было бы неправильно. Оставаясь в русле марксистской мысли, они достаточно далеко ушли от ленинских теорий и в значительной мере отрицали ленинскую политическую практику.

Довольно широко среди советских диссидентов были представлены сторонники немарксистской социалистической мысли. К такому относится, например, математик В.Ф. Турчин, автор трактата "Инерция страха"; влияние социалистических идей заметно в публицистических статьях и выступлениях А.Д. Сахарова – в тех, где он касается экономических проблем.

Значительная и, возможно, преобладающая часть диссидентов находилась под влиянием либеральных концепций. Это естественно, поскольку в основе европейского и американского либерализма лежит идея прав человека как базисной ценности. Однако назвать либерализм западного образца "идеологией российских диссидентов" затруднительно хотя бы потому, что заметную группу среди них составляли сторонники национально-почвеннического направления. Радикальное крыло "почвенников" группировалось вокруг редакций "самиздатских" журналов "Вече", "Земля", "Московский сборник". Издание этих журналов связано с именами В. Осипова, А. Иванова, Л. Бородина. Более умеренный вариант того же направления представлен сборником статей "Из-под глыб" и публицистикой А. Солженицына. Оба крыла считали одним из своих идеологов Шафаревича.

Каждое из направлений диссидентской общественной мысли имело свое представление о желательном будущем общественно-политическом устройстве России и, соответственно, выработывало свой "национальный проект". Вероятно, наиболее адекватным отражением либерально-социалистического взгляда на развитие страны является открытое письмо Р.А. Медведева, А.Д. Сахарова и В.Ф. Турчина руководителям партии и правительства, составленное в 1970 г. и широко распространявшееся в "самиздате". Письмо содержало развернутую программу либеральных и демократических реформ в СССР при сохранении политического руководства КПСС, т.е. тот вариант развития, который 15 лет спустя попытался осуществить М.С. Горбачев.

Альтернативный вариант будущего России предлагал Солженицын в развернутом обращении 1973 г., озаглавленном "Письмо вождям Советского Союза": экстенсивное развитие страны за счет освоения Сибири и переход от тоталитарного строя к авторитарному при решительном отказе от марксизма как господствующей идеологии.

К середине 1970-х гг. концептуальный спор между различными направлениями диссидентской мысли зашел уже далеко; первоначальное взаимопонимание и кооперация различных идеологических течений, характерные для предшествующего периода, были подорваны, а в самих этих течениях стала отчетливо проявляться тенденция к изоляции, самодостаточности, догматизму и, как следствие, враждебности к иным "символам веры". Попыткой преодолеть это взаимное отчуждение стал выпуск "самиздатского" журнала "Поиски" (в первоначальном варианте – "Поиски взаимопонимания"), в редакцию которого вошли В.Ф. Абрамкин, Р.Б. Лерт, Г.О. Павловский, П.М. Егидес (Абовин), В.Л. Гершуни, представлявшие различные идеологические направления в диссидентстве. Идейным вдохновителем журнала стал известный историк М.Я. Гефтер. Строго говоря, "Поиски взаимопонимания" с самого начала были ограничены составом редакции, в которой были представлены левосоциалистическая и либеральная тенденции, но отсутствовали "почвенники". Тем не менее журнал стал заметным явлением в диссидентской периодике. Он выходил до конца 1979 г. и прекратил существование лишь после ареста главного редактора – Валерия Абрамкина.

Широкий спектр социальных и политических проблем, ставших предметом интереса советских диссидентов, слегка отодвинул на задний план, но отнюдь не снял с повестки дня той проблематики, из которой родилась правозащитная составляющая диссидентской активности. Культура в широком смысле этого слова, т.е. не только искусство, но и гуманитарное знание (в первую очередь, история, философия, социология, литературоведение) оставались полем напряженного противоборства между официозом и независимой творческой мыслью. По-прежнему возникали независимые литературные объединения, выпускались сборники и альманахи (наиболее громкий, но не единственный пример – литературный альманах "Метрополь", в котором приняли участие известные советские писатели), проводились неофициальные семинары и дискуссии.

После разгрома в 1962 г. в Манеже художники-авангардисты вернулись к обычному существованию андеграунда: полулегальная продажа картин в частные коллекции, экспонирование их на частных квартирах, административные гонения, а иногда – уголовные преследования. Многие ушли в прикладное искусство, в книжную и журнальную графику, в оформление театральных спектаклей – цензура в этих областях была менее жесткой. В целом условия жизни в андеграунде были хотя и скверными, но достаточно стабильными. Однако именно эта стабильность категорически не устраивала большинство художников. Возможно, дело было просто в том, что произведение изобразительного искусства нетиражируемо. Поэтому у художников не было и не могло быть ничего, подобного "самиздату", а "квартирные выставки" не восполняли отсутствия вернисажей.

По всей видимости, группа художников, которые в сентябре 1974 г. официально уведомили Моссовет, что намерены провести выставку

на одной из московских окраин, сознательно или бессознательно стремилась именно "раскачать" ситуацию – прорваться к зрителю с риском навлечь на себя гонения. Когда бульдозеры, посланные на пустырь по распоряжению Черемушкинского райкома партии, начали крушить расставленные там картины, а дружинники – рассовывать по "воронкам" авторов этих картин, казалось, что на попытке авангардистов "явочным порядком" утвердить право непосредственного общения со зрителем надолго поставлен крест. Однако случилось по-другому. После того как фотографии погрома в Беляево, сделанные иностранными журналистами, обошли всю зарубежную прессу, поднимая волну возмущения в цивилизованном мире, власти вынуждены были срочно дать задний ход. Буквально через две недели в лесопарке "Измайлово" состоялась вторая, уже разрешенная, авангардистская выставка; в феврале 1975 г. работы авангардистов экспонировались на ВДНХ, в павильоне "Пчеловодство"; а в дальнейшем им были выделены постоянные помещения в выставочном зале горкома графиков при Московском отделении Союза художников. Прорыв удался, и художественный авангард, перестав быть частью диссидентства, стал частью культурной жизни страны.

Центром правозащитной диссидентской деятельности была, безусловно, Москва. Строго говоря, северная столица почти не породила собственных правозащитных коллективных инициатив. Зато петербуржцы остались верны исходной проблематике диссидентского протеста – культуре. Здесь независимая культурная инициатива выразилась прежде всего в возникновении большого количества "самиздатских" журналов, в которых сосредоточилась независимая литературная, художественная, религиозная и философская мысль города.

Началом ленинградского "журнального ренессанса" стало издание весной 1976 г. двумя поэтами, В. Кривулиным и Т. Горичевой, первого выпуска литературно-публицистического и религиозно-философского машинописного журнала "37" (название журналу было дано по номеру квартиры, где жили редакторы). Проект удался, и в течение следующих пяти лет были составлены и выпущены еще 20 номеров. Дальнейшая кристаллизация независимой культуры в журнальные формы приобрела лавинообразный характер. Вот неполный перечень изданий второй половины 1970 – начала 1980-х гг: "Архив", "Часы", "Обводный канал", "Северная почта", "Метродор", "Мария", "Женщина и Россия", "Россиянка" (последние три представляли совершенно новое для России явление – феминизм как фактор культуры). Особое место в питерском журнальном спектре занимал журнал "Сумма" – реферативное издание, посвященное "самиздату" как феномену и содержавшее исключительно библиографические материалы. К сожалению, этот журнал выходил недолго, с 1979 по 1982 г. (всего 8 номеров), и прекратился после гибели в автомобильной катастрофе его главного редактора С.Ю. Маслова.

Неподцензурная журналистика не стала, как это часто бывает, "культурным тупиком" для ленинградской интеллигенции. Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать имена людей, причастных к ленинградскому "культурному буму", помимо названных уже, – это поэты С. Стратановский, Ю. Вознесенская, Е. Шварц, К. Унксова, историки Л. Лурье и А. Рогинский, философ Б. Иванов, писатель и художественный критик В. Нечаев, историки культуры А. Добкин, В. Аллой, С. Дедюлин. Список, естественно, далеко не полон, а приведенные имена

не равноценны по своему культурному вкладу, однако их объединяет одна черта – никто из них не "потерялся" в новых условиях бесцензурного существования. Следовательно, их деятельность была действительно независима от цензуры – не только от наличия, но и от отсутствия ее.

Философские, культурологические и литературоведческие работы имели широкое хождение в "самиздате" еще с конца 1950-х гг. Очень часто это были переводы; но и отечественные авторы "самиздата" внесли весомый вклад в гуманитарное знание: достаточно назвать имена Г. Померанца, Г. Гачева, А. Якобсона, Б. Шрагина, Б. Гройса.

Что касается истории, то поначалу здесь преобладали два жанра: публицистика и мемуаристика. Переломным моментом стала публикация за рубежом книги Александра Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ" (декабрь 1973 г.)*. Хотя автор скромно обозначил свой труд как "опыт художественного исследования", эта характеристика относилась, скорее, к комментированию и интерпретации фактов; собирание и обработка данных о машине политических репрессий 1918–1956 гг. были проведены на вполне высоком, учитывая обстоятельства работы, уровне. Поэтому появление "Архипелага ГУЛАГ" стало не только блестящим образцом исторической публицистики, но и прорывом в исторической науке.

Следующей попыткой систематического независимого исследования в области советской истории стало издание в 1976 г. первого выпуска "самиздатского" периодического издания – сборника "Память".

После ареста Солженицына и его высылки за рубеж в феврале 1974 г. среди протестов диссидентской общественности особое место заняли так называемое "Московское обращение" и открытое письмо Л.И. Богораз председателю КГБ Ю.В. Андропову. В первом, подписанном рядом видных диссидентов, помимо стандартных требований вернуть Солженицына на родину и издать его произведения, содержалось требование открыть для свободного изучения архивные документы, связанные с политическими репрессиями сталинского периода. Автор второго текста, повторив это требование, отмечал, что оно вряд ли будет выполнено, и заявлял о намерении самостоятельно приступить к сбору сведений о сталинских репрессиях. Скорее всего, эти заявления так и остались бы декларациями, если бы они не совпали с намерением группы ленинградских историков, как профессионалов, так и любителей, издавать "самиздатский" исторический сборник, посвященный, в первую очередь, изучению политических репрессий.

Сборник "Память" издавался в течение пять лет (всего вышло пять выпусков, объемом от 600 до 900 машинописных страниц каждый), и в "самиздатском" виде имел лишь ограниченное хождение.

* Исследовательская (во всяком случае, публикаторская) составляющая присутствовала в работах Р. Медведева и в редактируемых им "самиздатских" журналах "Политический дневник" и "Двадцатый век", однако адекватному восприятию читателем действительно ценных исторических материалов, публиковавшихся в этих журналах, мешала очевидная идеологическая ангажированность их издателя.

Возможно, препятствием к перепечатке был большой объем сборника, но, скорее всего, это связано с закатом "самиздата" в классическом понимании этого слова и вытеснением его "тамиздатом". Стандартная судьба неподцензурного текста в середине 1970-х гг. была такова: "самиздатский" выпуск и ограниченное хождение в кругу знакомых автора, затем публикация в одном из русскоязычных зарубежных издательств, нелегальный ввоз в СССР и последующее распространение книг или их фотокопий. Именно так распространялся сборник "Память".

Главной темой сборника оставались политические репрессии, главной задачей – фиксация и осмысление собранных данных. Составители стремились при этом обеспечить высокий академический уровень сборника: предисловия, комментарии и справочный аппарат соответствовали требованиям, предъявляемым к научным изданиям. "Память" прекратилась в 1981 г., после ареста и осуждения главного редактора сборника А. Рогинского. Материалы, собранные для шестого и последующих выпусков, были переданы В. Аллою, зарубежному издателю сборника. Впоследствии на базе этих материалов в Париже было начато издание нового исторического сборника – "Минувшее", продолжившего традицию "Памяти".

Диссиденты и власть. Подробный анализ действия репрессивных механизмов, к которым прибегало государство и его карательные органы для подавления диссидентской деятельности, не входит в задачи настоящего очерка. Здесь мы коснемся лишь важнейших структур и параметров репрессивной политики государства в период 1959–1986 гг.

После арестной кампании 1957–1959 гг. в государственной политике подавления инакомыслия уголовное преследование никогда больше не рассматривалось как основная форма борьбы с "антисоветскими проявлениями". Речь Хрущева, произнесенная весной 1959 г. перед активом КГБ уже на излете этой кампании, как и принятое в это же время Положение о КГБ ставили акцент на так называемом "профилактировании". Возбуждение уголовного дела рассматривалось как крайняя мера, применяемая к упорствующим "антисоветчикам" или к тем, чьи действия имели особо опасный, с точки зрения власти, характер.

Несмотря на рецидивы прежней политики, уже в 1959–1964 гг. масштабы репрессий за "антисоветскую агитацию" ограничились несколькими сотнями человек в год. Эти "скромные" показатели сохранялись и в брежневскую эпоху, а в определенный период (годы разрядки: 1976–1979) цифры даже снижались. Согласно данным Министерства юстиции, общее число осужденных в 1976–1979 гг. по "политическим" статьям Уголовного кодекса* колебалось в пределах 110–170 человек в год; при этом количество тех, кого осудили по диссидентским статьям ("антисоветская агитация и пропаганда" и "клеветнические

* Под "политическими" мы понимаем четыре статьи УК, перечисленные в статье 5 Закона от 18 октября 1991 г. "О реабилитации жертв политических репрессий" (ст. 70, 190-1, 142, 227 УК РСФСР и соответствующие им статьи Уголовных кодексов союзных республик), а также не названные в Законе статьи 190-2 и 190-3 УК РСФСР вместе с их республиканскими аналогами.

измышления, порочащие советский государственный и общественный строй"), не превышало 70 человек. В то же время "профилактирование" применялось в широких и все возрастающих масштабах. По подсчетам некоторых исследователей, в 1960–1987 гг. количество лиц, в отношении которых были возбуждены уголовные дела по обвинению в "антисоветской пропаганде", в целом соотносится с количеством "профилактированных" по этой же "линии" примерно как 5:95.

"Профилактирование" представляло из себя широкий спектр мер внесудебного воздействия, начиная от увещательной беседы с "профилактируемым" и вплоть до увольнения с работы или исключения из вуза без права восстановления. В 1972 г. Ю.В. Андропов предпринял попытку подвести под некоторые виды "профилактирования" юридическую базу. Совместно с Генеральным прокурором Руденко он инициировал принятие указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря, в котором органам дознания разрешалось выносить лицам, совершающим "общественно опасные деяния", официальное "предостережение" о том, что, в случае продолжения подобных "деяний", они могут быть привлечены к уголовной ответственности. Однако и "профилактирование" в целом, и указ от 25 декабря 1972 г. свидетельствовали об одном: сколько власть ни старалась дать юридическое обоснование политическим репрессиям, разделив понятие "преступление" и "политически нежелательное деяние", сделать это корректно оказалось невозможно.

До 1959 г. основным юридическим инструментом преследования инакомыслия оставалась статья 58-10 Уголовного кодекса. В 1959–1960 гг., в связи с принятием Основ законодательства Союза ССР, преступления, предусмотренные прежней 58-й статьей, рассматривались по статье 7 закона от 25 декабря 1958 г. "Об уголовной ответственности за государственные преступления". Наконец, с 1 января 1961 г. в силу вступил новый Уголовный кодекс РСФСР, первая глава Особенной части которого называлась "Особо опасные государственные преступления". В этой главе отдельные пункты бывшей 58-й статьи в несколько усеченном виде и с изменением ряда формулировок и санкций были развернуты в статьи от 64-й до 74-й. Пункт 10 также был выделен в отдельную статью 70 УК РСФСР "Антисоветская агитация и пропаганда". По этой статье предусматривалось лишение свободы на срок от полугода до семи лет. Для лиц, ранее осуждавшихся за "особо опасные государственные преступления", часть вторая той же статьи предусматривала лишение свободы на срок от трех до десяти лет, также с возможностью дополнить наказание ссылкой. Следствие по делам, связанным с обвинением в совершении "особо опасных государственных преступлений", велось Комитетом государственной безопасности.

Само понятие "антисоветская агитация и пропаганда" раскрывалось в статье следующим образом: "Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания". Указание на обязательность умысла на "подрыв или ослабление" значительно снижало возможность

юридически корректно доказать обвинение. Профессиональные юристы имели к статье и ряд других претензий.

Все это привело к включению в 1966 г. в Уголовный кодекс статьи 190-1 – "заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй". Преступление, караемое этой статьей, описывалось следующим образом: "Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания"; санкция – лишение свободы на срок до трех лет, или исправительные работы на срок до одного года, или штраф до ста рублей*. Данное преступление было отнесено не к числу "особо опасных государственных", а к главе 10 Кодекса – "Преступления против порядка управления". Следствие по такого рода делам формально велось прокуратурой. На деле, КГБ, по инициативе которого и была введена новая статья, пользовался ею для "разгрузки" статьи 70 и, как правило, негласно контролировал ход следствия.

"Разгрузка" же была довольно основательной. Уже в 1967 г. доля осужденных по статье 190-1 составила около 63% от общего числа осужденных по обеим статьям, а в дальнейшем никогда не опускалась ниже 58%. Суммарное же число осужденных по статье 190-1 УК РСФСР и аналогичным статьям кодексов союзных республик в 1967–1987 гг. составило 1661 (по другим данным – 1609) человек. Одновременно со статьей 190-1 тем же указом в Кодекс были введены статья 190-2 ("надругательство над флагом и гербом Союза ССР или союзных республик") и статья 190-3 ("организация или активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок"). Первая статья была введена, чтобы "разгрузить" статью 70 от дел, связанных со срыванием советских флагов западноукраинскими и прибалтийскими националистами и вывешиванием на их месте желто-голубого знамени или флагов довоенной Литвы, Эстонии или Латвии. Вторая была направлена против уличных демонстраций и митингов.

Помимо перечисленных, с 1961 г. в Уголовном кодексе существовали две статьи, ставшие главным инструментом борьбы с "религиозными сектантами": 142 ("нарушение прав граждан под видом исполнения религиозных обрядов") и 227 ("нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви"). Первая по большей части использовалась против лидеров религиозных общин; вторая – против тех, кто пытался давать детям религиозное воспитание или обучал их основам веры.

Анализируя репрессии против инакомыслящих, следует также помнить о том, что нередко КГБ старался замаскировать политический характер репрессий обвинениями по общеуголовным статьям: в "хулиганстве", "подделке документов", "паразитическом образе жизни" и т.д. Обвинения могли быть вымышленными или иметь под собой какую-то почву, но их политические мотивы, как правило, легко прослеживаются в каждом конкретном случае.

* Нам не известны случаи, когда суд назначал бы по этой статье исправительные работы или денежный штраф.

Начиная с 1956 г. "политических" заключенных старались изолировать от уголовных в нескольких крупных лагерях. К 1959 г. таких лагерей оставалось всего три: Мордовские (Дубравлаг), Тайшетские (Озерлаг) и женская зона в Кемерово. В 1961 г. два последних были ликвидированы и все осужденные за "особо опасные государственные преступления" свезены в Дубравлаг. Этот лагерь (точнее – несколько лаготделений и лагпунктов) до лета 1972 г. являлся единственным политическим лагерем на территории СССР.

Дубравлаг, или "Дубровлаг", получил свое название в 1948 г., вместе со статусом "особлага", т.е. лагеря особого назначения. Он был создан на базе Темниковских лагерей, существовавших здесь с 1929 г., и функционировал в новом качестве до 1953 г., когда особлаги были ликвидированы по всей стране. Тем не менее даже в официальной документации названия "Дубравлаг", "Дубравный ИТЛ" сохранились по сей день. Бытовало также название "Потьминские лагеря" – по названию железнодорожной станции Потьма, где находилась пересылка и куда доставлялись новые заключенные для дальнейшего распределения по зонам. Для внешнего мира это было "учреждение ЖХ 385", далее, через дробь, следовал номер лагерного отделения.

Лагерь состоял из полутора-двух десятков отделений, изолированных друг от друга и разбросанных вдоль узкоколейки протяженностью около 60 км или на небольшом (в 15–20 км) удалении от нее. В одно и то же отделение могло входить от одного до трех-четырех лагерных пунктов, или "зон", также изолированных друг от друга. Среди них было семь или восемь лагпунктов, где отдельно от прочих заключенных содержались те, кто был осужден за "особо опасные государственные преступления". По данным Прокуратуры РСФСР, на 14 июля 1965 г. там содержалось 3816 "особо опасных" преступников¹⁴. Более поздними данными мы не располагаем. Следует иметь в виду, что заметную долю "особо опасных государственных преступников" составляли так называемые "военные преступники" – лица, осужденные за сотрудничество с немцами во время войны, в том числе – за участие в карательных акциях. Оценить их количество в тот или иной период довольно трудно, и это обстоятельство следует иметь в виду, говоря об общей численности политзаключенных.

В июле 1972 г. часть "особо опасных государственных преступников" была вывезена из Мордовии и размещена в трех лагерных зонах, распложенных в Чусовском районе Пермской области. Эти лагеря обычно именуются Скальнинскими (по месту расположения лагерного управления) или, чаще, просто Пермскими. К началу 1980-х гг. в этих зонах содержалось уже больше политических заключенных, чем оставалось в Мордовии. Помимо Мордовских и Пермских лагерей в СССР обязательно существовала тюрьма, куда отправляли политических, – в случае, если тюремное заключение было предусмотрено приговором, или за "плохое поведение" в лагере. До середины 1970-х гг. таким местом была Владимирская тюрьма, а затем тюрьма в городе Чистополь в Татарской АССР.

Осужденные по статьям УК, не отнесенным к "особо опасным государственным преступлениям", отбывали наказание в общеуголовных лагерях.

Одним из самых изощренных способов подавления инакомыслия были психиатрические репрессии. К сожалению, не представляется возможным определить, когда именно карательный аппарат начал широко прибегать к этой, вероятно наиболее жестокой каре. Психиатрические репрессии делились на две основные категории: судебные и внесудебные. Формальным основанием для применения внесудебной психиатрической репрессии служил ведомственный документ – "Инструкция о неотложной госпитализации" Минздрава СССР. На его основании человек мог быть госпитализирован насильно, без его согласия и согласия родственников, если врач сочтет, что его психическое состояние представляет опасность для него самого, окружающих или общества. Разумеется, убедить медиков в общественной опасности поведения того или иного активного диссидента или просто человека, конфликтующего с местным начальством, для органов госбезопасности не составляло труда. Врачи, осмеливавшиеся спорить на эту тему с сотрудниками КГБ, попадались редко. Впрочем, внесудебная госпитализация была не самым страшным видом психиатрической репрессии. Как правило, такая госпитализация длилась от нескольких дней до нескольких недель и не обязательно была сопряжена с насильственным медикаментозным лечением.

Формально судебная психиатрическая репрессия была вовсе не репрессией. Это был гуманный акт, которым суд "освобождал" (!) от уголовного наказания человека, совершившего деяние, имеющее внешние признаки преступления, но, согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы, сделавшего это в состоянии невменяемости*. Естественно, что в этом случае "освобождаемый" должен был быть направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу. Дальнейшее зависело от того, какой тип больницы будет назван в судебном определении – "общий" или "специальный".

В тех редких случаях, когда суд определял подсудимому принудительное лечение в больнице общего типа, ситуация складывалась лишь ненамного хуже, чем для тех, кто был помещен туда на основании инструкции Минздрава. Правда, речь шла уже не о неделях, а о месяцах, и решение о выписке принимал не лечащий врач, а специальная медицинская комиссия. Тем не менее условия содержания мало отличались от обычных: "пациента" могли даже отпустить на выходные домой. Но если в определении суда было сказано: "направить на принудительное лечение в больницу специального типа", дело обрачивалось совсем по-другому. В 1960-е гг. в СССР было пять специальных психиатрических больниц (СПБ): в Ленинграде, Казани, Днепропетровске, Черняховске (Калининградская область), Орле и поселке Сычевка Смоленской области. Позднее к ним прибавилось еще несколько – в Талгаре (Алма-Атинская область), Благовещенске и других местах. Все они были выведены из подчинения Минздрава и находились в ведении МВД; медики в этих больницах также были, как правило, офицерами медслужбы МВД. В этих учреждениях отбывали

* Отметим, что если предварительная судебно-психиатрическая экспертиза устанавливала невменяемость, то закон давал суду право рассматривать дело в отсутствие обвиняемого, и почти всегда так и происходило.

принудительное лечение не только "политические", но и люди, совершившие тяжкие уголовные преступления и признанные невменяемыми. Именно из числа последних набирался хозяйственный персонал больниц. Избиения и издевательства при попустительстве администрации являлись обычной практикой. Режим содержания в СПБ был близок к тюремному: переписка, предоставление свиданий с родными – все находилось под контролем администрации. Насильственно-медикаментозного "лечения" (некоторые препараты, вызывающие острые болезненные ощущения, назначались в качестве наказания) избежать было невозможно.

Но самое тяжелое состояло в том, что заключение в СПБ не предполагало никакого определенного срока, по истечении которого человек мог бы вернуться домой. Дата освобождения полностью зависела от лечащего врача и периодически приезжавшей медицинской комиссии. Заявление о пересмотре своих взглядов, которые следовало определить как проявление психического заболевания, было необходимым, но недостаточным условием освобождения. Неудивительно, что заключение в СПБ рассматривалось большинством диссидентов как худший вид репрессии. Дело осложнялось тем, что спор о наличии или отсутствии у жертвы психического заболевания требовал профессиональной подготовки и специальных знаний. Несколько психиатров консультировали правозащитников, а один – С. Глузман – даже составил на основании попавших к нему в руки медицинских документов "Заочную психиатрическую экспертизу" по делу одного из самых известных узников СПБ – П.Г. Григоренко. Эта экспертиза вместе с другими документами была передана В. Буковским в 1972 г. за рубеж, вызвала шок среди западных психиатров и положила начало процессу, который привел к приостановке в 1979 г. членства СССР во Всемирной ассоциации психиатров. Глузмину этот поступок стоил приговора к 7 годам лагерей и 3 годам ссылки, а Буковскому – к 2 годам тюрьмы, 5 годам лагерей и 5 годам ссылки.

Защита узников спецпсихбольниц стала более эффективной после образования в 1977 г. при Московской Хельсинкской группе Рабочей комиссии по расследованию злоупотреблений психиатрией в политических целях. Официальной позицией Рабочей комиссии стал следующий тезис: проблема не в том, болен человек или нет – это вопрос для специалистов. Проблема в том, представляют ли действия, за которые его судили, общественную опасность для окружающих. Помимо этого, в Бюллетене Рабочей комиссии публиковались материалы о конкретных делах и об общем положении в СПБ.

Спад диссидентской активности. В канун нового, 1980, года СССР активно вмешался во внутриполитическую борьбу в соседнем Афганистане. Советские войска вторглись в эту страну, свергли правивший там режим Хафизуллы Амина и посадили в Кабуле марионеточное правительство. Началась афганская война. Это означало, в частности, конец политики "разрядки".

Почти одновременно КГБ начал новую, более жесткую, репрессивную политику в отношении диссидентов. В январе 1980 г. Сахаров – в глазах всего мира признанный лидер советских диссидентов – был без суда, одним указом Президиума Верховного Совета СССР,

выслан из Москвы. Его поселили в строгой изоляции в г. Горьком, откуда ему запрещалось выезжать. В 1980–1982 гг. прошли многочисленные аресты членов правозащитных и других диссидентских ассоциаций, редакторов "самиздатских" периодических изданий. Прекратил или приостановил свои издания ряд журналов и альманахов. То же произошло и с большинством диссидентских групп. В 1982 г. под угрозой ареста старейшего члена МХГ, 75-летней С.В. Каллистратовой, группа, которая к тому моменту состояла всего из трех человек (остальные были за решеткой или в изгнании), была вынуждена заявить о самороспуске.

Издание "Хроники текущих событий" прервалось после ареста 17 ноября 1983 г. Юрия Шихановича, в течение многих лет игравшего существенную, а с мая 1980 г. – определяющую роль при подготовке выпусков бюллетеня. Более оно не возобновлялось. Последним, не без воздействия "активных мероприятий" КГБ, прекратил свое открытое существование Фонд помощи политзаключенным и их семьям.

Вероятно, причины более жесткой репрессивной политики были связаны не только с концом "детанта", но и с разворачивавшейся в то время мирной революцией "Солидарности" в Польше. Подобные события в социалистическом лагере всегда вызывали ужесточение репрессий внутри страны – вспомним послевоенгерскую арестную кампанию 1957–1958 гг.

Однако действительно ли диссидентская активность пошла на убыль в результате репрессий, которые обрушила на инакомыслящих госбезопасность? Когда стала известна реальная статистика осужденных по "политическим" статьям Уголовного кодекса в 1980–1984 гг., выяснилось, что никакого заметного увеличения масштабов репрессий, по крайней мере судебных, в тот период, по сравнению, например, с началом 1970-х гг., не наблюдалось. Правда, к тому времени КГБ научился действовать "прицельно", изымая и нейтрализуя именно тех людей, которые являлись ключевыми фигурами в различных сферах диссидентской активности. Однако, когда подобное происходило в предшествующие периоды, место выбывших вскоре занимали новые люди. В начале же 1980-х гг., наоборот, наблюдался отход от диссидентской деятельности тех, кто был тесно связан с ней раньше.

В какой-то мере это могло быть связано с увеличившейся суровостью приговоров, системой повторных арестов по истечении срока наказания (это особенно практиковалось после прихода к власти Ю.В. Андропова), с заметным ужесточением режима в лагерях и т.д. Конец эпохи разрядки несколько понизил интерес к советским диссидентам и за рубежом: теперь репрессии против инакомыслящих воспринимались уже не как зло, которое непосредственно затрагивает мировую общественность, а как естественный элемент политики режима, сбивающего пассажирские лайнеры и ведущего варварскую войну в чужой стране. Все это усиливало у оставшихся на воле и не уехавших в эмиграцию диссидентов чувство безысходности и бесперспективности.

Вместе с тем, рискнем предположить, что первостепенную роль сыграли не эти факторы, а резко упавшая общественная поддержка диссидентов. В свою очередь, это можно было бы объяснить многими обстоятельствами. Самым существенным из них представляется следующий: смысл и содержание правозащитной активности 1960–1970-х гг.

почти целиком сводились к информированию общественности о правительственной политике подавления гражданской свободы и к провозглашению прав человека. Вполне вероятно, что многолетняя проповедь правозащитников, распространявшаяся "самиздатом" и ретранслировавшаяся зарубежными радиостанциями, добилась своей цели: общественное сознание приняло их ценностные и критические установки. А если так, то диссидентство на правозащитной основе неизбежно должно было сойти со сцены, ибо оно выполнило свою историческую задачу, и нужда в нем миновала. Во всяком случае, тот факт, что на смену диссидентской эпохе почти сразу же пришла эра перестройки, вряд ли можно рассматривать как случайное совпадение.

Диссидентское сообщество как прообраз и модель гражданского общества. Начиная примерно с 1962–1963 гг. в постановлениях ЦК КПСС, речах партийных лидеров на съездах и пленумах, а также в брошюрах и газетных статьях, посвященных идеологической борьбе, появляется термин "идеологическая диверсия". Мотивы введения в политический оборот этого термина очевидны. В СССР, как утверждалось, успешно завершилось построение социализма, и советские люди под руководством партии приступили к строительству коммунизма. "Классовая борьба" внутри страны закончилась еще в 1920–1930-е гг. Таким образом, в СССР не могла существовать социальная база для недовольства советским строем. Следовательно, несоветский образ мыслей, недовольство политикой партии, "враждебные вылазки" являлись следствием воздействия извне. В частности, диссиденты – это люди, попавшие под влияние подрывной пропаганды, которую ведут зарубежные антисоветские центры по указанию мирового империализма.

В 1970-е гг. эта трактовка стала еще более жесткой, что, по видимому, было связано с разрядкой международной напряженности. В самом деле: означает ли разрядка прекращение всемирно-исторической борьбы между двумя лагерями: "капиталистическим" и "социалистическим"? Разумеется, нет: если признать правильность теории "конвергенции", или постепенного сближения капитализма и социализма, то теряют силу все политические основания для сохранения архаичной и антидемократичной советской политической системы. Поэтому разрядку предлагалось толковать следующим образом: прямое военное столкновение между капитализмом и социализмом необязательно и даже нежелательно, но борьба между ними в мировом масштабе продолжается и даже ожесточается – на идеологическом фронте. Тезис об обострении идеологической борьбы приводил к тому, что в 1970-е гг. диссиденты стали рассматриваться уже даже не как заблудшие овечки, отравленные западной пропагандой, а как идеологические перебежчики и прямые агенты мирового империализма, т.е., по сути, предатели и изменники.

Верили ли авторы этого мифа в него сами? В секретных документах ЦК КПСС и КГБ риторика относительно "мирового империализма" хотя и присутствует, но носит отчетливо ритуальный характер. Содержание же этих документов совершенно иное. Так, зимой 1974/1975 г. Председатель КГБ Андропов в двух записках в ЦК КПСС подчеркивал, что аресты инакомыслящих в СССР имеют строго регулятивное значение: арестовывают ровно столько людей, сколько не-

обходимо, чтобы ситуация не вышла из-под контроля. С точки зрения Андропова, независимая общественная активность могла угрожать стабильности советского строя, лишь достигнув определенной "критической массы".

Хотя основная масса диссидентов предшествующего периода не принимала в них заметного участия, события второй половины 1980-х гг. показали, что опасения шефа КГБ были не так уж безосновательны. Но значит ли это, что диссиденты были политической оппозицией, стремившейся ниспровергнуть существовавший тогда строй? Именно так трактует диссидентскую деятельность большинство современных публицистов и даже некоторые историки.

На наш взгляд, эта трактовка неверна. Разумеется, определенные отряды диссидентского сообщества, а именно национальные движения в Прибалтике, Грузии, Армении, отчасти на Украине, ставили перед собой в качестве отдаленной перспективы вполне определенную политическую цель – выход своих республик из состава СССР и достижение государственной независимости. И среди видных российских диссидентов есть такие, которые, по крайней мере сегодня, рассматривают свою деятельность как политическую. В.К. Буковский, В.И. Новодворская и ряд других прямо называют борьбу с советским строем основной мотивацией своей общественной активности.

Однако в целом содержание диссидентской работы определялось не столько "оппозиционностью", сколько игнорированием негласного запрета на независимую гражданскую, культурную и религиозную активность. Сахаров в своих воспоминаниях очень точно определил смысл диссидентской деятельности как "осуществление прав и свобод «явочным порядком»". Иными словами, советский диссидентский мир – это, прежде всего, формирование и действия независимых гражданских институций, главным образом общественных организаций (в первую очередь, правозащитных) и свободной прессы ("самиздат"). Кроме того, диссиденты содействовали складыванию таких элементов гражданского общества, как социальное бытование независимой культуры, научной (прежде всего гуманитарной) мысли, просветительская деятельность религиозных общин и приходов. Система помощи политическим заключенным и их семьям представляла собой возрождение общественной инициативы в области благотворительности. Выше уже отмечалось, что имели место даже попытки создания в СССР независимых профсоюзов.

Конечно, никто не решится утверждать, что диссиденты создали в СССР гражданское общество, пусть даже непризнанное и гонимое. Для этого их было слишком мало*, а преследования чересчур жестокими. Однако не будет преувеличением сказать, что диссиденты представляли собой прообраз этого общества, его модель, действовавшую в условиях хотя и одряхлевшего и ослабевшего, но

* В электронном архиве НИПЦ "Мемориал" содержатся данные о примерно пяти с половиной тысячах лиц, прикосновенных к диссидентской активности 1950–1980-х гг. Впрочем, в этом архиве почти полностью отсутствуют данные о рядовых участниках массовых "партикулярных" движений, ставших составной частью советского диссидентского мира.

сохранявшего свои родовые черты тоталитарного строя. Именно поэтому исторический опыт диссидентов представляет огромную ценность для российского общества и сегодня.

Примечания

¹ Справка о результатах обобщения судебной практики по делам о контрреволюционных преступлениях (из документов 1958 года) / Публ. и вступит. статья А.Д., А.Р. // Мемориал-Аспект. 1994. Сентябрь. № 10–11. С. 8.

² Подробнее о "лианозовцах" см.: *Некрасов В.* Лианозовская чернуха // "Другое искусство". Москва 1956–1976. В 2 т. М., 1991. Т.1. С. 259–266; *Маневич Г.* Художник и время или Московское "подполье" 60-х // Там же. С. 13–20.

³ *Амальрик А.А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? М., апрель – июнь 1969; Амстердам. Фонд им. Герцена, 1970. С. 22.

⁴ *Амальрик А.А.* Записки диссидента. М., 1991. С. 45.

⁵ *Еремин Д.* Перевертыши // Известия. 1966, 13 января; *Кедрина З.* Наследники Смердякова // Литературная газета. 1966, 22 января.

⁶ Подробнее см.: Пятое декабря 1965 года в воспоминаниях участников событий, материалах Самиздата, документах партийных и комсомольских организаций и в записках Комитета государственной безопасности в ЦК КПСС / Сост. Костенко Н.В., Кузовкин Г.В., Лукашевский С.М., Паповян А.Г. М., 1995. На правах рукописи.

⁷ Дело А. Синявского и Ю. Даниэля / Сост. А. Гинзбург. М., 1966; Франкфурт-на-Майне, 1967 (под заголовком "Белая книга по делу Синявского и Даниэля").

⁸ *Амальрик А.А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? С.12. Там же содержится анализ социального и профессионального состава "подписантов".

⁹ *Якобсон А.* 25 августа 1968 г. // *Якобсон А.А.* Почва и судьба. Вильнюс – М., 1992. С. 225, 226.

¹⁰ Хроника текущих событий. М., 1968, 31 декабря; Вып. 5. Машинопись; Амстердам. Фонд им. Герцена, 1979 (в 2 т.). Т. 1. С. 102, 103.

¹¹ Хроника текущих событий. М., 1974, 17 июля. Вып. 32; Н.-Й., 1974. С. 96, 97.

¹² *Sergej Kowaljow.* Op. cit. Цит. по русскоязычному оригиналу, компьютерная копия которого хранится в электронном архиве общества "Мемориал".

¹³ *Корти М.* Доклад на международной научной конференции "Диссидентское движение в СССР. 1950–1980-е гг. Предмет исследования, источники, методика изучения" (РГГУ, 24–25 августа 1992 г.). Материалы конференции хранятся в архиве общества "Мемориал".

¹⁴ ГАРФ. Ф. 461. Оп. 11. Д. 1607. Л. 2.

ОБРАЗ ВРАГА И СОПРОТИВЛЕНИЕ НЕСВОБОДЕ

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Перед авторским коллективом стояла двуединая задача: во-первых, раскрыть процесс противостояния власти и общества в России ХХ в. и, во-вторых, показать разнообразные формы и методы сопротивления личности и общества несвободе. Решение первой задачи предполагало ознакомление с первопричинами этого противостояния, уходящими своими корнями в глубь веков и нашедшими свое отражение в таком социально-политическом феномене, как образ врага.

Известно, что образ врага испокон веков сопровождает противостояние человеческих сообществ. В первобытном обществе одни племена всегда рассматривали другие сквозь призму дихотомии "мы – они". "Мы" идентифицировались как "свои", а "они" – как "чужие". При этом возникали как имеющие основание, так и иррациональные страхи перед другими, иными. "Чужие" чаще всего воспринимались в образе врага. В социально дифференцированном обществе возникают антагонизмы между различными стратами. И в этом случае может действовать та же дихотомия: "мы – они". "Чужими" могут оказаться и те члены социальных страт, которые нарушают принятые нормы.

В расширительном смысле образ врага был неотъемлемой частью политики на протяжении всей истории человечества. Термин "враг народа" в качестве обобщающего понятия "внутреннего врага" вошел в политический лексикон в период Французской революции конца XVIII в., а в дальнейшем прочно утвердился в революционной пропагандистской и агитационной практике. В период якобинской диктатуры появились первые в истории законы о "врагах народа". После принятия последнего из них – декрета от 22 прериала (10 июня 1894 г.), в течение шести недель, вплоть до падения якобинской диктатуры, Революционный трибунал выносил до 50 смертных приговоров ежедневно.

Формирование и внедрение в общественное сознание образа врагов и во Франции, и в России, и в других странах соответствовало психологической константе обязательного наличия виновников тяжелого положения народа, бедствий страны, военных поражений и т. д. Он давал ответ на традиционный и не только русский вопрос: "Кто виноват?". В ХХ в. образ врага – расового или классового – становится важнейшей системообразующей частью тоталитарных идеологий и масштабных пропагандистских кампаний, служит обоснованием репрессий против различных социальных, этнических, религиозных групп и любого инакомыслия. И в этом качестве он становится одной из главных составляющих сначала в менталитете и деятельности революционных партий, а затем и в государственной политике тоталитарных режимов.

Образы "врагов народа" подпитывали и российские революции, и сталинский террор. Их первый, если так можно сказать, пласт был связан с идеологией революционаризма и ее марксистской интерпретацией. В марксизме идея социальной справедливости зиждется на ликвидации частной собственности как основы эксплуатации

человека человеком. Так возникает образ врага трудового народа – эксплуататора, капиталиста и помещика. Идеологию и тактику большевизма пронизывали марксистские идеи о классовой борьбе и революции как повальной бабке истории. В России эти идеи оказались близки настроениям значительной части крестьянства и городского плебса.

Образ врага не обязательно возрастает на почве марксистской идеологии, он формируется еще и представлением о необходимости и оправданности насилия во имя преобразования общества. Революционный менталитет в равной степени был присущ и российским социал-демократам, и эсерам, которые также видели себя солдатами революции. Обращаясь к судьям, убийца великого князя Сергея Александровича И.П. Каляев говорил: "Я не подсудимый перед вами, я ваш пленник. Мы две воюющие стороны. Вы – представители императорского правительства, наемные слуги капитала и насилия. Я – один из народных мстителей, социалист и революционер"¹. А вот какую характеристику дает руководитель Боевой организации эсеров Б.В. Савинков своему товарищу по кровавому делу Доре Бриллиант: "Террор для нее олицетворял революцию, и весь мир был замкнут в боевой организации". Не меньший интерес представляют рассуждения Савинкова об убийце министра внутренних дел Плеве Егоре Созонове: "Революционер старого, народолюбивого, крепкого закала, он не имел ни сомнений, ни колебаний. Смерть Плеве была необходима для России, для революции, для торжества социализма. Перед этой необходимостью бледнели все моральные вопросы на тему о «не убий»"².

В этом революционном менталитете были заключены истоки большевистского государственного террора и его, не скажем, моральное, но, бесспорно, идейное оправдание: для торжества революции и социализма необходимы жертвы, а их количество не имело значения. Сразу же после прихода большевиков к власти "врагами народа" были объявлены кадеты и другие либералы. Вскоре наступил черед и социалистических партий. Уже в апреле 1918 г. проявилась тенденция к объявлению "врагами народа" социалистов. Так, в апрельском воззвании Тульского губернского съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов подчеркивалось, что правые эсеры и меньшевики "являются настоящими врагами народа, во сто раз более опасными, чем корниловцы". Поэтому и борьба с ними должна быть "еще более решительной и беспощадной, чем с корниловцами". В другом месте воззвания они уже именовались врагами столь же опасными, как германский империализм и русская буржуазия³.

В 1920-е гг. вышло немало пропагандистской литературы о "социал-предателях" российской революции. Характерна в этом отношении брошюра П. Лисовского "На службе капитала. Эсеро-меньшевистская контрреволюция". В ней "мелкобуржуазный социализм" разоблачается "как смертельный враг всех трудящихся, ведущих борьбу за лучшее будущее человечества". Известный лозунг "Советы без коммунистов" оценивается автором так: "В самом деле, что такое Советы без коммунистов? Это значит – Советы, в которых хозяйничают эсеро-меньшевики, учредилорцы, поклонники буржуазной демократии и заклятые враги советской системы"⁴. В результате репрессий не

ушедшие в эмиграцию меньшевики, эсеры, анархисты были искоренены уже в начале 1920-х гг., а ярлык "социал-предатели" в дальнейшем был перенесен на социал-демократов зарубежных стран.

По удачному выражению историка И.В. Нарского, весь период российской революции сопровождал "карнавал образов врага". Исследователь констатирует его многоликость в "красной" и "белой" интерпретации российской катастрофы: "Винновыми во всех бедах объявлялись "буржуазия" и "немецкий шпион" Ленин, "белогвардейские банды" и "комиссародержавие", "контрреволюционеры" и "жиды", "колчаковщина" и "немецко-большевистский сговор" и т. п."⁵. Массовый террор времен Гражданской войны со стороны красных определялся не столько установкой на победу, хотя это тоже сыграло свою роль, сколько представлениями о терроре как неотъемлемой части революции. Сталин никогда не отказывался от террора как средства преобразования общества, укрепления тоталитарного государства и своей личной диктаторской власти.

Уже в 1919 г. к формированию образа "врагов народа" подключились художники и поэты. В создании "Окон сатиры РОСТА" участвовали В.В. Маяковский, М.М. Черемных, Д.С. Моор. В сатирических рисунках и поэтических подписях к ним создавались зловещие образы мировых буржуев и вождей белого движения. У нас нет оснований предъявлять счет сатирикам периода Гражданской войны. Это было время "унесенных ветром" революции, а эпоха "утомленных солнцем" еще не наступила. Но от того что советское искусство было поставлено на службу официальной идеологии и внесло свою, и немалую, лепту в создание образа ее врагов, не уйти.

Всякое выступление против революционного насилия воспринималось большевистской властью как голос если не из стана врагов, то в их защиту. Уже в 1918 г. лидер левых меньшевиков Ю.О. Мартов осудил кровавые расправы в брошюре "Долой смертную казнь!", написанной в связи с расстрелом капитана А.М. Щастного. Он писал: "Человеческая жизнь стала дешева. Дешевле бумаги, на которой палач пишет приказ об ее уничтожении. [...] Зверь лизнул человеческой крови. Машина человекоубийства пущена в ход... Первый пример подан, и теперь Верховный Революционный трибунал будет отправлять на тот свет всех, кого большевистская партия пожелает лишить жизни, – будет превращать столько людей в трупы, сколько могут успеть умеренные и аккуратные чиновники в течение своего восьмичасового рабочего дня. Начато с офицера, которого темным массам можно представить как врага народа, контрреволюционера. Дальше, – провидчески продолжал меньшевистский лидер, – пойдет очередь за всеми, открывающими глаза на преступность и гибельность установленного большевиками порядка"⁶.

Начиная со времен Гражданской войны, в образе "врагов народа" фигурировали священнослужители. Образ попа – обманщика и пособника контрреволюционных сил – был одним из излюбленных в большевистской пропаганде. И не случайно, позже, в 1920–1930-е гг., воспитанные в духе агрессивного атеизма комсомольцы громили церкви и сбрасывали со звонниц колокола, издевались над священниками.

В 1920-е – начале 1930-х гг. "враги народа" персонифицировались в образах нэпмана, кулака, "вредителя". У Бориса Корнилова есть замечательные по поэтическим достоинствам, но страшные по содержанию стихи о кулаках – "Семейный совет" и "Убийца". В первом кулак на семейном совете призывает к борьбе против советской власти:

И заросший, косой, как заяц, твой
неприятный летает глаз:
Пропадает мое хозяйство.
Будь ты проклят, рабочий класс!
Только выйдем – и мы противу –
бить под душу и под ребро,
не достанется коллективу
нажитое мое добро.

Чтобы видел поганый враг,
что копейка моя дорога,
чтобы мозга протухший творог
вылезал из башки врага...
И лица голубая опухоль
опадает и мякнет вмиг,
и кулак тяжелее обуха
бьет без промаха напрямик.

А раз он, кулак, такая вражина, то и расправа с ним – дело справедливое и коллективное:

И тогда, поджимая губы,
коренасты и широки,
поднимаются лесорубы,
землеробы и батраки.

Руки твердые, словно сучья,
камни, пламенная вода
обложили гнездо паучье,
и не вырваться никуда.

Жесткие директивы по раскулачиванию шли сверху. Но они реализовывались не только через партийные органы, но и сельскими активистами. Вот фрагмент из письма пенсионерки из Кургана, опубликованного в одном из журналов периода "перестройки": "Все отобрали: посуду, мебель, пожитки, валенки сняли прямо с бабушки, даже из люльки, где лежала маленькая Фрося, сестренка, вытащили шаль и одеяльце"⁷. По морозу семью, в которой было шестеро детей, гнали пешком 15 км на железнодорожную станцию. Умерли бабушка, лишившаяся валенок, и малышка Фрося, оказавшаяся без шали и одеяльца. Кроме директив сверху за жесткостью этого раскулачивания стояло многое: и зависть тех, кто не хотел и не умел работать, но жить стремился не хуже других; и классовая ненависть, возвращенная Гражданской войной; и культивируемое пропагандой убеждение, что враг – не человек.

Если в сельской местности формировался образ врагов – кулаков и подкулачников, то в городах на роль одного из главных врагов социалистического строительства с конца 1920-х гг. были выдвинуты "вредители". На них пытались списать серьезные просчеты форсированной индустриализации. Кампания по разоблачению подпольных вредительских контрреволюционных организаций началась "шахтинским делом" 1928 г. Вслед за ним последовал фальсифицированный "процесс промпартии" (1930). Огромное количество специалистов высшей квалификации – инженеров, экономистов, ученых, преподавателей вузов, врачей – оказалось жертвами репрессий 1930–1940 гг. Зачастую "вредители" по совместительству выступали в образе врагов-шпионов. Шпиономания была одним из массовых психозов сталинского периода нашей истории.

Своего рода черта под образом врага-меньшевика была подведена судебным делом 1931 г., известным как процесс "Союзного бюро ЦК РСДРП". Разумеется, подобной контрреволюционной организации никогда не существовало в действительности. Политические подсудимые, в основном ученые-экономисты и публицисты, бывшие меньшевики, были всего лишь противниками того экономического курса, который проводился Сталиным и его окружением. Этот процесс чрезвычайно показателен в качестве примера синтезирования образа врага – одновременного разоблачения "вредителей" и членов оппозиционных партий. Большинство подсудимых занимало ответственные посты в Госплане, Государственном банке СССР, ВСНХ, Наркомате торговли, Центросоюзе. В вину им вменялось искажение обзоров по народному хозяйству и проектирование минимальных размеров роста продукции в ходе реализации пятилетнего плана с целью помешать социалистическому строительству, противодействие взятым темпам развития тяжелой промышленности, срыв кредитной реформы, недоснабжение товарами рабочих центров и районов. Иными словами, те или иные профессиональные суждения, расходившиеся с партийными директивами, рассматривались как вредительство и политическая злонамеренность. Более того, если внимательно читать материалы процесса, то становится ясно, что обвинения в тяжких экономических преступлениях были натянутыми и необидительными, даже несмотря на признательные показания самих подсудимых. Вредительство на этом и других процессах связывалось с попытками установить контакты с Западом для организации "контрреволюции и интервенции"⁸.

Установки на разоблачение врагов народа шли сверху. Один из знаменитых комбайнеров-стахановцев К. Борин рассказывал, как принес в крайком партии початки кукурузы, гордясь высоким урожаем. Но вместо похвалы услышал: "Кому здесь твоя кукуруза нужна! Ты лучше скажи, сколько врагов народа разоблачил?" "Такова была установка разоблачать. И разоблачали", – заключает с горечью Борин⁹.

Правящая партия в тоталитарном государстве не могла обойтись и без образа внутрипартийного врага. В этой роли выступали как бывшие "любимцы партии" – Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Н.И. Бухарин и другие, так и масса менее значительных и просто рядовых ее членов. В плане внедрения в общественное сознание образа врага характерен подарок Уральской областной партийной конференции – топорик художественного литья. На правом лезвии его была насечка "руби правый уклон", на левом – "руби левый уклон", а на обухе – "бей примиренца". В этом топорике-символе воплощены сталинские призывы к беспощадной внутрипартийной борьбе.

Против "уклонистов" использовали как идеологические, так и уголовные обвинения. Начиналось обычно с первых. По меткому выражению меньшевистского "Социалистического вестника", Троцкий впервые споткнулся на "лимонной корочке" своей брошюры "Уроки Октября". Затем его исключили из партии как оппозиционера-фракционера, а после высылки за границу обвинили в антисоветской деятельности и сотрудничестве с внешними врагами

СССР. Еще более трагическими были судьбы Зиновьева, Каменева, Бухарина, А.И. Рыкова и других видных большевиков. Фальсифицированные судебные процессы 1930-х гг. заклеямили их как политических преступников, вредителей и шпионов германской и других разведок. В духе "диалектической логики" ленинцы превращались в антиленинцев, организаторы октябрьского переворота – в противников Октября, фанатичные партийцы – в предателей дела партии и т. п. Ярлык троцкиста или бухаринца стал более опасным, нежели принадлежность к "бывшим" или даже участие в белом движении. С конца 1920-х гг. оппозиционеры, фракционеры, "уклонисты" заняли одно из самых почетных мест в неустанно пополнявшейся галерее врагов партии и народа.

Процитируем лишь один пассаж из отчетного доклада Сталина XVII съезду ВКП(б): "«Левые» открыто присоединились к контрреволюционной программе правых для того, чтобы составить с ними блок и повести совместную борьбу против партии. Как можно после этого говорить, что "левые" не опасны или мало опасны? Не ясно ли, что люди, говорящие такую несурезицу, льют воду на мельницу заклятых врагов ленинизма?"¹⁰. И это еще скромно: "враги ленинизма". В "Кратком курсе" истории ВКП(б), изданном через три года, формулировки были уже пострашнее: "Перерождение троцкистских двурушников в белогвардейскую банду убийц и шпионов", "ликвидация остатков бухаринско-троцкистских шпионов, вредителей, изменников родины", "троцкистско-бухаринские изверги", "банда врагов народа под видом правотроцкистского блока", "эти подонки человеческого рода", "белогвардейские пигмеи", "белогвардейские козявки", "ничтожные лакеи фашистов"¹¹.

С середины 1930-х гг. идут крупномасштабные чистки в научных учреждениях гуманитарного профиля. В этой связи показательна записка "Об укреплении кадрами отделения общественных наук Академии наук СССР" заведующего отделом науки ЦК ВКП(б), направленная И.В. Сталину, А.А. Андрееву и А.А. Жданову. В ней, в частности, указывалось, что из 25 историков, привлеченных на научную работу в 1934 г., восемь "оказались врагами народа", что "враги партии, орудовавшие на научном фронте, захватившие в свои руки ряд участков, занимали руководящие должности (Дубровский был деканом исторического факультета ЛГУ, Фридлянд – деканом истфака МГУ, Пионтковский – зав. кафедрой Историко-философского института)". Эти историки и ряд других именовались "активными участниками контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды". Фигурируют в "записке" Бухарин и историк В.П. Волгин, которые якобы бесконтрольно насаждали в Академии наук "своих людей"¹².

В 1940 г., выступая на совещании в ЦК ВКП(б) о кинофильме "Закон жизни" по сценарию писателя А.О. Авдеенко, Сталин заклеил его как "человека вражеского охвостья". Вождь объяснил, как надо изображать врагов: "Я бы предпочел, чтобы нам давали врагов не как извергов, а как людей, враждебных нашему обществу, но не лишенных некоторых человеческих черт. [...] Почему Бухарина не изобразить, каким бы он ни был чудовищем, – а у него есть какие-то человеческие черты. Троцкий – враг, но он способный человек"¹³.

Сталин отлично знал, что ни Троцкий, ни Бухарин не были "врагами народа", что они являлись только его, вождя, врагами, поэтому слишком упрощенный образ "чудовища" мог, по его мнению, не сработать, не достичь цели.

В 1946 г. писатель Юрий Олеша сделал запись в сгущенно-образной сатирической гоголевской традиции: "Знаете ли вы, что такое террор? Это гораздо интереснее, чем украинская ночь. Террор – это огромный нос, который смотрит на вас из-за угла. Потом этот нос висит в воздухе, освещенный прожекторами, а бывает также, что этот нос называется Днем поэзии. Иногда, правда, его называют Константин Федин, что оспаривается другими, именуящими этот нос Яковом Данилевичем или Алексеем Сурковым"¹⁴. Вот так: нос, который вынюхивает и высматривает из-за угла крамолу, инакомыслие, прикидываясь то Днем поэзии, то одним из руководителей Союза писателей.

Общественная атмосфера 1930-х гг., насыщенная страхом, доносительством, необходимостью выбора между близкими людьми и "партийной правдой", впечатляюще передана в романе писателя Бруно Ясенского "Заговор равнодушных". Роман, напечатанный после XX съезда, не был закончен, так как его автор был репрессирован и погиб. Героиня романа узнает, что ее муж, редактор заводской газеты, исключен из партии как троцкист. Директор завода, участник Гражданской войны, разъясняет молодой женщине, что "наша партия есть воинствующая партия, окруженная врагами", он рисует перед ней картины, как ее мужа завербовал троцкист-"историк", из тех, которые хотят делать историю револьвером из-за угла. Она слышит: ты "прежде всего комсомолка, а потом уже жена", "ты не просто женщина, ты женщина нашего класса", ее убеждают в виновности мужа. Запутавшаяся женщина стреляет в него, ставшего самым отвратительным и подлым человеком, посягнувшим на самое святое – веру. И пусть потом уже сам директор завода оказывается троцкистом и клеветником, он ведь использовал аргументы своего времени, аргументы, в которых незаметно разводится нравственное и политическое: женщина как женщина, как жена противопоставляется комсомолке, большевичке; никто не вправе ставить под сомнение решение партийного бюро – партия не ошибается.

Жертвами мифологического конструкта "образ врага", внедрения его в общественное сознание становились иногда даже члены семей репрессированных. Конечно, отречение от родителей или детей чаще всего было следствием запугивания. Но были и другие примеры. В воспоминаниях Н. Баранской рассказывается, как молодой человек, сам политический заключенный, проявлял "неподатливую веру" в то, что его отец – "враг народа", несмотря на то, что солагерники, лично знавшие отца, пытались его разубедить¹⁵.

Сталинская пропаганда создала даже образы народов-изменников. Сотни тысяч представителей разных этносов – российских немцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, калмыков, крымских татар, турок-месхетинцев – были поставлены в положение спецпереселенцев-изгоев.

Волна насаждаемого сверху послевоенного антисемитизма, пройдя стадию борьбы с космополитизмом, достигла своего апогея в 1953 г. в "деле" врачей. "Убийцы в белых халатах" – один из самых изощренных образов врага, созданных сталинской пропагандистской машиной. Одна из жертв этого "дела", Я.Л. Рапопорт, вспоминал: "Очень многие, в том числе и некоторые медицинские работники, бесконтрольно приняли на веру содержание сообщения от 13 января (имеется в виду первое сообщение ТАСС об аресте группы врачей-вредителей. – *О.В.*). Реакция была двойная: дикое озлобление против извергов рода человеческого (другого названия для них не могло быть) и панический ужас перед "белыми халатами", в каждом носителе которого видели потенциального, если уже не действующего убийцу. Никогда не забуду перекошенного от злобы и ненависти лица моего лаборанта М.И.С., процедившей сквозь стиснутые злобой губы: "Проклятые интеллигенты, кувалдой бы их, кувалдой по черепу". Можно было не сомневаться, что если бы ей дали в руки кувалду, то эта, в общем хотя и не очень добрая, но и не кровожадная женщина воспользовалась бы ею. Во всех учреждениях – стихийные и организованные митинги с требованиями самой суровой казни для преступников, и среди участников митингов многие предлагали себя в палачи"¹⁶. Страсти разжигали газеты, публиковавшие разоблачительные статьи, и радиопередачи с почти истерическими выступлениями.

После 1956 г. начался процесс демифологизации образов врага, который растянулся вплоть до середины 1980-х гг. Но это не значит, что не создавались образы новых врагов. Правда, "массовки" сменились индивидуальным подходом, причем от некоторых традиций, как, например, инсинуаций в средствах массовой информации, "писем трудящихся" (коллективных и индивидуальных), собраний и митингов "осуждения", тоталитарный режим никогда не отказывался.

Любые моноидеологизированные и идеократические государственные или общественные силы пытаются искоренить инакомыслие. В условиях же диктатуры "заблуждающиеся" (или, по терминологии Великой французской революции, "подозрительные") обычно сразу или со временем оказываются врагами. Личины у врагов могут быть разными: враги трудящихся, народа, партии и т. д. Тоталитарные режимы не могут существовать, не порождая перманентно образов врага. В классической антиутопии Дж. Оруэлла воспитание масс на образах врага воплощено в так называемых "минутах ненависти". Конкретика образов определялась прежде всего идеологией, которая проецировалась на историческую реальность.

Сопrotивление личности и общества несвободе связано с исходным принципом: личность по своей природе ориентирована на свободу и независимость как на непременные предпосылки и условия для всестороннего раскрытия своего творческого потенциала. Не случайно борьба личности за индивидуальную и общественную свободу и права красной нитью проходит через всю историю человечества. Политические режимы, ориентированные на подавление прав и свобод человека, объективно тормозили развитие прогресса. Разумеется, масштабы и методы сопротивления несвобо-

де, как это показано в настоящей книге, были различными в условиях царского (авторитарного) и коммунистического (тоталитарного) режимов.

В начале XX в. сопротивление авторитаризму приняло массовый характер и проявилось в самых различных формах. В годы первой российской революции в борьбу против самодержавия были втянуты все основные социальные группы российского общества. Под решительным натиском массового движения самодержавие вынуждено было пойти на значительные уступки: 17 октября 1905 г. был издан Манифест, в котором декларировались права и свободы граждан, объявлялось о созыве законодательного двухпалатного представительства. Возникли и активно действовали сотни политических партий и организаций, общественных объединений и профессиональных союзов. Таким образом, революция способствовала трансформации авторитарного режима в конституционную монархию, расширению гражданских и политических прав личности, становившейся реальным субъектом политического процесса, участником выработки и принятия решений на центральном (Государственная дума) и региональном (земское и городское самоуправление) уровне. В 1905–1907 гг. произошли важные изменения в массовом общественном и индивидуальном сознании. Все это, вместе взятое, оказало влияние на самоидентификацию общества и личности, которые не просто априори, а вполне реально осознали значимость и самоценность гражданских и политических свобод.

Но монархический авторитарный режим оказался не в состоянии учесть необратимость перемены в общественном сознании и настроениях масс, чутко реагировавших на все попытки исполнительной власти "ужать поле" завоеванных гражданских и политических свобод, усилить административно-командный контроль над политическими партиями и движениями, общественными структурами и институтами. Перманентные попытки режима отнять права и свободы лишь увеличили число его противников. В итоге к февралю 1917 г. авторитарный режим оказался в полной изоляции и рухнул.

После Февральской революции Россия временно стала самой демократической и свободной страной в мире, а ее граждане получили столь широкие свободы, которых не имело даже в ряде развитых западноевропейских стран. Парадокс послефевральской ситуации состоял в том, что Временное правительство, принявшее законы, закреплявшие права и свободы, в экстремальных условиях Первой мировой войны не смогло столь же оперативно разрешить экономические и особенно социальные проблемы, затрагивавшие кровные интересы уставшего от военных тягот и лишений народа. Именно этим воспользовались леворадикальные партии социалистического толка, выдвинувшие лозунги углубления демократической революции и доведения ее до социального переворота. Опыт Февральской революции показал, что одного формального провозглашения прав и свобод недостаточно для удовлетворения каждодневных жизненных потребностей населения, которое нуждается еще в гарантированных социальных правах. Выдвинув доступные и понятные массовому сознанию социальные лозунги, леворадикальные

партии (большевики, левые эсеры, анархисты) в октябре 1917 г. одержали победу над демократическими партиями. Разумеется, народные массы, воспринявшие популистские лозунги левого радикализма и экстремизма, не понимали и не осознавали возможных последствий установления "диктатуры пролетариата", действительных устремлений лидеров большевизма.

Придя к власти, большевики сразу же начали ограничивать права и свободы граждан, приступили к террору против своих политических противников, свернули демократические завоевания Февральской революции, установили контроль над печатью и общественными организациями. Гонения и массовые репрессии раньше всего оказались направлены против правоконсервативной и либеральной оппозиции, а затем распространились и на "друзей слева" – правых меньшевиков и эсеров. Первой ласточкой стало закрытие органов печати, затем последовал роспуск Учредительного Собрания, который послужил еще одним толчком к развязыванию Гражданской войны, унесшей миллионы жизней и, по существу, окончательно разрушившей материально-техническую базу России.

В годы Гражданской войны борьба против несвободы, насаждавшейся большевистским режимом, приняла острые, кровавые формы. Репрессии широкой волной обрушились не только на бывшие господствующие классы – помещиков-дворян, торгово-промышленную буржуазию, но и на средние слои города и деревни, рикошетом затрагивая и интеллигенцию. В регионах массового сопротивления большевистской властью велись настоящие военные действия с использованием новейших средств массового поражения (например, химического оружия). В период Гражданской войны предельно ясно раскрылась тоталитарная природа коммунистической идеологии, стремление новой власти к установлению единомыслия.

Насильственное уничтожение бывших господствующих классов в ходе Гражданской войны, мощнейший удар новой власти по средним слоям населения привели к сужению поля сопротивления несвободе в последующий период. В 1920-е гг. большевики активизировали репрессивную политику против демократических социалистических партий, лидеры и функционеры которых были вынуждены либо эмигрировать, либо были заключены в тюрьмы и концентрационные лагеря. Подавив в 1920-е гг. демократическую оппозицию, с начала 1930-х гг. большевики развернули репрессивную политику против разного рода оппозиционеров внутри собственной партии, применив в отношении их самые крайние меры, вплоть до расстрела. Все это привело к насаждению в стране тотального страха и вполне естественной минимизации форм сопротивления, на которые решались, с одной стороны, либо наиболее независимые индивидуумы, либо бесстрашные и одновременно отчаявшиеся люди, готовые ради нескольких дней свободы пожертвовать своей жизнью (побеги из мест заключения, бунты в ГУЛАГе и т.п.), с другой.

Отечественная война 1941–1945 гг. стала, на наш взгляд, началом перелома в сознании многих людей, по сути, подготовившим перемены, наступившие в стране после смерти Сталина. Это свиде-

тельствует о том, что даже в самые мрачные периоды тоталитарной диктатуры в России не угасло имманентно присущее человеку стремление как к индивидуальной, так и к общественной свободе, которое рано или поздно должно было пробить "асфальт" единомыслия и дать ростки свободы.

Казалось, что органам ВЧК-ГПУ-НКВД удалось выкорчевать все очаги оппозиционного движения в стране, массовыми репрессиями и расстрелами посеять всеобщий страх. Но и в жесточайших условиях сталинской диктатуры в ГУЛАГе многие люди стремились сохранить достоинство и внутреннюю свободу. Не случайно, что после смерти диктатора не вытопанные "ростки" свободы дали в изменившихся условиях свои плоды. Эта тенденция в дальнейшем углубилась в хрущевский и брежневский периоды, став предпосылкой для горбачевской "перестройки" и последующих трансформаций.

Хрущевская "оттепель" стала вполне определенным и зримым этапом в переходе от сталинской диктатуры к появлению, хотя и слабым, побегов демократии, восстановлению погранных свобод и прав личности, появлению пусть и инициированных властью, и послушных ей общественных институтов. На путях этого весьма сложного и неоднозначно оцениваемого исследователями и общественным сознанием перехода были периоды, когда вместо "оттепели" наступала "изморозь" и даже "холод". Однако шедший подспудно в недрах общества процесс осознания необратимости перемен, импульс которых был, несомненно, дан еще при Хрущеве, постепенно набирал силу и находил свое выражение во все большей "мере анакомыслия". Но лишь отмена 6-й статьи Конституции СССР нанесла необратимый удар по политическому ядру тоталитарной системы – КПСС, постепенный развал которой повлек за собой всю последующую цепочку событий как внутривнутриполитического, так и международного характера.

Одним из знаковых итогов горбачевской "перестройки" стали становление личности и начавшийся процесс формирования демократических институтов и структур гражданского общества и правового государства. Однако реализация этих процессов в современной России происходит сложно, противоречиво и неоднозначно. На протяжении последних десяти лет на пути трансформации общества имели место и откаты, и зигзаги, характерные для развития общества в переходные эпохи. Следовательно, обществу крайне важно иметь в своем распоряжении механизмы, которые, с одной стороны, не позволили бы деструктивным силам дестабилизировать ситуацию в стране, а с другой – располагать реальными силами, которые могли бы защитить свободу личности и создать необходимые предпосылки и условия для достойной жизни.

Мировой исторический опыт показывает, что сама по себе свобода, безусловно имеющая самоценное значение, без дополнительного обеспечения личности совокупностью реальных социальных, политических, юридических и экономических прав не может быть гарантом от возможности сползания общества и государства к несвободе и новой разновидности авторитаризма или даже тоталитаризма. Поэтому важно понять и уяснить, что только развитое и политически структурированное гражданское общество способно не только сохранить, но и приумножить свободы и права личности.

Насыщенность книги документальным материалом позволяет не априорно, а фактически, доказательно показать сложную картину двух взаимосвязанных и переплетающихся тенденций – противостояния власти и общества и непрекращающегося стремления личности и общества к освобождению от диктата государственной власти и насаждаемой официальной идеологии. Одним из уроков трагического опыта XX в. должно стать понимание того, что свободу необходимо постоянно защищать, создавая эффективные общественные институты и механизмы, которые не позволили бы ни при каких обстоятельствах повернуть общественное развитие вспять, к несвободе. Эта книга – предостережение новым поколениям граждан России, которые должны усвоить, что свобода личности всегда была и остается высшим достижением человеческого духа и современной культуры.

Примечания

¹ Савинков Б. Воспоминания террориста. М., 1991. С. 83.

² Там же. С. 35.

³ Второй Тульский губернский съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов. 12, 13 и 14 апреля 1918 г. Тула, 1918. С. 45, 46.

⁴ Лисовский П. На службе капитала. Эсеро-меньшевистская контрреволюция. Л., 1928. С. 66, 122.

⁵ Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 392.

⁶ Цит. по: Урилов И.Х. Мартов: политик и историк. М., 1997. С. 446, 449.

⁷ Цит. по: Волобуев О., Кулешов С. Очищение. История и перестройка. М., 1989. С. 76.

⁸ См.: Большевистский процесс 1931 года. Сб. документов в 2 кн. М., 1999.

⁹ Волобуев О., Кулешов С. Указ. соч. С. 112.

¹⁰ Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е. М., 1935. С. 588.

¹¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1945. С. 331, 332.

¹² Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1952. М., 2000. С. 222.

¹³ Власть и художественная интеллигенция. Документы. 1917–1953. М., 1999. С. 451.

¹⁴ Цит. по: Кожевникова Н. Сосед по Лаврухе. "Книга прощания" счастливого человека // Независимая газета. 2001. 2 февраля.

¹⁵ См.: Баранская Н. Странствия бездомных. М., 1999. С. 465–468.

¹⁶ Рапопорт Я.Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. М., 1988. С. 65, 66.

Часть II

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВАМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

№ 1

Из статьи Джорджа Кеннана "Русская полиция"

Если вы русский и хотите основать газету, вы должны испросить разрешения у Министерства внутренних дел. Если вы желаете устроить воскресную и любую другую школу в богом забытой ли петербургской трущобе, или в туземной деревушке на Камчатке, вы должны испросить разрешение Министерства народного просвещения. Если вы хотите устроить концерт или представление на нужды сиротского приюта, вам следует испросить разрешение у ближайшего представителя Министерства внутренних дел, затем представить программу представления в цензуру на утверждение или исправление и, наконец, передать выручку от зрелища полиции, которая ее промотает или даже, может быть, отдаст приюту. Если вы хотите продавать на улице газеты, вы должны заручиться разрешением, зарегистрироваться в полиции и носить на шее медную номерную бирку величиною с блюдце. Если вы хотите открыть аптеку, типографию, фотоателье или книжную лавку, вы должны получить разрешение. Если вы фотограф и желаете перенести свое предприятие на новое место, вы должны получить разрешение. Если вы студент и приходите в публичную библиотеку, чтобы справиться с "Принципами геологии" Лилля или "Социальной статистикой Спенсера", вы обнаружите, что без специального разрешения вы не сможете даже взглянуть на столь опасные, крамольные книги. Если вы врач, перед тем как начать практику, вы должны получить разрешение; потом, если вы не хотите ходить на вызовы ночью, вы должны получить разрешение отвечать на них отказом; далее, если вы хотите прописать то, что в России называется "сильнодействующим" лекарством, вы должны иметь особое разрешение. Если вы крестьянин и желаете выстроить на своем участке баню, вы должны получить разрешение. Если вы желаете молотить зерно вечером при свечах, вы должны получить разрешение или дать взятку полиции. Если вы хотите отъехать от своего дома более чем на 15 миль, вы должны получить разрешение. Если вы иностранный путешественник, вы должны получить разрешение въехать в империю, разрешение выехать из нее, разрешение находиться в ней более полугода и должны всякий раз извещать полицию, если меняете гостиницу. Короче говоря, вы не можете жить, передвигаться и функционировать в Российской империи без разрешения.

Полиция, возглавляемая Министерством внутренних дел, при помощи паспортов контролирует передвижения всех жителей империи; она постоянно держит под наблюдением тысячи подозреваемых; она устанавливает и свидетельствует в суде задолженность банкротов; она распродает не выкупленные у ростовщиков заклады; она выдает удостоверения личности пенсионерам и всем другим нуждающимся в них лицам; она заведует починкой дорог и мостов; она надзирает за всеми театральными представлениями, концертами, "живыми" картинами, театральными программами, афишами и уличной рекламой; она собирает статистику, следит за исполнением санитарных правил, проводит обыски и изъятия в частных домах, перлюстрирует корреспонденцию подозреваемых, распоряжается найденными трупами, "журит" верующих, слишком долго не ходивших к причастию, и заставляет граждан покорно выполнять тысячи разнообразных приказов и распоряжений, призванных способствовать благосостоянию народа и упрочению безопасности государства. Законодательные акты, касающиеся полиции, заполняют более пяти тысяч параграфов Свода законов, или Собрании российских законов, и вряд ли будет преувеличением сказать, что в крестьянских селениях, вдали от центров образования и просвещения, полиция является вездесущим и всемогущим распорядителем всего поведения человека, выступая в виде негодной бюрократической замены Божественного провидения.

*Kennan G. The Russian Police //
The Century Illustrated Magazine.*

Vol. XXXVII (1888–1889). P. 890–892;

Цит. по: *Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 112.*

№ 2

Из воспоминаний Б.Н. Чичерина

[...] Самодержавие, в самом грубом его виде, выставлялось исконно неотъемлемою принадлежностью великорусского племени, и все должно было подводиться к уровню этого племени. Исторические предания, местные особенности, родной язык – все подвергалось неумолимому преследованию со стороны не знающей никаких нравственных сдержек власти. Даже то, что щадил железная рука Николая Первого, было раздавлено неосмысленною рукой его внука [...]. Одним словом, не знающая сдержек власть всюду проявлялась в выражениях самого дикого произвола [...].

Еще возмутительнее гонения, воздвигнутые на совесть. В начале царствования, перед коронацией, когда все трепетали за жизнь царя и правительство старалось задобрить население разными льготами, дозволено было сектам, отделившимся от

православия, собираться беспрепятственно в молитвенных домах. Но скоро пришедшая в сознание власть подняла знамя нетерпимости, и гонения возобновились с новой силой. Распространяющийся на юге иудаизм в особенности подвергся неумолимому преследованию. Еще горшая участь постигла польских униатов, насильственно присоединенных к православию и упорствующих в своей вере. Сотни несчастных по целым годам томятся в тюрьмах; дети остаются некрещеными, а те, которые, ставя божественное повеление выше человеческого, осмеливаются крестить их тайно, с помощью проездных ксендзов, подвергаются всей суровости закона и всей беспощадности административного произвола, посягающего на совесть.

Но всего ярче характеризуют современный дух правительства возобновившиеся гонения на евреев. Самые низкие страсти снизу и самая узкая нетерпимость сверху – всё соединилось для отягчения судьбы этих несчастных. В начале царствования произошли на юге избиения и грабежи, позорные для благоустроенного общества, и как бы в ответ на этот вызов черни со стороны правительства последовал целый ряд мер, которыми не только подтверждались, но и устанавливались новые. Даже в чертах оседлости евреям воспрещается не только покупка, но и аренда земель; воспрещается содержание питейных заведений; ограничивается для них доступ в гимназии и в университеты. Теснимые отовсюду, они нигде не видят исхода. И все эти меры проводятся с неумолимою строгостью. Мягкая политика прошедшего царствования, не отменяя стеснительных законов, смотрела сквозь пальцы на их нарушение. Множество евреев поселилось в разных великорусских городах. Москва ими наполнилась, московский губернатор и князь В.А. Долгорукий пользовался этим для своих денежных дел, как вдруг последовало повеление об изгнании всей этой массы [...]. Перед приездом нового генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, брата Александра III, велено было Москву очистить от евреев. И вдруг в несколько дней произошло повальное изгнание всех, кто по закону не имел права жительства в столице. Семьи, давно поселенные в Москве, имевшие в ней свои занятия и торговлю, ученицы консерватории, учителя и учительницы, ремесленники и антиквары, люди самые безобидные и полезные получили приказание в самый короткий срок выехать в черту оседлости. Никакие просьбы и настояния не помогли. Мера была исполнена с беспощадной суровостью, несмотря на вопли бедных семей. Это был исход, напоминавший времена фараонов [...]. История произнесет свой окончательный приговор над царствованием Александра III. Россия выходит из этого царствования внутренне расстроеною, нравственно приниженою, умственно недоумевающей. Что сулит ей будущее? [...]

№ 3

**Из речи адвоката П.А. Александрова на процессе по делу
В.И. Засулич.
31 марта 1878 г.**

[...] Мы, люди предшествовавшего поколения, мы еще помним то полное царство розог, которое существовало до 17 апреля 1863 г. Розга царила везде: в школе, на мирском сходе, она была неременной принадлежностью на конюшне помещика, потом в казарме, в полицейском управлении [...]. В книгах наших уголовных, гражданских и военных законов розга испещряла все страницы. Она составляла какой-то легкий методический перезвон в общем громогласном гуле плети, кнута и шпицрутенов. Но наступил великий день, который чтит вся Россия [...], и розга перешла в область истории. Розга не была совсем уничтожена, но крайне ограничена. В то время было много опасений за полное уничтожение розги, опасений, которые не разделяло правительство, но которые волновали некоторых представителей интеллигенции. Им казалось вдруг как-то неудобным оставить без розог Россию, которая так долго вела свою историю рядом с розгой, – Россию, которая, по их глубокому убеждению, сложилась и достигла своего величия едва ли не благодаря розгам. Как, казалось, вдруг остаться без этого цемента, связующего общественные устои? Как будто в утешение этих мыслителей, розга осталась в очень ограниченных размерах и утратила свою публичность.

Отмена телесного наказания оказала громадное влияние на поднятие в русском народе чувства человеческого достоинства. Теперь стал позорен тот солдат, который довел себя до наказания розгами, теперь смешон и считается бесчестным тот крестьянин, который допустит себя наказать розгами [...]. Закон карающий может отнять внешнюю честь, все внешние отличия, с ней сопряженные, но истребить в человеке чувство моральной чести, нравственного достоинства судебным приговором, изменить нравственное содержание человека, лишить его всего того, что составляет неотъемлемое содержание его развития, никакой закон не может.

С чувством глубокого, непримиримого оскорбления за нравственное достоинство человека отнеслась Засулич к известию о позорном наказании Боголюбова [...]. Для Засулич Боголюбов был политический арестант, и в этом слове было для нее все [...], ее собственное сердце, и всякое грубое прикосновение к этому сердцу болезненно отзывалось на ее возбужденной натуре [...]. В поступке Засулич, как бы ни осуждать его, нельзя не видеть самого беззаветного нерасчетливого самопожертвования. Да, она может выйти отсюда осужденной, но не выйдет опозоренной, и остается только пожелать, чтобы не повторились причины, производящие подобные преступления, порождающие подобных преступников.

№ 4***Из воспоминаний С.Д. Урусова***

[...] Князь Иван Михайлович Оболенский, благодаря возникшему в 1902 г. в Харьковской и Полтавской губерниях аграрному движению, до сих пор известен в широких слоях читателей газет как первый и жестокий укротитель крестьянских волнений. Но дурную славу, вызванную безумными репрессиями губернаторов и генерал-губернаторов в 1905–1906 гг., напрасно относят к началу аграрных беспорядков, имевших место в Харьковской губернии. Князь Оболенский не имел основания смотреть на вспыхнувшие в то время в деревнях насилия как на участие населения в общем протесте страны против правительства и, застигнутый врасплох, обратил всю свою энергию на подавление грабежей и пожаров, не углубляясь в рассуждения по поводу причин, вызвавших беспорядки. Я не хочу оправдывать тех мер, которые он допустил в отдельных случаях, применяя телесное наказание, противное чувству человеческого достоинства и его собственным взглядам, но очень ценное в правительственных сферах. Я хочу лишь отметить, что он действовал, не жалея себя, рискуя здоровьем и жизнью, с горстью войска, и сумел остановить погром, не проявив при этом того упоения репрессиями, которое вскоре развратило наши гражданские и военные власти [...].

Урусов С.Д. Записки губернатора. Берлин, 1907. С. 237–238.

№ 5***Запрос социал-демократической фракции
II Государственной думы 13 апреля 1907 г.
по поводу массовых казней и экзекуций
в Прибалтийском крае и ответ правительства******Запрос фракции***

1. Известны ли правительству факты систематических убийств без суда и следствия, поджогов, грабежей, истязаний и других незаконных действий, чинимых над населением Прибалтийского края?

2. Какие меры правительством приняты на предмет прекращения произвола и насилия местных военных и гражданских властей края, а равно привлечены ли к суду виновные в этом должностные лица?

3. Какие меры им приняты для возмещения убытков?

Из ответа товарища министра внутренних дел А.А. Макарова

[...] Полиции пришлось работать в тяжелых условиях, и поэтому естественно, что она могла в некоторых случаях лишиться

того хладнокровия, которое, быть может, от нее требовалось для того, чтобы действия ее были вполне закономерными.

Цит. по: Ушерович С. *Смертная казнь в царской России*. Харьков, 1932. С. 398.

№ 6

Из воспоминаний В.В. Шульгина

Они, не признающие тормозов революционеры, совершали подвиги самопожертвования и безумия. Четверо молодых людей, переодевшись в форму одного из гвардейских полков, явились на прием к Столыпину. Охрана далась в обман. Мнимые гвардейцы пронесли в своих касках бомбы, и дом взлетел на воздух. При этом погибло сорок человек*. Дочь Столыпина была тяжело ранена. Когда девочка пришла в себя после глубокого обморока, она спросила:

– Что это? Сон?

Да, для нее это был сон, и сон счастливый: ее отец, пощаженный на этот раз судьбой, вышел из-под развалин невредимым [...].

Столыпин уцелел, но революционеры продолжали свою деятельность. По счету Пуришкевича, за время Первой революции они убили и ранили 20 тыс. человек. На террор снизу Столыпин ответил террором сверху. Тут счет скромнее. Революционеры утверждали, что по приговорам военно-полевых судов было расстреляно 2,5 тыс. бомбометателей и иных насильников.

Печальные цифры. Но все относительно. Если сравнить с разгулом смертной казни, наступившим со времени учреждения Чека, то дореволюционные цифры покажутся детскими упражнениями недоучившихся палачей.

Шульгин В. Размышления. Две старые тетради // Неизвестная Россия. XX век. Вып. 1. М., 1992. С. 313–314.

№ 7

Из писем, перлюстрированных охранкой. 1908–1912 гг.

Все, начиная с казней, продолжая административной ссылкой, пристрастными, вытянутыми за волосы, судебными приговорами этих, ныне сменяемых судей, проводится под ложным предлогом "борьбы с революцией" и, по моему глубокому убеждению, готовит новый взрыв

* Подробности покушения на П.А. Столыпина 12 августа 1906 г. (взрыв дачи на Аптекарском острове) В.В. Шульгин изложил неточно. Из троих исполнителей покушения – эсеров-максималистов – двое были в форме жандармских офицеров, бомбы находились у них в портфелях, брошенных оземь, когда охрана пыталась их задержать. При взрыве погибли 27 человек, 32 были ранены.

ее. Когда обыватели (у нас граждан нет) видят, что политика "успокоения" является синонимом политики "отомщения", то что, кроме ненависти, эта политика может воспитать в сердцах нескольких поколений? Вот этим путем и формируются революционеры [...].

Счел бы себя счастливым, если бы понемногу приступили к тому, что нам было обещано манифестом государя императора 17 октября 1905 г. До сих пор ни правительство, ни Государственная дума ничего в этом смысле не делали и ничего не предприняли. Вместо законов о неприкосновенности личности нам дали усиленную и чрезвычайную охрану, вместо реформы судебных установлений их подчинили полному произволу министра юстиции, а принцип несменяемости судей свели на нет. Множество дел изъяли из ведения гражданских судов и передали судам военным. Вместо нового закона о печати подчинили прессу произволу губернаторов [...]. О свободе вероисповедания теперь и заикаться нельзя [...]. Никакой конституции у нас нет.

Разбиты все надежды на мирное преобразование политического и социального строя: я чувствую, как все ближе и ближе наша дорогая родина приближается к пропасти, в которую ее толкает правительство [...]. Страшно становится, когда видишь все усиливающуюся деморализацию, проникающую все классы населения. Причина ее коренится в лицемерии и неправде, составляющих основу деятельности нашего правительства, и в эгоизме привилегированных классов. Благодаря этому пропасть, отделяющая государственную власть от страны, все расширяется, и в населении воспитывается чувство злобы и ненависти, которые заглушают в нем веру и любовь. [...] От представительного строя по форме не отказываются, но, в сущности, с представительством не считаются и сводят его на нет, так что самодержавная бюрократия теперь проявляет гораздо больше произвола, чем когда-либо прежде. Политические свободы включены в наши основные законы, но где они? [...] Народ видит причину своих разочарований в господах и господской Думе, а потому предстоящая неизбежно революция легко может вылиться в форму пугачевщины.

Революция имеет многочисленные кадры в виде выбитых из колеи людей – безработных, голодных и холодных. Ими наводнены не только города, но и деревня. Еще хуже возрастающая беднота населения [...]. Невольно у людей является мысль, что единственное спасение от голода в революции [...], которая должна одним ударом разрубить гордиев узел запутавшихся социальных отношений.

Давно взяточничество так не процветало на Руси, как теперь. Так как полиция теперь у нас царствует и держит население в страхе, то последнее прибегает к взяткам или откупается [...]. Перешагнув через грань законности, администрация не знает больше удержу и даже не может понять, что революционный угар миновал и надо вступить на почву закона. Этот метод только возмущает народ, и его стремление сбросить с себя это беззаконие не только естественно, но и законно [...]. Правы были те, кто скептически относился к манифесту свободы, – данные обещания не исполняются.

У нас все возвращается на путь усмотрения, и, конечно, самого плохого. Законы существуют, но они остаются лишь на бумаге, а все делается под правительственную дудку. О Думе никто не говорит, и никто не интересуется ею [...]. Положительно во всех ведомствах мошенничество и растраты. Несомненно, это результат бесконтрольного хозяйства, начиная с правительственных верхов и кончая мелкими сошками. Как будто и люди как люди, а пришла ревизия – мошенник на мошеннике сидит. Единственное утешение еще в том, что это время переходное и что все лучшее в конце концов восторжествует.

ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1912.
Оп. 265. Д. 574. Л. 1853.

№ 8

Из воспоминаний А.Ф. Керенского

[...] В Киеве начался процесс Менделя Бейлиса. Этот простой, безгрешный человек был обвинен в совершении ритуального убийства малолетнего мальчика-христианина Андрея Ющинского. Было бы большой несправедливостью по отношению к России и ее народу, если бы я не подчеркнул, что по всей стране прокатилась огромная волна возмущения. Свой открытый протест заявили не только независимые круги общественности, но даже и общественные организации, включая чиновников Министерства юстиции, которые расценили этот процесс как личное оскорбление. Высшая иерархия русской церкви решительно отказалась подтвердить, будто ритуальные убийства детей-христиан являются частью иудейской веры [...].

23 октября 1913 г., за пять дней до того, как присяжные признали Менделя Бейлиса невиновным в совершении преступления, коллегия адвокатов Санкт-Петербурга единогласно приняла следующую резолюцию:

"Пленарное заседание членов коллегии адвокатов Санкт-Петербурга считает своим профессиональным и гражданским долгом поднять голос протеста против нарушения основ правосудия, выразившихся в фабрикации процесса Бейлиса, против клеветнических нападок на еврейский народ, проводимых в рамках правопорядка и вызывающих осуждение всего цивилизованного общества, а также против возложения на суд чуждых ему задач, а именно сеять семена расовой ненависти и межнациональной вражды. Такое грубое попрание основ человеческого сообщества унижает и бесчестит Россию в глазах всего мира. И мы поднимаем наш голос в защиту чести и достоинства России".

*Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте.
М., 1998. С. 75.*

№ 9**Из циркуляра товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова.
13 октября 1908 г.**

[...] Министерством внутренних дел было обращено внимание на незаконное направление деятельности просветительных обществ частной инициативы и на необходимость энергичной борьбы с этим явлением, представляющим несомненную угрозу государственному порядку и общественному спокойствию. В настоящее время Департаментом полиции получены нижеследующие сведения об отношении к делу просвещения народных масс и к помянутым выше просветительным обществам конституционно-демократической партии.

[...] Партия имеет в виду достигнуть двух целей: 1) организовавшись и воплотившись в различных слоях населения, она этим как бы легализуется [...]; 2) направив всю свою деятельность на культурно-просветительные цели, партия рассчитывает приобрести и симпатии общества, и вместе с тем, путем настоящего общения, устройством лекций, собраний и т.п., быть всегда в курсе настроения масс, и этим облегчить работу и пропаганду своим членам. По тем же сообщениям кадетская партия ныне занята организацией, под флагом беспартийности, "Союза учителей и учительниц". [...] Чтобы еще более сплотить и объединить учительский персонал, партией в 1909 г. были сформированы экскурсии за границу, а в текущем году намечен был ряд таких же экскурсий по России. В организации этих экскурсий особенно живое участие принимает графиня Варвара Николаевна Бобринская, являющаяся видным партийным работником по г. Москве. [...] По имеющимся сведениям, подавляющее большинство просветительных учреждений в настоящее время уже находится под безусловным воздействием кадетской партии.

[...] Независимо кадетской партии, просветительные организации в рабочей среде являются предметом серьезных вождедений и для социально-демократической, и для социально-революционной партий.

Цит. по: *Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 413–414.*

№ 10**Из воспоминаний С.Е. Трубецкого**

[...] Мама говорит, что государь умер (Александр III)... Все крестятся, все глубоко переживают. "Царь умер", – повторяю я, и на меня это производит впечатление не меньшее, чем если бы упала часть неба... Я ясно помню ощущение в городе какой-то торжественной придавленности: все переживали событие, и это живо передавалось моей детской душе [...]. Это было детское, но очень

глубокое патриотическое и монархическое переживание, – переживание личное, но и в то же время – коллективное. Россия была еще тогда глубоко монархична, и это личное переживание дало мне в дальнейшем не только понять, но и почувствовать дух многих рассказов людей поколения моих дедов, с их ничем не затронутым, цельным и органическим монархическим мирозерцанием.

Надо признать, что не революция подорвала в русском народе его монархический дух: дух этот хирел уже раньше и тем самым создал самую возможность революции. Уже десять лет спустя после смерти императора Александра III дух русского народа был не тот, который я ощутил и пережил тогда ребенком. При этом монархическое чувство хирело не только у тех, кто был задет революционной пропагандой. Я сам, будучи принципиальным монархистом, с огорчением не ощутил в себе живого монархического чувства при торжественном выходе государя в Москве, в начале войны 1914 г. В том же признавались мне и другие убежденные монархисты [...].

Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С. 9–10.

№ 11

Из воспоминаний В.Н. Коковцова

Переживания революционной поры 1905–1906 гг. сменились наступившим за семь лет внутренним спокойствием и дали место идее величия личности государя и вере в безграничную преданность ему, как помазаннику Божию, всего народа, слепую веру в него народных масс, рядом с верой в Бога. Во всяком случае, в ближайшее окружение государя несомненно все более и более внедрялось сознание, что государь может сделать все один, потому что народ с ним, знает и понимает его и безгранично любит его, так как слепо предан ему.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Т. 2. М., 1992. С. 130.

№ 12

Из письма, перлюстрированного охранкой. 1912 г.

[В связи с приездом Николая II в Москву в 1912 г.], по общему мнению, энтузиазма и подъема так и не удалось создать. Народ ходил по улицам и площадям, являя собой скучную и тупую толпу. Более оживленный вид, бодрый, решительный и наглый, имела другая, численно не меньшая, толпа чинов полиции и охранки. [Народная толпа]

одинаково пошла бы глядеть на похороны с музыкой, полет воздушного шара или большой пожар, вообще всякое бесплатное зрелище.

ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. 1912. Оп. 265. Д. 569. Л. 1391.

№ 13

Из автобиографии В.Н. Фигнер

В Шлиссельбурге началась наша долголетняя тюремная страда [...]. Режим заточения был построен по образцу французской Бастилии XVII–XVIII вв. Если б впоследствии он не был смягчен, никто из нас не вышел бы живым в силу одних материальных условий; я не говорю уж о моральных. Изоляция была полная не только от всего живого и всех живущих, но и друг от друга. Сумасшествие и самоубийство стояли перед каждым. 13 лет мы не имели переписки с родными, и во все, более чем 20-летнее пребывание в крепости ни один из нас не имел свидания.

[...] Решающим моментом для моего поведения по отношению к тюремщикам и крепостному режиму было заключение в карцер, в который я попала на третьем году заточения, защищая товарища (Попова)*. Многое мне пришлось передумать тогда, чтобы составить твердое решение о том, как вести себя дальше. Решением было: по незначительным, каждодневным поводам борьбы не поднимать (т.к. она ведет только к еще большим унижениям), но в серьезных случаях бороться до смертного конца.

Целых 15 лет не было обстоятельств, которые заставили бы меня действовать активно. Но в 1902 г., на 18-м году заключения в Шлиссельбурге и 20-м после ареста, случай представился. [...] Нам, без объяснения причин, начальство объявило, что мы вновь будем подчинены железному режиму первых годов заточения. Тюрьма в 1902 г. этого не вынесла бы, и, чтоб заставить Департамент полиции рассмотреть распоряжение местной власти, я сорвала со смотрителя Гудзя погоны. Военный суд и единственное наказание – смертная казнь должны были последовать за этим оскорблением действием. Как ни удивительно, эта участь миновала меня, и мы думаем, что причиной было, что вся Россия в 1902 г. была в предреволюционном брожении и, без нашего ведома, русская Бастилия являлась ненавистой эмблемой деспотизма, против которого разгоралась революционная борьба. Мой протест снял то, что угрожало нам, а вся администрация тюрьмы была смещена.

Через 10 месяцев после этого я испытала жестокий удар: мне было объявлено смягчение каторги бессрочной на каторгу двадцатилетнюю. Неожиданное смягчение принесло мне великое горе и вызвало жестокое чувство по отношению к матери, так как царская ми-

* Попов, имея официальное разрешение писать родным, сделал попытку переслать матери письмо к ней тайно, через жандарма. – *Примеч. В.Н. Фигнер.*

лость была вызвана поданным ею, без моего ведома и согласия, прошением. В связи с моим поступком со зрителем я была лишена переписки и не знала, чем вызвано обращение матери. Только получив известие, что она умирает, я смирилась и не порвала с ней.

*Деятели СССР и революционного движения России.
Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 251–252.*

№ 14

Из записки Главного тюремного управления. 1900 г.

1. Если смотреть на ссылку как на штрафную колонизацию, то она носит в себе самой коренное препятствие своей успешности: подавляющее большинство ссыльных – люди бессемейные, которые, не имея особых побудительных причин к оседлости и к прочному устройству на новом месте, представляют элемент для колонизации малопригодный. Даже и пожелавшие бы прочно водвориться не в состоянии успешно это сделать, так как крестьянское хозяйство без семьи хорошо идти не может.

2. Если же считать, что Сибирь уже не нуждается в колонизации (в чем едва ли теперь могут быть сомнения) и что ссылка есть исключительное наказание – удалением из родины и переселением в другую местность, то приходится признать, что Сибирь с каждым годом настолько переполняется ссыльными, что дальнейшее движение последних туда является тягостным и вредным для страны [...].

*Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения.
СПб., 1900. С. 163.*

№ 15

Из книги М.Н. Гернета "История царской тюрьмы"

В корпусе, где размещались рабочие помещения, были мастерские [...]. На дворе, под навесом, была расположена хлопкотрепальная мастерская. Мастерские Орловской каторжной тюрьмы изготовляли ножные кандалы и наручные цепи не только для надобностей Орловской тюрьмы, но и на всю империю.

[...] Частные предприниматели охотно заключали выгодные для них договоры об использовании арестантского труда, потому что были гарантированы от забастовок, от предъявления им требований увеличения заработной платы, об улучшении условий труда [...]. Технический прогресс не проникал за тюремные стены. Поэтому оборудование различных мастерских было сравнительно с фабриками на воле первобытным.

Всего ярче сказалась эксплуатация труда каторжан в хлопко-трепальной мастерской [...]. Их труд состоял в верчении тяжелых машин. Работа была тем более изнурительной, что машины не ремонтировались. При работе поднималась густая ядовитая пыль, от которой каторжане задыхались. Им приходилось работать вне помещения на дворе в зимнюю стужу и в летний зной. Главным надсмотрщиком мастерской был надзиратель Ветров, не расстававшийся с плеткой [...].

Условия работы "на хлопке" были таковы, что человек, проработавший там в течение нескольких месяцев, обычно тяжело заболел и становился калекой. Отправить арестанта работать "на хлопок" звучало в устах орловских тюремщиков как страшная угроза.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. V. М., 1963. С. 256–258.

№ 16

Из воспоминаний А.К. Воронского

Вечером меня [...] под конвоем направили в Спасскую часть, оттуда через несколько дней перевели в "Кресты", в одиночку. Я обвинялся по сто двадцать шестой статье за "принадлежность к преступному сообществу, поставившему своею целью насильственное ниспровержение существующего строя".

Я научился перестукиваться по тюремной азбуке, ловил и опускал "удочки" через окно с табаком, с записками и с нелегальной литературой, лгал на допросах, читал Маркса, Кропоткина, Бальзака, Флобера и Достоевского. Я чувствовал свою революционную возмужалость и гордился ею. И я познал томительную тоску одиноких, однообразных тюремных дней, я переживал часы восторженного подъема всех своих сил и часы душевного оупения и безразличия, какие испытываешь только в одиночном заключении, но все же я поправился в тюрьме и почувствовал себя здоровым.

Спустя полгода меня судили. Я ожидал, что прокурор разразится грозной обличительной речью, и заготовил на досуге в ответ ему странное "последнее слово подсудимого" [...]. Но на суде все шло поиному. Сухопарый и унылый помощник прокурора, когда дошла очередь до него, поднялся и заявил, что он поддерживает обвинение. Сказав это, он сел. Я был обескуражен. Мой защитник, [...] обращаясь почтительно к членам судебной палаты, говорил:

– В деле имеется письмо подсудимого к матери, в котором он писал, что занят социал-демократической работой. Но разве это документ? Ни в коем случае. Перед вами, господа судьи, юноша; еще недавно он сидел за школьной партией*. Вспомните этот чудесный возраст, эту утреннюю зарю в жизни человеческой [...]. В эти годы в задушевных и интимных признаниях и в письмах желаемое и ожидаемое принимается за настоящее [...].

* На момент суда (март 1907 г.) А.К. Воронскому шел 23-й год.

Я мрачно отказался от "последнего слова".

Защитник поставил вопрос суду: если подсудимый не виновен по статье сто двадцать шестой, то не виновен ли он по статье сто тридцать второй, предусматривающей хранение преступной литературы с целью распространения?

[...] Суд возвратился с совещания [...]. Секретарь скороговоркой прочел приговор: признан виновным по сто тридцать второй статье, приговорен к году крепости с зачетом предварительного заключения.

Воронский А. За живой и мертвой водой. М., 1970. С. 138–140.

№ 17

Письмо депутатов Думы – "выборжцев" С.Д. Урусову. Таганская тюрьма, 5 июля 1908 г.

Дорогой товарищ! Мы рады Дню Вашего ангела, [рады] сказать Вам, сколь высоко Вы стоите в наших глазах, сколь близки Вы нам, сколь дороги, сколь нежные чувства мы к Вам питаем. Вы здесь лишь потому, что пожелали разделить общие лишения, общую ответственность*. Месяцы тюрьмы нам дали возможность узнать друг друга, и в эту минуту мы не хотим говорить ни о ком другом, только о Вас, о нас. Мы не говорим, как к Вам должно относиться и, несомненно, относится русское общество. Сегодня приветствуем Вас мы – Ваши созаключники, соарестники. Вы вплели в венок традиций аристократического рода воспоминание о тюрьме как награде для народного избранника! Оно властно скажет грядущим поколениям, что в определенные минуты народный представитель о себе не смеет думать!

По поручению выборгской колонии заключенных
староста выборгского крыла

А. Ледницкий

РГБ ОР. Ф. 550. К. 3. Д. 23.

№ 18

Из воспоминаний П.Н. Милюкова

Как принята была вообще в России война 1914 г.? [...] Конечно, в проявлениях энтузиазма – и не только казенного – не было недостатка, в особенности вначале [...]. Рабочие стачки на время прекратились. Не говорю об уличных и публичных демонстрациях.

* Депутат I Государственной думы князь С.Д. Урусов не участвовал в совещании группы депутатов в Выборге после роспуска Думы, но добровольно предстал перед судом, заявив о солидарности с Выборгским воззванием.

Что касается народной массы, ее отношение, соответственно подъему ее грамотности, было более сознательное, нежели отношение крепостного народа к войнам Николая I или даже освободенного народа к освободительной войне 1877–1878 гг., увлекшей часть нашей интеллигенции. Но в общем набросанная нашим поэтом картина – в столицах "гремят витии", а в глубине России царит "вековая тишина", – эта картина оставалась верной*. В войне 1914 г. "вековая тишина" получила распространенную формулу в выражении: "Мы – калуцкие", т.е. до Калуги Вильгельм не дойдет. В этом смысле оправдывалось заявление Коковцова иностранному корреспонденту, что за сто верст от больших городов замолкает всякая политическая борьба. Это – то заявление, которое вызывало против Коковцова протесты его коллег, вроде Рухлова или даже Кривошеина, обращенные к царю: надо "больше верить в русский народ", в его "исконную преданность родине" и в его "безграничную преданность государю". Жалкий провал юбилейных "Романовских торжеств" наглядно показал вздорность всех этих уверений**.

Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 390–391.

№ 19

Из солдатских писем периода Первой мировой войны

1914 г. [...] Придя на военную службу, я встретил везде подлость, воровство, несправедливость. Прежде всего, как я прибыл в часть, из меня старались выбить все человеческие чувства, каждый начальник ругает, наказывает, не разбираясь с тем, прав я или виноват, а только потому, что имеет право. И еще вижу, что я на себе испытал еще не все, что испытали мои товарищи. И вот вы теперь посудите, что теперь можно ожидать от такого солдата, который привык ненавидеть каждого начальника как злейшего своего врага, которому он воздаст сторицею при первом удобном случае. 1905 г. все-таки рано или поздно придет обратно, и тогда русский народ сметет как пыль всю сволочь, которая живет его потом и кровью, надругается над ним, считая его своим рабом, которого сотворил Бог для их потребностей. При первой войне, при первом возмущении внутри государства русский нижний чин докажет, что и он имеет человеческие права и чувства, и тогда горе всей сволочи, обирающей и терзающей русского мужика [...].

1915 г. Теперь идем в глубь России, да, собственно, не идем, а бежим. Герман двигается за нами по пятам. Где остановимся, не

* Имеется в виду стихотворение Н.А. Некрасова (1858): "В столицах шум, гремят витии // Кипит словесная война // А там, во глубине России – // Там вековая тишина".

** Торжества по поводу 300-летия Дома Романовых в 1913 г.

известно. Кажется, из Москвы будем утекать или до Урала. Эта война хуже и японской. Ту пропили, а эту продали [...]. Есть пушки тяжелые, стоят уже на позиции, а стрелять не дают, патронов не подвозят. Отступая, увозят без единого выстрела. Эх, много есть похожего на измену прямо на глазах.

15 мая 1916 г. Немец укрепил свои позиции и сидит в окопах как барин, говорит русским – не подходи близко. Дела наши некрасивы, даже очень плохи, ужас, надоело так страдать и мучиться на свете. Живем на земле тоже очень плохо, нет на душу полоски земли, а у помещиков – глазом не окинешь, будто только для них одних Бог сотворил землю. Наш брат мужик, крестьянин, солдат обижен. В победу твердо не нужно верить, всем известно, что у нас единения нет. И думать не нужно внутри России, что у немца нет ничего. А нам, защитникам родины, варят три фунта грибов на 250 человек. Вот так-то.

14 февраля 1917 г. Здесь [в Казани] стали часто забастовки против войны [...]. Солдаты все стали никуда, дай нам мир, никуда не идут. Дают солдатам вина зеленого, ничем не уговорят, ничего не хотят, а одно – дай мир нам. Солдаты мир сделают сами, уж много корпусов отказалось от наступления. Но будет еще война внутри России.

Цит. по: *Политические партии и общество в России 1914–1917 гг.*
М., 2000. С. 182, 197, 210, 291.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА СОВЕТСКОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ

№ 1

Уголовный кодекс РСФСР Особенная часть

Глава первая *Преступления государственные*

1. Контрреволюционные преступления

58-1. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или подрыву, или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР.

58-1^а. Измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются –

высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества.

58-1^б. Те же преступления, совершенные военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества.

58-1^в. В случае побега или перелета за границу военнослужащего совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются –

лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества.

Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к

моменту совершения преступления, подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет.

58-1'. Недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене влечет за собой – лишение свободы на десять лет.

Недонесение со стороны остальных граждан (не военнослужащих) преследуется согласно статье 58-12.

58-2. Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в Центре или на местах в тех же целях, и в частности с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры, влекут за собой –

высшую меру социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества.

58-3. Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады, влекут за собой –

меры социальной защиты, указанные в статье 58-2 настоящего Кодекса.

58-4. Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам или организациям в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности влечет за собою –

лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела или объявления врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества.

58-5. Склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп, путем сношения с их представителями, использования фальшивых документов или иными средствами, к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действиям, в частности: к блокаде, к захвату государственного имущества Союза ССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений, разрыву заключенных Союзом ССР договоров и т.п., влечет за собою –

меры социальной защиты, указанные в статье 58-2 настоящего Кодекса.

58-6. Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию

специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, влечет за собою –

лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов СССР – высшую меру социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества.

Передача, похищение или соби́рание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий, за вознаграждение или безвозмездно организациям и лицам, указанным выше, влекут за собою –

лишение свободы на срок до трех лет.

58-7. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, влекут за собою –

меры социальной защиты, указанные в статье 58-2 настоящего Кодекса.

58-8. Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собою –

меры социальной защиты, указанные в статье 58-2 настоящего Кодекса.

58-9. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного, или общественного имущества влечет за собою –

меры социальной защиты, указанные в статье 58-2 настоящего Кодекса.

58-10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти, или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (статьи 58-2–58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания влекут за собою –

лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в воен-

ной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою –

меры социальной защиты, указанные в статье 58-2 настоящего Кодекса.

58-11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собою –

меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы.

58-12. Недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении влечет за собой – лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

58-13. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период Гражданской войны, влекут за собою –

меры социальной защиты, указанные в статье 58-2 настоящего Кодекса.

58-14. Контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собою –

лишение свободы на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела с конфискацией имущества.

Уголовный кодекс РСФСР.

Официальный текст с применением на 1 августа 1948 г.

М., 1948. С. 26–33.

№ 2

Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности"

За последнее время участились жалобы рабочих и колхозников на хищения (воровство) грузов на железнодорожном и водном транспорте и хищения (воровство) кооперативного и колхозного имущества со стороны хулиганствующих и вообще противобщественных элементов. Равным образом участились жалобы на насилия и угрозы кулацких элементов в отношении колхозников, не желающих выйти из колхозов и честно, и самоотверженно работающих за укрепление последних.

ЦИК и СНК Союза ССР считают, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа, ввиду чего решительная борьба с расхитителями общественного имущества является первой обязанностью органов советской власти.

Исходя из этих соображений и идя навстречу требованиям рабочих и колхозников, ЦИК и СНК Союза ССР постановляют:

I

1. Приравнять по своему значению грузы на железнодорожном и водном транспорте к имуществу государственному и всемерно усилить охрану этих грузов.

2. Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже десяти лет с конфискацией имущества.

3. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по делам о хищении грузов на транспорте.

II

1. Приравнять по своему значению имущество колхозов и кооперативов (урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады и магазины и т.п.) к имуществу государственному и всемерно усилить охрану этого имущества от расхищения.

2. Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже десяти лет с конфискацией всего имущества.

3. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по делам о хищении колхозного и кооперативного имущества.

III

1. Повести решительную борьбу с теми противообщественными кулацко-капиталистическими элементами, которые применяют насилия и угрозы или проповедуют применение насилия и угроз к колхозникам с целью заставить последних выйти из колхоза, с целью насильственного разрушения колхоза. Приравнять эти преступления к государственным преступлениям.

2. Применять в качестве меры судебной репрессии по делам об охране колхозов и колхозников от насилий и угроз со стороны кулацких и других противообщественных элементов лишение свободы от пяти до десяти лет с заключением в концентрационный лагерь.

3. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по этим делам.

Председатель ЦИК Союза ССР
Председатель СНК Союза ССР
Секретарь ЦИК Союза ССР

М. Калинин
В. Молотов (Скрябин)
А. Енукидзе

№ 3**Из закона
Российской Советской Федеративной
Социалистической Республики
"О реабилитации жертв политических репрессий".
1991 г.**

За годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам.

Осуждая многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права и справедливости, Верховный Совет РСФСР выражает глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким, заявляет о неуклонном стремлении добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека.

Целью настоящего Закона является реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории РСФСР с 25 октября (7 ноября) 1917 г., восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола и обеспечение посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба.

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами.

Статья 2. Настоящий Закон распространяется на всех советских граждан – граждан РСФСР и других республик, иностранных граждан, а также лиц без гражданства, подвергшихся политическим репрессиям на территории РСФСР с 25 октября (7 ноября) 1917 г.

Наряду с лицами, к которым непосредственно были применены меры принуждения, пострадавшими от политических репрессий признаются дети, находившиеся вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении, а также

подвергшиеся другим ограничениям в правах и свободах в связи с репрессированием их родителей. Восстановление прав и предоставление социально-бытовых льгот этим лицам производится в случаях, специально установленных законодательством СССР и РСФСР.

Статья 3. Подлежат реабилитации лица, которые по политическим мотивам были:

- а) осуждены за государственные и иные преступления;
- б) подвергнуты уголовным репрессиям по решениям органов ВЧК, ГПУ–ОГПУ, УНКВД–НКВД, МГБ, МВД, прокуратуры и их коллегий, комиссий, "особых совещаний", "двоек", "троек" и иных органов, осуществлявших судебные функции;
- в) подвергнуты в административном порядке ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлечению к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в том числе в "рабочих колоннах НКВД", а также иным ограничениям прав и свобод;
- г) помещены по решениям судов и внесудебных органов в психиатрические учреждения на принудительное лечение.

Статья 4. Не подлежат реабилитации лица, перечисленные в статье 3 настоящего Закона, обоснованно осужденные судами, а также подвергнутые наказаниям по решению несудебных органов, в делах которых имеются достаточные доказательства по обвинению в совершении следующих преступлений:

- а) измена Родине в форме шпионажа, выдаче военной или государственной тайны, перехода военнослужащего на сторону врага, шпионаж, террористический акт, диверсия;
- б) совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, а также пособничество изменникам Родины и фашистским оккупантам в совершении таких действий во время Великой Отечественной войны;
- в) организация бандформирований и участие в совершении ими убийств, грабежей и других насильственных действий;
- г) военные преступления и преступления против правосудия.

Статья 5. Признаются не содержащими общественной опасности нижеперечисленные деяния и реабилитируются независимо от фактической обоснованности обвинения лица, осужденные за:

- а) антисоветскую пропаганду;
- б) распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй;
- в) нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви;
- г) посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов;

то есть по статьям 70 (в редакции, действовавшей до Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 сентября 1990 г.), 190-1, 142 и 227 Уголовного кодекса РСФСР и аналогичным нормам ранее действовавшего законодательства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ**СТАНОВЛЕНИЕ ТОТАЛИТАРНОГО ГОСУДАРСТВА.
1917-й – КОНЕЦ 1920-х гг.****№ 1*****Декларация Чрезвычайного Собрания
уполномоченных фабрик и заводов Петрограда
IV Чрезвычайному съезду Советов.
13 марта 1918 г.***

Мы, рабочие петроградских фабрик и заводов, обращаемся к Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов со следующим заявлением:

25 октября 1917 г. большевистская партия в союзе с партией левых с[оциалистов]-р[еволюционер]ов и опираясь на вооруженных солдат и матросов свергла Временное правительство и захватила власть в свои руки.

Мы, петроградские рабочие, в большинстве своем приняли этот переворот, совершенный от нашего имени и без нашего ведома и участия, совершенный накануне второго съезда Советов, которому предстояло сказать свое слово по вопросу о власти.

Более того. Рабочие оказали поддержку новой власти, объявившей себя *правительством рабочих и крестьян*, обещавшей творить нашу волю и блюсти наши интересы. На службу ей стали все наши организации, за нее пролита была кровь наших сыновей и братьев, мы терпеливо переносили нужду и голод; нашим именем сурово расправлялись со всеми, на кого новая власть указывала как на своих врагов; и мы мирились с урезыванием нашей свободы и наших прав во имя надежды на данные ею обещания.

Но прошло уже четыре месяца, и мы видим нашу веру жестоко посрамленной, наши надежды грубо растоптанными.

Новая власть называет себя *советской и рабоче-крестьянской*. А на деле важнейшие вопросы государственной жизни решаются помимо Советов; ЦИК-т вовсе не собирается или собирается затем, чтоб безмолвно одобрить шаги, без него самодержавно предпринятые народными комиссарами; Советы, не согласные с политикой правительства, бесцеремонно разгоняются вооруженной силой; всюду голос рабочих и крестьян подавляется голосом делегатов, якобы представляющих 10-миллионную армию, дезорганизованную большевистской политикой, существующую только на бумаге, частью демобилизованную, частью самовольно обнажившую фронт и разбежавшуюся по домам. На деле всякая попытка рабочих выразить свою волю в Советах путем перевыборов пресекается, и не раз уже петроградские рабочие слышали из уст представителей новой власти угрозы пулеметами, испытали расстрелы своих собраний и своих манифестаций.

Нам обещали немедленный *мир*, демократический мир, заключенный народами через головы своих правительств. А на деле нам дали постыдную капитуляцию перед германскими империалистами. Нам дали мир, наносящий сильнейший удар всему рабочему Интернационалу и поражающий насмерть русское рабочее движение. Нам дали мир, закрепляющий распад России и делающий ее добычей иностранного капитала, мир, разрушающий нашу промышленность и позорно предающий интересы всех народностей, доверившихся русской революции. Нам дали мир, при котором мы не знаем даже точных границ своего рабства, потому что большевистская власть, столько кричавшая против тайной дипломатии, сама практикует худший сорт дипломатической тайны и, уже покидая Петроград, до сих пор не сообщает полного и точного текста всех условий мира, самовольно распоряжаясь судьбами народа, государства, революции.

Нам обещали *хлеб*. А на деле дали небывалый голод. Нам дали Гражданскую войну, опустошающую страну и вконец разоряющую ее хозяйство. Под видом социализма нам дали окончательное разрушение промышленности и расстройство финансов, нам дали расхищение народного достояния и накопленных капиталов людьми с ненасытным аппетитом. Нам дали царство взяточничества и спекуляции, принявших неслыханные размеры. Нас поставили перед ужасами длительной безработицы, лишив нас всяких способов действительной борьбы с ней. Профессиональные союзы разрушены, заводские комитеты не могут нас защитить, Городская дума разогнана, кооперативам ставят помехи. Покидая Петроград, Совет Народных Комиссаров бросает нас на произвол судьбы, закрывая фабрики и заводы, вышвыривая нас на улицу без денег, без хлеба, без работы, без органов самозащиты, без всяких надежд на будущее.

Нам обещали *свободу*. А что мы видим на деле? Где свобода слова, собраний, союзов, печати, мирных манифестаций? Все растоптано полицейскими каблуками, все раздавлено вооруженной рукой. В годовщину революции, оплаченной нашей кровью, мы снова видим на себе железные оковы бесправия, казалось, вдребезги разбитые в славные дни 1917 г. Мы дошли до позора бессудных расстрелов, до кровавого ужаса смертных казней, совершаемых людьми, которые являются одновременно и доносчиками, и провокаторами, и следователями, и обвинителями, и судьями, и палачами.

Так во имя чего льется ручьями кровь рабочих и крестьян России. Так во имя чего разогнано *всенародное Учредительное собрание*, за которое гибли на виселицах, на каторге, в тюрьмах и ссылке наши лучшие люди, за которое десятилетиями боролись мы и наши отцы.

Но нет! Довольно кровавого обмана и позора, ведущего революционную Россию к гибели и расчищающего путь новому деспоту на место свергнутого старого. Довольно лжи и предательства. Довольно преступлений, совершаемых *нашим* именем, именем рабочего класса.

Мы, рабочие петроградских фабрик и заводов, требуем от съезда:

1. Отказа утвердить кабальный, предательский мир.
2. Постановления об отставке Совета Народных Комиссаров.

3. Немедленного созыва Учредительного собрания и передачи ему всей власти для прекращения Гражданской войны, восстановления единства свободных народов России, организации промышленности, сельского хозяйства, транспорта, продовольствия, собирания сил для отпора вторжению насильников и заключения мира на основах, ограждающих интересы революционной России.

*Питерские рабочие и "диктатура пролетариата". Октябрь 1917 – 1929.
Экономические конфликты и политический протест.
Сб. документов. СПб., 2000. С. 60–62.*

№ 2

Из секретной циркулярной телеграммы ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г.

Последние события на различных фронтах в казачьих районах – наши продвижения в глубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск – заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт Гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести **массовый террор** против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставлять ссыпать все излишки в указанные пункты; это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришедшей бедноте, организуя переселение, где это возможно.

4. Уравнять пришедших "иностранцев" к казакам в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

[...] ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли.

Центральный Комитет РКП

№ 3**Приказ Полномочной комиссии ВЦИК № 171
о борьбе с "антоновщиной".
Тамбов, 11 июня 1921 г.**

Начиная с 1 июня решительная борьба с бандитизмом дает быстрое успокоение края. Советская власть последовательно восстанавливается, и трудовое крестьянство переходит к мирному и спокойному труду. Банда Антонова решительными действиями наших войск разбита, рассеяна и вылавливается поодиночке. Дабы окончательно искоренить эсеров-бандитские корни и в дополнение к ранее отданным распоряжениям, Полномочная комиссия ВЦИК приказывает:

1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда.
2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссии или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.
3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.
4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.
5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.
6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.
7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель Полномочной комиссии ВЦИК
Командующий войсками
Председатель губисполкома
Секретарь

Антонов-Овсеевко
Тухачевский
Лавров
Васильев

Прочеть на сельских сходах.

*Крестьянское восстание в Тамбовской губернии.
"Антоновщина". С. 178-179.*

№ 4**Приказ командования войсками Тамбовской губернии.
12 июня 1921 г.**

Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбжавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей. Для немедленной очистки лесов приказываю:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.

2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.

4. О принятых мерах донести.

Командующий войсками
Наштавоиск генштаба

Тухачевский
Какурин

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии.
"Антоновщина". С. 179.

№ 5

**Совершенно секретная записка Л.Д. Троцкого
в Политбюро ЦК РКП(б)
о политике по отношению к церкви.
30 марта 1922 г.**

1. Октябрьская революция докатилась до церкви только теперь. Причины: идейная слабость церкви и ее сервиллизм. Переход от "самодержавного" к "благоверному Временному правительству". При переходе к Советской власти отделение церкви от государства помогло бесхребетной церковной иерархии приспособляться и отмалчиваться. Но несомненно, что за время Советской власти церковная иерархия, чувствуя себя "гонимой" (потому что непривилегированной), готовилась и готовится воспользоваться благоприятным моментом. Вокруг нее определенные контрреволюционные кадры и политическое влияние через посредство религиозного влияния.

2. Европейская церковь прошла через стадию реформации. Что такое реформация? Приспособление церкви к потребностям буржуазного общества. Ему предшествовали секты среди ремесленников и крестьян. Секта – это религиозная партизанщина крестьянства и мелкой буржуазии вообще. Буржуазия подняла секты до уровня реформации, обуржуазив религию и церковь, и тем придала ей больше жизненности и устойчивости (Англия).

3. У нас оппозиция против церковной казенщины дальше сект не шла. Буржуазия была слишком ничтожна, чтобы создать реформацию (как режим демократии). Интеллигенция чудила в религиозной области – каждый по-своему. Церковь оставалась формальной, бюрократической и, как сказано, вставила в свой ритуал вместо "самодержавнейшего" – "благоверное Временное правительство".

4. Таким образом, церковь, вся пропитанная крепостническими, бюрократическими тенденциями, не успевшая проделать буржуазной реформации, стоит сейчас ликом к лицу с пролетарской революцией.

Какова же сможет быть ее дальнейшая судьба? Намечаются два течения: явно, открыто контрреволюционное с черносотенно-монархической идеологией и – "советское". Идеология "советского" духовенства, по видимому, вроде сменовеховской, т.е. буржуазно-соглашательская.

5. Если бы медленно определяющееся буржуазно-соглашательское сменовеховское крыло церкви развилось и укрепилось, то она стала бы для социалистической революции гораздо опаснее церкви в ее нынешнем виде. Ибо, принимая покровительственную "советскую" окраску, "передовое" духовенство открывает себе тем самым возможность проникновения и в те передовые слои трудящихся, которые составляют или должны составлять нашу опору.

6. Поэтому сменовеховское духовенство надлежит рассматривать как опаснейшего врага завтрашнего дня. Но именно завтрашнего. Сегодня же надо повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью. В этой борьбе мы должны опереться на сменовеховское духовенство, не ангажируясь политически, а тем более принципиально. (Позорные передовые статьи в партийных газетах о том, что "богородице приятнее молитвы накормленных детишек, чем мертвые камни" и пр.)

7. Чем более решительный, резкий, бурный и насильственный характер примет разрыв сменовеховского крыла с черносотенным, тем выгоднее будет наша позиция. Как сказано, под "советским" знаменем совершаются попытки буржуазной реформации православной церкви. Чтобы этой запоздалой реформации совершиться, ей нужно время. Вот этого-то времени мы ей не дадим, форсируя события, не давая сменовеховским вождям очухаться.

8. Кампания по поводу голода для этого крайне выгодна, ибо заостряет все вопросы на судьбе церковных сокровищ. Мы должны, во-первых, заставить сменовеховских попов целиком и открыто связать свою судьбу с вопросом об изъятии ценностей; во-вторых, заставить довести их эту кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственно нового собора и новых выборов иерархии.

9. Во время этой кампании мы должны сменовеховским попам дать возможность открыто высказываться в определенном духе. Нет более бешеного ругателя, как оппозиционный поп. Уже сейчас некоторые из них в наших газетах обличают епископов поименно в содомных грехах и пр. Думаю, что следует разрешить им и даже внушить им необходимость собственного органа, скажем, еженедельника для подготовки созыва собора в определенный срок. Мы получим, таким образом, неоценимый агитационный материал. Может быть, даже удастся поставить несколько таких изданий в разных концах страны. Мы до завершения изъятия сосредоточиваемся исключительно на этой практической задаче, которую ведем по-прежнему исключительно под углом зрения помощи голодающим. Попутно расправляемся вечакистскими способами с контрреволюционными попами, ответственными за Шую и пр.

10. К моменту созыва собора нам надо подготовить теоретическую и пропагандистскую кампанию против обновленной церкви. Просто перескочить через буржуазную реформацию церкви не удастся. Надо, стало быть, превратить ее в выкидыш. А для этого

надо прежде всего вооружить партию историко-теоретическим пониманием судеб православной церкви и ее взаимоотношений с государством, классами и пролетарской революцией.

11. Надо уже сейчас заказать одну программно-теоретическую брошюру, может быть, с привлечением к этому делу М.Н. Покровского, если у него есть малейшая возможность.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ДЛЯ СОВЕЩАНИЯ СЕКРЕТАРЕЙ ГУБПАРТКОМОВ И ПРЕДГУБИСПОЛКОМОВ

1. Провести агиткампанию в самом широком масштабе. Устранить как слезливое благочестие, так и глумление.

2. Расколоть духовенство.

3. Изъять ценности как следует быть. Если было допущено попустительство, исправить.

4. Расправиться с черносотенными попами.

5. Побудить определиться и открыто выступить сменовеховских попов. Взять их на учет. Неофициально поддерживать.

6. Теоретически и практически подготовиться ко второй кампании. Выделить для этого одного партийного "спеца" по делам церкви.

Л. Троцкий

Цит. по: *Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг./ Сост. Н.Н. Покровский и С.Г. Петров. Т. 1. М.; Новосибирск, 1997. С. 161–164.*

№ 6

Записка В.И. Ленина И.В. Сталину. 16 июля 1922 г.

Т. Сталин!

К вопросу о высылке из России меньшевиков, н.-с-ов, кадетов и т.п. я бы хотел задать несколько вопросов ввиду того, что эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас.

Решено ли "искоренить" всех энесов? Пешехонова¹, Мякоти-на², Горнфельда³? Петрищева и др. По-моему, всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее.

То же А.Н. Потресов, Изгоев⁴ и все сотрудники "Экономиста"⁵ (Озеров⁶ и мн. мн. другие). Ме-ки Розанов⁷ (враг хитрый), Вигдорчик⁸ (Мигуло, или как-то в этом роде), Любовь Никол. Радченко⁹ и ее молодая дочь (понаслышке – злейшие враги большевизма); Н.А. Рожков (надо его выслать; неисправим); С.Л. Франк (автор "Методологии")¹⁰. Комиссия под надзором Манцева¹¹, Мессинга¹²

и др. должна представить списки, и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго.

Насчет Лежнева¹³ (бывший "День") очень подумать: не выслать ли? Всегда будет коварнейшим, насколько я могу судить по прочитанным его статьям.

Озеров, как и все сотрудники "Экономиста", – враги самые беспощадные. Всех их – вон из России.

Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот, и без объявления мотивов – выезжайте, господа!

Всех авторов "Дома литераторов", питерской "Мысли"¹⁴; Харьков обшарить, мы его не знаем, это для нас "заграница". Чистить надо быстро, не позже конца процесса эсеров.

Обратите внимание на литераторов в Питере (адреса, "Нов. Русская книга", № 4, 1922 г., с. 37) и на список частных издательств (с. 29)¹⁵.

С к. прив.

Ленин

Ленин В.И. Известные документы. С. 544–545.

Примечания

¹ Пешехонов А.В. (1867–1933) – писатель и экономист, близкий к эсерам, один из основателей Народно-социалистической партии. Министр сельского хозяйства во Временном правительстве. Эмигрант.

² Мякотин В.А. (1867–1937) – историк и писатель, один из учредителей Народно-социалистической партии. Эмигрант.

³ Горнфельд А.Г. (1867–?) – литературовед, сотрудник журнала "Русское богатство".

⁴ Изгоев А.С. (1872–1935) – либеральный публицист, член ЦК кадетской партии, один из авторов сборника "Вехи". Выслан из Советской России в 1922 г.

⁵ "Экономист" – журнал Русского технического общества, выходивший в Петрограде с декабря 1921 г. Закрыт летом 1922 г. по распоряжению властей.

⁶ Озеров И.Х. (1869–1942) – экономист, академик.

⁷ Розанов В.Н. (1876–1939) – врач, меньшевик, в 1918 г. член Союза Возрождения России, арестован летом 1919 г., после амнистии с 1921 г. от политической деятельности отошел.

⁸ Вигдорчик Н.А. (1874–1954) – социал-демократ, специалист по вопросам социального страхования.

⁹ Радченко Л.Н. (1871–1962) – старейший член меньшевистской партии, одно время сотрудничала с Лениным. В 1918 г. от политической работы отошла, работала статистиком. Ее дочь – А.И. Радченко, меньшевичка.

¹⁰ Франк С.Л. (1877–1950) – видный русский философ, участник сборника "Вехи", автор "Очерков методологии общественных наук" (М., 1922). В 1922 г. выслан из Советской России.

¹¹ Манцев В.Н. (1888–1939) – старый большевик, с 1920 г. член коллегии ВЧК, в 1921–1923 гг. председатель Всеукраинской ЧК, нарком внутренних дел Украины.

¹² Мессинг С.А. (1890–1946) – старый большевик, с 1920 г. член коллегии ВЧК.

¹³ Лежнев И.Г. (1891–1955) – журналист, сотрудник правоменьшевистской газеты "День", издававшейся в Петрограде с 1912 г. и закрытой большевиками в день Октябрьского переворота.

¹⁴ "Мысль" – орган Петроградского философского общества, закрыт летом 1922 г. по распоряжению властей.

¹⁵ "Новая русская книга" – справочник, издававшийся в Берлине. В апрельском номере за 1922 г. содержал списки адресов и фамилий остававшихся в России писателей и ученых, а также 41 частного издательства в Петрограде.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕРРОР В 1930-е гг.

№ 1

***Из совершенно секретной записки инструктора
Нарымского окружкома партии В.А. Величко
И.В. Сталину, Р.И. Эйхе и секретарю Нарымского
окружкома К.И. Лебиц о судьбе трудпоселенцев.
3–22 августа 1933 г.****

29 и 30 апреля этого года из Москвы и Ленинграда были отправлены на трудовое поселение два эшелона деклассированных элементов. Эти эшелоны, подбирая по пути следования подобный же контингент, прибыли в г. Томск, а затем на баржах – в Нарымский округ.

18 мая первый и 26 мая второй эшелоны, состоя из трех барж, были высажены на реке Оби у устья о. Назина, на остров Назина, против остяцко-русского поселка и пристани этого же названия (Александровский район, Северная окраина Нарымского округа).

Первый эшелон составлял 5070 человек, второй – 1044. Всего – 6114 человек. В пути, особенно в баржах, люди находились в крайне тяжелом состоянии: скудное питание, скученность, недостаток воздуха, массовая расправа наиболее отъявленной части над наиболее слабой (несмотря на сильный конвой). В результате – помимо всего прочего – высокая смертность. Например, в первом эшелоне она достигала 35–40 человек в день.

Показателен в данном случае такой факт: первый эшелон пристал к острову в прекрасный солнечный день. Было очень тепло. В первую очередь на берег были вынесены до 40 трупов, и потому что было тепло, а люди не видели солнца, могильщикам было разрешено отдохнуть, а затем приступить к своей работе. Пока могильщики отдыхали, мертвецы начали оживать. Они стонали, звали о помощи, и некоторые из них поползли по песку к людям. Так из этих трупов ожили и стали на ноги восемь человек.

Жизнь в баржах оказалась роскошью, а пережитые там трудности – сущими пустяками по сравнению с тем, что постигло эти оба эшелона на острове Назина (здесь должна была произойти разбивка людей по группам для расселения поселками в верховьях р. Назинной).

Сам остров оказался совершенно девственным, без каких-то ни было построек. Люди были высажены в том виде, в каком они

* Письмо Величко рассматривалось на заседании Политбюро. Было принято решение провести проверку, в результате которой различным взысканиям подверглись несколько местных работников.

были взяты в городах и на вокзалах: в весенней одежде, без постельных принадлежностей, очень многие босые.

При этом на острове не оказалось никаких инструментов, ни крошки продовольствия, весь хлеб вышел и в баржах, поблизости также продовольствия не оказалось. А все медикаменты, предназначенные для обслуживания эшелонов и следовавшие вместе с эшелонами, были отобраны еще в г. Томске [...].

Жизнь на острове началась.

На второй день прибытия первого эшелона, 19/V, выпал снег, поднялся ветер, а затем мороз. Голодные, истощенные люди, без кровли, не имея никаких инструментов и в главной своей массе трудовых навыков, и тем более навыков организованной борьбы с трудностями, очутились в безвыходном положении. Обледеневшие, они были способны только жечь костры, сидеть, лежать, спать у огня, бродить по острову и есть гнилушки, кору, особенно мох и пр. Трудно сказать, была ли возможность делать что-либо другое, потому что трое суток никому никакого продовольствия не выдавалось. По острову пошли пожары, дым. Люди начали умирать. Они заживо сгорали у костров во время сна, умирали от истощения и холода, от ожогов и сырости, которая окружала людей.

Так трудно переносился холод, что один из трудпереселенцев залез в горящее дупло и погиб там на глазах людей, которые не могли помочь ему, не было ни лестницы, ни топора.

В первые сутки после солнечного дня бригада могильщиков смогла закопать только 295 трупов, неубранных оставив на второй день. Новый день дал новую смертность и т.д.

Сразу после снега и мороза начались дожди и холодные ветры, но люди [...] все еще оставались без питания. И только на четвертый или пятый день прибыла на остров ржаная мука, которую и начали раздавать трудпоселенцам по несколько сотен грамм.

Получив муку, люди бежали к воде и в шапках, портянках, пиджаках и штанах разводили болтушку и ели ее. При этом огромная часть их просто съедала муку (так как она была в порошке); падали и задыхались, умирали от удушья.

Всю свою жизнь на острове (от 10 до 30 суток) трудпоселенцы получали муку, не имея никакой посуды. Наиболее устойчивая часть пекла в костре лепешки, кипятка не было. Кровом оставался тот же костер. Такое питание не выправило положения. Вскоре началось изредка, а затем в угрожающих размерах людоедство. Сначала в отдаленных углах острова, а затем, где подвертывался случай. Людоеды стрелялись конвоем, уничтожались самими поселенцами. Однако наряду с этим известная часть жила сносно, хотя и не имела, как и все, жиров, а одну муку. Такое положение объяснялось методами организации всех этих людей. На острове был комендант (Шихилев), стрелки ВОХР, медработники и, конечно, каптинармусы. Наряду с людоедством комендатурой острова были зарыты в землю тысячи килограммов муки, так как она находилась под открытым небом и испортилась от дождей. Даже та мука, которая выдавалась трудпоселенцам, попадала не всем. Ее получали так называемые бригадиры, т.е. отъявленные преступники. Они получали мешки муки на "бригаду" и уносили их в лес, а бригада оставалась без пищи. Неспособность или нежелание организовать

обслуживание людей дошло до того, что, когда впервые привезли на остров муку, ее хотели раздавать пятитысячной массе в порядке индивидуальном, "живой" очередью. Произошло неизбежное: люди сгрудились у муки, и по ним была произведена беспорядочная стрельба. При этом было меньше жертв от оружейного огня, чем затоптано, смято, вдавлено в грязь.

Надо полагать, комендатура острова и ее военные работники, во-первых, мало понимали свои задачи по отношению людей, которые были под их началом, и, во-вторых, растерялись от разразившейся катастрофы. Иначе и нельзя расценивать систему избиений палками, особенно прикладами винтовок, и индивидуальные расстрелы трудпоселенцев. Приведу один пример расстрела, потому что он ярко характеризует попытки "организовать" людей.

Один трудпоселенец попытался два раза получить муку (мука выдавалась кружками, чайными чашками), был уличен.

– Становись вон там, – скомандовал стрелок Ходов.

Тот стал на указанное место, в сторонке. Ходов выстрелил и убил наповал. (Он убил многих, но сейчас рассчитан по личной просьбе.)

Такие методы руководства и воспитания явились очень серьезной поддержкой начавшемуся с первых же дней жизни на острове распаду какой бы то ни было человеческой организации.

Если людоедство явилось наиболее острым показателем этого распада, то массовые его формы выразились в другом: образовались мародерские банды и шайки, по существу, царившие на острове. Даже врачи боялись выходить из своих палаток. Банды терроризировали людей еще в баржах, отбирая у трудпоселенцев хлеб, одежду, избивая и убивая людей. Здесь же, на острове, открылась новая охота, и в первую очередь за людьми, у которых были деньги и золотые зубы и коронки. Владелец их исчезал очень быстро, а затем могильщики стали зарывать людей с развороченными ртами.

Мародерство захватило и некоторых стрелков, за хлеб и махорку скупавших золото, платье и др. [...].

Моментами, стимулирующими эту сторону и усиливающими смертность, явилось отсутствие какого бы то ни было физического производственного труда. За все время пребывания на острове трудпоселенцы ничего не делали. Тот, кто не двигался или мало делал движений – умирал.

В такую обстановку попал и второй эшелон, быстро принявший порядки острова.

В конце мая (25–27) началась отправка людей на так называемые участки, т.е. места, отведенные под поселки.

После расселения на новых участках приступили к строительству полуземляных барачков, вошебоек и бань только во второй половине июля. Здесь еще были остатки людоедства, и на одном из участков (№ 1) закапывались в землю мука и печ[еный] хлеб, портилось пшено на другом (участок № 3).

Жизнь начала входить в свое русло: появился труд, однако расстройство организмов оказалось настолько большим, что люди, съедая по 750–800–900–1000 грамм (паек) хлеба, продолжали заболеть, умирать, есть мох, листья и пр.

Наряду с присылкой сюда прекрасных коммунистов, взявших за дело как следует, оставались комендантами и стрелками разложившиеся элементы, творившие над трудпоселенцами суд и расправу: избиения, узурпаторство, убийства людей, – бездушные в отношении к ним; мат и произвол – не редкие явления [...].

Будь люди поворотливее – смертность можно было сократить до минимума, так как она происходила, главным образом, от поноса, однако, несмотря на строжайшие приказы командования, сухари больным не выдавались, тогда как сухарь спас бы сотни людей, потому что отсутствовали всякие медикаменты, ощущалась острая потребность в вяжущих (против поноса) средствах. При этом большой запас галет лежал в палатках и базах, так как не было указаний, могут или нет пользоваться этими галетами больные. Такая история случилась и с сушеной картошкой, и с листовым железом, тогда как наступили осенние холода, а больные лежали в палатках, а затем в бараках без окон и дверей. Можно привести факты прямой провокации: несмотря на то что поселки в тайге, больные лежали на земле, а та часть, которая помещалась на нарах из полка, лежала на мху, в котором немедленно заводились черви. Или: обмундирование висело в складах, а люди голы, босы или "заедались" сплошной вшивостью.

Нужно заметить, что все описанное так примелькалось начсоставу и работникам большинства участков, что трупы, которые лежали на тропинках, в лесу, плыли по реке, прибивались к берегам, уже не вызывали смущения. Более того, человек перестал быть человеком. Везде установилась кличка и обращение – "шакал" [...].

В результате всего из 6100 человек, выбывших из Томска, и плюс к ним 500–600–700 человек (точно установить не удалось), переброшенные на Назинские участки из других комендатур, на 20 августа осталось 2200 человек.

Все это, особенно остров, осталось неизгладимой метой у всех трудпоселенцев; даже у отъявленного рецидива, видевшего виды на своем веку. Остров прозван "островом смерти" или "смерть-остров" (реже – "остров людоедов"). И местное население усвоило это название, а слух о том, что было на острове, пошел вниз и вверх по рекам [...].

На острове сейчас травы в рост человека. Но местные жители ходили туда за ягодами и вернулись, обнаружив в траве трупы и шалаши, в которых лежат скелеты.

Не только все это заставило меня писать вам. Беда еще в том, что среди прибывших на трудовое поселение есть случайные, наши элементы. Главная их масса умерла, потому что была менее приспособлена к тем условиям, которые были на острове и на участках, и, кроме того, на этих товарищей прежде всего упала тяжесть произвола, расправ и мародерства со стороны рецидива как в баржах, так и на острове, и первое время на участках.

Сколько их – трудно сказать, также трудно сказать кто, потому что документы, по их заявлению, отбирались и на местах ареста органами, производившими изоляцию, и главным образом в эшелонах рецидивом на курение, однако некоторые из них привезли с собою документы: партийные билеты и кандидатские карточки, комсомольские билеты, паспорта, справки с заводов, пропуска в заводы и др. [...].

Со слов самих людей, из бесед с ними можно привести такие факты неправильной ссылки людей [...]:

1. Новожилов Вл. из Москвы. Завод "Компрессор". Шофер. Три раза премирован. Жена и ребенок в Москве. Окончив работу, собрался с женой в кино, пока она одевалась, вышел за папиросами и был взят.

2. Гусева, пожилая женщина. Живет в Муроме, муж – старый коммунист, главный кондуктор на ст[анции] Муром, производ[ственный] стаж – 23 года, сын – помощник машиниста там же. Гусева приехала в Москву купить мужу костюм и белого хлеба. Никакие документы не помогли.

3. Зеленин Григорий. Работал учеником слесаря боровской ткацкой фабрики "Красный Октябрь", ехал с путевкой на лечение в Москву. Путевка не помогла – был взят.

4. Горштейн Гр[игорий]. Член КСМ с 1925 г. Отец – член ВКП(б) с 1920 г., рабочий газового завода в Москве. Сам Горштейн – тракторист совхоза "Паняшково" в Верх.-Нячинске. Ехал к отцу. Взят на вокзале, только что сошел с поезда. Документы были на руках.

5. Фролков Арсений. Член КСМ с 1925 г., отец – член ВКП(б), подпольщик, работает врачом на ст. Суземка Зап[адной] области. Сам Фролков взят в Сочи на курортном строительстве "Светлана" (работал плотником). Шел с работы. (Брат в Вязьме, работник ОГПУ.)

6. Карпухин Мих[аил] Як[овлевич]. Ученик ФЗУ № 6 на Сенной (г. Москва). Отец – москвич, и сам Карпухин родился в Москве. Шел из ФЗУ после работы домой и был взят на улице.

7. Голенко Никифор Павлович – старик. Из Хоперского округа, ехал через Москву к сыну на ст. Богашево Курской ж. д. Совхоз "Острый". Взят на вокзале.

8. Шишков – рабочий фабрики "Красный Октябрь" в Москве; на этой фабрике работал непрерывно три года. Взят на улице, возвращаясь с работы [...].

Часть партийных и комсомольских документов в данное время хранится в Александровском райкоме ВКП(б) и Александровско-Ваховской участковой комендатуре Сиблага ОГПУ.

Есть люди, завербовавшиеся для работы на окраинах СССР, получили подъемные (по их словам, конечно) и, несмотря на наличие на руках исчерпывающих документов, во время проезда Москвы – взяты. Все эти люди не могут обжаловать: нет бумаги (даже денежные документы работники комендатуры пишут на бересте).

Несколько замечаний по поводу приведенных фамилий: 1) есть еще два поселка на самой реке Пане, где я не был и не могу привести фамилии; 2) приведенные фамилии не являются ни наиболее яркими, ни типичными, ни наименее показательными, потому что у меня была возможность записывать их, поскольку они выявлялись сами; 3) только список я привел не для того, чтобы сообщить, кто именно, персонально и сколько их заключены неправильно, а для того, чтобы показать, какие есть элементы; 4) много колхозников, завербованных на строительство по договорам строительных организаций с колхозами. Эти колхозники следовали через Москву на места работ вместе с вербовщиками; 5) приведенные данные обо всех этих людях и обстоятельствах их изоляции, безусловно,

нельзя брать за чистую правду. Однако они являются внушительным аргументом за необходимость проверки [...].

Я трезво отдаю себе отчет в том, что написать такое письмо, значит, взять на себя большую ответственность. Я допускаю, что ряд моментов изложены не точно, могут не подтвердиться или подтвердиться, но не полностью, допускаю, что многого я просто не знаю потому, что пользовался неофициальными источниками, но я рассуждаю так: еще хуже молчать.

Инструктор-пропагандист
Нарымского ОК ВКП(б)

Величко
партбилет № 0950224

*РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 992. Л. 20–30;
Источник. 1998. № 2. С. 59–67.*

№ 2

Из заявления на имя И.В. Сталина бывшего чекиста П.А. Егорова, заключенного в Усть-Вымском ИТЛ. 20 декабря 1938 г.

Неоценимы заслуги органов УГБ НКВД в деле разгрома и физического уничтожения врагов народа Бухарина, Рыкова и их сподвижников – троцкистско-японо-германских агентов.

В целом эти заслуги принадлежат Вам и партии, под руководством которой органы УГБ успешно начали и завершили эту сложную операцию, показав всему миру, не имеющему прецедента в истории человечества, чудовищную предательскую деятельность троцкистско-бухаринских наймитов.

Работа органов УГБ за 1937–1938 гг. заслуженно вызывала восхищение и любовь всего прогрессивного человечества к карающему органу диктатуры пролетариата. Эта любовь закреплялась в сознании трудящихся партией и нашей прессой.

Наряду с этими боевыми делами, навеки вошедшими в историю человечества, в ряде мест органы УГБ, предав забвению Ваши неоднократные указания о любви и бережном отношении к человеку, встали на путь создания искусственных дел, по которым наряду с враждебно действующим элементом арестовывались люди беззаветно преданные Вам и партии, люди из социально близкой среды, никогда не думавшие о каких бы то ни было вражеских действиях против Родины; сюда попадали честные служащие, ремесленники и просто обыватели, интересы которых замыкались рамками своих семейств.

Многие тысячи таких людей оказались расстреляны или заключены в исправительно-трудовые лагеря.

Я сам, бывший чекист с 1922 г. по день ареста 25 января 1938 г., на протяжении 16 лет проработал в органах ЧК-ОГПУ-НКВД на территории Сибири. В операции по ликвидации вражеских элементов в 1937 г. я принимал активное участие на территории

Новосибирской области и Алтайского края, работая последнее время начальником особого УГБ НКВД в г. Томске, имел звание старшего лейтенанта госбезопасности.

Первое указание о подготовке массовой операции мы получили по НКВД СССР в июле 1937 г. Эта директива обязывала нас составить списки на весь контрреволюционный элемент из социально чуждой среды и весь уголовный рецидив, представляющий из себя социальную опасность для общества.

Вслед за этим был дан сигнал о начале операции и организации судебных "троек" при УНКВД для рассмотрения всех этих дел. Таким образом, основной удар по контрреволюционным и уголовным элементам, проходящим по нашим учетам и разработкам, был нанесен в августе 1937 г.

Последующий смысл всех директивных установок руководства управления НКВД, даваемых на совещаниях и при докладах, сводился к необходимости весь оперативный контингент, проходящий по учетам и разработкам, свести в разные по названиям, но единые по своим целям контрреволюционные организации, связанные с иностранными разведками враждебных нам стран и белоэмигрантскими центрами за границей.

Оперативный состав органов, восприняв эти установки как прямую физическую ликвидацию всей контрреволюции, в том числе и пассивной, но являющейся базой для различных контрреволюционных формирований, деятельно следуя этим директивам, приступил к их реализации с полным сознанием исторической необходимости очистить нашу страну от этого контингента.

Исходным началом для разрешения этой задачи должны были явиться штабы руководства этих организаций, для чего в разные места были выброшены оперативные группы с задачами "найти" эти штабы.

В Нарымский округ был командирован с оперативной группой временно исполняющий обязанности начальника 4-го отдела УНКВД старший лейтенант госбезопасности Попов, который по прибытии в Нарым в разных местах закопал оружие различных систем, а затем арестовал группу бывших белогвардейских офицеров во главе с бывшим полковником Михайловым, путем намеренной и следственной обработки взял от них показания о существовании в Сибири Российского общевоинского союза (РОВСа). Арестованные "показали" на скрытые оружейные склады, которые при участие понятых от советских и общественных организаций и были обнаружены.

Арестованный "центр" организации дал развернутые показания о якобы существующей организации с наличием большого количества участников.

С аналогичной задачей в район Кузбасса был командирован начальник 3-го отдела УНКВД НСО младший лейтенант госбезопасности Голубик, который успешно провел такую же операцию по Кузбассу.

В Томске, по примеру Нарыма и Кузбасса, РОВС был вскрыт бригадой УНКВД и местным аппаратом городского отдела, причем здесь "штаб" был создан из нашей агентуры из числа бывших белогвардейских офицеров – Ситникова и других, которым было разъяснено, что от них нужны такие показания для Родины, и они временно арестовываются для камерной разработки тех людей, кото-

рые будут арестовываться по этой "организации". Впоследствии все они были расстреляны.

По Бийскому и Алтайскому кустам аппаратом 3-го отдела УНКВД была "успешно" развита операция контрреволюционной повстанческой японской шпионской организации, руководимой бывшим командующим партизанскими силами Алтая Третьяком. Эта операция поглотила всех лидеров партизанского движения в период реакции Колчака в Сибири и очень большое количество красных партизан.

Арестованные контрреволюционные одиночки, разрозненные группы и целые организации, находящиеся в нашей разработке, стали сводиться в целые организации с большими филиалами.

Примерно до конца сентября или начала октября 1937 г. операция носила исключительно характер разгрома всех контрреволюционных кадров и не касалась широких слоев населения. С сентября 1937 г. в массовом количестве стали поступать категорические требования – усилить операции, шифрограммами приказывалось подвергнуть массовым арестам всех перебежчиков, поляков, латышей, иранцев, лиц, прибывших с КВЖД ("харбинцев"), и др.

УНКВД стало спускать периферии "контрольные" цифры на аресты, называвшиеся "минимум", так как давать результаты ниже их запрещалось. Например, Томск получал неоднократно такие контрольные цифры на 1500, 2000, 3000 и т.д. "соревнование", кто больше арестует.

В помощь кадровому составу органов для проведения всей этой колоссальной, до сих пор невиданной, операции была привлечена масса работников милиции, средних и старших командиров внутренней и пограничной охраны НКВД, комсомольцев, заведующих специальными секторами различных учреждений, бывших чекистов и т.д.

В конце сентября или начале октября, когда были реализованы все наши учеты, операция с бешеной силой обрушилась на ни в чем не повинных людей, никогда не участвовавших в каких-либо антисоветских и контрразведывательных делах и не скомпрометировавших себя никакими связями.

Для многих из нас смысл дальнейшей операции стал не только непонятен, но и страшен, но остановить ее бешеный шквал только мог ЦК ВКП(б) и Вы.

Желания некоторых чекистов спасти невиновных людей привели лишь только к их арестам и гибели. Увеличилось число самоубийств среди чекистов.

В Томске в этот период основную работу по камерной обработке вел некий Пушкин [...]. "Помощь" Пушкина было колоссальной [...]. Делалось это так: руководители следственных групп разбивали арестованных на группы от 5 до 10 человек, причем в своем большинстве эти люди друг друга до ареста не знали, и давали их отдельным следователям, которые, получив от Пушкина заявления о готовности арестованных подписать все то, что им предложит следствие, вызывали их к себе, заполняли анкетные данные протоколов допросов, отбирали списки на знакомых и отправляли обратно для того, чтобы вызвать второй раз и подписать трафаретный протокол о "принадлежности" арестованного к РОВСу или к другой аналогичной организации, причем 5–10 человек, ранее друг друга не знавшие, оказывались по протоколам давно знавшими друг друга и друг друга завербовавшими в ту или иную контрреволюционную

организацию, а все или почти все знакомые этих арестованных также оказывались участниками организации.

В Новосибирске наряду с аналогичной обработкой арестованных применялись и другие методы "воздействия". Например, в 3-м отделе УНКВД под руководством его начальника, младшего лейтенанта госбезопасности Иванова, были введены в действие толстые большие старинные альбомы с массивными переплетами, железные линейки и т.д., причем все эти предметы имели названия: "первой степени", "второй степени", "третьей степени". Этими предметами жестоко избивали арестованных. Широко практиковалась "выстойка" арестованных на ногах по нескольку суток, зачастую привязывали их к несгораемым шкафам и дверям, чтобы не падали до тех пор, пока не подпишут протокола и не напишут собственноручного заявления о принадлежности к организации [...]. Заставляли подписывать чистые листы бумаги, а затем писались протоколы, подделывались подписи под протоколами и т.д.

Большинство всех арестованных расстреляны.

В погоне за поляками, латышами и другими подпадавшими под массовые аресты национальными меньшинствами применялись различные методы: просматривались списки сотрудников по учреждениям, прописные листы в адресных столах и т.п., причем зачастую арестовывались люди, которые имели несчастье носить польские, литовские и подобные им фамилии, но иногда ничего общего не имевшие с той или иной национальностью. Такие люди по протоколам оказывались участниками монархических повстанческих организаций, правда, из Новосибирска поступило устное распоряжение в таких случаях в повестках для "тройки" не указывать национальность. В прошлом продавец или кустарь превращались в крупных торговцев или владельцев, бухгалтера – в царских чиновников, провокаторов и т.д. [...].

Вообще стиль работы части "чекистов" свелся к стремлению "свалить" крупных людей. Фабрикуя показания и принуждая подписывать их арестованных, многие "чекисты" включали в эти показания ответственных партийных и советских работников. Это считалось большой заслугой, и такие люди быстро "росли" и выдвигались на работе.

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 6329. Л. 12–16.

№ 3

**Из совершенно секретного доклада Прокурору СССР
М.И. Панкратьеву и Главному военному прокурору РККА
Гаврилову о результатах проверки проведения массовых
операций в Туркмении.
23 сентября 1939 г.**

[...] Массовые аресты аппаратом НКВД ТССР начали производиться с августа месяца 1937 г., т.е. с момента введения в действие приказа НКВД СССР № 00447 [...]. Когда весьма скудный оперативно-агентурный учет антисоветского элемента был исчерпан, необоснован-

ные аресты начали проводиться в массовом порядке только лишь для выполнения лимитов, установленных Нодевым и Монаковым*. При производстве этих арестов не принимались во внимание ни возраст, ни прошлая и ни настоящая деятельность человека. Достаточно было случайно оказаться на рынке и попасть под облаву, для того чтобы быть арестованным и подвергнутым допросу по обвинению в антисоветской деятельности – шпионаже, принадлежности к контрреволюционной организации и т.п.

Следствием по делам бывших сотрудников III отдела НКВД ТССР [...] установлено, что для выполнения лимитов работники III отдела неоднократно устраивали облавы на рынках в гг. Ашхабаде, Кызыл-Арвате, Мары и т.д. Во время этих облав арестовывались все, имеющие подозрительную внешность. Документы во время облав у задержанных не проверялись, а после ареста арестованный попадал на "конвейер", подвергался избиению и "давал" показания по заказу следователя [...]. Во время так называемых облав в феврале – мае месяце 1938 г. [...] было арестовано свыше 1200 человек, в подавляющей массе трудящихся, среди которых были члены партии, депутаты Советов и т. п. [...].

В феврале месяце 1938 г., впервые в НКВД ТССР, был введен так называемый "массовый конвейер". Несколько позже, ввиду исключительной эффективности такого способа допроса, "массовый конвейер" был введен и в других отделах наркомата [...]. "Массовый конвейер" состоял в том, что в специально отведенное помещение ставились лицом к стене десятки арестованных, которым специально назначенный дежурный по "конвейеру" не давал спать и ложиться до тех пор, пока они не согласятся дать показания, требуемые следователем. "Упорствующие" арестованные на "конвейере" подвергались также избиениям, заковыванию в наручники или связыванию. Установлено весьма большое количество случаев, когда арестованные выдерживались на "конвейере" по 30–40 суток без сна [...].

На этих "массовых конвейерах", или, как их еще называли, "конференциях", периодически устраивались поголовные избиения арестованных пьяными сотрудниками, доходившими до изуверства. Например, следствием установлено, что начальник отделения 5-го отдела Глотов неоднократно, в пьяном виде, с ватагой других сотрудников, являлся в помещение, где был организован "конвейер", и повальным избиением арестованных авиационным тросом добивался того, что почти все "сознавались" в шпионаже [...]. Садист Глотов дошел до того, что, издеваясь над арестованными, стоявшими на "конвейере", заставлял их под напев "барыни" танцевать, "подбадривая" тех, которые плохо танцевали, уколами раскаленного шила [...].

На конвейере в III отделе стояли женщины с грудными детьми, профессора и научные работники [...], и даже арестованные без санкции НКВД и Прокуратуры Союза официальные работники иранского и афганского консульств.

В Керкинском окружном отделе НКВД начальник отдела Лопухов и оперуполномоченный Овчаров систематически избивали арестованных, стоявших на "конвейере", причем, как показывает сам

* Наркомы внутренних дел Туркмении в 1937–1938 гг.

Овчаров, он, однажды напившись пьяным и разбив на головах арестованных две табуретки, добился в течение одного часа того, что все 15 человек арестованных сознались в шпионаже.

В дорожно-транспортном отделе ГУГБ НКВД Ашхабадской железной дороги сотрудники Алексеенко, Семендяев и другие, вымогая показания у арестованных, выщипывали или из бороды, или из головы волосы, подкалывали иголками пальцы, вырывали ногти на ногах и т.п.

Избиения арестованных очень часто заканчивались убийствами. Следствием установлено около 20 случаев убийств арестованных во время допросов как в отделах Наркомата внутренних дел ТССР, так и на периферии [...]. Для того чтобы скрыть убийства арестованных, в аппарате НКВД ТССР врачом санчасти Никитченко, который также принимал участие в истязаниях арестованных, составлялись фиктивные медицинские акты о смерти, а на периферии сотрудники сами, без участия врачей, составляли подложные акты, заверяя их печатями, выкраденными из лечебных учреждений. Иногда [...] на убитого фабриковалось фиктивное дело, докладывалось на "тройке", а затем на основании решения "тройки" о расстреле составлялся фиктивный акт о проведении приговора в исполнение.

Одним из самых возмутительных способов вымогательств показаний у арестованных, несомненно, являлся так называемый допрос "на яме". Сущность этого допроса [...] состояла в том, что арестованного, который, несмотря на применение "конвейера" и избиений, упорно не сознавался, следователи в числе осужденных к расстрелу вывозили за город к месту приведения в исполнение приговоров и, расстреливая в его присутствии осужденных, угрожая расстрелом ему самому, требовали, чтобы он сознался [...]. Такой допрос обычно заканчивался оговором десятков и даже сотен в большинстве ни в чем не повинных людей [...].

Низовые работники, будучи менее искушенными в провокациях, прибегали к более грубым подлогам. Они составляли протоколы допросов от имени не существующих в природе свидетелей и сами подписывали эти подложные протоколы; они составляли фиктивные протоколы обысков о якобы найденных крупных суммах денег, оружия и т. п.; они составляли подложные справки о социальном, имущественном положении обвиняемых, превращая колхозников, бывших бедняков и середняков, в кулаков, рабочих – в бывших белогвардейцев, участников антисоветских партий и т.д. [...].

Дела на обвиняемых, так называемых "антисоветчиков-одиночек", фабриковались сотнями, причем процесс фабрикации таких дел был весьма прост. Обычно для подтверждения "виновности" арестованного допрашивались два-три человека подставных свидетелей, которые никаких показаний по существу не давали, а подписывали протокол, заготовленный и сочиненный следователем; к делу приобщалась подложная справка о социальном происхождении обвиняемого, допрашивался обвиняемый, и дело направлялось на рассмотрение "тройки". Следствием по делам о нарушениях социалистической законности установлены сотни так называемых "штатных свидетелей", которые в результате угроз, обмана, а иногда за деньги давали по указке следователя на любого человека любые показания [...].

Особое внимание заслуживают групповые дела, сфабрикованные сотрудниками-provokatorami [...]. По делу о "греческой повстанческой организации в г. Ашхабаде" было арестовано 45 граждан – все греческое население г. Ашхабада [...]. Гнусный вымысел, положенный [...] в основу этой провокации, состоял в том, что проживающие в Ашхабаде 40–45 греков, в том числе подростки и старики, якобы собственными силами намеревались вступить в вооруженную борьбу с войсковыми частями, расположенными в г. Ашхабаде, разоружить и уничтожить эти части и свергнуть советскую власть. Практически это должно было бы произойти так: греки покупают в магазинах "Динамо" охотничье и мелкокалиберное оружие, затем, вооружившись мелкокалиберными винтовками и охотничьими ружьями, совершают нападение на милицию, разоружают ее и, вооружившись винтовками и револьверами, вступают в вооруженную борьбу со стрелковой дивизией и частями войск НКВД, расположенными в Ашхабаде [...]. Характер "показаний" арестованных участников повстанческих организаций, "их" план действий не нуждаются в комментариях [...].

Военный прокурор войск НКВД Туркменского
погранокруга военный юрист 1-го ранга

Кошарский

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 145. Л. 49–84.

№ 4

Из протокола заседания парткома завода "Дальдизель" в Хабаровске. 13 июня 1937 г.*

О.Б. Цапенко: Я очень долго думала о том, как старые большевики, прошедшие царские тюрьмы и работавшие с Владимиром Ильичом Лениным, могут оказаться врагами народа, – говорила перед началом обсуждения О.Б. Цапенко. – Очень много читала. Но ответов на мучающие меня вопросы так и не нашла. Я никак не могу понять, как это люди, которых я знала и кому беспредельно верила, встали по другую сторону баррикад.

Считаю, что в отношении старых большевиков и видных полководцев партия и Советская власть поступают незаслуженно, крайне жестоко. Поэтому я не могу состоять в партии, которая не может защитить свои самые уважаемые кадры [...].

– Вам что, их жалко?

– Это не то слово – "жалко". У меня не укладывается в голове, как на двадцатом году Советской власти у нас льется кровь ни в

* На заседании рассматривалось персональное дело работницы завода О.Б. Цапенко, заявившей о выходе из партии по причине несогласия с массовыми арестами в стране. Цапенко была исключена из партии "за враждебный открытый протест против политики партии и правительства, за несогласие с ними в применении методов борьбы со шпионами, диверсантами, за клевету на партию и ее ЦК". Дальнейшая ее судьба неизвестна.

чем не повинных людей. За последние годы у нас больше расстреляли, чем за все годы существования Советской власти [...].

– К вредителям, диверсантам, шпионам типа Тухачевского, Якира, Путны и другим применяли высшую меру наказания. Вы и до сих пор считаете, что партия неправильно поступила, расстреляв их?

– По моему мнению, их можно было бы посадить в тюрьму, а расстреливать такое большое количество видных людей – это неверно. Возможно, что крайняя мера и была в какой-то мере необходима в первые годы Советской власти. Гражданская война, вероятно, не могла обойтись без физического уничтожения открытых врагов дела рабочего класса. А теперь, при социализме, нет необходимости в физическом уничтожении людей.

– Как агитатор, вы разъяснили материалы процессов в школе?

– Я говорила людям так, как меня учила партия. А сейчас, поверьте мне, не могу этого делать, не в состоянии.

– Вы читали доклад Сталина о современном троцкизме?

– Да, читала и понимаю.

– Ваше мнение в отношении Зиновьева и Каменева? Правильно ли, что их расстреляли?

– Это были, по мнению печати, главные руководители правотроцкистской организации, и их, видимо, следовало строго наказать, а вот их единомышленников, по моему убеждению, не нужно было лишать жизни. Я не могу понять, что толкнуло Пятакова и других на вредительские действия, ведь их мы знали как преданнейших бойцов партии.

– Откуда ваш вывод, что расстреливают только старых большевиков?

– Это показывают материалы процессов. Я считаю, что вы, товарищ Утропов (секретарь парткома завода "Дальдизель". – О.В.), член партии с 1930 г., вы знаете, что Зиновьев, Каменев, Бухарин и другие большевики-ленинцы были замечательными людьми, руководителями нашей партии и Коминтерна. Их имена с уважением произносили во всем мире. Даже сейчас мало кто говорит о них, как о плохих людях.

– Товарищ Ленин вел борьбу со штрейкбрехерами Зиновьевым, Каменевым и другими. А вы их относите к его верным соратникам.

– Мы знаем из истории, что многие коммунисты в какое-то время колебались, ошибались, заблуждались. Но Владимир Ильич старался терпеливо переубедить их, сделать своими активными соратниками.

Реплика Власова: Каменева, Зиновьева и других держали в партии в надежде на то, что они исправятся. Но когда они оказались предателями и убийцами, их исключили из партии и поставили к стенке.

– Будучи активным членом партии, я долго колебалась и сомневалась в правильности жесточайшей репрессивной политики Советской власти, все искала ответы на мучавшие меня вопросы и не находила ответы. Поймите меня, товарищи, правильно. Сейчас я в партии не могу состоять, когда льется кровь недавних ее руководителей...

– Вам понятно, почему двурушничали Каменев, Зиновьев и другие троцкисты?

– Да, они всегда в своих действиях были последовательны.

– Чем занимались ваши родители?

– Отец до революции был художником и теперь работает в красноярской газете. Мама учительница.

– Как вы расцениваете то обстоятельство, что Томский, Гамарник и Лемберг застрелились?

– Они чувствовали: их все равно расстреляют. Поэтому и решились на отчаянный шаг.

– Знаете ли вы о том, что враги готовились расчленить Советский Союз?

– Я не понимаю, зачем это нужно было.

– Вы и сейчас не знаете, почему расстреляли Каменева, Зиновьева, Тухачевского, Примакова?

– Не знаю и не могу ничем объяснить. Но, по моему глубокому убеждению, меры физического уничтожения приводят к обратным результатам. Жертв становится все больше и больше. Вот на Амурской дороге расстреляли 100 человек. Разве все они враги?

– Вы колебались давно. Почему с сомнениями не обратились в партийную организацию?

– Я знала, что меня все равно исключат из партии. Я много читала и думала, но оправданий нынешней политики партии не нашла.

– Какого мнения придерживаются преподаватели вашей школы и о приговоре над Тухачевским и другими?

– Они считают приговор совершенно правильным.

– Какие у вас на сегодняшний день неясности?

– Я уверена, что методы борьбы Советской власти с инакомыслящими неверные. Я не могу оправдать и никогда не оправдаю физическое уничтожение людей.

– Верите ли вы признаниям Тухачевского и других его единомышленников?

– Может быть, они и правдивые, но наказания слишком суровы и не отвечают природе Советской власти, и не в духе заветов Ленина.

– Как вы понимаете расширение демократии?

– Расширение демократии я понимаю так, что сейчас нет необходимости в физическом уничтожении людей в таком масштабе. Массовыми расстрелами диктатуру пролетариата не укрепить. Расстрелов старых большевиков, рабочих, крестьян нам никогда не простит история [...].

Цит. по: *Сутурин А. Дело краевого масштаба. Хабаровск, 1991. С. 68–71.*

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЛИХОЛЕТЬЕ ВОЙНЫ И ЗАКАТ СТАЛИНИЗМА. 1939–1956

№ 1

***Совершенно секретный доклад народного комиссара
внутренних дел СССР Л.П. Берия И.В. Сталину.
5 марта 1940 г.***

В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к[онтр]р[еволюционных] партий, участников вскрытых к[онтр]р[еволюционных] повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю.

Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжать к[онтр]р[еволюционную] работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти.

Органами НКВД в западных областях Украины и Белоруссии вскрыт ряд к[онтр]р[еволюционных] повстанческих организаций. Во всех этих к[онтр]р[еволюционных] организациях активную руководящую роль играли бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы. Среди задержанных перебежчиков и нарушителей госграницы также выявлено значительное количество лиц, которые являются участниками к[онтр]р[еволюционных] шпионских и повстанческих организаций.

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтер-офицерского состава) 14 736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков, "осадников" и разведчиков – по национальности свыше 97% поляки. Из них: генералов, полковников и подполковников – 295, майоров и капитанов – 2080, поручиков, подпоручиков и хорунжих – 6049, офицеров и младших командиров полиции, пограничной охраны и жандармерии – 1030, рядовых полицейских, жандармов, тюремщиков и разведчиков – 5138, чиновников, помещиков, ксендзов и "осадников" – 144. В тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии всего содержится 18 632 арестованных (из них 10 685 поляков), в том числе: бывших офицеров – 1207, бывших полицейских, разведчиков и жандармов – 5141, шпионов и диверсантов – 347, бывших помещиков, фабрикантов и чиновников – 465, членов различных к[онтр]р[еволюционных] и повстанческих организаций и разного к[онтр]р[еволюционного] элемента – 5345, перебежчиков – 6127. Исходя

из того что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, "осадников" и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных [онтр]р[еволюционных] шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков – рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения – в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных, – по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б) на лиц арестованных – по справкам из дел, представляемых НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на "тройку" в составе тт. Меркулова, Кобулова и Баштакова (начальник 1-го спецотдела НКВД СССР).

Вопросы истории. 1993. № 1. С. 17–18.

№ 2

Из совершенно секретной записки председателя КГБ при Совете Министров СССР А.Н. Шелепина Н.С. Хрущеву. 9 марта 1965 г.

В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР с 1940 г. хранятся учетные дела и другие материалы на расстрелянных в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, "осадников", помещиков и т.п. лиц бывшей буржуазной Польши. Всего по решениям специальной "тройки" НКВД СССР было расстреляно 21 857 человек, из них: в Катынском лесу (Смоленская область) – 4421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова – 3820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) – 6311 человек и 7305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии.

Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5 марта 1940 г. Все они были осуждены к высшей мере наказания по учетным делам, заведенным на них, как на военнопленных и интернированных, в 1939 г.

С момента проведения названной операции, т.е. с 1940 г., никаких справок по этим делам никому не выдавалось и все дела в количестве 21 857 хранятся в опечатанном помещении.

Для советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот, какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует официальная версия, подтвержденная произведенным по инициативе советских органов власти в 1944 г. расследованием комиссии, именованной "Специальная комиссия по установлению и расследованию расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров".

Согласно выводам этой комиссии, все ликвидированные там поляки считаются уничтоженными немецкими оккупантами. Материалы расследования в тот период широко освещались в советской и зарубежной печати. Выводы комиссии прочно укрепились в международном общественном мнении.

Исходя из изложенного, представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 г. по названной выше операции [...].

Вопросы истории. 1993. № 1. С. 20–21.

№ 3

**Совершенно секретная справка заместителя начальника
управления особыми отделами НКВД СССР
С.Р. Мильштейна Л.П. Берии.
Октябрь 1941 г.**

С начала войны по 10 октября с.г. особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из них оперативными заслонами особых отделов задержано 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла – 407 395 военнослужащих. Из числа задержанных особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт.

В числе арестованных особыми отделами: шпионов – 1505, диверсантов – 308, изменников – 2621, трусов и паникеров – 2643, дезертиров – 8772, распространителей провокационных слухов – 3987, самострельщиков – 1671, других – 4571. Всего: 25 878.

По постановлениям особых отделов и по приговорам военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, из них расстреляно перед строем 3321 человек.

По фронтам эти данные распределяются:

Ленинградский: арестовано – 1044, расстреляно – 854, расстреляно перед строем – 430. Карельский: арестовано – 468, расстреляно – 263, расстреляно перед строем – 132. Северный: арестовано – 1683,

расстреляно – 933, расстреляно перед строем – 280. Северо-Западный: арестовано – 3440, расстреляно – 1600, расстреляно перед строем – 730. Западный: арестовано – 4013, расстреляно – 2136, расстреляно перед строем – 556. Юго-Западный: арестовано – 3249, расстреляно – 868, расстреляно перед строем – 280. Южный: арестовано – 3599, расстреляно – 919, расстреляно перед строем – 191. Брянский: арестовано – 799, расстреляно – 389, расстреляно перед строем – 107. Центральный: арестовано – 686, расстреляно – 346, расстреляно перед строем – 234. Резервные армии: арестовано – 2516, расстреляно – 894, расстреляно перед строем – 157.

*Центральный архив ФСБ РФ.
Коллекция документов.*

№ 4

***Из совершенно секретного спецсообщения
начальника УНКГБ по Пензенской области
полковника госбезопасности Николаева
секретарю Пензенского обкома ВКП(б) Морщину.
28 июня 1943 г.***

За последнее время среди верующих слоев населения распространились настроения за открытие церквей. В мае с.г. бродячий епископ Филарет (Волокитин Х.Т.) установил связь с активными церковниками в г. Пензе и районах области, распространил слух, что он направлен в Пензу митрополитом Сергием, от которого якобы имеет полномочия на открытие церкви. Собрал более 1000 подписей верующих и возбудил ходатайство об открытии церкви в Пензе. Бывший председатель церковного совета Митрофаньевской церкви г. Пензы Никифоров в мае с.г. возбудил ходатайство перед горисполкомом об открытии в Пензе второй церкви. Свое ходатайство обосновывал тем, что к нему обращались более 300 человек верующих, которые желают открыть церковь. В селе Ершово Поимского р[айо]на бывший дьякон Литкин организовал сбор подписей среди верующих граждан, оформив это соответствующим заявлением и возбудив ходатайство об открытии церкви. В Мышешейском р[айо]не бывшая монашка Шофина 12 июля с.г. обходила граждан села Старая Норка, спрашивая их, верующие они или нет и желают ли они открыть церковь. В Сердобском р[айо]не группа верующих в количестве 50–60 человек дважды приходили организованно к зданию райисполкома с коллективной просьбой открыть церковь. Там же активный церковник Титов ведет работу среди верующих села Студенки об открытии церкви. Верующие из сел Евлашево и Комаровки Кузнецкого района также возбудили ходатайство об открытии церквей.

30 мая с.г. в селе Николо-Азясь Мокшанского района группа церковников после моления на квартире Колчиной направилась к церкви с целью осмотреть, пригодна ли она для исполнения церковных обрядов.

[...] В области существуют нелегальные и полуофициальные группы церковно-сектантского элемента, который, собираясь на частных квартирах, осуществляет моления. В Лопатинском районе активная церковьница Воинова систематически устраивает сборища церковников у себя на квартире, на которых читают церковные стихи и молятся. В Демьяновском р[айо]не, в селах Монастырское, Красный Восток, Дубровка и др., существуют нелегальные сектантские группы... Аналогичные группы церковников и сектантов, собирающиеся на нелегальные моления, имеются в Даниловском, Башмаковском, Сосновоборском, Городушенском, Каменском, Н.-Пестровском, Вадинском, Бековском районах и г. Кузнецке. Всего по районам области зафиксировано 20 таких групп.

Установлен ряд случаев, когда верующие организуют групповые выходы на молебствия с просьбой о ниспослании дождя, урожая и т.д. [...]. В Шемышейском р[айо]не у источника, называемого "семь ключей" (по преданию верующих, является "святым" источником), находящегося в поле у села Дубровка, верующими, преимущественно женщинами, организовывались религиозные сборища [...], которые приурочивались к религиозным праздникам.

В мае с.г. имел место случай, когда массовое религиозное сборище использовал антисоветский элемент. 30 мая с.г. в селе Николо-Азясь Мокшанского р[айо]на толпа церковников в количестве 30 человек после моления на дому организовала шествие по селу с иконами, церковными песнопениями и, проходя по селу, собрала толпу свыше 1000 человек. Во время шествия и моления кликуша Потапова якобы в припадке религиозного экстаза начала производить антисоветские выкрики, направленные против колхозов.

Наличие фактов активизации верующих слоев населения говорит прежде всего об отсутствии массовой партийно-воспитательной работы среди населения, объясняется прекращением работы радиоузлов в ряде районов области, запоздалым и редким доставкой газет в колхозы и бригады. Этим пользуется бродячий элемент, который под видом больных, юродивых, странников выдает себя за "святых" и прозорливых людей, призывает к молению и открытию церквей, распространяет всевозможные слухи. Особое влияние на религиозно настроенную толпу оказывают бродячие попы, монахи, появившиеся в последнее время в области после отбытия сроков наказания и высланные из различных городов. Например, Волокитин Х.Т., бывший священник, в прошлом судим за контрреволюционные преступления, бежал из лагеря, проживал в Москве, оттуда выслан в 1941 г. Калинин И.В., бывший дьякон, дважды судим за антисоветскую деятельность [...], Марушин А.Г., бывший священник, ведет бродячий образ жизни, распространяет слухи о якобы состоявшемся решении Советского правительства об открытии церквей.

№ 5**Из письма секретаря Ярославского обкома ВКП(б)
А. Ларионова секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову.
5 мая 1945 г.**

[...] Управлением НКГБ Ярославской области в г. Переславле разрабатывалась антисоветская группа, участники которой ставили перед собой задачу, – ведение организованной борьбы с ЦК ВКП(б) и советской властью, проводили профашистскую агитацию, распространяли провокационные слухи. Разработкой было установлено, что объект дела подготавливает выпуск антисоветских листовок с призывом к уничтожению советской власти, распространение листовки ими приурочивалось к празднованию 1 Мая. По полученным агентурным данным, набор и печатание листовок должен был производить один из основных объектов дела – заведующий типографией фабрики "Красное эхо" Вагин Иван Дмитриевич, 1887 г. рождения, проживающий в г. Переславле. В результате проведенных агентурно-оперативных мероприятий областным управлением НКГБ ночью, 25 апреля с.г. Вагин был задержан в момент печатания листовок в типографии фабрики "Красное эхо", где было обнаружено и изъято 13 отпечатанных им контрреволюционных листовок, 94 листа чистой бумаги, соответствующей формату листовки, а также набор шрифта с текстом последней. Областным Управлением НКГБ указанная группа арестована. Один экземпляр листовки прилагается:

ОБРАЩЕНИЕ К ИНВАЛИДАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Довольно тирании Ваших жен и детей! Довольно издевок Ваших советских палачей. Хватит издеваться над Вами – изуродованными Советами. Гоните негодяев – представителей областного комитета партии большевиков! Долой колхозы! Долой советскую власть! Да здравствует наш свободный, мужественный, великий народ! Да здравствует партия социалистов-революционеров (партия крестьян)!

КОМИТЕТ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 310. Л. 28–29.

№ 6**Из справки секретаря Краснопресненского
райкома ВКП(б) г. Москвы Ликовенкова
первому секретарю МК
и МГК ВКП(б) Г.М. Попову.
Июль 1945 г.**

О выступлении т. Шагинян М.С. на партийном собрании
Союза советских писателей

21 июля 1945 г. проходило партийное собрание Союза советских писателей: об итогах пятого пленума РК ВКП(б) "О результатах приема в ВКП(б) за первое полугодие 1945 г. и воспитательной

работе с коммунистами в Краснопресненской районной партийной организации". На этом партийном собрании в прениях выступила член ВКП(б) с 1942 г. Шагинян М.С., которая, не останавливаясь на работе партийной организации, высказала следующее:

"Внимание! Я расскажу жуткие вещи, что у нас творятся! Я была на Урале, там 15 000 рабочих Кировского завода взбунтовались, бунт самый настоящий, потому что плохие условия. Об этом узнали райкомы и обком ВКП(б) только тогда, когда наехали во время бунта. Директор на заводе не был два месяца. После этого бунта он отпустил 2 млн рублей на благоустройство. Инвалидов Великой Отечественной войны кормят болтушкой. Они голодают. На заводах работает много детворы, детвору эксплуатируют, истощают, обрекают..."

[...] Продолжая далее, говорит: "Я была на Алтае, а там что делается, ужас. Обкомы, райкомы обжираются, жрут пайки рабочих, а рабочие голодают, ходят как тени, усталые, истощенные. Где же ленинское учение, где Сталинская конституция?"

Продолжая далее, она говорит: "Я была по Куйбышевской дороге. Покажу возмутительные дела, что делают генералы [...]. Входит в мягкий вагон генерал в сопровождении другого военного (вы ведь знаете, что мы, писатели, ездим в мягких вагонах), проверяя документы, видят молодую женщину и предлагают ей освободить место для генерала. Разве это терпимо? Рядом сидел раненый подполковник, освобождает место генералу. Где это видано, что это делается? [...] При этом при всем у нас много пишут похвалы. Вот куда надо смотреть, вот о чем надо писать нам, писателям".

Возмутительное и непартийное выступление Шагинян вместо осуждения находит поддержку у некоторой (небольшой) части коммунистов, которая ей аплодирует.

[...] Выступление т. Поликарпова*, показавшего недостатки в работе парторганизации и отдельных коммунистов, особенно в работе над собой, по изучению теории и истории большевистской партии и давшего оценку выступлению Шагинян как неправильному и непартийному, не нашло единодушной поддержки всей парторганизации. Некоторая часть коммунистов осталась при своем мнении, разделяя точку зрения Шагинян. О чем говорит выступление после т. Поликарпова коммуниста Родова, который говорит: "Выступление Шагинян является призывом к нам, писателям, как писать и о чем писать, а т. Поликарпов ее неправильно понял" [...].

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 310. Л. 29–30.

* Поликарпов Д.А. (1905–1965) – в 1944–1946 и 1954–1955 гг. оргсекретарь Союза советских писателей. Видимо, в то время, когда появился публикуемый документ, Поликарпов, согласно широко известному потом анекдоту, пожаловался Сталину на писателей, с которыми-де невозможно работать. На что тот якобы ответил: "Других писателей у меня, товарищ Поликарпов, для вас нет".

№ 7**Из совершенно секретного доклада министра
госбезопасности СССР В.С. Абакумова И.В. Сталину.
17 июля 1947 г.**

Докладываю о сложившейся в органах МГБ практике ведения следствия по делам о шпионах, диверсантах, террористах и участниках антисоветского подполья.

1. Перед арестом преступника предусматриваются мероприятия, обеспечивающие внезапность производства ареста, в целях:

- а) предупреждения побега или самоубийства;
- б) недопущения попытки поставить в известность сообщников;
- в) предотвращения уничтожения уликовых данных.

При аресте важного государственного преступника, когда необходимо скрыть его арест от окружающих или невозможно одновременно произвести арест его сообщников, чтобы не спугнуть их и не дать им возможности улизнуть от ответственности или уничтожить уликовые данные, производится секретный арест на улице или при каких-либо других специально придуманных обстоятельствах.

2. При аресте преступника изымаются:

- а) личные документы;
- б) переписка, фотоснимки, записи адресов и телефонов, по которым можно изучить круг и характер личных связей арестованного;
- в) множительные аппараты, средства тайнописи, пароли, шифры, коды, оружие, взрывчатые, отравляющие и ядовитые вещества;
- г) секретные и официальные документы, не подлежащие хранению на квартире;
- д) антисоветские листовки, платформы, книги, дневники, письма и другие документы, которые могут помочь в изобличении преступника.

Для захвата связей преступника в необходимых случаях на квартире арестованного как во время операции по аресту, так и после ее организуется чекистская засада, которая, находясь там, впускает в квартиру всех пришедших и в последующем оперативно их проверяет.

В ряде случаев аресты проводятся с участием оперативного работника, который вел разработку преступника до его ареста, и следователя, которому поручено вести следствие, с тем чтобы они, зная особенности дела, могли обнаружить во время обыска уликовые материалы для использования их в разоблачении преступника.

Во всех случаях совершения террористических актов и диверсий, появления антисоветских листовок, хищения и пропажи особо важных государственных секретных документов следователь и оперативные работники выезжают для личного осмотра и фотографирования места происшествия, обнаружения следов и доказательств преступления, выявляют всех очевидцев для их допроса и немедленно принимают меры к поимке преступников. Производятся секретные обыски, выемки и фотографирование документов, изобличающих арестованных в совершенных ими преступлениях. Такие мероприятия производятся, главным образом, в тех случаях, когда обстановка не позволяет произвести гласный обыск. Например, на квартире у иностранного разведчика, пользующегося правом экстерриториальности.

В необходимых случаях еще до ареста преступник секретно фотографируется со своими шпионскими и вражескими связями, с тем чтобы во время допроса этими документами изобличить его в практической преступной деятельности.

3. Следователь, принявший дело к производству, тщательно изучает все имеющиеся агентурные, следственные и иные материалы, послужившие основанием к аресту, а также вещественные доказательства, личные документы, переписку и другие предметы, изъятые при обыске, в целях использования всех этих данных в следствии. Специально проверяется одежда арестованных, а также изъятые у них при обыске подозрительные вещи с целью обнаружения тайников.

При аресте переброшенных на территорию СССР иностранными разведками шпионов, диверсантов и террористов изъятые у них документы и подозрительные записи проверяются в специальных лабораториях МГБ для обнаружения тайнописи, условных знаков, паролей, а также установления, не пропитаны ли документы отравляющими или ядовитыми веществами.

4. При допросе арестованного следователь стремится добиться получения от него правдивых и откровенных показаний, имея в виду не только установление вины самого арестованного, но и разоблачение всех его преступных связей, а также лиц, направлявших его преступную деятельность, и их вражеские замыслы. С этой целью следователь на первых допросах предлагает арестованному рассказать откровенно о всех совершенных преступлениях против советской власти и выдать все свои преступные связи, не предьявляя в течение некоторого времени, определяемого интересами следствия, имеющихся против него уликовых материалов. При этом следователь изучает характер арестованного, стараясь в одном случае расположить его к себе облегчением режима содержания в тюрьме, организацией продуктовых передач от родственников, разрешением чтения книг, удлинением прогулок и т.п.; в другом случае – усилить нажим на арестованного, предупреждая его о строгой ответственности за совершенное им преступление в случае непризнания вины; в третьем случае – применить метод убеждения, с использованием религиозных убеждений арестованного, семейных и личных привязанностей, самолюбия, тщеславия и т.д.

Когда арестованный не дает откровенных показаний и увертывается от прямых и правдивых ответов на поставленные вопросы, следователь, в целях нажима на арестованного, использует имеющиеся в распоряжении органов МГБ компрометирующие данные из прошлой жизни и деятельности арестованного, которые последний скрывает.

Иногда, для того чтобы перехитрить арестованного и создать у него впечатление, что органам МГБ все известно о нем, следователь напоминает арестованному отдельные интимные подробности из его личной жизни, пороки, которые он скрывает от окружающих, и др. [...].

7. В отношении арестованных, которые упорно сопротивляются требованиям следствия, ведут себя провокационно и всякими способами стараются затянуть следствие либо сбить его с правильного

пути, применяются строгие меры режима содержания под стражей. К этим мерам относятся:

а) перевод в тюрьму с более жестким режимом, где сокращены часы сна и ухудшено содержание арестованного в смысле питания и других бытовых нужд;

б) помещение в одиночную камеру;

в) лишение прогулок, продуктовых передач и права чтения книг;

г) водворение в карцер сроком до 20 суток.

Примечание. В карцере, кроме привинченного к полу табурета и койки без постельных принадлежностей, другого оборудования не имеется; койка для сна предоставляется на шесть часов в сутки; заключенным, содержащимся в карцере, выдается на сутки только 300 г хлеба и кипятка и один раз в три дня горячая пища; курение в карцере запрещено.

8. В отношении изобличенных следствием шпионов, диверсантов, террористов и других активных врагов советского народа, которые нагло отказываются выдать своих сообщников и не дают показаний о своей преступной деятельности, органы МГБ, в соответствии с указанием ЦК ВКП(б) от 10 января 1939 г., применяют меры физического воздействия [...].

Источник. 1994. № 6. С. 112–114.

№ 8

Из совершенно секретной информации об участии заместителя министра иностранных дел Белорусской ССР В.И. Формашева в инциденте, произошедшем в колхозе "Коммунизм" Минской области.

9 мая 1949 г.

[...] По сообщению МГБ БССР, Формашев Вячеслав Иванович, будучи заместителем министра иностранных дел БССР, в июне месяца 1947 г. провалил план мероприятий Совета Министров Белорусской ССР по посещению иностранными корреспондентами одного из колхозов Логойского района Белорусской ССР. Корреспондентам по этому плану должны были показать колхоз имени Сталина Логойского района Минской области, в котором были проведены соответствующие мероприятия по их встрече. Однако, вопреки этому плану, исполняющий обязанности заместителя министра иностранных дел БССР Формашев 25 июня 1947 г. повез иностранцев в другой и самый отсталый колхоз "Коммунизм" Логойского района. По приезде в колхоз "Коммунизм" корреспондентов встретил председатель колхоза Римша Антон, который по своему внешнему виду был грязный, оборванный и босиком. Римша пригласил всех приехавших в свою квартиру, находившуюся в крайне антисанитарном состоянии, вследствие чего иностранцы не желали остановиться в ней и сразу же вышли на улицу, где и происходила их беседа с председателем колхоза. На поставленные корреспондентами вопросы о материальном и бытовом положении колхозников

председатель колхоза Римша ответил, что колхозники в прошлом году на трудодень получили только по 180 г ржи и больше ничего и что население испытывает большие материальные затруднения. Вокруг иностранцев собралось большое количество колхозников, и некоторые из них выкрикивали, что они не имеют хлеба, варят и едят траву, что живут очень плохо и т.п. Перед отъездом иностранцев их обступила толпа колхозников, которые кричали и жаловались, что пухнут с голода, едят хлеб из травы, а одна колхозница подошла к корреспонденту газеты "Нью-Йорк трибюн" Нисману и показала ему лепешку, приготовленную из картошки с травой, заявив, что колхозники питаются таким хлебом. Таким образом, по существу, Формашевым сознательно была допущена провокационная вылазка отдельных антисоветски настроенных колхозников перед иностранцами с целью дискредитации колхозного строя.

Бюро ЦК КП(б) Белоруссии объявило Формашеву выговор со снятием с должности заместителя министра иностранных дел БССР [...].

Старший референт 2-го сектора отдела кадров
Комитета информации МИД СССР

В. Алексеев

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 409. Л. 138–139.

№ 9

***Из обращения молодежи г. Валуйки Курской области
в редакцию газеты "Комсомольская правда".
Июнь 1949 г.***

Дорогая редакция! От имени многих десятков учащейся и трудовой молодежи г. Валуйки решили обратиться к вам мы – ученики-студенты медшколы, педучилища, с[пециальной] ш[колы] № 1, школы комбайнеров и вечерней школы с просьбой о помощи, и притом о немедленной.

Вот уже вторую неделю, как не только мы, а и все граждане города не имеем хлеба. Ходим впроголодь, хоть [милостыню] проси. Выпекать хлеба в городе начали очень мало, в городе один магазин, у него собираются тысячи народу, достать хлеба невозможно, так как там душат один другого и привозят 200–250 буханок. Народ ругается бранными словами и на правительство, и на Сталина, что никак нет у нас жизни. Говорят, что война скоро будет, поэтому запас делают. На базаре ничего не купишь, все вздорожало в 20 раз, жуть, что делается, как в пекле мы живем. И вот у нас учат, что идем к зажиточной и культурной жизни, о том, что у нас забота о человеке, а на самом [деле] не разберешь – одни беспорядки да издевательства. Какое ученье на ум пойдет, если голодный. Сколько героев соц[иалистического] труда, какие урожаи снимают, а мы голодаем. Мы спросили, долго ли будет так, в РК ВЛКСМ, а секретарь РК Павлов говорит: "Я сам никак хлеба не достану, помогать надо Китаю, до нового урожая потерпеть надо". Мы так и не вынесем, на базаре 20 руб. буханка из-под полы.

Разве мы в силах купить? В чем дело, дорогая редакция, почему нет хлеба, неужели мы такие бедные? Старики говорят, что раньше никогда и не думали о хлебе, его было как навозу, почему сейчас, при колхозном строе, при хороших урожаях, и нет хлеба? Где причина? Объясните и помогите. Мы, комсомольцы, боеем душой и о народе, о своих отцах и матерях. Когда согласишься со стороны, что делается за хлебом, и думаешь, если бы тут был американец, сейчас бы, наверное, на весь мир по радио сообщил, что у нас нет хуже в мире. Местные власти не обращают никакого внимания. Нет заботы о народе, люди на глазах мучаются, голодают, а они холодком смотрят на это.

Дорогая редакция! Вы имеете силу. Помогите народу и молодежи. Неужели мы не достойны заботы? Через министерство добейтесь, чтоб г. Валуйки имел хлеб. Народ у нас мучается. Мы, молодежь, форменным образом голодаем. Учеба на ум не идет, а тут экзамены. Просто какое-то вредительство. Просим вас [...] похлопочите, чтобы Валуйки снабдили хлебом. Ибо районные и областные власти не внемлют обращению. Жуть, что делается. Ребята деревенские привозят из дому хлеб, сманивают девушек, те им отдаются, теряя свою честность. В педучилище ученик Сергеев двух девушек использовал за хлеб, об этом знают немногие, вот что делается в захолустном городке Валуйки. Дорогая редакция, убедительно просим вас принять самые срочные меры. Будем очень вам благодарны. А ведь мы просим то, что в социалистическом обществе должно быть в избытке. Помогите нам в хлебе. Дайте нам хлеба. Ждем вашей чуткой помощи [...].

Аглоткова, Андреева и др.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 435. Л. 40–41.

№ 10

***Совершенно секретное письмо
В.С. Абакумова Г.М. Маленкову.
26 августа 1949 г.***

В МГБ СССР поступили данные о том, что Переселенческое управление при Совете Министров РСФСР 7 декабря 1948 г. направило в переселенческие отделы при краевых и областных исполкомах Советов депутатов трудящихся директиву за № 366с, имеющую своей целью усиление работы по розыску за границей и репатриации в СССР советских граждан. В этой директиве предлагалось через советский и колхозный актив выявить в городах и сельских местностях лиц, которым известны адреса своих родственников и знакомых, до сих пор не возвратившихся в Советский Союз, с тем чтобы получить от этих лиц письма за границу с призывом о возвращении на родину. Кроме того, предлагалось получить письма за границу от репатриантов, прибывших на территорию края-области. В дополнение к этим указаниям Переселенческое управление 27 апреля т.г. за № 26с и

открытой телеграммой № 160 потребовало от переселенческих отделов усиления работы по выполнению своей директивы № 366с, вновь обязывая организовать получение от каждого лица, возвратившегося в Советский Союз, не менее двух писем к родственникам и знакомым за границу. По имеющимся данным, переселенческий отдел Ставропольского крайисполкома, в свою очередь, разослал аналогичные указания райисполкомам.

МГБ СССР считает, что подобная организация переписки с находящимися за границей советскими гражданами, носящая массовый характер, может способствовать шпионским элементам в установлении связи с заграницей.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 536. Л. 149–150.

№ 11

***Из анонимного письма бывшего военнопленного
И.В. Сталину.
12 января 1950 г.***

Иосиф Виссарионович! Прошу уделить внимание данному письму, которое дает справедливый очерк жизни граждан СССР, бывших в плену в Германии. Ураган войны, пронесшийся по нашей территории, оставил после себя много до сих пор не исчезнувших следов. Одни остались калеками, другие – сиротами, многие лишились крова, а те, которые побывали в плену, количество которых [...] исчисляется миллионами, остались навек изуродованными в своих правах. [...] Бывший военнопленный не может наравне с другими жить общественной жизнью [...]. Бывший военнопленный не может поступить на производство, связанное с военной отраслью [...], не может вступить в партию [...], всюду преследуется органами контрразведки и в большинстве случаев [...] заканчивает свою карьеру заключением. [...] При опросах контрразведки часто проявляются грубости, оскорбления, связанные с упреками: "не хотели воевать", "продались" и т.д. Но убедившись в честности некоторых товарищей, их призывают на работу в контрразведку с подписанием текста о неразглашении тайны [...]. В чем же заключается работа? [...] Дается задание узнать все о бывшем военнопленном и доложить все оперуполномоченному. На это дается задание и устанавливается срок.

К чему все это дело привело (я говорю про военнопленных, большинство которых после освобождения попали в строительные батальоны)? [...] В одном батальоне таких тайных поверенных насчитывается до 20–30 человек. [...] При получении [...] задания дают работать с тем лицом, а я прекрасно знаю, что это лицо работает надо мной, потому что между собой уже знаем друг друга, и что мы является ушами контрразведки. Сказать об этом уполномоченному мы не можем, так как за разглашение тайны будем судимы вне суда. И поэтому договариваемся друг с другом: ты говори обо мне то, а я о тебе скажу это. И так мы оба оправданы. [...] Такой метод очень не-

справедлив. Часто бывает по злобе вызывают товарища на антисоветский разговор, а затем этот разговор докладывается оперуполномоченному, и человеку [...] приписывают политику и судят.

В [...] честности моей можете убедиться наведением справок, сколько судимо солдат по военно-строительным батальонам в гг. Каунасе, Калининграде, Советске, Риге и др. [...] Чем все эти заключения вызваны? В большинстве случаев этими тайными работниками и тем душевным давлением, проистекающим из-за напоминания контрразведки о том, что ты пленный или репатриированный. Человек становится безразличным ко всему, ему все равно, за что быть судимым, лишь бы быстрее дело развязалось. Временами становится трудно жить.

Неужели нельзя дать права бывшим военнопленным наравне со всеми гражданами СССР? Кто виновен в таком большом количестве пленных? [...] С сожалением, но приходится сказать, Иосиф Виссарионович, большинство пленных недовольны своей судьбой.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 727. Л. 92–95.

№ 12

Из письма О.М. Коломоец (Горобец)

в редакцию газеты "Известия".

Июль 1990 г.

Уважаемая редакция! Обращаюсь к вам с большой просьбой и душевной болью. Очень прошу не отклонять письмо и дать мне ответ, являюсь ли я ветераном войны и могу ли пользоваться льготами или нет.

Я, Коломоец Ольга Михайловна, родилась в с. Оректополь Покровского района Днепропетровской области. В 1941 г., когда началась война, мне было неполных 12 лет. Отца забрали на фронт. Брат проходил срочную службу и тоже попал на фронт. Мама осталась с тремя детьми. В начале октября 1941 г. в наше село пришли немецкие войска. Те, кто предал свой народ и работал на оккупантов, все время запугивали мою маму тем, что у нее сын и муж воюют против власти. Немцы гоняли нас на всякие работы, особенно зимой – расчищать дороги. В 1942 г. старших детей, в том числе и мою сестру, угнали в Германию. Это было страшное зрелище. Крик, слезы, обмороки. Мама моя после этого очень заболела, и мы с младшей сестрой жили, как могли. В октябре 1943 г. Советская Армия нас освободила. Это была несказанная радость. Но позже оказалось, что особенно радоваться было нечему. Мои мучения только начинались. Меня и таких, как я, детей poslali в госпиталь в Покровский район. Там я работала няней. Может, и неприятно это вам читать, но верьте – все это было. Я таскала червей из-под гипса, клопов, выносила утки. Я смотрела на человеческие мучения и страдания. Видела, как умирали от ран и вешались сами. Потом госпиталь уехал, нас отправили домой. Дома с нами тоже

не нянчились. Мы делали все. Наши руки заменяли мужчин. И наши же руки – это были главные машины и механизмы в колхозе.

В 1944 г. мы получили извещение о смерти отца. После этого мы стали совсем беззащитные, никому ненужные. За что воевал мой отец, я не знаю. После извещения о смерти отца пришла еще одна повестка из военкомата. Мне, как военнообязанной, предписывалось явиться в военкомат, пройти медкомиссию, и выезд назначен на 2 октября 1944 г. Нас привезли в Кривой Рог, в управление им. Ильича, определили в школу ФЗО № 39. Вот здесь я увидела самый настоящий концлагерь. Нас было 120 человек. Мы были голодные, раздетые. Военрук выстраивал босых, искал самую большую лужу и грязь и гонял нас там, заставляя ложиться и вставать. При этом он кричал: "Запевай «Идет война народная»".

Нас поднимали в 6 утра, и процедура военного обучения длилась до 8.00. Потом строем нас вели на шахту. Шахты были разрушены, затоплены. Но, несмотря ни на что, мы там работали. Мы не знали страха. Нам всем хотелось умереть. Мы не могли так жить. А ведь нам было по 13–15 лет. После работы снова обучали военному делу.

Провинившимся давали 3–5 суток карцера. Были такие дети, которые не выдерживали этого ада. Ели смолу, мыло, лишь бы заболеть. А два парня сбежали, но их возвратили, и перед нами, испуганными детьми, сделали показательный суд. Судил их военный трибунал. Им дали по пять лет штрафбата. А им всего по 14 лет было. Так я их дальнейшую судьбу и не знаю. Пробыли мы в этом "концлагере" восемь месяцев – с 2 октября 1944 г. по 20 мая 1945 г. Когда окончилась война, нас распределили по шахтам и сказали, что мы, как военнообязанные, должны отработать по четыре года. Шахта – это тот самый фронт. Так что, для кого война окончилась, а для меня она продолжалась еще восемь лет. Особенно были страшные четыре первых года. Шахты, я уже говорила, затоплены, разрушены. Никакой техники безопасности. Я работала вместе с теми, кто остался по брони, и с теми, кто провинился. Специальность тогда не имела значения, работали на всех местах – от бурщика до откатчика. Электроэнергию отключали через каждый час. Нас под землей топило, дважды меня засыпало в забоях. При мне убило семь человек. Конечно, не описать всего страха и страдания в эти годы.

Все, кто пришел с войны, уже жили со своими семьями. Все дети, чьи отцы поприходили с фронта, уехали домой. Отцы дали им вызов. Потому что уйти из шахты мы могли только по особому вызову. А я и мама страдали при немцах, страдали и при наших, потому что у нас не было никакой защиты.

Итак, вместо четырех лет я проработала в шахте восемь лет. Мне не дали уволиться. Не было кому работать в этом аду. Никто не хотел идти под землю.

Хотя и было невероятно трудно работать, но я была одной из передовых работников по управлению. Я была стажановка, награждена медалью "Победитель соцсоревнования" (по управлению награждено было всего трое человек). Тогда такие награды значили много. Взята на персональный учет по Министерству черной металлургии за подписью тогдашнего министра черной металлургии т. Тевосяна. Много было грамот,

поощрений. Я работала, не жалея своих сил, не обращая внимания на свое здоровье.

Тогда же я вышла замуж за парня, работающего на шахте по брони. В 1952 г. у меня родился сын, и я уволилась с шахты. А в 1956 г. меня постигло новое несчастье – муж попал под поезд. Ему ампутировали ноги, и остался он калекой. Пришлось носить его на плечах. 27 лет я прожила с ним после того, как он стал инвалидом. Все эти годы я работала в зависимости от его здоровья. Часто увольнялась, так как надо было ухаживать за больным мужем. Перед тем как он умер, я два года не работала по той же причине.

Сейчас я на пенсии, но я не ветеран войны и не ветеран труда. Оказывается, я ничего не сделала для своей страны. А то, что я страдала с самого детства, отдала все силы и здоровье для работы, – это не считается. Не считается и то, что сейчас у меня отнимаются руки и ноги. При своем здоровье я вынуждена выстаивать в очередях за продуктами, смотреть на эту злобу и ненависть людей друг к другу.

Все, у кого есть военная книжка, идут с гордо поднятой головой. Но если по справедливости, я же призвана военкоматом и, наверное, не меньше смотрела смерти в глаза, чем ветераны войны, а может, и больше некоторых. Причем в такие молодые годы.

Что меня побудило к вам обратиться? На днях я слушала местное радио. Называли наше управление им. Ильича. И говорили о самоотверженном труде шахтеров в послевоенное время. Назвали две фамилии – одного парня с нашего управления и мою (девичья фамилия моя – Горобец).

В этом письме десятая доля моих мучений и страданий. Очень прошу ответить мне. Если вы не сможете дать положительный ответ, то посоветуйте, куда мне обратиться. Заранее вам благодарна.

Известия. 1990. 7 июля.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЖИЗНЬ И БОРЬБА ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

№ 1

Из книги И. Солоневича "Россия в концлагере"

На рассвете, перед уходом заключенных на работы, и вечером, во время обеда, перед нашими палатками маячили десятки оборванных крестьянских ребятишек, выпрашивавших всякие съедобные отбросы. Странно было смотреть на этих детей "вольного населения", более нищего, чем даже мы, каторжники, ибо свои полтора фунта хлеба мы получали каждый день, а крестьяне и этих полтора фунтов не имели.

Нашим продовольствием заведовал Юра. Он ходил за хлебом и за обедом. Он же играл роль распределителя лагерных объедков среди детворы. У нас была огромная, литров на десять, алюминиевая кастрюля, которая была участницей уже двух наших попыток побега, а впоследствии участвовала и в третьей. В эту кастрюлю Юра собирал то, что оставалось от лагерных щей во всей нашей палатке. Щи эти обычно варились из гнилой капусты и селедочных головок, – я так и не узнал, куда девались селедки от этих головок... Немногие из лагерников отваживались есть эти щи, и они попадали детям. Впрочем, многие из лагерников урывали кое-что из своего хлебного пайка.

Я не помню, почему именно все это так вышло. Кажется, Юра дня два-три подряд вовсе не выходил из УРЧ (учетно-распределительная часть. – Г.И.), я – тоже, наши соседи по привычке сливали свои объедки в нашу кастрюлю. Когда однажды я вырвался из УРЧ, чтобы пройтись хотя бы за обедом, я обнаружил, что моя кастрюля, стоявшая под нарами, была полна до краев, и содержимое ее превратилось в глыбу сплошного льда. Я решил занести кастрюлю на кухню, поставить ее на плиту и, когда лед слегка оттает, выкинуть всю эту глыбу вон и в пустую кастрюлю получить свою порцию каши.

Я взял кастрюлю и вышел из палатки. Была почти уже ночь... Пронзительный морозный ветер выл в телеграфных проводах и засыпал глаза снежной пылью. У палаток не было никого. Стайки детей, которые в обеденную пору шныряли здесь, уже разошлись. Вдруг какая-то неясная фигурка метнулась ко мне из-за сугроба и хриплый, застуженный детский голосок пропищал:

– Дяденька, дяденька, может, что осталось, дяденька, дай!..

Это была девочка, лет, вероятно, одиннадцати. Ее глаза под спутанными космами волос блестели голодным блеском. А голосок автоматически, привычно, без всякого выражения, продолжал скулить:

– Дяденька, да-а-а-ай!

– А тут только лед.

– От щей, дяденька?

– От щей.

– Ничего, дяденька, ты только дай... Я его сейчас, ей-богу, сейчас... Отогрею... Он сейчас вытряхнется... Ты только дай!

В голосе девочки была суетливость, жадность и боязнь отказа. Я соображал как-то очень туго и стоял в нерешительности. Девочка почти вырвала кастрюлю из моих рук... Потом она распахнула рваный зипунишко, под которым не было ничего – только торчали голые острые ребра, прижала кастрюлю к своему голому тельцу, словно своего ребенка, запахнула зипунишко и села на снег.

Я находился в состоянии такой отупелости, что даже не попытался найти объяснения тому, что эта девочка собиралась делать. Только мелькнула ассоциация о ребенке, о материнском инстинкте, который каким-то чудом живет еще в этом иссохшем тельце... Я пошел в палатку отыскивать другую посуду для каши своей засушенной.

В жизни каждого человека бывают минуты великого унижения. Такую минуту пережил я, когда, ползая под нарами в поисках какой-нибудь посуды, я сообразил, что эта девочка собирается теплом изголодавшегося своего тела растопить эту полупудовую глыбу замерзшей, отвратительной, свиной, но все же пищи. И что во всем этом скелетике тепла не хватит и на четверть этой глыбы.

Я очень больно ударился головой о какую-то перекладину под нарами и, почти оглушенный от удара, отвращения и ярости, выбежал из палатки. Девочка все еще сидела на том же месте, и ее нижняя челюсть дрожала мелкой, частой дрожью.

– Дяденька, не отбирай! – завизжала она.

Я схватил ее вместе с кастрюлей и потащил в палатку. В голове мелькали какие-то сумасшедшие мысли. Я что-то, помню, говорил, но думаю, что и мои слова пахли сумасшедшим домом. Девочка вырвалась в истерии у меня из рук и бросилась к выходу из палатки. Я поймал ее и посадил на нары. Лихорадочно, дрожащими руками я стал шарить на полках, под нарами. Нашел чьи-то объедки, полпайка Юрино хлеба и что-то еще. Девочка не ожидала, чтобы я протянул ей их. Она судорожно схватила огрызок хлеба и стала запихивать себе в рот. По ее грязному личику катились слезы еще не остывшего испуга.

Я стоял перед нею пришибленный и растерянный, полный великого отвращения ко всему в мире, в том числе и к себе самому. Как это мы, взрослые люди России, тридцать миллионов взрослых мужчин, могли допустить до этого детей нашей страны? Как это мы не додрались до конца? Мы, русские интеллигенты, зная ведь, чем была "Великая французская революция", могли бы себе представить, чем будет столь же великая революция у нас!.. Как это мы не додрались? Как это все мы, все поголовно, не взялись за винтовки? В какой-то очень короткий миг вся проблема Гражданской войны и революции осветилась с беспощадной яркостью. Что помещики? Что капиталисты? Что профессора? Помещики – в Лондоне, капиталисты – в Наркомторге, профессора – в академии. Без вилл и автомобилей, но живут... А вот все эти безымянные мальчишки и девочки?.. О них мы должны были помнить прежде всего, ибо они будущее нашей страны... А вот – не вспомнили... И вот на костях этого маленького скелетика – миллионов таких скелетиков – будет строиться социалистический рай. Вспоминался карамазовский вопрос о билете в жизнь... Нет,

ежели бы им и удалось построить этот рай – на этих скелетиках, – я такого рая не хочу. Вспомнилась и фотография Ленина в позе Христа, окруженного детьми: "Не мешайте детям приходиться ко мне..." Какая подлость. Какая лицемерная подлость!..

Много вещей видал я на советских просторах – вещей намного хуже этой девочки с кастрюлей льда. И многое как-то уже забывается. А девочка не забудется никогда. Она для меня стала каким-то символом – символом того, что сделалось с Россией.

Солоневич И. Россия в концлагере. М., 1999. С. 183–185.

№ 2

Из писем заключенного А.Ф. Лосева жене – В.М. Лосевой. Март 1932 г. – сентябрь 1933 г.

7 марта 1932 г. [...] Как только начну подыскивать образ, который бы наиболее точно выразил мое существование, всегда возникает образ "дрожащей твари", какой-нибудь избитой и голодной собачонки, которую выгнали в ночную тьму на мороз. Скажи, родная, можно ли оставаться нормальным человеком и сохранить ясную и безмятежную улыбку, когда вокруг себя постоянно и неизменно слышишь самую отвратительную ругань, когда эта сплошная и дикая матерщина доводит иной раз почти до истерики! Я понимаю, что по той или иной "необходимости" можно пробыть день-два, ну пусть месяц-два среди преступного мира, в бараках и палатках, где люди набиты, как сельди. Но если это длится два года, да еще с перерывом тоже нескольких лет, то я уж не знаю, что это за "необходимость" и кому она нужна; и, главное, не знаю, во что превращусь я, всю жизнь уединявшийся и избиравший самое изысканное общество. Ты пишешь, что в Бутырках ты была с 40 человеками в одной камере в течение нескольких месяцев. А я, родная, до сих пор нахожусь в таком положении, что многие с сожалением вспоминают Бутырки, так как набиты мы (в мокрых и холодных палатках) настолько, что если ночью поворачивается с боку на бок кто-нибудь один, то с ним должны поворачиваться еще человека 4–5 [...].

27 июня 1932 г. [...] Я все еще продолжаю жить на пересыльном пункте, что указывает на то, что я вишу в воздухе и каждый день возможно перемещение – неизвестно куда. Засадили меня в отделение перебирать, приводить в порядок и подшивать целый шкаф бумаг. Работа изнурительная и непосильная для глаз. Приходится по 10–12 часов в день разбирать при плохом освещении еле-еле видные, плохо написанные карандашом бумаги, сформулировать их содержание и записать в книгу, а потом подшивать к делам. Деться некуда – пришлось согласиться. Иначе тянут на общие работы – грузить баржи. Тут, на пересыльном пункте, ничего не признают. Помолись, чтобы я не ослеп. Целую зиму держали сторожем на морозе, а летом, когда сторожество только приятно, засадили в душную комнату тратить последние остатки зрения [...].

17 сентября 1933 г. [...] Что мне сказать о своем житье? Ты его знаешь: холод, тьма, тоска неопределенности и кошмарический дождь. Читать трудновато, так как правый глаз все в том же положении, да и негде читать. Сегодня, кажется из Повенца, привозят отправленные туда ящики с имуществом и через два дня обещают дать комнату в новом доме, который перенесли из Пазвиц и почти уже сложили. Относительно переезда в Дмитров никакого ответа из Москвы не поступает. Да, можно считать установленным, что меня туда не возьмут как по заменимости "специальности", так, главное, и потому, что всем известно о моем желании уйти и приближающемся отчислении. Чудом надо считать, что сейчас, ввиду развала "Монографии" (речь идет о работе над монографией по истории строительства Беломорско-Балтийского канала. – Г.И.), несколько дней нет работы всем, а то я со своими глазами пропал бы. Хотя ты и думаешь впредь не пускать меня на службу, но это твое решение несколько запоздало: пускай, не пускай, но правым глазом я читать уже не могу. Остается, правда, еще левый [...]. Но, надеюсь, и он не заставит себя долго ждать. Интересно твое объяснение болезни моих глаз – простудой и нервами. Это все равно, как Соколовы объясняли болезнь твоего сердца – желудком и даже что-то рекомендовали пить от желудка [...].

19 сентября 1933 г. [...] Ввиду холода и сырости пришлось-таки переехать к хозяйке в комнату Влад. Макс., который отчислился и уехал. Жилое помещение, относительная чистота, возможность не колотить голову о потолок, даже присутствие живья действуют на меня благотворно, и уж не верится, что можно жить не в хлеву. Чувствуется, однако, насколько я одичал за это время и насколько физически опустился. Не хочется ни постель стелить, ни мешок развязывать, ни чистить забрызганное грязью пальто, ни идти в баню. Все думается: все равно умирать на этой навозной куче! Беспокоит меня младшая девочка: встает часов в 6–7 утра и сплошь, без всякой остановки, журчит до 8 вечера, когда уже ложится. Отвык и от детей, и от людей, и от вещей. Один только у меня тут неизменный и вечно благодушный, закадычный приятель, это – Рыжий. Только с ним и не скучно. Одна ведь приблизительно и жизнь, и судьба. Только он переносит свою собачью долю с благодушием и миром, а я все еще никак не привыкну к собачьему режиму, хотя уже и не сравнить меня с тем, что я был четыре года назад! Ко всему можно привыкнуть [...].

Наше наследие. 1989. № 5. С. 86, 90–92.

№ 3

Из книги В. Дворжецкого "Пути больших этапов. Записки актера"

Конец зимы 1931 г. 7-й рабпункт Пинежского участка УСЛОНа ОГПУ. Это строительство железной дороги Пинега – Сыктывкар. Концлагерь. Лес, зона, ограда из колючей проволоки, вышки-будки на ограде. Внутри десять бараков. В самой середине еще один

барак, окруженный колючей оградой с двумя вышками, – это штрафной изолятор.

В лагере нормальные "работяги", з/к. В изоляторе – штрафники. Их немного – сотни три. Они не работают. Они ждут... Одни ждут "вышку" уже после решения "тройки", другие ждут "тройку" после неудачного побега. Разные тут – за убийство, за "разговоры", за "организацию", за отказ от работы, за сектантское неповиновение. Этим хуже всех. Над ними и тут издеваются [...].

Однажды утром загремел засов – барахло принесли.

– Одевайтесь, 10 человек на работу!

Хорошо! Лишняя прогулка!

– Выходи за зону!

Еще лучше: прогулка дольше! Построились, вышли за вахту. Конвоя тоже десять человек с винтовками. Переключка.

– Разберись по два! Следовай!

Погода – чудо! Оттепель, солнце, небо синее! Пахнет весной! Идем. По пять конвоиров по сторонам. Идем. Куда? В полукилометре впереди лес. Сзади лагерь. Вокруг открытое пространство... снег, светло. Как хорошо-то, Господи!

А это что? Чернеют пни?.. Нет, это люди! Голые. Мертвые... мерзлые люди... везде... вокруг... самые невероятные позы, из-под снега торчат колени, руки, ноги, головы... спины.

Пошли дальше по снежной целине... все гуще трупов под снегом, под ногами... друг на друге...

– Стой!

Яма глубокая, снегом засыпанная... длинная яма – ров.

– Слушай команду: все собрать, снести в захоронение!

Гробовая тишина. Никто не шевельнулся.

– А ну, давай! – щелкнули затворы. – Управитесь к обеду – каждому двойную пайку! И премиальные!..

Управились к вечеру. Сровняли яму... Оставили так... Растает, потом засыпят... Другим штрафникам работа будет...

Вернулись в камеру. По кило хлеба получили и пирожок с капустой.

А руки немытые... Впереди ночь страшная... и руки немытые...

В эту ночь и клопы замерли... не жрали... клопы. Уснуть... уснуть! Где уж тут... "Захоронение"... Как таскали их, скрюченных, голых, за ноги, за руки, волоком, как сталкивали в яму ту... а они целляются, они не хотят... они видят! Глаза-то, глаза встречаются, как *живые!*... Вот они, глаза!.. Вот они, скелеты, обтянутые кожей... Люди. Бывшие люди!!! Почему? Откуда? Ну, стреляли на просеке штрафников. Все знали об этом. Один, два, пять! Но эти-то откуда? Сотни! Много! Откуда?

В лагере десять тысяч. Кроме штрафного изолятора в зоне еще два барака "нерабочие". Это изолятор сифилитиков и прокаженных и барак санчасти. Из изолятора вывозили и сжигали, это тоже всем было известно, а вот санчасть – настоящая мясорубка! Всех "доходяг" – туда. Кто на разводе падает от истощения – туда, кто на поверку не поднимается с нар – туда. Там, в санчасти, вповалку народу, битком. Там хозяйничают сильные, здоровые уголовники-санитары и "леком" – царь и Бог. Идет по проходу между валяющимися "доходягами" леком в сопровождении свиты сани-

таров и мелом отмечает, кого в "расход". Санитары потом тащат "отмеченных" в мертвецкую.

– Я еще живой!

– Лекпом лучше знает.

Вот они откуда – эти сотни! Их отвозили в яму, а они распознались! Вот они, сотни, тысячи скрюченных, черных бывших человек – "лагерная пыль"... Не уснуть!.. Все равно не уснуть... долго не уснуть...

*Дворжецкий В. Пути больших этапов.
Записки актера. М.; Н.-Новгород, 1994. С. 41–45.*

№ 4

Из книги В.А. Шенталинского "Рабы свободы. В литературных архивах КГБ"

Есть еще один разряд рукописей, которые в прямом смысле литературой не назовешь. Ценность и сила их – в обнаженной достоверности, в красноречивости самого факта.

Простая школьная тетрадка. И в ней – без запятых, с ошибками, большими неровными буквами:

"Москва Союз писателей Материал требует обработки

Прошу вас извинить за почерк и знаки препинания у меня каторак да и болезнь двойной инсульт меня два раза парализовало. Вот уже восемь лет как парализован на почве нервной системы. Вы спросите откуда нервы пишу вам по порядку..."

Иван Васильевич Окунев из села Красное Липецкой области рассказывает о своей судьбе. О том, как в 1938 г., двадцатилетним парнем, был арестован и отправлен в колымские лагеря только за то, что у него оказался просроченный паспорт, в каких страшных условиях работал там и жил, вернее, пытался выжить.

"Привезли нас на Колыму. Вместо обуви нам дали два рукава от списанных бушлатов и одну пару рукавиц и все это на два года. Работали в забоях на золотых приисках и рукава в забое по щебню быстро рвались выскакивала вата и голые пальцы отмерзали. И вот в декабре на наряде начальник лагеря Кулиев объявил у кого какая будет просьба говорите пока не ушли на работу.

И вот мы двое стали просить рукава. А двое трясут над головой рваными рукавицами. Нам четверым велели выйти из строя а остальным скомандовали на работу. Нас повели в изолятор. Кулиев вызвал пожарников ударом в рельсу. Слышим и видим в щели между досок как они прибежали с пожарным рукавом. Заработал движок и направили на нас. Мы бежим из угла в угол но он направлял на нас. Мы кричали звали папу и маму ругая их всякими словами. А в этот день было пятьдесят градусов, утром поломалась рама автомашины от мороза.

И так поливали полчаса потом заглох движок. А часа через четыре пришел Кулиев и стал говорить чтоб мы шли в барак но мы

все смерзлись и не могли тронуться с места. Тогда он позвал пожарного который пришел с маленьким топориком и стал обрубать нас друг от друга. Я стоял сзади и меня вырубали первого подтащили к двери. И закричали марш в барак! Но у меня ватные брюки смерзлись и я сказал что не могу. Я помогу! Ударом ноги в спину я вылетел на улицу ударился лицом об стезжку которую протоптали разбил губу во рту оказались два зуба и стало солоно от крови.

Подбежали два пожарника и ногами покатали по направлению к бараку до барака было метров двадцать пять. Но когда подкатали я превратился в снежную бабу на мокрую одежду налип и замерз снег. Тогда поставили к бараку спиной и прикладами стали обивать снег да так что костям больно. Я упал. Тогда за ноги через порог потащили в барак а сзади катят остальных. Слезы причитания и ругань бойцов. Я лег на нижние нары против печки. Проснулся ночью болела голова колело в груди температура большая.

Утром дневальный объявил подъем. Я стал будить мокрых участников но двое были мертвы. Меня отвели в санчасть. Врач спросил фамилию имя и отчество он сказал что мы с тобой тезки. Тогда он спросил откуда рождением. Я сказал с Москвы он как бы обрадовался и говорит а мы земляки. Он сказал что был главврачем Кремля. А за что вас посадили? Обвинили в смерти Максима Горького. Это все что я запомнил но фамилию я не спросил.

В течение месяца он меня вылечил. Было воспаление легкого. Четвертый из нас умер в санчасти а я остался живым. Иван Васильевич ко мне относился хорошо я выздоровел. Тогда он сказал что оставляет меня. Спрашивает что я боюсь мертвых? Я сказал боюсь только живых. Тогда я тебе дам работу. В двух километрах от лагеря находился морг. И мне надо было ночью топить печь в морге оттаивать трупы а утром приходили два врача натомировали.

И вот каждый вечер на лошади привозили 18 трупов это ежедневно и вот я на три стены ставил по 6 трупов. Они мерзлые прислонись к стене и они стоят пока оттают. В помещении темно. Печка бочка из-под горячего дрова смоляные горят жарко бока у печки красные. Подброшу дрова сам хожу разговариваю с ними чей откуда женат или нет? А вот молодой небось не успел жениться? У тебя осталась девушка небось ждет? Но моя вышла замуж это точно такие красивые долго не сидят. Как твою звать? А моя Тоня Чубарова и щас о ней думаю. Красавица.

И оттаивал морг до 1945 г.

Но вот закончилась война про которую мы не знали. Почта не ходила но однажды повесили ложный ящик много писали жалоб но после вызывали корреспондентов и избивали до потери сознания...

Невдалеке от нашего лагеря была сопка звали ее Рыжая на ней стоял трактор. Туда привозили из других приисков на машинах накрытых брезентом они кричали до свидания ехали мимо нашего лагеря.

Там к готовым траншеям ставили людей заводили трактор и из пулемета расстреливали...

Это я надумал написать чтоб знали что такое Колыма а подумую умру и не будут знать где хоронили репрессированных. Это тысячи.

Может кто из писателей перепишет. Но извините за почерк я парализован дважды и сейчас пишу а плечи дрожат. И плачу вспоминается что пережил. Я б назвал Хождение по мукам. Перепишите! Пусть молодежь знает а главное пусть чтут память. Теперь я умру спокойно. Рассказал почти все..."

Первое чувство после прочтения: все! Хватит! После этого уже нечего читать о тюрьмах и лагерях! Больше уже никто не скажет, после этого безыскусного – не рассказа, нет – выдоха, слова-выдоха никому не известного человека из народа.

И сразу же вслед: а сколько еще таких, канувших в бездну. Миллионы Божьих Искр, вспыхнувших и погасших от взмаха державной десницы. И каждая вмещала в себе – мир...

Нет, надо читать и надо писать об э т о м! В двадцатом веке наш народ пережил, может быть, самый страшный опыт во всей Истории. За что он был? Для чего? Кому повем печаль свою?.. Но ясно: это должно навсегда запечатлеться на скрижалях истории, прочнее, чем клинопись древнего Вавилона и Урарту.

Шенталинский В.А. Рабы свободы.

В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 181–183.

№ 5

Докладная записка заместителя наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышова Л.П. Берии. 20 мая 1945 г.

НКВД СССР получено на заключение письмо секретаря ЦК КП(б)У т. Хрущева и проект указа Президиума Верховного Совета Союза ССР "О применении каторжных работ в качестве меры наказания".

Тов. Хрущев в своем письме пишет, что есть такие случаи в судебной практике, когда лишение свободы на 10 лет является слишком мягким наказанием, и суды в этих случаях вынуждены применять расстрел, не имея в своем распоряжении иного, более сурового наказания, чем 10 лет лишения свободы.

В связи с этим т. Хрущев предлагает почти по всем статьям Уголовного кодекса, предусматривающим, в виде предельной санкции, высшую меру наказания, дополнительно ввести осуждение к каторжным работам на срок от 15 до 20 лет.

Эта мера наказания т. Хрущевым мотивируется также желанием сохранить физически здоровых людей для использования на работах в отдаленных и особо тяжелых местностях Советского Союза.

Докладываю наши соображения:

1. Каторжные работы как специальная мера наказания введены указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 г. за преступления, совершенные в военное время, применяются к лицам – пособникам врагу в расправах и насилиях над гражданским населением и пленными красноармейцами.

За все время применения данного указа осуждено к каторжным работам немного больше 29 000 человек.

Широкое распространение новой тяжелой санкции наказания в виде каторжных работ к концу победоносной войны вряд ли явится целесообразным. Тем более что фактическое применение высшей меры наказания за последние годы было очень незначительным и в случаях действительно крайней нужды.

2. Опыт присуждения к каторжным работам, проводившийся до настоящего времени, показывает, что большое количество осужденных каторжников являются нетрудоспособными (из 29 000 человек почти 10 000 нетрудоспособных) и не могут быть привлечены ни к каким работам, а тем более к каторжным. В целях реальности наказания пришлось бы в законе "О введении каторжных работ" делать оговорку о применении этой санкции только к физически здоровым людям, что осложнило бы на практике работу судов, а закон сделало бы менее устойчивым.

3. Применение труда каторжников в условиях лагерей НКВД СССР является сложным, так как из одних каторжников, как правило, укомплектовать производственный лагерь невозможно и приходится добавлять специалистов из вольнонаемных или осужденных к другим мерам наказания.

Опыт работы с каторжниками в Воркутинском угольном лагере показывает, что осужденные к каторжным работам на 15–20 лет, в условиях специального режима для каторжников, теряют перспективу выдержать до конца срока – 15–20 лет – режим и условия каторжных работ. Отсюда моральная подавленность и полное отсутствие стимула для труда, а в результате труд каторжников значительно менее эффективен, чем труд обычных лагерников, при этом потеря трудоспособности через 5–6 лет почти обязательна.

Исходя из вышеизложенного, считал бы целесообразным предложение т. Хрущева не принимать.

Цит. по: ГУЛАГ (Главное управление лагерей).
1918–1960. М., 2000. С.132–133.

№ 6

Заявление Генеральному прокурору СССР

Р.А. Руденко

от политзаключенных

В.К. Павленкова и Г.В. Гавилова.

20 ноября 1972 г.

В марте с.г. на Ваше имя было направлено заявление, под которым подписались семь политзаключенных ИТК-385/17, в том числе и мы, ныне находящиеся в ИТК 389/35. В заявлении выражался протест против антигуманных порядков в исправительно-трудовых учреждениях МВД СССР, которые превращают здоровых людей в больных, а последних могут привести к преждевременной смерти.

Мы протестовали против грубой и недоброкачественной пищи, против отсутствия для больных заключенных специального, соответствующего требованиям диетологии, питания, против запрещения получать в необходимом количестве продукты питания и медикаменты из дома (особенно больным людям). Мы протестовали против того, что практически не применяется установленное законом положение о досрочном освобождении тяжело больных заключенных. Мы писали, что в результате этого, вдобавок при отсутствии надлежащей медицинской помощи, некоторые лица, осужденные только на определенный срок заключения, фактически обрекаются на постепенное умерщвление. В первую очередь, мы относили все вышесказанное к содержащемуся в заключении вместе с нами Ю.Т. Галанскову, который был тяжело болен и медленно угасал на наших глазах. Он не имел ни нормального при его болезни питания, ни квалифицированной медицинской помощи, ни освобождения от работы. Нередко по несколько ночей подряд он не спал из-за страшных болей, по несколько дней ничего не ел, не имел необходимых лекарств и т.д. Администрация ИТК лишала его возможности покупать на жалкие пять рублей в месяц продукты питания в ларьке, получать единственную в год продуктовую посылку, провокационными, оскорбительными действиями вынуждала на голодовки.

Сейчас, когда мы узнали о смерти Ю.Т. Галанскова, мы не можем не вернуться к тому, против чего уже протестовали в указанном заявлении на Ваше имя, особенно потому, что тем заявлением Вы пренебрегли, фактически ничего по нему сделано не было.

И вот Ю.Т. Галансков мертв, погиб за колючей проволокой. В "Основах исправительно-трудового законодательства СССР" установлено, что исполнение наказания не должно причинять физических страданий заключенным. Но разве грубая и часто недоброкачественная пища, приводящая здоровых людей к болезням и прямо противопоказанная больным, не есть условие, достаточно обеспечивающее людям физические страдания? Разве частые административные наказания, нередко произвольные, надуманные, связанные с ущемлением заключенных в питании (лишение ларька, посылки, водворение в ШИЗО, где кормят через день по пониженной норме), не ведет к тому же? Разве отсутствие необходимой медицинской помощи, а зачастую и лекарств, не есть условие, обязательно обеспечивающее физические страдания больным людям? И наконец, разве не являются все эти условия достаточно обеспечивающими хотя бы некоторым заключенным исполнение смертного приговора без наличия на это судебной санкции? Разве все это не есть преступление перед законом, справедливостью, перед человечеством?

Мы не думаем, что Вы лично или кто-нибудь из лиц, наделенных полнотой власти и ответственных за содержание заключенных в СССР, специально желали бы смерти Ю.Т. Галанскову или какому-то другому заключенному. Но условия содержания заключенных в стране сегодня таковы, что они вызывают физические страдания людей и их преждевременные смерти.

За то, что установлены именно такие порядки, ответственны Вы лично.

Мы требуем:

1. Специального разбирательства обстоятельств, приведших к смерти политзаключенного ИТК 385/17 Ю.Т. Галанскова.

2. Расследования причин и наказания виновных в том, что заявление семи политзаключенных ИТК 385/17, своевременно предупредивших о возможном смертельном исходе болезни Ю.Т. Галанскова в сложившихся лагерных условиях, было оставлено без внимания (номер этого заявления в Вашей канцелярии – 17/485-68).

3. Изменения самих условий содержания заключенных в исправительно-трудовых учреждениях МВД СССР, приведения их в соответствие с законодательно утвержденными гуманными основаниями.

Цит. по: *Безбородов А.Б., Мейер М.М., Пивовар Е.И.*
Материалы по истории диссидентского
и правозащитного движения в СССР 50–80-х годов.
М., 1994. С. 138, 139.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ**ДИССИДЕНТСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ПРАВООЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОСЛЕСТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ****№ 1*****Из писем К.Е. Ворошилову в связи со смертью И.В. Сталина***

Дорогой Климент Ефремович! Сейчас, как никогда, нам нужны бдительность, твердый порядок, сплоченность внутри страны. А между тем именно сейчас наши внутренние враги в контакте с врагами внешними стремятся расшатать наше единство, посеять панику, подорвать нашу политическую и моральную мощь. В планы врагов входят не только диверсии, шпионаж, но и насаждение бандитизма, воровства и хулиганства. В целях усиления охраны нашего государства, общественного порядка, беспощадной расправы со всеми, кто наносит ущерб нашей Родине и нашему народу, я прошу Вас внести на рассмотрение сессии Верховного Совета предложение о восстановлении смертной казни.

Инвалид Отечественной войны,
доцент Московского облпединститута
8.III 53 г.

Н. Лавров

Многоуважаемый Климентий Ефремович! По случаю смерти Иосифа Виссарионовича и созыва сессии правительства народ и я в частности убедительнейше просим Вас добиться на сессии амнистии для заключенных многострадальных русских людей: 1) Осужденных по 58-й статье за одно-два неграмотно выраженных слова, и то в кругу близких или семейных людей. Людей, не имеющих образования и не занимавших ответственных работ. 2) Людей, осужденных за мелкие кражи. Таких людей осудили зверски, обездолили их семьи, вызвали гнев и подозрение народа даже к Сталину. Для ликвидации этой несправедливости мы просим амнистию, и народ будет рукоплескать Вам.

В. Петров

*Радио "Свобода". Программа "История и современность".
Документы прошлого" / Под ред. А. Стреляного. 2000, 8 января*

№ 2

**Из интервью с К.А. Любарским об обсуждении
статьи В. Померанцева "Об искренности в литературе"
на механико-математическом факультете МГУ.
Весна 1954 г.**

Эта статья вызвала всеобщий официальный гнев. Ее обсуждали и осуждали, были потоки читательских писем, и на Померанцева обрушился целый ворох всякой грязи. И вот тогда мы втроем, я и еще два студента тоже механико-математического факультета, написали письмо, которое было адресовано в редакцию "Правды" и в редакцию "Нового мира" в защиту Померанцева. Мы написали это письмо, и, кроме того, у нас родилась такая мысль, что хорошо было бы собрать под этим письмом коллективные подписи. Мы сделали это очень просто: мы сделали маленькие плакатики и расклеили их по новому зданию Московского университета на Ленинских горах. Там было написано, что такого-то числа, в такое-то время, в холле общежития, на таком-то этаже состоится обсуждение статьи Померанцева "Об искренности в литературе" и студенческого письма в связи с ней. На наше удивление, в назначенное время этот зал был буквально забит. Это был междуэтажный холл, где помещалось человек 70–80. Сидели очень тесно, на ручках кресел, как угодно. Вдруг из задних рядов встала некая дама, которая, как позднее выяснилось, была представительницей парткома Московского университета, Игумнова (фамилия запомнилась до сих пор), и стала прерывать буквально через каждые два слова; сначала просто прерывать, потом начала кричать, кого я представляю и т.д. Короче говоря, не дала мне говорить. Я сказал: "Вот видите, что же нам теперь собственно обсуждать? Вы же видите, как к нам фактически относятся и что с нами делают. Давайте прочитаем письмо и соберем подписи. И напишем еще одно письмо о том, что нас разгоняют, нам не дают проявлять себя". Это была весна 54-го года. И действительно, очень много людей начало тут же подписывать. Как сейчас помню, была 41 подпись под этим письмом. Мы его подписали и несколько копий разослали в разные инстанции.

[...] Всех подписавших это письмо вызывали поодиночке и вынуждали снимать свои подписи с этого письма. А потом все кончилось тем, что в июне этого же года, в клубе МГУ, был создан общеуниверситетский митинг, на который в связи со студенческими волнениями приехали товарищи писатели. Приехали Сурков, Симонов, Борис Полевой, и приехал тогдашний редактор "Литературной газеты" Рюриков. Они один за другим стали выступать и стали произносить речи о том, что гниль завелась в Московском университете. А я сидел в зале и делал заметки, надеясь, что я сейчас выступлю и что-то скажу, возражу. Полевой начал говорить, что мы знаем, кто пишет такие письма, это пишет "плесень" такая всякая (тогда была кампания против "плесени"), пишут всякие люди, которые под музыку пластинок Лещенко шатаются по улице Горького и смотрят на мир сквозь потные стекла коктейль-холла, и так дальше. Мне кровь в голову бросилась, я потерял самообладание. [...] Я выскочил, сказал,

что требую слова и полез на трибуну. И, как ни странно, мне слово тут же дали. Я выскочил на трибуну и начал что-то кричать, но что я кричал, я совершенно не помню, потому что я был вне себя. Потом ко мне подходили всякие студенты, которые говорили, что это было очень смело, очень мужественно, но совершенно не аргументировано. Потом встал Вовченко, проректор университета, и зачитал письмо (когда это письмо успели написать, я не знаю, потому что прошло буквально несколько минут после моего выступления) о том, что мы, студенты и аспиранты Московского университета, собравшиеся в этом зале, не только не поддерживаем, но и явно осуждаем разнужданное выступление студента Любарского и т.д.

*Архив Института изучения Восточной Европы
при Бременском университете.
Ф. Л.З. Копелева и Р.Д. Орловой.
Архив общества "Мемориал"
(Москва). Ф. 172.*

№ 3

**Из докладной записки Н.П. Соловьева*
и Л.В. Керестеджиянца**
в Бюро ЦК ВЛКСМ.
28 октября 1961 г.**

На протяжении двух последних лет на площади Маяковского для публичного чтения стихов еженедельно собирается молодежь [...]. Обычно к памятнику Маяковского собираются несколько сотен человек, в том числе школьники, студенты, а также молодежь без определенных занятий. Иногда в числе присутствующих бывают иностранцы. [...] Воспользовавшись отсутствием какого-либо контроля за содержанием и характером выступлений у памятника, некоторые элементы стали использовать эту возможность для клеветы на нашу советскую действительность. На площади все реже читаются хорошие, жизнеутверждающие произведения. Выступления отдельной части молодежи наполнены пессимизмом, духом оппозиционности и обреченности.

С декабря прошлого года стали читаться стихи, пропитанные злобой и ненавистью к Коммунистической партии и советскому строю, открыто призывающие к "бунту". Например, в стихотворении "Человеческий манифест", которое часто читается на площади, говорится:

* Соловьев Н.П. – в 1959–1961 гг. ответственный организатор и зам. зав. Отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ по РСФСР.

** Керестеджиянец Л.В. – в 1959–1961 гг. инструктор Отдела по работе среди рабочей молодежи, ответственный организатор Отдела комсомольских органов ЦК ВЛКСМ по РСФСР.

...Министрам, вождям и газетам – не верьте!
 Вставайте, лежащие ниц!
 Видите, шарики атомной смерти
 У мира в могилах глазниц.
 Вставайте!
 Вставайте!
 Вставайте!
 О, алая кровь бунтарства!
 Придите и доломайте
 Гнилую тюрьму государства...*

Отдельные молодые люди нагло проповедают разврат и пошлость, цинично высмеивают нормы коммунистической морали. При чем такого рода "поэзия" часто не встречает осуждения, а иногда вызывает даже одобрение [...].

От публичного чтения стихов "поэты площади Маяковского" перешли к выпуску и распространению нелегальных рукописных журналов и стихотворных сборников.

Особую тревогу вызывает тот факт, что наряду с чтением стихов на площади проводятся политические дискуссии, организаторы которых пытаются насаждать свои упаднические, а порой антисоветские настроения среди молодежи [...].

По сообщениям работников Московского комитета госбезопасности, некоторая часть молодежи – завсегдатаи площади Маяковского в текущем году стали организовываться в группы, собираться на квартирах и обсуждать возможность нелегальной борьбы с советским строем, разрабатывать программу действий с далеко идущими целями. Имеются сведения о том, что там обсуждались возможности совершения террористических актов, бредовые идеи возврата к частной собственности, создания в стране многопартийной системы, реставрации капитализма. Одна из групп имела свой устав под девизом "Свобода любого мнения".

В конце прошлого месяца на квартире у своего организатора Галанскова группа молодежи приняла "[...] программу борьбы с комсомолом"^{**}. Авторы этого сумасбродного документа предлагают расколоть и взорвать комсомол изнутри, противопоставить его партии [...].

Вносим предложение обсудить настоящую записку на закрытом бюро ЦК ВЛКСМ с участием секретарей МГК ВЛКСМ.

Цит. по: *Поликовская Л.В. Мы предчувствие... предтеча...
 Площадь Маяковского. 1958–1965. М., 1997. С. 249–254.*

* Из стихотворения Ю.Т. Галанскова.

** Имеется в виду памятная записка, составленная В.К. Буковским по просьбе своего приятеля В.В. Талицкого, в то время – внештатного инструктора Киевского райкома ВЛКСМ г. Москвы. Содержание записки – духовный кризис ВЛКСМ после XX съезда и возможность превращения его в молодежную демократическую организацию. См.: [Буковский В.К. Тезисы о развале комсомола] // *Поликовская Л.В. Мы предчувствие... предтеча.... Площадь Маяковского. 1958–1965. М., 1997. С. 153–156; Он же. Гайд-парк по-советски. Там же. С. 14, 15.*

№ 4

Из текстов, распространявшихся в "самиздате" в 1960-е гг.

Об упадке Ханьской династии. Из "Книги времен" Сяо Сянь Шена (X век н.э.)

[...] Основателями нового государства были бескорыстные фанатики и просвещенные мыслители. Они были властолюбивы и честолюбивы.

Но они верили, что их власть, их нетерпимость ко всем инакомыслящим и жестокость к непокорным необходимы как средства для достижения великой цели, ибо лишь так можно проложить единственно правильный путь ко всеобщему благу, в царство разума, справедливости и добра.

Незримая цель представлялась им осязаемо близкой и казалась им такой прекрасной и великой, что превосходила все законы, божественные и человеческие, оправдывала и кровавые жертвы, и насилия, и даже злодеяния, которые они полагали нужными, чтобы осилить злодеев, препятствующих их добрым намерениям.

И они так верили в правоту своих помыслов и дел, что не опасались правды, никакой, даже неприятной и враждебной им.

Но попирая законы и творя зло, они выпестовали палачей, которые уже не признавали ничего, кроме своего ремесла, бездумно убивали своих недавних наставников и повелителей и, громогласно славя все те же великие благие цели государства, истребили больше его друзей и подданных, чем все враги.

И тогда новыми правителями стали своекорыстные лицемеры и скудоумные невежды. Они тоже были властолюбивы, но для них власть была уже не средством, а единственной целью, ибо означала благополучие. Они не знали прошлого или забыли о нем и не умели думать о будущем. Они могли существовать только настоящим и в незыблемости своей власти видели главный смысл истории страны и всего человечества. По незнанию и недомыслию они отождествляли эту власть с фетишами, с осколками разбитых скрижалей, некогда освященных подвигами и жертвами основателей государства. Сами неспособные на подвиги, они готовы были тем более ревностно приносить новые кровавые жертвы, переступать любые законы, даже те, которым недавно присягали, совершать любые насилия и злодеяния, даже вовсе бессмысленные, ради сохранения своей власти и ее реликвий. Все же они чувствовали, а иные и понимали, что их речи и письмена противоположны их делам, что слава мертвых святых лишь усугубляет бесславие их жизни.

Поэтому они лгали. Всегда и всем. Лгали торжественно, жречески и буднично, казенно.

Они расходовали несметные богатства на огромное доблестное войско, ковали все более могучее оружие, воздвигали все новые твердыни на своих и на завоеванных землях. Но смертельно боялись простой правды. Они повелевали толпами искусных знахарей, мудрых звездочетов. Но сами они были суеверны, как дикари, и всего более страшились правдивого слова. Они подкупали и преследовали тех, кто, как им казалось, владел его разрушительной и

заклинающей силой. И они надеялись, что слова лжи, повторяемые миллионы раз оглушительно громко, могут убить правду, приглушенную до шепота, обреченную на безмолвие. Но тщетно...

*Архив общества "Мемориал" (Москва).
Ф. 102. Оп. 1. Д. 16. Л. 154–156.*

№ 5

Из записки Председателя КГБ СССР В.Е. Семичастного и Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко в ЦК КПСС. 8 июня 1966 г.

[...] Органам власти приходится сталкиваться с проявлениями, которые представляют значительную общественную опасность, однако не являются наказуемыми по действующему уголовному закону.

К таким проявлениям относятся, в первую очередь, изготовление и распространение без цели подрыва или ослабления Советской власти листовок и других письменных документов с клеветническими измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй, а также попытки некоторых антиобщественных элементов под различными демагогическими предложениями организовать митинги, демонстрации и иные групповые выступления, направленные против отдельных мероприятий органов власти или общественных организаций.

Так, в ноябре и начале декабря 1965 г. в г. Москве было распространено большое количество листовок, призывающих граждан принять участие в массовом митинге протеста против ареста Синявского и Даниэля. В результате этих подстрекательских действий 5 декабря 1965 г. на площади Пушкина собралась группа молодежи, пытавшаяся провести митинг с требованием "гласности суда" над Синявским и Даниэлем. Принятыми мерами митинг был прерван.

[...] Попытка организации групповых выступлений, направленных против мероприятий органов власти, и распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный строй, представляют большую общественную опасность, но наше законодательство не предусматривает ответственность за подобные умышленные действия, совершаемые без цели подрыва или ослабления Советской власти.

[...] На практике эти действия квалифицируются или как антисоветская агитация и пропаганда, или как хулиганство, хотя для такой квалификации в большинстве случаев отсутствуют достаточные основания.

По нашему мнению, перечисленные антиобщественные действия не могут оставаться безнаказанными, однако их целесообразно рассматривать не как особо опасные государственные преступления, а как преступления, направленные против порядка управления и общественной безопасности.

В целях дальнейшего укрепления законности и правопорядка Комитет госбезопасности и Прокуратура СССР считают необходимым рекомендовать Президиумам Верховных Советов союзных республик внести в уголовный закон дополнения, предусматривающие ответственность за общественно опасные деяния, указанные в настоящей записке.

Проекты указов Президиума Верховного Совета РСФСР прилагаются. Просим рассмотреть.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 433. Л. 75-77.

№ 6

Из проекта указа Президиума Верховного Совета РСФСР "О внесении дополнения в Уголовный кодекс РСФСР" 15 сентября 1966 г.

[...] Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет:

Дополнить главу девятую "Преступления против порядка управления" Уголовного кодекса РСФСР статьями 190-1, 190-2 и 190-3 следующего содержания:

"Статья 190-1. Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания,

наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей.

Статья 190-2. Надругательство над Государственным гербом или флагом.

Надругательство над Государственным гербом или флагом СССР, РСФСР или другой союзной республики,

наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до пятидесяти рублей.

Статья 190-3. Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок.

Организация, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти, или повлекших нарушение работы транспорта, государственных, общественных учреждений или предприятий,

наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей".

РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 82. Л. 50.

№ 7

**Из открытого письма И. Габая, Ю. Кима и П. Якира
к деятелям науки, культуры и искусства.
Январь 1968 г.**

Мы, подписавшие это письмо, обращаемся к вам со словами глубокой тревоги за судьбу и честь нашей страны. В течение нескольких лет в нашей общественной жизни намечаются зловещие симптомы реставрации сталинизма. Наиболее ярко проявляется это в повторении самых страшных деяний той эпохи – в организации жестоких процессов над людьми, которые посмели отстаивать свое достоинство и внутреннюю свободу, дерзнули думать и протестовать.

Конечно, репрессии не достигли размаха тех лет, но у нас достаточно оснований опасаться, что среди государственных и партийных чиновников немало людей, которые хотели бы повернуть наше общественное развитие вспять. У нас нет никаких гарантий, что с нашего молчаливого попустительства исподволь не наступит снова 37 год.

Мы еще очень не скоро сможем увидеть Андрея Синявского и Юлия Даниэля – людей, осужденных на долгие годы мучений только за то, что они посмели излагать вещи, которые считали истиной.

На три года оторваны от жизни совсем молодые люди – Виктор Хаустов и Владимир Буковский. Все их "преступление" заключалось в том, что они публично выразили свое несогласие с драконовскими законами и карательными мерами, пригвоздившими нашу страну в очередной раз к позорному столбу. Судебная расправа над ними – образец циничного беззакония и превратного толкования фактов.

Последний процесс над Галансковым, Гинзбургом, Добровольским и Лашковой вышел за всякие рамки в попрании человеческих прав.

[...] Атмосфера вокруг недавнего процесса – еще одно звено в цепи беззаконий. Официальные органы нагло дезинформировали западную коммунистическую прессу: в день начала суда было заявлено, что сроки его еще не установлены. Заместитель председателя Мосгорсуда Миронов, назначенный судьей по этому делу, незадолго до процесса отвечал, что такое дело в Мосгорсуд вообще не поступало.

Люди, стремившиеся попасть в суд, подвергались откровенному шантажу и издевательскому унижению человеческого достоинства. Фотографирование, неусыпная слежка, проверка документов, подслушивание разговоров – это далеко не полный перечень того, что происходило в дни судебной расправы. Едва ли не самое страшное то, что среди филеров были совсем молодые люди – юноши и девушки. Вместо пытливого чтения, попыток задуматься над сложными вопросами современности им предложили подслушивание и донос. Это наушничество, с точки зрения КГБ, вероятно, и есть тот самый нравственный идеал молодежи, который они про-

тивопоставляют "безнравственности" Гинзбурга, посмевшего вступить за невинных людей.

Вы, наверное, хорошо знакомы с письмом Л. Богораз и П. Литвинова* . С полной ответственностью мы заявляем: каждая строка в письме – не только правда, это лишь малая часть правды о неслыханных безобразиях и издевательствах над подсудимыми.

[...] Бесчеловечная расправа над интеллигентами – это логическое завершение атмосферы общественной жизни нескольких последних лет. Наивным надеждам на полное оздоровление общественной жизни, вселенным в нас решениями XX и XXII съездов, не удалось сбыться. Медленно, но неуклонно идет процесс реставрации сталинизма. Главный расчет при этом делается на нашу общественную инертность, короткую память, горькую нашу привычку к несвободе.

[...] Попытка бороться с так называемым "самиздатом" – внецензурной литературой – обречена на провал. Если бы в русской литературе не было "самиздата", мы потеряли бы роман Радищева, "Горе от ума" Грибоедова и многие стихи Пушкина. И в наше время бережное отношение группы читателей к неизданному слову донесет до лучших времен подлинное творчество наших современников. Временщики не в силах что бы то ни было сделать: ждановы уходят в небытие, а творчество Ахматовой завоевывает поколение за поколением.

[...] Только недавно реабилитирован крымско-татарский народ. Но советские люди почти не знают об этом. Не знают они и о том, что народ, перед которым совершено громадное великодержавное преступление, до сих пор лишен права вернуться на свою родину. А тех, кто пытается это сделать, отправляют назад или подвергают репрессиям.

[...] Все это – только некоторые примеры нашей общественной жизни.

Мы еще раз напоминаем: молчаливое потворство сталинистам и бюрократам, обманывающим народ и руководство, глушащим любой сигнал, любую жалобу, любой протест, логически приводит к самому страшному: беззаконной расправе над людьми.

В этих условиях мы обращаемся к вам, людям творческого труда, людям, которым наш народ бесконечно верит: поднимите свой голос против надвигающейся опасности новых сталиных и новых ежовых. На вашей совести – судьба будущих Вавиловых и Мандельштамов.

Вы – наследники великих гуманистических традиций русской интеллигенции.

Перед вами пример мужественного поведения современной прогрессивной западной интеллигенции.

Мы понимаем: вы поставлены в такие условия, что выполнение гражданского долга – каждый раз акт мужества. Но ведь и

* Речь идет об обращении "К мировой общественности" (см. текст главы).

выбора тоже нет: или мужество – или трусливое соучастие в грязных делах.

[...] Мы хотим немногого: чтобы наша общественность имела моральное право требовать освобождения греческих политзаключенных.

Для этого нужно тоже немного: добиться того, чтобы из многолетнего заключения были возвращены наши несправедливо осужденные сограждане.

Помните: в тяжелых условиях лагерей строгого режима томятся люди, посмевающие думать. Каждый раз, когда вы молчите, возникает ступенька к новому судебному процессу. Исподволь, с вашего молчаливого согласия может наступить новый ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОД.

*Собрание документов "самиздата" Т. 1. Мюнхен, 1972.
Без нумерации страниц (АС № 4).*

№ 8

Из записки Председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова в ЦК КПСС. 7 февраля 1969 г.

В последние годы среди интеллигенции и молодежи распространяются идеологически вредные материалы в виде сочинений по политическим, экономическим и философским вопросам, литературных произведений, коллективных писем в партийные и правительственные инстанции, в органы суда и прокуратуры, воспоминаний "жертв культа личности", именуемых их авторами и распространителями "внецензурной литературой" или "самиздатом".

В этих материалах отдельные недостатки коммунистического строительства выдаются за типичные явления, извращается история КПСС и Советского государства, выражается несогласие с мероприятиями партии и правительства в национальном вопросе, развитию экономики и культуры, пропагандируются различные оппортунистические теории "усовершенствования" социализма в СССР, выдвигаются требования об отмене цензуры, реабилитации лиц, осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду, изменении Конституции СССР.

"Самиздат", как правило, распространяется путем передачи из рук в руки рукописных, отпечатанных на пишущих машинках, размноженных фотоспособом или на ротаторных аппаратах документов. К распространению произведений "внецензурной литературы" примазываются и спекулятивные элементы, которые сбывают их за деньги и извлекают из этого материальную выгоду.

Для пропаганды "самиздата" иногда используются всякого рода полуофициальные диспуты, конкурсы песен, концерты, устраивае-

мые самодеятельными клубами, литературными объединениями, чему способствует пребывание в ряде случаев во главе таких коллективов беспринципных в политическом отношении руководителей.

Факты изготовления и распространения "самиздата" отмечались чаще всего в Москве. Появление "самиздатовских" произведений и документов фиксировалось также в Ленинграде, Киеве, Одессе, Новосибирске, Горьком, Риге, Минске, Харькове, Свердловске, Караганде, Южно-Сахалинске, Обнинске и некоторых других городах и районах страны.

В Москве изготовлением и распространением клеветнических документов активно занимались известные своей антиобщественной деятельностью ГРИГОРЕНКО, ЛИТВИНОВ, БОГОРАЗ-БРУХМАН, ЯКИР. В частности, ГРИГОРЕНКО изготовил и направил в адрес Президиума Консультативной встречи представителей коммунистических и рабочих партий в Будапеште письмо, извращающее опыт Коммунистической партии Советского Союза в построении социалистического общества. ЛИТВИНОВ и БОГОРАЗ-БРУХМАН изготовили и распространили "Обращение к мировой общественности", в котором они обвиняли советские органы правосудия в нарушении законности. ЯКИР в соавторстве с другими лицами составил "Обращение к деятелям науки, культуры и искусства", содержащее измышления о "реставрации сталинизма в СССР".

[...] Из распространяемых материалов "самиздата" обращают на себя внимание "философская" статья академика САХАРОВА "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе", книга научного сотрудника Академии педагогических наук МЕДВЕДЕВА "Перед судом истории", письмо в ЦК КП У[краины] писателя Ивана ДЗЮБЫ, известное под названием "Интернационализм или русификация", а также заметки пенсионера из Караганды, в прошлом активного меньшевика, ЯКУБОВИЧА "Письма к неизвестному". Тракта́т САХАРОВА пропагандирует идеи, заимствованные из современных буржуазных теорий "конвергенции" и "строительства мостов", и выдвигает программу постепенного слияния социализма с капитализмом, а в книге МЕДВЕДЕВА изложены тенденциозно подобранные данные о репрессиях в нашей стране. В письме ДЗЮБЫ "Интернационализм или русификация" осуждается национальная политика КПСС, оправдывается деятельность буржуазных националистов на Украине, приводятся клеветнические утверждения о "русификации украинского народа". Основное назначение "Писем к неизвестному" ЯКУБОВИЧА заключается в попытках реабилитировать троцкизм.

[...] Антисоветские и антиобщественные элементы нередко направляют "внецензурные" произведения в редакции буржуазных газет, журналов, радиостанций, в адреса эмигрантских центров в расчете на то, что западная радиопропаганда в передачах на Советский Союз ознакомит с содержанием этих документов значительное число советских граждан и облегчит таким образом распространение их внутри СССР.

[...] Учитывая, что распространение политически вредной литературы наносит серьезный ущерб воспитанию советских граждан, особенно интеллигенции и молодежи, органы госбезопасности принимают меры, направленные на пресечение деятельности авторов и

распространителей "самиздата" и на локализацию отрицательного влияния "внецензурных" произведений на советских людей. В 1969 г.* значительное число причастных к деятельности "самиздата" лиц профилактровано с помощью общественности. Несколько злостных авторов и распространителей документов, порочащих советский государственный и общественный строй, привлечены к уголовной ответственности.

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета госбезопасности

Андропов

Архив общества "Мемориал" (Москва).

Ф. 172 (копийные материалы).

Д. 1. Л. 72–75.

№ 9

***Из совершенно секретной записки Ю.В. Андропова
и Р.А. Руденко в ЦК КПСС о мерах по пресечению
деятельности диссидентов.
20 января 1977 г.***

[...] В последнее время в действиях противника все четче просматривается тенденция использовать предстоящую Белградскую встречу** в интересах легализации открытых выступлений антисоветчиков против основ советского строя.

Подогреваемые Западом антисоветские элементы стремятся в той или иной форме вовлечь в свою преступную деятельность как лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности, так и новых людей, которые часто бывают обмануты. Сюда вовлекаются националисты, сионисты, крымские татары, турки-месхетинцы, сектанты и церковники.

Так, например, в Москве развернул активную антисоветскую деятельность ГИНЗБУРГ А.И., 1936 г. рождения, который еще в 1961 г. был судим за мошенничество, а в 1968 г. – за попытку создания группы НТС в Москве***. В последние годы, нигде не работая, он взял на себя функции распорядителя так называемым "фондом СОЛЖЕНИЦЫНА"****, фактически являющимся формой финансирования Западом антисоветских акций и материальной поддержки лиц, судимых за уголовные преступления.

* Вероятно, описка (см. дату документа); по смыслу имеется в виду 1968 г.

** Речь идет о международной встрече в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, проводившейся в Белграде.

*** См. текст главы.

**** Имеется в виду Общественный фонд помощи политическим заключенным и их семьям, об основании которого было объявлено весной 1974 г.

В Литве подвизается на этой стезе литовский националист ВЕНЦЛОВА и трижды судимый за враждебную деятельность ПЯТКУС. На Украине – бывший участник нелегальной националистической организации КАНДЫБА и др.

В Москве стал на путь антиобщественной деятельности ОРЛОВ Ю.Ф., 1924 г. рождения, длительное время нигде не работающий. Еще в 1956 г., будучи членом КПСС и младшим научным сотрудником Института теоретической и экспериментальной физики, он открыто выступил с антипартийными заявлениями, за что был исключен из партии и подвергся критике на страницах газеты "Правда". Несмотря на это, ОРЛОВ был избран членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР. В последние годы он устранился от научной работы и целиком посвятил себя антиобщественной деятельности. ОРЛОВ является автором ряда провокационных заявлений, интервью иностранным корреспондентам, постоянным участником открытых противозаконных действий.

В мае 1976 г., вступив в преступную связь с представителями американского посольства, ОРЛОВ возглавил так называемую "группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР", а в настоящее время под этим прикрытием пытается легализовать организованную антисоветскую деятельность. Под прямым воздействием ОРЛОВА аналогичные "группы" созданы в Киеве и Вильнюсе.

[...] Наиболее враждебно настроенные главари так называемых "диссидентов" [...], игнорируя официальные предостережения, активизировались и стали настойчивее в попытках легализовать преступную работу.

Нужно прямо сказать, что такое их поведение объясняется наличием у них уверенности в своей безнаказанности и в защитных мерах, которые может предпринять Запад в их поддержку. Немалую роль в формировании таких взглядов играет академик САХАРОВ, который всем своим поведением дает понять, что "власти" с ним ничего сделать не могут и поэтому другим также бояться нечего. Об этом так называемые "диссиденты" постоянно и открыто заявляют на своих сборищах.

В подобных условиях меры только профилактического характера в отношении указанных лиц не могут дать должного эффекта и не приведут к ограничению антиобщественной деятельности.

В связи с этим возникает необходимость осуществить меры по решительному пресечению действий ОРЛОВА, ГИНЗБУРГА и других на основе действующего законодательства.

С учетом политической и оперативной обстановки пресечение преступной деятельности наиболее активных антисоветчиков представляется целесообразным осуществить разнообразными путями.

Имеется в виду в отношении ОРЛОВА Ю.Ф. провести расследование по ранее возбужденному прокуратурой г. Москвы уголовному делу с тем расчетом, чтобы в последующем привлечь его к уголовной ответственности по статье 190-1 УК РСФСР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский

государственный и общественный строй). В ходе следствия ОРЛОВА не арестовывать, если он своими действиями не вынудит к этому*.

ГИНЗБУРГА А.И. представляется необходимым арестовать и привлечь к уголовной ответственности по статье 70 УК РСФСР, следствие по делу провести по месту его жительства в Калужской области.

Проживающего в Киеве РУДЕНКО Н.Д. арестовать и привлечь к уголовной ответственности по статье 62 УК УССР (соответствует статье 70 УК РСФСР), но следствие провести не в Киеве, а в До-нецке, для чего имеются процессуальные основания.

В связи с тем что ВЕНЦЛОВА Т.А., 1937 г. рождения, бывший научный сотрудник Института истории Академии наук Литовской ССР, ходатайствует о временном выезде по частному приглашению в США, разрешить ему такую поездку. Вопрос о дальнейшей судьбе ВЕНЦЛОВА будет решаться в зависимости от его поведения за рубежом.

В отношении других лиц Комитетом госбезопасности будут осуществлены мероприятия по предупреждению и пресечению их враждебной деятельности в обычном порядке.

Внося указанные предложения, мы исходим из того, что они (особенно в части, касающейся ОРЛОВА и РУДЕНКО) могут вызвать очередной шум на Западе и негативную реакцию в некоторых коммунистических партиях. Как указывалось выше, главари так называемых "диссидентов" именно на это и рассчитывают. Однако представляется, что даже в предвидении указанного у нас нет другого выхода, так как, не опасаясь репрессий, ОРЛОВ, ГИНЗБУРГ, РУДЕНКО и другие (не говоря уже о САХАРОВЕ) все более наглеют, представляя собой крайне отрицательный и опасный пример для других.

Вместе с тем предлагаемые меры должны показать правящим кругам западных стран бесперспективность проведения в отношении Советского Союза политики шантажа и давления, еще раз подчеркнуть, что, последовательно проводя линию на разрядку международной напряженности, мы будем решительно пресекать любые попытки вмешательства в наши внутренние дела и поползновения на социалистические завоевания трудящихся.

Политическое значение этих мер будет состоять и в том, что они окажут свое влияние на положение в ЧССР, ПНР и других социалистических странах, которые сейчас подвергаются массированному нажиму со стороны внутренних враждебных элементов и международной империалистической реакции.

* В отношении Ю.Ф. Орлова предложенный сценарий был вскоре изменен в сторону ужесточения: он был арестован 10 февраля 1977 г., обвинен в совершении преступления, предусмотренного статьей 70 (а не более "мягкой" 190-1, как предлагалось в данной записке) УК РСФСР, и в мае 1978 г. приговорен к максимальному по этой статье сроку наказания – семи годам лагеря и пяти годам ссылки.

В связи с необходимостью пропагандистского обеспечения предлагаемых мер Комитетом госбезопасности будут подготовлены и представлены в ЦК КПСС соответствующие предложения.

Просим рассмотреть*.

Ю. Андропов

Р. Руденко

Публикация В.К. Буковского на веб-сайте "Советский архив"

№ 10

Заявление Московской Хельсинкской группы от 6 сентября 1982 г. о прекращении работы Московской группы "Хельсинки"

31 июля 1975 г. СССР, страны Европы, США и Канада подписали Заключительный акт Совещания в Хельсинки. В мае 1976 г. была основана "Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР". Работа группы заключалась в подготовке и публикации документов, содержащих информацию о нарушениях прав отдельных граждан и групп населения в СССР – прав, декларированных Хельсинкским актом и другими международными соглашениями, подписанными и ратифицированными Правительством СССР.

За время работы Московской группы "Хельсинки" были подготовлены и опубликованы 194 документа. Все они адресованы главам государств, подписавших Хельсинкский акт. Вскоре после основания Московской группы были созданы аналогичные группы на Украине, в Литве, Армении и Грузии, а также в некоторых западных странах. Таким образом, Хельсинкское движение приобрело международный характер.

В Советском Союзе Хельсинкские группы жестоко преследовались с момента их появления, и в настоящее время в заключении и ссылке находятся следующие члены Московской группы "Хельсинки", Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях и других общественных групп, сотрудничавших с ними: Ю. Орлов, А. Щаранский, В. Слепак, М. Ланда, В. Некипелов, Л. Терновский, Т. Осипова, Ф. Серебров, И. Ковалев, А. Подрабинек, В. Бахмин, И. Гривнина, А. Корягин, Т. Великанова, А. Лавут, Г. Якунин**. Арестованы и находятся в заключении почти все члены групп "Хельсинки" в Армении, Грузии, Литве и на Украине.

* Записка была рассмотрена и одобрена на заседании Политбюро ЦК КПСС 25 января.

** В этом перечне не упомянуты члены группы, покинувшие СССР (например, Л. Алексеева), а также те, кто был арестован, но к 1982 г. уже находился за пределами СССР (например, А. Гинзбург, высланный за границу в 1979 г.).

После ареста Ивана Ковалева 25 августа 1981 г. в Московской группе "Хельсинки" осталось три человека, и она была поставлена в условия, при которых дальнейшая работа стала невозможной.

23 декабря 1981 г. было возбуждено уголовное дело против одного из трех оставшихся членов группы – С.В. Каллистратовой. 6 сентября 1982 г. ей предъявлено обвинение по статье 190-1 УК РСФСР, основными пунктами которого являются именно документы Московской группы "Хельсинки" с № 69 по 181.

В сложившейся обстановке группа не может выполнять взятые на себя обязанности и под давлением властей вынуждена прекратить свою работу.

Члены Московской группы "Хельсинки"

*Елена Боннэр
Софья Каллистратова
Наум Мейман*

*Сборник документов Общественной группы содействия
выполнению Хельсинкских соглашений.
Вып. 8. Н.-Й., 1984. С. 162.*

Часть III

ДИДАКТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ГЛАВАМ

Дидактические материалы к главам адресованы учителю истории для использования на уроках и факультативных занятиях преимущественно в старших классах. Материалы могут быть привлечены в изложении как на текущих уроках, так и на обобщающих, а также в проблемной лекции. Формами изучения могут быть семинары, практикумы, диспуты и др.

Данный раздел включает: содержательные аспекты темы; вопросы и задания к документам и материалам, помещенным во второй части книги; вопросы и задания для самостоятельной работы с текстом глав и документами, помещенными в третьей части книги; методические рекомендации, темы лекций, семинаров и практикумов, с приложением документов и материалов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Содержательные аспекты темы

Россия – самодержавная монархия. "Попечительные" и "охранительные" приоритеты власти. Имперское сознание. Проблема формирования гражданского общества и создания правового государства.

Роль бюрократии, армии, церкви. Печать и цензура. Отсутствие широких общественных организаций и движений. Карательная политика. Охранка. Каторга и ссылка. Полицейское государство.

Революция 1905–1907 гг. и ее влияние на изменение взаимоотношений власти и общества: создание Государственной думы, образование легальных политических партий, профсоюзов и других общественных организаций. Рост печати. Демократизация общества. Радикализация масс.

Сохранение подполья и эмиграции как форм политической оппозиции. Идеологическая нетерпимость. Власть и народная стихия. Леворадикальный террор.

Правомонархические организации. Погромы. Рост антисемитизма. Совершенствование карательной системы. Убийство П.А. Столыпина.

Общественное мнение. Человеческое достоинство. Правовая мысль.

Первая мировая война и ее последствия.

Особенности послефевральской демократии. Приоритеты массового сознания. Радикализация и охлократизация масс.

**Вопросы и задания к документам и материалам
главы первой**

К № 1

1. На основе текста составьте списки ограничений, которым подвергались в конце XIX – начале XX в. жители России. Списки составьте применительно к разным слоям населения – интеллигенции, рабочим, крестьянам.

2. Дайте оценку этим ограничениям. Какими причинами они могли быть вызваны? Кому они были выгодны? К каким последствиям вели?

3. Охарактеризуйте функции и место полиции в политическом режиме России.

4. Какие причины привели к столь заметной роли полиции в жизни страны? Согласны ли вы с мнением о том, что Россия в XIX в. была "полицейским государством"? Обоснуйте свой ответ.

К № 2 и 8

1. На основе текста главы и документов охарактеризуйте национальную и религиозную политику в годы царствования Александра III и Николая II. Кто, за что и с какой целью подвергался преследованиям?

2. Перечислите меры правительства, которые известный либерал Б.Н. Чичерин называет "гонениями на евреев", "изгнанием евреев из Москвы".

3. Почему Б.Н. Чичерин считает, что в силу такой политики "Россия выходит из царствования Александра III внутренне расстроенной, нравственно приниженной, умственно недоумевающей"? Ответ обоснуйте.

4. Используя текст главы и документа № 8, составьте краткий рассказ о "деле Бейлиса". Дайте оценку этому процессу (причины, сделавшие его возможным, отношение власти к нему, его результаты и последствия).

5. Выскажите свое суждение о резолюции коллегии адвокатов С.-Петербурга по делу Бейлиса, приведенной в документе № 8. Согласны ли вы с доводами авторов, говорящих о фабрикации процесса и клевете на еврейский народ? Свой ответ обоснуйте.

6. Объясните, почему авторы считают, что подобный процесс "унижает и бесчестит Россию в глазах всего мира", "сеет семена расовой ненависти и межнациональной вражды".

7. В печати провал процесса по делу Бейлиса одним из современников был назван "политической Цусимой царского правительства". Объясните, как вы понимаете смысл этих слов; согласны ли вы с ними.

К № 3

1. Приведите исторический материал, подтверждающий мысль П.А. Александрова о том, что в России было до 1863 г. "царство розог",

"розга царила везде", "была узаконена". На какие сословия и группы населения распространялись телесные наказания?

2. Выскажите суждение о многовековой традиции телесных наказаний в России. Чем это можно объяснить? Какое влияние на общество это оказывало?

3. Что вы думаете о мнении, бытовавшем в середине XIX в. о том, что "Россия сложилась в великую державу и достигла величия благодаря розгам", что "розги – это цемент, скреплявший общественные устои"? Есть ли доля истины в этом суждении? Позицию каких слоев общества оно отражало?

4. Достоинство личности – что вкладывали в эти слова в России в XVIII в., в первой половине XIX в. общественные и государственные деятели, мыслители, обыватели? К кому относили это понятие первоначально?

5. Раскройте смысл слов автора о том, что отмена розог – важный шаг к формированию чувства человеческого достоинства в русском народе.

6. Чем был вызван поступок В.И. Засулич? Оправдали ли бы вы ее, будь вы присяжными заседателями? Согласны ли вы со словами П.А. Александрова, что это было "оскорбление за нравственное достоинство человека", "самое беззаветное нерасчетливое самопожертвование"?

7. Почему суд оправдал В.И. Засулич? Отражением каких настроений в обществе явился этот оправдательный приговор? Какие имел последствия для власти, для общества и для революционеров?*

К № 4

1. Какие общие причины вызывали крестьянские волнения в России в начале XX в.?

2. Выскажите свое мнение о подавлении их с помощью войск, с применением телесных наказаний.

3. В чем С.Д. Урусов видит различие между действиями губернатора Оболенского в 1902 г. и "безумными репрессиями губернаторов" в 1905–1907 гг.?

4. Объясните, почему автор документа пишет об "упоении репрессиями, которое вскоре развратило наши гражданские и военные власти". Приведите факты. Какова позиция самого С.Д. Урусова?

К № 5

1. Используя текст главы и данного документа, дайте описание методов и форм внесудебной расправы с населением в годы революции 1905–1907 гг.

* Документ может быть изучен учащимися самостоятельно, с использованием вопросов; может быть обсужден на уроке без предварительного изучения дома. Можно провести практические занятия по теме "Проблема достоинства личности в конце XIX – начале XX в." и для этого дополнительно использовать документ № 1. Целесообразно заслушать подготовленные учащимися сообщения о жизни и деятельности Веры Засулич, А.Ф. Кони, об особенностях судебной реформы 1864 г.

2. Объясните, почему полицией и войсками применялись систематические убийства, грабежи и истязания. Чем объясняет их, отвечая на запрос депутатов Думы, представитель правительства?

3. Соотнесите данный документ, используя текст главы, с Манифестом 17 октября 1905 г. и Уголовным уложением 1903 г. Сделайте выводы.

4. Какое значение имела практика запросов депутатов Государственной думы?

К № 6

1. Объясните, что В.В. Шульгин понимает под террором "снизу" и "сверху" в 1905–1907 гг. Какие примеры такого террора он приводит?

2. Используя текст главы и документа, объясните, почему в начале XX в. в России возобновился революционный террор. Против кого он был направлен?

3. Дайте оценку "Указу о военно-полевых судах". Чьи действия становились предметом их рассмотрения? Какие решения и против кого они выносили? Как относилась к смертной казни общественность? (См. также текст главы).

4. Соотнесите деятельность военно-полевых судов и содержание Манифеста 17 октября 1905 г.

5. Дайте оценку политического режима, установившегося в России после 3 июня 1907 г.

6. Как вы понимаете слова В.В. Шульгина о том, что "разгул смертной казни, наступившей со времени учреждения Чека, по сравнению с цифрами дореволюционной (до 1917 г.) России, покажется детскими упражнениями недоучившихся палачей"?

7. Подготовьте по тексту главы и дополнительной литературе рассказ о покушениях на П.А. Столыпина и его гибели.

К № 7

1. Внимательно прочитайте отрывки из писем, перлюстрированных, т.е. негласно вскрытых и прочитанных полицией, и попавших в сводный отчет за 1908 г. Что можно сказать о политических взглядах их авторов? Выскажите свое мнение о ценности личных писем как исторического источника, их плюсах и минусах.

2. Какова оценка положения в стране после революции 1905–1907 гг., проходящая через все письма? Как можно объяснить единодушие авторов?

3. Объясните фразу о том, что "у нас граждан нет, а есть обыватели". Приведите подтверждающие это факты.

4. Выберите из писем доводы о том, что правительство Николая II плохо выполняло обещания Манифеста 17 октября 1905 г.

5. Используя текст главы, приведите факты, подтверждающие слова письма о том, что "с представительством (Думой) не считаются и сводят его на нет, а самодержавная бюрократия теперь проявляет гораздо больше произвола, чем прежде".

6. Объясните, почему авторы писем считают неизбежной новую революцию в стране. На кого они возлагают ответственность за это? Кого относят к "кадрам" будущей революции?

К № 9

1. Используя текст главы и документа, составьте краткое сообщение о направлениях деятельности политической полиции (охранки). Чем вызывалось неприятие охранки в обществе?

2. Как в документе характеризуется деятельность кадетской партии в культурно-просветительных организациях? Почему эта деятельность внушает опасения Министерству внутренних дел? Как отнеслось правительство к общественной самодеятельности граждан?

3. Используя текст главы и документа, составьте краткий перечень форм и методов деятельности политических партий России в 1905–1914 гг. по привлечению сторонников.

4. Выскажите суждение о значении и последствиях вовлечения в культурно-просветительную деятельность различных групп российского общества для дальнейших судеб страны.

К № 10, 11 и 12

1. Прочтите все три документа и установите, чем различаются высказанные их авторами мнения.

2. Как изменялось отношение к российской монархии?

3. Каковы были причины изменения отношения к монархии?

4. Почему ослабление "монархического духа" наблюдалось в разных слоях населения?

5. Используя текст главы и документов, выясните, замечали или нет царь и его окружение, что теряют прежнюю опору и духовную связь с обществом? Насколько адекватно они реагировали на изменившиеся условия?

К № 13

1. Составьте краткий рассказ о Вере Фигнер, ее взглядах, ее участии в исторических событиях России в конце XIX – начале XX в.

2. На основе документа и текста главы подготовьте краткий рассказ о режиме Шлиссельбургской крепости, когда там находились в заключении народовольцы.

3. Что больше всего вас потрясает в рассказе Веры Фигнер о порядках в Шлиссельбурге? За что осуждали на заключение в этой каторжной тюрьме?

4. Каковы были мотивы поведения Веры Фигнер в тюрьме, ее отношения к товарищам, к тюремщикам?

5. Что можно сказать о нравственных ценностях Веры Фигнер?

6. О каком деспотизме пишет Вера Фигнер? Чем она объясняет действенность своего протеста в 1902 г.? Сравните, используя текст главы, "старый" и "новый" Шлиссельбург.

К № 14 и 15

1. Почему правительство использовало Сибирь для ссылки своих противников? На что обрекало их?

2. Почему ссылки не могли активно участвовать в колонизации Сибири, в развитии ее хозяйства и культуры? К какому выводу в связи с этим пришло Главное тюремное управление к началу 1900-х гг.?

3. Опишите труд заключенных в каторжных тюрьмах Российской империи. Чем он отличался от труда на обычных фабриках?

4. Сравните положение политкаторжан в XIX в. и в начале XX в. (используйте текст главы).

5. Почему предприниматели охотно использовали труд заключенных?

6. Используя главу и документы, составьте перечень правил, которые должны были соблюдать заключенные в тюрьмах и ссылки. Как они протестовали против установленного режима и произвола тюремщиков? Чем объясняется определенная эффективность протестов?

К № 16

1. Что можно сказать о тюремном режиме для подсудимых в начале 1900-х гг.? Отличался ли он от условий, в которых находились до суда участники "хождения в народ" 70-х годов XIX в.?

2. Охарактеризуйте типичного молодого революционера, каким был в 1906–1907 гг. А.К. Воронский, опираясь на рассказ о его поведении в "Крестах" и на суде.

3. Вспомните, что такое состязательность судебного процесса (согласно судебной реформе 1864 г.). Какое она имела значение в данном случае?

4. Чем можно объяснить мягкость вынесенного приговора? Какими были настроения в обществе?

5. Сравните на основании документа и текста главы гражданский суд с военно-полевым и военно-окружным.

К № 17

1. Используя текст главы и документ, составьте краткий рассказ о совещании группы депутатов I Государственной думы в Выборге. С каким призывом они обратились к народу? Какова была их судьба?

2. Каким поступком С.Д. Урусова вызвано письмо к нему депутатов? Чем можно объяснить этот поступок?

3. Как можно охарактеризовать позицию авторов письма, выраженную в словах: "В определенные минуты народный представитель о себе не смеет думать"? Что они имеют в виду, говоря о традиции воспринимать тюрьму как награду?

4. Используя текст главы, приведите примеры из истории России в 1905–1916 гг., свидетельствующие о зарождении гражданского общества в России.

К № 18

1. Опираясь на текст документа, охарактеризуйте отношение населения к участию России в Первой мировой войне. В каких формах оно проявлялось?

2. Как П.Н. Милюков в данном фрагменте описывает отношение провинции России к известиям о войне? В чем причины такого отношения? Чем П.Н. Милюков объясняет различия в отношении к войне в столицах и в провинции, почему приводит стихи Н.А. Некрасова?

3. Согласны ли вы с заявлением В.Н. Коковцова о том, что "за сто верст от больших городов замолкает всякая политическая борьба"? Как вы можете обосновать свою оценку этого высказывания?

4. Выскажите свое отношение к критике позиции Коковцова за "антипатриотизм" и к призыву других министров больше верить в русский народ, в его "исконную преданность родине" и в его "безграничную преданность Государю".

К № 19

1. Проанализируйте содержание писем солдат, отправленных в разные годы войны, и сформулируйте главную мысль, которая их объединяет.

2. Перечислите, о каких тяготах войны пишут солдаты.

3. Кого солдаты обвиняют в поражениях российских войск на германском фронте? Согласны ли вы с их доводами?

4. Объясните, как вы понимаете фразу из письма 1915 г.: "Эта война хуже японской. Ту пропили, а эту продали...". Кого и в чем обвиняет автор письма?

5. Найдите в тексте писем высказывания, свидетельствующие о ненависти солдат к "барам". Почему они отождествляют с "барями" офицеров?

6. Прокомментируйте фразу из письма 1917 г.: "Солдаты все стали никуда, дай им мир, никуда не идут".

7. Покажите на конкретных фактах связь между событиями 1917 г. в России и настроениями солдат.

Вопросы и задания для работы учащихся по теме главы первой

Как объясняли противостояние власти и общества в пореформенной России представители различных общественно-политических сил?

Было ли развито в России конца XIX – начала XX в. правовое сознание населения? (да; нет; почему?)

Одна из революционных песен того времени звала "рабочий народ" "на бой кровавый, святой и правый". Какие черты леворадикального мировоззрения выражены этими словами? Какие слои населения были особенно восприимчивы к революционным призывам в начале XX в. и почему?

Считаете ли вы террор допустимым средством политической борьбы:

- а) необходимое средство борьбы в определенных условиях;
- б) возможное, но бесполезное средство;
- в) недопустимое ввиду его аморальности?

Сравните либеральную и революционную традиции в общественной жизни России. Что их сближало и что разделяло?

Чем различаются идеалы либерализма и консерватизма? Какую роль играли те и другие в России?

Почему обновление государственного строя России в 1905–1906 гг. не смягчило конфронтацию между властью и обществом?

Насколько значительным было это обновление? Почему невозможно дать однозначную оценку обновленному строю?

Какие имеются основания говорить о Российской империи как о полицейском государстве? Какие черты авторитарного режима сохранились и в начале XX в.?

Сравните содержание Манифеста 17 октября и реальную действительность после его издания. Что изменилось, а что оставалось прежним? Как обстояло дело:

- а) с неприкосновенностью личности;
- б) со свободой совести;
- в) со свободой слова;
- г) со свободой собраний;
- д) со свободой союзов (партий, общественных организаций)?

Чем вызывалось движение протеста после Манифеста 17 октября? Какие формы оно принимало?

Какие факты свидетельствуют о продвижении России к правовому государству? Сопоставьте взгляды государственных деятелей и представителей общественности по этому вопросу.

Проанализируйте и оцените с этой точки зрения три документа: Уголовное уложение 1903 г., Манифест 17 октября и Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия 1881 г. Совместимы ли они?

Какое место в системе государственной власти занимала политическая полиция (охранка)? Какие учреждения входили в ее состав? Охарактеризуйте направления и методы ее деятельности.

В чем причины стабильно негативного отношения к охранке в России? Какие из объяснений представляются вам более правильными:

- а) конфронтация власти и общества;
- б) недостаточная эффективность деятельности охранки;
- в) нравственная нечистоплотность ее деятелей?

Как и в связи с чем изменялись масштабы политических репрессий?

В какой мере соблюдалась законность в борьбе правительства с революционным движением? Что можно сказать о масштабах судебных и внесудебных репрессий? Существовали ли правовые границы для действий толпы?

Как оценивалось в обществе применение смертной казни? Чем можно объяснить устойчивое внимание к этой теме? Почему была возможна открытая дискуссия по этому вопросу?

Как и почему изменялся тюремный режим в конце XIX – начале XX в.? Сравните "старый" и "новый" Шлиссельбург. Какие формы принимал протест заключенных против тюремного режима?

Что такое административная ссылка, как можно оценить этот вид репрессий? Чем объясняется ее распространенность?

Как отразилось падение монархии в России на карательной системе и методах политических репрессий?

Какие две тенденции присутствовали в развитии российской государственности и карательной системы в конце XIX – начале XX в.? Какие факторы оказывали влияние на их эволюцию?

Темы семинаров и практикумов

1. Проблема достоинства личности в России в конце XIX – начале XX в.
2. Нравственные ценности в сознании российского чиновничества начала XX в.
3. Правосознание россиян – от деспотизма к гражданскому обществу.
4. Традиции бюрократии Российской империи в России первых десятилетий XX в.
5. Система запретов и ограничений в России – условие порядка или произвола?
6. Жизнь российского обывателя в системе запретов – смысл и последствия.
7. "Благонадежность" в понимании российской полиции – сущность, причины, последствия для общества.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА СОВЕТСКОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ

Содержательные аспекты темы

Идеологические корни новой системы правосудия. Диктатура пролетариата в Советской России – власть, опирающаяся на насилие.

Политико-правовая база репрессий в первые годы советской власти. Благо революции – высший закон. Формирование внесудебной системы: трибуналы, чрезвычайные комиссии. ВЧК. Юридическое оформление деятельности концлагерей и лагерей принудительного труда. Заложничество. Высылка. Принципы советского правосудия и понятия "революционная законность" и "революционное правосознание". Понятия "контрреволюционное преступление" и "враг народа".

Законодательство 1920–1930-х гг. об ответственности за политические и некоторые другие преступления. Партийные директивы, ведомственные инструкции и указания по вопросам применения репрессивного законодательства. Роль коммунистической партии в формировании законодательной базы репрессий. ОГПУ, НКВД – расширение их внесудебных полномочий. ГУЛАГ в системе НКВД.

Правовые основания деятельности внесудебных органов в 1920–1930-е гг. Обоснование и узаконение террора. Нормативные акты о репрессиях, применявшихся в административном порядке. Ужесточение репрессивной политики в связи с раскулачиванием. "Большой террор" 1937 г. Удлинение сроков наказания.

Политико-правовые основания для репрессирования членов семей лиц, осужденных по политическим мотивам, детей и подростков.

Депортация народов.

Правовая база репрессивной политики в годы Великой Отечественной войны. Проверочно-фильтрационные лагеря. "Новая" мера наказания – каторжные работы.

Юридические и политические основания ужесточения карательной практики во второй половине 1940 – начале 1950-х гг. Лагерная юстиция. Роль КГБ в системе репрессий.

Нормативные акты второй половины 1950-х гг., характеризующие процесс реабилитации и восстановления "социалистической законности" после смерти Сталина. Отмена внесудебных репрессий.

Значение закона 1991 г. "О реабилитации жертв политических репрессий".

Вопросы и задания к документам главы второй**К № 1**

1. Объясните, какое значение имела статья 58 Уголовного кодекса РСФСР в общей системе наказаний в СССР (при ответе используйте текст главы).

2. Объясните, почему эта статья помещена в "Особенной части", в первой главе "Преступления государственные". Чем они отличаются от преступлений другого типа?

3. Почему вводится новое понятие "контрреволюционные преступления"? Какая идеология отражена в этом названии?

4. Почему "измена Родине" трактуется столь широко, включая бегство за границу в мирное время?

5. Почему подвергались наказанию и члены семьи осужденного? Почему они могли быть осуждены даже за "недонесение"? Вы скажите свое суждение о п. 1 статьи 58.

6. Проанализируйте терминологию статьи 58; объясните смысл понятий "враги народа", "социальная защита", "осажденная крепость" и другие. Какие идеологические установки они отражают?

7. Можно ли считать, что понятия "государственная тайна", шпионаж, речь о которых идет в статье 58-1⁶, четко определены? Если нет, то с чем это связано?

8. С какой целью в судебную практику вводилось понятие "враг народа"? Какие проступки квалифицировались как действия "врагов народа"? Какие наказания предусматривались при таком обвинении?

9. Оцените содержание статьи 58-10. Против кого она была направлена? Почему именно эта статья наиболее часто применялась в судебной практике?

10. Объясните, почему столь строгие наказания выносились за "использование религиозных или национальных предрассудков". Что понималось под этими предрассудками?

11. Какое воздействие на сознание людей, их нравственные устои могла оказывать статья 58-12 Уголовного кодекса?

12. Почему высшая мера применялась по статье 58-13 за преступления, совершенные 20–40 лет назад? Оцените этот факт.

К № 2

1. Используя текст главы и документа, объясните, почему лица, покушавшиеся на государственную собственность, приравнивались к "врагам народа"?

2. Объясните, почему за хищения на железных дорогах в качестве наказания применялась высшая мера – расстрел. Почему к этим преступлениям не применялась амнистия?

3. Учитывая дату документа – 1932 г., кто в первую очередь попадал в категорию "противоборствующих элементов"? Чему противилось население?

4. Объясните, могли ли в 1932 г. кулаки выступать с угрозами и применять насилие против колхозов. Где в это время находилась основная масса кулаков?

5. Какую роль преследовала власть, применяя расстрел за хищение колхозного имущества? Какие процессы в деревне вызвали эту меру?

6. Попробуйте назвать причины, в силу которых в 1930-е гг. в деревне усиливалось воровство имущества.

7. Какие факторы (политического, социального, экономического характера) привели к ужесточению государственного террора в деревне и в городе? Какие цели преследовала власть, усиливая террор?

8. Объясните, почему агитация против колхозов расценивалась как государственное преступление. Считаете ли вы такую трактовку оправданной?

9. Дайте общую оценку данного постановления в контексте исторической эпохи 1930-х гг.

К № 3

1. Используя текст главы и документа, объясните важнейшие причины появления в 1991 г. Закона РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий".

2. Объясните, кто стал жертвами политических репрессий и по чьей вине? Какие наиболее распространенные обвинения выдвигала советская власть, проводя массовые репрессии?

3. Поясните, что понимается в законе под "репрессиями за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам". Приведите конкретные примеры применения репрессий именно по этим признакам в разные годы советской истории.

4. Согласны ли вы с преамбулой закона, где говорится об "осуждении многолетнего террора и массовых преследований", высказывается "глубокое сочувствие жертвам террора, их родным и близким" за "необоснованные репрессии"? Какие бы слова в адрес жертв репрессий вы считали бы нужным записать в закон?

5. Что следует понимать под "реальными гарантиями обеспечения законности и прав человека"? Кем они должны обеспечиваться?

6. Почему в преамбуле говорится о реабилитации "всех жертв политических репрессий, начиная с 25 октября (7 ноября) 1917 г."? Какой политический смысл имеет упоминание в законе этой даты?

7. Что, на ваш взгляд, следовало бы сделать в новой России для лиц, пострадавших в результате политических репрессий?

8. Что вы знаете о сегодняшней судьбе бывших политзаключенных и жертв политических репрессий?

9. Прочитайте статью 1 закона и приведите конкретные примеры и факты политических репрессий, перечисленных в ней.

10. Какую "социальную опасность для государства" представляла деятельность бывших жертв политических репрессий?

11. Перечислите формы политического преследования, указанные в статье 2 закона, выскажите свое мнение о наказаниях, которым подвергались миллионы людей в СССР.

12. Дайте оценку статьи 4 закона; справедливо ли не реабилитировать тех, кто в ней перечислен и был осужден в 1920–1970-е гг.?

13. Выскажите свое мнение о том, почему перечисленные в статье 5 закона категории осужденных "реабилитируются независимо от фактической обоснованности обвинений".

14. Дайте развернутое объяснение значения данного закона.

**Вопросы и задания
для работы учащихся по теме главы второй**

Используя текст главы, попробуйте определить, что входило в понятие "политические репрессии" в Советской России в первые годы советской власти.

Объясните, в чем суть идеологических корней новых (после 1917 г.) основ законодательства и судебной системы.

Проследите на конкретных примерах, чем отличалась новая советская судебная система от старой, дореволюционной; сделайте выводы из сравнения двух систем.

Объясните, что большевиками вкладывалось в понятия: "революционная совесть", "революционное правосознание". Какие последствия вытекали из применения на практике таких понятий?

Проанализируйте важнейшие для советского правосудия идеологические принципы большевиков:

- а) "благо революции – высший закон";
- б) "диктатура пролетариата – власть, опирающаяся на насилие, не связанная с законом";
- в) "законно все, что отвечает интересам партии большевиков";
- г) "когда гремит оружие, законы молчат".

Сделайте выводы из анализа.

Объясните слова В.Г. Короленко: "Революция чрезвычайек сразу продвинула нас на столетия назад в отношении правосудия" (используйте текст главы и знания о судебной реформе 1864 г.).

Охарактеризуйте причины, сущность, формы и методы "красного" и "белого" террора. Выскажите суждения об их последствиях для страны, ее народов, ее будущего.

Попробуйте объяснить слова, высказанные в середине 1920-х гг.

Дзержинский: "Страх приносит пользу как в самой ВЧК, так еще больше – вне ВЧК, в стране, т.к. он играет роль предохранителя от проступков и преступлений".

Чешский дипломат: "Страх учит советских людей лжи, лицемерию, неискренности, он – причина всеобщей неуверенности и всеобщего экономического бездействия советского государства".

**Документы к главе второй для организации
семинаров и практикумов**

**Постановление СНК о красном терроре
5 сентября 1918 г.**

Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью, что для усиления дея-

тельности Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности и внесения в нее большей плановности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры.

Народный комиссар юстиции
Народный комиссар по внутренним делам
Управляющий делами СНК

*Д. Курский
Г. Петровский
Вл. Бонч-Бруевич*

Известия ВЦИК. 1918. 10 сентября.

Три письма о Соловецком лагере сентябрь – декабрь 1926 г.*

Письмо председателя Международного комитета Красного Креста Г. Адора из Женевы председателю Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца А.С. Енукидзе

Господин председатель!

Появившиеся за последнее время в печати различных стран разнообразные сообщения привлекли внимание МККК на положение политических заключенных обоего пола в СССР.

Как Вы, наверное, знаете, МККК постоянно интересовался этим вопросом и часто посылал своих делегатов в страны, где было основание предпринять посещения такого рода. Так, делегаты Комитета посетили в разное время места заключения политических заключенных в Верхней Силезии, в Венгрии, в Ирландии, в Литве, в Черногории и в Польше. Совершенно недавно делегат МК посетил Литву и Польшу и мог отдать себе точный отчет об условиях, в которых содержатся политические заключенные в этих двух странах.

В настоящее время Международный Комитет Красного Креста желал бы осмотреть тюрьмы и концентрационные лагеря политических заключенных в СССР через посредство делегата в Москве г. Владимира Верлина. Последний пребывает уже в течение многих лет в Советском Союзе, и Комитет надеется, что Советское правительство

* Слухи о тяжелом положении политзаключенных в СССР проникали на Запад. В 1924 г. Советский Союз посетил американский сенатор Кинг. На его вопросы о политзаключенных было велено отвечать, что они есть, в том числе на Соловках, но их совсем немного. Сенатору был предъявлен список на 210 человек. Спустя год, по официальной версии, лагеря для политзаключенных вообще были упразднены. Но мир в это не поверил, что и вызвало появление настоящего письма.

согласится всячески облегчить ему выполнение возложенного на него поручения. Согласно этому мы обращаемся к Вам с просьбой содействовать взять на себя посредничество перед надлежащими властями, дабы г. Верлин получил разрешение посетить не только тюрьмы Москвы и Ленинграда, которые, как мы знаем, были осмотрены иностранными делегатами, но равно и другие места заключения, как, например, концентрационный лагерь на Соловецких островах.

Само собой разумеется, что доклад, который МК мог бы опубликовать касательно результатов этого посещения, был бы вам сообщен перед появлением его в печати.

В надежде на благоприятный ответ я заранее благодарю Вас за то, что Вы сочтете возможным сделать, мы просим Вас, господин Председатель, принять уверение и т.д.

Г. Адор

Ответное письмо А.С. Енукидзе Г. Адору

Господин председатель!

Я получил Ваше почтенное письмо от 14 сентября с.г., в котором вы меня просили достать Вашему делегату в Москве г. Владимиру Верлину, которого МККК считает вполне беспристрастным лицом, разрешение посетить места заключения СССР для политических заключенных.

Я не преминул исполнить Вашу просьбу, снесясь по этому вопросу с компетентными органами своего правительства. Как выяснилось, лица, преследуемые за политические преступления и проступки, высылаются в разные места СССР на жительство и содержатся в предварительном заключении лишь во время следствия по их делу. В это время сношения их с посторонними лицами по существующим законам не разрешаются. Что касается лагеря на Соловках, то там, в настоящее время, находятся только уголовные преступники.

Оставаясь всегда в Вашем полном распоряжении по всем вопросам, в коих я могу быть Вам полезным, пользуюсь этим случаем, что и т.д.

Председатель Исполнительного комитета
Союза О[бществ] Кр[асного] Кр[еста]
и Кр[асного] Пол[умесяца] СССР

Енукидзе

***Из письма заключенных Соловецкого
концентрационного лагеря в Президиум ЦИК ВКП(б)
о невыносимых условиях содержания***

[...] Обращаемся с просьбой, которой просим уделить минимум внимания.

Мы, заключенные, которые возвращаемся из Соловецкого концлагеря по болезни, которые отправлялись туда полные сил и

здоровья, – в настоящее время возвращаемся инвалидами, изломанными и искалеченными морально и физически. Просим обратить внимание на произвол и насилие, царящие в Соловецком концлагере, в Кеми и на всех участках концлагеря. Такого ужаса, произвола и насилия, и беззакония даже трудно представить человеческому воображению. Отправляясь туда, даже в мыслях не предполагали такого кошмара и теперь, искалеченные, сами и от нескольких тысяч людей, там находящихся, взываем к руководящему центру Советского государства положить предел царящему там ужасу. Недостаточно того, что ОГПУ бесконтрольно, без суда высылают туда даже в большинстве случаев невинных, в большинстве рабочих и крестьян (не говоря о преступниках, заслуживающих наказания). Бывшая царская каторга в сравнении с Соловками на 99% имела больше гуманности, справедливости и законности. Высылаются люди в Соловки, в большинстве пролетарии, без всякого повода и дела, имевшие несчастье в годы общей разрухи, нищеты, голода и холода попасть в водоворот борьбы за существование и совершившие преступления, за которые в свое время наказание перед законом и обществом понесли и возвратились к честному труду, от которого временно, повторяем, уклонились. Т.е. считаем, что кошмарное прошлое с голодом и муками прошло, и тихо, и мирно работали на госфабриках и заводах, и, несмотря на это, большинство находящихся на Соловках сняты с работ, оторваны от честного труда и семьи. Семьи и дети брошены на произвол судьбы, увеличив тем и без этого огромные кадры беспризорных. Это не выдумка, а факты, которые всегда можно проверить.

Но этого недостаточно. Пусть было бы так, раз существует такое право или закон, что людей можно невинно наказывать. Но почему нельзя дать хотя бы возможное существование, не обрекая на муки и страдание. Например, люди, имеющие деньги, устраиваются за те же деньги, и вся тяжесть опять ложится на рабочих и крестьян, к несчастью не имеющих денег. И влачат жалкое существование при непосильных работах раздетые, чуть ли не голые, питаются падалью, так как паек выдается при непосильных работах ничтожный. Если я сапожник, то за 20–30 руб. могу быть слесарем, так же и другие примеры есть сотни и тысячи. Избиение и издевательство дошло до таких кошмарных пределов, что выразить невозможно. Люди мрут как мухи, т.е. умирая медленной, мучительной смертью. Повторяем, что все эти муки и страдания ложатся на плечи лишь пролетариату, не имеющему денег, т.е. на рабочих, имевших несчастье, повторяем, попасть в полосу голода и разрухи, сопровождавшихся после октябрьских событий, и совершив преступления, лишь спасая себя и семьи от голодной смерти, за которые наказания в свое время понесли однажды и громадное большинство стали на честную трудовую жизнь [...].

**Из совершенно секретного приказа
наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова
"Об операции по репрессированию бывших кулаков,
уголовников и др. антисоветских элементов"
30 июля 1937 г.**

Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывавшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений [...]. Часть перечисленных выше элементов, уйдя из деревни в города, проникла на предприятия промышленности, транспорт и на строительства [...].

Перед органами государственной безопасности стоит задача – самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства.

В соответствии с этим ПРИКАЗЫВАЮ: с 5 августа 1937 г. во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов [...].

При организации и проведении операции руководствоваться следующим:

Контингенты, подлежащие репрессии.

1. Бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность.

2. Бывшие кулаки, бежавшие из лагерей и трудпоселков, а также кулаки, скрывшиеся от раскулачивания [...].

3. Наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и проч., которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях и продолжают вести там активную антисоветскую подрывную работу [...].

4. Репрессиям подлежат все перечисленные выше контингенты, находящиеся в данный момент в деревне – в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных предприятиях и в городе – на промышленных и торговых предприятиях, транспорте, в советских учреждениях и на строительстве.

О мерах наказания репрессируемых [...]:

1. Все репрессируемые кулаки, уголовники и др. антисоветские элементы разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных элементов. Они подлежат немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках – РАССТРЕЛУ,

б) ко второй категории относятся все остальные, менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и

социально опасные из них – заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки [...].

2. Все семьи лиц, репрессированных по первой и второй категориям, взять на учет и установить за ними систематическое наблюдение [...].

Нарком внутренних дел СССР

Н. Ежов

*Архив Президента Российской Федерации (АП РФ).
Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 59–77.*

***Из записки Г.М. Маленкова Н.С. Хрущеву о спецпоселенцах
4 марта 1954 г.***

В дополнение к ранее посланным материалам направляю Вам краткую справку о спецпоселенцах.

По данным МВД СССР, на спецпоселении в настоящее время всего находится 2 819 776 человек, в том числе детей, не достигших 16-летнего возраста, – 884 057 человек.

Основную группу спецпоселенцев – около 2 миллионов человек составляют немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки и крымские татары, выселенные во время Отечественной войны [...].

Всего, таким образом, немцев на поселении находится в настоящее время вместе с детьми 1 225 005 человек.

В соответствии с Указами от 12 октября 1943 г., 7 марта и 8 апреля 1944 г. из районов Северного Кавказа было переселено карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев всего 489 118 человек и по Указу от 27 декабря 1943 г. из бывшей Калмыцкой АССР было переселено калмыков 79 376 человек.

Крымские татары были переселены на основании постановления ГОКО от 11 мая 1944 г.; одновременно были выселены из Крыма немецкие пособники из числа греков, болгар и армян. Всего выселенных из Крыма находится на спецпоселении 199 215 человек.

В местах поселений находятся также лица, выселенные в соответствии с Указами Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля и 2 июня 1948 г. по общественным приговорам общих собраний колхозников или крестьян села, как злостно уклоняющиеся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущие антиобщественный, паразитический образ жизни, – 27 285 человек.

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. сосланы на поселение отбывшие наказание шпионы, троцкисты, меньшевики, правые, террористы, националисты и другие особо опасные преступники, всего – 52 468 человек.

В местах поселений находятся также другие категории выселенных по решениям Правительства СССР:

бывшие кулаки, выселенные из районов сплошной коллективизации на основании постановления ЦИК и СНК от 1 февраля 1931 г. и не снятые еще с учета спецпоселения, – 24 686 человек;

поляки – граждане СССР, выселенные на основании постановления СНК СССР от 28 апреля 1936 г. из пограничных районов Украинской и Белорусской ССР, – 36 045 человек;

"оуновцы", выселенные из западных областей Украины на основании постановления Совета Министров СССР от 10 сентября 1947 г. и 4 октября 1948 г., – 175 063 человека;

иноподданные, бывшие иноподданные и лица без гражданства, дашнаки и другие лица, выселенные из Грузии на основании постановления ГОКО от 31 июля 1944 г. и постановлений Совета Министров СССР от 29 мая 1949 г., 21 февраля 1950 г. и 29 ноября 1951 г., – 160 197 человек;

"власовцы", выселенные на основании постановления ГОКО от 18 августа 1945 г., постановления СНК СССР от 21 декабря 1945 г. и постановления Совета Министров СССР от 29 марта 1946 г. сроком на 6 лет, – 56 476 человек;

бывшие помещики, фабриканты, торговцы, кулаки, немецкие пособники и их семьи, выселенные из Молдавской ССР на основании постановления Совета Министров СССР от 6 апреля 1949 г., – 35 838 человек;

члены семей бандитов, пособники бандитов и кулаки с семьями, выселенные из Прибалтики в 1945–1951 гг., – 159 417 человек [...].

Кроме того, в предвоенные годы и после войны по отдельным постановлениям Правительства СССР были выселены члены семей осужденных сектантов ("истинно-православных христиан", иеговистов и др.), кулаки с семьями из западных областей Украины и Белоруссии.

В Указах и постановлениях Правительства не предусматривалось, что дети спецпоселенцев по достижении совершеннолетия должны браться на учет как спецпоселенцы. Однако, согласно Инструкции МВД СССР от 19 февраля 1949 г., дети спецпоселенцев в возрасте от 16 лет и старше берутся на персональный учет как спецпоселенцы.

В совместной директиве министра внутренних дел СССР и прокурора СССР от 16 мая 1949 г. говорится, что все дети спецпоселенцев, по достижении 16-летнего возраста и проживающие в спецпоселении вместе с высланными родителями (родственниками), подлежат зачислению на вечное поселение, и им объявляется Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., которым устанавливается уголовная ответственность за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения [...].

Источник. 1994. № 2. С. 75, 76.

Темы семинаров и практикумов

1. Идеологические корни и теоретическая база репрессивной политики советской власти в 1920–1970-х гг.

2. Насилие в ранге государственной политики в СССР: причины, сущность, проявления, последствия.

3. "Благо революции – высший закон", "принцип подчинения выгодам коммунистической партии" – свет и тени воплощения этих постулатов в жизни советского общества.

4. Страх перед репрессиями – в чем его влияние на общество, на отдельного человека. Страх и апатия – связь и зависимость.

5. Образ "врага народа" в истории страны, его связь с идеологией и практикой репрессивной политики власти.

6. Террор – признак силы или слабости, уверенности или страха; о чем свидетельствует опыт СССР?

7. Вынужденная эмиграция, ее роль в системе репрессивной политики государства: причины, масштабы, последствия.

8. Роль репрессивной политики государства в решении задач индустриализации и коллективизации.

9. История сопротивления репрессиям в СССР: формы, участники, требования, судьбы.

10. Объясните смысл слов Анны Ахматовой: "Половина России – сидела, другая половина – сажала и охраняла".

11. Проанализируйте на практикуме статьи закона (октябрь 1991 г.) "О реабилитации жертв политических репрессий". В чем его значение для понимания репрессивной политики в СССР?

12. Проанализируйте на практикуме знаменитую статью 58 (со всеми приложениями) и дайте ее развернутую характеристику. Какие мысли и чувства рождает такой анализ? Сравните ее с законом "О реабилитации..." и сделайте выводы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СТАНОВЛЕНИЕ ТОТАЛИТАРНОГО ГОСУДАРСТВА. 1917 – КОНЕЦ 1920-х гг.

Содержательные аспекты темы

Общая характеристика большевистского режима и его репрессивной политики.

Разгром несоциалистических партий и объединений. "Философский пароход".

Репрессии против основных классов и социальных групп российского общества.

Гонения на религию и верующих.

Характер, основные движущие силы и продолжительность Гражданской войны в России; ее итоги.

Вопросы и задания к документам главы третьей

К № 1

1. Используя текст главы и документа, объясните, чьи интересы представляло Собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда весной 1918 г.

2. В чем причины его созыва?

3. Какие главные требования выдвигало Собрание уполномоченных?

4. Используя текст главы, опровергните или подтвердите справедливость требований Собрания уполномоченных.

5. С какой целью выдвигалось требование созыва Учредительного Собрания?

6. Какое значение имел созыв Собрания уполномоченных фабрик и заводов весной 1918 г.?

К № 2

1. Опираясь на знание истории России XVIII–XIX вв., объясните, кто такие казаки, каковы были особенности их социального и правового статуса.

2. Каково было отношение казачества к революции 1917 г., к установлению советской власти, к ее декретам и политике в 1917–1918 гг.?

3. Чем вызвано стремление большевиков вести беспощадную борьбу против всего казачества?

4. Объясните, почему эта политика большевиков получила название "расказачивание"? В чем был ее политический и социальный смысл?

5. Сравните политику продразверстки и политику расказачивания. Что их объединяло?
6. Какие последствия имела политика расказачивания для СССР?

К № 3 и 4

1. Используя текст главы, охарактеризуйте движение, получившее в истории название "антоновщина" (его предпосылки, сущность, требования, причины поражения).
2. Большевики называли это движение "бандитским мятежом", современные историки – "крестьянским восстанием". Выскажите суждения об этих оценках.
3. Проанализируйте документы № 3–4, характеризующие действия большевиков против крестьян Тамбовской губернии. Дайте оценку этим мерам.
4. Почему большевики считали необходимым применять столь жестокие репрессии против крестьян Тамбовщины?

К № 5

1. Как складывались отношения церкви и советской власти в 1917–1920-е гг.? При ответе используйте текст главы и документа.
2. Почему Л.Д. Троцкий говорит о готовности церкви сплотить "контрреволюционные кадры"? Какие факты подтверждают или опровергают эту точку зрения? Используйте текст главы для ответа.
3. Согласны ли вы с оценкой церкви как "бюрократической, формальной организации"?
4. Почему большевики видели в церкви опасную для себя силу? Почему Л.Д. Троцкий говорит о церкви как "об опаснейшем враге завтрашнего дня"?
5. Какую тактику использовали большевики в борьбе с церковью?
6. С какой целью большевики изымали церковные ценности? Дайте оценку этому факту.
7. Какие последствия имела борьба советской власти с церковью?

К № 6

1. Используя текст главы, объясните причины и характер российской эмиграции в послеоктябрьский период.
2. На основе анализа главы, документа и примечаний к нему определите, представители какого слоя общества изгонялись из страны в 1922 г.
3. Какие причины выдвигал В.И. Ленин, настаивая на немедленной высылке из страны названных в документе представителей социалистических партий?
4. Объясните последствия массовой и насильственной эмиграции из страны представителей интеллигенции.

**Вопросы и задания
для работы учащихся по теме главы третьей**

Что произошло в октябре 1917 г.: "Октябрьская социалистическая революция", "большевистский переворот" или что-то третье? Используйте при ответе текст документов и главы.

Почему Г.В. Плеханов был принципиальным противником захвата власти в России одним классом (пролетариатом), тем более – одной партией?

Изложите в форме тезисов свою позицию по вопросу: выражала ли советская власть интересы рабочих, крестьян, интеллигенции? Для обоснования используйте текст главы.

Опираясь на текст главы, определите, какие социальные слои явились объектом репрессий советской власти в период Октябрьской революции и Гражданской войны.

Охарактеризуйте, используя текст главы, отношение советской власти к интеллигенции в 1917–1922 гг.

Составьте по тексту главы описание причин и последствий массового голода в 1921–1922 гг. Сделайте выводы о его причинах и последствиях.

Составьте развернутые тезисы на тему "Отношения советской власти и церкви в 1917–1920-е гг.", подтвердите тезисы фактами из текста главы.

Расскажите о так называемом "философском пароходе". Какие цели преследовала высылка из Советской России представителей оппозиционной интеллигенции?

Дайте свою оценку высказыванию В.И. Ленина в 1922 г. о НЭПе (в кругу большевиков): "Нужен ряд образцовых процессов с применением жесточайших кар. Нарком юстиции, кажись, не понимает, что новая экономическая политика требует новых способов, новой жестокости кар [...]. Величайшая ошибка думать, что НЭП положит конец террору. Мы еще вернемся к террору, и к террору экономическому". Используя текст главы, приведите факты, подтверждающие воплощенные позиции В.И. Ленина в политике репрессий.

Используя текст главы, объясните, почему был подвергнут репрессиям Патриарх Тихон; как его арест, а затем смерть повлияли на взаимоотношения церкви и власти.

**Документы и материалы к главе третьей
для организации семинаров и практикумов**

**Из открытого письма Г.В. Плеханова
к петроградским рабочим
28 октября 1917 г.**

Не подлежит сомнению, что многие из вас рады тем событиям, благодаря которым пало коалиционное правительство А.Ф. Керенского и политическая власть перешла в руки Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Скажу вам прямо: меня эти события огорчают.

Не потому огорчают, чтобы я не хотел торжества рабочего класса, а, наоборот, потому, что призываю его всеми силами своей души.

В течение последних месяцев некоторые агитаторы и публицисты изображали меня чуть ли не контрреволюционером. Во всяком случае, они охотно распространялись на ту тему, что я готов перейти или же перешел на сторону буржуазии. Но эти агитаторы и публицисты, по крайней мере те между ними, которые не страдали неизлечимым простодушием, конечно, сами не верили тому, что распространялось ими на мой счет. Да и нельзя было этому верить.

Кому известна была история моей политической деятельности, тот знает, что уже с начала восьмидесятых годов прошлого столетия, со времени основания группы "Освобождение Труда", в ее основе лежала одна политическая мысль: мысль об историческом призвании пролетариата вообще и русского пролетариата в частности.

Вера в промышленный пролетариат считалась тогда у нас вредной ересью. Интеллигенция насквозь пропитана была старозаветными народническими понятиями, согласно которым промышленный рабочий не мог претендовать ни на какую самостоятельную историческую роль. В лучшем случае он способен был, по убеждению тогдашних народников, поддержать революционное движение крестьянства. И это убеждение так сильно укоренилось в интеллигенции, что всякое отклонение от него считалось почти изменой революционному делу.

В течение последних месяцев нам, русским социал-демократам, очень часто приходилось вспоминать замечание Энгельса о том, что для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому еще не готов. Теперь, после недавних событий в Петрограде, сознательные элементы нашего пролетариата обязаны отнестись к этому замечанию более внимательно, чем когда бы то ни было.

Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь ответит на этот вопрос решительным отрицанием.

Нет, наш рабочий класс еще далеко не может с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть – значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России.

В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист.

Правда, рабочий класс может рассчитывать на поддержку со стороны крестьян, из которых до сих пор состоит наибольшая часть населения России. Но крестьянству нужна земля, в замену капиталистического строя социалистическим оно не нуждается. Больше того: хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма. В этом опять-таки не может сомневаться никто из тех, которые хорошо усвоили себе нынешнюю социалистическую теорию. Стало быть, крестьяне – совсем ненадежный союзник рабочего в деле

устройства социалистического способа производства. А если рабочий не может рассчитывать в этом деле на крестьянина, то на кого же он может рассчитывать? Только на самого себя. Но ведь он, как сказано, *в меньшинстве*, тогда как для основания социалистического строя необходимо *большинство*. Отсюда неизбежно следует, что если бы, захватив политическую власть, наш пролетариат захотел совершить "социальную революцию", то сама экономика нашей страны осудила бы его на жесточайшее поражение.

Говорят: то, что начнет русский рабочий, будет dokonчено немцами. Но это – огромная ошибка.

Спора нет, в экономическом смысле Германия гораздо более развита, чем Россия. "Социальная революция" ближе у немцев, чем у русских. Но и у немцев она еще не является вопросом нынешнего дня. Большинство немецкого пролетариата с Шейдеманом во главе стало поддерживать германских империалистов.

Значит, немец не может докончить то, что будет начато русским. Не может докончить это ни француз, ни англичанин, ни житель Соединенных Штатов. Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года.

А война, которую поневоле приходится вести России? Страшно осложняя положение дел, она еще больше уменьшает шансы "социальной революции" и еще больше увеличивает шансы поражения рабочего класса.

На это возражают: мы декретируем мир. Но чтобы германский император послушался нашего декрета, надо, чтобы мы оказались сильнее его, а так как сила на его стороне, то, "декретируя" мир, мы тем самым декретируем его победу, т.е. победу германского империализма над нами, над трудящимся населением России [...]. Решите сами, можем ли мы радостно приветствовать подобную победу.

Вот почему, дорогие товарищи, меня не радуют, а огорчают недавние события в Петрограде. Повторяю еще раз. Они огорчают меня не потому, что я не хотел торжества рабочего класса, а, наоборот, потому что я призываю его всеми силами души и вместе с тем вижу, как далеко отодвигают его названные события.

Их последствия уже весьма печальны. Они будут еще несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или, еще того хуже, – одной партией.

Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все те классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка.

Я давно уже говорю это. И считаю своим долгом повторить это теперь, когда политика рабочего класса рискует принять совсем другое направление.

Сознательные элементы нашего пролетариата должны предостеречь его от величайшего несчастья, какое только может с ним случиться.

Весь ваш

Г. Плеханов

Единство. 1917. 28 октября.

**Из серии статей М. Горького "Несвоевременные мысли"
1918 г.**

На днях какие-то окаянные мудрецы осудили семнадцатилетнего юношу на семнадцать лет общественных работ за то, что этот юноша откровенно и честно заявил: "Я не признаю советской власти!". Не говоря о том, что людей, которые не признают авторитета власти комиссаров, найдется в России десятки миллионов и что всех этих людей невозможно истребить, я нахожу полезным напомнить строгим, но не умным судьям о том, откуда явился этот честный юноша, столь нелепо-сурово осужденный ими.

Этот юноша – плоть от плоти тех прямодушных и бесстрашных людей, которые на протяжении десятилетий, живя в атмосфере полицейского надзора, шпионства и предательства, неустанно разрушали свинцовую тюрьму монархии, внося, с опасностью для свободы и жизни своей, в темные массы рабочих и крестьян идеи свободы, права, социализма. Этот юноша – духовный потомок людей, которые, будучи схвачены врагами и изнывая в тюрьмах, отказывались на допросах разговаривать с жандармами из презрения к победившему врагу.

Этот юноша воспитан высоким примером тех лучших русских людей, которые сотнями и тысячами погибали в ссылке, в тюрьмах, в каторге, и на костях которых мы ныне собираемся строить новую Россию.

Это – романтик, идеалист, которому органически противна "реальная политика" насилия и обмана, политика фанатиков догмы, окруженных – по их же сознанию – жуликами и шарлатанами.

Чтоб воспитать мужественного и честного юношу в подлых условиях русской жизни, требовалась огромная затрата духовных сил, почти целый век напряженной работы.

И вот теперь те люди, ради свободы которых совершалась эта работа, не понимая, что честный враг лучше подлого друга, осудили мужественного юношу за то, что он, – как это и следует, – не может и не хочет признавать власть, попирающую свободу. Есть очень умная басня о свинье под дубом вековым, – может быть, премудрые судьи найдут время прочесть ее? Им необходимо ознакомиться с моралью этой басни.

Новая Жизнь. 1918. 3 мая (20 апреля).

* * *

В Москве арестован И.Д. Сытин, человек, недавно отпраздновавший пятидесятилетний юбилей книгоиздательской деятельности. Он был министром народного просвещения гораздо более действенным и полезным для русской деревни, чем граф Дм. Толстой и другие министры царя. Несомненно, что сотни миллионов сытинских календарей и листовок, по крайней мере, наполовину сокращали рецидивы безграмотности. Он всю жизнь стремился привлечь к своей работе лучшие силы русской интеллигенции, и не его вина, что он был плохо понят ею в своем искреннем желании

"облагородить" сытинскую книгу. Все-таки он сумел привлечь к своему делу внимание и помощь таких людей, как Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Н.А. Рубакин, Вахтеров, Ключев, А.М. Калмыкова, и десятков других. Им основано книгоиздательство "Посредник", он дал Харьковскому Комитету грамотности мысль издать многотомную и полезную "Сельскохозяйственную Энциклопедию". За пятьдесят лет Иван Сытин, самоучка, совершил огромную работу неоспоримого культурного значения. Во Франции, в Англии, странах "буржуазных", как это известно, Сытин был бы признан гениальным человеком и по смерти ему поставили бы памятник, как другу и просветителю народа.

В "социалистической" России, "самой свободной стране мира", Сытина посадили в тюрьму, предварительно разрушив его огромное, превосходно налаженное технически дело и разорив старика. Конечно, было бы умнее и полезнее для советской власти привлечь Сытина как лучшего организатора книгоиздательской деятельности к работе по реставрации развалившегося книжного дела, но – об этом не догадались, а сочли нужным наградить редкого работника за труд его жизни – тюрьмой. Так матерая русская глупость заваливает затеями и нелепостями пути и тропы к возрождению страны, так советская власть расходует свою энергию на бессмысленное и пагубное и для нее самой и для всей страны возбуждение злобы, ненависти и злорадства, с которым органические враги социализма отмечают каждый ложный шаг, каждую ошибку, все вольные и невольные грехи ее.

Новая Жизнь. 1918. 3 мая (20 апреля).

* * *

Советская власть снова придушила несколько газет, враждебных ей.

Бесполезно говорить, что такой прием борьбы с врагами – нечестен, бесполезно напоминать, что при монархии порядочные люди единодушно считали закрытие газет делом подлым, бесполезно, ибо понятия о честности и нечестности, очевидно, вне компетенции и вне интересов власти, безумно уверенной, что она может создать новую государственность на основе старой – произволе и насилии.

Но вот какие – не новые, впрочем, – соображения вызывают новый акт государственной мудрости комиссаров.

Уничтожение неприятных органов гласности не может иметь практических последствий, желаемых властью, этим актом малодушия нельзя задержать рост настроений, враждебных г.г. комиссарам и революции.

Г.г. комиссары бьют с размаха, не разбирая, кто является противником только их безумств, кто – принципиальным врагом революции вообще. Хватая за горло первых, они ослабляют голос революционной демократии, голос чести и правды; зажимая рот вторым, они творят мучеников в среде врагов.

Украшая растущую реакцию ореолом мученичества, они насыщают ее притоком новой энергии и создают оправдание подлостям будущего, подлостям, которые обратятся не только против всей демократии, а главным образом против рабочего класса; он первый и всех дороже заплатит за глупости и ошибки своих вождей.

Итак, уничтожая свободу слова, г.г. комиссары не приобретут этим пользы для себя и наносят великий вред делу революции

Новая Жизнь. 1918. 14 (1) мая.

* * *

Мы плохо знаем, как живет современная деревня, лишь изредка и случайно доносятся "из глубины России" голоса ее живых людей, – вот почему я нахожу нужным опубликовать нижеприводимое письмо, полученное мною на днях. Суть письма – вот какова:

"Нового у нас в селе за последнее время очень много, в особенности за прошлую неделю. 3 и 4 апреля пришлось пережить нам всем, басьцам, весьма тяжелое время в нашей жизни; а именно: 3 апреля к нам, в село Баську, приезжали красногвардейцы, около 300 человек, которые ограбили всех состоятельных домохозяев, то есть взяли контрибуцию, с кого тысячу, с кого две и до шести тысяч рублей, всего с нашего села собрали 85 350 руб., которые и увезли с собой; а сколько, кроме того, ограбили разного добра у наших граждан, хлебом, мукою, одеждой и проч., то тем и подсчета вести нет возможности, а у Сергея Тимофеевича взяли жеребца, но только не пришлось им воспользоваться, только доехали до села Толстовки, он и пал, около церкви. А сколько пороли нагайками людей, трудно и описать, и так сильно пороли, что от одного воспоминания волосы дыбом становятся, это прямо ужасно! Эти два дня провели наши басьцы в таком страхе, что всех ужасов описать не хватит сил. Всем казалось, что легче пережить муки ада, нежели истязания этих разбойников.

Больше особых новостей в нашем селе нет, а в Барановке, Болдасееве и Славкине после отъезда красной гвардии по примеру этих разбойников сами, беднейший класс, начали грабить состоятельных граждан своего села, даже делают набеги на другие села в ночное время".

Эпическая простота рассказа как нельзя убедительнее свидетельствует о правдивости автора, изобличая в нем настоящего русского человека, из тех, которые издавна ко всему притерпелись и если говорят о "муках ада", так это больше для красного словца, чем из чувства возмущения грабежом и побоями. Это человек, который видел, как "беднейший крестьянин", послужив в солдатах, возвратился в деревню крестьянином "богатейшим"; теперь он наблюдает, как этого "богатейшего" снова превращают в "беднейшего", он знает, что когда красногвардейцы, обеднив "богатейших", встанут на их место, то и красногвардейцев можно будет пограбить.

Новая Жизнь. 1918. 18 (5) мая.

**Из открытого письма М.А. Спиридоновой в ЦК РКП(б)
Ноябрь 1918 г.**

[...] Вы до того бесчестно клеветали на нас, до того вам хотелось обвинить нас в том, чего не было, до того неслышанно вопиющая и небывало подлая и гнусная была ваша травля нашей партии, при полном удушении нашей печати, что нужно было, хотя бы и очень тяжелой ценой, ценой компромисса – участия в вашей лжи (признанием вашего суда), приобрести эту возможность гласной борьбы с вами.

Никогда еще в самом разложившемся парламенте, в продажной бульварной прессе и прочих махровых учреждениях буржуазного строя не доходила травля противника до такой непринужденности, до какой дошла ваша травля, исходящая от социалистов-интернационалистов, по отношению к вашим близким товарищам и соратникам, которые погрешили против лояльности к германскому империализму, а не к вам и, во всяком случае, не погрешили в отношении революции и Интернационала.

Многочисленные массы, идущие за левыми социалистами-революционерами, лишились советских прав, Советы и съезды разгонялись в каждой губернии десятками (Витебская, Смоленская, Воронежская, Курская, Могилевская, Нижегородская и проч., и проч.). Вся советская (а другой тогда еще и не было) крестьянская масса была раздавлена, загнана, затравлена и поставлена под начало военно-революционных комитетов, исполкомов (назначенных из большевиков-коммунистов) и чрезвычайек, многочисленное чиновничество в этом строю сожрет больше кучки буржуазии.

Вместо утвержденной при всеобщем ликовании 3-м съездом Советов рабочих и крестьян социализации земли вы устроили саботаж ее, и сейчас, развязав себе руки разрывом с нами, левыми социалистами-революционерами, тайно и явно, обманом и насилием подсовываете крестьянству национализацию земли – то же государственное собственничество, что и в промышленности.

Передвижение земли, трансформация ее, передел ее хозяйства и владение на местах, благодаря вашему саботажу закона о социализации земли и хитростям с социализацией, чрезвычайно затруднены, и это чревато горькими последствиями для крестьянства.

В вопросе о войне и мире вы приняли "решение" о подписании Брестского мира, который, может быть, уже сделал-таки свое – задушил нашу революцию.

Ваша армия, конструкция ее, система управления Троцкого, не только введшего, как Керенский, смертную казнь на фронте, но и осуществляющего ее в ужасных размерах (чего Керенский не успел и попробовать), старая механическая дисциплина в армии, естественно растущая ненависть к верхам и Троцкому, что это все, как не возврат к николаевским временам, как не подготовка своими руками старой армии? Вы делаете из армии механическую силу, которая должна заменить массы в борьбе с контрреволюцией, но армия-то набирается ведь из масс, оттолкнутых вами от революции.

Своим циничным отношением к власти Советов, своими белогвардейскими разгонами съездов и Советов и безнаказанным произволом назначенцев-большевиков вы поставили себя в лагерь мятежников против советской власти, единственной по силе в России. Власть Советов – это при всей своей хаотичности большая и лучшая выборность, чем вся учредилка, думы и земства. Власть Советов – аппарат самоуправления трудящихся масс, чутко отражающий их волю, настроения и нужды. И когда каждая фабрика, каждый завод и село имели право через перевыборы своего советского делегата влиять на работу государственного аппарата и защищать себя в общем и частном смысле, то это действительно было самоуправлением. Всякий произвол и насилие, всякие грехи, естественные при первых попытках массы управлять и управляться, легко излечимы, так как принцип неограниченной никаким временем выборности и власти населения над своим избранником даст возможность исправить своего делегата радикально, заменив его честнейшим и лучшим, известным по всему селу и заводу.

Горизонт. 1990. С. 47–50.

Темы семинаров и практикумов

1. Сущность политического режима, установившегося в России после взятия большевиками власти в Октябре 1917 г.:

- диктатура пролетариата?
- власть рабочих и крестьян?
- власть партии большевиков?
- охлократия или народная демократия?

Выскажите суждения и обоснуйте свое мнение.

2. Была ли Россия готова к созданию нового, социалистического общества или ей, по словам Г.В. Плеханова, грозила гражданская война? Выскажите суждения, используйте текст письма Плеханова от 26 октября 1917 г.

3. Выскажите суждение об истории и значении создания в России однопартийного, большевистского правительства.

4. Проследите на конкретных фактах связь между властью большевиков и началом политического террора против их оппонентов.

5. "Красный" и "белый" террор – истоки, сущность, последствия: общее и особенное. Пролетариат и крестьянство – объекты террора.

6. Проблема свободы слова в 1918–1920 гг. Почему эта проблема – ключ к пониманию сущности режима большевиков?

7. Трагическая судьба политических партий в России после Октября 1917 г. Недолгий опыт российской многопартийности (1905–1917 гг.).

8. Творческая и научная интеллигенция в условиях большевистского режима в 1920-е гг.

9. Террор большевиков против русской православной церкви, против других конфессий.

10. 1920-е гг. – начало формирования тоталитарного режима в СССР.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕРРОР В 1930-е гг.*****Содержательные аспекты темы***

Предпосылки, сущность, структура тоталитарного режима в СССР, его особенности. Оформление культа личности Сталина. Сращивание партийных и государственных структур. Номенклатура и ее власть. Гонения на "неблагонадежных", "социально чуждых", "идейных попутчиков и врагов". Статистика и динамика массовых репрессий, внесудебных расправ, выселений и других видов преследования. Раскулачивание. Голод. Особенности "большого террора" конца 1930-х гг., его механизм. Противодействие террору.

Разрастание карательных органов, превращение НКВД в реальную власть. ГУЛАГ. Атмосфера страха в стране. Геноцид крестьянства как следствие коллективизации. Создание "мобилизационной" экономики. Начало политики депортации народов Крыма и Кавказа в Сибирь.

Общество в условиях террора. Попытки сопротивления.

Вопросы и задания к документам главы четвертой**К № 1**

1. Используя содержание главы, проанализируйте текст документа и объясните, кто такие "спецпоселенцы", "трудпоселенцы", "деклассированные элементы". С чем связано появление этих категорий?

2. Опишите условия жизни "трудпоселенцев" при пересылке на баржах, на острове, в тайге. Какие аналогии в мировой истории можно найти этим фактам? Согласны ли вы с тем, что в СССР система спецпоселений фактически была системой концентрационных лагерей?

3. Объясните, чем регламентировались действия комендатуры и охраны по отношению к поселенцам: приказами, инструкциями, негласными указаниями, личными мотивами. Дайте оценку поведения охранников.

4. Почему автор документа говорит о разложении в среде охраны? Можно ли слова автора "человек перестает быть человеком" отнести к охране лагерей?

5. Объясните слова автора, отнесенные к заключенным, – "распад человеческой организации". Что означает "распад"? Каковы его причины? В чем он проявляется?

6. Оцените факт написания данного документа в обком ВКП(б) и лично Сталину одним из членов партии, инструктором обкома. Это письмо – проявление смелости, страха или отчаяния?

7. Дайте оценку политическому режиму, при котором стали возможны описанные события.

К № 2

1. Объясните, чем вызвана первая часть письма автора, содержащая похвалы в адрес Сталина, партии, НКВД, проводимой ими политики?

2. Каковы, по вашему мнению, истинные мотивы автора, бывшего чекиста, а ныне – заключенного, обратившегося с письмом к Сталину?

3. Используя текст главы и документа, опишите механизм фабрикации дел и обвинений невинных людей. Какие цели при этом преследовали органы НКВД?

4. Как, судя по письму, практика "спецопераций", описанная в письме, влияла на сотрудников НКВД, их организаторов и участников?

5. Какие последствия для советского общества имели идеология и практика "большого террора"?

К № 3

1. Опираясь на текст документа и главы, опишите методы, которые использовала НКВД в организации массовых репрессий.

2. Опишите, какие обвинения при аресте предъявлялись людям.

3. Какие методы применяли органы НКВД, желая получить признания арестованных? Что толкало обвиняемых на самооговор и оговор других людей, на лжесвидетельства? Выскажите свои суждения об этих методах.

4. Как сказывалась на моральном облике сотрудников НКВД такая система расправы?

К № 4

1. Прочитайте документ в целом и выскажите свое мнение о поступке его автора, Ольги Цапенко, открыто заявившей о своем несогласии с политикой массового террора в 1937 г.

2. Обоснуйте слова Цапенко о том, что "на 20-м году советской власти льется кровь невинных людей".

3. Почему Цапенко считает, что "меры физического уничтожения привели к обратным результатам"?

4. Оцените вывод Цапенко о том, что "методы борьбы советской власти с инакомыслящими неверны", что "расстрелы старых большевиков, рабочих, крестьян никогда не простит история", что "массовые расстрелы диктатуру пролетариата не укрепляют".

5. Права ли Цапенко, говоря, что "наказания не отвечают природе советской власти и заветам Ленина"? Приведите факты "за" или "против" этого утверждения.

6. Подумайте, много ли людей отваживались в 1930-е гг. действовать как О. Цапенко.

**Вопросы и задания
для работы учащихся по теме главы четвертой**

Составьте тезисы на тему "Положение человека в СССР в 1930-х гг. в условиях террора и беззакония".

Объясните цели, сущность и последствия политики раскулачивания, перечислите методы проведения этой политики.

Объясните, почему политика сплошной коллективизации вылилась в массовые репрессии по отношению к крестьянству и привела к массовому голоду в деревне.

Назовите причины, которые обеспечивали возникновение и длительное существование в СССР тоталитарного режима.

Объясните, используя текст главы, влияние культа личности на жизнь, образ мыслей и поведение людей.

Приведите факты неприятия политики советского руководства в 1930-е гг. отдельными гражданами.

Объясните, почему в 1930-е гг. в стране было слабое сопротивление режиму террора и массовых репрессий.

"К причинам поддержки населением тоталитарного режима в СССР относятся страх перед репрессиями и вера народа в коммунистический идеал". Ваше мнение на этот счет.

1930-е гг. характеризуются массовыми репрессиями, превращением государственной машины в орудие партии, уничтожением оппозиции внутри партии. Определите, почему все эти явления стали возможны?

Какие цели преследовала кампания "большого террора"? Насколько эти цели были достигнуты? Каковы были последствия репрессивной политики для социально-экономического и политического положения страны с учетом грядущей войны? При ответах используйте текст главы.

**Документы к главе четвертой
для организации семинаров и практикумов**

Из постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г.

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет: внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти:

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней.

2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде.

3. Дела слушать без участия сторон.

4. Кассационного обжалования, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора.

Председатель Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР

М. Калинин

Известия. 1934. 5 декабря.

**Шифрованная телеграмма ЦК ВКП(б) в ЦК нацкомпартий,
крайкомам и обкомам ВКП(б)
11 июня 1937 г.**

В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими ЦК предлагает Вам организовать митинги рабочих, а где возможно, и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюции о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд должен быть окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т.е. двенадцатого июля.

Секретарь ЦК

Сталин

Российские вести. 1992. 9 июня.

**Шифрованная телеграмма ЦК ВКП(б) в ЦК нацкомпартий,
крайкомам и обкомам ВКП(б)
3 августа 1937 г.**

За последнее время в краях, областях и республиках вскрыта вредительская работа врагов народа в области сельского хозяйства, направленная на подрыв хозяйства колхозов и на провоцирование колхозников на недовольство против Советской власти путем целой системы издевок и глумлений над ними.

ЦК считает существенным недостатком руководства в деле разгрома вредителей в сельском хозяйстве тот факт, что ликвидация вредителей проводится лишь закрытым порядком по линии органов НКВД, а колхозники не мобилизуются на борьбу с вредительством и его носителями.

Считая совершенно необходимой политическую мобилизацию колхозников вокруг работы, проводящейся по разгрому врагов народа в сельском хозяйстве, ЦК ВКП(б) обязывает обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий организовать в каждой области по районам 2–3 открытых показательных процесса над врагами народа – вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные партийные, советские и земельные органы (работники МТС и райЗО, предРИКа, секретари РК и т.п.), широко осветив ход судебных процессов в местной печати.

Секретарь ЦК ВКП(б)

Сталин

Российские вести. 1992. 9 июня.

**Из дневника крестьянина П.Н. Чивильдеева
с. Гореловка Богдановского района Грузинской ССР**

1931 г. [...] В этом году было у нас взято несколько семей, раскулачены. В конце мая ночью приехали солдаты, атаковали село ночью совместно с нашими партийными и выгоняли из домов стариков и больных, не было пощады никому. Было раскулачено около 26 дворов, и их угнали сначала в Ахалцих, брали по одному из семьи. Потом все эти угнанные пробыли в Ахалцихе около трех месяцев, потом угнали в Закаспийский край в Казахстан и разогнали их там по одному и по одной семье [...].

1933 г. [...] В России много помиралось с голода, так что негде было взять хлеба. Ели собак, лошадей, кошек, лягушек – одним словом, всякую тварь, а наши духоборы, которые были в ссылке в Туркестане [...], Казахстане, половина почти померла с голоду, ели разную чепуху, больше макуху, потом понос, и от поноса помирались. Стали приезжать в тыл сироты, вдовы и еле живые, одним словом, нельзя подумать об этом деле, что было. Чуткая душа не могла бы вынести того положения, на котором перетерпело человечество [...].

Документы свидетельствуют:

*Из истории деревни накануне и в ходе
коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989. С. 489, 490.*

**Из протокола заседания комиссии ЦК ВКП(б)
от 30 июля 1931 г.**

Слушали: вопрос о дополнительных заявках на спецпереселенцев и распределении их.

Постановили: [...] Обязать ВСНХ в 3-дневный срок представить ОГПУ свои окончательные заявки на спецпереселенцев; удовлетворить заявку Востокстали на 14 тысяч кулацких семей, обязав в 2-дневный срок заключить с ОГПУ соответствующие договоры; заявки Цветметзолота – на 4600 кулацких семей и Автостроя ВАТО – на 5 тысяч кулацких семей – удовлетворить; по углю удовлетворить заявки на спецпереселение: Востокугля – на 7 тысяч кулацких семей, по Кизеловскому и Челябинскому углю – на 2 тысячи кулацких семей, заявку по подмосковному углю на 4500 кулацких семей принять условно; по торфу принять условно заявку на 31 тысячу кулацких семей. [...] В соответствии с этими заявками предложить ОГПУ произвести необходимое перераспределение по районам и выселение кулаков [...].

Правда. 1989. 23 июля.

**Из воспоминаний политического заключенного
П.К. Хухрикова**

Однажды – было это в марте 1937 г., я тогда работал шофером, пришли два господина в форме, предъявили документы, бумагу об аресте и обыске. Я прочитал, потом, конечно, спросил: "Это какая-нибудь ошибка, не может быть". "Да, нет, – они говорят, – поехали". Меня отправили на Колыму. Миллионы людей попали в такую мясорубку совсем со стороны, ничего не ведая. Я ни в чем не признался, из-за меня никого не посадили, меня судили, дали заочно три года, и все.

В вагоне устроились так: на каждом нарах 10 человек сверху и 10 снизу. Я на вторые нары попал и лег к окну, и всю дорогу ехал, смотрел на Советский Союз из окна тюремного вагона. А ехали мы в общей сложности 46 суток.

Не доезжая [...] до Владивостока, состав сворачивает в тупик... Открываются двери, и охрана кричит: "Выходи!" И вот мы выпрыгиваем – кто выпадает, кто летит, кто как – из вагона на землю. Ходить мы разучились.

[...] Подогнали нам какой-то там катер с баржами. Баржами нас возили через залив на пароход, мы лезли по трапу, трюмы заполняли. Трюм высокий, пять-шесть рядов было сделано, соты такие, куда человек залезал и ложился.

Выгрузили нас – прииск имени Берзина [...]. Бараков на территории прииска было много. Тысяч 14 было людей на прииске.

Когда были большие морозы, каждый вечер на поверке нарядчик, пересчитав нас и сделав переключку, зачитывал приказ Дальстроя о том, что за отказ и плохую работу, за сломанную тачку или короб или за другие какие провинности такие-то зэка – перечень фамилий – приговорены к расстрелу, расстреляны. И так каждый вечер на поверке 20–30 человек зачитывалось приговоренных к смерти.

За первую зиму погибло очень и очень много людей – от тяжелой работы, от недоедания, да еще мороз (мороз 40–45° С стоит от ноября и по май), и цинга способствовала. К весне бригады таяли, их соединяли – несколько бригад в одну, а те, в свою очередь, тоже таяли, и к весне оставалось все меньше и меньше народу на прииске. Тех людей, с которыми я был в Бутырках, – их почти никого не осталось.

[...] Так продолжалось три года. [...] Работа, кой-какое питание, опять работа. Со временем некоторые стали приспосабливаться к лагерной жизни. Некоторые совсем перешли на сторону блатных. А другие так и продолжали работать – бьют их по голове палкой ротный, бригадир, дневальный – все кому не лень.

Побегов было очень мало, и все безрезультатные.

"Освобождали" меня ровно через три года после ареста – 3 марта 1940 г. [...] Перед этим [...] вывезли в лагерную конторку и сообщили, что, мол, будете освобождены из лагеря и перейдете на "вольный стан". Это когда человек освобождался, его из зоны выпускали за ворота, где жили вольнонаемные, договорники в основном, а также бывшие зэка, которых звали "вольняшки". Вот и меня перевели за зону и включили в бригаду забойщиков, состоявшую

только из вольнонаемных. Поселился я в бригаде этой – была небольшая отдельная утепленная палатка. А жизнь отличалась от лагерной прежде всего столовой, где продавали обеды и ужины в неограниченном количестве. За работу тут уже платили. С территории поселка мы уходить могли, но только в пределах территории прииска, потому что документов, паспорта никакого не было.

Поначалу нам говорили, что скоро отправят на материк: "Вот доработаете до лета...". Потом говорить перестали. [...] Так продолжалось 12 лет. [...] Освободили меня в 1953 г.

Родина. 2000. № 7. С. 72–75.

**Из письма академика И.П. Павлова в СНК СССР
21 декабря 1934 г.**

Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия. Если бы нашу обывательскую действительность воспроизвести целиком, без пропусков, со всеми ежедневными подробностями, – это была бы ужасающая картина, потрясающее впечатление от которой на настоящих людей едва ли бы значительно смягчилось, если рядом с ней поставить и другую нашу картину – с чудесно как бы вновь вырастающими городами, днепростроями, гигантами-заводами и бесчисленными учеными и учебными заведениями. Когда первая картина заполняет мое внимание, я всего более вижу сходство нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий. А у нас это называется республикой. Пусть, может быть, это временно. Но надо помнить, что человеку, происшедшему из зверей, легко падать, но трудно подниматься. Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человечно. И с другой стороны. Тем, которые превращены в забитых животных, едва ли возможно сделаться существами с чувством собственного человеческого достоинства.

*Своевременные мысли, или Пророки в своем Отечестве.
Л., 1989. С. 94, 95.*

**Из открытого письма Ф.Ф. Раскольникову И.В. Сталину
17 августа 1939 г.**

Сталин, Вы объявили меня "вне закона". Этим актом Вы уравнили меня в правах – точнее в бесправии – со всеми советскими гражданами, которые под Вашим владычеством живут вне закона.

Ваш "социализм", при торжестве которого его строителям нашлось место лишь за тюремной решеткой, так же далек от истинного социализма, как произвол Вашей личной диктатуры не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата.

Стихийный рост недовольства рабочих, крестьян, интеллигенции властно требовал крутого политического маневра, наподобие ленинского перехода к НЭПу в 1921 г. Под напором советского народа Вы "даровали" демократическую Конституцию. Она была принята всей страной с неподдельным энтузиазмом.

Испугавшись свободы выборов, как "прыжка в неизвестность", угрожавшего Вашей личной власти, Вы растоптали Конституцию, как клочок бумаги, выборы превратили в жалкий фарс голосования за одну-единственную кандидатуру, а сессии Верховного Совета наполнили овациями в честь самого себя. Вы подавляете растущее недовольство насилием и террором. Постепенно заменив диктатуру пролетариата режимом Вашей личной диктатуры, Вы открыли новый этап, который в историю нашей революции войдет под именем "эпохи террора".

Никто в Советском Союзе не чувствует себя в безопасности. Никто, ложась спать, не знает, удастся ли ему избежать ночного ареста. Никому нет пощады. Правый и виноватый, герой Октября и враг революции, старый большевик и беспартийный, колхозный крестьянин и полпред, народный комиссар и рабочий, интеллигент и Маршал Советского Союза – все в равной мере подвержены ударам Вашего бича, все кружатся в дьявольской кровавой карусели.

С жестокостью садиста Вы избиваете кадры, полезные и нужные стране. Они кажутся Вам опасными с точки зрения Вашей личной диктатуры.

Накануне войны Вы разрушаете Красную Армию, любовь и гордость страны, оплот ее мощи. Вы обезглавили Красную Армию и Красный Флот. Вы убили самых талантливых полководцев, воспитанных на опыте мировой и гражданской войн, во главе с блестящим маршалом Тухачевским.

Вы истребили героев гражданской войны, которые преобразовали Красную Армию по последнему слову военной техники и сделали ее непобедимой.

В момент величайшей военной опасности Вы продолжаете истреблять руководителей армии, средний командный состав и младших командиров.

Где маршал Блюхер? Где маршал Егоров? Вы арестовали их, Сталин.

Зная, что закон военной науки требует единоначалия в армии от главнокомандующего до взводного командира, Вы воскресили институт политических комиссаров, который возник на заре Красной Армии и Красного Флота, когда у нас еще не было своих командиров, а над военными специалистами старой армии нужен был политический контроль. Не доверяя красным командирам, Вы вносите в армию двоевластие и разрушаете воинскую дисциплину.

В созданной Вами гнилой атмосфере подозрительности, взаимного недоверия, всеобщего сыска и всемогущества Народного комиссариата внутренних дел, которому Вы отдали на растерзание Красную Армию и всю страну, любому "перехваченному" документу верят – или притворяются, что верят, – как неоспоримому доказательству.

Вы уничтожаете одно за другим важнейшие завоевания Октября. Под видом борьбы с текучестью рабочей силы Вы отменили свободу труда, закабалили советских рабочих и прикрепили их к фабрикам и заводам. Вы разрушили хозяйственный организм страны, дезорганизовали промышленность и транспорт, подорвали авторитет директора, инженера и мастера, сопровождая бесконечную чехарду смещений и назначений арестами и травлей инженеров, директоров и рабочих как "скрытых, еще не разоблаченных вредителей".

Сделав невозможной нормальную работу, Вы под видом борьбы с "прогулами" и "опозданиями" трудящихся заставляете их работать бичами и скорпионами жестких и антипролетарских декретов.

Вы отняли у колхозных крестьян всякий стимул к работе. Под видом борьбы с "разбазариванием колхозной земли" Вы разоряете приусадебные участки, чтобы заставить крестьян работать на колхозных полях. Организатор голода, грубостью и жестокостью неразборчивых методов, отличающих Вашу тактику, Вы сделали все, чтобы дискредитировать в глазах крестьян идею коллективизации.

Лицемерно провозглашая интеллигенцию "солью земли", Вы лишили минимума внутренней свободы труд писателя, ученого, живописца. Вы зажали искусство в тиски, от которых оно задыхается, чахнет и вымирает. Неистовость запуганной Вами цензуры и понятная робость редакторов, за все отвечающих своей головой, привели к окостенению и параличу советской литературы. Писатель не может печататься, драматург не может ставить пьесы на сцене театра, критик не может высказать свое мнение, не отмеченное казенным штампом.

Вы душите советское искусство, требуя от него придворного лизоблюдства, но оно предпочитает молчать, чтобы не петь Вам "осанну". Вы насаждаете псевдоискусство, которое с надоедливой однообразностью воспекает Вашу пресловутую, набившую оскомину "гениальность".

Вслед за Гитлером Вы воскресили средневековое сжигание книг.

Я видел своими глазами рассылаемые советским библиотекам огромные списки книг, подлежащих немедленному и безусловному уничтожению. Против фамилии многих авторов значилось: "Уничтожить все книги, брошюры и портреты".

Вы лишили советских ученых, особенно в области гуманитарных наук, минимума свободы научной мысли, без которого творческая работа становится невозможной.

Самоуверенные невежды интригами, склоками и травлей не дают работать ученым в университетах, лабораториях и институтах. Вы истребляете талантливых русских ученых.

Где лучший конструктор советских аэропланов Туполев? Вы не пощадили даже его.

Нет области, нет уголка, где можно спокойно заниматься любимым делом. Замечательный режиссер, выдающийся деятель искусства Всеволод Мейерхольд не занимался политикой. Но Вы арестовали Мейерхольда.

Зная, что при нашей бедности кадрами особенно ценен каждый культурный и опытный дипломат, Вы заманили в Москву и уничтожили одного за другим почти всех советских полпредов. Вы разрушили дотла весь аппарат Народного комиссариата иностранных дел.

В грозный час военной опасности, когда острие фашизма направлено против Советского Союза, когда главный объект германо-японской агрессии – наша Родина, когда единственная возможность предотвращения войны – скорейшее заключение военного и политического союза с Англией и Францией, Вы колеблетесь, выжидаете и качаетесь, как маятник между двумя "осями".

Во всех расчетах Вашей внешней и внутренней политики вы исходите не из любви к Родине, которая Вам чужда, а из животного страха потерять личную власть. Ваша беспринципная диктатура как гнилая лежит поперек дороги нашей страны. "Отец народа", Вы предали побежденных испанских революционеров, бросили их на произвол судьбы и предоставили заботу о них другим государствам. Великодушное спасение жизни не в Ваших принципах. Горе побежденным! Они Вам не нужны.

Еврейских рабочих, интеллигентов, ремесленников, бегущих от фашистского варварства, Вы равнодушно предоставили гибели, захлопнув перед ними двери нашей страны, которая на своих огромных просторах может приютить многие тысячи эмигрантов.

Чем дальше, тем больше интересы Вашей личной диктатуры вступают в непрерывный конфликт и с интересами рабочих, крестьян, интеллигенции, с интересами всей страны, над которой Вы измываетесь как тиран, добравшийся до единоличной власти.

*Возвращение к правде. Реабилитирован посмертно. Вып. 1.
М., 1988. С. 197, 198.*

Темы семинаров и практикумов

1. Террор – важнейшее средство насильственных изменений в государственном и социально-экономическом строе, проводимых большевиками. Подтвердите или опровергните это утверждение, приведите конкретные факты истории СССР.

2. Форсированная индустриализация: сочетание энтузиазма и насилия над народом.

3. Коллективизация как насильственный процесс уничтожения крестьянства и разрушения сельского хозяйства.

4. Массовое "раскулачивание" – трагедия миллионов. Роль государственных репрессий в "раскулачивании".

5. История массового голода в начале 1930-х гг. – первое трагическое последствие коллективизации.

6. "Большой террор" 1937–1938 гг. – причины, формы, методы, жертвы.

7. Последствия "большого террора" для интеллигенции, национальной элиты, религиозных кругов, партийной и военной верхушки.

8. "Чистка" в партии – примета 1930-х гг. Нарастание репрессий против бывших оппозиционеров, подавление инакомыслия в партии.

9. Советское общество в условиях террора: выживание в страхе и апатии; проблема массовых доносов и "осуждений".

10. Попытки противодействия политике репрессий в 1930-е гг. в разных слоях общества (крестьянские восстания, забастовки рабочих, политические "платформы" и "открытые письма", публицистика и художественная литература).

11. "Большой террор" как выражение тоталитарного режима в СССР.

12. Сравните политической режим 1930-х гг. в СССР и в Германии; выявите общее и отличное. Сделайте выводы.

ГЛАВА ПЯТАЯ**ЛИХОЛЕТЬЕ ВОЙНЫ И ЗАКАТ СТАЛИНИЗМА.
1939–1956*****Содержательные аспекты темы***

Усиление массовых репрессий в обществе и в партии в конце 1930-х гг. Репрессии против военных кадров. Усиление идеологии "осажденной крепости" и пропаганда ксенофобии к несоциалистическому миру. Рост идеологических запретов и экспансионистских целей, насаждение "образа врага". "Военизация" жизни населения.

Попытки сопротивления в обществе. Ужесточение режима труда. Катынь. Депортация ряда народов. Просчеты сталинского командования в первые месяцы войны. Заградительные отряды. Штрафные батальоны. Приказы № 227, 270.

Политика репрессий и террора против бывших в плену, в оккупации, репатриированных граждан. Борьба с национальным движением в западных регионах СССР.

Политика "холодной войны" и "железного занавеса", культивирование среди населения этнофобии, ксенофобии, нетерпимости. Борьба с "буржуазным национализмом". Репрессии и террор против деятелей стран Восточной Европы.

Усиление политического террора в конце 1940-х гг. Кампания борьбы с так называемым космополитизмом и "низкопоклонством перед Западом". Роль идеологических постановлений ЦК КПСС в судьбах ученых, писателей, деятелей науки, преподавателей и студентов. Идеологические "чистки" середины 1940 – начала 1950-х гг. Расцвет государственного антисемитизма. "Дело врачей". Разгром Еврейского Антифашистского Комитета. Лысенковщина.

Вопросы и задания к документам главы пятой**К № 1 и 2**

1. Прочтите документы № 1–2 и определите, какому трагическому событию в советско-польских отношениях 1939–1940 гг. они посвящены; используйте знания об этом событии из учебника и главы пятой.

2. Объясните, почему на территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1940 гг. оказались почти 20 тыс. польских офицеров.

3. Объясните, почему Л. Берия в письме к И. Сталину называет польских военнопленных "врагами советской власти, полных ненависти к советскому строю". Приводятся ли доказательства их шпионской, диверсионной или контрреволюционной деятельности?

4. Выскажите свое суждение о факте расстрела более 20 тыс. пленных польских офицеров органами НКВД в 1940 г.
5. Каковы последствия расстрела – политические, правовые, исторические? Определите главных виновников этой трагедии.
6. Охарактеризуйте шаги советского руководства в 1989–1990-х гг. по обнародованию подлинной истории Катынской трагедии.

К № 3

1. Используйте текст главы, учебника и документа и объясните, что из себя представляли особые отделы НКВД и заградительные отряды войск НКВД. С какой целью они создавались, чем занимались в тылу и прифронтовой полосе?
2. Дайте оценку фактам и причинам "отставания от своих частей" и "победам с фронта", получившим осенью 1941 г. массовое распространение (около 500 тыс. человек).
3. Выскажите суждение о тяжести наказания – расстреле, в том числе перед строем, за дезертирство.

К № 4

1. По материалам главы, учебника и документа вспомните, как складывались отношения советской власти с церковью в 1920–1930-е гг.
2. Объясните причины выступлений населения за открытие церквей и возобновление церковных служб.
3. Почему встречи верующих в документе характеризуются как нелегальные (т.е. незаконные) или полулегальные, а сами верующие называются сектантами?
4. Объясните, существует ли связь между военной обстановкой и возрождением религиозных чувств населения. Чего ждали верующие от общения с церковью?
5. Используя текст главы и учебника, объясните, как и почему произошли изменения в отношениях советской власти к церкви в годы Великой Отечественной войны.

К № 5

1. Объясните, чем вызвано письмо секретаря обкома ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову. Какие факты приводит автор письма? От кого получены эти факты?
2. Что автор письма называет антисоветской группой? Почему он считает, что ведется "организованная борьба с ЦК ВКП(б) и советской властью"? Согласны ли вы с таким выводом?
3. Проанализируйте текст листовки и объясните, против чего выступает автор листовки, к чему он призывает инвалидов войны, почему он выдвигает требование "Долой колхозы!".
4. Используя текст главы, объясните, были ли реальные причины для недовольства советской властью у отдельных слоев населения в годы Великой Отечественной войны. Можно ли считать описанный в документе случай уникальным или он был типичным для протестного движения?

К № 6

1. Выскажите свое суждение о выступлении писательницы М. Шагинян на партийном собрании Союза советских писателей в 1945 г. Что взволновало ее? Какие факты вызвали ее возмущение?

2. Объясните, как вы понимаете ее слова: "Где же ленинское учение, где Сталинская Конституция?".

3. Объясните, можно ли считать приведенные ею факты типичными. Или они – единичны?

4. Как вы думаете, почему выступление М. Шагинян было поддержано на собрании только небольшим числом писателей? О чем говорит этот факт?

5. Почему критика М. Шагинян беспорядков на заводе расценивалась как непартийная и неправильная?

К № 7

1. Объясните, с какой целью министр МГБ Абакумов направил И. Сталину подробное письмо о мерах по аресту и наказанию шпионов и диверсантов.

2. Объясните, почему подозреваемый называется преступником еще до ареста и до суда. Какой принцип судопроизводства нарушается при таком подходе?

3. Перечислите, какие меры применялись в органах МГБ (КГБ) при слежке и аресте преступника. Дайте оценку этим мерам. Объясните, какие права человека нарушаются этими мерами.

4. Охарактеризуйте методы допроса и содержания в тюрьме, применявшиеся МГБ (КГБ). Выскажите суждение о методах давления на религиозные убеждения или личные привязанности арестованного.

5. Выскажите общую оценку режима в органах МГБ с точки зрения правового государства.

К № 8 и 9

1. Прочитайте документы № 8–9 и определите, что общего в их содержании, учитывая, в том числе, их датировку.

2. Охарактеризуйте, используя текст главы и документов, каково было положение сельского и городского населения после войны.

3. Почему в регионах, производящих хлеб, колхозники голодали?

4. Почему в небольших городах после отмены карточек люди испытывали трудности с покупкой хлеба? Какую роль играли центральные и местные власти в снабжении населения продовольствием?

5. Какую форму протеста применяли голодавшие? Оцените поступок председателя белорусского колхоза и коллективное письмо в "Комсомольскую правду". Какие последствия могли иметь такие поступки?

6. Объясните, почему об этих событиях мы узнали только недавно.

К № 10

1. Используя текст главы и документа, объясните, кто такие репатрианты и как советские люди становились репатриантами после Великой Отечественной войны.

2. Охарактеризуйте положение репатриантов после их возвращения в СССР, сделайте выводы.

3. Почему советские власти были заинтересованы в приезде репатриантов? Почему они предлагали уже возвратившимся гражданам сообщать адреса своих родных и знакомых, еще не возвратившихся в СССР? Какие цели при этом преследовались?

4. Почему определенная часть советских граждан, угнанных немецкими захватчиками в Германию и освобожденных затем армиями союзников СССР, не захотела вернуться на Родину, предпочтя участь перемещенных лиц и эмигрантов? Как вы оцениваете решение этих людей?

К № 11

1. Прочтите анонимное письмо бывшего советского военнопленного и изложите, как в нем характеризуется послевоенная обстановка в стране, положение таких категорий населения, пострадавших в войну, как сироты, тяжелораненые и искалеченные, бывшие в оккупации и военнопленные.

2. Объясните слова автора о военнопленных, которые "остались на век изуродованными в своих правах".

3. Изложите, используя текст главы и учебника, содержание приказов, определивших отношение советского руководства к военнопленным в годы Великой Отечественной войны. Как эти решения повлияли на судьбу освобожденных военнопленных и их семьи? Выскажите свое отношение к этим решениям.

4. Известно, что летом – осенью 1941 г. в плену оказалось около 4 млн красноармейцев. Перечислите возможные причины столь массовой трагедии. Как бы вы ответили автору письма на вопрос: "Кто виноват в большом количестве пленных?"

5. Дайте оценку того факта, что органы КГБ использовали военнопленных в слежке и доносах друг на друга.

6. Как предлагает автор изменить судьбу военнопленных?

К № 12

1. Охарактеризуйте кратко, используя текст главы и документа, жизнь подростков на оккупированной территории.

2. Какие новые тяготы ожидали автора письма после освобождения их области от немецких захватчиков?

3. В каких условиях работала молодежь во время войны на так называемом "трудовом фронте"? Почему посылали на "трудовой фронт" принудительно?

4. Почему и после войны сохранялась практика так называемого "организованного набора" для работы на шахтах, стройках и других тяжелых, не механизированных работах? Кого прежде всего посылали на эти работы?

5. Почему люди не могли уйти с той работы, на которую их послали принудительно: в годы войны? в мирное время? после войны?

6. Как бы вы ответили на вопрос автора письма: является ли она ветераном труда или нет? Свой ответ обоснуйте.

7. Какие мысли и чувства вызвало письмо у вас?

Вопросы и задания для работы учащихся по теме главы пятой

Выскажите суждение, почему, несмотря на царившие в стране тоталитарный режим и жестокий террор, народ встал на защиту своего Отечества в годы войны.

В документах военных лет неоднократно говорится о "паникерах", "provокаторах", "дезертирах", "подозрительных лицах". Как вы думаете, кто имелся при этом в виду?

Почему сталинское правительство организовывало проверку бывших заключенных фашистских концлагерей в специальных лагерях СМЕРШа?

Расскажите о роли заключенных ГУЛАГа в экономике страны в годы войны. Как вы объясните сохранение огромного числа узников ГУЛАГа даже в годы войны, когда не хватало людей на фронте?

Одной из причин депортации некоторых народов Крыма и Северного Кавказа в 1943–1944 гг. в районы Сибири и Казахстана называют потенциальную готовность этих народов к сотрудничеству с оккупантами. Выскажите свое суждение о подобной точке зрения. Считаете ли вы возможным говорить о предательстве целого народа?

На какие территории переселялись народы? Какие в связи с этим возникали проблемы и конфликты? Как можно объяснить методы выселений?

Чем можно объяснить создание в Литве так называемых "партизанских отрядов" для борьбы "против большевиков"? Что толкало часть населения стран Прибалтики на сотрудничество с немецкой армией против советской власти? Соответствовало ли это сотрудничество коренным интересам народов Прибалтики?

Как вы полагаете, почему военнопленные и гражданское население поступали на службу к оккупационным властям?

Как сложилась послевоенная судьба большинства советских военнопленных? Какова была политика советского правительства по отношению к военнопленным – солдатам и офицерам Советской Армии? Почему так долго скрывалась подлинная цифра числа военнопленных – граждан СССР?

Выскажите свое отношение к директиве Сталина от 12 сентября 1941 г. и приказу № 270 от 16 августа 1941 г. Согласны ли вы с тем объяснением причин сдачи красноармейцев в плен, которые даны в документах?

Согласны ли вы с утверждением, что "всех сдавшихся в плен врагу считать злостными дезертирами", "врагами народа"?

Каково ваше отношение к требованию ареста семей военнопленных, лишению их государственного пособия и помощи? "Немедленному расстрелу дезертиров"? "Уничтожению их всеми средствами"?

Расскажите о проблемах, возникавших перед государством и людьми на освобожденных территориях.

Чем были вызваны ограничения прав населения на освобожденных от оккупации территориях? Считаете ли вы эти ограничения справедливыми?

Как можно оценить размеры военных потерь? Велики ли они? Какими причинами можно объяснить эти размеры? Могли ли они быть, с вашей точки зрения, иными?

М.С. Горбачев в докладе о 45-летию Победы в 1990 г. сказал: "Правда о цене Победы на поверку сама стала испытанием. Произнести ее и сегодня трудно". Как вы понимаете эти слова? В чем суть того испытания, о котором говорил Горбачев? Почему эта правда долго скрывалась?

Как вы оцениваете популярные слова "Никто не забыт, ничто не забыто" применительно к истории Великой Отечественной войны? К периоду существования культа личности Сталина?

После Победы, в конце 1940-х гг., в стране вновь усилились репрессии. Объясните, против кого они были направлены, в каких конкретных фактах проявились, каковы были их причины.

Составьте тезисы на тему "Наследие Сталина". Ответьте на вопросы: Что это? Существует ли оно реально сегодня? В чем проявляется? Кто дорожит им? Кто выступает против него?

Объясните, почему политический режим в СССР в конце 1940-х – начале 1950-х гг. называют репрессивным. Охарактеризуйте его в сравнении с довоенным периодом.

Какие черты "идеального образа советского человека" утверждались партийной идеологией и пропагандировались общественно-политической литературой в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в СССР?

Охарактеризуйте взаимоотношения власти и творческой интеллигенции в конце 1940-х гг. Раскройте причины интереса ЦК ВКП(б) к вопросам художественного творчества.

Каково было отношение власти в мирное время к репатриантам, людям, бывшим в плену или на оккупированной территории, воевавшим против фашистов в составе интернациональных бригад в других странах? Чем его можно объяснить? Как оценить?

Документы и материалы к главе пятой для организации семинаров и практикумов

***Из приказа Народного комиссара обороны Союза ССР
И.В. Сталина
28 июля 1942 г.***

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге – у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

У нас не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину [...].

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнять этот призыв – значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага [...].

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии от трех до пяти хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших офицеров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны

И. Сталин

*Великая Отечественная война. 1941–1945 гг.:
События. Люди. Документы. М., 1990. С. 435.*

**Заявление Н.И. Вавилова заместителю председателя
СНК СССР Л.П. Берия
25 апреля 1942 г.**

6 августа 1940 г. я был арестован и направлен во Внутреннюю тюрьму НКВД в Москве. 9 ноября 1941 г. решением Военной коллегии Верховного Суда СССР я приговорен к высшей мере наказания.

Как при подписании протокола следствия за день до суда, когда мне были представлены первые материалы показаний по обвинению меня в измене Родине и шпионаже, так и на суде, продолжавшемся несколько минут, в условиях военной обстановки, мною было заявлено категорически о том, что это обвинение построено на небылицах, лживых фактах и клевете, ни в коей мере не подтвержденных следствием.

Перед лицом смерти как гражданин СССР и как научный работник считаю своим долгом заявить, как уже писал Вам в августе 1940 г., вскоре после ареста, что я никогда не изменял своей Родине ни в помыслах, ни делом, не причастен к каким-либо формам шпионской работы в пользу других государств.

15 октября 1941 г., в связи с эвакуацией, я был этапом направлен в Саратов, в тюрьму № 1, заключен в камеру смертников, где и нахожусь по сей день.

Мне 54 года, имея большой опыт и знания, в особенности в области растениеводства, владея свободно главнейшими европейскими языками, я был бы счастлив отдать себя полностью моей Родине, умереть за полезной работой для моей страны. Будучи физи-

чески и морально достаточно крепким, я был бы рад в трудную годину для Родины быть использованным для обороны страны по моей специальности как растениевод в деле увеличения растительного продовольственного и технического сырья.

Наука и жизнь. 1987. № 11. С. 111, 112.

**Из совершенно секретного постановления
Совета Министров СССР
"О выселении на спецпоселение с территории западных областей УССР семей бандитов, националистов и бандпособников в ответ на совершенные бандитами диверсионно-террористические акты"
4 октября 1948 г.**

В целях усиления борьбы с антисоветским националистическим подпольем и ликвидации бандитской пособнической базы на территории западных областей Украины, Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Разрешить Министерству государственной безопасности СССР выселять на спецпоселение под надзор органов Министерства внутренних дел семьи бандитов, националистов и бандпособников, проживающие на территории Львовской, Станиславской, Тернопольской, Дрогобычской, Ровенской, Волынской и Черновицкой областей Украинской ССР.

Выселение проводить в каждом отдельном случае по решению Особого совещания при Министерстве государственной безопасности СССР в ответ на совершенные бандитами диверсионно-террористические акты.

2. Разрешить выселяемым брать с собой лично принадлежащие им ценности, домашние вещи (одежду, посуду, мелкий сельскохозяйственный, ремесленный и домашний инвентарь) и запас продовольствия общим весом до 1000 килограммов. [...]

3. Обязать Министерство внутренних дел СССР: [...]

[...] направлять семьи бандитов, националистов и бандпособников, выселяемые из западных областей Украинской ССР, на спецпоселение в Якутскую АССР, Иркутскую и Томскую области.

Председатель Совета Министров Союза ССР
Управляющий делами Совета Министров СССР

*И. Сталин
Я. Чадаев*

АП РФ. Ф. 3. Оп. 758. Д. 179. Л. 44–45.

Хроника переселений, репрессий и депортаций

26 ноября 1948 г. принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, гласивший: немцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы, крымские татары и другие переселены в отдаленные районы навечно,

самовольный их выезд с мест поселения карается каторжными работами сроком до 20 лет.

В 1948 г. в связи с "ленинградским делом" были репрессированы практически все руководящие кадры партийной организации Эстонской ССР.

В 1949 г. перед коллективизацией из Эстонии было депортировано более 20 000 человек.

В период 22–23 мая 1948 г. (Постановление Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г.) из Литвы выселено 11 345 семей активных участников вооруженного националистического подполья и кулаков, общим количеством 39 766 человек (мужчин – 12 370; женщин – 16 499 и детей до 15 лет – 10 897 человек).

В период с 25 по 28 марта 1949 г. (Постановление Совета Министров СССР от 29 января 1949 г.) из Литвы выселено 6845 семей кулаков и 1972 семьи националистов, с общим числом 29 180 человек (мужчин – 9199, женщин – 11 736 и детей до 15 лет – 8245 человек).

За период 1944–1956 гг. жертвами националистического террора на территории Литвы стали 25 108 человек убитых, 2965 – раненых. В том числе: литовцев – 21 259 убито, 1889 – ранено; дети до 16 лет – 993 убито, 103 – ранено; дети до 2 лет – 52 убито, 15 – ранено.

С 1944 по 1952 г. на территории Латвии было ликвидировано 702 националистических формирований и групп, в которых насчитывалось 11 042 участника. Из них убито 2408 человек, арестовано 4341, сдались властям 4293 человека.

За этот же период на территории Латвии убито 1562 представителя советско-партийного и комсомольского актива, 50 военнослужащих Советской Армии, 64 сотрудника МВД и МГБ, 386 бойцов истребительных батальонов, многие члены их семей.

В июле 1946 г. при ликвидации "Рижского центра лесных братьев" был обнаружен "черный список" на 168 работников латышской культуры и науки.

25 марта 1949 г. 14 тысяч спецпереселенцев, в том числе старики и дети, были вывезены из Латвии.

Несостоявшийся юбилей. М., 1992. С. 83, 84.

Из книги В. Гроссмана "Жизнь и судьба"

Сталинград, сталинградское наступление способствовало новому самосознанию армии и населения. Советские, русские люди по-новому стали понимать самих себя, по-новому стали относиться к людям разных национальностей. История России стала восприниматься как история русской славы, а не как история страданий и унижений русских крестьян и рабочих. Национальное из элемента формы перешло в содержание, стало новой основой миропонимания.

Переосмысливание событий войны, осознание силы русского оружия, государства явилось частью большого, длительного, широкого процесса.

Три грандиозных события были краеугольными камнями нового переосмысления жизни и человеческих отношений – коллективизация деревни, индустриализация, 1937 год.

Эти события, как и Октябрьская революция 1917 года, совершили сдвиги и смены огромных слоев населения: сдвиги эти сопровождались физическим истреблением людей, не меньшим, а большим, чем истребление в пору ликвидации классов русского дворянства, промышленной и торговой буржуазии. Эти события явились логическим результатом Октябрьской революции.

Война ускорила процесс переосмысления действительности, подспудно шедший уже в довоенное время, ускорила проявление национального сознания – слово "русский" вновь обрело живое содержание.

Национальное сознание проявляется как могучая и прекрасная сила в дни народных бедствий. Народное национальное сознание в такую пору прекрасно, потому что оно человечно, а не потому, что оно национально. Это – человеческое достоинство, человеческая верность свободе, человеческая вера в добро, проявляющиеся в форме национального сознания. Но пробудившееся в годы бедствий национальное сознание может развиваться многообразно.

В пору сталинградского перелома, в пору, когда пламя Сталинграда было единственным сигналом свободы в царстве тьмы, открыто начался этот процесс переосмысления. Логика развития привела к тому, что народная война, достигнув своего высшего пафоса во время сталинградской обороны, именно в этот сталинградский период дала возможность Сталину открыто декларировать идеологию государственного национализма.

Гроссман В.С. Жизнь и судьба. М., 1988. С. 621–623.

Справка КПК при ЦК КПСС и ИМЛ при ЦК КПСС о "Ленинградском деле"

Одним из актов массовых репрессий после Великой Отечественной войны было так называемое "Ленинградское дело", жертвами которого стали сотни партийных и советских работников, в том числе члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б).

1 октября 1950 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР были осуждены к высшей мере наказания – расстрелу:

Н.А. Вознесенский – член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя Совета Министров СССР; Н.А. Кузнецов – член Оргбюро, секретарь ЦК ВКП(б); М.И. Родионов – член Оргбюро ЦК ВКП(б), Председатель Совета Министров РСФСР; П.С. Попков, кандидат в члены ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б); Я.Ф. Капустин, второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б), П.Г. Лазутин, председатель Ленинградского горисполкома.

Всем осужденным было предъявлено обвинение в том, что, создав антипартийную группу, они проводили вредительско-подрывную работу, направленную на отрыв и противопоставление Ленинградской

партийной организации Центральному Комитету партии, превращение ее в опору для борьбы с партией и ЦК ВКП(б). Жертвами репрессий в связи с так называемым "Ленинградским делом" явились все руководители Ленинградской областной и городской партийных организаций. Только в Ленинградской области были освобождены от партийной и советской работы более двух тысяч коммунистов, многие из них в течение длительного времени подвергались гонениям и преследованиям. Репрессиям подвергались члены семей осужденных руководителей Ленинградской организации.

Так называемое "Ленинградское дело" было спровоцировано и организовано Сталиным, который стремился поддержать среди высших руководителей атмосферу подозрительности, зависти и недоверия друг другу и на этой основе еще больше укреплять свою личную власть. Так называемое "Ленинградское дело" связано с именами ряда лиц, близко стоявших к Сталину, входивших в состав его окружения: Г.М. Маленковым, Л.П. Берией, М.Ф. Шкирятовым, В.С. Абакумовым и другими. Они являлись фактическими исполнителями противозаконных действий по фальсификации обвинений и организации расправы с сотнями невинных людей.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 126.

Темы семинаров и практикумов

1. Причины ужесточения репрессивной политики в предвоенные годы (конец 1930-х – начало 1940-х гг.). Последствия террора в эти годы для последующих судеб страны.

2. Советизация новых территорий СССР в 1940-е гг., расширение террора на новые группы граждан, на новые народы.

3. Депортация как одна из форм жестких массовых репрессий в стране: причины, сущность, формы и методы. Преступления власти перед целыми народами. Отголоски депортации в наши дни.

4. История преступления в Катыни: причины, суть, последствия. Правда через 50 лет.

5. "Дважды преданные" – трагическая судьба советских военнопленных в Великой Отечественной войне: причины, масштабы, тяготы немецкого плена и послевоенных советских репрессий в ГУЛАГе.

6. Ужесточение репрессий в годы войны – на фронте, в тылу, после освобождения оккупированной территории. Трагедия репатриированного населения.

7. Кампания против "изменников Родины", "врагов народа" в годы войны: ужесточение режима и усиление националистической пропаганды.

8. "Украденная победа" – провал надежд советских людей на ослабление тягот режима, на его демократизацию, на ослабление репрессий и улучшение условий жизни. Новый виток репрессий середины – конца 1940-х гг.

9. Идеологические кампании конца 1940-х – начала 1950-х гг. – апогей сталинизма, его идеологии и репрессивной политики.

10. Усиление кампаний по формированию "образа врага" в условиях "железного занавеса" и "холодной войны".

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЖИЗНЬ И БОРЬБА ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Содержательные аспекты темы

Становление советской репрессивной системы, поиск новых массовых мер наказания, организация лагерей принудительного труда.

Назначение концлагерей (периода революции и Гражданской войны), места их расположения, состав заключенных, ведомственная принадлежность, задачи и перспективы.

Условия содержания в концлагерях 1920-х гг., складывание системы произвола, насилия, унижения, жестокости.

Пенитенциарная политика советского государства в 1920–1930-е гг.

Рождение колониально-лагерной страны "ГУЛАГ", количество и состав ее "населения". Виды принудительного труда. Труд заключенных как искаженная и антигуманная, насильственная форма внутренней колонизации. Труд заключенных – необходимое условие экстенсивного экономического развития страны, осуществления эксперимента "социалистической модернизации".

Основные направления экономической деятельности ГУЛАГа, место и роль лагерной экономики в хозяйстве страны. Отрицательные последствия лагерной экономики.

Произвол, беззаконие, жестокость – основные черты карательной политики Советского государства. Условия труда и быта заключенных. Особые лагеря.

Спротивление в ГУЛАГе. Лагерные восстания 1953–1955 гг.

Политические, социально-экономические, морально-этические последствия ГУЛАГа.

ГУЛАГ в исторической памяти народов страны.

Вопросы и задания к документам и материалам главы шестой

К № 1

1. Прочтите отрывок из книги и выскажите свое мнение об эпизоде с голодной девочкой из деревни. Что вас больше всего потрясло? Разделяете ли вы те чувства, о которых пишет автор?

2. Попробуйте оценить поведение автора, заключенного в лагере, и поведение девочки из деревни, расположенной по соседству с лагерем.

3. Что вы знаете о положении крестьян в советской деревне? О голоде в деревне и его причинах?

4. Выскажите свое мнение о переживаниях и размышлениях автора в последней части отрывка. Почему он пережил "великое унижение"? Из-за чего? Чем были вызваны чувства "отвращения и ярости"?

5. Почему в этот горький момент автор вспоминает о революции и Гражданской войне? Кого обвиняет он в трагической судьбе "миллионов", на костях которых "будет строиться социалистический рай"?

6. Почему, как вы считаете, он обвиняет Ленина в "лицемерной подлости"?

К № 2

1. Найдите в энциклопедии статью о крупнейшем русском философе А.Ф. Лосеве. Объясните, почему он стал заключенным концлагеря. Какими соображениями руководствовалась власть при его аресте?

2. Прочтите первый фрагмент из писем А.Ф. Лосева (от 7 марта 1932 г.) и объясните, почему образ "дрожащей твари" (слова Ф.М. Достоевского) в наибольшей степени выражает его жизнь в лагере. Только ли скученность, холод и ругань угнетают автора письма? Что для него мучительнее всего?

3. Прочтите второй и третий фрагменты писем А.Ф. Лосева и опишите условия работы и проживания на поселении. Дайте оценку этим условиям и отношению к ученому со стороны лагерного начальства.

4. Используя текст главы и документа, охарактеризуйте строительство Беломорско-Балтийского канала, роль труда заключенных на этой стройке, отношение власти к строителям и освещение истории строительства в печати. Сделайте выводы.

5. Опираясь на текст письма А.Ф. Лосева от 19 сентября 1933 г., постарайтесь объяснить, как потеря свободы, проживание в лагере или в ссылке влияют на психику и поведение заключенного. Почему автор пишет о нежелании что-либо делать для себя, о "привычке к собачьему режиму"?

6. Можно ли высказать свое суждение о личности А.Ф. Лосева по приведенным фрагментам писем? Что бы вы могли сказать о нем, как о человеке?

К № 3

1. Подготовьте краткое описание порядков в лагере ОГПУ; в описании отметьте состав заключенных, их труд, отношение к ним охраны лагеря, судьбу большинства заключенных.

2. Учитывая время описываемых событий (зима 1931 г.), предположите, кто преимущественно мог оказаться в лагере в это время. На какие слои населения обрушились в эти годы массовые репрессии?

3. Попробуйте, используя текст главы, объяснить такие выражения и слова автора воспоминаний, как "вышка", "тройка", "разговоры", "организация".

4. Объясните, почему в лагере оказались сектанты. За какое "неповиновение" их наказали, почему над ними издеваются? Какие права человека при этом попирались?

5. Как вы понимаете выражение "лагерная пыль"?

К № 4

1. Прочитайте отрывок и попытайтесь кратко изложить свое первое впечатление о жизни в лагере на Колыме. Что вас поразило больше всего?

2. Как вы оцениваете стремление автора "послать правду на волю" и донести ее до современников и до будущих поколений?

3. Попытайтесь дать оценку поведению охранников, их обращению с заключенными. Была ли необходима такая жестокость? Чем она вызывалась? Как влиял лагерь на личность самих охранников?

4. Как вы считаете, осуществилось ли пожелание автора письма: "Пусть молодежь знает, а главное – пусть чтут память!"? Знает ли сегодня молодежь реальную правду о ГУЛАГе? Читает ли память миллионов погибших?

К № 5

1. Объясните, используя текст документа и главы, кого приговаривали к каторжным работам в СССР. В какие годы?

2. В чем суть предложения Н.С. Хрущева? Выскажите свое мнение об этом предложении.

3. Перечислите доводы автора докладной записки на имя Л.П. Берия в пользу отказа от предложений Хрущева.

4. Охарактеризуйте условия жизни и труда каторжников, используя пункты 2 и 3 докладной записки.

5. Почему труд каторжников, с точки зрения автора записки, не эффективен?

6. Дайте оценку описанному опыту каторжных работ в СССР, объясните причины, по которым он был возможен и продолжался в послевоенное время.

К № 6

1. Проанализируйте требования политзаключенных исправительно-трудовой колонии, сделайте выводы об условиях их содержания в СССР в 1970-е гг.

2. Перечислите, какие установленные законом меры не исполнялись в ИТК. Почему эти нарушения были возможны?

3. Прочитайте, используя дополнительную литературу, описание жизни и судьбы известного правозащитника Ю. Галанскова, выскажите свое мнение о нем.

4. Расскажите, используя текст главы и дополнительную литературу, о борьбе политзаключенных в СССР в 1960–1980-е гг. с системой ГУЛАГа, с незаконием и нарушением прав человека в местах заключения.

5. Приведите примеры из документа, показывающие, что заявление политзаключенных направлено на защиту прав человека в целом.

6. Согласны ли вы с утверждением авторов о том, что все описанное ими "есть преступление перед законом, справедливостью, перед человечеством"? Мотивируйте свой ответ.

**Вопросы и задания
для работы учащихся по теме главы шестой**

1. Выскажите суждения о причинах создания первых концлагерей в Советской России уже в годы Гражданской войны. Почему советская власть их создавала? Для кого?

2. Объясните, как вы понимаете главные цели создания концлагерей. Почему они действовали в стране (в той или иной форме) на протяжении многих десятилетий?

3. Существует ли связь между сущностью политического режима в стране и наличием системы ГУЛАГа? Если да, то объясните эту связь, используя конкретный материал из истории СССР.

4. Существует мнение об экономической необходимости ГУЛАГа, его роли в "экономическом развитии страны". Выскажите свои доводы "за" и "против" этого утверждения. В чем его противоречивость?

5. Сформулируйте и обоснуйте последствия длительного существования системы ГУЛАГа в СССР – политические, социальные, демографические, экономические, культурные, морально-этические. Сделайте выводы из своего анализа.

6. Объясните причины длительного существования системы ГУЛАГа в СССР.

7. Используя содержание главы шестой, расскажите о жизни, быте, труде узников ГУЛАГа, выскажите свое суждение.

8. Используя текст главы, расскажите о различных формах сопротивления узников системы ГУЛАГа. Объясните, почему это сопротивление никогда не приводило к успеху.

9. Выскажите свои суждения о роли и месте в жизни страны многомиллионной армии охранников и других служащих ГУЛАГа.

10. Каково, по-вашему, было отношение основной массы советских людей к ГУЛАГу? Чем его можно объяснить? Сделайте выводы.

**Документы и материалы к главе шестой
для организации семинаров и практикумов**

***Секретное постановление Государственного
Комитета Оборона "О направлении на работу
в промышленность военнослужащих Красной Армии,
освобожденных из немецкого плена, и репатриантов
призывного возраста"
8 августа 1945 г.***

В целях оказания неотложной помощи рабочей силой предприятиям угольной промышленности, черной металлургии и лесозаготовкам Наркомлеса СССР в районах Камского бассейна Государственный Комитет Оборона постановляет:

1. Разрешить НКО СССР во изменение порядка, установленного Постановлением ГОКО от 4 ноября 1944 г. № 6884с, направить для работы на предприятия угольной промышленности, черной металлургии и на лесозаготовки Наркомлеса СССР в районы Камского бассейна военнопленных Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, прошедших предварительную регистрацию; репатрируемых советских граждан, признанных по состоянию здоровья годными к военной службе и подлежащих по закону мобилизации в Красную Армию.

2. Обязать НКО СССР (т. Смородинова) в соответствии с пунктом 1 настоящего постановления направить до 1 ноября 1945 г. 360 тыс. человек.

3. Организацию в батальоны бывших военнопленных и военнообязанных и направление их в промышленность возложить на НКО СССР.

4. Всех выявленных при регистрации и последующей проверки органами НКВД, НКГБ и СМЕРШ НКО среди бывших военнопленных и военнообязанных лиц, служивших в немецкой армии, в специальных немецких формированиях, "власовцев" и полицейских в батальоны не включать и передавать Наркомвнуделу для расселения и использования на работах в районах Норильского и Ухтинского комбинатов НКВД СССР, Печорском угольном бассейне, а также на лесозаготовках в верховьях р. Камы Молотовской области.

Установить, что предусмотренные настоящим пунктом спецконтингенты расселяются в указанных выше районах на положении спецпереселенцев и обязаны отработать на предприятиях 6 лет.

Разрешить НКВД СССР желающим из них выписывать семьи для совместного проживания, оказывая содействие семьям спецпереселенцев в переезде к месту работы главы семьи и устройству на месте.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 507. Л. 44.

***Совершенно секретная записка министра
внутренних дел СССР С.Н. Круглова
И.В. Сталину о положении
выселенцев и спецпоселенцев
20 июля 1949 г.***

Министерство внутренних дел СССР докладывает о проделанной в первой половине 1949 г. работе по усилению режима в местах расселения выселенцев и спецпоселенцев, по организации точного учета, правильного и обязательного их трудоустройства и укрепления административного надзора в местах поселения.

По состоянию на 1 июля 1949 г. на учете в органах МВД всего состоит 2 562 830 выселенцев и спецпоселенцев (вместе с членами семей).

Из этого количества выселенцев 2 096 102 человека, в том числе: немцев – 1 093 490, чеченцев и ингушей – 372 257, карачаевцев – 58 854, балкарцев – 32 522, калмыков – 77 663, крымских: татар, греков, армян и болгар – 192 953; хемшилов, турок, курдов –

81 575; кулаков, националистов, бандитов и членов их семей, выселенных из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, – 94 779; греков, турок и дашнаков, выселенных из Грузии, Армении, Азербайджана и с Черноморского побережья, – 57 246; кулаков, участников профашистских организаций, пособников немцам и членов их семей, выселенных из Молдавии, – 34 763 человека.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 ноября 1948 г. эти лица расселены в местах поселения навечно.

Спецпоселенцев на учете состоит 466 729 человек, из них: бывших кулаков – 157 073; лиц, служивших в немецких строевых формированиях, легионеров и полицейских – 131 394; членов семей украинских националистов – 25 552; членов семей литовских националистов – 46 456; лиц, выселенных по общественным приговорам за злостное уклонение от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведение антиобщественного паразитического образа жизни, – 29 717; членов семей активных немецких пособников и "фольксдейч" – 5509; сектантов (секта "истинно-православных христиан") – 1028.

Выселенцы и спецпоселенцы расселены в следующих районах Советского Союза: в Казахской ССР – 892 585 человек, в Средней Азии – 350 030 человек, на Урале – 242 158 человек, Западной Сибири – 813 380 человек, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке – 110 705 человек и в Центральных районах СССР – 153 973 человека.

Справка

о трудовом использовании выселенцев и спецпоселенцев по отраслям народного хозяйства

В сельском хозяйстве	–	584 259 человек
В том числе в совхозах	–	81 726 человек
В угольной промышленности	–	152 723 человека
В лесной и бумажной промышленности	–	119 791 человек
В местной промышленности	–	51 792 человека
В металлургической промышленности	–	34 881 человек
В золотодобывающей промышленности и на других предприятиях и стройках МВД СССР	–	104 566 человек
В нефтяной промышленности	–	24 790 человек
В пищевой промышленности	–	20 006 человек
На железнодорожном строительстве МПС	–	20 762 человека
На строительстве предприятий тяжелой индустрии	–	19 184 человека
В легкой промышленности	–	18 183 человека
В машиностроении	–	14 225 человек
В рыбной промышленности	–	12 803 человека
В торговых организациях	–	8 958 человек
В промышленности стройматериалов	–	10 167 человек
В химической промышленности	–	5 856 человек
В других отраслях народного хозяйства	–	196 784 человека
Всего по отраслям народного хозяйства	–	1 309 730 человек

**Секретная записка С.Н. Круглова И.В. Сталину
об использовании труда выселенцев
и спецпереселенцев
23 июня 1950 г.**

Министерством внутренних дел СССР получено указание о передаче в МГБ СССР всей работы по спецпоселенцам и выселенцам, включая и работу по их трудовому устройству.

Мы приняли это указание к неуклонному исполнению и готовим все материалы по передаче. Однако считаем необходимым доложить Вам следующие соображения по этому вопросу.

МВД СССР выполняет специальные поручения Правительства по строительству предприятий и добыче золота, олова, вольфрама, кобальта и спецметаллов на территории Дальстроя; по строительству большого Норильского никелевого комбината; строительству шахт и добыче печорских углей; строительству железных дорог в Сибири и на Дальнем Востоке; развитию золотоплатиновой промышленности; строительству предприятий по добыче асбеста, слюды, апатитов и другие работы, на которых широко используется труд заключенных и спецпоселенцев.

Наличие в распоряжении МВД СССР исправительно-трудовых лагерей и возможность использования на работах МВД спецпоселенцев и выселенцев дает возможность выполнять возложенные на МВД СССР большие народнохозяйственные задачи в отдаленных районах страны, где использование другой рабочей силы крайне затруднительно.

Всего в Дальстрое, Норильском комбинате, Печорском угольном бассейне, в золотоплатиновой, слюдяной и асбестовой промышленности, а также на строительстве важнейших сооружений, порученных МВД, в настоящее время занято 2 211 000 спецпоселенцев и выселенцев вместе с членами их семей.

Органы МВД СССР выполняют работу по спецпоселенцам с начала организации спецпоселков для кулаков, а по выселенцам с 1941 г. – с начала выселения немцев Поволжья.

В настоящее время на учете в отделах спецпоселений МВД республик, УМВД краев и областей состоит: спецпоселенцев (бывших кулаков, лиц, служивших в немецких строевых формированиях, и полицейских, членов их семей, активных немецких пособников, лиц, выселенных по общественным приговорам за злостное уклонение от общественной трудовой деятельности в сельском хозяйстве) – 372 921 человек и выселенцев (немцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, калмыков, крымских: татар, греков, армян и болгар; членов семей украинских националистов, греков, дашнаков, выселенных из Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, турок, курдов, хемшилов) – 2 251 490 человек.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. выселенцы расселены в местах поселения навечно.

Согласно постановлениям Совета Министров СССР выселенцы и спецпоселенцы расселены в отдаленных и северных районах страны: в Средней Азии, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и

используются в сельском хозяйстве, на предприятиях МВД, в угольной, лесной и бумажной промышленности и других отраслях народного хозяйства.

Исходя из опыта работы МВД со спецпоселенцами и выселенцами, в интересах наиболее успешного выполнения заданий Правительства СССР по строительству важнейших сооружений и дорог, обеспечению добычи золота, олова, вольфрама, слюды, асбеста, апатитов и выполнения других работ, – нам кажется, что и в дальнейшем работу со спецпоселенцами и выселенцами без ущерба охраны государственной безопасности целесообразно оставить в ведении МВД СССР.

Эти соображения, товарищ Сталин, мы и решили доложить на Ваше решение.

Министр внутренних дел СССР

С. Круглов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 180. Л. 18–20.

***Секретная записка Г.К. Жукова, Е.А. Фурцевой,
К.П. Горшенина и других в ЦК КПСС
о положении бывших военнопленных
4 июня 1956 г.***

В соответствии с Постановлением Президиума ЦК КПСС от 19 апреля 1956 г. нами изучено положение вернувшихся из плена военнослужащих Советской Армии и лиц, не находящихся на службе в армии.

В результате изучения докладываем:

В Великой Отечественной войне советские воины, как и весь наш народ, руководимые Коммунистической партией и Советским правительством, честно и самоотверженно выполнили свой долг. Они героически сражались с фашистскими захватчиками, с презрением относились к трусам и паникерам. Советским воинам была чужда сама мысль о возможности сдачи в плен врагу.

Однако, в силу тяжелой обстановки, сложившейся в первый период войны, значительное количество советских военнослужащих, находясь в окружении и исчерпав все имевшиеся возможности к сопротивлению, оказалось в плену у противника. Многие военнослужащие попали в плен ранеными, контуженными, сбитыми во время воздушных боев или при выполнении боевых заданий по разведке в тылу врага.

Советские воины, оказавшиеся в плену, сохранили верность Родине, вели себя мужественно и стойко переносили тяготы плена и издевательства гитлеровцев. Многие из них, рискуя жизнью, бежали из плена и сражались с врагом в партизанских отрядах или пробивались через линию фронта к советским войскам.

Советскими органами по репатриации было учтено 2 016 480 военнослужащих, находившихся в плену. Из них 1 836 562 человека, в том числе 126 тыс. офицеров, были репатриированы на Родину. Кроме этого, по данным трофейной немецкой картотеки, в

немецком плену погибло свыше 600 тыс. советских военнопленных. Есть все основания полагать, что какое-то нам неизвестное количество бывших военнопленных продолжает еще находиться за рубежом.

По советскому законодательству, действовавшему до войны, в период войны и действующему в настоящее время, сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой, считается тяжким воинским преступлением и, согласно статье 22 Дополнения о воинских преступлениях (ст. 193-22 УК РСФСР), карается высшей мерой наказания – расстрелом с конфискацией имущества. Кроме того, советским законодательством предусмотрена ответственность за прямой переход военнослужащего на сторону врага, бегство или перелет за границу. Эти преступления рассматриваются как измена Родине и караются расстрелом с конфискацией имущества, а совершеннолетние члены семьи изменника привлекаются к уголовной ответственности (ст.ст. 58-1 "б", "в" УК РСФСР).

Таким образом, из советского законодательства явствует, что военнослужащий, попавший в плен по не зависящим от него обстоятельствам, в условиях, вызванных боевой обстановкой, привлечению к ответственности не подлежит. В нашем законодательстве нет также никаких ограничений в отношении материального обеспечения, выдачи пособий и оказания льгот членам семей военнослужащих, попавших в плен.

Однако как во время войны, так и в послевоенный период в отношении военнопленных и лиц, выходивших из окружения и фактически не находившихся в плену, были допущены грубейшие нарушения советской законности, массовый произвол и различные незаконные ограничения их прав. Эти нарушения законности проявились в огульном политическом недоверии к военнослужащим, выходившим из окружения, совершавшим побег из плена и освобожденным Советской Армией. В отношении их применялись меры, унижавшие их личное достоинство и препятствовавшие их дальнейшему использованию в армии. С 1941 г. военнослужащие, выходившие из окружения, бежавшие из плена и освобожденные советскими частями, направлялись через сборно-пересыльные пункты под конвоем войск НКВД в тыловые лагеря НКВД для спецпроверки, проводившейся органами НКВД. Условия содержания военнопленных в этих спецлагерях были приказами НКВД установлены примерно такие же, как для лиц, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях.

Наряду с разоблачением некоторого числа лиц, действительно совершивших преступления, в результате применения при спецпроверке во многих случаях незаконных, провокационных методов следствия, было необоснованно репрессировано большое количество военнослужащих, честно выполнивших свой воинский долг и ничем не запятнавших себя в плену. Многие военнопленные незаконно осуждались как изменники Родины за то, что они выполняли в плену обязанности врачей, санитаров, старших барачников, переводчиков, поваров, кладовщиков и различные работы, связанные с бытовым обслуживанием самих военнопленных.

Семьи военнослужащих, попавших в плен, неправильно лишались весь период войны денежных пособий и всех установленных льгот, независимо от причин и обстоятельств пленения этих военнослужащих.

Серьезным нарушением прав офицеров являлась установленная постановлением ГОКО от 4 ноября 1944 г. практика направления всех бывших военнопленных офицеров, находившихся на проверке в спецлагерях НКВД, на формирование штурмовых батальонов.

В послевоенный период органы МГБ продолжали необоснованно привлекать к уголовной ответственности бывших военнопленных. Большое количество из них было незаконно осуждено судами и репрессировано Особым Совещанием НКВД.

С 1945 г. все освобожденные и репатриированные военнопленные, даже если на них не было вообще никаких компрометирующих сведений, сводились в батальоны и в порядке наказания направлялись на постоянную работу на предприятия угольной и лесной промышленности, находящиеся в отдаленных районах.

После войны продолжалась незаконная практика различных ограничений для бывших военнопленных и их ближайших родственников в области трудового устройства, при поступлении на учебу, при перемене местожительства и т.п. В письмах и жалобах бывших военнопленных в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Министерство обороны и другие инстанции приводятся многочисленные факты неправильного отношения к ним со стороны местных органов.

Неправильное отношение к бывшим военнопленным сказывалось также и при решении вопроса об их партийности. Многим членам КПСС, проявившим мужество и стойкость в боях с врагом и ничем не запятнавшим себя в плену, отказывали и нередко отказывают теперь в восстановлении в рядах КПСС.

Грубейшие извращения, допущенные во время войны и после ее окончания в отношении бывших военнопленных, имели место в результате нарушений социалистической законности, явившихся следствием преступной деятельности Берия, Абакумова и их сообщников.

Решение вопросов о судьбе советских военнопленных фактически было изъято из ведения Наркомата обороны и находилось в руках только НКВД, где в этом отношении допускался произвол.

Развязыванию произвола и массовых необоснованных репрессий в отношении бывших военнопленных и военнослужащих, вышедших из окружения, способствовало господство культа личности И.В. Сталина, единолично принимавшего решения от имени Государственного Комитета Обороны и Ставки Верховного Главного Командования по важнейшим государственным и военным вопросам.

В изданных в годы войны постановлениях ГОКО и приказах Верховного Главнокомандующего вопросы, связанные с отношением к лицам, вернувшимся из плена или вышедшим из окружения, рассматривались односторонне, с позиции всемерного развязывания репрессий против них и их семей. Вследствие этого широкое распространение получили незаконная практика внесудебных репрессий против военнослужащих, попавших в плен, и нарушения законности при рассмотрении дел на военнопленных в судах.

Военнослужащие, совершившие геройский побег из плена или показавшие образцы мужества и стойкости в период пребывания в плену, не награждались и вообще никаким образом не поощрялись, что являлось серьезным упущением.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 511. Л. 23–32.

Темы семинаров и практикумов

1. Система ГУЛАГа в СССР: причины создания, принципы функционирования, условия существования, последствия для судеб страны.

2. Обсудите формулу одного из лидеров большевиков Н.И. Бухарина: "Концентрированное насилие, обращенное вовнутрь, является фактором самоорганизации и принудительной самодисциплины трудящихся". Какая идеология заложена в ней? Как она объясняет отношения власти и общества в Советской России? Как она реализовалась в практике партийного и советского руководства?

3. Объясните, какие цели создания ГУЛАГа заложены в решении политбюро ВКП(б) от 13 июня 1929 г. "О расширении существующих и организации новых лагерей в Сибири, Средней Азии, на Севере и Дальнем Востоке... с целью колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы". Оправдывают ли эти цели существование ГУЛАГа?

4. Подготовьте сообщения – описания лагерей (в районах Беломорско-Балтийского канала, на Соловках, на Колыме и др.). Выскажите суждение о ГУЛАГе как форме проведения репрессивной политики.

5. Проанализируйте численный и социальный состав ГУЛАГа в СССР в разные периоды истории страны и сделайте выводы. Объясните место ГУЛАГа в системе "власть – общество – человек" в СССР.

6. Подготовьте сообщения о так называемой "лагерной литературе", ее авторах, их произведениях и судьбах, обсудите на семинаре проблему "ГУЛАГ глазами его обитателей".

7. Население страны и отношение к ГУЛАГу: равнодушие, страх, незнание, признание необходимости, участие в жизни лагеря по другую сторону колючей проволоки, осуждение и сочувствие, поддержка узников и сопротивление системе ГУЛАГа. Чем объяснить такой разброс мнений и отношений? Почему общество в большинстве своем было равнодушным к ГУЛАГу как символу и орудью политических репрессий?

8. Экономическая роль ГУЛАГа – двигатель модернизации хозяйства или залог долголетия экстенсивной системы хозяйствования?

9. "Архипелаг ГУЛАГ" – это ужас, унижение, страдание, растление, гибель или это также торжество духа, мужество, товарищество, достоинство?

10. Нравственное наследие и уроки опыта ГУЛАГа и его узников – в чем они? Известны ли они обществу? Учитываются ли в современной России? Если нет, то почему?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДИССИДЕНТСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ПРАВООЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОСЛЕСТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ

Содержательные аспекты темы

XX съезд КПСС и начало десталинизации. "Оттепель". Независимая культурная активность второй половины 1950-х гг. Первые институциональные проявления независимой культуры. Самиздат. "Лианозовцы". "Синтаксис". Площадь Маяковского. СМОГ. "Битва за историю": официальная и общественная оценка сталинизма. Новые "заморозки", разгром художников-"авангардистов" и атака Хрущева на либеральную интеллигенцию. Дело Бродского и начало "правозащитного самиздата".

Попытки ресталинизации. Дело Синявского и Даниэля. "Митинг гласности" 5 декабря 1965 г. Петиционные кампании 1966 и 1968 гг.

"Хроника текущих событий". А.Д. Сахаров и его эссе. "Пражская весна". Демонстрация 25 августа 1968 г. на Красной площади. Дискуссии в "самиздате" о смысле и перспективах общественного движения.

Первые правозащитные организации. Комитет прав человека. Расширение социальной тематики открытого протеста. Установление связей между московскими правозащитниками и активистами национальных и религиозных движений. Диссидентство. Место правозащитного движения в общественно-политической жизни страны.

Репрессивная политика: между "социалистической законностью" и произволом. Жизнь человека в условиях "двоемыслия". Апатия и конформизм в обществе. Политика разрядки. Кризис диссидентства 1972–1974 гг. и его преодоление. Периодика "самиздата" во второй половине 1970-х гг. Вклад советского правозащитного движения в концепцию права человека. Московская Хельсинкская группа.

Афганская война и польская революция. Усиление репрессий и разгром диссидентских ассоциаций. Роль диссидентов в подготовке "перестройки".

Вопросы и задания к документам и материалам главы седьмой

К № 1

1. Сравните фрагменты и объясните, что разделяет эти два письма, посланные председателю Президиума Верховного Совета СССР весной 1953 г. в связи со смертью И. Сталина.

2. Выскажите свое мнение о позиции автора первого письма, убежденного в том, что "наши внутренние враги в контакте с внеш-

ними стремятся расшатать наше единство, посеять панику, подорвать нашу политическую и моральную мощь". Кто подразумевается под врагами внутренними и внешними?

3. Почему автор требует "применения смертной казни не только к изменникам Родины и шпионам, но и распространения ее на внутренних врагов вообще"? Какие идеологические догматы отражает такое требование?

4. Почему автор второго письма, обращаясь с просьбой об "амнистии для заключенных многострадальных русских людей", прежде всего пишет об осужденных по 58-й статье? Какую роль играла эта статья в политических репрессиях? Кого автор имеет в виду, когда пишет, что их вина – "одно-два неграмотно высказанных слова"? О чем могли быть эти слова?

5. Какова была судьба таких осужденных, их семей?

6. Какие настроения общества косвенно прослеживаются в этом письме?

К № 2

1. На основе документа дайте описание хода обсуждения в студенческой среде письма в защиту статьи В. Померанцева. Каковы типичные черты духовной атмосферы середины 1950-х гг., проявившиеся в этом факте?

2. Объясните, почему руководство МГУ вызывало "подписантов" и заставляло снимать свои подписи под коллективным письмом-протестом.

3. Объясните, почему тут же, на встрече с писателями, было выдвинуто на обсуждение письмо, осуждавшее выступление К. Любарского на митинге.

К № 3

1. Используя документ и текст главы, объясните, как сложилась традиция встреч молодежи у памятника Маяковскому в Москве. Какие идеи и настроения объединяли участников этих встреч?

2. Объясните, что имеют в виду авторы документа, говоря об "отсутствии контроля за содержанием и характером выступлений на площади". Какого рода был этот контроль, с какой целью? О чем говорит практика такого контроля?

3. Справедливо ли утверждение авторов письма, что выступающие клеветали на советскую власть, распространяли пессимизм, оппозиционность и обреченность?

4. Проанализируйте отрывок из стихотворения Ю.Т. Галанскова и определите, можно ли считать, что оно "пронизано злобой и ненавистью к Коммунистической партии и советскому строю" и "открыто призывает к бунту".

5. Перечислите, что в поведении молодежи особенно волнует авторов письма. В чем они видят угрозу для политической стабильности в стране?

6. Выполнимы ли были в начале 1960-х гг. те требования, которые выдвигала молодежь на площади? Ответ обоснуйте.

К № 4

Историки, изучающие правозащитное движение в СССР, считают, что публикация в "самиздате" данного фрагмента на самом деле является анонимной современной стилизацией под древние китайские хроники. Прочитайте фрагмент документа и ответьте на вопросы:

1. С какой целью был составлен такой текст? Какие аналогии рождаются при его чтении?
2. Какие реалии советской жизни подвергаются критике в этом документе?
3. Какой тип политического режима рисуется авторами? Почему это общество можно назвать антиутопией? В чем авторы видят источник зла?
4. Что вызывает особое неприятие в описываемом обществе?

К № 5 и 6

1. О каких явлениях, представляющих "значительную общественную опасность", говорят авторы письма? Перечислите их, используя текст документа, и объясните, почему авторы "Записки" считают их опасными для советской власти.

2. Используя текст главы, объясните, в чем состояла противоправная суть дела А. Синявского и Ю. Даниэля? Какие права человека были нарушены властями?

3. В чем значение митинга на Пушкинской площади 5 декабря 1965 г.? Почему этот день считается днем рождения правозащитного движения? Дайте объяснение составу участников, их лозунгам и требованиям.

4. Какие изменения в систему наказаний за "оппозиционные выступления" предлагают внести органы КГБ и Прокуратуры? Какую формулировку таким преступлениям предлагают авторы "Записки"?

5. Выскажите суждение о проекте содержания статьи 190-1, 190-2, 190-3 Уголовного кодекса; почему в ней говорится о "распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй"? Действительно ли выступления правозащитников содержали "клевету"? Приведите доводы "за" или "против" этого тезиса.

6. Используя текст главы, объясните, почему власти согласились на открытый процесс по делу Синявского – Даниэля. На что они рассчитывали? Оправдались ли эти расчеты?

7. Почему этот процесс и последующая деятельность правозащитников получили такой большой общественный резонанс?

К № 7

1. Используя текст главы, подготовьте рассказ об авторах документа и истории его создания.

2. Прочитайте текст документа и сформулируйте его основные идеи. Объясните, почему авторы говорят о "зловещих симптомах реставрации сталинизма" в стране; приведите факты из текста главы, из учебника.

3. В чем авторы видят причины возможного возврата сталинизма? Объясните, кого и за что они обвиняют, говоря, что "нет га-

рантий, что с нашего молчаливого попустительства не настанет снова 1937 год”.

4. Назовите фамилии правозащитников, упоминаемых в письме. Используя текст главы, составьте тезисы о процессах, происходивших в стране во второй половине 1960-х гг., какое политическое и общественное значение имели эти процессы? Что нового внесли их участники в правозащитное движение в стране?

5. Составьте тезисный план на тему: “Самиздат – общественный институт”.

6. Используя документ и главу, объясните, почему в “самиздате” публиковались такие материалы (письма, статьи, размышления, аналитические и исторические документы, свидетельства очевидцев и реакция властей и др.). Объясните, как в этих публикациях отражалось прошлое и настоящее СССР.

7. Почему эти публикации “самиздата” могли быть широко напечатаны лишь в 1990-е гг.? Читали ли вы какие-нибудь из них сегодня? Интересны ли они для вас, ваших друзей?

8. Злободневны ли эти материалы в современной России? Если да, то чем именно? Согласны ли вы сегодня с идеями, пропагандировавшимися в “самиздате”?

К № 8

1. Какими явлениями в общественной жизни вызвана записка Ю.В. Андропова? Почему КГБ озабочено распространением “внецензурной литературы”, “самиздатом”?

2. Какие обвинения выдвигает Ю.В. Андропов в адрес издаваемых “самиздатом” материалов? Перечислите их, используя текст документа.

3. Выскажите суждение о справедливости вывода автора о том, что “отдельные недостатки коммунистического строительства выдаются за типичные явления”, используйте знания по истории для ответа.

4. Считаете ли вы справедливым содержащееся в материалах “самиздата” несогласие с национальной политикой властей? Приведите факты в обоснование своей позиции.

5. Дайте объяснение требованию “усовершенствования социализма” в СССР, требованиям отмены цензуры, реабилитации арестованных за так называемую “антисоветскую агитацию и пропаганду”.

6. Какие документы Ю.В. Андропов называет клеветническими? Кто их автор? Кому адресованы эти документы? Согласны ли вы с такой оценкой?

7. Используя текст главы и приводимые фрагменты документов, подготовьте краткие сообщения об их содержании. Объясните, в чем состояло общественное значение этих документов. Какое влияние они оказывали: на власть? на общество? на молодежь?

8. Выскажите мнение, почему многие документы адресованы международным общественным организациям; какие причины вызвали это? Какие привычные “мифы” и стереотипы в сознании советских людей по отношению к Западу разрушали эти обращения “из самиздата”?

9. Используя текст главы и документы, составьте таблицу, в которой укажите авторов, название документа, важнейшие идеи, содержащиеся в нем. Сделайте выводы из содержания таблицы об основной тематике произведений, издававшихся в "самиздате".

10. Дайте оценку проблематике "самиздата", сделайте вывод о его значении в истории советского общества.

К № 9

1. Прочтите документ и дайте оценку его форме и стилю, сравните с более ранними записками Ю.В. Андропова, помещенными в конце данного раздела. Чем можно объяснить открытую враждебность в отношении диссидентов?

2. Перечислите, о каких формах деятельности известных правозащитников в 1960–1970 гг. пишет Андропов. Найдите в главе текст, рассказывающий об упомянутых в документе людях, и составьте свою версию их деятельности.

3. Выскажите мнение, почему Ю.В. Андропов стремится представить правозащитников "преступниками", называет их "противниками", "главарями", "националистами". Какие определения вы могли бы противопоставить позиции Андропова, характеризуя деятельность диссидентов?

4. Согласны ли вы с характеристикой правозащитного движения как "антиобщественной деятельности"? Что, по мнению Андропова, является "антиобщественным" в деятельности диссидентов? Почему он ставит знак равенства между "антиобщественным" и "антисоветским"? Какими последствиями грозил диссидентам политический ярлык "антисоветский"?

5. Выскажите суждение о содержащихся в документе предложениях Андропова по аресту и другим формам наказания упоминаемых им диссидентов. Как в этом тексте раскрывается роль КГБ в политической жизни страны?

6. Каково отношение Ю.В. Андропова к контактам диссидентов с общественностью стран Запада? Какова истинная причина негодования КГБ по поводу таких контактов?

К № 10

1. Используя документ и текст главы, объясните причины и цели создания Хельсинкской группы в Москве.

2. Составьте план, характеризующий деятельность МХГ за семь лет ее существования.

3. Объясните, используя текст главы, причины жесткого преследования членов МХГ в СССР. Чем ее деятельность была опасна для властей?

4. В чем значение Московской Хельсинкской группы в развитии общественного сознания советских людей? Какие новые идеи и принципы постепенно входили в жизнь, несмотря на репрессии и запреты?

**Вопросы и задания для работы учащихся
по теме главы седьмой**

Василий Гроссман в романе "Жизнь и судьба" писал о "молчаливом споре между победившим народом и победившим государством". Какие события послевоенной истории СССР имеются в виду?

Можно ли говорить об ответственности советского народа за преступления сталинизма? Что вы понимаете под словом "ответственность"? Что такое десталинизация? В чем его сильные и слабые стороны?

"Бульдозерная выставка", "магнитофонная революция", "подписанты", "протестанты", "внутренняя эмиграция" – какие формы инакомыслия скрыты за этими словами?

Что такое "самиздат" и "тамиздат"? Какова их роль в диссидентском движении?

Почему власть обвиняла диссидентов в "антисоветской деятельности", в "клевете на советскую систему", характеризовала их как "нравственных уродов", "перевертышей", "подонков"? Как вы оцениваете эти обвинения?

Почему власть часто выдвигала против диссидентов обвинения в связи с зарубежными разведками, называя их "шпионами", "агентами ЦРУ"?

Что такое ресталинизация? В силу каких причин она стала возможна? Какие ставила цели? Каковы были ее последствия?

Почему участниками диссидентского движения были в основном представители творческой интеллигенции? Какое это имело значение для всего движения? Почему диссидентство называют духовной, нравственной, интеллектуальной оппозицией советскому режиму?

"Катакомбная культура", "андеграунд", "альтернативная культура", "неформалы" – что объединяет эти термины? Какой смысл вложен в эти названия? Как они связаны с диссидентским движением?

Почему романы: "Мы" Е. Замятина, "1984" Дж. Оруэлла, "О дивный новый мир" О. Хаксли называют "романами-антиутопиями"? О каком типе общества в них идет речь?

В чем различие тотального террора периода культа личности и репрессий периода "застоя" по отношению к инакомыслящим? Какими методами подавлялось протестное движение инакомыслящих в 1950–1970-е гг.? Как вы оцениваете эти методы?

Что вам известно об отношении советских людей к движению диссидентов? Как влияла деятельность диссидентов на общество?

Каковы были основные формы инакомыслия в СССР в 1950–1980-е гг.? Какая из форм играла определяющую роль в оппозиции власти?

Каковы причины правозащитного движения в СССР?

Можно ли говорить о связи между проявлением инакомыслия и закатом тоталитарного режима в СССР? Существует ли зависимость между инакомыслием и курсом на перестройку в СССР?

Почему многие правозащитники в своих протестах и письмах обращались не к народу, не к обществу, а к советскому руководству, секретарям ЦК КПСС? Что проявилось в этом факте?

Почему ряд правозащитников в своих протестах апеллировали к руководству стран Западной Европы и США? На что они рассчитывали? Какое значение имели такие обращения?

Г. Вишневская и М. Ростропович выступили с обращением, написанным 11 марта 1978 г.: "К общественному мнению! Мы обращаемся к нашим друзьям, любителям музыки, ко всем людям доброй воли с просьбой в этот тяжелый для нас час выразить свое отношение к бесчеловечному и незаконному акту лишения нас права жить и умереть на своей Родине". Объясните, о какой форме борьбы власти с инакомыслием идет речь в этом обращении.

Почему в 1960–1980-е гг. власть широко использовала такой метод борьбы с инакомыслием, как высылку диссидентов за пределы страны, превращение их в вынужденных эмигрантов? Почему их не посылали в российскую ссылку, в "отдаленные районы" нашей страны?

В "Декларации прав человека", принятой ООН, записано: "Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ". Соблюдались ли эти принципы в СССР?

Лариса Богораз, арестованная в 1968 г. за участие в демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г., на суде сказала в последнем слове: "Именно митинги, радио, сообщения в прессе о всеобщей поддержке побудили меня сказать: я против, я не согласна". В связи с какими событиями была проведена демонстрация? Какое значение имел протест, с которым она выступила? Почему на этой демонстрации был поднят лозунг: "За вашу и нашу свободу!"?

Темы практикумов

1. "Хроника текущих событий", по словам А.Д. Сахарова, одно из самых "больших достижений правозащитного движения".
2. "Дело" А. Синявского и Ю. Даниэля – первый опыт открытого столкновения власти и общества в защиту свободы литературного творчества.
3. "За нашу и вашу свободу!" – девиз А.И. Герцена на Красной площади конца 1960-х гг.: смысл и значение демонстрации 1968 г.
4. Высылка А.И. Солженицына из СССР: как это было.
5. Андрей Дмитриевич Сахаров – великий ученый, правозащитник. Заветы А. Сахарова – суть и реальность воплощения сегодня.
6. Корни инакомыслия в послевоенные годы в СССР.
7. Формирование независимой культурной активности. Ранние модели диссидентского поведения.
8. "Самиздат" и "тамиздат", их роль и место в правозащитном движении.
9. Идеология, концепция, принципы диссидентского движения, их изменения в 1960–1970-е гг.
10. Люди "мира диссидентства": облик, идеалы, поведение, деятельность.
11. Диссидентское сообщество как прообраз и модель гражданского общества.

12. Власть и правозащитное движение: репрессии и сопротивление.
13. Диссидентское движение и советское общество: взаимодействие и отталкивание.
14. Инакомыслие в СССР и "перестройка".

**Методические рекомендации, документы,
вопросы и задания для организации семинаров
по теме главы седьмой**

СЕМИНАР I

**"Дело" А. Синявского и Ю. Даниэля – первый опыт
открытого столкновения власти и общества
в защиту свободы литературного творчества**

Документы, предлагаемые для работы на семинаре (или практикуме), могут быть распечатаны и розданы заранее учащимся*.

Для обсуждения документов учитель предлагает вопросы и задания.

Учащиеся могут подготовить краткие сообщения о А. Синявском, о Ю. Даниэле, их литературном творчестве, их судьбе после процесса. Можно провести на занятии небольшой фрагмент "ролевой игры", выступая от имени его участников: обвиняемых, государственного обвинителя, общественного защитника (главным источником может служить так называемая "Белая книга", составленная и изданная впервые в 1966 г. А. Гинзбургом и приводимые ниже документы). Отдельное сообщение может быть подготовлено по откликам в прессе, в том числе статьям Дм. Еремина** и З. Кедриной*** в газетах (см. текст главы и примечания к главе).

Вопросы к документам, изучаемым на семинаре****

Записка Председателя КГБ В.Е. Семичастного и Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко в ЦК КПСС от 23 декабря 1965 г.

1. Объясните, почему так называемый "писательский и партийный актив" единодушно, по мнению авторов, поддержал решение КГБ о привлечении А. Синявского и Ю. Даниэля к уголовной ответственности?

2. Чем было вызвано согласие КГБ на открытый судебный процесс и публикацию о нем в печати?

* Тексты документов к семинарам I–V подобраны А.Ю. Даниэлем и Г.В. Клоковой.

** Дм. Еремин. Перевертыши // Известия. 1966. 19 января.

*** З. Кедрина. Наследники Смердякова // Литературная газета. 1966. 22 января

**** Документы см. ниже.

3. Почему деятельность А. Синявского и Ю. Даниэля – публикация литературных произведений под псевдонимами за рубежом – считалась преступлением и должна была быть осуждена как уголовное преступление?

4. Почему в "Записке" говорится о "клеветнических измышлениях на советский государственный и общественный строй"? Что, с точки зрения властей, есть клевета на советский строй? Почему эта формулировка была так распространена в период борьбы с диссидентами?

*Записка Отделов культуры, агитации и пропаганды
и административных органов ЦК КПСС от 3 февраля 1966 г.*

1. Объясните, почему в ЦК КПСС так детально определялись условия процесса над Ю. Даниэлем и А. Синявским. Какие цели преследовал ЦК КПСС, готовя этот открытый процесс?

2. Какое значение для властей имело присутствие на процессе "представителей трудящихся, партийно-советского актива, писателей и журналистов"? На что рассчитывали власти? Какую роль должен был сыграть так называемый "общественный обвинитель"?

3. Почему ЦК КПСС ввел жесткий контроль над сообщениями о процессе в прессе и по радио?

4. Почему на процесс не допускались иностранные корреспонденты? Почему публикации за рубежом готовят совместно АПН и КГБ? Чего боялся ЦК КПСС, вынося такие решения еще до начала процесса?

*Из записей, сделанных в ходе процесса над А. Синявским
и Ю. Даниэлем. Февраль 1966 г.*

1. Объясните, почему и А. Синявский, и Ю. Даниэль не признали себя виновными в предъявленных им обвинениях. Характерно ли такое поведение на политических процессах в СССР? (Вспомните опыт политических процессов 1930-х гг.)

2. Оправдано ли отрицание А. Синявским и Ю. Даниэлем политического характера своих литературных произведений?

3. Почему авторы издавали свои произведения под псевдонимом в зарубежных издательствах? Почему они не могли (или не хотели?) издать их на Родине?

4. Дайте оценку обвинению, предъявленному А. Синявскому и Ю. Даниэлю, в публикации "грязных пасквилей, призывающих к свержению строя", в "предательстве Родины". Чем можно объяснить столь жесткое обвинение властей?

Из последнего слова А.Д. Синявского

1. Прочтите фрагменты из последнего слова на суде А.Д. Синявского и сформулируйте свое общее впечатление. В чем особенность этого выступления, его главных тезисов и доводов? его тождественности и пафоса?

2. Какие обвинения, предъявленные на процессе, Синявский отвергает? Почему он говорит об "атмосфере темного антисоветского подполья", о "дне открытых убийств"?

3. Какие доводы для своей защиты использует Синявский? Выскажите свое понимание позиции: "слово – не дело, а слово; художественный образ – условен; автор – не идентичен герою". Почему их приводит Синявский в качестве защиты на суде? Объясните, что в этих словах абсолютно верно, а что относительно.

4. Объясните, почему позиция обвинения на этом процессе (как и на многих других) основана на постулате: "художественная литература – форма агитации и пропаганды; агитация бывает только советская и антисоветская; раз не советская, значит, антисоветская". Выскажите свое мнение "за" или "против" такой позиции. В чем ее политической смысл?

5. Как в этой позиции отражается сущность политического режима в СССР?

6. Почему Синявский говорит, что он не относит себя к врагам, что он "просто другой", но "советский человек"? Согласны ли вы с этими словами?

7. В чем вы видите отличия Синявского от "типичного советского человека"?

8. Как бы вы ответили на вопрос Синявского: "Зачем придумывать врагов, громоздить чудовища"? Почему создание "образа врага" было характерной чертой пропагандистской и идеологической политики советского режима? Каковы были последствия такой политики для советского общества?

*Из речи М.А. Шолохова на XXIII съезде КПСС
1 апреля 1960 г.*

1. Как Вы относитесь к утверждению Шолохова, что советские литераторы – это "выразители революционно-гуманистических взглядов партии, народа, советского человека"? Какой типичный для советского режима принцип подхода к художественному творчеству, к литературе в частности, проявился в этом заявлении?

2. Согласны ли вы с обвинением Синявского и Даниэля в "бешеной злобе, ненависти ко всему советскому", выдвинутом Шолоховым? Какие стороны советского режима на самом деле вызывают неприятие Синявского и Даниэля?

3. Ваше мнение о высказываниях Шолохова относительно "суровости приговора", "революционного правосознания" и "буржуазных защитников пасквилянтов". Почему писатель с мировым именем использует такие определения для обвинения своих коллег-писателей в "антисоветчине"? Почему такое выступление Шолохова было отмечено "бурными и продолжительными" аплодисментами?

4. Выскажите свое мнение о фактах защиты писателей, попытках взять их на поруки, смягчить им приговор суда.

5. Подготовьте краткие сообщения о судьбе творчества Синявского и Даниэля в 1980–1990 гг.

* * *

Помимо работы с документами на семинаре важно обсудить вопрос о значении процесса А. Синявского и Ю. Даниэля. Учащиеся, используя текст главы, могут подготовить краткие сообщения о реакции общества на процесс (митинги на Пушкинской площади, петиции в защиту Синявского и Даниэля, требования гласности процесса, открытое письмо Л.К. Чуковской М.А. Шолохову и др.). Можно предложить учащимся для размышления высказывание А.Д. Сахарова, который видел в этих событиях защиту прав человека, защиту "людей, вставших против обмана, лицемерия и немоты". Попробуйте проиллюстрировать эти слова на материалах процесса.

Объясните, против какого обмана и лицемерия выступили А. Синявский и Ю. Даниэль, поддержавшие их люди: молодежь, писатели, журналисты. Как процесс повлиял на моральную атмосферу в обществе? На "непротивозаконное свободомыслие" первых правозащитников?

Известно высказывание историка А. Амальрика о том, что правозащитники – это люди, которые "в несвободной стране стали вести себя как свободные люди". На примере поведения А. Синявского и Ю. Даниэля, их защитников, объясните, в чем проявилась их "свобода от несвободы", почему они выступили против вмешательства государства в свободу творчества.

Известный диссидент В. Шрагин писал: "Диссиденты знают то же, что и большинство хоть что-то осознающих людей. Но, в отличие от молчавшего большинства, они говорят то, что знают. Они сосредоточиваются на тех аспектах бытия современной России, от которых большинство считают благоразумным отвлекаться".

Согласны ли вы с этим? Если да, то как объясните выступление одних и молчание большинства других? Почему так трудна правда, усилие сказать правду? Что в обществе мешает понять суть, смысл правды и отличить ее от обмана, полуправды, умолчания? Чем страшна так называемая "фигура умолчания"?

В чем состояло значение "Обращения к мировой общественности", подготовленного Павлом Литвиновым и Ларисой Богораз и за два дня до окончания суда переданного зарубежным корреспондентам? Почему этот поступок считают открытым разрывом двух советских граждан с советской системой? Какие стереотипы "связи с заграницей" отвергались авторами "Обращения к мировой общественности".

Документы по теме семинара I**Из записки В.Е. Семичастного
и Р.А. Руденко в ЦК КПСС
23 декабря 1965 г.**

Докладываем, что предварительное следствие по делу на СИНЯВСКОГО А.Д. и ДАНИЭЛЯ Ю.М., обвиняющихся в совершении преступления, предусмотренного статьей 70 часть 1 УК РСФСР, в ближайшее время (до 10–15 января 1966 г.) Комитетом госбезопасности будет закончено.

[...] С согласия Секретариата ЦК КПСС, Комитет госбезопасности совместно с Отделом культуры ЦК информируют писательскую общественность Москвы и Ленинграда, руководителей и членов партийных бюро Института мировой литературы им. Горького и Отделения литературы и языка Академии наук СССР о существовании уголовного дела на СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ.

В порядке обмена мнениями по информации выступило около 25 человек из числа писательского и партийного актива. Все они единодушно поддержали решение Комитета госбезопасности о привлечении СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ к уголовной ответственности и внесли много ценных предложений по улучшению воспитательной, профилактической работы в творческих коллективах. Многие в своих выступлениях высказывались за проведение судебного процесса и публикацию материалов в печати.

В настоящее время Комитетом госбезопасности, совместно с Отделом культуры Центрального Комитета и Союзом писателей СССР, готовятся соответствующие публикации в печати, в которых будет раскрыт истинный характер "литературной деятельности" СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ.

В целях обеспечения более подробной информации общественности и пресечения аналогичной деятельности со стороны отдельных враждебно настроенных лиц представляется целесообразным дело СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ рассмотреть в открытом судебном заседании Верховного суда РСФСР и осудить преступников за написание и распространение литературных произведений, содержащих клеветнические измышления на советский государственный и общественный строй, по части 1 статьи 70 УК РСФСР к лишению свободы.

Судебный процесс предполагается провести в начале февраля 1966 г. [...] и пригласить на процесс представителей советско-партийного актива и писательской общественности.

[...] После окончания судебного процесса дать соответствующие публикации в печати и по радио.

Просим рассмотреть [...]*

РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 954. Л. 126–132.

* 5 января 1966 г. Секретариат ЦК КПСС согласился с предложениями Прокуратуры СССР и КГБ при Совете Министров СССР.

**Записка Отделов культуры, агитации и пропаганды
и административных органов ЦК КПСС
3 февраля 1966 г.**

Открытый судебный процесс по делу Снявского и Даниэля состоится в период с 10 по 12 февраля в зале судебных заседаний Московского областного суда (зал вмещает 100 человек). Дело принято к производству Верховным судом РСФСР и будет рассмотрено под председательством т. Смирнова Л.Н. Государственное обвинение поддерживает т. Темушкин – зам. начальника отдела Прокуратуры СССР; защиту обвиняемых осуществляют адвокаты тт. Коган и Кисенишский. Намечается выступление общественного обвинителя от Союза советских писателей.

Имеется в виду, что судебные заседания будут проходить в присутствии представителей трудящихся, партийно-советского актива, писателей и журналистов г. Москвы; порядок их приглашения обеспечивает МГК КПСС.

В связи с предстоящим судебным процессом считаем необходимым доложить предложения об освещении этого процесса в печати и по радио:

1. Репортажи своих корреспондентов из зала суда, а также официальные сообщения ТАСС о ходе судебного процесса ежедневно публикуют газета "Известия" и "Литературная газета". Редакции газет "Правда", "Комсомольская правда", "Советская культура" и "Советская Россия", по своему усмотрению, могут публиковать заметки собственных корреспондентов из зала суда.

Все остальные газеты публикуют о судебном процессе лишь официальные сообщения ТАСС; по радио о ходе судебного процесса передаются отчеты ТАСС и отдельные корреспонденции из газет.

АПН совместно с КГБ при Совете Министров СССР поручается подготовка соответствующих статей о процессе для опубликования за рубежом.

Корреспонденты указанных газет, ТАСС и АПН проходят в зал (без фотоаппаратов) по служебным пропускам, выдаваемым КГБ при Совете Министров СССР.

Иностранные корреспонденты на судебный процесс не допускаются.

Для подготовки официальных сообщений и просмотра корреспонденции о ходе судебного процесса образовать специальную пресс-группу в составе тт.: Мелентьева Ю.С. (зам. зав. Отделом культуры ЦК КПСС) – руководитель, Ситникова В.Ф. (зав. сектором Отдела информации ЦК КПСС), Миляева А.А. (Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС), Беяева А.А. (Отдел культуры ЦК КПСС), Кузнецова В.М. (Отдел административных органов ЦК КПСС), Волкова А.Ф., Бобкова Ф.Д. (КГБ при Совете Министров СССР).

Просим согласия [...].

*В. Шауро
А. Яковлев
Н. Савинкин*

**Из записей, сделанных в ходе процесса
над А. Синявским и Ю. Даниэлем.
Февраль 1966 г.**

Утреннее заседание. 10 февраля 1966 г.

Оглашается постановление от 4 февраля о предании Синявского и Даниэля суду по статье 70 УК РСФСР, часть 1.

Судья. Подсудимый Синявский, признаете ли Вы себя виновным в предъявленных обвинениях полностью или частично?

Синявский. Нет, не признаю, ни полностью, ни частично.

Судья. Подсудимый Даниэль, признаете ли Вы себя виновным в предъявленных Вам обвинениях полностью или частично?

Даниэль. Не признаю. Ни полностью, ни частично.

[...]

Утреннее заседание. 11 февраля 1966 г.

Синявский пытается объяснить суду, что в его статье и трех произведениях изложены не политические взгляды и убеждения, а его писательская позиция, что ему как писателю, близок фантастический реализм с его гиперболой, иронией и гротеском, но прокурор требует не читать в зале суда литературных лекций. Это требование поддерживает судья.

Прокурор. Выражаются ли в этих произведениях Ваши политические взгляды и убеждения?

Синявский. Я не политический писатель. Ни у одного писателя его вещи не передают политических взглядов... Ни у Пушкина, ни у Гоголя нельзя спрашивать про политические взгляды (*Возмущенный гул в зале*). Мое произведение – это мое мироощущение, а не политика.

Прокурор. Я думаю иначе. [...].

Вечернее заседание. 12 февраля 1966 г.

Из речи государственного обвинителя О.П. Темушкина. Я обвиняю Синявского и Даниэля в антигосударственной деятельности. Они написали и добились издания под видом литературных произведений грязных пасквилей, призывающих к свержению строя, распространяли клевету, облекли все это в литературную форму. То, что они сделали, не случайная ошибка, а действие, равнозначное предательству [...]. Я прошу, учитывая все – и то, что они не раскались, и первостепенную роль Синявского, – приговорите Синявского к максимальной мере наказания – семи годам лишения свободы, с отбыванием в колонии усиленного режима, и пяти годам ссылки (*Аплудисменты*), а Даниэля – к пяти годам, с отбыванием в колонии усиленного режима, и трем годам ссылки* .

Миф о застое. М., 1991. С. 70, 71.

* Суд удовлетворил требования прокурора полностью, исключая ссылку.

Из последнего слова А.Д. Синявского

Мне будет довольно трудно говорить [...] в силу определенной атмосферы, которая здесь достаточно ощутима. Доводы обвинения меня не убедили, и я остался на прежних позициях. Доводы обвинения – они создали ощущение глухой стены [...]. Все те же самые страшные цитаты из обвинительного заключения повторяются десятки раз и разрастаются в чудовищную атмосферу, уже не соответствующую никакой реальности. Художественный прием – повторение одних и тех же формулировок – сильный прием. Создается какая-то пелена, особенно наэлектризованная атмосфера, когда кончается реальность и начинается чудовищное – почти по произведениям Аржака и Терца. Это атмосфера темного антисоветского подполья, скрывающегося за светлым лицом кандидата наук Синявского и поэта-переводчика Даниэля, делающих заговоры, перевороты, террористические акты, погромы, убийства... В общем, "день открытых убийств"* , только исполнителей двое: Синявский и Даниэль. Тут, действительно, очень страшно, и неожиданно художественный образ теряет условность, воспринимается буквально, так что судебная процедура подключается к тексту, как естественное его продолжение. Я имел несчастье пометить эпилог повести "Суд идет" 1956 годом: "Автор оклеветал 1956 год, ага, автор, ты предсказал – иди теперь в лагерь в 1966 году". Злорадные интонации явственно звучали у обвинителей.

[...] Рассеять эту атмосферу крайне трудно, здесь не помогут ни развернутые аргументы, ни концепции творчества. Уже на следствии я понял, что не это интересует обвинения: интересуют отдельные цитаты, которые все повторяются и повторяются. Я не берусь ни объяснять замыслы, ни читать лекции про создавшуюся обстановку, ни доказывать – это бесполезно. Я хочу только напомнить некоторые аргументы, элементарные по отношению к литературе. С этого начинают изучать литературу: слово – это не дело, а слово; художественный образ условен; автор не идентичен герою. Это азы, и мы пытались говорить об этом, но обвинение упорно отбрасывает это как выдумку, как способ укрыться, как способ обмануть. И вот получается: повесть "Говорит Москва", если ее внимательно прочесть, да что там прочесть – хоть пробежать, – кричит одно слово: "Не убей!", "Я не могу и не хочу убивать: человек во всех обстоятельствах должен оставаться человеком!" Но никто не слышит этого: "Ага, ты хотел убить, ты убийца, ты фашист!" Здесь происходит чудовищный подмен.

[...] Неужели вновь объяснять простые вещи? Меня упрекали, что я матерей оскорбил. А у меня в "Любимове" прямо сказано: "Матерей не смейте трогать". Ведь Леню Тихомирова** волшебная сила оставила за то, что он покусился на душу матери. Что же, оскорбил я матерей? А что старух так описываю, как сморщенные трухлявые грибы, – сыроежки, сморчки, лисички, так неужели мне распростертых на полу церкви старух в нимбах изобразить? Это

* Образ из повести "Говорит Москва" Николая Аржака (Ю. Даниэля).

** Герой фантастической повести "Любимов" Абрама Терца (А. Синявского).

старый-старый литературный прием снижения. Государственный обвинитель не обязан в это вникать, но писатель!?*

В итоге – все маскировка, все уловки, прикрытие, как и кандидатская степень. Худосочная литературная форма – это только прикрытие для контрреволюционных идей. Идеализм, гиперболизм, фантастика – все это, конечно, уловки ярого антисоветчика, который всячески замаскировался. Ну, ладно, здесь замаскировался. Ну – это понятно, но там-то, за границей, мог ведь и не маскироваться, уж там-то я мог себе позволить? Гипербола, фантастика... Тогда само искусство оказывается уловкой, прикрытием для антисоветских идей.

[...] Возникает вопрос: что такое агитация и пропаганда, а что художественная литература? Позиция обвинения такая: художественная литература – форма агитации и пропаганды; агитация бывает только советская и антисоветская; раз не советская, значит, антисоветская.

Я с этим не согласен.

[...] У меня спрашивают: где положительный герой? Ах, нет? А-а, не социалист? Не реалист? А-а, не марксист? А-а, фантаст? А-а, идеалист? Да еще за границей! Конечно, контрреволюционер!

Вот у меня в неопубликованном рассказе "Пхенц" есть фраза, которую я считаю автобиографической: "Подумаешь, если я просто другой, так уж сразу ругаться..." Так вот: я другой. Но я не отношу себя к врагам, я советский человек, и мои произведения – не вражеские произведения. В здешней назлектризованной фантастической атмосфере врагом может считаться любой "другой" человек. Но это не объективный способ нахождения истины. А главное – я не знаю, зачем придумывать врагов, громоздить чудовища, реализуя художественные образы, понимая их буквально.

В глубине души я считаю, что к художественной литературе нельзя подходить с юридическими формулировками. Ведь правда художественного образа сложна, часто сам автор не может ее объяснить. [...] Вот вы, юристы, имеете дело с терминами, которые чем уже, тем точнее. В отличие от термина значение художественного образа тем точнее, чем он шире.

*Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля /
Сост. А. Гинзбург. Франкфурт-на-Майне, 1967. С. 301–306.*

**Из речи М.А. Шолохова на XXIII съезде КПСС
1 апреля 1966 г.**

[...] Место писателя в общественной жизни мы, советские литераторы, определяем как коммунисты, как сыновья нашей великой Родины, как граждане страны, строящей коммунистическое общество,

* Имеется в виду общественный обвинитель от Союза писателей, драматург Арк. Васильев.

как выразители революционно-гуманистических взглядов партии, народа, советского человека (*Бурные аплодисменты*).

Совсем другая картина получается, когда объявляется некий сочинитель, который у нас пишет об одном, а за рубежом издает совершенно иное. Пользуется он одним и тем же русским языком, но для того чтобы в одном случае замаскироваться, а в другом – осквернить этот язык бешеной злобой, ненавистью ко всему советскому, ко всему, что нам дорого, что для нас свято.

[...] Мы называем нашу Советскую Родину матерью. Все мы – члены одной огромной семьи. Как же можем мы реагировать на поведение предателей, покусившихся на самое дорогое для нас? С горечью констатирует русская народная мудрость: "В семье не без урода". Но ведь уродство уродству рознь. Думаю, что любому понятно: ничего нет более кощунственного и омерзительного, чем обоглать свою мать, гнусно оскорбить ее, поднять на нее руку! (*Бурные, продолжительные аплодисменты*)

Мне стыдно за тех, кто оболгал Родину и облил грязью все самое светлое для нас. Они аморальны. Мне стыдно за тех, кто пытался и пытается брать их под защиту, чем бы эта защита ни мотивировалась (*Продолжительные аплодисменты*).

Вдвойне обидно за тех, кто предлагает свои услуги и обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев* (*Бурные аплодисменты*).

Слишком дорогой ценой досталось всем нам то, что мы завоевали, слишком дорога нам Советская власть, чтобы мы позволили безнаказанно клеветать на нее и порочить ее (*Бурные аплодисменты*).

Иные, прикрываясь словами о гуманизме, стенают о суровости приговора. Здесь я вижу делегатов от парторганизаций родной Советской Армии. Как бы они поступили, если бы в каком-либо из их подразделений появились предатели?! Им-то, нашим воинам, хорошо известно, что гуманизм – это отнюдь не слюнтяйство (*Продолжительные аплодисменты*).

И еще об одном я думаю. Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные 20-е годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а "руководствуясь революционным правосознанием" (*Аплодисменты*), ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни! (*Аплодисменты*) А тут, видите ли, еще рассуждают о "суровости" приговора.

Мне хотелось бы сказать и буржуазным защитникам пасквилянтов: не беспокойтесь за сохранность у нас критики. Критику мы поддерживаем и развиваем, она остро звучит и на нынешнем съезде. Но клевета – не критика, а грязь из лужи – не краски с палитры художника! (*Продолжительные аплодисменты*)

*XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза.
Стенографический отчет. М., 1966. Т. 1. С. 357, 358.*

* Шолохов имеет в виду обращение 63 московских писателей в Президиум Верховного Совета РСФСР, в котором предлагалось передать осужденных Синявского и Даниэля на поруки тем, кто подписал это обращение.

СЕМИНАР II***"Хроника текущих событий", по словам академика
А.Д. Сахарова, одно из самых "больших достижений
правозащитного движения в СССР"***

В числе документов, предлагаемых для практикума, приводятся титульные листы "Хроники текущих событий" за 1968–1977 гг. В начале практикума можно заслушать краткое сообщение, подготовленное учащимся по тексту главы, о возникновении "Хроники", ее содержании, распространении, ее создателях. Затем учащимся раздаются копии документальных фрагментов и предлагаются вопросы для обсуждения:

1. Чему был посвящен первый номер "Хроники" за апрель 1968 г.?
2. Используя текст главы, расскажите о процессе Галанскова и других, упомянутых в первом номере "Хроники".
3. Объясните, почему каждый номер "Хроники" открывался выдержкой из "Всеобщей декларации прав человека".
4. Какие проблемы поднимались в "Хронике"? Проследите, какие вопросы и темы были постоянными, повторяющимися из номера в номер. Чем это можно объяснить?
5. На какой круг читателей была рассчитана "Хроника"? В какой среде она распространялась?
6. Используя фрагмент из записки Ю. Андропова от 1972 г., объясните, почему власть боялась издания "Хроники".
7. Какое значение имело издание "Хроники" для правозащитного движения? для страны? для молодежи?

Документы по теме семинара II***Титульные листы "Хроники текущих событий"
1968–1977 гг.*****ГОД ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ****ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ**

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, статья 19.

30 апреля 1968 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Процесс ГАЛАНСКОВА, ГИНЗБУРГА, ДОБРОВОЛЬСКОГО и ЛАШКОВОЙ.

Протесты в связи с процессом.

Репрессии в связи с протестами.

Обращение к Будапештскому совещанию коммунистических и рабочих партий.

Политзаключенные.
Ленинградский процесс.
Арест ВАЛЕНТИНА ПРУССАКОВА.

ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК № 19
30 апреля 1971 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Арест Владимира Буковского.
Записки Гершуни из Орловской спецпсихбольницы.
Голодовка Борисова и Файнберга.
Судьба ВСХСОНовцев.
Обращение крымско-татарского народа.
Движение месхов за возвращение на родину.
Движение евреев за выезд в Израиль.
Внесудебные преследования.
Запрещенные кинофильмы.
По материалам советской печати.
Краткие сообщения.
Новости Самиздата.

Год издания четвертый

ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК № 26
5 июля 1972 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Арест Петра ЯКИРА.
Политические процессы.
Обыски, допросы, аресты.
Предварительное следствие.
Политзаключенные психиатрических больниц.
Высылка корреспондента.
"Книксон".
День ШЕВЧЕНКО на Украине.
Пресс-конференция Я. ДОБОША.
Новые функции органов.

События в Литве.
По материалам газетных статей.
Внесудебные преследования.
Краткие сообщения.
Письма и документы.
Новости Самиздата.
"Памятная записка" А.Д. САХАРОВА.
Поправки к предыдущим выпускам.

Год издания пятый

БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК № 44

16 марта 1977 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Хронологическая сводка.
Репрессии против групп "Хельсинки", арест ГИНЗБУРГА, ОРЛОВА,
РУДЕНКО, ТИХОГО, ЩАРАНСКОГО.
Деятельность групп "Хельсинки".
Дело Амнера ЗАВУРОВА.
Аресты, обыски, допросы.
Вокруг взрывов в Москве.
В тюрьмах и лагерях.
Список политзаключенных Владимирской тюрьмы.
После освобождения.
В ссылке.
Освобождение Владимира БОРИСОВА.
Преследования верующих. События в Литве.
Преследования крымских татар.
Право на выезд.
Пожар у ЛАНДЫ.
Краткие сообщения.
Выступления САХАРОВА.
Письма и заявления.
Поправки и дополнения.

Год издания десятый

*Архив общества "Мемориал" (Москва). Ф. 153.
Вып. 1 – Д. 1. Л. 1. Вып. 19 – Д. 2. Л. 1. Вып. 26 – Д. 2. Л. 194.
Вып. 44 – Д. 4. Л. 450.*

**Из совершенно секретной записки
Ю.В. Андропова в ЦК КПСС
17 января 1972 г.**

[...] На фоне монолитного единства советского народа и его сплочения вокруг ЦК КПСС деятельность отдельных подрывных элементов, связанных с закордонными центрами, не может представлять серьезной угрозы. Вместе с тем нельзя не видеть, что она имеет тенденцию к известной активизации.

Анализ материалов, поступивших в Комитет государственной безопасности в последние годы, свидетельствует о том, что антикоммунистические центры, опираясь на специальные службы империалистических государств, активизируют свою деятельность в борьбе с политическим строем социалистических государств.

[...] В конечном счете, они стремятся консолидировать отдельные антисоветские группы, сплотить воедино отщепенцев из числа националистов, церковников, сектантов, сионистов, ревизионистов, по существу, пытаясь организовать антисоветское подполье.

[...] Попытки придать различного рода антиобщественным акциями организованный характер наблюдаются и в деятельности так называемого "Комитета прав человека" во главе с САХАРОВЫМ, в попытках издания всякого рода рукописных журналов и сборников ("Вече", "Общественные проблемы", "Исход" и другие).

[...] Особое место среди изъятых материалов занимает так называемая "Хроника текущих событий" (издано 22 номера).

Нелегальное изготовление и распространение так называемой "Хроники текущих событий", которая, по существу, является печатным органом "демократического движения", служит [...] для единомышленников формой организационного объединения.

Сбор материалов для "Хроники" вышел далеко за пределы Москвы и практически опирается на нелегально действующие корреспондентские точки в ряде районов страны. Материалы "Хроники" используются за рубежом в целях подтверждения всякого рода клеветнических измышлений в отношении Советского государства.

Организационное начало [...] помимо изготовления "Хроники", видно на примере сбора средств для так называемого "движения". Они предназначаются для оказания материальной помощи заключенным и их семьям, для оплаты адвокатов и для расходов, связанных с нелегальным изготовлением клеветнических и других материалов.

[...] Представляется необходимым заслушать на заседании Секретариата ЦК КПСС по данному вопросу более подробную информацию Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР с целью выработки соответствующих предложений.

Председатель Комитета госбезопасности

Андропов

Архив общества "Мемориал" (Москва).

Ф. 172 (копийные материалы).

Д. 2. Л. 4-9.

СЕМИНАР III***Девиз А.И. Герцена на Красной площади
(значение демонстрации 1968 г. в Москве)***

Документы, предлагаемые учащимся, могут быть распечатаны и розданы им заранее или прямо во время урока. Учителем ставятся проблемные вопросы и формируются практические задания. Прежде всего, по тексту главы рекомендуется подготовить рассказ о событиях на Красной площади, объяснить их предысторию и последствия. На основе текста главы и дополнительной литературы учащиеся могут подготовить рассказ об участниках демонстрации и их судьбе (Л. Богораз, В. Делоне и др.). Отдельным заданием может стать рассказ о суде над правозащитниками, о реакции в стране на чехословацкие события.

Может быть организовано коллективное обсуждение материалов, помещенных во второй части книги, а также нижеприводимых документов.

Документы по теме семинара III***Из заявления ТАСС от 21 августа 1968 г.***

ТАСС уполномочен заявить, что партийные и государственные деятели Чехословацкой Социалистической Республики обратились к Советскому Союзу и другим союзным государствам с просьбой об оказании братскому чехословацкому народу неотложной помощи, включая помощь вооруженными силами. Это обращение вызвано угрозой, которая возникла существующему в Чехословакии социалистическому строю и установленной Конституцией государственности, со стороны контрреволюционных сил, вступивших в сговор с враждебными социализму внешними силами [...].

Дальнейшее обострение обстановки в Чехословакии затрагивает жизненные интересы Советского Союза и других социалистических стран, интересы безопасности государств социалистического содружества. Угроза социалистическому строю Чехословакии представляет собой вместе с тем угрозу устоям европейского мира.

Советское правительство и правительства союзных стран – Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, исходя из принципов нерасторжимой дружбы и сотрудничества и в соответствии с существующими договорными обязательствами, решили пойти навстречу упомянутой просьбе об оказании братскому чехословацкому народу необходимой помощи [...].

Советские воинские подразделения вместе с воинскими подразделениями названных союзных стран 21 августа вступили на территорию Чехословакии. Они будут незамедлительно выведены из ЧССР, как только создавшаяся угроза завоеваниям социализма в Чехословакии, угроза безопасности стран социалистического содружества

будет устранена и законные власти сочтут, что в дальнейшем пребывании там этих воинских подразделений нет необходимости.

Предпринимаемые действия не направлены против какого-либо государства и ни в какой мере не ущемляют чьих-либо государственных интересов. Они служат цели мира и продиктованы заботой о его укреплении.

Братские страны твердо и решительно противопоставляют любой угрозе свою нерушимую солидарность. Никому и никогда не будет позволено вырвать ни одного звена из содружества социалистических государств.

Правда. 1968. 21 августа.

**Из записки секретаря МГК КПСС
В.В. Гришина в ЦК КПСС.
Август 1968 г.**

В целях ознакомления широких масс трудящихся с Заявлением ТАСС вчера на промышленных предприятиях и в учреждениях [...] проведено свыше 9 тыс. собраний, на которых присутствовало около 885 тыс. и выступило 30 тыс. рабочих, инженерно-технических работников и служащих. Выступавшие на собраниях заявили о полной поддержке внешней и внутренней политики и практических действий ЦК КПСС и Советского правительства [...].

Вместе с тем в отдельных научно-исследовательских институтах были выступления, направленные против мероприятий, осуществляемых Советским правительством и правительствами братских стран. Так, в НИИ автоматических устройств кандидат технических наук, старший научный сотрудник Андронов, беспартийный, заявил, что он не понимает, кто в Чехословакии и от чьего имени просит помощи Советского Союза и других стран, и предложил голосование резолюции общего собрания сотрудников института отложить до прояснения обстановки. Его выступление было осуждено участниками собрания.

Отдельные лица допускают нездоровые, а порой враждебные высказывания в частных беседах. Так, режиссер Центральной студии телевидения Торстенсен, беспартийный, сказал: "Наши действия не вяжутся с имевшими место заявлениями о невмешательстве во внутренние дела Чехословакии" [...].

Аналогичные утверждения допускали в разговорах инженер ГипроНИИсельхоза Петров, хирург больницы № 16 Сидорова, обжигальщик НИИ Электровакуумного стекла Афанасьев (все беспартийные) [...].

Известия. 1992. 1 августа.

**Из обвинительного заключения по уголовному делу
№ 4107-56-68 о нарушении общественного порядка и клевете
на советский государственный и общественный строй.
Не позднее 14 сентября 1968 г.**

[...] Расследованием по делу установлено:

Павел Литвинов, будучи не согласен с политикой КПСС и Советского правительства по оказанию братской помощи чехословацкому народу в защите его социалистических завоеваний, одобренной всеми трудящимися Советского Союза, вступил в преступный сговор с другими обвиняемыми по настоящему делу с целью организации группового протеста против временного вступления на территорию ЧССР войск пяти социалистических стран.

Ранее изготовив плакаты с текстами, содержащими заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а именно: "Руки прочь от ЧССР!", "За вашу и нашу свободу", "Долой оккупантов", "Свободу Дубчеку", "Да здравствует свободная и независимая Чехословакия" (на чешском языке), 25 августа сего года в 12 часов явился к Лобному месту на Красную площадь, где совместно с [следует перечить фамилий остальных обвиняемых] принял активное участие в групповых действиях, грубо нарушивших общественный порядок и нормальную работу транспорта: развернул вышеуказанные плакаты и выкрикивал лозунги аналогичного с плакатами содержания, то есть совершил преступления, предусмотренные статьями 190-1 и 190-3 Уголовного кодекса РСФСР [...].

*Каминская Д.И. Записки адвоката. Харьков, 2000.
С. 200, 201*

СЕМИНАР IV

Высылка А.И. Солженицына из СССР: как это было

Документы, предлагаемые для самостоятельной работы на семинаре или практикуме, раздаются учащимся заранее в распечатке. Важно, чтобы учащиеся подготовили несколько кратких сообщений, используя текст главы, дополнительную литературу, сочинения и выступления самого Солженицына и статьи о нем. Это могут быть сообщения о жизни и судьбе Солженицына в 1950–1970-е гг.; об истории создания романов "Раковый корпус", "В круге первом", "Архипелаг ГУЛАГ"; об истории гонений и высылки Солженицына из СССР; о реакции мировой и советской общественности на высылку Солженицына и другие темы.

Главным является разбор документов, и прежде всего протокола заседания Политбюро ЦК КПСС.

Если у учителя и учащихся нет возможности подготовить заранее сообщения о жизни и работах Солженицына, можно организовать практическую работу с фрагментами документов, приводимых ниже.

Вопросы к документам, изучаемым на семинаре

Из письма А. Солженицына IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей 16 мая 1967 г.

1. Как А. Солженицын характеризует положение советских писателей, их творческую свободу и возможность правдиво говорить о волнующих общество проблемах?

2. Что, по мнению Солженицына, играет важную роль в ограничении творческой свободы писателей? Почему такие ограничения типичны для советской страны? Каковы их последствия для развития литературы? для развития общества?

3. Согласны ли вы с выводом Солженицына, что литература, живущая в условиях цензуры, тотального идеологического давления и беспрецедентного преследования за инакомыслие, выполняет лишь "косметические функции"? Ведь советская литература имеет свои шедевры.

4. Объясните причины, по которым Союз писателей СССР не только не защитил гонимых властью писателей, но, по словам Солженицына, "был первым среди гонителей".

5. Попробуйте назвать причины, по которым в число гонимых советской властью попали такие разные писатели.

6. Выскажите свои суждения о творчестве этих писателей; назовите их произведения, с которыми вы знакомы.

7. Объясните, кого имеет в виду Солженицын, говоря о клеветнической кампании против него, проводимой более трех лет. Выскажите мнение об обвинении его в измене Родине.

*Сообщение Секретариата Правления Союза писателей СССР
12 ноября 1969 г.*

1. Выскажите суждение, почему в сообщении говорится об "обострившейся идеологической борьбе в современном мире". Какие практические выводы для творчества писателей вытекали из этого постулата?

2. В чем смысл обвинения А. Солженицына правлением Союза писателей? Почему считается, что он способствовал "раздуванию антисоветской шумихи вокруг своего имени"?

3. Объясните, почему, по мнению Союза писателей, "имя и сочинения А. Солженицына активно используются враждебной пропагандой для клеветнической кампании против нашей страны". Что из сочинений писателя привлекло наибольшее внимание зарубежных читателей? Почему эти произведения объявлены клеветническими? Как отразилась подобная оценка властей на личной и творческой судьбе писателя?

4. Выскажите свое мнение о решении Рязанской писательской организации об исключении А.И. Солженицына из Союза писателей СССР.

Из статьи А. Солженицына "Жить не по лжи". 1975 г.

1. Прочтите фрагмент статьи Солженицына, "ходившей в самиздате", и объясните, о какой главной болезни общественного сознания и поведения советских граждан в ней говорится. Назовите важнейшие причины массового распространения этой болезни.

2. Согласны ли вы с мыслью Солженицына, что "не созрели мы идти на площадь и громогласить правду, высказать вслух, что думаем"? Почему так страшна правда для огромной массы людей?

3. Что, по мысли Солженицына, заставляет многих быть "сознательным слугою лжи"? Согласны ли вы с приводимым перечнем причин? Есть ли другие причины, приводящие людей на путь сознательной веры в ложь?

4. Почему Солженицын называет ложь "гангреной"? В чем ее вред для всех и для каждого в отдельности?

5. Как вы думаете, многие ли поддержали требование Солженицына "Жить не по лжи" в 1970-е гг.? в 1980-е? в эпоху перестройки?

Из рабочей записи заседания Политбюро ЦК КПСС 7 января 1974 г. и его постановление "О мерах по пресечению антисоветской деятельности А.И. Солженицына"

1. Прочтите документ и охарактеризуйте общую направленность высказываний его участников. Кем для них является Солженицын? Какие типичные обвинения выдвигаются против него?

2. Почему книги Солженицына, в том числе "Архипелаг ГУЛАГ", члены Политбюро называют "грубым антисоветским пасквилем"? О чем свидетельствует такой уровень оценки литературного произведения?

3. Какая главная проблема в связи с творчеством Солженицына больше всего волнует членов Политбюро?

4. Какие доводы в пользу высылки Солженицына из страны приводят члены Политбюро? Чем их страшит его дальнейшее пребывание в СССР? Как они решают проблему законности этого шага, его соответствия Конституции СССР и правам человека?

5. Какие мотивы выдвигают члены Политбюро, предлагающие вместо высылки из страны организацию суда над Солженицыным и отправку его в ссылку в Верхоянск? Почему "выдворение из страны" они считают проявлением слабости власти?

6. Объясните, почему все члены заседания говорят об "оглядке" на международную общественность, на реакцию стран Запада, на конференцию в Хельсинки.

7. Дайте оценку ссылкам членов Политбюро на действия в Китае, в Чили по "успокоению" своих диссидентов. Как эти ссылки характеризуют взгляды членов Политбюро?

8. Объясните, почему члены Политбюро считают, что "Солженицын – ярый враг, наглый отщепенец, идеологически не разоружившийся, пытающийся хозяйничать в умах народа". Риториче

каких времен напоминают эти слова? Действительно ли Солженицын – "властитель дум народа"?

9. Выскажите общее суждение о заседании Политбюро по "делу Солженицына": уровне доказательности, характере обсуждения, понимании проблемы.

10. Выскажите оценку решению, принятому Политбюро "О мерах по пресечению антисоветской деятельности А. Солженицына". Объясните, почему все члены Политбюро проголосовали за судебный процесс и жестокое судебное наказание – ссылку Солженицына в Сибирь?

*Из письма Ю.В. Андропова Л.И. Брежневу 7 февраля 1974 г.
Указ Президиума Верховного Совета СССР "О лишении
гражданства СССР и выдворении за пределы СССР
Солженицына А.И." от 12 февраля 1974 г.*

1. Объясните, почему Председатель КГБ допускает возможность "нежелательных последствий суда над Солженицыным для внутреннего положения в стране".

2. Почему книга "Архипелаг ГУЛАГ", по словам Андропова, вызывает "определенное сочувствие у представителей творческой интеллигенции"? Почему возникает мысль о том, что советское руководство осуществляет процесс "ресталинизации"?

3. Почему советское руководство склонилось к тайной и скорейшей высылке Солженицына из страны?

4. Дайте правовую оценку Указу Президиума Верховного Совета СССР о лишении А.И. Солженицына гражданства СССР.

* * *

В заключение семинара можно обсудить с учащимися высказывание Александра Галича. В 1975 г., выступая по радио "Свобода", он сказал: "Было время, когда всю огромную территорию Советского Союза покрывала, как панцирь, как льды во время ледникового периода, белая раковая опухоль, белые пятна обледенения – страха. Боялись все, боялись колхозники и рабочие, боялись интеллигенты и чиновники. И если чем-нибудь особенно примечательным в истории Советской страны, Советского Союза, России и останутся 60–70-е годы, это, пожалуй, "таяние" этих ледовых покрытий на территории СССР. И, пожалуй, первым среди тех, кто помог этому процессу, кто возглавил этот процесс уничтожения страха, был – Александр Исаевич Солженицын".

Документы по теме семинара IV**Из письма А. Солженицына IV Всесоюзному съезду
Союза советских писателей
16 мая 1967 г.**

За нашими писателями не предполагается, не признается права высказывать опережающие суждения о нравственной жизни человека и общества, по-своему изъяснять социальные проблемы или исторический опыт, так глубоко выстрадавший в нашей стране. Произведения, которые могли бы выразить назревшую народную мысль, своевременно и усилительно повлиять в области духовной или на развитие общественного сознания, – запрещаются либо уродуются цензурой, по соображениям мелочным, эгоистическим, а для народной жизни неадекватным.

[...] Литература, которая не есть воздух современного ей общества, которая не смеет передать обществу свою боль и тревогу, в нужную пору предупредить о грозящих нравственных и социальных опасностях, не заслуживает даже названия литературы, а всего лишь – косметика.

[...] Многие авторы при жизни подвергались в печати и с трибуны оскорблениям и клевете, ответить на которые не получали физической возможности, более того – личным стеснениям и преследованиям (Булгаков, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Зощенко, Андрей Платонов, Александр Грин, Василий Гроссман). Союз же писателей не только не предоставил им для ответа и оправдания страниц своих печатных изданий, не только не выступил сам в их защиту, – но руководство Союза неизменно проявляло себя первым среди гонителей. Имена, которые составят украшение нашей поэзии XX века, оказались в списке исключенных из Союза либо даже не принятых в него! [...]

[...] Уже три года ведется против меня, всю войну провоевавшего командиром батареи, награжденного боевыми орденами, безответственной клеветы: что я отбывал срок как уголовник или сдался в плен (я никогда там не был), "изменил Родине", "служил у немцев". Так истолковывается 11 лет моих лагерей и ссылки, куда я попал за критику Сталина.

Новый мир. 1991. № 6. С. 113, 115.

**Сообщение Секретариата Правления
Союза писателей СССР
12 ноября 1969 г.**

Состоялось собрание Рязанской писательской организации, посвященное задачам усиления идейно-воспитательной работы. Участники собрания в своих выступлениях подчеркивали, что в условиях обострившейся идеологической борьбы в современном мире возрастает ответственность каждого советского писателя за свое творчество и общественное поведение. В этой связи участники

собрания подняли вопрос о члене Рязанской писательской организации А. Солженицыне. Собрание отметило, что поведение А. Солженицына носит антиобщественный характер и в корне противоречит принципам и задачам, сформулированным в Уставе Союза писателей.

Как известно, в последние годы имя и сочинения А. Солженицына активно используются враждебной пропагандой для клеветнической кампании против нашей страны. Однако А. Солженицын не только не высказывал публично своего отношения к этой кампании, но, несмотря на критику советской общественности и неоднократные рекомендации Союза писателей СССР, некоторыми своими действиями и заявлениями по существу способствовал раздуванию антисоветской шумихи вокруг своего имени.

Исходя из этого, собрание Рязанской писательской организации постановило исключить А. Солженицына из Союза писателей СССР.

Секретариат Правления Союза писателей

Литературная газета. 1969. 12 ноября.

Из статьи А.И. Солженицына "Жить не по лжи"

[...] Самый простой, самый доступный ключ к нашему освобождению: личное неучастие во лжи! Пусть ложь все покрыла, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрямся: пусть владеет не через меня!

И это – прорез во мнимом кольце нашего бездействия – самый легкий для нас и самый разрушительный для лжи. Ибо когда люди отшатываются ото лжи, она просто перестает существовать. Как зараза, она может существовать только на людях.

Не призываемся, не созрели мы идти на площади и громогласить правду, высказывать вслух, что думаем, – не надо, это страшно. Но хоть откажемся говорить то, чего не думаем! [...]

Наш путь: ни в чем не поддерживать лжи сознательно! Осознав, где граница лжи (для каждого она еще по-разному видна), – отступить от этой гангренозной границы! Не подклеивать мертвых косточек и чешуек идеологии, не сшивать гнилого тряпья – и мы поражены будем, как быстро и беспомощно ложь опадет, и чему надлежит быть голым – то явится миру голым.

Итак, через робость нашу пусть каждый выберет: остается ли он сознательным слугою лжи (о, разумеется, не по склонности, но для прокормления семьи, для воспитания детей в духе лжи!) или пришла ему пора отряхнуться честным человеком, достойным уважения и детей своих, и современников.

Солженицын А.И. Жить не по лжи. Paris, 1975. С. 195–196.

**Из рабочей записи заседания Политбюро ЦК КПСС
7 января 1974 г.**

Председательствовал т. Брежнев Л.И.

Присутствовали тт. Андропов Ю.В., Гришин В.В., Громыко А.А., Кириленко А.П., Косыгин А.Н., Подгорный Н.В., Полянский Д.С., Суслов М.А., Шелепин А.Н., Демичев П.Н., Соломенцев М.С., Устинов Д.Ф., Капитонов И.В., Катушев К.Ф.

О Солженицыне

БРЕЖНЕВ. Во Франции и США, по сообщениям наших представителей за рубежом и иностранной печати, выходит новое сочинение Солженицына – "Архипелаг ГУЛАГ". Мне говорил т. Суслов, что Секретариат принял решение о разворачивании в нашей печати работы по разоблачению писаний Солженицына и буржуазной пропаганды в связи с выходом этой книги. Пока что этой книги еще никто не читал, но содержание ее уже известно. Это грубый антисоветский пасквиль. Нам нужно в связи с этим сегодня посоветоваться, как нам поступать дальше. По нашим законам, мы имеет все основания посадить Солженицына в тюрьму, ибо он посягнул на самое святое – на Ленина, на наш советский строй, на Советскую власть, на все, что дорого нам.

В свое время мы посадили в тюрьму Якира, Литвинова и других, осудили их, и затем все кончилось. [...] Вначале пошумели, а затем все было забыто. А этот хулиганствующий элемент, Солженицын, разгулялся. На все он помахивает, ни с чем не считается. Как нам поступить с ним? Если мы применим сейчас в отношении его санкции, то будет ли это нам выгодно, как использует против нас это буржуазная пропаганда? Я ставлю этот вопрос в порядке обсуждения. Хочу просто, чтобы мы обменялись мнениями, посоветовались и выработали правильное решение.

КОСЫГИН. По этому вопросу есть записка товарища Андропова. В этой записке содержится предложение о выдворении Солженицына из страны.

БРЕЖНЕВ. Я беседовал с т. Андроповым по этому вопросу.

АНДРОПОВ. Я считаю, что Солженицына надо выдворить из страны без его согласия. В свое время выдворили Троцкого из страны, не спрашивая его согласия.

БРЕЖНЕВ. Очевидно, сам Солженицын такого согласия не дает.

КИРИЛЕНКО. Можно его вывезти без его согласия.

ПОДГОРНЫЙ. Найдется ли такая страна, которая без согласия примет его себе?

БРЕЖНЕВ. Надо учитывать, что Солженицын даже не поехал за границу за получением Нобелевской премии.

АНДРОПОВ. Когда ему предложили поехать за границу за получением Нобелевской премии, то он поставил вопрос о гарантиях возвращения его в Советский Союз. Я, товарищи, с 1965 г. ставлю вопрос о Солженицыне. [...] Сейчас все смотрят на то, как мы

поступим с Солженицыным, применим ли мы к нему санкции или оставим его в покое.

Мне недавно звонил т. Келдыш* и спрашивал, почему мы не предпринимаем мер в отношении Сахарова. Он говорит, что если мы будем бездействовать в отношении Сахарова, то как будут вести себя дальше такие академики, как Капица, Энгельгард и другие.

Все это, товарищи, очень важно, и решать эти вопросы мы должны сейчас, несмотря на то что проходит общеевропейское совещание**.

[...] Солженицын действует открыто, действует нахальным образом. Он использует гуманное отношение Советской власти и ведет враждебную работу безнаказанно. Поэтому надо предпринять все меры, о которых я писал в ЦК, т.е. выдворить его из страны [...] в административном порядке. [...] Если мы не предпримем этих мер, то вся наша пропагандистская работа ни к чему не приведет. Если мы будем помещать статьи в газетах, говорить о нем по радио, а не примем мер, то это будет пустым звуком.

[...] СУСЛОВ. [...] Для того чтобы осуществить ту или иную меру в отношении Солженицына, надо подготовить наш народ, а это мы должны сделать путем развертывания широкой пропаганды. Мы правильно поступили с Сахаровым, когда провели соответствующую пропагандистскую работу. По существу, больше нет уже злых писем относительно Сахарова. Миллионы советских людей слушают радио, слушают передачи об этих новых сочинениях. Все это воздействует на народ.

Надо нам выступить с рядом статей и разоблачить Солженицына. Это обязательно надо сделать.

По решению, принятому Секретариатом, имеется в виду опубликовать одну-две статьи в "Правде", в "Литературной газете". Народ будет знать об этой книге Солженицына. Конечно, не надо развертывать кампании вокруг этого, а несколько статей напечатать.

[...] ГРОМЫКО. Солженицын – это враг, и я голосую за самые строгие меры в отношении его.

Что касается проведения пропагандистских мер, то их надо дозировать. Надо внимательно их продумать. Но нельзя отказываться и от таких шагов, которые предлагает т. Андропов. Если мы его насильно, без согласия, выдворим из страны, то надо иметь в виду, что это может буржуазная пропаганда обратить против нас. Выселить с согласия было бы хорошо, но он не даст такого согласия. Может быть, нам немножко потерпеть еще какое-то время, пока идет европейское совещание? Даже если какая-то страна и согласится, то сейчас его выселять было бы нецелесообразно, потому что против нас может быть развернута широкая пропаганда, и это не поможет нам при завершении общеевропейского совещания. Я имею в виду подождать три-четыре месяца, но еще раз говорю, что, в принципе, я за строгие меры [...].

* Президент Академии наук СССР.

** Речь идет о Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, проходившем в Хельсинки.

ПОДГОРНЫЙ. Я бы хотел поставить вопрос этот таким образом: какую административную меру принять в отношении Солженицына: или его судить по советским законам внутри страны и заставить его отбывать наказание у нас, или, как предлагает т. Андропов, выдворить его из страны. То что Солженицын враг, наглый, ярый и что он ведет за собой отщепенцев – это бесспорно. То что он делает все это безнаказанно, это тоже для нас всех ясно. Давайте посмотрим, что будет более выгодно для нас, какая мера: суд или высылка. Во многих странах – в Китае открыто казнят людей; в Чили фашистский режим расстреливает и истязает людей; англичане в Ирландии в отношении трудового народа применяют репрессии, а мы имеем дело с ярым врагом и проходим мимо, когда обливает грязью все и вся.

Я считаю, что наш закон является гуманным, но в то же время беспощадным по отношению к врагам, и мы должны его судить по нашим советским законам, в нашем советском суде и заставить его отбывать наказание в Советском Союзе.

[...] **КАТУШЕВ.** Все мы однозначно определяемся в оценке действий Солженицына. Это – враг, и с ним нужно поступить соответствующим образом. Видимо, мы не уйдем от того, чтобы не решать вопрос с Солженицыным сейчас, но его надо решать в комплексе. С одной стороны, использовать всю нашу пропаганду против Солженицына, и с другой стороны, нам нужно предпринять меры в соответствии с запиской т. Андропова.

[...] **КАПИТОНОВ.** Я хотел бы порассуждать по этому вопросу так: если мы выдворим Солженицына за пределы страны, то как поймет это наш народ. Могут, конечно, быть всякие недомолвки, пересуды и т.д. Что мы этим покажем – свою силу или слабость? Я думаю, что мы, во всяком случае, своей силы этим не покажем. Мы пока что идеологически его не развенчали, и народу, по существу, о Солженицыне ничего не сказали. А это надо сделать. Нужно, прежде всего, начать работу по разоблачению Солженицына, вернуть его наизнанку, и тогда любая административная мера будет понятна нашему народу.

СОЛОМЕНЦЕВ. [...] Я считаю, что Солженицына надо судить по нашим законам.

[...] **КИРИЛЕНКО.** [...] Андрей Андреевич [Громыко] говорит, как бы эта мера не обернулась против нас. Но как бы она ни обернулась против нас, а так оставлять нельзя этот вопрос. [...] Я за предложение, которое выдвинул т. Андропов.

В газетах нужно дать статьи, но очень аргументированные, обстоятельные.

КОСЫГИН. У нас у всех, товарищи, общее мнение, и я полностью присоединяюсь к сказанному.

Несколько лет Солженицын пытается хозяйничать в умах нашего народа. Мы его как-то боимся трогать, а между тем все наши действия в отношении Солженицына народ приветствовал бы.

Если говорить об общественном мнении, которое создается за рубежом, то нам надо рассуждать так: где будет меньше вреда – или мы его разоблачим, осудим и посадим, или мы будем ждать еще несколько месяцев, потом выселим в другую страну.

Я думаю, что для нас будет меньше издержки, если мы поступим сейчас в отношении его решительно и осудим по советским законам.

[...] Я за то, чтобы попытаться т. Андропову прозондировать в капиталистических странах вопрос, какая из них может его принять. Но, с другой стороны, нам нечего бояться применить к Солженицыну суровые меры советского правосудия. Возьмите вы Англию. Там уничтожают сотни людей. Или Чили – то же самое.

Нужно провести суд над Солженицыным и рассказать о нем, а отбывать наказание можно сослать в Верхоянск, туда никто не поедет из зарубежных корреспондентов: там очень холодно. Скрывать от народа нам нельзя. Статьи в газетах надо поместить.

ПОДГОРНЫЙ. [...] Я хочу высказаться за то, чтобы провести над Солженицыным суд. Если мы его вышлем, то этим покажем свою слабость.

[...] ПОЛЯНСКИЙ. До суда его можно арестовать?

АНДРОПОВ. Можно. Я советовался по этому вопросу с Руденко. [...] Мы начнем работу по выдворению, но одновременно заведем на него дело, изолируем его.

ПОДГОРНЫЙ. Если мы его вышлем за границу, то и там он будет нам вредить.

ГРОМЫКО. Надо, очевидно, нам остановиться все же на внутреннем варианте.

[...] ШЕЛЕПИН. [...] Сейчас нам, я считаю, выгодно до окончания европейского совещания решить вопрос с Солженицыным. Это покажет нашу последовательную принципиальность. Если мы проведем эту акцию после европейского совещания, то нас обвинят, что мы на самом совещании были неискренними, когда принимали решение, что уже начинаем нарушать эти решения и т.д. У нас чистая и правильная линия. Мы не позволим никому нарушать наши советские законы. Высылка его за границу, по-моему, эта мера не является подходящей. По-моему, не следует впутывать иностранные государства в это дело. У нас есть органы правосудия, и пусть они начинают расследование, а затем и судебный процесс.

БРЕЖНЕВ. Вопрос в отношении Солженицына, конечно, не простой, а очень сложный. Буржуазная печать пытается связать дело Солженицына с проведением наших крупных акций по мирному урегулированию. Каким образом нам поступить с Солженицыным? Я считаю, что лучший способ – это поступить в соответствии с нашими советскими законами.

ВСЕ. Правильно.

БРЕЖНЕВ. Наша Прокуратура может начать следствие, подготовить обвинение, подробно расскажет об этом обвинении, в чем он виновен. [...] Следствие вести нужно открыто, показать народу его враждебную антисоветскую деятельность, осквернение нашего советского строя, очернение памяти великого вождя, основателя партии и государства В.И. Ленина, осквернение памяти жертв Великой Отечественной войны, оправдание контрреволюционеров, прямое нарушение наших законов. Его нужно судить на основании нашего закона.

Мы в свое время не побоялись выступить против контрреволюции в Чехословакии. Мы не побоялись отпустить из страны Аллилуеву. Все это мы пережили. Я думаю, переживем и это [...].

Я беседовал с т. Громыко относительно влияния наших мер в отношении Солженицына на общеевропейском совещании. Я думаю, что это не окажет большого влияния. [...] Я бы считал необходимым поручить КГБ и Прокуратуре СССР разработать порядок привлечения Солженицына к судебной ответственности и с учетом всего того, что сказано было здесь, на заседании Политбюро, принять соответствующие меры судебного порядка.

ПОДГОРНЫЙ. Надо его арестовать и предъявить ему обвинение.

БРЕЖНЕВ. Пусть тт. Андропов и Руденко разработают всю процедуру предъявления обвинения и все, как следует, в соответствии с нашим законодательством.

Я бы считал необходимым поручить тт. Андропову, Демичеву, Катушеву подготовить информацию для секретарей братских коммунистических и рабочих партий социалистических стран и других руководителей братских коммунистических партий о наших мерах в отношении Солженицына.

ВСЕ. Правильно. Согласны.

Принято следующее постановление:

О мерах по пресечению антисоветской деятельности Солженицына А.И.

1. За злостную антисоветскую деятельность, выразившуюся в передаче в зарубежные издательства и информационные агентства рукописей книг, писем, интервью, содержащих клевету на советский строй, Советский Союз, Коммунистическую партию Советского Союза и их внешнюю и внутреннюю политику, оскверняющих светлую память В.И. Ленина и других деятелей КПСС и Советского государства, жертв Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации, оправдывающих действия как внутренних, так и зарубежных контрреволюционных и враждебных советскому строю элементов и групп, а также за грубое нарушение правил печатания своих литературных произведений в зарубежных издательствах, установленных Всемирной (Женевской) Конвенцией об авторском праве, Солженицына А.И. привлечь к судебной ответственности.

2. Поручить тт. Андропову Ю.В. и Руденко Р.А. определить порядок и процедуру проведения следствия и судебного процесса над Солженицыным А.И. в соответствии с обменом мнениями на Политбюро и свои предложения по этому вопросу представить в ЦК КПСС.

О ходе следствия и судебного процесса информировать ЦК КПСС в оперативном порядке.

3. Поручить тт. Андропову, Демичеву и Катушеву подготовить информацию для первых секретарей ЦК Коммунистических и рабочих партий социалистических и некоторых капиталистических стран о наших мерах, предпринимаемых в отношении Солженицына, с

учетом состоявшегося на Политбюро обмена мнениями, и представить ее в ЦК КПСС.

4. Поручить Секретариату ЦК определить срок направления этой информации братским партиям.

7 января 1974 г.

П120/1

Протоколно

Постановление Политбюро ЦК КПСС
"О Солженицыне"

Ограничиться обменом мнений, состоявшимся на заседании Политбюро ЦК КПСС по этому вопросу.

Источник. 1993. № 3. С. 87–94

**Из совершенно секретного письма
Ю.В. Андропова Л.И. Брежневу
7 февраля 1974 г.**

Леонид Ильич!

Представляю Вам справку, подготовленную тт. Чебриковым В.М. и Бобковым Ф.Д., непосредственно занимающихся вопросом о Солженицыне. Из справки вытекает, что этот вопрос в настоящее время вышел за рамки уголовного и превратился в немаловажную проблему, имеющую определенный политический характер. Как видно из справки, подавляющее большинство советских людей правильно оценило критику в адрес Солженицына. Но именно с этой стороны все чаще и во все более резкой форме задается вопрос: "Почему власти не принимают мер против Солженицына, который после критики его взглядов не только не сложил оружия, но в еще более оголтелой форме выступает против Советской власти".

Меня особенно беспокоит, что такой вопрос все чаще раздается в среде военных и некоторой части работников партийного аппарата.

С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что книга Солженицына, несмотря на принимаемые нами меры по разоблачению ее антисоветского характера, так или иначе вызывает определенное сочувствие некоторых представителей творческой интеллигенции. Так, например, некоторые видные писатели, осуждая антисоветский характер "Архипелага ГУЛАГа", говорят о том, что факты, описанные в этой книге, действительно имели место и что это произведение должно насторожить советское руководство, которое якобы осуществляет процесс "ресталинизации".

[...] Исходя из всего этого, Леонид Ильич, мне представляется, что откладывать дальше решение вопроса о Солженицыне, при всем нашем желании не повредить международным делам, просто невозможно, ибо дальнейшее промедление может вызвать для нас крайне нежелательные последствия внутри страны.

Как я Вам докладывал по телефону, Брандт выступил с заявлением о том, что Солженицын может жить и свободно работать в ФРГ. [...] Операцию по выдворению Солженицына в этом случае можно было бы провести 10–11 февраля.

Все это важно сделать быстро, потому что, как видно из оперативных документов, Солженицын начинает догадываться о наших замыслах и может выступить с публичным документом, который поставит и нас, и Брандта в затруднительное положение.

Если же по каким-либо причинам мероприятие по выдворению Солженицына сорвется, мне думается, что следовало бы не позднее 15 февраля возбудить против него уголовное дело (с арестом). Прокуратура к этому готова.

[...] К сожалению, другого выхода у нас нет, поскольку безнаказанность поведения Солженицына уже приносит нам издержки внутри страны гораздо большие, чем те, которые возникнут в международном плане в случае выдворения или ареста Солженицына.

С уважением,

Ю. Андропов

Приложение

Секретно. Экз. № 1

КОМИТЕТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

[...] Имеется немало фактов, свидетельствующих о том, что публикация СОЛЖЕНИЦЫНЫМ своих произведений на Западе находит поддержку и вызывает к нему симпатии у некоторой части творческой и научно-технической интеллигенции, и особенно в так называемой около литературной среде. Есть высказывания и о том, что как ни тяжелы клеветнические сочинения СОЛЖЕНИЦЫНА, но в них есть доля правды, и это заставит обратить внимание руководящих органов на улучшение работы с интеллигенцией. И хотя кое-кого из антисоветски настроенных лиц СОЛЖЕНИЦЫН шокировал своей разнузданной клеветой и откровенной враждебностью, они продолжают видеть в нем человека, вызывающего желание подражать ему.

[...] СОЛЖЕНИЦЫН стал своеобразным примером безнаказанности. Это рождает слухи о том, что и на этот раз с ним ничего не будет. Отсюда делают вывод, что все те, кто гласно выступает против Советского строя, находятся под надежной защитой Запада, как это происходит в случае с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ.

Многие антисоветские элементы внимательно следят, что будет с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ, рассматривая наше отношение к нему через призму отношения к проводимой ими антисоветской деятельности.

[...] Представляется, что дальнейшее нерешение вопроса об ответственности СОЛЖЕНИЦЫНА создает невыгодную для нас обстановку, порождает нездоровые настроения и, в конечном счете, на этой почве возникают определенные позиции для активизации враждебных элементов.

*Чебриков,
Бобков*

6 февраля 1974 года

Источник. 1993. № 3. С. 94–96.

**Указ Президиума Верховного Совета СССР
о лишении гражданства СССР и выдворении
за пределы СССР Солженицына А.И.
от 12 февраля 1974 г.**

Учитывая, что Солженицын систематически совершает действия, не совместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносит своим враждебным поведением ущерб Союзу ССР, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

На основании статьи 7 Закона СССР от 19 августа 1938 г. "О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик" за действия, порочащие звание гражданина СССР, лишить гражданства СССР и выдворить за пределы СССР Солженицына Александра Исаевича, 1918 года рождения, уроженца г. Кисловодска.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

*Н. Подгорный
М. Георгадзе*

Источник. 1993. № 3. С. 91.

СЕМИНАР V

А.Д. Сахаров – великий ученый-гуманист, правозащитник

Прилагаемые к главе документы важны для практической работы с текстами наиболее значительных выступлений А.Д. Сахарова. Они помогут понять содержательную, теоретическую сторону правозащитного движения в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Именно в работах Сахарова показывается общественная ценность правозащитного движения и диссидентства в целом, ибо в них глубоко и точно осмысливалась ситуация в стране и в мире, поднимались самые тяжелые и мучительные для человечества вопросы и намечались пути их решения. Эти работы, содержащийся в них анализ и

прогноз, показывают, что мысли А.Д. Сахарова не потеряли своей злободневности.

Вопросы к документам, изучаемым на семинаре

Из книги А.Д. Сахарова "Воспоминания"

1. Какие опасности мирового развития середины XX в. А.Д. Сахаров считает самыми главными?

2. Объясните, используя конкретный исторический материал, в чем сущность дегуманизации человеческой цивилизации в XX в.

3. Что такое "догматическая мифологизация"? Приведите примеры из истории нашей страны, стран Запада о ее конкретном проявлении. В чем ее опасность для человечества?

4. Объясните, какие из перечисленных опасностей злободневны и в начале XXI в.

5. Раскройте сущность теории конвергенции. В каких областях жизни народов она должна осуществляться? Почему эта идея вызывала активное неприятие советского руководства?

6. Какое общество может возникнуть, по мысли А.Д. Сахарова, в результате осуществления идеи конвергенции? Что явится его отличительной чертой?

7. Объясните, почему идеи плюрализма, демократии, духовной свободы выдвигаются Сахаровым на первый план, в чем проявляется известная утопичность этих идей?

8. Объясните свое отношение к идее А.Д. Сахарова о "стремлении к компромиссу, сочетанию прогресса с разумным консерватизмом и осторожностью". Почему он говорит, что "эволюция, а не революция есть лучший "локомотив" истории"? Какой исторический опыт нашей и других стран позволяет принять или опровергнуть этот вывод А.Д. Сахарова?

Из "Принципов" Комитета прав человека

А.Д. Сахарова, А.Н. Твердохлебова, В.Н. Чалидзе.

4 ноября 1970 г.

1. Используя текст главы, подготовьте краткие справки об истории создания Комитета прав человека в 1970 г., о его создателях и организаторах.

2. На основе данного документа сформулируйте главные цели деятельности Комитета прав человека.

3. Какой документ являлся теоретической основой и практическим руководством в деятельности Комитета?

4. Выскажите свое суждение о Всеобщей Декларации прав человека. Кем и когда был принят этот документ? Что является его главной идеей? Чем он отличается от многих программных заявлений руководства СССР?

5. Оцените позицию Комитета относительно изучения "специфики прав человека в социалистическом обществе". Каково

могло быть отношение советского руководства к этому стремлению? Почему?

6. Что имеют в виду авторы "Принципов", заявляя об учете "сложившихся в СССР традиций и реальных трудностей государства" в области прав человека?

7. Выскажите мнение о "Принципах" Комитета прав человека в целом, о значении его для развития страны.

8. Выскажите суждение о создании правового государства в современной России, о положении с правами человека в нашей стране.

*Из письма А.Д. Сахарова, В.Ф. Турчина и Р.А. Медведева
в ЦК КПСС 19 марта 1970 г.*

1. Внимательно прочтите предлагаемый документ и определите, какие изменения в политическом строе и общественной жизни СССР предлагаются в нем. Попробуйте выделить наиболее неотложные проблемы.

2. Какие из предложенных мер были осуществлены в годы перестройки? Какие проблемы остались нерешенными? Как можно оценить предложения А.Д. Сахарова, сделанные им в 1970 г., с учетом произошедших перемен?

3. Объясните, почему авторы писем ничего не говорят о роли КПСС. Было ли это "стратегической" установкой или только тактическим приемом?

4. Попробуйте сформулировать отношение к существующим порядкам у большинства населения. Многие ли протестовали, боролись за перемены в стране? Многие ли поддерживали программу, предложенную А.Д. Сахаровым и другими правозащитниками?

Из писем в советские газеты. Август – сентябрь 1973 г.

1. Прочтите выдержки из писем в газеты, опубликованных в августе – сентябре 1973 г. Чем были вызваны эти письма? Кому адресованы? Что составляет главное содержание писем?

2. Каково Ваше впечатление от этих публикаций? Какие чувства и мысли они вызывают?

3. Объясните, почему открытые коллективные письма "во власть" были широко распространены в СССР. Какие особенности менталитета советского общества отражались в этом явлении?

4. Как можно объяснить участие в этих письмах таких ученых, коллег А.Д. Сахарова, Нобелевских лауреатов и выдающихся ученых, как Семенов, Черенков, Прохоров, Франк, Харитон, Келдыш и др.?

5. Какую цель преследовало руководство страны, организовав кампанию травли А.Д. Сахарова в печати?

*Из открытого письма А.Д. Сахарова
Председателю Президиума Верховного Совета СССР
Л.И. Брежневу.
1980 г.*

1. Выскажите свое отношение к письму Сахарова Брежневу. Почему он считал подобные заявления своим долгом? На что надеялся?
2. Какую оценку войне СССР в Афганистане дает Сахаров? В чем она расходилась с официальной? Чем оправдывали свои действия советские власти, начиная войну в Афганистане? Какие цели они преследовали?
3. Перечислите, какие внутренние и международные последствия имела эта война для СССР? Подтвердились ли выводы анализа Сахарова, сделанные уже в первый год войны? В чем именно?
4. Как была оценена эта война в СССР в годы перестройки? Когда и как она была окончена?
5. Подумайте, извлечены ли уроки из войны в Афганистане руководством страны после 1985–1989 гг.?

Документы по теме семинара V

Из книги А.Д. Сахарова "Воспоминания"

[...] В 1968 г. я сделал свой решающий шаг, выступив со статьей "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". [...] Название соответствовало тому тону приглашения к дискуссии со стороны человека, не являющегося специалистом в общественных вопросах, который казался мне тогда наиболее правильным. [...] Основная мысль статьи – человечество подошло к критическому моменту своей истории, когда над ним нависли опасности термоядерного уничтожения, экологического самоотравления, голода и неуправляемого демографического взрыва, дегуманизации и догматической мифологизации. Эти опасности многократно усиливаются разделением мира, противостоянием социалистического и капиталистического лагеря. В статье защищается идея конвергенции (сближения) социалистической и капиталистической систем. [...] В результате экономической, социальной и идеологической конвергенции должно возникнуть научно управляемое демократическое плюралистическое общество, свободное от нетерпимости и догматизма, проникнутое заботой о людях и будущем земли и человечества, соединяющее в себе положительные черты обеих систем. [...] В статье сделана попытка очертить глобальную футурологическую позитивную программу развития человечества. Я при этом сознавал и не скрывал от читателя, что в чем-то это утопия, но я продолжаю считать эту попытку важной. [...] Пафос моей статьи – отказ от крайностей, от непримиримости и нетерпимости, слишком часто присущих революционным движениям

и крайнему консерватизму, стремление к компромиссу, сочетание прогресса с разумным консерватизмом и осторожностью. Эволюция, а не революция как лучший "локомотив" истории.

Сахаров А.Д. Воспоминания. В 2 т. М., 1996. Т.1. С. 388.

**Из "Принципов" Комитета прав человека
А.Д. Сахарова, А.Н. Твердохлебова, В.Н. Чалидзе.
4 ноября 1970 г.**

[...] Комитет прав человека является творческой ассоциацией, действующей в соответствии с законами государства, настоящими "Принципами" и Регламентом Комитета.

Членами Комитета могут быть лица, руководствующиеся, когда они действуют как члены Комитета, настоящими "Принципами" и Регламентом, признанные в этом качестве Комитетом в соответствии с процедурой, предусмотренной Регламентом, не являющиеся членами политических партий или иных организаций, претендующих на участие в государственном управлении, а равно организаций, принципы которых допускают участие в ортодоксальной или оппозиционной политической деятельности, не намеренные использовать свое участие в Комитете в политических целях.

Целями деятельности Комитета являются:

консультативное содействие органам государственной власти в области создания и применения гарантии прав человека, проводимое по инициативе Комитета или по инициативе заинтересованных органов власти,

творческая помощь лицам, озабоченным конструктивными исследованиями теоретических аспектов проблемы прав человека и изучением специфики этой проблемы в социалистическом обществе,

правовое просвещение, в частности пропаганда документов международного и советского права по правам человека.

В теоретическом исследовании и конструктивной критике современного состояния системы правовых гарантий свободы личности в советском праве Комитет руководствуется гуманными принципами Всеобщей Декларации прав человека, исходит из признания специфики советского права, учитывает сложившиеся традиции и реальные трудности государства в этой области.

Комитет готов к творческим контактам с общественными и научными организациями, с международными неправительственными организациями, если в своей деятельности они исходят из принципов Объединенных Наций и не ставят своей целью нанесение ущерба Советскому Союзу.

*Академик А.Д. Сахаров,
А.Н. Твердохлебов,
В.Н. Чалидзе*

**Из письма А.Д. Сахарова, В.Ф. Турчина
и Р.А. Медведева в ЦК КПСС
19 марта 1970 г.**

[...] Мы предлагаем следующую примерную программу мероприятий, которую можно было бы осуществить в течение трех-четырёх лет:

1. Заявление высших партийно-правительственных органов о необходимости дальнейшей демократизации, о темпах и методах ее проведения. Опубликование в печати ряда статей, содержащих обсуждение проблем демократизации.

2. Ограниченное распространение (через партийные и советские органы, предприятия, учреждения) информации о положении в стране и теоретических работ по общественным проблемам, которые пока нецелесообразно делать предметом широкого обсуждения. Постепенное увеличение доступности таких материалов до полного снятия ограничений.

3. Широкая организация комплексных производственных объединений ("фирм") с высокой степенью самостоятельности в вопросах производственного планирования и технологического процесса, сбыта и снабжения, в финансовых и кадровых вопросах и расширение этих прав для более мелких производственных единиц [...].

4. Прекращение глушения иностранных радиопередач. Свободная продажа иностранных книг и периодических изданий [...]. Постепенное (три-четыре года) расширение и облегчение международного туризма в обе стороны, облегчение международной переписки, а также другие мероприятия по расширению международных контактов с опережающим развитием этих тенденций по отношению к странам СЭВ.

5. Учреждение института по исследованию общественного мнения. Сначала ограниченная, а затем полная публикация материалов, показывающих отношение населения к важнейшим вопросам внутренней и внешней политики, а также других социалистических материалов.

6. Амнистия политических заключенных. Постановление об обязательной публикации полных стенографических отчетов о судебных процессах, имеющих политический характер. Общественный контроль за местами заключения и психиатрическими учреждениями.

7. Осуществление ряда мероприятий, способствующих улучшению работы судов и прокуратуры, их независимости от исполнительной власти, местных влияний, предрассудков и связей.

8. Отмена указания в паспорте о национальности. Единая паспортная система для жителей города и деревни. Постепенный отказ от системы прописки паспортов, проводимой параллельно с выравниванием территориальных неоднородностей экономического и культурного развития.

9. Реформы в области образования. Увеличение ассигнований на начальную и среднюю школы, улучшение материального положения учителей, их самостоятельности, права на эксперимент.

10. Принятие закона о печати и информации. Обеспечение возможности создания общественными организациями и группами граждан новых печатных органов.

11. Улучшение подготовки руководящих кадров, владеющих искусством управления. Создание практики стажеров. Улучшение информированности руководящих кадров всех ступеней, их права на самостоятельность, на эксперимент, на защиту своих мнений и проверку их на практике.

12. Постепенное введение в практику выдвижения нескольких кандидатов на одно место при выборах в партийные и советские органы всех уровней, в том числе и при непрямых выборах.

13. Расширение прав советских органов. Расширение прав и ответственности Верховного Совета СССР.

14. Восстановление прав наций, насильственно переселенных при Сталине. Восстановление национальной автономии переселенных народов. Постепенное предоставление возможности обратного переселения [...].

Предлагаемый план показывает, по нашему мнению, что вполне возможно наметить программу демократизации, которая приемлема для партии и государства и удовлетворяет, в первом приближении, насущные потребности развития страны.

Советская внешняя политика в своих основных чертах – политика мира и сотрудничества. Но неполная информированность общественности вызывает беспокойство. В прошлом имели место определенные негативные проявления в советской внешней политике, которые носили характер излишней амбициозности, мессианства и которые заставляют сделать вывод, что не только империализм несет ответственность за международную напряженность. Все негативные явления в нашей политике тесно связаны с проблемой демократизации, и связь эта носит двусторонний характер. Вызывает очень большое беспокойство отсутствие демократического обсуждения таких вопросов, как помощь оружием ряду стран, в том числе, например, Нигерии, где шла кровопролитная гражданская война, причины и ход которой очень плохо известны советской общественности [...].

Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 159.

***Из писем в советские газеты.
Август – сентябрь 1973 г.***

Из письма членов Академии наук СССР в газету "Правда"

[...] А.Д. Сахаров, по существу, солидаризируется с наиболее реакционными империалистическими кругами, активно выступающими против курса на мирное сосуществование стран с разными общественными системами, против линии нашей партии и государства на развитие научного и культурного сотрудничества, на укрепление мира между народами. Тем самым А.Д. Сахаров фактически стал орудием враждебной пропаганды против Советского Союза и других социалистических стран. Деятельность А.Д. Сахарова в корне чужда советским ученым. Он выглядит особенно неприглядно на

фоне концентрации усилий всего нашего народа на решение грандиозных задач экономического и культурного строительства СССР, на укрепление мира и оздоровление международной обстановки [...].

Академики: Н.Г. Басов, Н.В. Белов, Н.Н. Боголюбов, А.Е. Браунштейн, А.П. Виноградов, С.В. Вонцовский, Б.М. Вул, Н.П. Дубинин, Н.М. Жаворонков, Б.М. Кедров, М.В. Келдыш, В.А. Котельников, Г.В. Курдюмов, А.А. Логунов, М.А. Марков, А.Н. Несмеянов, А.М. Обухов, Ю.А. Овчинников, А.И. Опарин, Б.Е. Патон, Б.Н. Петров, П.Н. Поспелов, А.М. Прохоров, О.А. Реутов, А.М. Румянцев, Л.И. Седов, Н.Н. Семенов, Д.В. Скобельцын, С.Л. Соболев, В.И. Спицын, В.Д. Тимаков, А.Н. Тихонов, В.М. Тучкевич, П.Н. Федосеев, И.М. Франк, А.Н. Фрункин, Ю.Б. Харитон, М.Б. Храпченко, П.А. Черенков, В.А. Энгельгардт

Правда. 1973. 29 августа.

Из письма группы писателей в редакцию газеты "Правда"

[...] Советские писатели всегда вместе со своим народом и коммунистической партией боролись за высокие идеалы коммунизма, за мир и дружбу между народами. Эта борьба – веление сердца всей художественной интеллигенции нашей страны. В нынешний исторический момент, когда происходят благотворные перемены в политическом климате планеты, поведение таких людей, как Сахаров и Солженицын, клеветующих на наш государственный и общественный строй, пытающихся породить недоверие к миролюбивой политике Советского государства и, по существу, призывающих Запад продолжать политику "холодной войны", не может вызвать никаких других чувств, кроме глубокого презрения и осуждения.

Ч. Айтматов, Ю. Бондарев, В. Быков, Р. Гамзатов, О. Гончар, Н. Грибачев, С. Залыгин, В. Катаев, А. Кешоков, В. Кожевников, М. Луконин, Г. Марков, И. Мележ, С. Михалков, С. Наровчатов, В. Озеров, Б. Полевой, А. Салынский, А. Сартаков, К. Симонов, С. Смирнов, А. Софронов, А. Сурков, М. Стельмах, Н. Тихонов, М. Турсун-заде, К. Федин, Н. Федоренко, А. Чаковский, М. Шолохов, С. Щипачев

Правда. 1973. 31 августа.

Из письма в газету "Комсомольская правда" шахтера А. Силкина

Газеты за среду мы читали перед спуском в шахту. Письмо членов Академии наук СССР, в котором сообщается о недостойном поведении академика Сахарова, обсуждали всей бригадой. Поступки Сахарова не укладываются в рамках поведения советского человека, гражданина Страны Советов. От имени своих товарищей по работе я заявляю: поведение академика Сахарова позорно, непатриотично.

Советские люди, как никто другой, знают, какие бедствия несет человечеству война. Я не помню своего отца, потому что он ушел на фронт в 41 году и не вернулся. Точно так же не вернулись отцы многих моих товарищей, не вернулись домой десятки миллионов людей, чьи жизни забрала вторая мировая война. И позиция человека, выступающего против политики Советского Союза, КПСС, направленной на предотвращение новой войны, может вызвать только гнев и возмущение.

По поручению членов комсомольско-молодежного угледобывающего коллектива

А. Силкин, бригадир, член ЦК ВЛКСМ, делегат XXIV съезда КПСС. Шахта "Новоалаловская", комбинат "Донбассантрацит", Ворошиловградская область.

Комсомольская правда. 1973. 31 августа

**Из открытого письма А.Д. Сахарова
Председателю Президиума Верховного
Совета СССР Л.И. Брежневу.
1980 г.***

Я обращаюсь к Вам по вопросу чрезвычайной важности – об Афганистане. Как гражданин СССР и в силу своего положения в мире, я чувствую ответственность за происходящие трагические события. Я отдаю себе отчет в том, что Ваша точка зрения уже сложилась на основании имеющейся у Вас информации (которая должна быть несравненно более широкой, чем у меня) и в соответствии с Вашим положением. И тем не менее вопрос настолько серьезен, что я прошу Вас внимательно отнестись к этому письму и выраженному в нем мнению.

Военные действия в Афганистане продолжают уже семь месяцев. Погибли и искалечены тысячи советских людей и десятки тысяч афганцев – не только партизан, но, главным образом, мирных жителей – стариков, женщин, детей, крестьян и горожан. Более миллиона афганцев стали беженцами. Особенно зловещи сообщения о бомбежах деревень, оказывающих помощь партизанам, о минировании горных дорог, что создает угрозу голода для целых районов [...].

Также не подлежит сомнению, что афганские события кардинально изменили политическое положение в мире. Они поставили под удар разрядку, создали прямую угрозу миру не только в этом районе, но и везде. Они затруднили (а может, сделали вообще невозможной) ратификацию договора ОСВ-2, жизненно важного для всего мира, в особенности как предпосылки дальнейших этапов процесса разоружения. Советские действия способствовали (и не могли не способствовать!) увеличению военных бюджетов и принятию

* Это письмо Сахаров написал в Горьком, куда был бессрочно сослан Указом Президиума Верховного Совета СССР. Копии этого письма он адресовал Генеральному секретарю ООН и главам государств – постоянных членов Совета Безопасности.

новых военно-технических программ во всех крупнейших странах, что будет сказываться еще долгие годы, усиливая опасность гонки вооружений. На Генеральной Ассамблее ООН советские действия в Афганистане осудили 104 государства, в том числе многие, ранее безоговорочно поддерживавшие любые действия СССР.

Внутри СССР усиливается разорительная сверхмилитаризация страны (особенно губительная в условиях экономических трудностей), не осуществляются жизненно важные реформы в хозяйственно-экономических и социальных областях, усиливается опасная роль репрессивных органов, которые могут выйти из-под контроля.

Я не буду в этом письме анализировать причины ввода советских войск в Афганистан – вызван ли он законными оборонительными интересами или это часть каких-то других планов, было ли это проявлением бескорыстной помощи земельной реформе и другим социальным преобразованиям или это вмешательство во внутренние дела суверенной страны. Быть может, доля истины есть в каждом из этих предположений. [...] По моему убеждению, необходимо политическое урегулирование, включающее следующие действия:

1. СССР и партизаны прекращают военные действия – заключается перемирие.

2. СССР заявляет, что готов полностью вывести свои войска по мере замены их войсками ООН. Это будет важнейшим действием ООН, соответствующим ее целям, провозглашенным при ее создании, и резолюции 104 ее членов.

3. Нейтралитет, мир и независимость Афганистана гарантируются Советом Безопасности ООН в лице ее постоянных членов, а также, возможно, соседних с Афганистаном стран.

4. Страны – члены ООН, в том числе СССР, предоставляют политическое убежище всем гражданам Афганистана, желающим покинуть страну. Свобода выезда всем желающим – одно из условий урегулирования.

5. Афганистану предоставляется экономическая помощь на международной основе, исключающей его зависимость от какой-либо страны; СССР принимает на себя определенную долю этой помощи.

6. Правительство Бабрака Кармаля до проведения выборов передает свои полномочия Временному совету, сформированному на нейтральной основе с участием представителей партизан и представителей правительства Кармаля.

7. Проводятся выборы под международным контролем; члены правительства Кармаля и партизаны принимают участие в них на общих основаниях [...].

Я также считаю необходимым обратиться к Вам по другому наболевшему для страны вопросу. В СССР за без малого 63 года никогда не было политической амнистии. Освободите узников совести, осужденных и арестованных за убеждения и ненасильственные действия [...]. Такой гуманный акт властей СССР способствовал бы авторитету страны, оздоровил бы внутреннюю обстановку, способствовал бы международному доверию и вернул бы счастье во многие обездоленные семьи [...].

А. Сахаров

Сведения об авторах

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Московского государственного областного университета. Автор монографий, учебников для студентов вузов, сборников статей, в том числе: "Историография революции 1905–1907 гг." (М., 1981), "Идейно-теоретическая борьба по вопросам революции 1905–1907 гг." (М., 1985) и др. Специалист по истории общественной мысли, революционного движения в России.

Даниэль Александр Юльевич – член Совета Научно-информационного Центра общества "Мемориал", руководитель исследовательской программы Центра "История инакомыслия в СССР". Автор около 20 научных трудов в журналах, научных сборниках и справочных изданиях, в том числе: "В поисках несуществующей науки: диссидентство как историческая проблема // Проблемы Восточной Европы. Вашингтон, 1993. № 37/38 (в соавторстве).

Иванова Галина Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Европейского университета права. Автор более 30 научных работ по проблемам нарушения и защиты прав человека в СССР и Российской Федерации, в том числе монографий "ГУЛАГ в системе тоталитарного государства" (М., 1997), "Labor Camp Socialism" (New York, 2000).

Клокова Галли Васильевна – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории обучения истории Научно-исследовательского института общего среднего образования Российской Академии образования. Автор более 200 работ – монографий, учебников, учебных пособий, программ, статей и других материалов, изданных в России и за рубежом.

Костырченко Геннадий Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. Автор монографий "В плену у красного фараона" (М., 1994), "Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм" (М., 2001), статей по отечественной истории XX в., научный редактор и составитель сборника документов "Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история" (М., 1996).

Павлов Дмитрий Борисович – доктор исторических наук, заместитель директора Центра научного использования и публикации архивного фонда объединения "Мосгорархив". Автор более 100 научных работ, в том числе трех монографий, составитель десяти сборников документов, учебников для студентов вузов, глав в коллективных монографиях, статей в научных журналах и энциклопедиях, изданных в России и за ее пределами.

Розенталь Исаак Соломонович – доктор исторических наук, академик РАЕН, главный специалист Российского государственного архива социальной и политической истории. Автор монографий "Провокатор Роман Малиновский: судьба и время" (М., 1994), глав в книгах "Власть и оппозиция" (М., 1995), "Политическая история России в партиях и лицах" и др. Специалист в области политической истории России, истории учреждений и революционного движения.

Хлевнюк Олег Витальевич – доктор исторических наук, главный специалист Государственного архива РФ. Автор монографий "Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы" (М., 1996), "1937-й. Сталин, НКВД и советское общество" (М., 1992), статей, редактор сборников документов по советской истории 1920–1950-х годов.

Шелохаев Валентин Валентинович – доктор исторических наук, профессор, академик МАИ, АПН, РАЕН. Автор 300 научных трудов – монографий, учебников для студентов вузов, статей в научных журналах, энциклопедиях и сборниках научных трудов. Руководитель научной программы "Политические партии и движения России". Специалист по политической истории России XX в., истории российского либерализма и политических партий, историографии.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов В.С.** 58, 166, 168–170, 173, 175, 189, 327, 331, 407, 416, 426
Абрамкин В.Ф. 226, 248
Авакян А.А. 210
Авдеенко А.О. 266
Авторханов А.Г. 229
Аглоктова 331
Адибеков Г.М. 178
Адор Г. 376, 378
Азеф Е.Ф. 23–25
Айтматов Ч.Т. 221, 471
Аксенов В.П. 220, 221
Акулов И.А. 70
Алафузов В.А. 167
Алейников В.Д. 228
Александр II 12, 19, 21, 26–28
Александр III 12, 18, 21, 25, 27, 28, 276, 282, 283, 365
Александр Невский 101
Александра, императрица 37
Александров П.А. 277, 365, 366
Александрович В.А. 43
Алексеев В. 330
Алексеева Л. 361
Алексеевко 316
Алексеевко В.Г. 142
Алешковский, Юз (Алешковский И.Е.) 226
Аллилуева С.И. 169, 178
Аллой В.Е. 249, 251
Амальрик А.А. 227, 228, 236, 260, 438
Амин Х. 256
Амфитеатров А.В. 108
Андреев А.А. 266
Андреев Д.Л. 225
Андреев Л.Н. 30
Андреева 331
Андронов 450
Андропов Ю.В. 250, 252, 257, 258, 356, 358, 431, 432, 445, 448, 454, 457–463
Антокольский П.Г. 232
Антонин, епископ 105
Антонов А.С. 93, 94
Антонов-Овсеенко 300
Анучин Д.Г. 21, 28
Арад И. 176
Аргинская И.И. 172
Аргунов А.А. 108
Аржак Н. – см. Даниэль Ю.М.
Арженухин Ф.К. 158

Аронов А.Я. 225
Артизов А.Н. 177
Астафьев В.П. 221
Астров Н.И. 109
Афанасьев 450
Ахмадулина Б.А. 221, 225
Ахматова (Горенко) А.А. 221, 225, 230, 355, 383, 455

Бабель И.Э. 155, 221
Базаров В.А. 122
Бакунин М.А. 109
Балайка, Бенюс 208
Балтер Б.И. 220, 221
Бальзак О. 286
Барамия М.И. 167
Баранская Н. 267, 272
Басов Н.Г. 471
Батуев Б.В. 171
Батурский Б.С. 85
Батшев В.С. 228
Бахмин В.И. 361
Бахнов В.Е. 226
Баштаков Л.Ф. 321
Бегин М. 176
Безбородов А.Б. 82, 346
Бейлис М. 14, 281, 365
Белادي Л. 80
Белецкий С.П. 22
Белинков А.В. 222
Белов В.И. 221
Белов Н.В. 471
Белый, Андрей 109
Беляев А.А. 440
Берг Е.С. 86
Берггольц О.Ф. 162
Бергельсон Д.Р. 168
Бердинских В. 213
Бердяев Н.А. 37, 38, 229
Бережков В.В. 228
Бережной А.Ф. 37
Берзин 399
Берия Л.П. 51, 55, 58, 140, 143, 144, 150–152, 154, 173–175, 178,
201, 320, 322, 343, 405, 412, 416, 419, 426
Бессмертный 206
Битов А.Г. 221
Блок А.А. 36, 109
Блюхер В.К. 401
Бобков Ф.Д. 440, 462, 464
Бобриков Н.И. 19

Бобринская В.Н. 282
Богатырь Д.И. 142
Богданов Б.О. 85
Боголюбов 277
Боголюбов А.С. 20
Боголюбов Н.Н. 471
Богомолов И. 183
Богораз (Богораз-Брухман) Л.И. 235, 250, 355, 357, 434, 438, 449
Бокий Г.И. 49
Бокштейн И.В. 227
Бондарев Ю.В. 221, 471
Боннэр Е.Г. 362
Бонч-Бруевич В.Д. 377
Борин К. 265
Борисов В.Е. 446, 447
Бородин Л.И. 247
Бочков В.М. 157
Брандт В. 463
Браунштейн А.Е. 471
Брежнев Л.И. 3, 454, 457, 460–462, 467, 472
Бриллиант Д. 262
Бродский И.А. 225, 230–232, 428
Бугай Н.Ф. 147, 177
Буденный С.М. 159
Будницкий О.В. 81
Буйлов Б.Г. 142
Буковский В.К. 194, 227, 234, 256, 259, 350, 354, 361, 446
Булгаков М.А. 221, 223, 225, 455
Булгаков С.Н. 112
Бурич В.П. 225
Бурцев В.Л. 25, 60, 81, 108
Бухарин Н.И. 41, 79, 94, 106, 131, 181, 212, 265–267, 311, 318, 427
Быков В.В. 221, 471

В
Вавилов Н.И. 155, 412
Вавилов Н.В. 209
Вагин И.Д. 325
Важенкова Е.В. 142
Валентинов (Вольский) Н.В. 68, 80, 178
Валленберг Р. 166
Ванников И.Л. 172
Васильев 300
Васильев А. 443
Васильев В. 144
Васильев В.Ю. 147
Вахольдер 142
Вахтеров 390
Введенский А.И. 105
Великанова Т.М. 238, 361

Величко В.А. 306, 311
Вельяминов П.С. 162
Венедикт, епископ 104
Вениамин, митрополит 104
Венцлова Т.А. 359, 360
Вересаев (Смидович) В.В. 11, 37
Верлин В. 377, 378
Веселовский А.Н. 14
Ветров 286
Вигдорова Ф.А. 220, 230
Вигдорчик (Мигуло) Н.А. 303, 304
Виленский С.С. 195
Вильгельм II 289
Виноградов А.П. 471
Виноградов В.К. 146
Виноградов В.Н. 169
Винокуров А.Н. 70
Винокуров Е.М. 220
Виола Л. 144
Витковский А. 214
Витковский Д.П. 186
Витте С.Ю. 13, 16, 27, 28
Вишневская Г.П. 434
Вишневская Ю.И. 228
Владимир Мономах 182
Владимир, митрополит 99
Владимирова Е.Л. 190
Владимов (Волосевич) Г.Н. 224
Владиславлев М.И. 11
Власик Н.С. 170
Власов 136, 137, 318
Вовси М.С. 169
Вовченко 349
Вознесенская (Окулова) Ю.Н. 249
Вознесенский А.А. 220
Вознесенский Н.А. 167, 175, 415
Воин Ф.М. 172
Воинова 324
Войлошников А.И. 27
Войнович В.Н. 224
Войтинский В.С. 108
Волгин В.П. 266
Волкенштейн Л.А. 31
Волков А.Ф. 440
Волкотрубенко И.И. 167
Волобуев О.В. 272, 474, 502
Володарский В. 87, 108
Волокитин Х.Т. 324
Волчок А. 158
Волынский А. 38

Вольпин (Есенин-Вольпин) А.С. 223, 224, 233
Вонцовский С.В. 471
Воробьев 27
Воробьев И. 208
Воробьев К.Д. 221
Воробьева 189
Воронский А.К. 286, 287, 369
Ворошилов К.Е. 159, 174, 200, 210
Вул Б.М. 471
Вульфович Г.М. 199
Высоцкий В.С. 225, 226
Вышинский А.Я. 54, 130, 155

Габай Г.В. 238
Габай И.Я. 238, 354
Гаврилов 314
Гавилов Г.В. 344
Галансков Ю.Т. 194, 227, 234, 235, 345, 346, 350, 354, 419, 429, 445
Галич (Гинзбург) А.А. 224–226, 454
Галкин С.З. 168
Галлер Л.М. 167
Гамарник Я.Б. 176, 319
Гамзатов Р. 471
Гасюков 206
Гачев Г.Д. 250
Геворкьян С.А. 199
Генри Э. (Ростовский С.Н., Хентов Л.А.) 229
Георгадзе М. 464
Герасимова Е.П. 141
Герлинг-Грудзинский Г. 176
Гермоген, епископ 101
Гернет М.Н. 30, 38, 285, 286
Герцен А.И. 260, 434, 449
Гершуни 446
Гершуни В.Л. 248
Гефтер М.Я. 248
Гиляровский В.А. 11
Гимпельсон Е.Г. 81
Гинзбург А.И. 194, 211, 228, 234, 235, 240, 242, 260, 355, 358, 361, 435, 443, 445, 447
Гинзбург Е.С. 224, 229, 354, 359, 360
Гиппиус З.Н. 108, 109, 116
Гитлер А. 402
Гладилин А.Т. 221
Глазков Н.И. 224
Глазунова М.П. 142
Глебов Н.Н. 86
Глотов 315
Глузман С.Ф. 256

Гоголь Н.В. 441
Голенко Н.П. 310
Головко С.Г. 208
Голубев И. 228
Голубик 312
Гольдин Я.Г. 90
Гончар О. 471
Горбаневская Н.Е. 238
Горбач 138
Горбачев М.С. 247, 410
Горбовский Г.Я. 225, 226
Горичева Т.М. 249
Горлов Н.П. 199
Горнфельд А.Г. 303, 304
Горчева А.Ю. 214
Горшенин К.П. 424
Горштейн Г. 310
Горький М. (Пешков А.М.) 60, 108, 225, 342, 348, 389, 439
Готвальд К. 170
Гофштейн Д.Н. 168
Грибачев Н.М. 471
Грибоедов А.С. 355
Гривнина И. 361
Григоренко П.Г. 217, 246, 256, 357
Григорьев А.А. 158
Грин А. 455
Грицяк Е.С. 208
Гришин В.В. 450, 457
Гройс Б.Е. 250
Громан В.Г. 122
Громыко А.А. 457–461
Гроссман В.С. 414, 415, 455
Губанов Л.Г. 228
Гудзь 284
Гумилев Н.С. 225
Гуревич Е.З. 172
Гусева 310

Данилевич Я. 267
Данилов В.П. 114
Даниэль А.Ю. 435, 474, 502
Даниэль Ю.М. (Аржак Н.) 224, 230–235, 260, 352, 354, 428, 430, 434–444
Дворжецкий В.Я. 339, 341
Делоне В.Н. 234, 449
Дедюлин С.В. 249
Демин В.К. 217
Демичев П.Н. 461
Денике Ю.П. 85

- Деникин А.И. 62, 90, 96, 98
Деревянко А.А. 207
Детков М.Г. 182, 212
Джилас М. 229
Джунковский В.Ф. 22, 25, 37
Дзержинский Ф.Э. 43, 45, 49, 50, 59, 61, 80, 102, 181, 184,
212, 213, 376
Дзинтарс Я.К. 154
Дзюба И.М. 357
Дмовский Р. 19
Добкин А.И. 249
Добош Я. 446
Добровольский А.А. 234, 235, 354, 445
Довженко А.П. 164
Долгих И.И. 209, 210
Долгорукий В.А. 276
Долгоруков П.Д. 108
Домбровский Ю. 224
Донадзе В.А. 199
Достоевский Ф.М. 109, 286, 418
Дубельт Л.В. 22
Дубин Б.В. 228
Дубинин Н.П. 471
Дубровский С.М. 266
Дубчек 451
Дудинцев В.Д. 219
Дудко Д.С. (о. Дмитрий) 245
Дунаев М.В. 203
Дурач Р.Б. 142
- Евгений, архиепископ 106
Евдокимов Б.Д. 224
Евтушенко Е.А. 220, 224, 225
Егидес (Абовин) П.М. 248
Егоров 401
Егоров П.А. 311
Егоров П.И. 169
Егорова С.Е. 209
Ежов Н.И. 51–55, 71, 129, 131, 134, 138–140, 143, 154, 155, 166,
199, 380, 381
Енукидзе А.С. 294, 377, 378
Еремин Д.И. 220, 260, 435
Ермилов Д.Ф. 141
Ермоген, архиепископ 245
Ермолов М.П. 162
Ерофеев В.В. 245
Есенин С.А. 109

Жаворонков Н.М. 471
Жданов А.А. 128, 170, 266
Жезицкий В. 146
Желудков С.А. (о. Сергей) 245
Жемчужина (Карповская) П.С. 168
Жигулин А.В. 171
Жижиленко А.А. 180
Житомирский Я.А. 25
Жуков Г.К. 159, 166, 174, 424
Жуковский Н.Е. 158
Жученко-Генгросс З.И. 23

Заболоцкий Н.А. 220
Завуров А. 447
Загоруйко Р. 208
Зайцев Е.А. 147
Заковский Л.М. 128
Залыгин С.П. 221, 471
Замысловский Г.Г. 17
Замятин Е.И. 223, 225, 433
Засулич В.И. 19, 20, 26, 277, 366
Зверев И.М. 203
Звягинцев А.Г. 80, 81
Зеленин Г. 310
Зеленин И.Е. 145
Земсков В.Н. 145, 177
Зилотти А.И. 108
Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 36, 87, 127, 131, 265, 266, 318, 319
Зощенко М.М. 225, 455
Зубатов С.В. 23

Иванов 314
Иванов А.М. 247
Иванов Б.И. 249
Иванова Г.М. 80, 213, 474, 502
Ивницкий Н.А. 144, 145
Игнатов Н.А. 142
Игнатъев С.Д. 169, 173
Игумнова 348
Изгоев А.С. 112, 303, 304
Илларион, архиепископ 106
Ильин Д.М. 114
Ильин И.А. 159, 177
Ильин И.И. 43
Иосиф, митрополит 106
Ипатьев В.Н. 67
Искандер Ф.А. 221, 224
Исраилов (Терлоев) Х. 160

- Каганович Л.М. 69, 81, 107, 123, 142, 174, 219
Кагарлицкий Б.Ю. 247
Казаков Ю.П. 220
Какурин Н.Е. 93, 301
Калигула Г. 170
Калинин И.В. 324
Калинин М.И. 103, 104, 130, 294, 397
Каллистратова С.В. 257, 362
Калмыкова А.М. 390
Каляев И.П. 20, 262
Каменев Л.Б. 127, 131, 265, 266, 318, 319
Каменев С.С. 92
Каменева О.Д. 158
Каминская Д.И. 451
Камо (Тер-Петросян С.А.) 25
Камю А. 225
Кандыба И. 359
Капица 458
Капитонов И.В. 457, 459
Каплан И.А. 142
Капустин Я.Ф. 167, 415
Карабчевский Н.П. 15
Каракозов Д.В. 28
Кармаль Б. 473
Карпеченко Г.К. 155
Карпинский Л.В. 247
Карпухин М.Я. 310
Картер Дж. 242
Катаев В. 471
Катарская Б.И. 142
Катушев К.Ф. 457, 458, 461
Кафка Фр. 225
Кашкетин (Скоморовский) Е.И. 199
Квитко Л.М. 168
Кедрина З.С. 260, 435
Кедров Б.М. 471
Кедров М.С. 43, 158
Келдыш М.В. 466, 471
Келлер Г.И. 210
Кеннан Дж. 15, 274
Керенский А.Ф. 15, 36, 281
Керестеджиянц Л.В. 349
Кестлер А. 225
Кефали М.С. 85, 86
Кешоков А. 471
Кизеветтер А.А. 37
Ким Ю.Ч. 225, 226, 354
Кинг 377
Кириленко А.П. 458, 459

- Киров С.М. 118, 126–129, 132
Кисенишский 440
Клементьев В.Ф. 115
Климович Г.С. 204, 208
Клиндухов М.И. 142, 143
Клич Н.А. 158
Клокова Г.В. 4, 435, 474, 503
Клюжев 390
Ключевский В.О. 10, 37
Кнопмус Ю.А. 210
Кобулов Б.З. 321
Ковалев И. 361, 362
Ковалев С.А. 223, 238, 239, 244, 260
Ковалевский М.Е. 21
Ковальская Е.Н. 31
Коган 440
Кожевников В. 471
Кожевникова Н. 272
Козлов А.И. 115
Коковцов В.Н. 283, 288, 370
Кокошкин Ф.Ф. 107
Кокурин А.И. 145
Коломеец Г.Г. 142
Коломеец (Горобец) О.М. 333, 335
Колчак А.В. 90, 98, 313
Колчина 323
Кольцов (Фридлянд) М.Е. 155, 176
Кольцов Н.К. 112
Комаров В.И. 175
Кондратьев Н.Д. 122
Кони А.Ф. 13, 38, 277, 366
Конквест Р. 131
Копелев Л.З. 224, 349
Коренюк Н. 177
Коржавин (Мандель) Н.М. 220
Корнилов Б. 264
Корнилов В.Н. 220, 225
Коробков А.А. 158
Короленко В.Г. 14, 30, 45, 61, 79, 225, 376
Корти М. 260
Корф А.Н. 31
Корягин А. 361
Косарев А.В. 155, 176
Косиор С.В. 155
Костенко Н.В. 260
Костерин А.Е. 245, 247
Костырченко Г.В. 178, 475, 502
Костюковский Я.А. 226
Косыгин А.Н. 457, 459

- Котельников В.А. 471
Котовский Г.И. 93
Кочетов В.А. 221
Кошарский 317
Кошелева Л.П. 145
Кравчинский С.М. 27
Краковский Р.Б. 89
Красильников С.А. 146
Красин В.А. 238–240
Краскин И.С. 199
Красницкий В.Д. 104, 105
Краснов П.П. 115
Краснопевцев Л.Н. 216
Красовицкий С.Я. 225
Краус Т. 80
Крахмальникова З.А. 245
Кривошеин А.В. 288
Кривулин В.Б. 249
Крон (Крейн) А.А. 220
Кропивницкий Л.Е. 228
Кропоткин П.А. 286
Кротов В.А. 115
Круглов С.Н. 58, 189, 421, 423, 424
Крупская Н.К. 36
Крыленко Н.В. 126, 129, 176
Ксенофонтов И.К. 93
Кублановский Ю.М. 228
Кудрявцев В.Н. 80
Кудюкин П.М. 247
Кузнецов А.А. 167
Кузнецов В.М. 440
Кузнецов И.Н. 147
Кузнецов К.И. 209–211
Кузнецов Н.А. 415
Кузнецов Н.Г. 167
Кузнецов Э.С. 227
Кузовкин Г.В. 244, 260
Кулешов С. 272
Кулиев 341
Курдюмов Г.В. 471
Куреневский Д.С. 199
Курлов П.Г. 282
Курский Д.И. 62, 63
Кускова Е.Д. 16
Кутлер Н.Н. 108
Кутузов В.А. 178
Кучин Г.Д. 85
Кушев Е.И. 234

- Лавров Н.** 300
Лавут А.П. 238, 361
Лазарев В.И. 177
Лазутин П.Г. 167, 415
Лайкевич 189
Ламэдорф В.Н. 12, 37
Ланда М.Н. 361, 447
Ландер К.И. 98
Ларионов А.Н. 325
Лацис М.Я. (Судрабс М.И.) 42, 90, 114
Лашкова В.И. 234, 235, 354, 445
Лебедев 144
Лебедева Н.С. 176
Лебиц К.И. 306
Левинтон А.Г. 226
Левита Р. 220
Левитин (Краснов) А.Э. 245
Левицкий В.О. 85
Ледницкий А.Р. 287
Лежнев И.Г. 304, 305
Лемберг 319
Ленин (Ульянов) В.И. 27, 33, 35–37, 40, 43, 44, 60–63, 67, 68, 79, 81, 84, 87, 91–93, 95–98, 102, 103, 106, 108–110, 112, 114–116, 171, 172, 181, 212, 235, 263, 303, 304, 317–319, 385, 386, 395, 418, 457, 460, 461, 463
Леонов А.Г. 175
Леонов С.В. 79
Лермонтов М.Ю. 22
Лерт Р.Б. 247, 248
Лещенко 348
Ликовенков Н.Г. 325
Лилль 274
Лисовский П. 262, 272
Лист Ф. 108
Литвин А.Л. 81
Литвиненко 189
Литвинов П.М. 235, 355, 357, 438
Литкин 323
Лихачев М.Т. 175
Ловчев И.А. 206
Логунов А.А. 471
Лозовский (Дридзо) С.А. 168
Локтионов А.Д. 158
Лопухин А.А. 12, 25
Лопухов 315
Лосев А.Ф. 338, 418
Лосева В.М. 338
Лорис-Меликов М.Т. 12, 21, 22
Лотман Ю.М. 221
Луженовский Г.Н. 27

Лукашевский С.М. 260
Луконин М. 471
Луначарский А.В. 225
Лурье Л.Я. 249
Лысенко Т.Д. 231
Любарский К.А. 223, 348, 349

Мазур Г.Г. 172
Макаров А.А. 278
Макаров Н.П. 122
Макарова А.Б. 207, 214
Макартур 164
Макартур Д. 6
Макартур К. 6
Макеев А.Т. 203
Макеев А.Ф. 202, 210
Маклаков В.А. 12–15, 37
Максимов (Самсонов) В.Е. 220, 224
Маленков Г.М. 170, 172–175, 210, 325, 331, 381, 406, 416
Малиновский Р.В. 23, 25, 36–38
Малумян А. 207, 214
Мандельштам Н.Я. 355
Мандельштам О.Э. 221, 225
Мандельштам Р.Ч. 225
Маневич Г. 260
Манцев В.Н. 303, 305
Марголис А.Д. 37
Маркевич Э.О. 142
Маркиш П.Д. 168
Марков Г. 471
Марков М.А. 471
Маркс К. 109, 172, 286
Мартинкуте И. 208
Мартов Ю.О. 263, 272
Марушин А.Г. 324
Марченко А.Т. 76, 194, 213
Маршак С.Я. 230
Масленников И.И. 207
Маслов С.Ю. 249
Маяковский В.В. 171, 227, 263, 349, 350, 428, 429
Медведев Р.А. 147, 229, 247, 250, 466, 469
Мезенцов Н.В. 26, 27
Мейер М.М. 82, 346
Мейерхольд В.Э. 155, 176, 402
Мейман Н.Н. 362
Мележ И. 471
Мелентьев Ю.С. 440
Мельгунов С.П. 62, 81

- Менжинский В.Р. 49, 145
Мень А.В. (о. Александр) 245
Меньшиков М.О. 15, 37
Мерецков К.А. 158
Меркулов В.Н. 161, 321
Мессинг С.А. 303, 305
Мильштейн С.Р. 322
Милюков П.Н. 34, 38, 287, 288, 369
Миляев А.А. 440
Мин Г.А. 27
Минаев-Цикановский А.М. 55
Мирзаханов И.А. 167
Миронов 354
Митрофан, епископ 182
Михайлович А.В. 210
Михайлов 312
Михайлов В. 138
Михайлов Ю. – см. Ким Ю.Ч.
Михалков С. 471
Михоэлс (Вовси) С.М. 168, 174
Можаев Б.А. 221
Молотов (Скрябин) В.М. 55, 122, 126, 128, 130, 133, 145, 146, 159,
168, 174, 219, 294
Монаков 315
Моор Д.С. 233
Мориц Ю.П. 221
Морозов Л.Ф. 116
Морозов Н.А. 31
Морозов С.А. 229
Морщинин К.А. 323
Мстислав Смоленский 182
Муравьев Н.К. 36
Муромцев С.А. 14, 16, 34
Мышкин И.Н. 26
Мякотин В.А. 303, 304
- Нагибин Ю.М.** 220
Нарица П. 224
Наровчатов С. 471
Нарский И.В. 263, 272
Наумов В.П. 178
Нахимсон С.М. 108
Негретов П.И. 79, 171, 214
Недоростков В. 208
Некипелов В.А. 361
Некрасов В.Н. 225, 227, 230
Некрасов В.П. 221
Некрасов Н.А. 22, 288, 369

Некрич А.М. 229
Несмеянов А.Н. 471
Неустроев К.Г. 28
Нечаев В. (Бакинский В.В.) 249
Никитченко 316
Никитченко И.Т. 52
Никифоров 323
Николаев З.М. 323
Николаевский Б.И. 170
Николай I 19, 21, 275, 288
Николай II 3, 10, 12–14, 18, 19, 29, 37, 283, 365, 367
Николай Николаевич 35
Николай П. 205
Никольский Б.В. 38
Нисман 330
Нич, Мария 208
Новиков А.А. 166
Новодворская В.И. 259
Новожилов В. 310
Ногтев А.П. 196
Нодев 317
Носов Е.И. 221

Обнинский В.П. 27
Оболенский И.М. 278, 366
Обухов А.М. 471
Овсянникова П.Г. 142
Овчаров 315, 316
Овчинников Ю.А. 471
Огольцов С.И. 173
Огородников А.И. 245
Озеров В. 471
Озеров И.Х. 303, 304
Окороков А.З. 107
Окуджава Б.Ш. 219–221, 224, 225
Окунев И.В. 341
Олеша Ю.К. 222, 267
Онорин 206
Опарин А.И. 471
Орджоникидзе С. 187
Орлов 447
Орлов А. 107
Орлов Ю.Г. 81
Орлов Ю.Ф. 241, 242, 359–361
Орлова Р.Д. 349
Оруэлл Дж. 225, 229, 268, 433
Осипенко Д.М. 204
Осипов В.Н. 227, 247

- Осипова Т. 361
Осоргин М.А. 64
Охотин Н. 146, 147
Охрименко В.В. 226
- Павленков В.К.** 344
Павлов 142, 330
Павлов Д.Б. 475, 502
Павлов Д.Г. 158
Павлов И.П. 400
Павлова М.К. 225
Павловский Г.О. 248
Пайпс Р. 115, 116, 275
Панина С.В. 108
Панкратьев М.И. 155–157, 314
Панченко Н.В. 220
Панюков А.А. 207
Паповян А. 213
Паповян А.Г. 260
Паповян Е. 213
Пастернак Б.Л. 161, 171, 223, 225, 455
Патон Б.Е. 471
Паустовский К.Г. 219, 220, 230, 232
Первенцев А.А. 226
Перегудова З.И. 38, 282
Петр Великий 3, 182, 188
Петр, митрополит 106
Петрищев 303
Петров 450
Петров Б.Н. 471
Петров В. 347
Петров Н.В. 145–148
Петров С.Г. 303
Петров-Водкин К.С. 109
Петровский Г.И. 110
Печуро С.С. 172
Пешехонов А.В. 112, 303, 304
Пивовар Е.И. 82, 346
Пильняк (Bogay) Б.А. 223, 225
Пильский П.М. 108
Пименов Р.И. 216
Пинчуков И. 210
Пионтковский С.А. 266
Писарев С.П. 245
Платонов А.П. 221, 225, 455
Плеве В.К. 262
Плетнев Я.А. 57
Плеханов Г.В. 41, 108, 172, 386, 388, 393

Плотников И.Е. 145
Подвойский Н.И. 87
Подгорный Н.В. 457, 460, 464
Подрабинек А.П. 361
Подъяпольский Г.С. 239
Покровский М.Н. 303
Покровский Н.Н. 115, 116
Полевой (Кампов) Б.Н. 221, 348, 471
Полещиков В.М. 213, 214
Поликарпов Д.А. 326
Поликовская Л.В. 350
Полян П.М. 64, 81
Полянский Д.С. 457, 460
Померанц Г.С. 229, 250
Померанцев В.М. 348, 429
Попков П.С. 167, 415
Попов 284, 312
Попов В.П. 177, 178
Попов Г.М. 325
Попов М.Р. 31
Попов Н.А. 96
Попова С.М. 148
Пореш В.Ю. 245
Поспелов П.Н. 471
Постышев П.П. 176
Потапова 324
Потресов А.Н. 109, 114, 116, 303
Преображенский Б.С. 169
Примаков 319
Пришвин М.М. 108, 145
Протопопов А.Д. 25, 36, 107
Прохоров А.М. 466, 471
Прохорова В.И. 172
Пруссаков В. 446
Пуришкевич В.М. 279
Путна 318
Пушкин 313
Пушкин А.С. 16, 108, 234, 352, 355, 438, 441
Пятаков Ю.Л. 131
Пяткус 359

Рабин О.Я. 228
Радек К.Б. 131
Радищев А.Н. 355
Радченко А.И. 304
Радченко Л.Н. 303, 304
Разгон Л.Э. 200, 213
Разин С. 109

Раковский Х.Г. 158
Рамзин Л.К. 122
Рапава А.Н. 167
Рапопорт Я.Л. 268, 272
Раскольников (Ильин) Ф.Ф. 152, 400
Распутин В.Г. 221
Рачковский П.И. 25
Регельсон Л.Л. 245
Рейф А.Е. 172
Ремезов А. 224
Ретюнин М.А. 202, 203
Реутов О.А. 471
Римша А. 329, 330
Рогинский А.Б. 146, 147, 249, 251
Родионов М.И. 167, 415
Родичев Ф.И. 29
Родов 326
Рожков Н.А. 303
Розанов В.Н. 245, 303, 304
Розенталь И.С. 4, 38, 475, 502
Розенштейн А.Е. 86
Розовский М.Г. 221
Романовы 34, 37, 152, 288
Ростропович М.Л. 434
Роцин А. 166
Рубакин Н.А. 302
Рубин В.А. 244
Руденко 360
Руденко Н.Д. 360
Руденко Р.А. 175, 207, 233, 252, 344, 352, 358, 361, 435,
439, 447, 461
Румянцев А.М. 471
Рухлов С.В. 288
Рыков А.И. 131, 266, 311
Рычагов П.В. 158
Рычков Н.М. 156
Рюриков 348

Савинкин Н. 440
Савинков Б.В. 262, 272
Саламатова М. 81
Салынский А. 471
Самойленко 191
Самойлов (Кауфман) Д.С. 220, 221, 225
Самодуров Ю.В. 6
Самосудов В.М. 147
Санникова Е.Н. 194
Сапгир Г.В. 225, 227
Сартаков А. 471

- Сахаров А.Д. 2, 4–6, 192, 194, 213, 235–237, 239, 242, 244–247, 256, 259, 357, 359, 360, 428, 434, 445, 447, 448, 458, 464–473
- Свердлов Я.М. 95
- Светов Ф.Г. 224
- Святополк-Мирская Е.А. 37
- Седов М.Г. 38
- Седов Л.И. 471
- Семендяев 316
- Семенов Н.Н. 466, 471
- Семичастный В.Е. 231, 233, 352
- Сент-Экзюпери, де А. 225
- Серафим Саровский 101
- Сергеев И.П. 159, 311
- Сергей Александрович 20, 262, 276
- Сергий Радонежский 101
- Сергий, митрополит 106, 323
- Серебров Ф. 361
- Серебряков Л.П. 131
- Серов И.А. 59
- Сибиряков Н.С. 115
- Сигачев Ю.В. 177
- Сигида Н.К. 31
- Сидорова 450
- Силкин А. 471, 472
- Симонов К.М. 348, 471
- Симушкевич Б.И. 237
- Синявский А.Д. 224, 230–234, 260, 352, 354, 428, 430, 434–444
- Ситников 312
- Ситников В.Ф. 440
- Скипетров П. 99
- Скобельцын Д.В. 471
- Скоркин К.В. 148
- Сладков А. 220
- Сланский Р. 170
- Слезкин 26
- Слепак В.С. 244, 361
- Слуцкий 108, 172
- Слуцкий Б.А. 220, 225
- Слуцкий Б.В. 172
- Слученков Э.И. 210
- Смирнов А.Н. 86
- Смирнов Л.Н. 440
- Смирнова И.Г. 141
- Смирнов С. 471
- Смородинов 421
- Смушкевич Я.В. 158
- Соболев С.Л. 471
- Созонов Е.С. 262
- Соколовы 339

- Сокольников Г.Я. 131
Солдатов С.И. 217
Солженицын А.И. 85, 147, 187, 188, 213, 220, 222, 224, 240, 247,
248, 250, 358, 451–454, 456–464
Солнцева Н. 228
Соловьев В.С. 14, 27
Соловьев Н.П. 349
Соловьев Г. 162
Соломенцев М.С. 457, 459
Соломин В.Е. 203
Соломон (Исецкий) Г.А. 110, 111, 116
Соломон П. (Solomon P.H.) 69, 81
Солоневич И.Л. 336
Сорокин П.А. 108, 112
Софронов А.В. 221, 471
Спенсер Г. 274
Спиридонова М.А. 158, 200, 392
Спицын В.И. 471
Ставровский А. 101
Сталин (Джугашвили) И.В. 3, 43, 52, 53, 55, 56, 58, 59, 69, 70, 74, 80,
81, 84, 98, 115, 118, 119, 122, 124, 126–133, 138, 139, 143, 145,
147, 150, 152, 154–159, 166–173, 175, 176, 178, 185–187,
189, 192, 201, 205, 218, 229, 263, 265, 266, 270, 272, 303, 306,
311, 318, 320, 326, 327, 329, 330, 332, 347, 395, 397, 400, 401,
405, 407, 409, 410, 412, 413, 415, 416, 421, 423, 424, 426
Стариченкова Д.В. 142
Старовойтов У.И. 142
Стельмах М. 471
Степанов Г.А. 167
Степанов С.А. 38
Стецовский Ю.И. 82, 214
Столыпин П.А. 13, 15, 16, 24, 29, 279, 364, 367
Столяров 142, 143
Стратановский С.Г. 249
Стрижков Ю.К. 114
Струве П.Б. 11, 37
Стругацкий А.Н. 224
Стругацкий Б.Н. 224
Султан-Галиев М. 147
Султанбеков Б.Ф. 147
Суперфин Г.Г. 238
Супрун Л.К. 210
Сургаков А. 220
Сурков А.А. 267, 348, 471
Суслов М.А. 457, 458
Сутурин А. 319
Суханов Н.Н. 122
Сухомлинов В.А. 36
Сырцов С.И. 96

Сытин И.Д. 389, 390
Сяо Сянь Шен 351

Таганцев Н.С. 20, 30, 37
Талицкий В.В. 350
Тарковский Арс.А. 221
Тарсис В. 224
Твардовский А.Т. 221–223, 225
Твердохлебов А.Н. 223, 239, 465, 468
Тевосян И.Ф. 334
Темушкин О.П. 440, 441
Тендряков В.Ф. 221
Терновский Л.Б. 361
Терц А. – см. Синявский А.Д.
Тильба А. 130
Тимаков В.Д. 471
Тимирязев В.И. 109
Тимофеев Л.М. 224
Титов 323
Тихон Задонский 101
Тихон, Патриарх 100, 104–106, 386
Тихонов А.Н. 471
Тихонов В.И. 116
Тихонов Н. 471
Толстой А.К. 22
Толстой А.Н. 162
Толстой Д. 389
Толстой Л.Н. 14, 18, 27, 30, 108, 390
Томский М.П. 131, 319
Торстенсен 450
Трепов Д.Ф. 16
Трепов Ф.Ф. 20
Третьяк 313
Трифонов Ю.В. 220
Трофимов П.Л. 202
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 33, 60, 61, 64, 87, 97, 103–105, 110, 158,
172, 233, 265–267, 297, 301, 303, 304
Трубецкой С.Е. 283
Трумэн Г. 164
Трусов А.И. 80
Туполев А.Н. 402
Тургенев И.С. 108
Турсун-заде М. 471
Турчин В.Ф. 247, 466, 469
Тухачевский М.Н. 93, 132, 300, 301, 318, 319, 397, 401
Тучкевич В.М. 471
Тяжельникова В.С. 116

Уборевич И.П. 397
Уйманов В.Н. 147
Улановская М.А. 172
Ульрих В.В. 52, 93
Унтсова К. 249
Уншлихт И.С. 184
Урилов И.Х. 272
Урицкий М.С. 101, 108, 110
Урусов С.Д. 25, 278, 287, 366, 369
Устинов Д.Ф. 457
Утропов 318
Уфлянд Н.Е. 172
Ушерович С. 279

Фадеев А.Н. 200, 201
Фадин А.В. 247
Файнберг 446
Федин К. 267, 471
Федоренко Н. 471
Федосеев П.Н. 471
Фейнберг Ф. 446
Фельдман 144
Фефер И.С. 168
Фигнер В.Н. 31, 38, 284, 368
Филарет (Волокитин Х.Т.) 323
Фитцпатрик Ш. 147
Флобер Г. 286
Формашев В.И. 329, 330
Франк И.М. 466, 471
Франк С.Л. 112, 303, 304
Френкель П. 208
Фридлянд С.Г. 266
Фриновский М.П. 55
Фроленко М.Ф. 31
Фролков А. 310
Фрункин А.Н. 471
Фурман В.Л. 172
Фурцева Е.А. 424
Фэйнсод М. 145

Хаксли О. 433
Харитон Ю.Б. 466, 471
Хаустов В.А. 235, 354
Хаустов В.Н. 177
Хемингуэй Э. 225
Хвостов А.Н. 36
Хлевнюк О.В. 80, 146, 475, 502
Хлопов В. 177

Ходов 308
Ходорович Т.С. 238
Холин И.С. 225, 227
Хотинский Г.Н. 169
Храпченко М.Б. 471
Хрущев Н.С. 57, 165, 170, 174, 175, 178, 210, 218–220, 222, 224,
231, 236, 237, 246, 251, 271, 321, 343, 344, 381, 419, 428
Хухриков П.К. 399

Цанава (Джанджгава) Л.Ф. 173
Цапенко О.Б. 317, 395
Цветаева М.И. 220, 225, 455
Цепляк Я. 104
Церетели И.Г. 34
Цесарский В.Е. 54
Цыпин В. 115, 116

Чадаев Я. 413
Чаковский А. 471
Чалидзе В.Н. 239, 246, 465, 468
Чаянов А.В. 122
Чебриков В.М. 462, 464
Черемных М.М. 263
Черенков П.А. 466, 471
Чернышов В.В. 343
Черняев В.Ю. 37, 38
Чехов А.П. 390
Чивильдеев П.Н. 398
Чиркин В.Г. 86
Чичерин Б.Н. 275, 276, 365
Чичерин Г.В. 66, 67
Чичибабин А.Е. 68
Чубарова А. 342
Чубарь В.Я. 155, 176
Чув Ф. 133, 146
Чуканов И.А. 115
Чуковская Л.К. 216, 224, 232, 438
Чуковский К.И. 109
Чупров В.И. 38

Шагинян М.С. 325, 326, 407
Шаламов В.Т. 187, 213, 224
Шамаев Б.А. 208
Шанин Т. 114
Шапиро М.Л. 199
Шапиро Н.И. 55
Шапошников Б.М. 93, 159

Шауро В. 440
Шафаревич И.Р. 239, 244, 246, 247
Шахурин А.И. 166
Шварц Е.А. 249
Шевченко Т.Г. 446
Шевчук И. 177
Шейдеман 388
Шелепин А.Н. 321, 457
Шелохаев В. 2, 6, 475
Шелудченко М. 138
Шен С.С. 351
Шенталинский В.А. 341, 343
Шепилов Д.Т. 178
Шиманская М.С. 210
Шингарев А.И. 107
Шиханович Ю.А. 238, 257
Шихилев 307
Шишкин В.А. 80, 81
Шишков 310
Шкирятов М.Ф. 416
Шлемин П.И. 37
Шнеур В.К. 107
Шолохов М.А. 232, 437, 438, 471
Шония В.Я. 167
Шорникова Е.Н. 35
Шостакович Д.Д. 230
Шофина 323
Шпицберг И.А. 99
Шрагин Б.И. 250
Шрагин В.И. 438
Шрейдер М.П. 54, 187, 213
Штейнберг А.А. 220, 227
Штейнберг И.З. 43
Штерн Г.М. 158
Шульгин В.В. 279, 367

Щаранский А.Б. 242, 244, 447
Щастный А.М. 110, 263
Щегловитов И.Г. 29, 36
Щеголев П.Е. 36, 38
Щекотова И.А. 6
Щербаков А.С. 170
Щипачев С. 471

Эйхе Р.И. 155, 306
Эйхманс Ф.И. 197
Энгельгард 458
Энгельгардт В.А. 471

Энгельс Ф. 387
Эренбург И.Г. 176, 220, 229, 232
Эшлиман Н.И. (о. Николай) 245

Юденич 90
Юровский Л.Н. 122
Юшин И.Ф. 116
Ющинский А. 281

Ягода Г.Г. 49, 50, 53, 70, 93, 128, 131, 146, 187
Якир 318, 397
Якир П.И. 238–240, 354, 357, 446, 457
Якобсон А.А. 236, 250, 260
Яковенко 142, 199
Яковлев А.Н. 116, 178, 440
Яковлев Н.Д. 167
Якубович 357
Якунин Г.П. (о. Глеб) 245, 361
Ярославский Е. 102
Ясенский Б. 267
Яцишин (Рогозинский) В.И. 204
Яшин (Попов) А.Я. 220

Altshuler M. 176
Conquest R. 147
Davies R.W. 145
Fainsod M. 145
Harrison M. 145
Ilic M. 147
Martin T. 146
Moullec G. 145
Rossman J. 145
Shearer D.R. 146
Werth N. 145
Wheatcroft S.G. 145

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

(Ю.В. Самодуров, директор Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова, В.В. Шелохаев, доктор исторических наук)	3
---	---

Часть I

Глава первая. Противостояние власти и общества в конце XIX – начале XX века (И.С. Розенталь, доктор исторических наук)	9
Глава вторая. Законодательная база советской репрессивной политики (Г.М. Иванова, кандидат исторических наук)	39
Глава третья. Становление тоталитарного государства. 1917-й – конец 1920-х гг. (Д.Б. Павлов, доктор исторических наук)	83
Глава четвертая. Государственный террор в 1930-е гг. (О.В. Хлевнюк, доктор исторических наук)	117
Глава пятая. Лихолетье войны и закат сталинизма. 1939–1956 (Г.В. Костырченко, кандидат исторических наук)	149
Глава шестая. Жизнь и борьба за колючей проволокой (Г.М. Иванова, кандидат исторических наук)	179
Глава седьмая. Диссидентская активность и правозащитное движение в послесталинскую эпоху (А.Ю. Даниэль)	215
Образ врага и сопротивление несвободе. Вместо послесловия (О.В. Волобуев и В.В. Шелохаев, доктора исторических наук)	261

Часть II

Документы и материалы к главам

Глава первая. Противостояние власти и общества в конце XIX – начале XX века

№ 1. Из статьи Джорджа Кеннана "Русская полиция"	274
№ 2. Из воспоминаний Б.Н. Чичерина	275
№ 3. Из речи адвоката П.А. Александрова на процессе по делу В.И. Засулич. 31 марта 1878 г.	277
№ 4. Из воспоминаний С.Д. Урусова	278
№ 5. Запрос социал-демократической фракции II Государственной думы 13 апреля 1907 г. по поводу массовых казней и экзекуций в Прибалтийском крае и ответ правительства.....	278
№ 6. Из воспоминаний В.В. Шульгина	279
№ 7. Из писем, перлюстрированных охранкой. 1908–1912 гг.	279
№ 8. Из воспоминаний А.Ф. Керенского	281
№ 9. Из циркуляра товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова. 13 октября 1908 г.	282
№ 10. Из воспоминаний С.Е. Трубецкого	282
№ 11. Из воспоминаний В.Н. Коковцова	283
№ 12. Из письма, перлюстрированного охранкой. 1912 г.	283
№ 13. Из автобиографии В.Н. Фигнер	284
№ 14. Из записки Главного тюремного управления. 1900 г.	285
№ 15. Из книги М.Н. Гернета "История царской тюрьмы"	285
№ 16. Из воспоминаний А.К. Воронского	286
№ 17. Письмо депутатов Думы-"выборжцев" С.Д. Урусову. Таганская тюрьма, 5 июля 1908 г.	287
№ 18. Из воспоминаний П.Н. Милюкова	287
№ 19. Из солдатских писем периода Первой мировой войны	288

Глава вторая. Законодательная база советской репрессивной политики

№ 1. Уголовный кодекс РСФСР. Особенная часть	290
№ 2. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности"	293

- № 3. Из закона Российской Советской Федеративной Социалистической Республики "О реабилитации жертв политических репрессий". 1991 г. 295

Глава третья. Становление тоталитарного государства. 1917-й – конец 1920-х гг.

- № 1. Декларация Чрезвычайного Собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда IV Чрезвычайному съезду Советов. 13 марта 1918 г. 297
- № 2. Из секретной циркулярной телеграммы ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. 299
- № 3. Приказ Полномочной комиссии ВЦИК № 171 о борьбе с "антоновщиной". Тамбов, 11 июня 1921 г. 300
- № 4. Приказ командования войсками Тамбовской губернии. 12 июня 1921 г. 300
- № 5. Совершенно секретная записка Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) о политике по отношению к церкви. 30 марта 1922 г. 301
- № 6. Записка В.И. Ленина И.В. Сталину. 16 июля 1922 г. 303

Глава четвертая. Государственный террор в 1930-е гг.

- № 1. Из совершенно секретной записки инструктора Нарымского окружкома партии В.А. Величко И.В. Сталину, Р.И. Эйхе и секретарю Нарымского окружкома К.И. Лебиц о судьбе трудпоселенцев. 3–22 августа 1933 г. 306
- № 2. Из заявления на имя И.В. Сталина бывшего чекиста П.А. Егорова, заключенного в Усть-Вымском ИТЛ. 20 декабря 1938 г. 311
- № 3. Из совершенно секретного доклада Прокурору СССР М.И. Панкратьеву и Главному военному прокурору РККА Гаврилову о результатах проверки проведения массовых операций в Туркмении. 23 сентября 1939 г. 314
- № 4. Из протокола заседания парткома завода "Дальдизель" в Хабаровске. 13 июня 1937 г. 317

Глава пятая. Лихолетье войны и закат сталинизма. 1939–1956

- № 1. Совершенно секретный доклад народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берия И.В. Сталину. 5 марта 1940 г. 320

№ 2. Из совершенно секретной записки Председателя КГБ при Совете Министров СССР А.Н. Шелепина Н.С. Хрущеву. 9 марта 1965 г.	321
№ 3. Совершенно секретная справка заместителя начальника управления особыми отделами НКВД СССР С.Р. Мильштейна Л.П. Берии. Октябрь 1941 г.	322
№ 4. Из совершенно секретного спецсообщения начальника УНКГБ по Пензенской области полковника госбезопасности Николаева секретарю Пензенского обкома ВКП(б) Морщину. 28 июня 1943 г.	323
№ 5. Из письма секретаря Ярославского обкома ВКП(б) А. Ларионова секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову. 5 мая 1945 г.	325
№ 6. Из справки секретаря Краснопресненского райкома ВКП(б) г. Москвы Ликовенкова первому секретарю МК и МГК ВКП(б) Г.М. Попову. Июль 1945 г.	325
№ 7. Из совершенно секретного доклада министра госбезопасности СССР В.С. Абакумова И.В. Сталину. 17 июля 1947 г.	327
№ 8. Из совершенно секретной информации об участии заместителя министра иностранных дел Белорусской ССР В.И. Формашева в инциденте, произошедшем в колхозе "Коммунизм" Минской области. 9 мая 1949 г.	329
№ 9. Из обращения молодежи г. Валуйки Курской области в редакцию газеты "Комсомольская правда". Июнь 1949 г.	330
№ 10. Совершенно секретное письмо В.С. Абакумова Г.М. Маленкову. 26 августа 1949 г.	331
№ 11. Из анонимного письма бывшего военнопленного И.В. Сталину. 12 января 1950 г.	332
№ 12. Из письма О.М. Коломоец (Горобец) в редакцию газеты "Известия". Июль 1990 г.	333

Глава шестая. Жизнь и борьба за колючей проволокой

№ 1. Из книги И. Солоневича "Россия в концлагере" ...	336
№ 2. Из писем заключенного А.Ф. Лосева жене – В.М. Лосевой. Март 1932 г. – сентябрь 1933 г.	338
№ 3. Из книги В. Дворжецкого "Пути больших этапов. Записки актера"	339
№ 4. Из книги В.А. Шенталинского "Рабы свободы. В литературных архивах КГБ"	341
№ 5. Докладная записка заместителя наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышова Л.П. Берии. 20 мая 1945 г.	343

№ 6. Заявление Генеральному прокурору СССР Р.А. Руденко от политзаключенных В.К. Павленкова и Г.В. Гавилова. 20 ноября 1972 г.	344
---	-----

Глава седьмая. Диссидентская активность
и правозащитное движение в послесталинскую эпоху

№ 1. Из писем К.Е. Ворошилову в связи со смертью И.В. Сталина	347
№ 2. Из интервью с К.А. Любарским об обсуждении статьи В. Померанцева "Об искренности в литературе" на механико-математическом факультете МГУ. Весна 1954 г.	348
№ 3. Из докладной записки Н.П. Соловьева и Л.В. Керестеджиянца в Бюро ЦК ВЛКСМ. 28 октября 1961 г.	349
№ 4. Из текстов, распространявшихся в "самиздате" в 1960-е гг. Об упадке Ханьской династии. Из "Книги времен" Сяо Сянь Шена (X век н.э.)	351
№ 5. Из записки Председателя КГБ СССР В.Е. Семичастного и Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко в ЦК КПСС. 8 июня 1966 г.	352
№ 6. Из проекта указа Президиума Верховного Совета РСФСР "О внесении дополнения в Уголовный кодекс РСФСР". 15 сентября 1966 г.	353
№ 7. Из открытого письма И. Габая, Ю. Кима и П. Якира к деятелям науки, культуры и искусства. Январь 1968 г.	354
№ 8. Из записки Председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова в ЦК КПСС. 7 февраля 1969 г.	356
№ 9. Из совершенно секретной записки Ю.В. Андропова и Р.А. Руденко в ЦК КПСС о мерах по пресечению деятельности диссидентов. 20 января 1977 г.	358
№ 10. Заявление Московской Хельсинкской группы от 6 сентября 1982 г. о прекращении работы Московской группы "Хельсинки"	361

Часть III

Дидактические материалы к главам
(Г.В. Клокова, кандидат педагогических наук)

Глава первая. Противостояние власти и общества
в конце XIX – начале XX века

Содержательные аспекты темы	364
Вопросы и задания к документам и материалам главы первой	365

Вопросы и задания для работы учащихся по теме главы первой	370
Темы семинаров и практикумов	372

Глава вторая. Законодательная база советской репрессивной политики

Содержательные аспекты темы	373
Вопросы и задания к документам главы второй	374
Вопросы и задания для работы учащихся по теме главы второй	376
Документы к главе второй для организации семинаров и практикумов	
Постановление СНК о красном терроре 5 сентября 1918 г.	376
Три письма о Соловецком лагере. Сентябрь – декабрь 1926 г.	377
Из совершенно секретного приказа наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова "Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов". 30 июля 1937 г.	380
Из записки Г.М. Маленкова Н.С. Хрущеву о спецпоселенцах. 4 марта 1954 г.	381
Темы семинаров и практикумов	382

Глава третья. Становление тоталитарного государства. 1917-й – конец 1920-х гг.

Содержательные аспекты темы	384
Вопросы и задания к документам главы третьей	384
Вопросы и задания для работы учащихся по теме главы третьей	386
Документы и материалы к главе третьей для организации семинаров и практикумов	
Из открытого письма Г.В. Плеханова к петроградским рабочим. 28 октября 1917 г.	386
Из серии статей М. Горького "Несвоевременные мысли". 1918 г.	389
Из открытого письма М.А. Спиридоновой в ЦК РКП(б). Ноябрь 1918 г.	392
Темы семинаров и практикумов	393

Глава четвертая. Государственный террор в 1930-е гг.

Содержательные аспекты темы	394
Вопросы и задания к документам главы четвертой	394
Вопросы и задания для работы учащихся по теме главы четвертой	396

Документы к главе для организации семинаров и практикумов	
Из Постановления ЦИК СССР от 1 октября 1934 г.	396
Шифрованная телеграмма ЦК ВКП(б) в ЦК нацкомпартий, крайкомам и обкомам ВКП(б). 11 июня 1937 г.	397
Шифрованная телеграмма ЦК ВКП(б) в ЦК нацкомпартий, крайкомам и обкомам ВКП(б). 3 августа 1937 г.	397
Из дневника крестьянина П.Н. Чивильдеева с. Гореловка Богдановского района Грузинской ССР	398
Из протокола заседания комиссии ЦК ВКП(б) от 30 июля 1931 г.	398
Из воспоминаний политического заключенного П.К. Хухрикова	399
Из письма академика И.П. Павлова в СНК СССР. 21 декабря 1934 г.	400
Из открытого письма Ф.Ф. Раскольниковова И.В. Сталину. 17 августа 1939 г.	400
Темы семинаров и практикумов	403

Глава пятая. Лихолетье войны и закат сталинизма. 1939–1956

Содержательные аспекты темы	405
Вопросы и задания к документам главы пятой	405
Вопросы и задания для работы учащихся по теме главы пятой	409
Документы и материалы к главе пятой для организации семинаров и практикумов	
Из приказа Народного Комиссара обороны Союза ССР И.В. Сталина. 28 июля 1942 г.	410
Заявление Н.И. Вавилова заместителю председателя СНК СССР Л.П. Берия. 25 апреля 1942 г.	412
Из совершенно секретного постановления Совета Министров СССР "О выселении на спецпоселение с территории западных областей УССР семей бандитов, националистов и бандпособников в ответ на совершенные бандитами диверсионно-террористические акты". 4 октября 1948 г.	413
Хроника переселений, репрессий и депортаций	413
Из книги В. Гроссмана "Жизнь и судьба"	414
Справка КПК при ЦК КПСС и ИМЛ при ЦК КПСС о "Ленинградском деле"	415
Темы семинаров и практикумов	416

Глава шестая. Жизнь и борьба за колючей проволокой

Содержательные аспекты темы	417
Вопросы и задания к документам и материалам главы шестой	417
Вопросы и задания для работы учащихся по теме главы шестой	420
Документы и материалы к главе шестой для организации семинаров и практикумов	
Секретное постановление Государственного Комитета Обороны "О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста". 18 августа 1945 г.	420
Совершенно секретная записка министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова И.В. Сталину о положении выселенцев и спецпоселенцев. 20 июля 1949 г.	421
Справка о трудовом использовании выселенцев и спецпоселенцев по отраслям народного хозяйства	422
Секретная записка С.Н. Круглова И.В. Сталину об использовании труда выселенцев и спецпереселенцев. 23 июня 1950 г.	423
Секретная записка Г.К. Жукова, Е.А. Фурцевой, К.П. Горшенина и других в ЦК КПСС о положении бывших военнопленных. 4 июня 1956 г.	424
Темы семинаров и практикумов	427

Глава седьмая. Диссидентская активность и правозащитное движение в послесталинскую эпоху

Содержательные аспекты темы	428
Вопросы и задания к документам и материалам главы седьмой	428
Вопросы и задания для работы учащихся по теме главы седьмой.....	433
Темы практикумов	434
Методические рекомендации, документы, вопросы и задания для организации семинаров по теме главы седьмой	435
СЕМИНАР I. "Дело" А. Синявского и Ю. Даниэля – первый опыт открытого столкновения власти и общества в защиту литературного творчества	435
Вопросы к документам, изучаемым на семинаре	435

Документы по теме семинара I	
Из записки В.Е. Семичастного и Р.А. Руденко в ЦК КПСС. 23 декабря 1965 г.	439
Записка Отделов культуры, агитации и пропаганды и административных органов ЦК КПСС. 3 февраля 1966 г.	440
Из записей, сделанных в ходе процесса над А. Синявским и Ю. Даниэлем. Февраль 1966 г.	441
Из последнего слова А.Д. Синявского	442
Из речи М.А. Шолохова на XXIII съезде КПСС. 1 апреля 1966 г.	443
СЕМИНАР II. "Хроника текущих событий"	445
Документы по теме семинара II	
Титульные листы "Хроники текущих событий" 1968–1977 гг.	445
Из совершенно секретной записки Ю.В. Андропова в ЦК КПСС. 17 января 1972 г.	448
СЕМИНАР III. Девиз А.И. Герцена на Красной площади (значение демонстрации 1968 г. в Москве)	449
Документы по теме семинара III	
Из заявления ТАСС от 21 августа 1968 г.	449
Из записки секретаря МГК КПСС В. Гришина в ЦК КПСС. Август 1968 г.	450
Из обвинительного заключения по уголовному делу № 4107-56-68 о нарушении общественного порядка и клевете на советский государственный и общественный строй. Не позднее 14 сентября 1968 г.	451
СЕМИНАР IV. Высылка А.И. Солженицына из СССР: как это было	451
Вопросы к документам, изучаемым на семинаре	452
Документы по теме семинара IV	
Из письма А. Солженицына IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей. 16 мая 1967 г.	455
Сообщение Секретариата Правления Союза писателей СССР. 12 ноября 1969 г.	455
Из статьи А.И. Солженицына "Жить не по лжи"	456
Из рабочей записи заседания Политбюро ЦК КПСС. 7 января 1974 г.	457
Из совершенно секретного письма Ю.В. Андропова Л.И. Брежневу. 7 февраля 1974 г.	462

Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении гражданства СССР и выдворении за пределы СССР Солженицына А.И. от 12 февраля 1974 г.	464
СЕМИНАР V. А.Д. Сахаров – великий ученый-гуманист, правозащитник	464
Вопросы к документам, изучаемым на семинаре	465
Документы по теме семинара V Из книги А.Д. Сахарова "Воспоминания"	467
Из "Принципов" Комитета прав человека А.Д. Сахарова, А.Н. Твердохлебова, В.Н. Чалидзе. 4 ноября 1970 г.	468
Из письма А.Д. Сахарова, В.Ф. Турчина и Р.А. Медведева в ЦК КПСС. 19 марта 1970 г. ...	469
Из писем в советские газеты. Август – сентябрь 1973 г.	470
Из открытого письма А.Д. Сахарова Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежневу. 1980 г.	472
Сведения об авторах	474
Указатель имен	476

КНИГА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ
История политических репрессий
и сопротивления несвободе в СССР

Редактор
Д.Б. Павлов

Художник
Г.И. Метченко

Художественный редактор
А.И. Воейков

Корректоры:
Е.И. Логачева, Е.Е. Трухина, Г.С. Холодилина

Компьютерная верстка:
Л.А. Горшкова, Л.А. Перлина, Д.Ю. Шагдарова

Компьютерная подготовка оформления
Д.Ю. Шагдарова

Ответственный за выпуск
Е.М. Сапожников

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 020725 от 25.02.98

Подписано в печать 19.08.2002. Формат 70x100/16.
Гарнитура "Гельветика". Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 31,5. Тираж 2 000 экз. Заказ № 335.

Издательство объединения "Мосгорархив"
117393, Москва, Профсоюзная, 80

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП "Московская типография № 6" Минпечати РФ
115088, Москва, Южнопортовая, 24

Книга предназначена для бесплатного распространения.

***ПРОСИМ ВСЕХ УЧИТЕЛЕЙ И ЧИТАТЕЛЕЙ,
ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ В ПОДГОТОВКЕ И ВЫПУСКЕ
ВТОРОГО ИЗДАНИЯ И ПОЛУЧЕНИИ КНИГОЙ
СТАТУСА "УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ",
РЕКОМЕНДУЕМОГО МИНИСТЕРСТВОМ
ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ШКОЛАХ,
СООБЩИТЬ СВОИ
ОТЗЫВЫ, ЗАМЕЧАНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ
ПО АДРЕСУ:***

105120, Москва, ул. Земляной вал, 57, стр. 6.
Музей и общественный центр имени Андрея Сахарова.

Факс: (095) 917-2653,
e-mail: shchekotova@sakharov-center.ru
Телефоны для справок: (095) 923-4401, 923-4420.

КНИГА
ДЛЯ
УЧИ

ИСТОРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИЙ
И СОПРОТИВЛЕНИЯ
НЕСВОБОДЕ
В СССР
ТЕЛЯ

